

Дневники

1918–1922

Петр Евграфович
КОВАЛЕВСКИЙ

Петр Евграфович
КОВАЛЕВСКИЙ

ДНЕВНИКИ

1918–1922

Петр Евграфович
КОВАЛЕВСКИЙ

ДНЕВНИКИ
1918–1922

ТОМ 1

Подготовка текста,
предисловие и комментарии
Н.П.Копаневой

Санкт-Петербург
"ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ"
2001

Пётр Евграфович Ковалевский. Дневники. 1918–1922.
Том I. — СПб. : Европейский Дом, 2001. — 574 с.+ вклейка

Издание подготовлено при поддержке:

Международного института социальной истории
(Амстердам, Нидерланды)

и

Генерального консула Франции в Санкт-Петербурге
г-на А.Н.Кельчевского

На обложке: фотография семьи Ковалевских. Вилла «Батава». 1921 г.

ISBN 5-8015-0117-7

Предисловие

Петр Евграфович Ковалевский (16.12.1901–27.04.1978) — первый историограф Зарубежной России[1]. К настоящему времени в редкой работе по истории русской эмиграции нет ссылок на его книгу «Зарубежная Россия»[2].

П.Е.Ковалевский получил классическое образование в Реформатском училище в Петербурге — Петрограде. В 1920 г. в эмиграции поступил на историко-филологический факультет Парижского университета и обучался у французских и русских ученых. Одновременно был слушателем Русских высших педагогических курсов в Париже, русского юридического факультета. В 1922 году он был оставлен при университете на кафедре русского языка и словесности постановлением Русской академической группы. 30 января 1926 г. Петр Евграфович защитил диссертацию на степень доктора историко-филологических наук — «Н.С.Лесков, недооцененный бытописатель русской жизни». В дальнейшем занимался русской историей, которую рассматривал параллельно западноевропейской истории, привлекая данные истории литературы, языка, искусства, археологии. В 1951 году стал лауреатом французской Академии моральных и политических наук.

П.Е.Ковалевский начал преподавать с 1920 г., готовя к экзаменам детей из знакомых семей. Позднее он преподавал русский язык и литературу в лицее «Мишле», латинский язык в Православном богословском институте, читал лекции во многих европейских учебных заведениях. Трудно назвать какую-либо общественную организацию русских эмигрантов, в деятельности которой Петр Евграфович не принимал бы участия. Судя по отзывам знавших его в ту пору, его труд не был высоко оценен и не оценен до сего дня. Один из известных и ныне здравствующих его современников при упоминании имени Петра Евграфовича, поморщившись сказал: «Самый бесталанный из трех братьев». Если бы П.Е.Ковалевский занимался только наукой, его имя стало бы известно в среде ученых. Если бы он положил свой талант на какую-либо одну общественную организацию, он и там был бы знаменит. И при

этом нельзя сказать, что он разбрасывался в своей деятельности. Помимо таланта исследователя, преподавателя, организатора, он обладал уникальным свойством уметь объединить, сгладить углы в отношениях, что так важно было в столь разном по социальному статусу, политическим взглядам, правовому положению в русском эмигрантском обществе.

Вот лишь краткое изложение деятельности Петра Евграфовича из его «Curriculum vitae». Просветительская работа: в 1933 г. избран в члены и секретари Епархиального совета учебно-просветительского комитета; секретарь созданной в 1935 г. Школьной комиссии для выработки школьной программы и сношения со школами; член Краевого просветительского комитета, член отделения молодежи Краевого Союза Сокольства; в 1944 г. избран членом правления «Медонского сокола», а в 1946 — краевым воспитателем; член Попечительного комитета и председатель Ревизионной комисси и Национальной организации витязей; с 1937 г. секретарь Организационного комитета празднования Дней русской культуры для молодежи и детей, член Главного Центрального комитета Дней русской культуры; с 1948 г. — Генеральный секретарь Союза русских педагогов-эмигрантов. Студенческое дело: с 1924 по 1939 гг. — председатель Национального студенческого союза во Франции; с 1924 г. — член Центрального комитета по обеспечению высшим образованием русского юношества за границей. Общественная работа: член Русского комитета, помощник секретаря Франко-русского объединения, член бюро Русского национального союза во Франции, член совета Русской Зарубежной казны, член обществ Друзей Лувра, Друзей Музея Карнавалэ, Друзей Медона, Друзей Бальзака, Друзей Национальных архивов Франции... На все у Петра Евграфовича хватало времени и сил, нигде он не числился формально, он везде трудился. А скольким людям он посылал поздравления к праздникам! Иногда количество поздравительных открыток переваливало за сотню. В некрологе, опубликованном в «Русской мысли» после смерти П.Е.Ковалевского, Зинаида Шаховская, говоря, что труд, который брал на себя Петр Евграфович, не под силу одному человеку, очень точно определила одно из основных свойств его характера — жертвенность[3].

* * *

П.Е.Ковалевский принадлежал к известной семье Ковалевских, а точнее к харьковской (слободско-украинской) ветви рода Ковалевских. В 1951 г. в Париже он опубликовал брошюру «Род Ковалевских за 300 лет. 1651–1951.», жанр которой Петр Евграфович определил как юбилейную памятку: «Краткая семейная памятка, которую удалось издать, не исчерпывает и малой доли того материала, который хранится в родовом архиве Ковалевских, но отсутствие средств заставляет пока ограничиться лишь обзором, дающим общую картину деятельности одной русской семьи, которая, не покладая рук, в течение трех веков трудилась над укреплением мощи нашей родины, ея просвещением и над утверждением в ней начал справедливости и права, — семьи, которая своими родовыми традициями может служить примером для подрастающего русского поколения»[4].

Почему именно 1651 год берет П.Е.Ковалевский за точку отсчета? Оказывается, именно летом этого года основатель харьковской ветви рода Семен Ковалевский во главе одной из партий казаков двинулся из Гетманской Украины на Восток, стал осваивать земли южнее Белгородской Черты и со своими казаками и присоединившимися к ним сельскими жителями в том же 1651 г. основал город Ольшаной и начал, как написал Петр Евграфович, «два дела: укрепление города и построение храмов». Харьков был ближайшим к Ольшанам крупным городом. Уже в 1660-е годы фамилия Ковалевских встречается в переписи населения Харькова. В XVIII веке Харьков — центр деятельности семьи, члены которой несли военную службу, занимались устройством больниц, просветительской и церковной работой, а в 1780-е годы семья была тесно связана с Григорием Сковородой, которому обязана своим широким интересом к науке и образованию. Василий Назарович Каразин (его мать Варвара Яковлевна Ковалевская), получив образование в Горном Корпусе в Санкт-Петербурге, возвратился в Харьков и встал во главе создания Харьковского университета. При ближайшем участии Петра Ивановича Ковалевского, бригадира и предводителя харьковского дворянства, в 1812 г. Г.Ф.Квиткой был создан Харьковский женский институт. Участие семьи Ковалевских в жизни Харькова не прекращалось и тогда, когда многие члены семьи переселились в Санкт-Петербург. Это надо учитывать, читая дневниковые записи

Петра Ковалевского харьковского периода. Первым крупным государственным деятелем из Ковалевских стал Евграф Петрович (1790–1867), прадед автора «Дневников». После окончания Харьковского Коллегиума он уехал в Петербург для завершения образования в Горном институте. По горному ведомству он работал в Луганске, потом на Урале. В качестве томского губернатора, главного начальника колыванско-алтайских и председателя совета по управлению Западной Сибирью он возвратился в Петербург и был назначен директором Департамента горных и соляных дел. В 1825 году он женился на Анне Степановне Копосовой, которая получила в приданое дом на Екатерининском канале рядом с Невским (Екатерининский канал, 14), в котором потом родятся три поколения Ковалевских. В это же время он стал попечителем Московского учебного округа, а в 1858 году был назначен министром народного просвещения. Евграф Петрович участвовал в выработке крестьянской и Земской реформ, подготовил план всеобщего обучения, к которому через полвека обратился его внук, Евграф Петрович- младший. Последние годы жизни Е.П.Ковалевский-старший был президентом Императорского Вольного Экономического общества. Евграф Петрович имел большое семейство. Старший его сын Петр Евграфович участвовал в Севастопольской и Польской кампаниях, рано вышел в отставку и занялся сельским хозяйством в имении Ютановка Бирюченского уезда Воронежской губернии, которое получила в приданое его жена Евгения Павловна, рожденная Гриневич, внучка крупного землевладельца Харьковской и Воронежской губерний Гавриила Гаврииловича Суханова-Подколзина. Евграф Петрович-младший был вторым сыном этого военного человека, ставшего сельским жителем и землевладельцем. Он родился в 1865 г., закончил юридический факультет Московского университета. В продолжение традиций рода, он сосредоточил свою деятельность на проблемах образования и служении церкви. Будучи чиновником по особым поручениям Министерства народного просвещения, Евграф Петрович принимал участие почти во всех комиссиях по преобразованию средней и начальной школы. Многие годы, а точнее 20 лет, он состоял уездным и губернским гласным и почетным мировым судьей в Воронежской губернии, где было имение Ковалевских и где он был избран от общего съезда избирателей в 3-ю, а потом и в 4-ю Государственную думу. В Думе Евграф Петрович состоял товарищем председателя комиссии народного образо-

вания, затем председателем совещания, разрабатывавшего закон по всеобщему обучению, поднимал вопросы, касавшиеся преобразования церковного управления и упорядочения церковного хозяйства.

В 1900 году на Парижской всемирной выставке Евграф Петрович, который был одним из организаторов школьного отдела, познакомился с Инной Владимировной Стрекаловой. Молодые люди были помолвлены, а вернувшись на родину, 25 января 1901 г. поженились. Инна Владимировна рано потеряла мать (в 1879 г.) и отца (в 1880 г.). Её воспитывала Анастасия Андреевна Шкалина, педагог, начальница школы-приюта Андреевского собора на Васильевском острове. Инна Стрекалова окончила гимназию Эмилии Павловны Шаффе, сразу после окончания которой преподавала там историю, а затем училась на Высших женских курсах. Выйдя замуж за Евграфа Петровича Ковалевского, она стала его помощницей по работе в Постоянной комиссии народных чтений. Позднее возглавила Общество поощрения женского профессионального образования. По вторникам в доме Ковалевских собирались друзья и знакомые, цвет русского просвещения, духовенство. Эта традиция «вторников» была продолжена и в эмиграции. Духовное воспитание троих сыновей, Петра, Максима и Евграфа, Графчика, как его звали в семье, проходило в тесной связи с Православием, с Церковью. Позднее Петр Евграфович запишет в «Дневнике» в 1919 г.: «Мы все трое были воспитаны матерью в глубокой вере, не проходили через кризисы, знали и любили с детства службы...» Вся жизнь братьев была связана с церковью: куда бы они ни приезжали, в посещаемой ими церкви они сразу становились своими людьми, помогая прислуживать. В эмиграции русский православный храм имел особое значение. Он не только объединял и вселял веру в лишившихся родины людей, он был на чужбине частью покинутой родины, люди шли в храм как в Родной Дом. Для Ковалевских жизнь, сосредоточенная в храме, была органична еще с Петербурга и Харькова. В Симферополе, Константинополе, в Ницце, Медоне, Париже — приезжая в новые места, они сразу шли в церковь и предлагали свою помощь в организации служб. В эмиграции уже в феврале 1920 г. Петр Евграфович заведовал присуживающими при ниццком соборе, «маленькой старой церкви», в октябре 1920 г. прот. И.Смирнов поручил ему заведование присуживающими в Александро-Невском соборе в Париже, а с 5 октября 1921 г. по поручению

тогда ещё архиепископа Евлогия Петр начал устройство штата для архиерейских служб, став позднее старшим иподиаконом Александро-Невского Собора в Париже. В 1936 г. он стал одним из инициаторов создания Братства церковнослужителей им. Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, с 1942 г. — секретарем Приходского совета, много занимался экуменической работой. Максим Ковалевский, математик по специальности, гармонизировал православные песнопения применительно к французскому тексту. Евграф, младший брат, впоследствии о.Иоанн, окончил Сорбонну и Богословский институт в Париже, в 1937 г. был рукоположен в священники, основал Православный французский институт Св. Дионисия, возглавлял Французскую Православную Церковь. Мы имеем уникальную возможность увидеть, как складывались судьбы этих трех братьев, их отца и матери, и многих окружавших их людей благодаря тому, что Петр Евграфович Ковалевский вменил себе в обязанность вести дневник.

Дневники П.Е.Ковалевского, первый том которых представлен этой книгой, — уникальный документ и уникальный памятник эпохи. Это не литературно-бытовой жанр, а исторический документ, если иметь в виду точность воспроизведения переживаемых событий. Дневники имеют характер энциклопедии не только по охвату событий (нам известны дневники с 1918 по 1959 годы), но и по манере изложения: стиль их фактографичен. Но человек глубокого ума, П.Е.Ковалевский так описывает события, что за ними виден не только факт, но и характеры людей, а также отношение к событиям автора записей.

Традиция фиксации происходящего, видимо, давно существовала в семье Ковалевских. Но раньше запись событий носила скорее занимательный характер, так как велась в стихах, о чем мы узнаем из записи в ноябре 1919 года. Вот несколько записей 1919 г.: «Уже в сентябре у нас возникла мысль писать дневник, но приступить было трудно, и работа каждый день откладывалась.»; «На общем совете решили окончательно вести запись событий, но не в стихах, как это было в Ютановке, а в прозе. В тот же день я купил тетрадку и решил с 10-го ноября вести дневник». До ноября 1919 г. записи происходящего велись Петром Евграфовичем эпизодически, когда позволяло время и драматические события передвижения по воюющей России на юг, а потом в эмиграцию. Позднее записки оформлялись в виде связного текста по главам. Однако уже

в 17-летнем юноше сказывался талант историка: степень точности описания событий всегда особо отмечается их автором. Так с 1 января 1918 по 28 мая 1918 — это записки без разделения на дни по воспоминаниям и отдельным заметкам, с 28 мая — дневниковые записи, с 30 июля по воспоминаниям и записям. От входа в Харьков большевиков 21 декабря 1918 до прихода добровольцев 11 июня 1919 года записи самого разного характера: непосредственная фиксация, по памяти. Ведение регулярных дневников отмечено в заглавии событий лета — осени 1919 г. Глава названа «От прихода добровольцев до начала постоянных дневников». Когда Евграф Петрович Ковалевский зимой 1918–1919 находился в Одессе, а весной во Франции, то по его возвращении Петр записал рассказанное им в главе «Отец в Одессе и во Франции». Во время поездки по морю из Константинополя в Марсель весной 1920 года записи велись на отдельных листках, а потом переписывались в тетрадь. 30 января/12 февраля 1920 г. — начало «французских» дневников, идут поденные записи, за редким исключением, когда могли быть пропущены несколько дней из-за болезни, а август и сентябрь — отрывочные записи. Необходимо сказать, что и Петр Евграфович рассматривал свои дневники сразу же как исторический документ, а не только семейную реликвию и более того, готовил их к возможной публикации, на что указывают следующие данные. Прежде всего в тексте дневников есть непосредственное указание на то, что они могут быть использованы как исторический источник: «Их [дневников — *Н.К.*] цель — главным образом служить для справок и быть летописью русского зарубежья». Кроме того, упорядочение текста и деление записей на главы, которым давались названия, сразу наводит на мысль не просто о дневнике, а о дневнике, который должен стать книгой. К тому же почти каждая дневниковая тетрадь снабжена оглавлением с указанием страниц. В-третьих, Петр Евграфович редактировал рукопись. Правка дает возможность утвердиться в мысли о том, что автор готовил рукопись к печати. Редакция в копиях касается, прежде всего, того, что, по мнению Ковалевского, придает изложению более объективный характер. Скажем, настойчиво зачеркиваются слова «мама» и «папа» и заменяются на стилистические нейтральные «мать» и «отец» (во всех копиях одинаковые исправления). Однако правки, которая касалась бы изложения событий, их оценки, на наше счастье, нет. Другой факт — наличие нескольких, а точнее двух, копий рукописи тоже

свидетельствует об отношении П.Е. Ковалевского к «Дневникам» как к документу, а не сугубо личным записям, к документу, который необходим для изучения, как к рукописной книге, которая должна иметь несколько списков, если нет возможности её опубликовать (причина та же, что указана в брошюре «Род Ковалевских»: отсутствие средств). Все это позволяет мне считать, что нынешняя публикация «Дневников» своего рода выполнение воли Петра Евграфовича Ковалевского.

* * *

Мне известны три места хранения дневников. Прежде всего это Международный институт социальной истории в Амстердаме. Там хранится рукопись с 1918 по 1938 гг., с 1939 по 1948 рукопись и машинописная копия, с 1949 по 1956 гг. машинописная копия. Дневники хранятся в составе архива Общества охранения русских культурных ценностей, переданного в Амстердам Д.П.Рябушинским и П.Е.Ковалевским. Поступления в Международный институт социальной истории в Амстердаме архива Общества и его библиотеки начались с 1956 г. и продолжались до 1962 г.[5] В Национальные архивы Франции дневники П.Е. Ковалевского (1918–1938 гг., машинописная копия) поступили в 1949 г. также в составе архива Общества охранения русских культурных ценностей. В библиотеке Бенедиктинского монастыря в Шеветонь (Бельгия) машинописные копии дневников хранятся в 18 коробках. Это дневники с 1918 по 1959 гг., без 1936 г., с авторскими пометами и исправлениями, с вклеенными газетными вырезками и фотографиями. Дневники и другие материалы, в частности вырезки своих статей из газеты «Русская мысль», привез в дар монастырю сам Петр Евграфович, и они являются собственностью монастыря.

Вряд ли нужно писать о том, какое значение имеют «Дневники П.Е.Ковалевского» не только для профессиональных историков, но и просто для читателей, которые имеют возможность увидеть трагедию России XX века глазами умного, честного, интеллигентного человека. Замечу только, что огромное значение придает «Дневникам» хронологический охват событий с 1918 по 1959 гг., то есть 42 года. Жанр дневника предполагает возможность не только следить за ходом излагаемых событий. С годами менялось окружение, система взглядов автора, поскольку между началом дневника

и тем, что мы считаем его окончанием (возможно, есть продолжение) лежит целая жизнь, от 17-летнего юноши до 58 — летнего, уже стареющего, больного человека. Жанровая особенность дневников как повседневных датированных записей, фиксация «только что» случившегося и перечувствованного придает предельную искренность, откровенность высказываниям автора.

* * *

Настоящая книга представляет собой публикацию «Дневников П.Е.Ковалевского. 1918–1922 гг.» по машинописной копии, хранящейся в Бенедиктинском монастыре в Шеветонь (Бельгия). Машинописная копия сверена с рукописью, хранящейся в Международном институте социальной истории в Амстердаме (Нидерланды). При публикации учтены вся правка и замечания, сделанные П.Е.Ковалевским в машинописном тексте. В процессе подготовки рукописи старая орфография, которой пользовался Петр Евграфович, заменена на новую. Незначительные уточнения публикатора внесены в квадратные скобки.

«Дневники П.Е. Ковалевского за 1918–1922 гг.» представляют собой 1-й том многотомного издания, которое будет включать все известные дневниковые записи П.Е. Ковалевского до 1959 г. Я буду благодарна всем, кто пришлет замечания, дополнения и исправления к «Именному указателю» 1-ого тома. Они будут учтены как при выпуске в свет последующих томов, так и при подготовке к печати общего справочного тома ко всем «Дневникам П.Е.Ковалевского».

1. О нем см.: LXX лет П.Е.Ковалевского. Биобиблиография. Париж, 1972; *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М.,1992; *З.А.Бочарова.* Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978) // Историки России XVIII–XX веков / Архивно-информационный бюллетень N 14 / Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1996. Вып.3. С.136–144; ее же. Ковалевский Петр Евграфович // Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.296–299. Требует уточнения дата смерти Ковалевского: Петр Евграфович умер не 4 мая, как написано в словаре, а 27 апреля 1978 г.

2. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris, 1971.

3. *Зинаида Шаховская.* Петр Евграфович Ковалевский // Русская мысль. 1978. 4 мая. N 3202. С.15.

4. Род Ковалевских за 300 лет. 1651–1951. Париж, 1951. С.1.

5. См.: *Х. ван Веен.* Как архив Общества охранения русских культурных ценностей попал в Международный институт социальной истории // Из истории русской эмиграции (Общество охранения русских культурных ценностей. Париж) / Каталог выставки. СПб., 1995. С.14–19; *Н.П.Копанева.* Архив Общества охранения русских культурных ценностей в Амстердаме // Там же. С.3–13.

Слова благодарности

Я искренне благодарна всем, кто способствовал изданию «Дневников» Петра Евграфовича Ковалевского. Прежде всего, это Лео ван Россум (Leo van Rossum) мой безвременно ушедший из жизни амстердамский коллега (Лео ван Россум скончался от сердечного приступа 15 июня 1999 г.). Первое, что он сказал, когда я спросила, нельзя ли издать дневники: «Это невозможно. Это огромная работа и большие деньги на издание. Где Вы их возьмете?» Он сомневался в реальности осуществления этой идеи, но при этом помогал так, как будто у нас уже все есть: существует электронная версия текста, подготовлен научный аппарат, найдено финансирование. Его высокий профессионализм и человеческая порядочность помогли мне в самые трудные дни подготовки первого тома к изданию.

Я благодарна директору Международного института социальной истории в Амстердаме (International instituut voor sozial Geschiedenis):

Я. Клостерману (J. Klosterman), и его сотрудникам
Хермин ван Веен (Hermien ven Veen),
Мике Айзерманс (Mickee Jlsermans),
Элс Вагенаар (Als Wagenaar).

Искренняя благодарность

аббату Филиппу Вандерхейдену (P. Philipp Vanderheiden, Abbe de Chevetogne), настоятелю Бенедиктинского монастыря в Шеветонь (Бельгия), который доверил мне право издания принадлежащей монастырю рукописи Дневников П.Е.Ковалевского,
отцу Антонию (P. Antoina Lambrechts) за постоянную помощь,
отцу Ламберту (Lambert Vos), архивисту и библиотекарю монастыря.

Самая искренняя и постоянная моя благодарность за помощь и дружбу

Йозин Дриссен-ван хет Реве (Jozien Driassen-van het Reve) (Амстердам),
Рене Кистемакер (Renée Kistamaker) (Амстердам),
Полин Круземан (Pauline Kruseman) (Амстердам).

Особые слова благодарности

директору Дома наук о человеке (Maison des Sciences de l'Homme) в Париже г-ну Морису Эмару (Maurice Aymard) и Соне Кольпар (Sonia Colpard) (Maison des Sciences de l'Homme) за понимание и оказываемую помощь.

Я благодарна г-ну В. Тизенгхаузену (Париж) за предоставленную мне возможность работать с документами Общества охранения русских культурных ценностей, хранящимися в Национальных архивах Франции.

Моя благодарность всем, кто терпеливо отвечал на мои просьбы, письма, запросы:

проф.Рене Герра (Париж),
Н.Колонна Д'Истриа (Colonna d'Istria, Париж),
Б.В.Спасскому (Медон, Франция),
Рутычу (Н.Н.Рутченко) (Париж),
М.Спасской (Медон, Франция),
матери Ольге (Бюси, Франция),
Н.Б.Зайцевой-Соллогуб (Париж),
А.Ляпину (Франция),
М.Авриль (Париж),
Ф.Евреинову (Париж),
М. Драшусовой-фон Валь (Брюссель),
В.В.Резниковой, директору Государственного архива Харьковской области (Украина),
Л.М.Момот, зав.отделом Государственного архива Харьковской области (Украина),
В.Лихоманову, директору Белгородского государственного историко-краеведческого музея (Белгород),
О.В.Щербачеву (Москва),
Н.Сахаровой (Санкт-Петербург),
Е.В.Конюховой (Санкт-Петербург),
Д.А.Щеглову (Санкт-Петербург)

Публикация первого тома «Дневников П.Е.Ковалевского (1918–1922)» стала возможна благодаря помощи, поддержке и дружеским советам.

И, наконец, мне трудно представить, как можно было бы подготовить это издание, если бы не безграничное терпение, внимание, помощь, самоотверженность моей семьи: Николая, Анечки и Саши Копаневых.

Н. Копанева

1918 год

Глава I
Жизнь в Петербурге

1 января—28 мая

Год начался очень тревожно. Продолжались повсюду пьяные погромы и борьба с ними вылилась в новое дикое пьянство. Вина и ликеры выливались из погребов пожарными трубами, и люди тут же на мостовой десятками перепивались, глотали пропитанный вином снег, и каждый день на местах борьбы с пьянством оставались трупы. Около нас таким образом «очищали» погреб Шитта[1], и вино несколько дней лилось по канавам. Зрелище было ужасное. Я встретил на улице моего товарища по школе Георгия Соловейчика, который много дней не был на уроках. Оказывается, у них был хороший винный погреб, который был занят десятком людей, сразу перепившихся и никого не выпускавших из дома, пока они не протрезвились и не перебили всех бутылок.

3 января мы получили телеграмму от нашего управляющего Ник [олая]Петр [овича] Подвигина о том, что Ютановка[2] взята на учет, а через несколько дней — что она национализирована. Ник [олай] Петр[ович] переехал в Валуйки[3] и нанял там дом в Казацкой Слободе. В Ютановке образовался Совет рабочих депутатов, который взял в свои руки экономию и мельницу. Мать решила поехать в Ютановку, вывезти кое-какие семейные вещи и иконы и на месте решить многие вопросы с Ник [олаем] Петр [овичем]. Выехала она благополучно, хотя начиналась демобилизация и поезда были полны солдат. В Москве она остановилась у коллеги отца по Думе Михаила Ильича Симонова, депутата от Воронежской губернии (Острогожского уезда), но поездка дальше оказалась невозможной. Несколько дней сряду мать пыталась сесть в поезд, но солдатская толпа была так велика, что уже на запасных путях вагоны наполнялись ею и, когда поезд подавали к платформе, то не

было места даже на площадках и на крышах. Солдаты стреляли из окон и не давали подойти к поезду, толпа пассажиров все же напирала, первые падали в промежутки между вагонами под поезд. Мать потеряла вещи и в том числе все, что она везла Эмилии Карловне. Пришлось отказаться от поездки. Мать пожила еще несколько дней у Симоновых, накупила продуктов (особенно колбасы), так как в Москве их было больше и они были дешевле, и вернулась в Петербург, где в это время шли серьезные события. После ареста Румынского посольства и покушения на Ленина[4] началась в городе вновь перестрелка. Ожидали открытия Учредительного собрания, хотя всем было ясно, что коммунисты не дадут ему работать. 5 января оно открылось под председательством Чернова[5]. На улицах были манифестации и перестрелка, но мы так привыкли к пулям, что их не замечали. Вечером мы узнали, что в зал заседания, которое очень затянулось, явилась стража во главе с матросом Железняком и потребовала прекращения собрания, так как солдатам пора идти спать. Чернов пробовал протестовать, но после угроз, что будет применено оружие, уступил.

В следующие два дня часть членов не была допущена в залу. 7-го солдаты ворвались в больницу, где лежали Шингарев и Кокошкин и самым зверским образом их прикончили. Учредительное собрание, о котором вся русская интеллигенция мечтала полвека, было окончательно разогнано.

Вскоре пошли слухи, что большевики собираются заключить мир с Германией и начались переговоры в городе Брест-Литовском, но сразу же возникли конфликты между Троцким и украинцами, которые хотели действовать самостоятельно. Отец 19-го [января] поехал в Москву на открытие Собора[6]. Косвенными путями начали доходить сведения о том, что там происходит. После первого убийства за веру прот[оиерея] Кочурова в Царском Селе начались избиения по всей России. Был разгромлен Святогорский монастырь[7], и все монахи, в том числе арх[имандрит] Трифон, расстреляны.

18 января, не дожидаясь открытия Собора, Патриарх Тихон издал послание, в котором отлучал и анафемствовал большевиков за их безбожие и борьбу против Церкви. Он не хотел, чтобы ответственность за такой важный акт пала на Собор. Но Собор от себя выпустил 20 января послание ко всем русским людям[8].

В конце января пришло страшное известие об убийстве русского первоиерарха (после Патриарха) митрополита Киев-

ского Владимира, Почетного Председателя Собора. Самое ужасное было то, и этому мы долго не верили, что митрополит был убит с явным попустительством братии Киево-Печерской лавры, среди которой не нашлось ни одного человека, который выступил бы на его защиту. Собор послал следственную комиссию для расследования дела, но она не доехала до Киева, так как юг отделился и туда начали наступать немцы. Пока отец был в Москве, Собор сделал очень много по Высшему иерархическому устройству и приходскому уставу, в выработке которого отец принимал ближайшее участие[9].

Патриарху, вопреки всем предположениям, было дано право абсолютного вето между соборами, и он тем самым оказался распорядителем в Синоде и в Высшем Церковном Управлении как апелляционная и окончательная инстанция. Только следующий Собор мог изменить его постановления.

Было увеличено количество викарных епископов и вообще иерархов, так как до революции их было слишком мало.

В Петербурге, по своем возвращении с Собора, митр[ополит] Вениамин устроил собрание всех религий, на которое пришли кроме православных, католиков и протестантов, магометане и евреи. Собрание единодушно протестовало перед Советом Народных Комиссаров против изгнания религии из школ и начинавшихся гонений на верующих. В Москве были грандиозные крестные ходы, в которых принимало участие по 500 000 человек. Такие же крестные ходы митр[ополит] Вениамин стал устраивать и в Петербурге.

Патриарх благословил профессоров проповедовать Слово Божие на заводах, и впервые мы увидели людей в пиджаках, произносивших проповеди перед толпой. Рабочие в Петербурге были настроены церковно и все стояли горой за митр[оплита] Вениамина, считая его своим избранником[10].

2-ая Сессия Собора продолжалась до Благовещения, но отец не мог все время оставаться в Москве и ездил туда два раза.

Совет Народных Комиссаров помещался в Смольном, и оттуда шли распоряжения по всей России. Вскоре стали говорить о перенесении столицы в Москву. 26 февраля Советское Правительство покинуло Петербург, и он стал заштатной столицей[11]. Мы очень мало знали, что творилось в мире, но доходили слухи, что Украина объявила себя самостоятельной, что, несмотря на перемирие, немцы наступают и что украинцы их

зовут на помощь против москалей[12].

4 февраля большевики заняли на время Киев[13], а на Дону застрелился оставленный всеми атаман Каледин. Одновременно было повсюду объявлено о создании Красной Армии[14], которая должна была заменить прежнюю, но пока она образовывалась, немцы продвигались и заняли 11-го Псков.

18 февраля большевики заключили с немцами мир, отдав им весь Запад России и прибалтийские губернии, но немцы не остановились и начали наступление на Киев, откуда 27 февраля дошли до Одессы, и вся Украина оказалась в их руках. Киевская Рада приняла их как освободителей. К Петербургу они не пошли, а остановились у Нарвы[15].

Мать кроме Москвы ездила еще в Лодейное Поле к бабушке. Путешествие было очень рискованным и трудным, и мы очень за нее боялись, но она, пробыв у бабушки несколько дней, благополучно вернулась к нам.

С отцом случилась в феврале очень неприятная история. Как-то днем приходит артельщик и приносит письмо, в котором на бланке «Комитета большевиков» было написано, что если посыльному не будет вручена крупная сумма денег, то отец будет убит. Времена были очень страшные, стреляли из-за угла постоянно, и отец решил разъяснить дело сразу. Он в первый и последний раз поехал в Смольный и сказал, что желает видеть Ленина. Сам Ленин оказался на каком-то заседании, но отца приняла его жена, Крупская, и сказала, что никакого «Комитета большевиков» не существует и что будут приняты меры против самозванцев. Конечно, мер никто не принял, угрозы продолжались и отец поручил посыльному самому сторговаться на некоторой меньшей сумме, за что тот получил хороший «начай».

Ученье у нас троих не прекращалось ни на один день. Максим ходил в гимназию военного ведомства, как назывался Пажеский Корпус, и шел первым в 5 классе. Я и Евграф ездили в Реформатское училище[16]. Трамваи шли почти нормально, и мы уезжали не очень рано из дома, а обратно почти всегда я шел пешком по Морской и Невскому, заходя обязательно на несколько минут в Исаакиевский собор, где продавались художественно исполненные иконки, из которых я составил полный круг праздников.

Замена старика В. Руста Эриком Федоровичем Фоссом, которого весь класс любил как блестящего преподавателя гре-

ческого языка, оказалась очень удачной. Новый классный наставник подтянул даже безнадежных и очень строго следил, чтобы все занимались серьезно. Воспитателем у Евграфа был добрейший толстяк Сергей Пантелеевич Кирсанов, преподававший русский язык в младших классах.

Вообще состав учителей остался почти тем же, что и до революции. Вернулся только Купфер, который, как немецкий подданный, должен был провести три года вне Петербурга. Его уроки физики и, главным образом, опыты нас всех заинтересовали. Бедный наш законоучитель, отец Николай Писаревский, жил чрезвычайно тяжело. Его несколько раз арестовывали и он совершенно измучился и исхудал. Бывая у нас в гостях, он говорил с отцом о положении петроградского духовенства. Тогда уже предполагалось назначить правозащитников от лица Церкви, и митрополит Вениамин думал об отце и С.Шеине.

Самым большим событием в жизни школы был столетний юбилей, который в прежнее время был бы отпразднован очень торжественно. Артур Александрович Брок собрал учителей и представителей родителей, и все решили, что самым приятным для всех было бы угощение. Где-то с величайшим трудом были раздобыты продукты, причем все приготовления держались втайне, и прямо с одного из уроков (у нас был математик Видеман), нас повели вниз в столовую, где каждому дали по большой чашке какао и по куску сдобного кренделя. Нельзя себе представить, как все были довольны и только сожалели, что нельзя получить еще по куску.

В январе мать давала нам из дома бутерброды, но с каждой неделей это становилось все труднее и труднее, так как хлеба вместо фунта стали выдавать всего полфунта, потом четверть, и дневная порция иногда опускалась до 1/16, то есть до тоненького пластика. К счастью, гимназии удалось наладить опять теплые завтраки, и мы стали получать не один чай, а суп и овощное блюдо.

Кроме занятий в школе, мы продолжали заниматься музыкой, сперва (Максим и я) у госпожи Фотиевой, муж которой, присяжный поверенный Красиков, был членом Совета Народных Комиссаров. Когда она уехала с мужем в Москву, мы продолжали уроки с госпожой Ильцевич. Евграф занимался скрипкой с Вениамином Иосифовичем Мульманом.

Мы все трое усиленно посещали петербургские церкви и в особенности архиерейские служения и изучили очень хоро-

шо все тонкости устава, но основными нашими храмами были Казанский собор и Воскресения на Крови, так как Уделы[17] были закрыты, и первая служба состоялась там, благодаря хлопотам служащих, только на Пасху. В Казанском соборе мы знали всех и все нас знали, и мы были совсем своими. Во главе большого и сложного приходского дела стоял наш духовник, отец Философ Орнатский, человек замечательный и по духовности, и по образованию. Его все боялись и одновременно почитали. Порядок в соборе, несмотря на трудные времена, был образцовый, и даже нищие продолжали иметь благопристойный вид. Старик гр[аф] Гейден был старостой и продавал свечи около могилы Кутузова.

Отец Философ в 6 постных воскресений на вечернях произнес удивительную по глубине и убедительности проповедь в защиту Воскресения Христова и о том, как оно вещественно доказуется по текстам воскресных Евангелий. На этих беседах бывало по нескольку тысяч человек. Я всегда стоял впереди и помню, как отец Философ проводил с неумолимой логикой и реализмом одну за другой картины евангельских событий после Воскресения. Его пенсне постоянно спадало, и он ежеминутно его поправлял. Говорил он негромко, но каждое слово его было слышно в соборе. Многие записывали их как материал для будущих бесед с безбожниками. Второй священник, отец Дмитрий Рождественский, ключарь собора, был властным и очень энергичным человеком. Его мало любили. Он играл большую роль в общественно-церковных делах и был церемонимейстером на больших торжествах. Третий, совсем старенький, митрофорный отец Василий Маренин не играл никакой роли и по скромности, и по слабости. Двое было более молодых: о. Василий Прозоров и о. Алексий Азиатский, а впоследствии к собору приписали опять о. Тимофея Налимова, профессора и ученого протоиерея, но который не мог говорить, так как у него было вырезано горло.

Протодиаконом был старик Федоров, но он избегал архиерейской службы, и его заменял голосистый Аркадьев с двумя помощниками Надежиным и Ардентовым. Казанская поповка была многочисленна и разнообразна.

В Храме на Крови, который был больше уделом Евграфа (он там бывал с няней чуть не с годовалого возраста), было три священника: о. Лепорский, Антонов и Верюжский и два диакона — Смолин и Михайлов. Каждый раз после литургии, несмот-

ря на перемену правительства, служилась панихида на месте убийства царя Александра II, и много народа приходило туда на поклонение. Если Казанский собор был богат и мог отапливаться, то Храм Воскресения как бесприходный бедствовал: в мороз там было невыносимо холодно на каменном полу. Мозаики начали трескаться и осыпаться.

В Уделах был все тот же старец о. Константин Ветвеницкий и протодиакон.

В Казанском соборе, когда приезжал архиерей, все еще разворачивали красный ковер до низа ступенек.

Максим и Евграф занялись усердно иконописью, но первые их опыты были слабы. На каждый день рисовалась иконка святого и ставилась на камин в детской. Со временем иконки стали более художественны и стильны. К нам несколько раз приходил в гости академик Федор Иванович Успенский, который с интересом следил за развитием творчества братьев, очень его поощрял и рассказывал нам о своей жизни на севере и своих детских занятиях.

Отец действовал всегда очень энергично и не переставал работать для общественной пользы. Сперва он занялся кооперативами, поднял деятельность нескольких из них, создал объединенный кооператив Спасской части и присоединил к нему хозяйственный комитет при приходах для обеспечения храмов свечами, мукой и вином. Тогда ему и Иоасафу Всеволодовичу Никанорову пришла мысль создать братство всех приходов Петербурга и Епархии[18] для обеспечения материальной стороны жизни церкви, которой духовенство не могло заниматься. Митрополит Вениамин благословил это дело, и мирская помощь развилась очень широко.

Кроме того, через разные учреждения, отцу удалось наладить доставку кое-каких продуктов из Сибири, особенно масла. Помогали ему очень многие, и работа шла дружная и сплоченная.

Одновременно отец спасал два учреждения, которые были ему особенно близки: Комиссию Народных Чтений[19], которая помещалась рядом с нами, и Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию нарушений обычаев и правил войны. Наша Постоянная Комиссия была распущена и ликвидирована. Удалось спасти комплекты изданий и поместить их в разные библиотеки. Два отец взял к себе на квартиру. Проекционные фонари и другое имущество удалось тоже дать частично школам. Остальное пропало зря.

В Сенатской Следственной комиссии отец остался единственным членом и вместе с секретарем, Мих[аилом] Ив[ановичем] Соболевым, ему удалось спасти от гибели ценнейший материал, который представлял большую международную значимость.

В нашем доме (который отец купил в 1916 году пополам с тетей Женей[Леонтьевой] взамен 14 номера) в 10 номере по Екатерининскому каналу[20] жил А.О.Смильго, типографщик, продававший принадлежности для машинок и чернила. Его вывеска занимала всю боковую стену верхних этажей нашего дома. Он со своей женой был специалистом по доносам и жалобам, которые он писал из удовольствия. Благодаря ему отцу пришлось вести не один процесс и добиваться признания своих прав домовладельца. Самое удивительное то, что отец не только выиграл все процессы, но доказал юридическое свое право на владение, что в коммунистической стране было фактом исключительным. Ему помогал и занимался хлопотами во всех инстанциях молодой присяжный поверенный милейший Василий Васильевич Белавин. Когда процессы кончились, выяснилось, что Смильго было подано за время существования советской власти (7 месяцев) свыше 5000 жалоб и доносов на совершенно неизвестных ему лиц.

Поиски пищи были одной из главных наших забот, так надо было изощряться, чтобы доставать что-либо дополнительно к тому, что продавалось в лавках. Из рынков наиболее процветал, так как на него каким-то образом добирались мешочники, Клинский на Тверской улице за Царскосельским вокзалом. Я часто туда ездил на 15 номере трамвая и там удавалось доставать у крестьянок за дорогую цену крупу и мясо. Лавчонки были дрянные и грязные, но не в них шла торговля. Каждый передавал продукты из рук в руки без обертки, часто мясо держалось просто за пазухой и путешествовало так несколько дней. Мешочники сходили с поездов до Петербурга, чтобы их не словили и потом шли пешком, обложенные под тулупами продуктами, так как в руках нести им было нельзя. Каждый раз мне удавалось купить по несколько фунтов крупы, которая держалась в пределах 15 рублей. Настоящей муки достать было невозможно, но попадалась картофельная, из которой мать пекла бисквиты. В вольной продаже долго можно было достать сушеные грибы у Прохорова на Казанской и грибной порошок, а потом в кооперативах появилось сперва

кокосовое, а потом какаовое масло, белое в плитках, на котором приходилось все жарить. Постепенно все магазины, где продавались продукты, заменялись комиссионными, которых расплодилось необыкновенное множество. В них можно было найти все: от самых ценных вещей до полной дряни. Отец поместил в три из них часть картин, фарфора и ваз. Самый разнообразный комиссионный магазин помещался на углу Морской и Невского в бывшей лавке «О гурмэ». Другие вещи отец поместил в магазин на Невском в доме Глазунова и на Моховой в цветочной торговле Гради, но так ни одна из них и не была продана. У Синего моста был большой кооператив «Автопомощь». Там иногда появлялись сухие продукты, и тогда приходилось выстаивать часами, чтобы получить какую-нибудь пищу. Кое-что можно было получить в Экономическом Обществе. Мать умудрялась делать печенье из сухой малины и разной шелухи. У Жоржа Бормана[21] по соседству и знакомству мы иногда получали конфеты и какао, которое хранилось на складе и выписывалось понемногу. На «Николаевские» деньги можно было легче все получить, а «керенки» все брали неохотно, особенно потому, что много среди них было фальшивых. Как-то неожиданно на углу Невского и нашего [Екатерининского] канала появился продавец лимонов и распродал вмиг всю корзину по 70 коп. за лимон.

Ездить далеко мы почти никуда не могли, так как было очень холодно, а мама сильно ослабла от недоедания. Все же один раз мы посетили в Гатчине Ольгу Павловну Ковалевскую и Люшу Леонтьеву, которая там работала. Ольга Федоровна [Леонтьева] (мать дяди Миши) тяжко заболела, и мы боялись, что она не выживет.

Наряду с трудностями жизни и голодом было два удивительных события, перенесших нас в довоенное время. В Зубовском особняке на Исаакиевской площади начались лекции Института искусств. Первую из них читал сын голландского ген[ерального] консула Ван Гильзе ван дер Пальс, а потом была серия лекций о русском искусстве[22]. Мы были туда приглашены Игорем Ивановым, нашим дальним свойственником, который был женихом одной из двоюродных сестер Ван дер Пальса — Нейшеллер. Обстановка особняка Зубова была дворцовая и на час-два мы совсем забывали о действительности. Но еще более удивительным событием была свадьба Игоря, которая была совершена в небольшой церкви на Петербургской стороне,

причем во время нее пел полный хор Архангельского. Старик Нейшеллер хотел, чтобы все было, как в прежнее время, а он был чрезвычайно богат и сохранил как швейцарец все состояние (он был владельцем компании «Треугольник», самого крупного производства каучука в России). После венчания все поехали на Каменный Остров, где у Нейшеллера на берегу Малой Невки была дача-дворец[23]. Там все присутствовали на протестантской службе, а потом был прием на несколько сот человек.

Через некоторое время после свадьбы Игорь со своими новыми родными были у нас. Старик Максим Леопольдович Нейшеллер был необыкновенно представительным и держал себя с большим достоинством.

В гостях мы бывали только у Любочки Небольсиной, которая тоже часто к нам заходила, а я один кроме того был много раз у Гоги Римского-Корсакова.

К Пасхе цены сильно поднялись и стало труднее жить: творог продавали по 7 руб. за фунт, масло по 20, яйца по 12–13 десяток, но их почти нельзя было достать. Мать сэкономила два десятка яиц, белой муки (которая была спрятана под статуей Лаокаона), отец достал сибирского масла и окорок, и на Пасху у нас было все, как полагается. Говели мы в Уделах и туда же пошли на заутреню. Было очень пустынно, и мы взяли с собой палки и добрались до дома благополучно, хотя по дороге были неприятные встречи. Главный вход в Уделы был закрыт, приходилось влезать через какой-то забор, наскоро сколоченный на месте разрушенной стены. Пел любительский хор.

После Пасхи начался настоящий голод. Все приели запасы, подвоза не было, и матери все труднее и труднее становилось нас кормить. Пришлось прибегнуть к героическим мерам. От Морозко (лошади) у нас остался овес и лошадиные галеты. Овес стали молоть на кофейной мельнице, варить из него суп и делать овсяные пироги. Из размоченных «лошадиных» галет делали «пудинги» и хлеб. Кроме того, отцу удалось достать ящик морских сухарей, очень старых и каменных, и эти три продукта нас спасли. Овес не удавалось очистить вполне и попадалось много остриев, и у Максима скоро начались боли, а потом припадки аппендицита, но делать было нечего.

Из Москвы шли редкие сведения о работе Собора. Отец туда больше не мог поехать. Ввиду слухов о том, что кронштадтские матросы собираются ехать в Москву убить Патриарха,

было решено в случае опасности немедленно бить в набат во всех церквях. Действительно, как-то поезд матросов приехал в Москву, не знаю точно с какой целью, но с враждебными по отношению к Патриарху и Собору намерениями. Им не пришлось выйти из вагонов, так как в городе произошло сразу такое волнение, что «краса и гордость революции» предпочла повернуть обратно.

Чудесное событие произошло 1 мая на Красной площади. В присутствии Ленина и всего Совнаркома был первомайский парад, а потом грандиозная манифестация. Для нее кремлевские башни были затянуты красным кумачом. Как раз в разгаре манифестации материя на Никольских воротах, прямо против Образа, разорвалась и упала на площадь, а не было ни ветра, ни какого-либо дефекта в шитье полотнища[24]. Митрополит Вениамин привез потом кусок материи, и он оказался, как ножом отрезанным. Все пространство вокруг образа Николы Угодника оказалось открытым. Манифестация поспешно закончилась, и через час на площади собралась миллионная толпа верующих, и Патриархом был отслужен молебен. Разрыв материи, произошедший на глазах у сотен тысяч людей, произвел очень большое впечатление на неверующих.

В Петербурге было три больших церковных события. Когда коммунисты захотели занять Александро-Невскую лавру, собралось около 500 тысяч человек и отстояли без оружия святыню против вооруженной милиции и пулеметов[25].

Вторым событием было устройство и освящение подземного храма в Казанском соборе, который по мысли владыки митрополита Вениамина и отца Философа Орнатского, должен был стать катакомбным храмом на случай гонений и отнятия собора[26].

Третье событие было перенесение части мощей святого Гермогена из Москвы в Петербург, для положения в новом подземном храме. На встречу святыни на Николаевском вокзале собралось несколько десятков тысяч человек, а в крестном ходе по Невскому участвовало 200 тысяч[27].

В числе постоянных посетителей Казанского собора был кн. Иоанн Константинович, сын покойного вел[икого] кн[язя] Константина Константиновича. Он был очень церковный и богомольный, сперва читал часы и шестопсалмие, а потом митрополит посвятил его в иподиаконы, и он часто прислуживал за архиерейскими службами.

Занятия у нас в школе, несмотря на постоянные угрозы прекращения, продолжались до середины мая. Артуру Александровичу Броку удалось не только отстоять школьное помещение, но и вернуть нам часть зал, кроме большой — «Аула». Так как он ездил в Юрьев и читал лекции в университете, его заменял Жиде, а в делах хозяйственных — инспектор Штернберг.

23 мая мы в последний раз собрались в школу. Мои занятия шли в течение зимы не очень хорошо, но к концу года я подтянулся и кончил год ординером («из числа лучших»). Фосс поставил мне более высокую отметку, взяв с меня слово, что я поработаю летом.

Так как не было известно, кто куда будет заброшен судьбой, нам выдали отпускные билеты «во все города Российской Республики и Украины», сроком до конца августа. Этот билет послужил мне первым видом на жительство.

Покидал я Реформатское училище с грустью и сохранил о нем самые лучшие воспоминания. Подсознательно я чувствовал, что больше в него не вернусь.

Последние три месяца ожидали приезда Патриарха, который сперва должен был быть в Петербурге в конце апреля, потом в начале мая.

Глава II
Приезд патриарха
28 мая—3 июня 1918

28 мая, понедельник.

Хотя приезд Святейшего обеспечен, но все же еще боязно, не сделали бы власти какие-нибудь неприятности и не задержали бы его в последнюю минуту в Москве. Отец Философ Орнатский выехал на встречу и будет сопровождать Патриарха до Петербурга и обратно. На просьбу дать Святейшему специальный вагон Ленин ответил: «Предоставить гражданину Беллавину место в почтовом поезде». Петербургские власти решили игнорировать приезд, чтобы не раздражать рабочее население: было запрещено давать знать о движении поезда, чтобы предполагавшийся колокольный звон не состоялся. В устройстве порядка приняли самое близкое участие рабочие: образованы особые дружины, которые будут поддерживать порядок по пути проезда и в городе, так как милиция попряталась. О. Философ перед отъездом выдал нам троим [Петру, Максиму, Евграфу] особую бумагу, в которой говорится, что мы являемся «представителями церковной молодежи Казанского собора» и он просит «пропускать нас повсюду наравне с делегациями приходов». Очень много хлопочет и принимает деятельное участие в подготовке приема Патриарха Настасья Давыдовна Панчулидзева, которая с матерью состоит членом приходского совета Казанского собора. Вообще наш приход играет в приезде очень большую роль. Настоятель о.Философ — один из устроителей поездки, ключарь прот. Рождественский заведует порядком патриарших служб, а главное торжество на Вознесение тоже предположено у нас в Казанском соборе.

29 мая, вторник.

Утро дождливое. С 6 утра на улицах движение: со всех сторон идут крестные ходы и депутации детей. Звона не слышно, хотя почтово-телеграфные служащие обещали сообщать о приближении поезда. Было решено дать первый трезвон

при переезде границы епархии (между Любанью и Тосно), куда поехал преосв. Артемий Лужский, второй трезвон при въезде в уезд (в Колпино) и третий — при выходе из вокзала.

Мы с отцом поехали очень рано и благополучно добрались на трамвае до Лавры. На Невском отдельные толпы, на Знаменской очень много народа. Начиная с площади, по всему Старому Невскому — сплошная толпа: депутации и крестные ходы, стоящие как на тротуарах, так и в боковых улицах, чтобы не мешать движению. Первый звон дали с большим опоздание, так как поезд опаздывал и задерживался на станциях. Второй был почти сразу после первого. Перед Лаврой, около великих ворот — широкое архиерейское место, покрытое ковром, на котором встретят Святейшего викарии (Анастасий Ямбургский, Геннадий Нарвский и Мельхиседек Ладожский). Дождь усиливается, и мы с прот. Д.Рождественским, который объясняет отцу, насколько трудно разместить всех желающих участвовать во встрече, спасаемся под воротами, а оттуда идем к архимандриту Ювеналию, который проводит нас через алтарь лаврского собора на амвон за балюстраду. О том, как приехал Патриарх и как он добрался до Лавры, мы узнаем только позже от очевидцев и от о. Философа Орнатского.

Несмотря на запрещение, железнодорожники прицепили к почтовому петербургскому поезду особый вагон I класса и когда Патриарх появился на платформе, его провели со свитой и сопровождающими его людьми в конец поезда. Путь был совершенно спокойным. Чтобы не тревожить Святейшего, к нему никого не пускали и не было приемов на станциях. Только в Любани поднялся в вагон преосв. Артемий.

На Знаменской площади к моменту прихода поезда делалось что-то невероятное. Все прилегающие улицы были полны народа и всякое движение прекратилось. Митрополит Вениамин с депутацией от духовенства ждал у самого перрона и сильно волновался, но никаких инцидентов не произошло. Все: и железнодорожники, и даже вокзальные милицейские — были в высшей степени предупредительны, а высшее начальство не показалось.

Выйдя из вокзала, Патриарх сел в открытое ландо с митрополитом Вениамином. В это время прояснилось, и дождь прекратился. Видя, что толпа со всех сторон бросается к коляске и хочет его увидеть и получить его благословение, Святейший встал и так и остался стоять, поддерживаемый митрополитом

Вениамином, который тщетно упрашивал его сесть. Перед Патриархом в экипаже везли крест, трехплетеную свечу и посох, а за ним ехали ближайшие члены свиты и встречавшие. Почти вся толпа крестилась, многие плакали. Крестились и немногочисленные милиционеры. Во время пути проглянуло солнце, и день потом был ясный и тихий. Перед лаврскими воротами было многолетие, и вскоре все шествие двинулось к собору.

Продолжаю рассказ уже как свидетель. За час до приезда в Лавру сообщили, что Патриарх благополучно прибыл в Петербург, но, чтобы не было слишком большой давки, в собор никого не пускали, и толпа стояла кругом на кладбищах, в других церквях и перед Лаврой. Лаврский ризничий и прот. Рождественский хотели сперва разместить духовенство и часть крестных ходов. Все священнослужители были в так называемых парадных форменных облачениях, которые имеются в каждой церкви Петербурга: золотая парчовая риза или стихарь, без украшений, с серебряными крестами.

Так как капелла и синодальный хор были распущены, пришлось создать новый хор из диаконов епархии, в котором было 60 человек. Они были в облачениях. Духовенство входило в храм попарно, начиная с самых младших. Старика прот. Исполатова, настоятеля Исаакиевского собора, едва дотащили, но он хотел все же быть повсюду... Всего было в облачениях 200 священников, которые заполнили весь центр храма. После этого был допущен народ. Я никогда не видел такой картины. Люди ринулись в собор лавиной и наполнили его буквально в 5 минут. Они влезали на карнизы, колонны, повсюду, где можно было зацепиться, и у всех только и было одно желание, скорей увидеть и услышать нашу надежду — Патриарха. Это были все больше мастеровые и рабочие, женщины не решились участвовать «в приступе». Несмотря на старания отца Дмитрия [Рождественского], который очень сердился и волновался, народ перемешался с духовенством и в соборе негде было яблоку упасть.

Патриарх шел рядом с митрополитом Вениамином и его от напиравшей сзади толпы защищала могучая фигура архидиакона Розова. Невозможно передать того настроения и того единодушного порыва, который охватил всех. В тоже время не было ни криков, ни шума, ни даже выражений большой радости, а какая-то благоговейная сосредоточенность. Патриарх немного постарел с 16-го года, когда я в последний раз его видел,

но тогда это был сгорбленный старичок, а теперь, несмотря на усилившуюся седину и усталость, вид у него был величавый и необыкновенно спокойный. На нем была короткая мантия темно-зеленого цвета, кукол с херувимами, и он держал в руках посох патриарха Никона. Крест патриарха Филарета из точеного кипариса на высокой палке нес перед ним один из протодиаконов. Трехплетеную свечу поставили около Царских врат. Святейший вошел на минуту в алтарь, приложился к престолу и вновь вышел на амвон, чтобы произнести свое первое слово к петербургской пастве. Говорил он не очень внятно, но в соборе водворилась такая тишина, что было слышно каждое слово. Все, что он сказал, врезалось в память навсегда. Патриарх говорил о том, что мы должны стоять за свободную веру до смерти, до мученичества и что нас ожидают страшные годы.

Благословив присутствующих, Святейший пошел через расступившуюся толпу к выходу, где его задержали разные депутации. Когда мы, обойдя собор, вышли на мостки, ведущие к митрополичьему дому, он еще не проходил. Как депутацию Казанского собора нас поместили в первом ряду. Посреди дорожки стояла четырехлетняя девочка с большим букетом, который она храбро передала Патриарху. Выражение скорби и строгости сразу исчезли с его лица. Он взял букет и так и не выпускал его из рук, когда появлялся на балконе митрополичьих покоев. Им он благословлял нерасходившуюся толпу.

Святейший остановился на Фонтанке в подворье Троицко-Сергиевской лавры[28] и пробыл там всю неделю. Там же он слушал правило и всенощные.

Среда, 30 июля. Св. Исаакия Далматского

По случаю храмового праздника кафедрального собора, Святейший служил там литургию. Мы пришли в собор очень рано и приняли участие в торжестве. Конечно, о прислуживании не могло быть и речи, так как помогали одни протодиаконы. Были только местный посошник и свеченосец. Из-за буднего дня собралось не очень много народа, но все же огромный собор был на 3/4 полон. Служба тянулась бесконечно из-за всевозможных непредвиденных задержек. Облачения удалось набрать очень красивые. Патриаршая ризница хотя была разграблена, но отдельные вещи, благодаря стараниям следователя Руднева, были найдены, и в Петербург было привезено три полных набора: саккос Патриарха с нашитой

второй епитрахилью, широкие поручи с дигаммами, особые митры и мантии были все исторические. У входа в собор ждало так много депутаций с подношениями (была передана 21 икона), что задержка превысила полтора часа. Патриарха епископы встречали в мантиях. Они стали по обеим сторонам прохода. Митрополит Вениамин приехал со Святейшим, и на него надели голубую мантию. Облачили Патриарха на большом месте посреди храма, причем на обычные ступени было поставлено особое маленькое, для него одного, возвышение, так как русские патриархи стоят в ряд с епископами только выше их. На Востоке архиереи становятся со священниками.

Каждое облачение выносили по очереди протоиереи. Хор был изумительный. К основным 60 голосам присоединилось много приезжего духовенства и артистов.

Несмотря на почти непреодолимые трудности, просфоры были из белой муки и вино для всех. Сослужило Святейшему кроме 4 архиереев 12 протоиереев и 10 протодиаконов. Вынесли знаменитое золотое двухпудовое Евангелие, подаренное императрицей Елизаветой старому собору. Его на мало несли архидиакон Розов и прот. Косогорский.

Вернулись мы домой (служба еще не кончилась) в 2 часа и сразу стали готовиться к завтрашнему торжеству.

Четверг, 31 июля. Вознесение Господне

Патриарха вчерашняя служба сильно переутомила, и он весь остаток дня пробыл на Подворье, где местные архимандриты отслужили для него всенощную.

Сегодня, благодаря празднику, все население освободилось от работы, и многие с ночи начали собираться на службу. При первой же возможности все ринулись к собору, заполнили его и площадь, и к прибытию Святейшего, Невский, Казанская и канал [Екатерининский] были сплошным морем голов. Кое-кто разошелся после проезда, но к крестному ходу толпа еще увеличилась и достигала нескольких сот тысяч человек.

Служба была такая же длинная и торжественная, как и в кафедральном Исаакиевском соборе, пели очень хорошо. Сослужило много духовенства. Преосвященный Артемий не хотел, чтобы святейший целовал ему руку перед «Верую», когда епископы и священники подходят друг к другу, и я слышал, что Святейший добродушно и строго заметил: «Владыка, не надо унижать Вашего сана». Зато, когда Патриарх причащал

архиереев, то все целовали ему руку, как и тогда, когда он благословлял в конце литургии прощавшихся с ним.

В 3 часа был грандиозный крестный ход вокруг собора и тут только я понял, что толпа, несмотря на порыв чувств и восторг, иногда может быть и дисциплинированной. Никакие дружины не помогли бы против напора. Золотая лента духовенства буквально терялась в черном море, и видна была только широкая фигура Розова, и никто не был ни раздавлен, ни ранен. Все прошло чинно и с таким единодушием и силой, что власти окончательно присмирели и до отъезда Патриарха не выходили на улицу.

После службы Патриарх и епископы прошли на квартиру отца Философа Орнатского, который был именинником в тот день, а толпа не расходилась до пяти и Святейшему все время приходилось выходить на балкон и благословлять. Тут было много криков, и часто толпа начинала петь священные песни.

Я вышел в 6 на Невский и пошел в сторону Думы. Против католического костела встретил Настасью Давыдовну Панчулидзеву. Она меня обняла тут же посреди улицы и радостно вскрикнула: «Неправда ли, сегодня самый счастливый день нашей жизни!».

Пятница, 1 июля.

Утром Святейший ездил на Карповку в Иоанновский монастырь[29] и сам служил панихиду по отцу Иоанну Кронштадтскому, а потом долго молился на могиле праведника.

Днем было торжественное собрание в Исидоровском училище[30], на котором Патриарху было представлено духовенство епархии, профессора Академии и общественные деятели Петербурга. Отец был на собрании, говорил несколько минут со Святейшим и вынес впечатление, что тот чрезвычайно переутомлен. Речи, как всегда, были бесконечные. Святейший отвечал кратко.

Суббота, 2 июля.

Несмотря на упрашивания всех близких, Патриарх поехал сегодня в Кронштадт, к тем самым матросам, которые приезжали в Москву, чтобы его убить. С ним поехало несколько десятков дружинников с бело-голубыми повязками, но все прошло хорошо. Была служба в соборе, а потом святейший поехал по городу. Некоторым морякам он давал благословение,

а другим, принимавшим участие в убийствах офицеров, отказывал. Одна женщина на соборной площади бросилась к коляске и передала пакетик со словами: «На тебе, родимый». В пакетике оказался кусок самодельного мыла и шерстяные чулки.

Максим чувствует себя плохо. У него сильные боли. Завтра поэтому он не поедет в Лавру, хотя архимандрит Ювеналий обещался устроить нам прислуживание. На Невском около Пассажа уже продаются фотографии приезда, но, к сожалению, очень дорого. В газетах все эти дни — ничего, как будто бы существуют два разделенных непроницаемой стеной города, которые друг друга не признают.

Воскресенье, 3 июля.

Сегодня великое торжество в Лавре: Патриарх хиротонирует во епископа Охтенского старообрядческого арх. Симона (Шлеева). Мы не смогли туда попасть и очень были огорчены. После службы Святейший, вызванный в Москву, уехал из Петербурга раньше, чем предполагал. Столица никогда не забудет этих дней подъема и великого духовного торжества.

Глава III

1) Жизнь на Всеволожской и в Петербурге. Июнь—июль
2) Поездка в Лодейное Поле. 7—9 июля

Как только уехал Св[ятейший] Патриарх, мать решила воспользоваться приглашением нашего швейцара Василия Поликарповича Кононенко, который на скопленные им деньги купил кусок земли и построил дачу в 17 верстах от Петербурга по Ириновской железной дороге. Василий хотел ехать на юг, но пока это было невозможно, он решил поселиться с нами на своей даче и помогать нам по хозяйству. Так как на месте нельзя было почти ничего достать, матери приходилось три раза в неделю ездить в город за продуктами. Взяли мы с собой только самые необходимые вещи, но устроились хорошо. Дом был большой, построенный из сосновых бревен и досок, стоял посреди сада-леса, кругом тихо и воздух удивительный. Ехать приходилось сперва на трамвае до Смольного, потом идти пешком до перевоза и час с четвертью ехать на поезде мимо пороховых заводов и Ковалева, нашего родового имения[31], которое было отстроено Петром Петровичем [Ковалевским], когда он был начальником Артиллерийской лаборатории на Пороховых, которое перешло от него (после его смерти в 1855 году) к Евграфу Петровичу [Ковалевскому — старшему]. Туда он приезжал часто на лето с прабабушкой Анной Степановной и там был отпразднован в 1860 году юбилей — 50-летие государственной службы, на который съехался весь Петербург и на котором кн. П.Вяземский произнес свою знаменитую речь. После смерти прадеда Ковалево перешло к Михаилу Евграфовичу [Ковалевскому], который устроил там образцовую колонию малолетних преступников. Семейным имуществом остались лишь два каменных льва у въезда в имение, которых нас просили взять, но мы не смогли их перевезти из-за их тяжести.

Последние версты дорога шла по лесу, и мы, обычно, выходили на площадку заднего вагона и беседовали с кондукторами о делах и трудностях жизни. На месте удалось нала-

дить доставку молока, изредка — мяса, и собирание грибов, которых в лесу было очень много. Василий Поликарпович занялся сразу кухней, но распределение продуктов, имевшихся в малом количестве, как хлеб и яичный порошок, было возложено на меня. Мы делали большие прогулки по лесам, редко ездили в Петербург и проводили время в разговорах с Василием, который строил один фантастический план за другим о поездке в Ютановку. Мать читала нам вечерами «L'Île Inconnue» P.Coulevain. Кое-кто приезжал к нам в гости: были тетя Женя и дядя Миша (Леонтьевы), приезжал буфетчик Ефим Поликарпович (брат Василия), заходили соседи. По воскресеньям и праздникам мы ходили в церковь, которая была довольно далеко. Пели там любители. Мы сразу предложили свои услуги и читали на клиросе. На Троицу 10 июня весь пол устлали травой, так как цветов почти не было и украсили образа листьями. Евграф читал Апостола. В середине июня Максим серьезно заболел, и мать отвезла его в Петербург, где он и остался. Оказалось, что у него воспаление аппендикса, но никакой операции сделать было нельзя, и милейший доктор Пажеского корпуса Георгий Викентьевич Миштовт взялся вылечить его без операции: строгим режимом, льдом, опиумом против невыносимых болей и лежанием в постели. Он был удивительно внимателен и заезжал каждый день. Мать оставалась при Максиме и приезжала редко, так что в течение двух недель мы жили втроем (Василий Полик[арпович], Евграф и я). Отец вообще мало приезжал на Всеволожскую, так как был занят делами объединения кооперативов и устройством с И.В.Никаноровым Братства Приходов Петрограда и Епархии.

В Петербурге началась холера[32], к счастью, не очень сильная, и становилось все труднее и труднее находить пищу.

У нас почти каждый день собиралось духовенство (главным деятелем был священник Стрельников) и приходские работники, а также представители кооперативов. Владыка Вениамин просил отца принять на себя совместно с присяжным поверенным Ковшаровым юридическую защиту Церкви, так как участились случаи арестов и ограблений.

В июле месяце произошло восстание левых эсеров, которые засели в Пажеском корпусе, и несколько дней в Петербурге шла перестрелка[33].

Поездка в Лодейное Поле. 7–9 июля.

Суббота, 7 июля.

К июлю месяцу в здоровье Максима наступило значительное улучшение, припадки стали реже, и мать решила выполнить давно задуманный план поездки к бабушке в Лодейное Поле. Для этого надо было получить необходимые документы, а так как Петербургская Областная Коммуна была в плохих отношениях с Северной Областью[34], самым трудным оказалось получить визу на въезд туда. В местном районном комиссариате оказались, к счастью, знакомые, которые составили необходимый документ, поставили визы, и оставалось только купить билеты. Два раза в неделю до Петрозаводска ходил международный вагон, и с большим трудом отцу удалось достать нам два билета. Поезд шел в 10 вечера с Николаевского вокзала. Это был канун Казанской Божьей Матери, и мы зашли в Казанский собор. Служил митр. Вениамин, народа была тьма; мы постояли до конца литии и двинулись в путь. Поезд переполнен до отказа, публика очень смешанная: и советские чиновники, и местные жители, едущие на север. Отец дал большую сумму денег проводнику, который взял нас под свое покровительство и был очень любезен, несмотря на то, что страдал зубной болью, был весь завязан и огрызался на каждый вопрос других пассажиров. Это спасло нас от излишних анкет и допросов комиссаров. Ночь прошла относительно спокойно, только с отъездом запоздали на 4 часа. Билеты и разрешения мы сдали проводнику. Ехал поезд очень медленно.

Воскресенье, 8 июля. «Казанская».

К 6-ти часам утра мы проехали Званку и добрались до «границы» — «Михаила Архангела», который всего в 120 верстах от Петербурга. Здесь дела испортились. Стояли мы на полустанке часа два, все проверяли бумаги; проводник несколько раз приходил к нам совещаться, что говорить: он был вполне на нашей стороне. Почти все пассажиры покинули поезд и куда-то разбрелись. В спальном вагоне осталось человек 5–6. Наконец, проводник объявил нам, что у нас не все визы в порядке и нет разрешения из Архангельска, но что он в последний раз пойдет к комиссару. Я подошел к окну. По деревянной платформе прогуливалось двое военных во френчах, а против нашего купе стоял студент еврейского типа — это

и оказался комиссар станции. Посмотрев пристально в нашу сторону и выслушав доводы проводника, он росчерком карандаша отметил на бумаге о въезде в Сев[ерную] Коммуну. (Мне кажется, что в этом деле, несомненно, сыграло роль наше имя, так как память о Макс[име] Макс[имовиче Ковалевском] в среде студентов была очень сильна).

Поезд тронулся. Я впервые ехал по этим местам, так как до сих пор мы совершали путешествия по озеру и каналу. Мурманской дороге едва исполнилось два года. Путь шел все больше по торфяным болотам и лескам, иногда через холмистую местность. Станции попадались редко, построены они в русском стиле, деревянные, с узорами на крыше и гребешками. Воздух дивный, реки широкие и спокойные, особенно Паша и Оять. На остановках бегали по домам, отыскивая какой-либо пищи, но ничего нельзя было достать, настолько силен был голод в деревне. К 11 часам сильно проголодался, и единственной, назойливой мыслью было как можно скорее что-либо взять в рот и утолить голод.

Между Колчаново и Пашей ехали по торфяному пожару. Тушить его было некому, и целая тысяча десятин кругом пылали. Огонь шел спокойно, извиваясь по сучьям и хвое, доходил до тощего деревца, которое вспыхивало сразу, и шел дальше, оставляя по себе только головешки и золу.

К Лодейному Полю подъехали только к полудню. Железная дорога его сильно не изменила, хотя появился рабочий поселок на горке, но городок остался таким же глухим и провинциальным, каким был спокон века. Думали застать бабушку еще в соборе, но запоздали, все уже разошлись: поезд опоздал почти на 4 часа. Прошли знакомыми улицами по дощатым тротуарам, мимо деревянных одноэтажных домов к Лукерии Пашковой, где бабушка поселилась после революции и где хотела доживать свой век. У Лукерьи был свой дом, и она предоставила бабушке лучшую комнату и ходила за ней. Главная улица на берегу Свири не изменилась, тот же садик, где играли детьми, та же часовенка на крутом скате, на месте гибели одного жителя города. Все те же магазины на Соборной площади, но закрытые и пустые. Даже население не увеличилось и, как говорили соседи, осталось все тем же, как в Петровские времена: 1500 человек.

Бабушка, хотя и была предупреждена, но очень разволновалась нашему приезду. Лукерья уже по дороге захватила меня

и начала угощать, и я не успел сесть, как уплетал за обе щеки блины из белой муки, которую мы не видели уже много месяцев сряду.

Весь день прошел в беседе; бабушка сильно постарела и еще более просветлела. Ей исполнилось весной 80 лет, и она ясно сознавала, что долго не проживет, что скоро будет лежать рядом с сестрами на дивном Лодейнопольском кладбище — среди сосен, елей и цветов. Мать обещала навестить ее через полгода, и бабушка выждала этот срок, а потом мирно и тихо отошла в вечность осенью 1918 года.

Уложили меня спать на креслах и диване, как прежде, вспоминали предпоследний приезд, когда мы в 1913 году приезжали к тете Юле, и когда ночью сломалось два стула, и я с грохотом упал на пол, испугав до полусмерти всех обитателей мирного дома.

Понедельник, 9 июля.

В понедельник ходили с бабушкой к нашей общей хозяйке, у которой снимали много лет дачу на лето, а оттуда по песчаному склону на кладбище. Нигде, кажется, в России я не встречал такого чудного погоста. Воздух благодатный, весь пропитанный смолистым запахом сосны и ели, стройные деревья и среди них кресты в зелени, а кругом песок; вдали Свирь и по ту сторону — бесконечная серо-синяя даль Александро-Свирского монастыря, поля, полные васильков и красных маков. Остановился около родных могилок: там похоронена прабабка Ольга Исидоровна, умершая в 90 лет, и пять сестер бабушки, умершие тоже в глубокой старости. Хотя я и южанин[35], но люблю северную природу, особенно ее величавую спокойность. Люди там тоже особенные, не похожи на южного или центрального мужика. Крестьяне, никогда не знавшие крепостного права, домовитые, полные собственного достоинства; даже в их внешности есть нечто благородное, недаром целые селения населены князьями Мышецкими и столбовыми дворянами, и простые крестьяне в деревнях называют себя князем и княжною. Наши, Люговические, всегда рассуждали обо всем разумно и здраво. Помещиков в Олонецком крае очень мало, земельного вопроса не существует, не было и той злобы, которая развивалась у нас на юге.

Вечером пришлось уезжать обратно в Петербург. Бабушка хотела нас проводить до вокзала, но устала и пошла с Лукерьей домой. Это было наше последнее с ней свидание. Как сейчас

вижу ее, машущую нам издалека платком, а рядом с ней круглую фигуру хозяйки, и дорогу, ведущую в город, и вечерний день, и в тишине раздающиеся стуки и звоны железнодорожного поселка.

На платформе полно. Едет настоятель монастыря архимандрит Евгений с послушником. Садимся все во 2-ой класс: ни первого, ни спального нет. Обратный путь ночью проходит спокойно, хотя разговоры не смолкают ни на минуту. Против нас сидят двое русских, возвращающихся из Америки, оба политические эмигранты, рядом с ними американец, в первый раз приехавший в Россию и интересующийся всем. Разговор идет то по-русски, то по-английски. Русские выходят на каждой станции утром и занимаются пропагандой, собирая вокруг себя кучки пассажиров, местных крестьян, пришедших к поезду, и служащих. Слышны только отдаленные выкрики и обычные лозунги: «Кровопийцы, враги народа, классовая ненависть».

Американец, который очень крайних политических убеждений, отзывался очень сурово о президенте Вильсоне и современном американском строе. Русские же оба ругали Россию, как могли. По просьбе русских, американец дал им адреса своих приятелей в Америке, которые могли бы придти на помощь их делу, и разрешил обратиться от своего имени, так как к концу лета оба русских собирались возвратиться в Америку.

Разошедшись, оба эмигранта, которые излили всю свою желчь на Россию, начали ругать Америку. Тогда американец очень вежливо попросил у них обратно блокноты, в которых они записали адреса и, вырвав листки, скомкал и бросил их в окно. Русские просто остолбенели и начали ругать его немилосердно. «Я терпел, когда вы поносили вашу страну, это ваше дело, но когда вы посмели плохо отозваться о моей родине, то, хотя я и не поклонник нашего современного режима, я не могу более вас уважать и считать друзьями. Поэтому и рекомендовать вас не буду». Самое удивительное, что оба русских так и не поняли мотива уничтожения листовок. «Как можно быть демократом и современным человеком и так низко преклоняться перед своей родиной», — патетически заявил один из них. «Но мы — русские, у нас нет ничего святого», — прибавил другой, —Мы может все ругать и все сокрушать без зазрения совести».

Мы с матерью благополучно добрались до дома, а через несколько дней опять поехали на Всеволожскую в ожидании делегатского поезда на Юг. Поехал с нами и отец.

17-го мы окончательно вернулись в Петербург, так как начали уезжать делегатские поезда в Киев, а отца предупредили, что ввиду его слишком энергичной работы в пользу Церкви и кооперативов, ему угрожает арест. На первый поезд мы не могли попасть и получили разрешение на второй. Для этого отец достал в Украинском представительстве на Лиговке «Пидсвиченни», свидетельствовавшие, что мы действительно уроженцы Харькова и возвращаемся на родину.

Вечером, в день приезда в Петербург, я пошел пройтись по Невскому. Когда я подходил к б. магазину Суворина[36] и Армянской церкви, навстречу мне попался газетчик, который, при полном равнодушии проходившей толпы, выкрикивал: «Расстрел Николая Романова». В листке сообщалось, что «в виду организованной попытки к бегству, бывший царь Николай Романов сегодня ночью убит по приказу екатеринбургских властей». О царской семье не говорилось ни слова. Цареубийство было принято народом бессознательно-равнодушно, и только отдельные лица были потрясены этой вестью.

Удивительно, что за несколько дней до убийства[37] царя, мать видела английского каноника (заменявшего епископа) Ломбарда, который одновременно защищал интересы английских подданных в Петербурге. Она пошла к нему, чтобы устроить мадам Сертье (рожд. Митчель), старуху англичанку, которая жила у нас уже несколько месяцев. Мать застала Ломбарда в очень подавленном и возбужденном состоянии. Он сообщил ей, что власти просили его передать английскому правительству, что вся царская семья казнена. Он сообщил в Лондон и получил ответ, что вопрос о царской семье не интересует английское правительство. Видимо, Советское правительство хотело испробовать, как отразится известие о смерти царя на отношениях с державами, и только потом привело в исполнение свой план.

Мадам Сертье удалось отправить в английскую богадельню, и мы больше о ней не беспокоились.

По субботам мы продолжали ходить в церковь Вознесения, а по воскресеньям — в Казанский собор. Однажды, войдя туда, я заметил какое-то особенное возбуждение: многие плакали, другие говорили вполголоса. Скоро набралось много народа, и о. Тимофей Налимов сообщил всем, что настоятель собора, о. Философ Орнатский, арестован, и что ему грозит расстрел, так же, как и 4 его сыновьям-офицерам. Начался молебен, который

служило все духовенство. О. Философа так и не выпустили, и мы узнали потом, что он погиб смертью христианского мученика, благословляя сперва сыновей, которых убили на его глазах, а потом и расстреливавших его солдат[38]. Арест о. Философа произвел на всех очень тяжелое впечатление, так как его уважали и любили повсюду.

В Москве убили германского посла графа Мирбаха[39]. В прежнее время это послужило бы причиной войны. Но, видимо, Советы были нужны Германии, и никаких репрессий не последовало. Немецких цеппелинов ждали ежедневно над Петербургом, и они мерещились за каждым облачком.

Последние дни июля были употреблены на уборку квартиры и укладку ценных вещей. Издания и альбомы положили в кладовую наверху, часть вещей дали Михаилу Милькоту (курьеру Комиссии), часть спрятали в 10-м номере. Брали мы с собой на юг очень мало, так как нам сказали, что можно взять ручные вещи и две корзины. В сундук и корзину уложили белье и самое необходимое.

В один из последних дней исчез наш ангорский кот Принц, который был одним из лучших представителей голубоглазых ангоров в Петербурге. Он никогда никуда не уходил, а тут пошел, как обычно, по карнизам и не вернулся. Горевали мы все, но главным образом, кухарка Лиза. На нее мы оставили квартиру и все наши вещи. Ее сын Коля обещал заходить и присматривать за порядком.

Глава IV
Поездка на юг

30 июля—12 августа.

Последние дни в Петербурге были очень тревожны, происходила перепись офицеров. Урицкий неистовствовал на Гороховой, расстрелы шли беспрерывно, говорили о массовых арестах и суде над министрами и сановниками, ждали немцев, и каждый вечер мерещились над городом цеппелины. Голодовка достигла небывалых размеров. Есть было буквально нечего. Целый день все проводили в очередях, стараясь где-нибудь что-нибудь получить. Хлеба давали 1/16–1/32 фунта, да и то не всегда. Запасы галетов и овса приходили к концу, и отец решил во что бы то ни стало уехать на юг, главным образом, от голодовки, но также и от гнета, который становился с каждым днем все сильнее и сильнее. Прощание со своими было грустное. Леонтьевы оставались, но дядю Мишу высылали в Вятку в скором времени, Ася и Люша, тетя Маруся и Шуриновы и все друзья не могли покинуть Петербурга, но мы не имели чувства, что уезжаем надолго, казалось, что все здесь не вечно, что переменится власть и мы сможем вернуться опять на север... После неудачи с первым поездом, решили обязательно попасть на второй, который должен был уйти из Петербурга в конце июля. «Пидсвеченни», то есть, по-русски паспорта, для Украины у нас уже были, и оставалось только добиться мест, а желающих была тьма, особенно после последних арестов. Отец, который всегда был необыкновенно решителен и предприимчив и никогда не сдавал даже перед большевиками, решил действовать наверняка. Комендантом второго поезда был назначен некто Шликевич, человек лет 30, фат, трус и бездеятельный, от которого ничего нельзя было добиться. Мы с отцом ездили много раз к нему на квартиру, но или не заставали, или он не мог нам ничего сказать. Тогда отец со мной отправился к главному агенту Международного общества спальных вагонов, который помещался в доме Лютеранской церкви Петра и Павла на Невском, и предложил ему нанять целый спальный вагон. Тот сперва испугался, но потом понял, что каждый вагон,

переехавший границу, будет более сохранен, чем в Петербурге, и согласился за нормальную цену и 1000 руб. залога, но с обязательством вернуть обратно при первой возможности. Отец и член Думы Кринский заплатили пополам за проезд и сговорились с Царскосельским вокзалом о прицепке его к делегатскому поезду. Теперь можно было даже помочь выехать и провезти, кого мы хотели, но просьб за первые же дни пришло так много, что поместить всех было нельзя. Себе мы оставили 4-местное купе, а в последнюю минуту комендант дал нам два места во 2-ом классе, который мы занимали только первую ночь, а потом уместились впятером в своем купе, так как Сережка Шидловский перешел пешком границу, не ожидая переезда поезда.

Утром ездили на Царскосельский вокзал с багажом, сдали наш сундучек, так как много вещей не разрешалось брать с собой. Весь день прибирали квартиру, переносили кое-какие вещи в 10 номер, но так как тут жить оставалась Лиза и Михаил с женой, которые поселились в верхних комнатах, то все главное оставили на местах, спрятали только некоторые картины и редкие издания. За несколько дней перед нашим отъездом ушел наш знаменитый ангорский кот, вызывавший у всех восторг. Его или украли, или он по глухоте попал под автомобиль, но он так и не вернулся.

Из дома вышли пешком только с маленькими вещами и пошли по Невскому к Садовой, где надо было садиться на трамвай. Всюду пусто, мало езды. Хотя и не верилось, что покидаешь надолго родной город, но все же было грустно на душе. У Публичной библиотеки, на углу около Гостинного двора, распрощались с Леонтьевыми, которые пошли нас провожать. На вокзале тихо, только оживлена царская платформа, на которой будет стоять делегатский поезд, снуют люди, всюду корзины, сундуки, чемоданы. Поезд еще не подан, а на путях уже толпа. Хотя все места расписаны поименно, и комендант ходит со списком, волнение невероятное. Наконец, с опозданием показывается состав, вагонов недостаточно, но наш спальный прицеплен в середине. Кое-как все размещаются. Следим, чтобы погрузили и наш сундук. У нас кроме четырехместного купе было два места во 2-ом классе, мы хотели уступить одно и лечь с Максимом на одном диване, но какая-то дама подняла истерику, утверждая, что мы убьем ее, так как диван не выдержит. Пришлось лечь каждому на свое место.

Поезд бесконечно долго не уезжал, время шло, а никто не понимал, в чем дело. Оказывается, многие, занесенные в список, не явились, их искали по городу. Один господин приехал, как ни в чем не бывало, в 11 часов, тогда как отъезд был назначен на 8. Наконец, тронулись в путь. Паровоз прицепили курьерский, и мы ехали всю ночь очень быстро.

1 августа. Среда.

Поезд останавливается мало. На первых станциях ничего купить нельзя, поэтому, когда на Ново-Сокольниках появляется черный хлеб, — правда, в ограниченном количестве, — в вольной продаже, весь поезд бросается из вагонов к базару. Скупают все — нужное и не нужное. С трудом удается загнать всех в вагон, один пассажир так и теряется. На поезд смотрят все с удивлением. Вместо привычных товарных вагонов — самые лучшие классные и два международных. Компания не поскупилась, так как надо было вывезти лучший состав на юг, в Киев.

В Витебск приехали после обеда, задержали нас там с час и только в 3 отпустили дальше. Для охраны делегатского поезда был дан отряд солдат, которые занимали целый вагон и были под командой офицера. К Орше команда сильно перепилась и начала галдеть и как раз некстати раздалось: «Боже, царя храни!» Команда в тот же день уехала обратно, а к пассажирам отнеслись с сугубой осторожностью. Кроме законно прописанных пассажиров, в поезде было 104 офицера, пробиравшихся на юг.

В 5 часов поезд остановился у Оршинского вокзала, и мы узнали, что получено распоряжение из Москвы задержать всех[40]. Первый же делегатский поезд так и не переехал границы, а был направлен для проверки целиком в Москву. Большинство пассажиров имели документы и решили стоически ждать в поезде, а 104 офицера, в том числе Сережа Шидловский и два племянника Мангуби (директора дороги), ехавшие с нами, в тот же вечер пешком пошли на границу и в темноте, при помощи местных крестьян, переправились на немецкую сторону и сели в госпитальный поезд.

2—6 августа.

Началось долгое сидение в Орше; поезд каждый день переставляли на новый путь, то ближе, то дальше от станции. Комендант, как только мы приехали, заболел и не хотел пока-

зываться. Чтобы вести переговоры с комиссарами и добиться пропуска поезда, все пассажиры собрались на общее собрание и выбрали Главноуп[равляющего] Красного Креста кн. Аматуни, который сейчас же послал телеграммы в Петербург и Киев и вошел в переговоры с начальством на станции. Все дни, пока поезд стоял в Орше, действовала эта своеобразная республика, поезд управлялся советом, в который вошел и отец, и вела переговоры с властями, ставила условия и добивалась многого. В нашем вагоне, кроме нас пятерых, жили Варвара Михайловна Татищева и Варв[ара] Дмитриевна Бибикова. Ник[олай] Ник[олаевич] Шебеко (русский посол в Вене), один крупный инженер с дочкой, Комиссаржевский с семьей, член Думы Дмитрюков с женой, Невадовский, член Думы Кринский с женой, адм. кн. И.И.Трубецкой, Ив[ан] Мих[айлович] Коростовец и др. В одном из вагонов 2-го класса ехал сенатор Г.В.Глинка, директор Переселенческого Управления, кн. и княгиня Гедройц и мн[огие] другие знакомые. Сейчас же за станцией были проволочные заграждения, и за ними ходили немецкие солдаты, а поперек пути были положены доски. Немецкое командование было на Орше-товарной и при нем был советский комиссар Николаев. На Орше-пассажирской, которая представляла из себя большое кирпичное здание без крытых платформ, был сплошной обжорный ряд. Торговали в лавчонках солдаты, и можно было купить французские булки, и колбасу, и сладости, провозимые с немецкой стороны, но за невероятно высокую цену. В самом городе, куда мы ходили и ездили несколько раз, не было ничего интересного. Население пряталось по домам, промышляло переправой через границу беглецов и всевозможной контрабандой.

С первого же дня встал вопрос о питании поезда. Ведь было в нем несколько сот человек. Многие, и в том числе и мы, ходили по окрестностям и скупали у крестьян и железнодорожников яйца, которые тут же у них и варили. Одна пекарня недалеко от вокзала взялась печь в 3 часа бриошки* и пряники. Их доставляли сотнями совсем горячими к поезду, и они тут же расхватывались. Несмотря на все получки, пищи не хватало, так как самые простые продукты ценились на вес золота: например, яйца 11 руб. за десяток, а рубль был в то время еще большой суммой. На базар в город привозили кое-что, но

* от фр. *Brioche* — сдобная булка.

обычно все перекупалось торговцами. На наше счастье, поспели первые яблоки и были сносны по цене.

Каждый день было собрание делегатов и переговоры с комиссарами, но дело не продвигалось. В Оршу приехал даже специальный чиновник для борьбы со взяточничеством и контрреволюцией, грузин, говоривший по-русски с акцентом, и между ним и станционным начальством началась борьба, отсрочивавшая решение нашей судьбы.

На третий день мы пошли разыскивать поблизости церковь, чтобы пойти туда на Преображение. Недалеко от вокзала оказался довольно большой каменный храм, и когда мы вошли в него, то застали там крещенские часы, которые читал Г.В.Глинка. С этого дня мы посещали ежедневно церковь и приняли даже участие в чтении и пении.

Наконец, на Преображение все поняли, что так или иначе решится дело, так как по гигиеническим условиям жить в вагонах становилось очень трудно. Отец созвал в нашем купе совещание, на котором присутствовал Аматуни, комендант и председатель следственной комиссии, и им намекнули, что расходы по отправке будут оплачены. Тогда Варв[ара] Мих[айловна] Татищева вызвалась передать им без свидетелей деньги: она прямо, без красивых слов, спросила, сколько им надо, и дала при этом 1000 рублей. Они сказали, что мало, тогда им передали еще 1000, чем они вполне удовлетворились и объявили на следующий день днем выпустить поезд.

Вторник, 7 августа.

Весь день прошел в ожидании. Паровоз должны были привезти с минуты на минуту, но возникли новые недоразумения с комиссаром Николаевым, и до вечера ничего не выяснилось. Хорошо, что по доброй русской традиции кипяток на станции давали даром, и весь день пили чай или нечто похожее на чай. Зато все утешали себя мыслью, что за проволочным заграждением можно будет получить всего в изобилии. Внешне станция и особенно платформы, не исключая и лавочек, представляли из себя невероятную грязь, всюду слякоть, окурки, корки, кожура от колбасы, между кучами мусора спящие тут же на камне солдаты, женщины с детьми, сидящие на мешках, ждущие неизвестно чего, а по ту сторону — идеальный порядок, чистота и выправка. Легли с тяжелым сердцем: неужели и взятка не помогла?

Среда, 8 августа.

Наконец, утром видим, едет паровоз с Орши-товарной, прицепили его к нашему поезду не спеша, и медленно состав двинулся к «границе» — после 7-дневного стояния. Как только последний вагон перешел через ворота, все облегченно вздохнули, перекрестились и повеселели. Я стоял на площадке нашего вагона с проводником, очень хорошим, дельным и серьезным человеком. Он грустно качал головой: «Вот, все радуются, а ведь родину покидаем и к немцам-врагам едем!» Мне стало тяжело на душе: дойти до того, чтобы радоваться искренно, что покинули Россию и переезжаем к немцам — в этом было нечто глубоко оскорбительное для русского сознания, что я несмотря на облегченное чувство, понял вздох простого русского человека и прибавил: «Да, вот до чего дожили: и немцам рады».

На Орше-товарной нас ждало разочарование: кроме путей, санитарных пустых поездов, ничего, ни продуктов, ничего покупного. К тому же, чтобы нам насолить — комиссар Николаев убедил немцев пустить нас по товарному расписанию, и сколько мы ни уверяли коменданта, что мы schnellzug*, нас задерживали на каждой станции до Жлобина по часу и везли шажком. На первых станциях — ничего, нищета невероятная, все встревожены строгостями на границе, население само не имеет продуктов. На платформах немецкие будки, всюду чистота, но пустыня. В Могилеве нашли несколько десятков французских булок. Проехали мимо Быкова, откуда в конце 1917 года бежали на юг генералы, и в 3 часа добрались до Тощицы, которая по своему названию соответствовала вполне действительному состоянию деревни. Отец и Аматуни решили созвать на траве около поезда последнее собрание делегатов, чтобы принять меры к предотвращению голодовки. Было решено телеграфировать в Жлобин и просить местный буфет заготовить на 250 человек обед. Аматуни, как всегда, был оптимистичен, а нам казалось, что устроить обед на 250 человек — просто невозможно. Поэтому все тайно решили, что, как только поезд остановится, броситься в буфет и занимать места.

За долгие часы езды и за сиденье в Орше очень подружились со многими пассажирами нашего вагона, особенно с Ив[аном] Як[овлевичем] Коростовцевым, русским посланни-

*скорый поезд (*нем.*)

ком в Китае, который рассказывал нам очень живо за чаем (он любил его очень крепким, а это было неэкономно и сбивало все материны расчеты) в нашем купе о том, как он сумел убедить монгольских князей для своей же выгоды перейти в подданство русского царя, и как, не будь революции, вся Монголия перешла бы к России без единой капли крови.

В Жлобин мы приехали после 5-ти, и, как было условлено, на ходу бросились к буфету; местные жители и служащие смотрели на нас, как на дикарей, и никак не хотел и понять, что можно так спешить и волноваться за обед, который все равно заказан. Никогда не забуду, как старые люди, не успев сесть за стол, бросились на хлеб, набивали им все карманы и только спрашивали, можно ли еще. Накормили нас на славу. Столы ломились от явств, и после голодовки глаза разбегались. Кончился «пир», только когда дали звонок и надо было ехать.

После Жлобина поезд шел немного лучше, и после 8 мы были в Гомеле. Громадный вокзал, бесконечное количество освещенных путей, оживление, нарядная публика, гуляющая и пьющая кофе, все это было так неожиданно и забыто, что мы не могли привыкнть к новому виду. Главное, что нас поражало, это спокойствие лиц, никто никуда не бежал, не прятался, не торопился, все было мирно, и в то же время жизнь била ключом. В Гомеле кончились опасности, и появился комендант Шликевич, который тут же объявил, что в Киев мы приедем завтра к обеду, и что нас ожидает торжественная встреча.

9 августа, четверг.

Спали, как убитые, эту первую ночь вне «советского рая», не беспокоясь за жизнь и не ожидая, что придут куда-нибудь вести или что повезут в Москву, в Чрезвычайную комиссию. Оба Изенберга вернулись к нам в поезд в Гомеле (их отчим Моисей Сем. Мангуби, дир[ектор] жел[езной] дор[оги], особо поручил их моим родителям), а Сережа Шидловский поехал дальше с санитарным поездом. С одним из Изенбергов ехала очень милая жена (они повенчались перед самым отъездом, и мы с ними близко сошлись за дни странствования. Их отца, известного скульптора Изенберга, автора памятника «Стерегущему», хорошо знали родители).

Утром проснулись довольно поздно. Поезд стоял на станции Нежин, стояли долго, больше часа. Против вагона, в белом фартуке с двумя бочоночками на плечах, вырисовывалась фигура

продавца огурчиков. Сотню с бочонком он продавал за 5 рублей. Рядом, на длинной палке, были навешаны колбасы, которые продавались не на вес, а на длину. Тут было всего вдоволь. Выехали мы из Нежина часов в 10 с половиной и должны были в два быть в Киеве, но на каждой станции нас бесконечно задерживали, и мы добрались до Бобрика около 3-х. На платформе — первые фрукты, сливы, яблоки, груши, чудные булочки, завитушки, как в прежнее время.

Киевского вокзала не существовало, а были только разрозненные платформы и какие-то крытые помещения, на которых красовались надписи по-немецки и по-украински. Никто нас, несмотря на заверения Шликевича, не встретил, и мы решили переночевать в вагоне. Все гостиницы, куда заходили родители, были полны. Сперва проводник протестовал, боясь контроля, но на наше счастье агент Международного общества приехал сам, принял от нас вагон и разрешил жить, сколько мы хотим, уплачивая некоторую сумму за простой и уборку. Каждый спасенный из РСФСР вагон был для них подарком. Мы расположились в двух купе и провели хорошо ночь. Кн. Аматуни посоветовал нам великолепный ресторан «Aux Gourmets» на Прорезной, и в 8 час. мы ходили в город обедать. Накормили нас до отвала, сервировка была первоклассная. Все улицы освещены, глаза разбегаются после петербургской тиши. Магазины полны продуктов. В трамваях по два кондуктора, всюду военные, русские и немецкие. В разговорах часто вспоминают Императрицу Марию Федоровну (которую очень любят в Киеве), как она просто ходила по улицам, ездила в трамваях и заходила к разным лицам.

Пятница, 10 августа.

Отец поехал утром в город и приехал через час за нами на великолепном автомобиле из Совета министров[41]; впереди сидели двое военных. Мы отъехали от вокзала, но на горе машина застопорила, и пришлось провозиться с нею добрых 10 минут. На спусках с каждой стороны улицы сидят торговки фруктами. Никогда я не видел такого обилия и разнообразия плодов. Подъехали мы к Императорскому дворцу очень торжественно. Тут помещалось правительство. Отец пошел на минуту к предс[едателю] Сов[ета] министров Лизогубу, а мы осматривали дворец и сад. Отца очень зовут остаться и работать в правительстве гетмана в качестве министра, но отец решительно

уклоняется. Тут все его знакомые и коллеги по Думе. Особенно его уговаривает остаться в Киеве Варун-Секрет.

Днем осматривали Киев. Долго задержались во Владимирском соборе[42]; осмотрели не только иконопись и приделы, но хоры и все, что можно было осмотреть. Провел там несколько часов. Внутри собор гораздо больше, чем снаружи, только вокруг него недостаточно все отделано. Провели с час в Софийском соборе[43], поднимались к св. Николаю (Мокрому), обегали все лестницы и выходы.

Ужинали и обедали мы на вокзале.

Суббота, 11 августа.

Немцы держат власть крепко в руках. Всюду порядок, но щемит душу. Больно и горько видеть немецких солдат на перекрестках и в скверах и иностранных служащих на вокзалах. Украинская мова еще никем не освоена. В правительственных учреждениях бумаги переводятся на украинский с русского при отправлении и вновь переводятся на русский язык при получении. Словари не совпадают, и бумаги, приходящие из Харькова, переведены на иную мову, чем киевская. На вокзале все более или менее понятно: отхид, потягів и т.д. Вот, для примера, несколько слов, взятых наобум сегодня из орфографического словаря украинской мовы.

Некоторые слова, вроде «пройдисвітъ» и «недовіра», очень хороши и выразительны, а остальные — просто исковерканные немецкие и польские выражения.

Днем продолжали осматривать Киев, были в Купеческом саду, не добрались до Лавры и пили чай у гр. Стенбок-Фермор. В 8 часов вечера должны были уехать с харьковским курьерским поездом, но испортилась машина, и мы, прождав очень долго на вокзале, задержались до 11 на Дарнице.

Воскресенье, 12 августа.

У меня перед отъездом было определенное чувство, что мы попадем в крушение. Я старался отгонять сперва эту мысль, но она все больше и больше мной овладевала. Тогда я дал очень трудный обет, и мне было сказано, что в знамение того, что отвратится гибель, будет чудесное избавление и явно укажется на избежание опасности. Всю ночь я очень волновался, хотя верил твердо. Утром приехали в Ворожбу. Погода дивная, поезд сильно нагоняет и идет очень быстро. Вскоре мы проезжаем

атраментъ - чернила,
пидзадникъ - табуретка,
сервьета - салфетка,
фосса - каназа,
пивнично-схидный - северо-восточный,
реестръ - списокъ,
армата - артиллерія,
рахунокъ - счетъ,
друкарня - типографія,
некрутъ - рекрутъ,
цукоръ - сахаръ,

Джумуръ - цементъ,
оплески - аплодисменты
карафка - графинъ,
аула - сборище,
пройдисвітъ - авантюрис
рѣзбярство - скульптура
пивкуля - полушаріе,
оловецъ - карандашъ,
папиръ - бумага,
бранецъ - новобранецъ,
хвесть - праздникъ,

урядникъ - чиновникъ,
мизерія - бѣдность,
скра - искра,
бриль - шляпа,
недовѣра - скептикъ,
дяка - благодарность,

малюванный - картины,
тло - основаніе,
брехунецъ - присяжный повѣренный,
погода - согласіе,
щотниця - ариѳметика,

станцию Головановку, и вдруг у меня вновь внутренний голос: сейчас избежим крушения. В эту самую минуту наш поезд резко останавливается и начинает двигаться назад... Оказывается, из ближайшего разъезда Торопиловки, думая, что наш поезд еще опаздывает, отправили товарный поезд, а начальник станции нас проглядел. Только когда поезд проехал станцию, он спохватился, выбежал из дома и начал неистово свистеть и кричать. Заметили его не сразу, но, к счастью, путь делает поворот, и машинист увидел бегущего человека и в ту же минуту остановил поезд.

В Харьков приехали около 4-х часов дня. На вокзале — никого; мы взяли двух извозчиков и поехали прямо в Харинский дом[44]. На дворе около парадного крыльца, видим, сидит Юлия Александровна [Харина] и здоровается с нами, как будто мы виделись полчаса назад. Видимо, она испугалась приезда целой семьи с багажем. Отец сейчас же заявил, что мы не только приехали не жить на их счет, но что будем платить за квартиру, как писали, и будем принимать участие в общих хозяйственных расходах. Все уладилось в несколько минут, и Ник.Ник. [Харин] обещал сдать нам помещение за залом, которое состояло из кабинета в Bel Etage, и квартиры в две комнаты во втором этаже в башне.

Юлия Александровна стала звать нас сейчас же на дачу в Васищево, где жили летом остальные члены семьи, но мы временно уклонились, так как должны были устроиться и обосноваться в Харькове. Ужинали мы вместе на большом балконе, а внизу, как море с кораблями, мелькали огни города и доносился заглушенный садами шум. Громадное пространство города сквозь деревья казалось чем-то живым и дышащим. Начиналась новая жизнь, новые интересы; появились на нашем горизонте новые люди.

Глава V
Жизнь в Харькове от приезда с севера до входа большевиков

12 августа—21 декабря.

Первую ночь, так как нанятые отцом комнаты оказались неприбранными, нас разместили, как попало. Я спал в комнате Маруси [Хариной], братья у Коли [Харина]. Все молодое харинское поколение было на даче в Васищеве, куда на следующий день уехала и Юлия Александровна, а Николай Николаевич, наоборот, стал нашим пансионером на те дни, когда он подъезжал в Харьков.

На следующий день мы побежали по всем знакомым и родным местам; были в монастыре[45], в соборе[46], на базаре. Всюду на улицах и площадях удивительная чистота, корзинки для бумаги, нигде нет мусора, что часто бывало в прошлое время. Немецкий главный штаб помещается в «Метрополе» на Николаевской площади; тут же внизу немецкий книжный магазин. Посреди площади площадка для музыки. Каждое воскресенье бывает парад и концерт. На базаре необыкновенное обилие продуктов, еще более бросающееся в глаза, чем в Киеве: гора овощей, фруктов, но главное — сахар. Вместо чая продают квитку (сушеные цветы) и каротин (чай из моркови), которые очень расхваливала Юлия Александровна, но нам он совсем не понравился. Я предпочел купить для матери фунт брусничных листьев, которые имели приятный вкус. Нет, кажется, продукта, которого в изобилии не лежало на прилавках магазинов и лавок, а немцы, говорят, увозят очень много и питают нашими малороссийскими продуктами свою страну. Колбасы, свинина, ветчина — все это кажется нам после Петербурга сном. Местные жители и не замечают, среди какого богатства они живут и недовольны, главным образом, на украинские деньги, особенно на 50-ти рублевки, которые, действительно, отвратительно напечатаны на плохой бумаге, рвутся и почти все фальшивые. Существует сто один способ отличать настоящие, но при ближайшем рассмотрении ни один не годится.

Уже на третий день мы настолько устроились, что могли приглашать к себе в гости Ник[олая] Ник[олаевича] к чаю. Наверху в башне, откуда вид на весь город, и можно узнать который час по соборным часам, — две большие комнаты. В одной поместились отец и мать, в другой — мы трое. Внизу рядом с концертным залом кабинет отца, в котором мы обедаем и где часто сидим днем. Перед кабинетом, в простенке у лестницы знаменитый шкаф с книгами, на который мы так часто зарились в прошлом году и который попал теперь в наше обладание: полный Жюль Верн в красном с золотом переплете и еще сотни романов для юношества.

Каждое утро я хожу за хлебом и молоком на угол Мордвинского переулка и Рымарской улицы, где стоит солдат-торговец со своей женой и продает продукты. Не надо спускаться на Клочковскую в булочную. С солдатом я сразу подружился. Он был рассудительный, очень почитал адмирала Колчака, которого видел во время революции в Севастополе и прочил ему славное будущее: «Будет русским Наполеоном, помяните мое слово».

Кроме русских газет, «Южного Края» Юзефовича[47] выходят и украинские, но на ином наречии, чем киевские; проф. Багалей и наши специалисты не были согласны со многими нововведениями Грушевского.

Надписи в городе только по-немецки и по-украински, кроме, конечно, старых вывесок, но большая доска объявлений перед вокзалом потребовала русского перевода, так как технические железнодорожные слова остались всем непонятными.

Мать решила, что до первого сентября мы можем отдыхать, а потом, не поступая ни в какую школу, должны будем начать занятия на дому. В ближайшее воскресенье мы поехали к Хариным в Васищево. Поездка туда была длинная и неудобная. От станции надо идти пешком 3 версты. Помещение и устройство примитивные, и мы больше не повторяли наших поездок.

Зато Двуречный Кут[48] привлекал нас все время, и очень часто в течение августа и сентября мы туда наезжали. Я в прошлом году так и не попал туда, и для меня первая поездка была своего рода открытием Америки. Поезда ходили очень правильно, но медленно и редко. От станции Пересечное надо идти пешком по полям. Наше имение стоит не у деревни, а в стороне. Рядом церковь и под ней склеп, но похоронены там не наши предки, могилы которых в Ярошовке и Ольшаной, а Абазы. Священник, отец Евгений, человек не очень духовный;

курит, говорит о светских вещах и старается показаться современным. Дом стоит в глубине большого тенистого парка, за которым — лозняк, главное богатство Кута (из него делают корзины: корзины и лоза во всех службах). В усадьбе, которая больше Ютановской, — губернский упаковочный пункт по заготовке сушеных овощей, которые раскладывают в пакеты по 5 фунтов с заманчивыми названиями: «борщ», «щи».

Заведует складом М.Ф.Дейнеко, который живет в конторе. Он принял меня, как родного, угощал самодельным вином, которое гонится у него в соседней комнате. Наш винокуренный завод стоит. Хозяйством пункта заведует Мария Николаевна Краснова, жена профессора и бельсер Донского атамана генерала П. Краснова. Каждый раз, когда я был в Куте (всегда с ночевкой), они принимали меня, как своего, и устраивали со всяким удобством. Письмоводитель склада, Боря Боровик, — очень славный парень. Наш приказчик, Дмитрий Троф[имович] Ковальчук, — из всегдашних пессимистов, недоволен всем и вся, скулит, всегда у него неприятности и безденежье. Стараемся ему помочь, чем можем.

Чтобы спасти хотя бы остаток обстановки, родители решили снести ее в две-три комнаты и устроить там музей Макс[има] Макс[имовича Ковалевского]. Туда мы положили иконы, ленты от венков (165) с похорон и все, что было ценного. Дом настолько большой, что верхний этаж, занятый складом корзин и необитаемый, был почти всегда заколочен даже до войны (после спора с Абазом, который увез паркеты). Внизу комнат 15. Мебель — удивительная. Теперь такой больше не делают. Двойные кресла, повернутые на половину или спиной друг к другу; жардиньерки, козетки, кругленькие диванчики, все без ножек или сильно пострадавшие.

В саду замечательная аллея столетних лип и каменная урна над водой, без всякой надписи.

Узнав, что мы в Харькове, приехал из Валуек Николай Петрович Подвигин, наш главный управляющий. Он привез просьбу местных жителей о расширении оккупации, так как Ютановка была за демаркационной линией, а немцы находились только в Валуйках. Он договорился с соседями по Атаманской ставке (имение в Валуйском уезде), и мы получили 3-й сноп. Немцы не согласились продвинуть линию, так как Бирюченский уезд, по их мнению, был великорусский.

Из Воронежа приехал наш вечный друг и спутник Володя Попов, который перевелся в Харьковскую семинарию. Мы часто

его посещали на Холодной Горе, познакомились с ректором архиепископом Тихоном и бывали на могиле бабушки[49]. Могильную плиту соорудила на ней не семья, а доктор Данилевский. Николай Николаевич [Харин] в одно из посещений говорит нам: «А могила мамы как приукрасилась, кто-то положил плиту», — и только. Нас всех это очень поразило.

30 августа.

Праздновали торжественно именины Максима. Было много гостей, чай и обильное угощение. Церетели, с которыми мы сразу вошли в общение, жили в очень плохих условиях. Хозяйка их, госпожа Гулькевич, была адского характера. Комнаты больше напоминали голубятник, и потому Татуся и Сережа с радостью посещали нас.

В монастыре мы завоевали прежнее положение и бывали там хоть на 5 минут ежедневно. Служил там новый викарный епископ, преосвященный Неофит, который всем сразу понравился. Он поднял вопрос об освидетельствовании мощей святого Мелетия[50] и просил епископа Никодима Белгородского стать во главе комиссии. Паломничество на могилу святителя продолжалось, и панихиды в нижней церкви шли целый день.

С первого сентября наладились занятия по всем предметам. Словесными науками с нами занимался Михаил Гервасиевич Иогансен, сын директора гимназии, чудак, весь пропитанный классицизмом и европейской культурой, но щирый украинец, проповедовавший не только самостийность, но очень левые социальные украинские идеи. О политике мы с ним мало говорили, зато споры на литературные и философские темы заканчивали каждый урок. Его любимыми произведениями были «Теория красок» Гёте и «Лаокоон» Лессинга, которые мы с ним основательно проштудировали. Я занимался древними языками, и все трое словесностью и историей. С матерью мы читали по вечерам Островского и других классиков. Михаил Гервасиевич был и внешне чудаком, ходил в сандалиях на босу ногу, без шляпы, даже в дождь, чем заразил Максима, который тоже перестал надевать головные уборы. В религиозном отношении он был язычником в гётевском смысле этого слова, и мы часто спорили с ним о вере. Культура и начитанность его были удивительны, и он нам дал очень много.

Второй учитель, Константин Иванович Гладкий, смотритель Технологического института, преподавал нам математику и

естественную историю. Это была полная противоположность Михаилу Гервасиевичу. Офицер, патриот, отрицавший Украину, работавший на освобождение России, идеалист в смысле служения одной идее, но практик в жизни, прекрасный организатор, он тоже дал нам чрезвычайно много. Но кому мы больше всего обязаны, это отцу Александру Пурлевскому, который заложил в нас основы сознательной церковности. Мы все трое были воспитаны матерью в глубокой вере, не проходили через кризисы, знали и любили с детства службы, но отец Александр к нашим знаниям прибавил сознание богатства и красоты Православной Литургии. Никто так, как он, не умел оживлять уроки-беседы ссылками на тексты служб годичного круга, и с ним мы познакомились в краткий срок со всей богатейшей сокровищницей православного богослужения и в особенности служб Страстной, Рождества и Крещения с их предпразднествами, о чем не говорится ни в одном учебнике. Сам отец Александр, так же как его брат, архимандрит Симеон, пошел в священники по призванию. Он был учеником митрополита Антония, и это нас особенно связывало и сближало. Мы не пропускали в течение осени ни одной службы и вскоре передружились в монастыре со всеми монахами.

Кроме любимого всеми епископа Неофита в Харькове было еще два епископа: старший викарий епископ Феодор Старобельский, которого мы знали еще по прошлому приезду, и епископ Сумской Митрофан.

Епископ Феодор Старобельский был простоват, служил грубовато, но музыкально и обладал очень хорошим голосом. Он вскоре уехал в Полтаву. Епископ Митрофан, наоборот, имел холеный вид, одевался всегда очень хорошо. Голос у него был приятный, и он обладал большим ораторским талантом, тогда как епископ Феодор говорил по-простецки. Проповеди епископа Митрофана отличались классичностью и ровностью, но не глубиной. Он был, по словам монахов, большим дипломатом и никто не знал, что он думает, и каково было его отношение к окружающим. Службы он любил сокращенные, иногда выходил только на малый выход, служил часто один, но всегда очень красиво и музыкально. Его не любили, но боялись. Между прочим, епископ Митрофан очень любил читать канон со своего места на всенощной, а чтец он был первоклассный. Во главе братии стоял наместник архимандрит Рафаил (выкрещенец из еврейства), очень образованный, живой, подвижный, небольшого

роста, все время суетящийся. Он хорошо вел хозяйство монастыря, но служил скороговоркой и слишком певуче. Зато читал он Евангелие безупречно (на многих языках).

Кроме наместника было два архимандрита простеца, по выслуге лет. Длинный и худой, с белой, как лунь, бородой и всегда молчавший Афанасий и маленький, седенький, ворчливый и всем недовольный Епифаний.

Нам больше всего, особенно, когда мы начали исполнять послушания по чтению, свечами и колокольне, приходилось общаться с ризничим иеромонахом Палладием, который был добродушный человек, из купцов, широкая натура, любивший пошутить, но чрезвычайно деловой и практичный. Из других иеромонахов мы постоянно видались с заведующим монастырской лавкой Харлампием и самым культурным из всей братии Игнатием, который происходил из интеллигентной семьи, получил университетское образование и жил некоторое время в Соловецком монастыре. Он особенно возлюбил Евграфа, который стал его постоянным посетителем.

Любили мы доброго и простого архидиакона Филарета с безбородым лицом и с длинными волосами, доходившими до пояса (у него был сильный и приятный баритональный бас), а также и иподиакона Мелетия, самого нам близкого человека в монастыре. Он был главным и неутомимым работником по алтарю, всегда скромный, боявшийся, чтобы его не заметили, но делавшим за других всю работу. Из певцов нас поразил казак-малоросс, обладавший таким басом, что когда он читал паремии все стекла в Покровском храме дрожали. Но самой живописной фигурой и нашим коллегой был вечный студент Вася Голубинов. Он не снял студенческой шинели во время революции и немцев и ходил в ней повсюду. Вася первый приходил в церковь и у него все, даже ризничий и архидиакон, справлялись об уставе, который он знал наизусть. Он никогда не исполнял иной роли, кроме «уставщика», стоял около среднего столпа храма до конца служб и незаметно исчезал. С ним мы сошлись в первые же дни, и он нас ввел во все тонкости «Марковых глав» и соединений различных служб. Часто разъяснения Васи огорчали архидиакона, так как в большинстве будничных служб предпочтение оказывалось греческим святым, а русские оставались без поминания, но изменить решения «столпа и утверждения устава» никто не мог. Когда я начал ему помогать, то нередко отвоевывал для русских святых полиелей-

ные службы и звонил в средний колокол, который вызывал, кроме очередного иеромонаха, диакона и хор.

В других церквях мы бывали реже. Раза два-три — в нашей приходской Мироносицкой[51], где священствовал старейший протоиерей отец Пичета, который поднимал на Воздвижение крест, как архиерей. В Мироносицкой церкви мы были на похоронах члена Гос[ударственного] совета фон Дитмара, который в 1916–17 году нанимал у нас Двуречный Кут. Отпевал его преосв. Феодор.

Кроме Церетели, которые поселились в Харькове до нас сразу после разгрома их орловского имения (дядя Ваня был в армии и приехал только на время в октябре), мы бывали постоянно у Евгении Мечеславовны Лапчинской, которая с матерью и теткой занимала домик на улице перед Харинским особняком. К ней мы обычно заходили пить чай после всенощной и забегали в течение дня. У нее мы встречали милейшего Сергея Васильевича Булгакова, инспектора одной из женских гимназий, преподавателя Харьковской семинарии и автора замечательной настольной книги для священно- и церковнослужителей. Он только что выпустил новое полное издание в Киеве, а всю корректуру и многочисленные ссылки взяла на себя Евг[ения] Мечеславовна. С. Булгаков был женат на нашей дальней родственнице, дочери Ив[ана] Григ[орьевича] Ковалевского.

Встречались мы также много с семьей ген. Гончаренко, который погиб в прошлом году. У них был прекрасный особняк на Пушкинской улице. Рядом с ним жил в доме с очень большим садом друг детства Максима Максимовича, Григорий Григорьевич Мизко. У него в особняке были замечательные картины старинных мастеров. Из русских особо бережно, за занавеской, хранилось небольшое полотно Айвазовского «Хождение Христа по водам». Григ[орий] Григ[орьевич] звал нас погостить в его крымском имении Нардан, где у него было 8 десятин виноградников.

Кроме своих знакомых мы встречались с теми, которых принимали у себя Харины. Это был артистический мир Харькова, так как Юлия Ал[ександровна] устраивала в большом зале концерты, в которых участвовали Слатины, композитор Борткевич, скрипачи, певцы и певицы. Часто играл Борис Ланг, брат подруги Маруси Хариной. Его сестра Марочка больше всего сблизилась с нами и осталась в Харинском доме, в одной

из наших 6 комнат, при большевиках. Каждый раз после концерта Юлия Ал[ександровна] устраивала гомерическое угощение, которое шло в разрез с ее обычной бережливостью. Подавались сандвичи 10-ти сортов, халва, пироги, вина и всевозможные напитки.

Самый большой прием был на именины Маруси на Покров. В этот день мы были утром на храмовом празднике в монастыре и, вернувшись домой, застали особенное возбуждение. Готовилось 20 различных сладких пирогов.В изготовлении их принимала ближайшее участие вторая подруга Маруси — Мэри Гладышевская. Гостей было не очень много, но пироги были действительно необычны и по форме, и по изобилию.

Юлию Александровну все время мучила судьба Яны (старшей дочери), которая перед самым приходом немцев в Страстную Пятницу уехала из Харькова в Сибирь с принятым в доме чехом, скрипачом Фантой Смитом.

Защитой интересов иностранцев ведал в Харькове особый шведский делегат Бломберг, который ухаживал за Марусей. Он предложил поехать в Сибирь и отыскать Яну, при условии, что Маруся выйдет за него замуж. Но соглашение не состоялось. Позже Бломберг сыграл в нашей судьбе решающую роль. У него в миссии в качестве переводчика служил русский офицер Всеволод Митрофанович Нуджевский, блестяще говоривший на нескольких языках. Перед отъездом из Харькова Бломберг передал свои бумаги и полномочия Нуджевскому, а мать пригласила Всеволода Митрофановича жить у нас, и в течение всего периода коммунистической власти мы могли помогать многим и спасти дом и имущество Хариных.

Когда вопрос о занятии Воронежской губернии решился отрицательно, отец занялся устройством Объединения хлеборобов в Харькове и был избран в Центральное правление. Из Валуек через Николая Петровича Подвигина мы получили некоторое количество муки и продуктов на зиму.

С севера вести шли очень тяжелые. После покушения на Ленина и убийства Урицкого начался террор[52]. Были расстреляны последние царские министры: Щегловитов, Хвостов, Белецкий, Маклаков. Погибли и некоторые Великие Князья[53]. Главным образом, террор обрушился на офицерство, которое так прекраснодушно пошло на регистрацию. От наших мы не имели из Петербурга никаких вестей.

Денежными делами отца заведовал служивший в Государственном банке брат Раисы Петровны Подвигиной Петр Пет-

рович Рыжков. Я часто ходил в почтовое отделение на Екатеринославской, так как составлял коллекцию украинских марок, и всегда заходил к Рыжковым. Один раз я увидел около их дома большую толпу, которая о чем-то громко рассуждала. Оказывается, четырехлетний сын П[етра]П[етровича], тоже Петр, который, в мою честь, был назван в память Петра Аргосского (3 мая), играл на балконе второго этажа и свалился вниз, а дом был высокий с полуподвальным этажом. Мальчик не только не убился, но и не расшибся, а только испугался, и когда потрясенные родители сбежались, чтобы его перенести наверх, сам встал и поднялся по лестнице. Я его видел через полчаса и с ним разговаривал.

О западном фронте мы знали очень мало. Мало сообщалось и в газетах о том, что творится вне Украины, но по настроению немецких солдат и офицеров мы видели, что назревают серьезные события.

В конце октября стали поступать из Германии вести о революционном брожении[54], о готовящейся революции, о том, что Салоникский фронт ликвидирован и Болгария капитулировала, что Австрия ищет заключить сепаратный мир. Армия держалась до последнего момента очень хорошо и дисциплина не уменьшалась, но когда одно за другим пришли известия о канцлерстве Макса Баденского, о беспорядках и голодовках в городах, об отъезде имп[ератора] Вильгельма в Голландию и, наконец, о революции и замене Макса Баденского социалистом Эбертом[55], а также о предстоящем перемирии, все переменилось. Немцы потеряли голову. Пока они получали точные приказы, все шло хорошо, а без распоряжений они растерялись. Не было развала, а распадение стройного и сильного организма на составные части. Солдаты только и думали, чтобы скорее вернуться домой, а офицеры как бы удержать кое-какую дисциплину. Когда стало известно, что перемирие подписано и немцы уходят из России, встал вопрос о той власти, которая их может заменить. Гетман уехал с немцами, да и прежде его власть была фиктивной. Коммунисты были далеко, а местные не организованы, и Украина вошла в период анархии, которая длилась 5 недель.

До своего ухода немцы все же дали еще в последний день концерт на Николаевской площади, распродали все имущество, которое не могли увезти, в том числе, книжный магазин. Я купил много книг за очень дешевую цену.

Первые дни без немцев прошли благополучно, но потом появились самые разнообразные «власти»: атаман Григорьев,

атаман Папсуй-Шапко, отряд петлюровцев, которые расположились на Солдатском Спуске лагерем. Начался разбой, грабеж, полная анархия. Никто не знал, в чьих руках город. Образовалась милиция, которая заменила прежнюю полицию и стала выдавать документы. С водворением в Харьков атамана Болбачина начались преследования против Союза хлеборобов. Отец взял тогда свидетельство на имя ученого агронома Георгия Павловича Краснова на три недели и скрывался. Мы видели его ежедневно в нейтральном месте. Приехал дядя Ваня Церетели и изложил нам свой проект поступления в Украинскую армию. Отцу и матери едва удалось его отговорить и убедить уехать на юг, в Крым.

12 декабря Харины уехали вместе со шведским делегатом Бломбергом в Ростов, оставив дом и имущество на руках матери. Я провожал их на вокзале. Поезда ходили еще более или менее регулярно, но в пути были постоянные ограбления. На юге атаман Григорьев, стоявший со своими отрядами около Гуляй Поля, останавливал поезда и брал с них дань. Как только уехали Харины, мать перераспределила комнаты. Николай Петрович [Подвигин], который приехал из Валуек с целым отрядом хлеборобов и земских деятелей, поселился у нас в кабинете Ник. Николаевича, а его приятель Белолипский (тоже из Валуек) с семьей занял (с согласия Хариных) дальний флигель у сада.

Отец все начало декабря хлопотал о выезде в Одессу и получил через французского консула Мари место в поезде, в котором вывозились на родину харьковские французы. 15 декабря он уехал из Харькова. Его отъезд был для нас большим горем, но оставаться он не мог, а мать самым решительным образом отказалась уехать с нами в Одессу и решила остаться в Харькове. В том же поезде, что и отец, уехал в Одессу С.А.Яблоновский.

16 декабря день моего рождения (17 лет) праздновали тихо, по-семейному. Пришли только трое Церетели.

В церковной жизни Харькова произошло грустное событие. Умер после тяжелой болезни еп. Неофит. Хоронили его очень торжественно. Толпа народа пришла со всего уезда. Еп. Митрофаний остался единственным епископом. Беспорядок, произвол и бесчинства «зеленых» и всевозможных атаманов и их отрядов достигли таких пределов, что прочие ждали коммунистов, как освободителей.

1919 год

Глава I
От входа большевиков 21 декабря 1918 г. до входа добровольцев 11 июня 1919 г.

Четверг, 20 декабря 1918 г.

Вчера было тихо в городе, но тишина была зловещая — все как-то притаились и чего-то ждут. Я ходил по Сумской в сторону парка и не встретил ни души. Спустился потом вниз на Клочковскую, к базару, где всегда можно узнать, что делается в окрестностях, но и здесь — никого. Видимо, все попрятались по домам. У встречных крестьян узнал, что войск не видали, но что Красная Армия «несомненно» у Казачьей Лопани и завтра вступит по Белгородскому шоссе в город. У всех чувство чего-то неуклонно надвигающегося, которое нас сейчас всех покроет.

Пятница, 21 декабря.

Сегодня ждут красных, но никто не знает, где они. Тишина та же, неумолимая и страшная.

Суббота, 22 декабря.

Вчера первые красные части вошли в город, но новая власть еще себя не проявила. Были у всенощной в монастыре. В алтаре стоял еп. Никодим Белгородский. Он спустился вечером к мощам Св. Мелетия, и мы встретились с ним в проходе. Мать принимает меры по устройству дома и вселения новых жильцов. Все магазины в городе закрыты, и товары исчезли; в воздухе непередаваемое словами дуновение смерти и безысходности. Заходили с матерью к Евгении Мечеславовне Лапчинской, которая составляет как бы аванпост нашего дома. Она просит нас всегда по субботам заходить к ней пить чай.

Воскресенье, 23 декабря.

Еп. Никодим служил в монастыре; было очень много народа. Вечером он уехал к себе в Белгород. В Харькове остался один еп. Митрофан, который объявил, что он болен и не выходит. Он необыкновенно осторожен, а в отношении властей занял позицию непротивления и выжидательного нейтралитета. Ходят слухи, что уже завтра будут приняты меры против духовенства и буржуев и их заставят работать в Рождество. На базаре настроение очень нервное. Почти ничего нет.

Понедельник, 24 декабря. Сочельник.

Утром служба, еп. Митрофан не вышел из своих комнат. Мать организует дом, говорила со всеми жильцами, будет устраивать домовой комитет для защиты общих интересов, так как управляющий домом Белолипецкий так нервен и боится с кем-либо разговаривать, что не выходит из своей квартиры.

Сегодня впервые на стенах появились афиши: 1) о принудительном труде для буржуазии, 2) о немедленной, под страхом расстрела, очистки жителями домов тротуаров от снега, 3) о сдаче всего лишнего белья и 4) об уплотнении буржуазных помещений.

Всенощная прошла очень торжественно; во всех церквях были толпы народа. В монастыре служили архимандриты и все иеромонахи. Еп. Митрофан не вышел.

У нас была в комнате Максима и Евграфа небольшая елка. Зажигали ее церковными свечами.

Вторник, 25 декабря 1918. Рождество Христово.

Утром, придя в монастырь, узнали, что все духовенство угнано очень рано на принудительные работы. Остался только один 85-летний монах, который и служил литургию. Хор тоже был в ограниченном составе. В 12, когда уже нельзя было служить обедню, всех отпустили, причем комиссар, из бывших семинаристов, добавил: «Убирайтесь поскорее, вы нам больше не нужны». Работы никакой не было. Все сидели за городом по сторонам шоссе и ждали; лопат им так и не дали. Еп. Митрофана, по болезни, не забрали, но властям главное было, чтобы он не служил, и они не настаивали. Он пришел все же в церковь в середине службы и сказал очень хорошее слово о пастырях.

К нам пришли Церетели, закутанные в платки. Сережа и Татуся так развеселились, что не хотели уходить, а нельзя было идти по улицам поздно, так как время переставили сразу больше, чем на два часа вперед.

У нас никакого лишнего белья нет, да если бы и было, мы его не понесли бы, но многие во исполнение декрета пошли сегодня сдавать чуть ли не последнюю рубашку. Григ[орий] Григ[орьевич] Мизко так волновался, что пропустит 48-часовой срок, что приказал принести кресло и сидел в очереди вчера весь вечер и сдал все свое носильное белье, а сегодня на базаре то же самое белье распродавалось в большом количестве.

Снег мы тоже не разгребали, так как в нашем Харинском переулке никто никогда не ездит. Что же касается уплотнения квартир, то мать решила сама уплотнить все свободные помещения, чтобы избежать насильных вселений.

Среди народа сильное недовольство против еп. Митрофана, так как считают, что он должен протестовать против угона духовенства на работы.

Жизнь в Харькове с 26 декабря 1918 г. по 9 июня 1919 г.

Первые меры, принятые матерью по защите дома, имущества и жильцов, были оформлены шведской делегацией. После отъезда всех иностранцев шведское консульство оставило своим представителем служившего у них Всеволода Митрофановича Нуджевского, который жил одно время у Хариных. Его мать поселила в гостиной, а на парадной двери вывесила охранное свидетельство, подписанное самим Председателем Сов[ета] Нар[одных] Комиссаров Украины Раковским. Для получения этого свидетельства мать убедила Всеволода Митрофановича съездить к Раковскому, который как воспитанник европейских школ говорил одновременно на 5 языках, не зная ни одного вполне. Он был очень доволен поговорить на иностранном языке, и делегат произвел на него впечатление своим образованием, знанием французского, немецкого и английского. Поэтому парадная лестница была обеспечена. Надо отдать справедливость Всеволоду Митрофановичу, что он исполнял роль делегата безупречно, но с мелкими комиссарами и со всеми приходившими в дом за реквизициями говорила только мать. Все должны были входить через черную дверь или через боковой вход в

нижнем этаже. Самое трудное было заселить комнаты за залом. Туда мать поместила: еврейское семейство, которое было прислано для вселения и состояло из комиссара Рубинштейна, его жены и старухи матери, и офицера Красной Армии, георгиевского кавалера Слечинского. Они все так ценили помещение, которое им сдали, что охраняли эту парадную часть дома от реквизиций и от дальнейшего уплотнения. Мы заняли 3 комнаты: в кабинет поселился Николай Петрович Подвигин (наш главный управляющий), Максим и Евграф получили среднюю комнату и маленький закоулочек, где была устроена молельня, я с матерью жили в спальне рядом с ванной. В большой комнате с балконом поселился доктор К.И.Киселев с женой, а в одной из комнат башни Марочка Ланг. Прислуга (кухарка Паша, ее муж Максим Никитич, горничная Маша) оставалась там, где она до этого жила. Нюра с матерью поселились во второй башне. Старуху Синклитикию с дочерью поместили в комнате под лестницей. Прачка Стеша со своим мужем, слесарем Пишкиным, осталась в комнате при прачечной. Все остальные флигеля и нижний этаж были заселены знакомыми. Тут жила старуха Горячева, бывший управляющий домом Белолипецкий с семьей, инженер Языков с женой (бывший начальник южных железных дорог), старуха Орлова, Писаревы и, наконец, Евгения Мечеславовна [Лапчинская] с матерью и теткой (в домике при входе). Дворники (Семен-истопник и Сидор-дворник) остались в дворницкой. Всего в доме оказалось 70 правомочных жильцов, которых мать созвала на собрание для избрания комитета и предложила в тов[арищи] председателя слесаря Пишкина. Он оказался прекрасным защитником интересов жильцов и с первого дня в своей рабочей куртке и с руками, черными от смазочного масла, пошел как подлинный пролетарий ругаться в комиссариат, где добился для всех разных льгот. Вид у него был воинственный с всегдашней шапкой набекрень и клоком волос на лбу, но он был смышленый и добрый малый, с которым можно было обо всем дельно поговорить.

Первая атака на жильцов была отражена дружными действиями комитета, в котором прекрасно уживались мать, председатель доктор К.И.Киселев, слесарь Пишкин и секретарь Языков.

Вышел декрет о разделении всего населения на трудящихся и не трудящихся. Так как в нашем доме все работали, комитет ответил, что не трудящихся нет, и никто не пошел на трудо-

вую повинность по чистке снега, куда гнали только «нетрудящуюся буржуазию».

Матери приходилось все время объединять эту многочисленную и разнообразную коммуну и заменять бесхарактерных заведующего домом и делегата.

Прислуга все время поддерживала мать и защищала общие интересы, дворники не впускали никого постороннего, хотя всем было объявлено согласно с декретом, что они вольные жильцы, а не состоящие на службе в доме. Вскоре были взяты на учет все банки и в том числе тот, в котором хранилось наше семейное серебро. Мать пошла справиться об его получении. Уже на лестнице она встретила старого сторожа, который, чуть ли не плача, кричит ей снизу: «Наконец-то, барыня, пришли, а то они вчера уже почти все сундуки вскрыли, а сегодня последнее забирают». Оказалось, что выдавали только по 5 фунтов серебра на человека. Выручил мать домовой комитет. С ней на следующий день в банк явилась рота друзей со свидетельствами, по которым каждый получил свою часть. Мать унесла еще дополнительно кое-что. Оставался лишь большой серебряный поднос, подаренный на серебряную свадьбу дедушке и бабушке, и 6 фунтов мелочей. Мать храбро заявила, что он мельхиоровый. Тогда комиссар сказал: «Если мельхиоровый, то нам его не надо». И ей его отдали. Когда же поднялся вопрос о последних шести фунтах, то комиссар прибавил: «Ну, 6 фунтов совестно и брать с Вас, может быть, найдется еще какой-либо владелец?» Мать сказала, что есть у нее муж, но что он живет отдельно. Тогда комиссар посоветовал тут же написать прошение и идти к заведующему банком. После некоторых формальностей, удалось высвободить и эту последнюю часть фамильных вещей.

28-го декабря крестьяне, приехавшие на базар с севера, привезли весть об убийстве на Рождество еп. Белгородского Никодима. Его красноармейцы вывели за город и расстреляли. Тело его было тут же зарыто, и неизвестно, был ли он погребен похристиански. Когда его вели на казнь, еп. Никодим благословлял своих палачей. Весть об убиении владыки меня сильно потрясла, но она была воспринята в Харькове более чем равнодушно. Даже в монастыре богомолки говорили: «Значит, заслужил, раз убили!» Не было отслужено по нем и панихиды.

Жизнь в монастыре занимала очень значительную часть нашего времяпрепровождения, но мать, несмотря на все трудности, наладила вполне и наши занятия. Законом Божиим с нами

продолжал заниматься о. Александр Пурлевский, к которому мы часто ходили пешком на Холодную Гору в семинарию, так как никаких иных способов сообщения туда не было.

Частично с нами занималась мать, а математикой — Константин Иванович Гладкий, который был смотрителем зданий Технологического института. Чтобы добраться до него, надо было проходить по улице Чайковского, где помещалась харьковская чрезвычайка, о которой ходили с первых же дней водворения красных самые страшные слухи. На ул. Чайковского жили и Иогансены, к которым мы изредка заходили. Наш милейший учитель словесности и языков, как упорный украинец, ушел с петлюровцами на юг.

Каждую всенощную по традиции мы вчетвером бывали в монастыре, но я с матерью уходили после Славословия, а Максим и Евграф оставались до конца. Мы каждый раз заходили к Евгении Мечеславовне Лапчинской и проводили у ней 1/2 часа за чаем. Это единственное время дня, когда мать вполне отдыхала и могла ни о чем не беспокоиться, так как и днем и ночью она волновалась за дом и часто просиживала долгие часы у окна, следя за воротами и ожидая очередного нападения или реквизиции.

С января месяца начались всевозможные реквизиции и регистрации. Начали с обследования запасов картофеля и овощей. Их у нас было как раз столько, сколько надо было для потребления на зиму и весну, и через домовой комитет удалось их отстоять.

Однажды пришла от комиссариата просвещения еврейка-курсистка для описи и реквизиции библиотеки, но так как книги были только детские или иностранные, и шкафы стояли у нас в комнатах, мать просто не дала ей доступа к полкам, а на ордере просила написать: «Опись не произведена ввиду категорического нежелания владельца выдавать книги». Студентка была смущена, но не настаивала и ушла, ничего не описавши. С наступлением теплых дней пришли реквизировать сад, который был одним из самых больших в Харькове (у частных лиц) «за не использованием», хотя им пользовались многие. Мать немедленно сдала его соседней гимназии и этим избежала вторжения случайных элементов.

Приходили реквизировать комнаты, вещи, экипажи, лошадей, но все встречались с сопротивлением и защитой прав дома матерью и отступали. Один раз реквизирующий все не мог по-

нять, что его не пускают, и прибавлял: «Что же я скажу тем, кто меня послал?» Мать ответила просто: «Скажите, что Вас просто не впустили», — и так ошарашила этими словами пришедшего, что он беспрекословно удалился.

Д-р К.И.Киселев, который жил со своей женой в большой крайней комнате, заболел сыпным тифом, бредил, хотел уйти, и его едва удержали, настолько он, даже в болезни, был силен. Только мать его успокаивала. Как раз в это время какие-то матросы пришли реквизировать дом. Мать одна вышла навстречу и на приказ открыть дверь твердо заявила: «Не впущу!» «Как это так не впустите?» — «А в этом доме сыпняк, и здоровым вообще опасно сюда входить». Матросы помялись у двери, но так как им не открыли — ушли. На черной лестнице была тогда прибита записка: «В этом доме есть сыпнотифозный», — и никто кроме своих не решался больше вторгаться.

Мать в ее ежедневной борьбе за независимость и против насилий поддерживали пассивно все обитатели дома, включая и комиссара Рубинштейна, который не занимал достаточно большого места, чтобы самому защищаться, а сам трепетал, чтобы его не выселили из хорошего помещения. Особенно трудно было матери оттого, что дом был одним из лучших в Харькове, с помещениями, которые пригодны были для больших учреждений, с башней, с которой был вид на все окрестности, с садом, соединенным калиткой с Коммерческим и Университетским садами и с садами на Клочковской. Поэтому достаточно было допустить кого бы то ни было до парадных комнат, как дом был бы отнят для одного из комиссариатов или ГПУ, а все жильцы прогнаны в 24 часа.

Чтобы скрыть концертную залу и парадные комнаты, которые, когда они были освещены, привлекали внимание за версту, мать завесила окна темной тканью и люстры были невидимы снаружи.

Трудно было справиться с некоторыми жильцами, которые, считая себя в безопасности, не скрывали своих политических убеждений. Так друзья, собиравшиеся у д-ра Киселева после его выздоровления, пели на балконе «Боже, Царя храни», несмотря на просьбы матери, а валуйские приятели Подвигина на весь дом обсуждали политические дела. Николай Петрович как сельский хозяин особенно с приближением весны страдал от бездействия и невозможности проехать к себе и начать работу. Он проводил время в фабрикации свеч, которые лил примитив-

но в бумажные трубочки, причем они выходили у него все же очень хорошо.

К нему весной приехал сын Женя и привез нам из Валуек провизии: муки, крупы и сала — и очень нас поддержал, так как положение с хлебом становилось все труднее и труднее. На человека приходилось не больше 1/4 фунта, а иногда и 1/8 в день. Я был сделан хлебным диктатором и каждый день отправлялся на поиски. В самом конце Клочковки в одной из булочных можно было получить хороший формовой черный хлеб в 10 фунтов. Иногда, проведя час-другой на базаре, удавалось выменять черный хлеб и у приезжавших крестьян.

Два раза нам привозили хлеб крестьяне из Двуречного Кута и из наших мест. Оба приезда были очень интересны: крестьянин из Кута приехал, чтобы «поторговать дубок», который он высмотрел на нашей земле: «Хотя и так его срубить можно, но если заплатишь за него, то крепче». Он предложил хорошую цену, на которую мать сразу согласилась, и подарил большой деревенский хлеб «для panычей».

Приехавший из Бирюченского уезда, передавая продукты, сказал, что нас ждут, готовы вернуть лес, реку и усадьбу, но что просят похлопотать, где надо, чтобы скорее царя вернули.

Оба раза и хлеб, и деньги пришли как раз вовремя, когда у матери не было ни копейки. Один раз, перед Пасхой, когда было особенно трудно с питанием, и мы не знали, что будем есть завтра, на дворе монастыря нас встретил иеромонах Харлампий. Он обратился ко мне и сказал: «Мне прислали для Вас пуд муки». От кого и как, мы так и не узнали, да и сам о. Харлампий не знал. К нему подошла неизвестная женщина и передала муку «для трех хлопцев, что каждый день в церкви бывают и помогают».

Пока в Харькове можно было доставать продукты, мы посылали даже посылки в Петербург. Один раз со мной произошел чудесный случай. Я пошел отправлять посылку, ее пришлось раскрывать, я замешкался, уплатил за пересылку, но забыл кошелек и, что было еще ценнее, 2 фунта сахара у кассы. В комнате была толпа, я едва выбрался с другими вещами, которых не приняли, и только придя домой, обнаружил потерю. Я побежал на почту, едва протискался вновь к столу и к своему удивлению нашел мешок с сахаром и деньги на том самом месте, где я их забыл, хотя кражи в этих местах были сплошные.

Ели мы, что доставали, спасали кой-какие запасы муки. В посту Паша готовила вареники с кислой капустой. Мясо удавалось иногда доставать у крестьян на базаре, но продавали его из-под полы и очень дорого. Кроме вареников, ели каши и супы. Я распределял хлеб микроскопическими долями. Вместо чая пили брусничный лист, кофе доставали ячменный. Было холодно, так как центральное отопление было нечем топить. У нас доходило едва до 2–3 градусов в комнатах. Освещались из-за отсутствия электричества масляными горелками, которые были сфабрикованы самодельно. В стакан вливалась вода и немного масла, в жестяную полоску со щелью посередине вставлялся фитиль, который очень коптил. Глаза скоро привыкли к такому освещению. Пользовались для торжественных случаев свечами Николая Петровича [Подвигина] и церковными, которыми нас снабжали монахи в монастыре.

Трудно было кормить 8 человек прислуги, но мать никак не хотела нарушать прежних традиций. И дворник, и истопник ежедневно приходили за своим пайком на кухню, зато и поддерживали нас в комитете и защищали повсюду. У Хариных в шкафах хранилась масса чая и варенья, но мать не тронула запасов, а потом при эвакуации они так и остались в доме на разграбление. Только для людской брались запасы пшена, круп и муки.

Сахар доставали только случайно. Раз получили целый пуд песка. К чаю пекли коржики и крендельки. Очень трудно было с обувью, которую достать было невозможно. После двухмесячных стараний удалось получить отдельно подошвы и кусок кожи для верхов. У Евгении Мечеславовны был знакомый сапожник, живший очень далеко в конце Петинской улицы, около Балашовского вокзала. Он взялся сделать мне пару башмаков и после долгих хождений и примерок соорудил мне вполне приличные ботинки к Пасхе. С ним я вел всегда длинные беседы о современном положении и просиживал долгие часы. Моей новой паре ботинок все очень завидовали, так как у большинства обувь обтрепалась, и многие подвязывали ее веревочками, чтобы она не разлетелась. Особенно чувствительно было отсутствие крепкой обуви в нашу весеннюю харьковскую распутицу.

Знаменитый харьковский магазин Жукова продолжал продавать карамель «дюшес» по 6 рублей фунт. Я берег свои, и к лету у меня был запас, которым я в радостные дни угощал всех.

Вообще хождение по городу было не только за провиантом, но и за новостями, которые были очень скудны, хотя в Харьков и приходили «Известия»[1]. В конторе «Южного Края» вывешивались напечатанные на машинке скудные сообщения, и все ходили их читать. Как и при германцах, центром информации и слухов, сплетен был базар, где все были лучше осведомлены, чем в городе.

С февраля мы начали получать письма из Петербурга от дяди Володи [Стрекалова], Леонтьевых, тети Любы, я от Гоги Римского-Корсакова.

Весной мы получили известие о кончине бабушки Анастасии Андреевны. Она прождала нас ровно полгода и тихо почила в Лодейном Поле.

От отца пришло письмо на обратной стороне холста посылки, которую он нам прислал. Мы узнали, что он жив, благополучно добрался до Одессы и собирается ехать за границу во Францию.

Мы продолжали всю весну заниматься по программе 7-го класса и много читали, как по-русски, так и по-немецки, а вечерами мать читала нам классиков. Библиотека Хариных была очень хорошая, особенно много было в ней путешествий и описаний. Я увлекался жизнью замечательных русских мореплавателей, исследователей и путешественников.

Из иностранных книг у нас были все больше немецкие. Французские я перечел еще летом 1917 года. На меня большое впечатление произвели: «Jorn Uhl» Густава Frenssen'а, «Frau Sorge» Зудермана, а из новых, купленных в немецком книгоиздательстве при оккупации, — «Die Heimat» Paul Keller'а[2].

Зачитывался или, вернее, много раз перечитывал я сочинения Сельмы Лагерлеф и особенно «Гесту» Берлинга.

В нашей духовной жизни после Пасхи наступил новый период. По инициативе Евграфа мы решили устраивать совместную келейную службу. Сперва пели вдвоем Максим и Евграф, а с Троицы 26-го мая присоединился и я. Евграф разработал сложный устав службы на утро и на вечер.

Из Харькова в Москву к патриарху с мукой ездил о. Тимофей Буткевич. Он привез нам последние вести о Святейшем. Когда о. Т[имофей] подъезжал к Москве, то узнал, что патриарх служит в одной из окрестных церквей. Он отправился туда и увидел, что коляску Святейшего везет на себе народ, а лошадь, выпряженная, ведется рядом. Любовь народа к своему духовному главе была поразительна.

К нам часто заходили наши друзья. Каждый день завтракали Гончаренко (Мария Федоровна, Вера и Надя), и мы к ним нередко забегали. Бывал Григорий Григорьевич Мизко, как всегда изысканно любезный, остроумный и готовый, несмотря на славу экономного до чрезвычайности человека, помочь всем, чем можно. Он принес после Пасхи матери 5000 руб., на которые мы и прожили май и начало июня. Он же в подарок прислал четверку настоящего чая. Несмотря на свои 68 лет (он был ровесником и одноклассником Максима Максимовича Ковалевского), он влюбился в Марочку Ланг, которая, правда, была очаровательна, приносил ей конфеты, которые сохранились с мирных времен, и всячески ее боготворил. Она относилась к нему как к отцу или дяде. Иногда виделся я с Борисом Лихачевым, который упорно не желал быть осторожным, всюду подчеркивал свои убеждения, распевал на театральной площади «Боже, Царя храни!» и вел бродячую жизнь, не ночуя из опасения ареста никогда двух ночей на одном месте.

Раз к нам приехал из Москвы генерал Н.В.Шульга, отец Васьки, товарища Максима по Пажескому корпусу, который занимал очень крупный пост в Красной Армии и как известный артиллерист был в почете. Он говорил о коммунистической власти как о русской власти, был убежден, что через Красную Армию Россия возродится, и был вполне предан новым своим начальникам. «Вы увидите, как все обернется», — сказал он матери.

В начале весны мы видели часто Гладышевских, которые жили в сыром и холодном подвале; все убеждения переселиться они отклоняли, так как считали себя более безопасными в трущобе. Генерал медленно угасал, а бедная Таня, умиленная и необыкновенно благочестивая девочка, схватила скоротечную чахотку и тоже лежала. К середине весны и того, и другую отвезли на кладбище. Из других друзей виделись с Герценвицами (член Гос[ударственной] Думы), Борткевичами (проф. консерватории), Шидловскими, M-lle Noël, русской француженкой, которая давно уже жила в Харькове и знала всех наших знакомых. Церетели помещались в очень плохой квартире у г-жи Гулькевич, но тоже не хотели двигаться с места. Сережа и Татуся бывали у нас довольно часто. О дяде Ване [Церетели], который двинулся на юг, не было никаких известий.

Пасха, 7 апреля

Всю Страстную Неделю мы провели в монастыре, не пропуская ни одной службы. Еп. Митрофан даже на Светлую ночь не служил у себя, а поехал в деревню. Заутреня была очень торжественная, служили ее архимандриты и 14 священников. У меня была ужасная зубная боль, и я едва выстоял обедню.

Дома был настоящий пасхальный стол. Из муки, полученной от о. Харлампия, спекли куличи, достали яйца, сделали пасху и светлый праздник встречали хорошо.

После Пасхи начали доходить до Харькова смутные слухи о продвижении добровольцев или, как выражались бюллетени, «белогвардейских банд», но где они были, никто не знал. Одни утверждали, что уже весь Донецкий бассейн оставлен красными, другие, более пессимистически настроенные, говорили, что белые только в Крыму и на Кавказе.

Более точные вести пришли из-под Царицына, где было поражение добровольческих отрядов, о котором писалось много дней сряду[3].

Террор все усиливался, но так как о нем все знали только понаслышке, трудно было решить, кто убит и кто сидит в чрезвычайке на улице Чайковского. Все арестованные назывались в списках «спекулянтами». Мы очень часто ходили в приходские церкви и познакомились постепенно со всеми харьковскими приходами. Особенно часто кроме монастыря мы бывали в Благовещенском соборе и в Мироносицкой и Каплуновской церквях[4]. Я продолжал исполнять свое послушание звонаря и звонил в Пасхальную ночь, хотя сперва был запрещен ночной трезвон.

Весна была дивная. Сад был полон цветов, которые, хотя и не очень возделаны, но росли буйно и пышно. Воздух благоухал от белой акации и жасмина, но становилось все страшнее и труднее жить. Гнет и моральный, и физический достигали такой силы, что казалось, уже больше дышать будет невозможно. Страшное время были ночи, когда никто не был уверен, что его не арестуют и не убьют. Обыски тоже производились большей частью ночью. Не будь нравственного авторитета и выдержки матери, весь дом был бы заражен всеобщей нервностью.

Особенно действовала на людей неопределенность. Один день все были уверены, что близко освобождение, потом наступал период отчаяния. Мы не знали, удалось ли отцу уехать из Одессы, и где он находится.

Воскресенье, 9 июня. Неделя всех святых русских.

Утром были на литургии в монастыре. После обедни неожиданно распространился слух, что отряд казаков появился у парка на Белгородском шоссе. Напряженное настроение вдруг прорвалось. По улицам в автомобилях бешено в сторону вокзала пронеслись комиссары и, видимо, их жены, обложенные наспех собранными вещами. Некоторые машины были заполнены до верха картонками со шляпами, и люди висели на подножках. Навстречу казакам посланы войска, которые, по официальным сообщениям, «уничтожили ворвавшуюся в город белогвардейскую с...», но некоторые казаки успели скрыться благополучно. Впечатление в городе исключительное, только все открыли своим восторгом истинное лицо и боятся, что коммунисты будут мстить. Уже вечером к нам пришло человек 10, прося крова, так как ночевать дома им было небезопасно. Борткевич с женой, которые махали казакам платками, так напуганы, что боятся показаться. Д-р Якушевич поместился с делегатом, остальные — как могли.

Понедельник, 10-го [июня]

День ужасный. А вдруг все надежды зря, и добровольцы не подходят к городу. Всюду аресты. Наши беглецы боятся подходить к окнам. Мать необычайно выдержанна и не показывает вида, что волнуется. Весь дом так набит скрывающимися, что все питаются у себя по комнатам. Мы выходим только в монастырь.

Глава II
От прихода добровольцев 11-го июня 1919 до начала постоянных Дневников 10-го ноября 1919 года

1) С 11 июня по 16 июля.
2) Поездка в Ютановку 6 июля—8 августа (дневник).
3) Осень в Харькове: 8 авг[уста] — 10 ноября.

[Вторник], 11 июня.

После казачьего набега в воскресенье все ожидали новых преследований. За два дня захвачено несколько сот заложников, и все помещения чрезвычайки забиты видными гражданами и просто богатыми людьми.

Утром все спокойно, только издалека за Технологическим институтом слышна канонада, но такая глухая, что нельзя определить ее происхождение.

Об армии ходят самые непонятные слухи. Не то добровольцы находятся за Изюмом, не то уже у самого города. В 3 часа я ходил по улицам, выстрелы стали яснее со стороны Журавлевки. Как всегда, мы пошли втроем к вечерне в монастырь. Я ушел раньше конца и сразу заметил в переулке какое-то необычайное оживление. Толпы бежали к Николаевской площади. Я завернул по переулку навстречу людям, которые от возбуждения что-то кричали. Вдали по Сумской и из некоторых окон — ружейная стрельба. Вниз едут несколько всадников, запыленных и необычайного вида; к ним бросаются люди, а они их отгоняют. Долго не мог понять, что это были первые добровольцы, въехавшие в занятый еще большевиками город. Их было так мало (говорят, Харьков заняло всего 150 человек, а красных было около 20.000)[5], что они казались сказочными. Почти из всех окон Банковской площади и Сумской улицы стреляли и, не желая подвергать опасности жителей, офицеры просили не подходить, но мужчины и женщины буквально целовали им ноги. При мне одна дама схватила лошадь за стремя и бежала рядом, что-то крича, как шальная; не успела она пробежать мимо меня, как пуля попала ей в голову, и она, даже не

вскрикнув, повалилась навзничь. Когда ее подняли, она была уже мертва. Вдоль по Сумской лежало 5-6 раненых, но никто не обращал внимания на пули, которые то и дело отлетали от стен, так как стреляли из верхних этажей. Когда отряд проехал, все стихло. Только с Никольской площади и далее со Старомосковской раздавались отдельные выстрелы.

Братья вернулись из монастыря, ничего не подозревая. Во время службы, правда, один из иеромонахов сообщил, что пришли добровольцы, но никто не поверил. Дома было невероятное волнение, все бегали, суетились. Матери стоило больших трудов удержать обитателей, чтобы они поздно вечером не выходили на улицу. Больше всего нервничал Николай Петрович [Подвигин].

Ночь прошла беспокойно. Мы знали, что город полон большевиков, что за Карповским садом стоит дивизия и что оставаться добровольцам в городе небезопасно.

[Среда], 12 июня.

Утром все бросились на улицу. На некоторых домах Никольской площади висят трехцветные флаги. Ночью подошли подкрепления и заняли почти весь город. Внутренние большевики притихли. У Государственного банка открылась запись добровольцев. Проверки не было никакой, просто люди подходили к двум столикам и через минуту-две отходили. Нас сразу поразило количество евреев, пришедших записываться в отряды. Наш дворник пошел заявить об одном комиссаре-чекисте, расстрелявшем десятки людей, который жил в нашем переулке и который тоже пошел записываться. На его просьбу опасаться определенного коммуниста ему ответили: «Предоставьте нам вещественные доказательства Ваших слов».

С первого же дня начались аресты офицеров по доносам; арестовали также некоторых советских служащих, а комиссары вышли сухими из воды.

В первый день к вечеру все многочисленное, временное население нашего дома разъехалось по домам, жильцы тоже куда-то исчезли, и мы остались почти одни. Мать отдыхала от бессонных ночей и больше не сидела часами на окне, ожидая арестов. Константин Иванович Гладкий пришел к нам в гости и подтвердил, что найдены списки арестованных и тех, кого должны были арестовать в ночь с 11 на 12. В этих списках значился он сам и шведское консульство, в котором должен был быть

произведен обыск. Многие друзья и знакомые должны были быть убиты, если бы не вошли добровольцы, а другие взяты заложниками. Решено было расстрелять также несколько сот заложников из числа видных граждан города, профессоров и промышленников.

Из подробностей взятия города рассказывали о броневике «Товарищ Артем»[6], который днем 11-го, при первых слухах о приближении добровольцев, начал ездить по городу. Он был полон отчаянных и дико храбрых матросов и косил во все стороны из пулеметов. Особенно неистовствовал он на Московской улице и перестрелял массу мирного населения. Справиться с ним было очень трудно, особенно из-за толпы людей, заполнявших площадь и улицы. Только когда он наткнулся на фонарный столб, то сидевшие в нем сбежали, и добровольцы смогли его захватить. Матросы заперлись в одном из домов и их взяли штурмом. Вообще самые храбрые добровольцы, не боясь засад, еще вечером проникали в дома и старались обнаружить стреляющих через окна.

Последним был очищен харьковский вокзал. Комендант и новое начальство разместилось в «Метрополе» и «Гранд-Отеле».

На следующий день был молебен в соборе и на площади. Давка была такая, что мне вырвали рукав куртки, и я пришел без него домой.

К сожалению, через несколько же дней лучшие добровольцы ушли на передовые позиции, а в Харькове остались тыловые, те, которые играли из себя начальство или показывали свою деятельность заведением канцелярии и всевозможных учреждений. Люди забыли большевиков через неделю и уже стали ворчать.

Ю.А. Харина приехала с Марусей очень скоро и к нашему удивлению и огорчению не только не поблагодарила мать за сохранение имущества, дома и чудесное спасение всего, а была недовольна, что мы пользовались для ее же прислуги запасами крупы и муки. Юлия Александровна и Маруся вернулись вскоре в Ростов, где Маруся заболела почти сразу же головным тифом в очень тяжелой форме.

С отдалением фронта начала устраиваться жизнь губернии. Был назначен губернатор — Богданович, который с женой в один из первых дней был у нас в доме к чаю. В соборе сразу же были заведены, к всеобщему огорчению, полицейские порядки,

причем для губернатора стлали ковер и очищали четверть церкви кругом. К чести Богдановича, надо сказать, что он оставался в первом ряду толпы и не входил на ковер. В первую же службу преосвящ[енный] Феодор, видя перед собой пустую «площадь», сошел с амвона и подошел к народу для произнесения «Призри с небеси, Боже».

Как только фронт дошел до Золочева, мы поехали в [Двуречный] Кут и застали там плачевную картину. Остатки обстановки были окончательно разбиты, а иконы и семейные портреты добровольческий офицер упаковывал, чтобы куда-то везти. На вопрос матери, что он делает, офицер ответил, что берет с собой на фронт «воспоминания о жизни в нашем имении». Так и не удалось нам спасти остатки наших семейных вещей.

Ген. Деникин приехал в Харьков с большой торжественностью. Мы были в соборе и на Николаевской площади. Служили молебен, а после него был парад. Полиция свирепствовала невероятно. Обед был дан в саду Коммерческого клуба, так что мы, с нашей горки, присутствовали на нем и слышали все речи.

Вскоре начались раскопки на улице Чайковского. Было найдено столько ужасного, что простые мужики не выдерживали, а из деревень и окрестных городов валил народ, и это была лучшая пропаганда против коммунистов. Сколько сотен людей убил Саенко — неизвестно, но были найдены орудия пыток, куски кожи, перчатки кожи с рук, изуродованные тела, и каждый день откапывали все новые и новые трупы.

Когда добровольческо-казацкий фронт дошел до Валуек, оттуда со всевозможными поручениями приехал Женя Подвигин. Свидание отца с сыном было удивительно. Николай Петрович сразу преобразился и решил ехать сам в наши места, восстанавливать имение. Женя приехал с длинным списком вещей, которыми надо было запастись. Самой ходовой вещью был «сочный, молочный ирис» (конфеты), который был закуплен ящиками. Были заказаны печати для Ютановки и для Валуек.

Николай Петрович через своего приятеля, начальника службы движения Балашевской дороги, достал места в служебном вагоне (товарном, так как классных вообще не было) и, захватив с собою Максима и Евграфа, уехал 6-го июля в Валуйки. Поезд 200 верст ехал более двух суток, так как в Чугуеве пришлось пересаживаться. Всю ночь ходили по городу и когда, наконец, приехали в Валуйки, то Максим от переутомления слег.

Мы с Женей решили ехать через несколько дней. Странно было думать, что вновь попадешь в те края, где провел детство.

Я хотел обязательно пробраться до Ютановки и не оставаться в Валуйках. Мать решила ждать в Харькове. Она после пережитых волнений чувствовала себя неважно, и не на кого было оставить дом. Женя меня не дождался, и я, в конце концов, поехал один. Думал, что еду на месяц или полтора и прощался особенно задушевно со всеми в монастыре.

2) Поездка в Валуйки и Ютановку

16 июля—7 августа.

Путешествие до Валуек прошло хорошо. Благодаря любезности начальника движения, я попал в приличный товарный вагон, где ехали одни служащие, не было насекомых и можно было спокойно вытянуться на деревянных полатях. Ехали мы очень долго. На каждом шагу вспоминались старые времена и наши поездки в деревню. Станции в поле, тополя, малороссийские деревушки, степные пространства! Такие знакомые и милые имена: Коробочкино, Граково, Булацелевка. За Купянском — совсем родные места: и Соловей, и Уразово, и Заосколье. На заре подъехали к Валуйкам. Станция, как и прежде, скучная, с бесконечными путями, масса товарных вагонов, толпы людей, которые, несмотря на ранний час, ходят по платформам, солдаты, горки шрапнелей, снаряды. Дом в Казацкой Слободе, где жили Подвигины, еще спал. Около дома — пыльный двор с колодцем, из которого нельзя пить воду, настолько она бела от известки, кругом поля, а вдали, под холмами, монастырь. Дом просторный, комнаты большие, обстановка — как у большинства провинциальных интеллигентских жилищ: мягкая мебель, герани и фикусы на окнах, большие столы, беленые потолки и стены. Жителей в доме была тьма, но все же устроили меня хорошо. За стол садилось человек 15. Таня и Лиля мало изменились, Раиса Петровна еще больше поседела. Максим уже встал на ноги, но сильно осунулся за болезнь. Те несколько дней, которые я прожил в Валуйках, прошли скоро и незаметно. В субботу были именины Николая Петровича пекли пироги, торты, пышки и коржики; пришло много гостей, и праздник напоминал ютановские торжества. Успел за это время познакомиться с валуйскими жителями. Беспечная жизнь затянула меня, и только в воскресенье, 28-го днем, я вырвался в Ютановку.

Воскресенье, 28 июля.

На вокзале разрешили ехать с первым воинским поездом, который уходил около часа дня; взяли с меня все же 6 рублей, так как пассажирских поездов не существовало, а надо было собрать плату за проезд хотя бы с тех, кто решался ехать на платформах. Тронулись мы почти в назначенное время: старый паровоз и три товарных платформы, груженных шпалами и снарядами. Уселся я очень удобно на шпалах и мог с наблюдательного пункта осматривать местность. Кроме меня ехало еще два-три человека до Принцевки. Сорок верст до Волоконовки ехали четыре часа. Кроме обычной станции и Монастырской платформы, встретили полустанок с громким наименованием «Рай». Вид у этого нового «центра» самый дикий и захолустный. В Волоконовке почти все на месте, кроме памятника Александру II, который сперва покрыли, чтобы он, как говорили бабы, не видал срама, который вокруг него делается, а потом перенесли во двор волостного управления. Пьедестал остался на своем месте. Так как никаких конных сообщений не предвиделось, пошел дорогой через Заломанские пески, так как там чище. На боковых улицах та же грязь и те же лужи, которые, видимо, не подвержены революционным настроениям. В них барахтаются грязные гуси. По дороге бегают в одних рубашонках дети. Мост, как и прежде, сломан, и приходится искать брода через канаву, чтобы не провалиться между гнилыми досками. Все сидят по домам, так как жара очень сильная и пыль лежит густой пеленой, подымаясь каждую минуту. Оскол обмелел немного, но лес на другом берегу не срублен. У воды две-три бабы нещадно колотят белье.

Пески пусты, не видел ни души до самого Заломного. Там на улице повстречался знакомый мужик и предложил подвезти меня обратно в Волоконовку. Проходя мимо хаты Филимона, местного богача, окликнул его. Он со своей старухой работал в огороде, не удивился, увидав меня, зазвал на блины и обещал мешок огурцов; жаловался на трудную жизнь и на то, что его самого пограбили за эти годы.

Чем ближе я подходил к плотине, тем сильнее билось сердце, а главное, занимало любопытство, как встретят, что найду и не иду ли я в стан врагов. Страха не было, хотя было неспокойно, никто не знал точно, кто у власти, и иногда на одной горе были добровольцы, а на другой Красная Армия. Шкуро несколько раз занимал долину, а по линии железной дороги ходили бро-

непоезда. Сейчас фронт официально стоял за Новым Осколом, около Чернянки, но добровольцев было 60 человек, а сколько было с той стороны — неизвестно.

«Школа» елок, которую так бережно охранял отец, была разворована, но другие еловые посадки уцелели. В Осколе мочили повсюду коноплю, и вода была отравлена, так как некому было наблюдать. Рыба, по словам самих же мужиков, пострадала «дюже», и наши знаменитые сазаны встречались реже обычного. Плотина, которую прошлым и этим летом не поддерживали, не пересыпали хворостом и мелом, а только слегка починили, была в ужасном состоянии, и кое-где через нее просачивалась уже вода. В одном из заливчиков сидел Хведор — церковный сторож — со своей неизменной удочкой и запасом самогона, из которого он уделял понемногу за добрую цену проезжавшим завозчикам. Мельница работала полным ходом. Совет рабочих депутатов защитил ее от посягательств уездного исполкома. Только два-три дня в половодье она останавливалась. Служащие все те же, встречают радостно и весело. Мужики делают вид, что не узнают, хотя по лицам вижу сразу, что знают, кто я такой.

В конторе несколько дней тому назад поселился дальний родственник Подвигиных, Лев Викентьевич Хоецкий, человек милейший и прекрасный помощник, несмотря на сухорукость. Решаем с ним объединить свои усилия и жить вместе в конторе. Кровать примитивная, но зато чувствуешь себя дома, у себя, после годичного скитания. Думал никуда не выходить вечером и только завтра начать визиты, поиски и работу, но меня позвали от о. Сергия, который хотел обязательно меня сегодня же видеть и передать мне разные бумаги, которые у него оставались. Успел забежать на конюшню к Алексею (старшему кучеру), но отложил беседы и расспросы на опосля. Вся семья Поповых была в сборе, кроме Володи, который оставался в Воронеже и о судьбе которого родители очень беспокоились. Девочки и Александра Григорьевна сразу окружили меня и заставили рассказывать о Харькове, обо всех новостях, и мы долго не могли разойтись. Уговорили меня даже переночевать у них, так как в конторе неудобно и нет простынь. Я не хотел подводить о. Сергия, так как не знал, что будет завтра, но в конце концов уступил. Девочки ездили в Валуйки. Клава возмужала, стала еще серьезнее, учится в Новом Осколе, ходит в очках и говорит обо всем разумно. Вера и Лиля по-прежнему милы и мало пе-

ременились. Жилось им очень тяжело, но дом и огород они пока сохранили. Теперь, с приездом Гатчинской семинарии[7], у о. Сергия прибавилось уроков. Ютановка вообще стала еще больше культурным центром: есть прекрасная библиотека и много образованных людей. Отец Сергий по-прежнему строг к себе и другим, полон чувства долга и желания сделать все возможное для своих пасомых и не жалуется ни на какие испытания.

Понедельник, 29 июля.

На утро пришел Лев Викентьевич и очень меня журил, что я не хотел с ним ночевать. Зайти же в 10 часов через площадь к Поповым он побоялся, а заперся накрепко в конторе. Вообще все знакомые не советовали мне поселяться там, слишком на виду, где могут легко напасть и убить. На площади перед церковью встретил целую сходку ютановских баб, уже толковавших о моем приезде. Обошел за утро служащих: Антона Цыганека, Чечикова, Павла М. Седунова; был у Алексея-кучера, который повел меня показывать сбруи, закопанные им в саду. Коляски стоят на месте, и весь двор не переменился. За калитку в сад не хочется идти, так как знаешь, что там чужие люди, и откладываешь на последок «встречу» с разбитым и разоренным гнездом. Алексей Кононович берег все имущество, как мог. Маруся, его дочь, старалась взять что-нибудь и спасти при погроме, когда уничтожали все в доме, но нашла только одну лампу да две-три фотографии. Из 12 детей Алексея с отцом только 7. Автомобиль искали повсюду, и хотя Алексей и уверял, что он взят по мобилизации, перерыли полсада и двора, говоря, что им донесли, что машина закопана где-то у конюшни. Лошадей мало. Одних загнали, другие передохли или их разобрали; остались только старые.

Семья нашей последней горничной забрала два сундука столового белья, но, чтобы спрятать получше, закопала прямо в землю. Недавно вскрыли сундуки, но все погнило, так как земля была мокрая, а клали вещи без обертки.

По словам очевидцев, картина погрома представляется таким образом. Когда имение было взято на учет в начале 1918 года, а потом национализировано, а Николай Петрович [Подвигин] уехал в Валуйки, служащие обеспокоились судьбой мельницы. Наши мужики — ютановцы тоже были встревожены, так как зарабатывали на завозе большие деньги. Иногда привозили мешки зерна за 100–120 верст, а класть их было некуда;

очередь наступала через месяц, настолько был большой спрос на белую муку и такая шла слава о нашей вальцовке. Тогда почти все крестьяне устроили у себя амбары-склады для мешков и промышляли этим широко. Кое-кто открыл чайные и продажу спиртных самогонных напитков, и у каждого образовалась клиентура. Наш уход мог их радовать из-за земли, которую они хотели получить, но нашей мельницы они не хотели выпускать из своих рук. Образовался Совет рабочих и крестьянских депутатов, во главе которого в качестве верховного комиссара был поставлен Павло Животков, сын нашего Мирошника, который был в 1907 году сослан за революционные идеи в Сибирь и вернулся при нас, после революции. Уезд и губерния были очень недовольны создавшимся положением, так как все доходы шли служащим и проходили мимо их рук. Летом прошлого года они решили в свою очередь поживиться и постановили разграбить дом. Крестьяне не пожелали принять их предложения; они потребовали тогда подвод; ютановцы не дали; тогда было нагнано 60 телег из окрестностей, и в один из осенних дней 1918 года все местные «власти» приступили к разрушению дома. Вывозили все, даже сняли электрическую арматуру и штепселя. Свои поживились очень мало. Куда исчезли все мелочи, не удалось установить. Бесследно исчезли иконы, посуда, серебро, все семейные вещи, а также все мои фотографии — материалы, которые я перевез из Петербурга в деревню в 1917 году, а, что всего обиднее, и негативы, и позитивы за 10 лет, все книги и архивы.

Мебель погрузили на 60 подвод и с торжеством повезли в Волоконовку. День был жаркий, везти было скучно; крестьяне, исполнявшие повинность, спешили избегнуть дальнейших задержек, и часть вещей была скинута в полях. Довезенные до Волоконовки шкафы, умывальная, диваны и кресла навалены у местных жителей и в зерновых ссыпках.

На следующий день утром через Ютановку проходил татарский батальон, шедший сражаться с казаками. В доме он остался три-четыре часа, не более, но успел разложить костры на паркете в столовой, несмотря на чудный осенний день; у большого монументального камина солдаты отбивали узоры, у статуй носы и оборвали обои, которые по внешности похожи на кожу. Вечером того же дня, после ухода татарского батальона, в имение зашли «посланцы» Гатчинской семинарии, которая со всем имуществом в двух составах отправлена была для пропи-

тания на юг, но не могла проехать на Дон. Поезд остановили между Волоконовкой и Бибиковым, и все разбрелись по окрестностям искать помещения. Дом был для них кладом. В нем они устроили общежитие семинаристов и учителей и квартиры преподавателей, а во второклассной школе[8] — классы и библиотеку. Учительская семинария была переименована в Высшие коммунистические курсы, которые занимают до сих пор наше имение, переименовавшись в Учительскую школу.

После обеда отправился разыскивать нашего петербургского швейцара Василия Кононенко, но он, как хитрый хохол, не показался, так как «он-де роет погреб» и не может выйти в домашнем платье. Вечером опять был у о. Сергия. Перелистывал альбомы моих фотографий, которые я дарил девочкам. Как все это уже далеко. Ночевал опять у них. У меня появилось рвение и желание все, что возможно, собрать, найти, восстановить и, если будет невозможно остаться надолго, то, по крайней мере, вывезти кое-какие семейные вещи. Самое страшное для меня — это дом и сад. Не могу решиться переступить за его ограду.

Вторник, 30 июля.

Начал сбор вещей и объявил по деревне, что если кто-либо имеет что-либо «на сохранении», пусть принесет в контору. Беспокоила меня судьба библиотеки: всю ли ее уничтожили или часть можно найти. По рассказам оказалось, что большинство книг было отправлено в Бирюч, но туда доехали для народной читальни только немецкие, французские и английские сочинения, а русские были розданы на цигарки крестьянам. Пошел с утра обследовать сад (нижний), нашу гордость, посеянный и посаженный отцом, и который славился своими яблоками до Москвы и Петрограда. Не успели гатчинцы приехать в Ютановку, как, оказывается, занялись «хозяйством». Решили отделать сад по последнему слову агрономической техники, а главное — дать больше света деревьям. Весь нижний сад, расположенный вдоль Оскола по ровному месту, был окружен рвом, изгородью из густого боярышника, шиповника и барбариса и линией елей, стоявших очень близко одна к другой. Они составляли сплошную стену от земли на 5–6 сажень в высоту и оберегали сад от снежных заносов степи. Семинаристы с профессором агрономии вырубили все три живые изгороди, а у елей обрубили ветви на 4 аршина от земли. И зимой сад занесло

снегом, а в половодье — льдом. Большая часть деревьев была поломана или погибла, а другие, особенно богатые своей урожайностью, понадломились, так как не были обставлены подпорками. Семинаристы упустили из вида, что для нашего сада надо было заготовить до 50.000 рогаток. Из 500 яблонь большая часть пострадала, и вообще сад представлял из себя запущенный и грустный вид. Прошел дальше в три ясеневые леска на склоне горы, в которые мы ходили детьми гулять и где делали большой и веселой гурьбой пикники. На пасеке, которую нанимал Дмитрий Иванович, старый столяр, работавший всю мебель в нашем доме, застал хозяина. Он переселился из деревни в лес и ухаживал за пчелами. Угостил он меня на славу. Во время угощения подымаю глаза и вижу на полке у него много книг, спрашиваю: «Неужели, Дмитрий Иванович, грамоте научились?» «Нет, барчук, на цигарки раздают, вот и взял». Беру первый попавшийся том — «Колычевская вотчина»[9], любимая книга матери, без переплета, и уже сорвано страниц пятьдесят. На обратном пути зашел во второклассную школу. Узнав о моем приходе, вышел один из преподавателей и отрекомендовался: Александр Иосифович Коган. Показал мне библиотеку, богатую и полную ценнейших изданий. Оборудование первоклассное, химический и физический кабинеты, масса учебных пособий.

Встретил, к моему великому удовольствию, нашего милого Митрофана Дмитриевича Коломийцева, псаломщика, регента и учителя пения. Он преподает в семинарии пение, такой же растерянный, близорукий и наивный. Доктор Коган усиленно звал меня к себе в гости (в нашем доме), но я любезно уклонился, слишком мне было бы тяжело быть в тех комнатах, где я провел детство и куда меня зовут чужие люди с настойчивостью, как хозяева. В 3 часа пошел к Филимону в Заломное. Деревня эта всегда славилась чистотою, зажиточностью и чудными огородами. Псы подняли совершенно сверхъестественный гам, едва я успел ступить в «главную» улицу. Унять их было невозможно. Филимон на просьбу продать десятка два огурцов для моего стола сказал, что меньше сотни не даст, но за ту же цену, и прибавил два десятка «на почин» для разживы. Угощение было гомерическое. Каждый блин, величиной с блюдо, поливался чашкой топленого масла и фунтом сметаны. Уже на третьем я забастовал, а хозяйка хотела готовить до десятого. Филимон всегда был здравый и хозяйственный мужик, его мнение я предвидел. Новые порядки ему не нравились, но слишком сильно он не

ругался, хотя его таскали по волостям как кулака, и два раза били. Земли у него было много и на чужую он не зарился, а заметил, что другим она впрок не пошла.

Ночевал я в первый раз в конторе. Заперлись мы с Львом Викентьевичем наглухо. С улицы доносится мерный шум вальцов и говор завозчиков. Спать, правда, не очень удобно.

Среда, 13 июля.

Утром рано стук в дверь. Вскакиваю и наскоро одеваюсь. Оказывается, мой призыв подействовал, но несколько иным образом. Не несут вещей, а целая очередь добровольных «осведомителей» пришла сообщить, у кого из соседей что спрятано. За день удалось установить нахождение некоторых предметов и начать обход. Зрелище было удивительное: идем в таком порядке: «помощники», потом я, а в арьергарде Лев Викентьевич с тетрадкой для записей. За утро собрали три тарелки, два блюда, два ножа, одну вилку и массу ненужной дряни. Зато узнал, что громадная картина Сверчкова «Возок», двойник той, которая находится в Третьяковской галерее, только большего размера, отвезена в волость, так как понравилась волостному писарю. Она не вошла в избу, тогда вырубили «ход» в стене, не прошла, раскрыли крышу — не прошла. Кончилось тем, что ее прислонили к волостному правлению, где она и перезимовала под снегом. В полях тоже нашли кое-какую мебель. На пятницу прошу мужиков дать мне подвод. Павло Животков решил помочь мне в этом деле и энергично хлопочет о перевозке.

Был в церкви на вечерне, народа очень мало. Читал и пел, так как Митрофан Дмитриевич [Коломийцев] опоздал. Сторож Федор перехватил меня в ограде и привлек к крестинам в качестве восприемника. Сторожка все та же, и на стене висят те же старинные часы с надписью «Le Roy á Paris». В промежутках между чтениями продавал свечи двум-трем бабам. Федор уступил мне свое место с видимым удовольствием.

Четверг, 1 августа.

Утром была утреня и литургия, а после нее крестный ход на Оскол. Освещали воду по средине плотины. Устроили плот, только похуже, чем прежде. Палило немилосердно солнце, а вчера было дождливо. Собралось человек 100, но больше баб. Хоругви несли мужики. Из семинарии мало, видимо, состав там не церковный. В контору принесли еще кое-какие вещи, и мы с

Львом Викентьевичем составили целый список того, что набрано и что предстоит проверить. Через неделю уже можно будет жить с некоторым «комфортом», а сейчас мы обзавелись необходимейшими предметами хозяйства. Много говорю с мужиками и парнями. Полтора года большевизма мало чем изменили психологию. Ко мне лично относятся хорошо, но предупреждают, что если соберется сход и будут «каматэтчики», то могут убить. Земли, говорят, не отдадим, а усадьбу берите, и реку, и 200 десятин леса.

Поехали после обеда на поля. Больше половины не обработано. Из пашней крестьяне разобрали 600–700 десятин. Инвентарь попорчен и поржавел. Две сеялки лежат разбитые на площади. Там же свалены остатки плугов, жнеек и других машин. Их свезли для чего-то в Ютановку и там они гибнут под дождем.

Алексей запряг мне одну из оставшихся старых лошадей, и мы с главным нашим садовником, эстонцем Кюттом, сделали большой объезд по полям. Кютт, со свойственной ему настойчивостью, сейчас же по приезде Николая Петровича принялся за восстановление сада (нижнего), так как работники были ленивы, начал принимать «жесткие меры», ругаться и давать подзатыльники, а теперь струхнул.

Заехали на Волчий. От имения Сергея Иллиодоровича Шидловского не осталось камня на камне[10]. Кютт не мог разыскать место дома, а служил тут до нас много лет. В Покровском, говорят, все сожжено. Урожай в этом году средний.

Пятница, 2 августа.

Сегодня решительный день. Начинаю сбор вещей. Мобилизация удалась, все деревенские пошли навстречу, хотя подводы и не одинаковы: одни запряжены волами, другие лошадьми, но главное, можно привезти мебель.

Первое место, куда мы заехали, был дом купца Алексеева, владельца лучшего в Волоконовке бакалейного склада, который в прежнее время славился своими винами (Дри-Мадерами и Го-Сотернами), приготовлявшимися в его погребах. В одной из боковых комнат нашел всю мебель из отцовского кабинета; как она попала к нему, не знаю, но, по-видимому, при ликвидации остатков обстановки на площади он спас кое-что и теперь честно возвращал владельцу. Я хотел ему оставить два-три стула, но он не захотел. Нагрузили вещами две подводы и поехали

на ссыпку купца Потуданова. Старая хозяйка, которая славилась своей неимоверной толщиной, не только не протестовала, но не знала, как меня благодарить. Оказывается, вещи, особенно шкафы и мраморные умывальники, были с невероятными усилиями подняты на веревках на крышу и сверху сброшены в ссыпку, причем, как говорила свидетельница, солдаты и комиссары прикрикивали и шумно радовались при каждом падении старинных вещей в закрома: «Поделом, пусть буржуазные вещи пострадают, попили нашей кровушки». Когда я вошел в первую ссыпку, зрелище было поистине дикое. Нагроможденные друг на друга шкафы, мебель, разбившаяся от падения с крыши, стулья. Казалось, что кто-то нарочно старался привести в негодность все вещи: так, например, буфет стоял вверх ногами, зеркальные двери были сорваны с крюков, туалет матери разбит на три части, а мраморные доски кусками валялись под ногами. Больше всего ожесточения вызвал почему-то мрамор. Его, видимо, не только бросали, но били молотками и чем-то царапали. Взял я, конечно, не все, а более целое, но помог освободить сарай, так как туда должны были ссыпать зерно. Нагрузил все же еще три больших подводы.

Когда я уже собирался уходить, Потуданова вдруг говорит: «А не Ваши ли книги и бумаги?» — «Какие бумаги?» — «А вот, в небольшом сарае». Направились туда. Дверь нельзя открыть от навалившейся на нее изнутри бумаги. Пролезаю с трудом в помещение. Довольно обширное и полутемное оно наполнено на аршин высоты рваными бумагами. Это тысяча экземпляров книги отца «Народное образование»[11], которая с необыкновенной тщательностью и системой разорвана по страницам и навалена кучей. Работа эта потребовала много рук и заняла, вероятно, не один десяток людей. Среди груд бумаги нашел много документов, планов и других материалов, которые забрал в пакет с собой. Обратное шествие было живописно. На первой подводе ехал бывший комиссар Павло Димитриевич [Животков], а на последней я. Сидели мы на мебели в креслах и подвигались медленно и чинно. Весь народ сбежался смотреть на поезд. По дороге встречаю одного из ютановских, который сообщает не без некоторого самодовольства, что деревня уже занята красными. Я не поверил и продолжал путь. Часть вещей мы сложили на конюшне, а другие поставили в доме. Тут в первый раз после 17-го года я попал в нашу усадьбу. Стены были целы, но внутри стояла скудная чужая мебель. В каждой комнате на

верху жила чужая семья. Сад в ужасном запустении. Марс (собака) меня не узнал и только благодаря маленькому фоксу Кляксе, который бросился мне навстречу, переменил агрессивный лай на ворчанье. Цветники не отделаны. Верхний сад заброшен, забор снесен и стада гуляют по лужайкам. «Эйфелева башня» провалилась и стоит один ее остов.

Кютт, по инструкциям Николая Петровича, начал было приводить все в порядок, да слишком ревниво. Я ему много раз говорил, чтобы он не перебарщивал, но унять упрямого эстонца было невозможно, и он свирепствовал повсюду, где находил беспорядок.

А. Коган все зазывал меня пить чай, но я отговаривался занятостью и не остался долго в доме. Большой балкон почти разбит, некоторые колонны упали, другие едва стоят.

Суббота, 3 августа.

Утром пришел мужик из Черненки, целитель, которого знала вся округа. Он заговаривал кровь и лечил нервные болезни. Сам он был большого роста, худой, туберкулезный, с жиденькой бородкой и впалыми глазами. Я его помнил по прежним годам, когда он приходил к матери за лекарствами. Его позвали «заговорить болесть». Он первый привез весть о «прорыве фронта». У нас был стык добровольцев и донцов. На Дону социалистическая Рада (круг) издала закон об отобрании лишней земли, и все казаки ушли с фронта защищать свои дворы и наделы. Положение сразу ухудшилось. Мужики заговорили, что завтра вечером придут «наши». Рассказали мне, как добровольцы стреляли с горы по стаду коров, и по всей деревне поползли слухи и начались тайные перешептывания. Днем я пошел выяснить дело с коровами. Оказалось, в момент занятия добровольцами долины, красные поставили пулеметы между коровами и стреляли вверх по дороге. Добровольцы хотели их выбить из засады и убили одну корову, а две других ранили.

На вечерне пело несколько учеников курсов с Михаилом Дмитриевичем. Я продавал свечи. О. Сергий, как всегда, служил литию по нашим предкам. Посетил могилы, памятники дедушке и Наталии Гавриловне[12] целы. Гулял по Осколу. Кругом мало что переменилось, но леса почти все вырублены. Как только мужики захватили землю, началось поголовное истребление всего, что растет. От нашего Долгого леса осталось только несколько участков.

Воскресенье, 4 августа.

Перемена в настроении деревни удивительна: вчера еще все заискивали, а сегодня стараются не встречаться и далеко обходят, когда видят издали. Был на утрени и на обедни. Много пришло из Заломнаго. Днем настроение очень резко изменилось. Говорят, красные будут мстить за помощь белым. Многие собираются бежать. О. Сергия все убеждают съездить в Харьков, чтобы его не убили при занятии местности. Все интеллигенты уверены, что наступление красных временное. Кютт крепится и говорит, что он один отстреляется от тысячи и поэтому остается.

Схода после обедни не было, но кое-кто из мужиков предупреждал меня, что если придут красные, то первым делом убьют меня. Рисковать было не к чему, и я решил вечером ехать в Валуйки, сообщить о положении дела и повидать мать, которая должна была быть там эти дни. К вечеру положение значительно ухудшилось. Красные заняли уже все окрестности. Часов в 7 я на беговых дрожках поехал в Волоконовку к ночному поезду. На вокзале гулянье и веселье, молодежь шумит, ест семечки, но открыто все говорят, что идут красные. Перед самым отходом поезда на платформу врывается Кютт, бросается ко мне и, задыхаясь, говорит: «Нет, не могу, не могу, они меня убьют, возьмите меня с собой». Коротаем ночь вместе. В Валуйки прибываем в 4 часа утра. На улицах тишина, ни слуха, ни духа о прорыве фронта.

Понедельник, 5 августа.

Третьего дня я получил письмо от наших из Валуек с сообщением, что родители приезжают из Харькова. Я был так далек от мысли, что отец может быть в России, что не обратил внимания на множественное число, и поехал в Валуйки встретить мать и рассказать о положении дел на фронте. Дома меня ошарашили вестью о приезде отца сегодня в час дня. Сразу начали готовить торжественную встречу. Утром встретил на площади воинского начальника, которого знал лично. Он посмеялся и сказал, что мои сведения основаны на недоразумении. Фронт у Нового Оскола, если не дальше, и Валуйкам ничего не угрожает. Так как я красных не видел, а слышал о них только от мужиков, я подумал, что военные власти, видимо, имеют более точные сведения, и успокоился.

Родители приехали с опозданием к обеду. Встреча была радостная и торжественная. Валуйки приветствовали своего почетного гражданина, пришли местные власти, и дома был настоящий содом. Отец мало изменился. Немного постарел, но выглядит бодро. Вечером, пока дома был кавардак, пошли втроем в собор ко всенощной. Пели очень неважно. Шестопсалмие читал местный псаломщик, который, вместо «силою Твоею возвеселится царь», неожиданно для нас возгласил «силою Твоею возвеселится вождь». Оказывается, здесь это принято (!?). Легли все рано спать, так как переутомились, а на завтра предстоял еще рассказ о Франции. В воскресенье на дорогу Коган дал мне для чтения в вагоне томик Эмиля Золя. Был ли подбор специфический, или вообще я мало читал французских авторов, но все рассказы поразили меня своей распущенностью. Я так многие и не дочитал.

Вторник, 6 августа. Преображение Господне.

Ночью нас всех разбудил стук в дверь. Пришли предупредить, что Валуйки эвакуируются в спешном порядке. На улицах несмолкаемый гул от проходящих обозов. Военные власти и учреждения уже эвакуировались. Наскоро оделись, собрали вещи и поехали на вокзал. Там Ходынка, толпы народа. Стоят, ждут, лежат повсюду. Общий глас — надо отступать всем народом. Спрашиваю одного мужика, куда он едет. Оказывается, это сапожник из Бирюча, ушел от красных и вместе с ним ушло человек 200. Почему? Не знает. «Все ушли, народ весь поднялся, ну и я пошел, жисти нет», — прибавляет он. Поездов никаких. Все вагоны и паровозы реквизированы военными. Благодаря энергии Николая Петровича [Подвигина] через начальника станции Орлова получили товарный вагон, в котором умещается человек 35, но паровозов нет и, видимо, все так и останутся в Валуйках на станции. Прибывают все новые и новые беглецы. Уезжает все интеллигентное общество, лавочники, мастеровые. Настоятель собора с женой беспомощно мечется по платформе. Все вагоны набиты до отказа. У нас сидят все свои: кроме Подвигиных, о. Сергий с Верой, Кютт, Цыганек с женой и много служащих. Они все приехали ночью. О. Сергий все время повторял: «Зачем я уехал. Мне не надо было покидать своей паствы. Зачем меня заставили ехать?» Целое утро и полдня ищут «тяги». Наконец, из Купянска приезжает товарный паровоз необыкновенной силы, и состав в 60 вагонов медленно двигает-

ся с места. За ним бегут оставшиеся люди, цепляются за буфера, влезают на крыши. По дорогам исход, идут пешком, не зная, куда, с котомками за плечами. Стоило пронестись молве, что народ двинулся, как пошла вся губерния. В Купянск приезжаем под вечер. Наша семья пересаживается в харьковский поезд, а Подвигины и все валуйские остаются ждать событий.

Четверг, 7 августа.

В Харькове тишина. Вокзал пустой. Нам никто не верит. Говорят, что отступления не было. В доме по Харинскому переулку застаем всю семью Блиновых, которые тоже только что приехали из Валуек. Начинается вновь городская, спокойная жизнь.

Осень в Харькове.

7 августа—10 ноября

С продвижением добровольцев Харьков все больше и больше стал приобретать вид «города далекого тыла», со всеми недостатками, но и с широким размахом жизни. Мы продолжали учиться и постепенно подготовляться к выпускным экзаменам, так как предполагалось держать [их] в Харькове при одной из гимназий на аттестат зрелости. В августе мы очень стремились еще раз попасть в наши места, но родители решили отложить поездку до осени или Рождества. Вскоре после нашего приезда мы получили известие, что прорыв расширился, что красные дошли до Купянска, а через несколько дней на Балашевский вокзал прибыл поезд, в котором ехали ютановские и валуйские друзья, которые жили несколько дней в Купянске. Так как поместиться в городе было невозможно, то целую неделю и Подвигины, и о. Сергий жили в теплушках и только приходили к нам. О. Сергий очень скучал по своей пастве и повторял ежеминутно: «Я не имел права покидать ее в трудную минуту. Никогда больше не уеду из Ютановки». Мы ходили с ним к св. Мелетию, где он служил панихиду. Когда ген. Шкуро зашел в тыл большевикам и фронт был скоро выровнен, все наши спешно уехали к себе. Проезжая по нашим местам, ген. Шкуро взял наше пианино, которое я привез обратно в дом, и увез его в своем поезде. Конечно, мы никогда о нем больше не слыхали. Николай Петрович занялся собиранием инвентаря, поставкой хлеба интендантству и переговорами о «третьем снопе». Как

человек, обладающий исключительной инициативой, он привел в движение весь уезд, и всюду началась кипучая деятельность.

Мы думали остаться в доме бабушки, но Харины сдали все помещения Центросоюзу с сентября месяца, и мы начали подыскивать себе квартиру. В конце августа Григорий Григорьевич Мизко предложил нам свой второй особняк на Пушкинской, 37, куда мы и переехали 30-го, в день рождения Максима. Дом был одноэтажный, но очень просторный, с громадным садом, занимавшим целый квартал и обнесенный высоким глухим деревянным забором. Вход был через калитку; на улицу выходило два окна, а остальные во двор или в сад. Место было центральное, на второй по «знатности» улице. Сам Григорий Григорьевич жил в особняке рядом, где у него был настоящий музей, а во флигеле помещалось семейство его доверенного сторожа и приказчика Иваницы. Обстановки у нас своей не было, и мы получили ее от знакомых и друзей, которые со своей стороны предлагали, кто стол, кто шкаф, а кто картину. Языковы (начальник Южных железных дорог) дали прекрасную мебель для гостиной.

В первый раз в жизни я получил собственную комнату с окном на заросший вишняком уголок. От заднего крыльца шла аллея ирисов до сарайчика, а дальше был огород и плодовые деревья. Помещения было так много, что оставалась комната для приезжающих, а рядом с кухней поселилась не только Паша, которую мать взяла к себе, но и ее муж, Максим Никитич.

Гончаренко, которые жили через два дома, часто к нам заходили, но их скоро выселили, так как их особняк захватил ген. Шкуро и производил там невероятные дебоши и попойки. Переезжали мы очень скромно. Большинство вещей перенесли на руках, но устроились редко уютно. Помогал нам в переноске вещей товарищ Максима по Пажескому корпусу Васька Шульга, который как раз гостил у нас. Дом пришелся всем по вкусу; зачастили гости, как старые, так и новые: общественные деятели Харькова, профессора, некоторые иностранцы, земельные собственники и гости из Воронежской губернии.

Моя комната сразу превратилась в склад книг, которые лежали на столе, на стульях, на полу и грозили вытеснить из комнаты ее хозяина. Уже в сентябре у нас возникла мысль писать дневник, но приступить было трудно, и работа каждый день откладывалась.

В [Двуречный] Кут мы ездили несколько раз. Вид усадьбы был грустный, верхние комнаты и концертный зал были запол-

нены корзинами, сад запущен. Были на могилах, но решетки заржавели, и служить в склепе не удалось. Священник все так же был полон современных идей, курил и имел жалкий вид. Ковальчуки были сильно разорены большевиками и жаловались на безденежье. Восстанавливать [Двуречный] Кут пока было не по силам. Приходилось смотреть на него лишь как на место загородных прогулок.

Крупным событием осени был приезд в Харьков английского генерала Бриггса. Ему устроили банкет-прием в городской думе. Было 14 речей, но все по-русски. Только отец говорил по-английски от лица приходов. Церковных людей удалось объединить, и отец подал мысль о приходских списках при выборе в Думу. Идея эта была резко отвергнута кадетами и левыми, но все же за список приходов было подано много голосов. Очень резко возражал отцу Н.Н. Ковалевский и некоторые профессора, отрицавшие значение приходских организаций.

Занятия у нас были и на дому, и у учителей. Математику Максим и я продолжали изучать с Марком Самойловичем Елецким, английский язык с Еленой Георгиевной Пётрушевской. Латинский язык я совершенствовал с Гавриленко. Рисование преподавал поляк Терновский, а специально с Евграфом работал немец Блиц. Музыкальные уроки братья брали у директора консерватории Слатина. На несколько дней приезжал гостить к нам товарищ Максима по Пажескому корпусу Васька Шульга. Он пылал вдохновением и жаждой сражаться, снабдил нас изданиями Освага[13] и исчезал куда-то так же неожиданно, как и появлялся.

В монастырь мы ходили ежедневно, хоть бы на 10 минут утром и к вечерней службе. Я был официально старшим звонарем. Сперва к нам в Харьков Свят[ейший] Партриарх назначил арх. Евсевия, но он не смог доехать. Тогда архиереи, жившие на юге, прислали архиепископа Минского Георгия (Ярошевского). Приехал он под храмовый праздник и сразу начал вводить новые порядки. Службы распорядился начинать раньше, так что ко всенощной все опоздали. Под Покров было богослужение наверху, так как главный храм начали реставрировать. Первая проповедь архиепископа произвела невероятный соблазн. Говоря о чудотворной иконе Озеренской, он отвергал суеверие о «чудотворных досках», как он назвал образа. Сама по себе икона ничего не представляет, а важно только, что на ней изображена Богоматерь. Отсюда выходило, что все чудотворные иконы

обман или самовнушение. Для Харькова, а в особенности для Покровского монастыря, такое пренебрежение к чтимой святыне было святотатством, и арх[иепископа] Григория сразу же невзлюбили. Мне было очень трудно из-за моих занятий исполнять послушание звонаря, особенно когда приходилось за 10 минут добегать в гору со Старомосковской. Я едва успевал после урока у Гавриленко дойти вовремя до церкви.

В один из канунов праздника мы поехали навестить нашего законоучителя отца Александра Пурлевского в семинарии, где он преподавал; были на службе в семинарской церкви, ходили на могилу прабабушки, закусывали у отца Александра, а оттуда пошли навестить инспектора отца архимандрита Тихона. Я так заговорился с ним, что мы вместе вышли из семинарии, спустились с Холодной Горы и дошли до монастыря. Он очень культурный и широкий человек. О. Александр тоже удивительный священник, совершенно необыкновенный, пламенной веры и благочестия, пошедший, как и его брат [архимандрит Симеон], в духовные по призванию, из дворян. Вообще в Харькове много замечательных пастырей. Три особенно привлекают к себе сердца: обличитель, красноречивый и обаятельный, о. Николай Кольчицкий; умилительный и любвеобильный о. Николай Загоровский и мудрый и ученый отец Дмитриевский. К ним троим идут толпы не только из других церквей, но и со всей округи.

Один раз, проходя по монастырскому переулку, увидел на столбе написанное на машинке объявление: в Харьков приезжает митр[ополит] Антоний (Храповицкий) и будет служить в Благовещенском соборе. Мы, конечно, все трое были там с раннего утра и помогали устройству торжества. Навстречу митрополиту вышел викарий, а пр. Федор (Лебедев) произнес приветственное слово. Часы читал Иозефович (издатель «Южного Края» и харьковская знаменитость), но так выразительно, что длились они свыше часа. Самое потрясающее в службе была проповедь. В течение часа митрополит Антоний говорил на тему о борьбе за Церковь, очень резко упоминая о гонениях на православие при Екатерине II[14] и вообще в Синодальный период. Императорскую власть он дважды назвал угнетательницей Церкви, а императрицу Екатерину «безбожной царицей». Картина расправы с арх. Арсением Мациевичем была ужасна. Нельзя передать того впечатления, которое произвела эта проповедь, которая многих поразила и удивила.

Мы ходили к владыке Антонию в гости, и он долго задержал нас, расспрашивая, как мы живем и что делаем. За этот

приезд проявилась любовь к митр[ополиту] Антонию со стороны харьковцев, которой совсем не было, пока он был местным епархиальным архиереем во время войны. Приезжал в Харьков молодой, только что посвященный епископ Вениамин (Федченко), который хотел устроить братство свят. Гермогена для активной борьбы с коммунизмом и красными, но он слишком резко и политически поставил вопрос и не встретил сочувствия. Приезжавший вместе с владыкой Антонием еп. Никодим Чигирский из-за плохого состояния здоровья не служил. Он рассказывал много интересного о своем плене и об архиепископе Волынском Евлогии, томившемся вместе с ним в монастыре Камаздулов[15], и которого отец хорошо знал по Думе.

Друзей у нас бывало так много, что перечислить всех невозможно, мы же посещали своих (Церетели), пока они не уехали в Крым, Шидловских (одних и других). Старушки жили в Карповском особняке, самом обширном доме Харькова, окруженном настоящим парком, а Дорка (Иллиодор), Берточка и Мария Иллиодоровна — на Епархиальной. В монастырской лавке мы купили на скопленные деньги полный набор церковных книг в чудном издании in 4° и совершали по ним вечерню и утреню втроем каждый день.

Чем дальше уходил фронт, тем хуже становился тыл. Разгул в центре города был поистине невероятный. С наступлением морозов с фронта начали везти замерзших раненых, и солдат и офицеров, с отмороженными руками и ногами, и контраст между развратом кафе и ресторанов на Сумской и госпиталями был ужасный. В то время, как мальчики самоотверженно сражались, некоторые начальники проводили дни в попойках со спекулянтами, с аферистами вроде Шульнанова.

На Сумской открыли бюро по записи добровольцев в отряд полковника Главче, который был женат на нашей кузине Дудуше Сухановой.

В момент, когда фронт дошел до Орла (30 сентября), и все были уверены, что Москва скоро будет взята[16], через Харьков проехал кн. В.В.Тенишев, который отправился спасать мать и дочь. Через несколько дней, в первых числах октября, он вернулся со старушкой Тенишевой и Еленкой, нашим большим другом, и они провели у нас целый день. Вячеслав Вячеславович сразу заявил, что произошел перелом, что не только не будет больше наступления, но армия скоро отступит. Его пессимистические предсказания были встречены всеми с недоумением

и досадой. Он рассказал нам о своих проектах поездки в Константинополь, которые нам показались непонятными. Бабушка и внучка подробно нарисовали нам картину того, как добровольцы входили (30 сентября) в их город. Может быть, потому, что Орел был последним освобожден, и там ожидание было особенно томительным, встреча превзошла все, бывшие в других местах. Все население вышло навстречу, звонили колокола, люди целовали сапоги и стремена солдат и пели «Христос Воскресе». К сожалению, Орел скоро был оставлен, и все ликовавшие жестоко поплатились за свой восторг.

Отец с сентября начал делать запасы на зиму. Были закуплены овощи, уголь. Весь сарайчик наполнился мешками и саженями дров. Отец спешил разменять оставшиеся франки, за которые давали по 20 рублей, так как положение, несмотря на некоторые неудачи, казалось очень прочным. В театр и на концерты мы ходили мало, но зато я решил посещать лекции в университете. Первое торжественное собрание было посвящено докладу проф. Соболева. Я в первый раз попал в большую аудиторию и был сразу захвачен социально-экономическими интересами слушателей.

В начале ноября опять приехал из Валуек Женя Подвигин и привез муки и всяких продуктов.

На общем совете решили окончательно вести запись событий, но не в стихах, как это было в Ютановке, а в прозе. В тот же день я купил тетрадку и решил с 10-го ноября вести дневник.

С первых чисел ноября начали ходить слухи о кризисе Добровольческой армии, которой пришлось сузить фронт. Внутренняя неурядица, а главное жестокие морозы, которые убивали сотни людей ежедневно, подрывали дух. Не было теплых вещей для фронта, а письма оттуда шли отчаянные. Некоторые люди подымали свой голос и взывали о помощи защитникам и героям, но их призыв упирался в стену непонимания. На настроение населения плохо влияли рейды и временные занятия местностей, как Воронежа или Орла, за которыми следовала жестокая расправа, а потом, и главным образом, призыв крестьянских парней в период окончания сельских работ.

На базаре поэтому мужики вслух говорили, что все равно, что белые, что красные: «Солдат берут, хлеб отбирают».

Многие пессимисты начали говорить, что зимой лучше сдать большую часть территории, сохранить самые хлебные места вокруг Крыма, а весной начать новый поход. Отец много раз гово-

рил о поездке в Крым, куда нас звал Григорий Григорьевич Мизко, живший в своем имении «Нежданка» около Никитского Сада вблизи Ялты.

Общий же глас был, как месяца два назад: «На Москву, на Москву», теперь — «на Ростов, на Ростов!»

В монастыре поговаривали, что если «крестовый поход» еп[ископа] Вениамина и не осуществился, то надо Церкви взять на себя инициативу попечения о раненых и замерзших, но для этого надо было найти человека сильной воли и оратора. Подумали об окружном миссионере арх. Арсении, и было решено в середине месяца устроить специальные богослужения и сборы.

Митр[ополит] Антоний проехал еще раз через Харьков по пути из Киева в Екатеринодар и звал всех пресвященных с собой.

Васька Шульга провел у нас почти месяц. Он был настроен все еще воинственно. Привез опять массу пропагандных книг и брошюр. Все это время мы его почти не видели, так как он целыми днями ездил по поручениям и приходил только ночевать. Об отце он не имеет никаких сведений. Мать его на юге. Ходит он в полувоенной форме и очень ею гордится. На днях он уехал в Ростов, сказав, что скоро вновь покажется.

Глава III
Отец в Одессе и во Франции:
декабрь—февраль—июль
(1918–1919)

15 декабря 1918.

Отец уехал в Одессу в очень тревожные дни. Большевики вошли в Харьков через несколько дней, и мы потеряли с ним всякую связь: не знали, жив ли он, доехал ли до Одессы и где сейчас находится. Только однажды до нас дошла неизвестно от кого посылка; на обратной стороне материи рукою отца было написано несколько слов о том, что он жив, здоров и едет во Францию. Затем, до конца июля 1919 года, не было ни одного письма и только по приезде в Харьков, после эвакуации из Валуек, отец подробно рассказал нам, что с ним было.

Одесса.

До Одессы он доехал с французами благополучно и поселился там у проф. Е.П.Трефильева на Княжеской, 26. Это были первые дни оккупации. Французские войска высадились в порту 5/18 декабря под командой ген. Бориюса и начали устраиваться в городе. В течение декабря в Одессу съехались русские политические деятели, участвовавшие в ноябре месяце на Ясской конференции с союзниками и образовали несколько политических центров[17]. Во главе Одессы был поставлен в качестве начальника гарнизона и военного губернатора ген. Гришин-Алмазов, человек решительный, прекрасный оратор, но новой, революционной формации. Он приехал от Колчака, был принят ген. Эрдели и в марте опять уехал в Сибирь. Почти одновременно с французами в город вошли петлюровцы, и началась форменная осада. Одни кварталы были еще во власти добровольцев, другие заняты эвакуирующимися немцами, третьи захвачены Петлюрой, а в порту высаживались с «Mirabeau» и «Justice»* французы. Несколько дней Одесса напоминала во-

* Названия кораблей.

енный лагерь, но жизнь продолжалась, газеты выходили и магазины были открыты. С молчаливого согласия французов, добровольцы начали борьбу с петлюровцами и вытеснили их из города. Г-н Генно, а впоследствии и Дансельм занялись устройством «правительства». Правые в Одессе группировались вокруг Совета Государственного Объединения[18]: тут были барон Меллер-Закомельский, А.В.Кривошеин, И.А.Куракин. Центр образовался из кадет: Федорова, Чемберса и др. «Левое крыло» составляли представители Земгора: Фундаминский, Титов, Пошехонов и Мякотин. Со стороны ген. Деникина не было сочувствия идее коалиции, и часто распоряжения из Екатеринодара шли в разрез с директивами французов. В Одессе очень крупную политическую роль вне партии играл В.В.Шульгин, но его отношения с французами были натянуты, особенно из-за пресловутой конференции на Принкипо, и его газета была даже закрыта ген. Деникиным.

Отец принимал деятельное участие в создании Совета Государственного Объединения, в Совещании членов Законодательных Палат и в Церковном совещании под представительством митрополита Платона[19].

Не желая долго оставаться в Одессе, отец начал немедленно хлопотать о визе во Францию, куда ему необходимо было съездить для урегулирования дела с наследством Максима Максимовича [Ковалевского][20]. Его поездкой воспользовались русские учреждения и поручили ему официальную миссию ознакомления иностранных правительств о положении на Юге России. 31 января 1919 года французская виза была дана при содействии консула Bigot как собственнику во Франции и Кавалеру Почетного Легиона[21], и в начале февраля отец собирался ехать, но его задержал гр. Бобринский, желавший его присутствия на заседании 23 февраля, а митр[ополит] Платон для чрезвычайного собрания 12/25 февраля. На пароходе «Имп[ератор] Николай I» отец выехал из Одессы в Константинополь, а оттуда в Салоники, куда приехал 3-го марта. Город был совершенно разрушен, остановиться где-либо было очень трудно, но благодаря содействию русского Ген[ерального] консула и местного греческого митрополита, к которому было письмо от митр[ополита] Платона, отец провел две недели благополучно. По дороге во Францию он должен был заехать в Рим по делу о Варшавском соборе. Визу удалось получить после бесконечных трудностей, так как итальянцы никого к себе не пускали (несмотря на

просьбы М.Н.Гирса и Персиани). 21 марта отец высадился в Неаполе, был принят в Риме представителями папской политики, вел с ними переговоры о соборе и мощах св. Николая, а в последних числах марта приехал в San Remo. Несмотря на то, что у него была французская виза, его не хотели выпускать из Италии и продержали на границе до 3-го апреля. Отец пробовал перейти через границу пешком, но безрезультатно.

Франция.

В Болье в это время был в разгаре сезон, и после войны многие французы поехали отдыхать на юг. Вид отца, приехавшего из России, был, по-видимому, особенно после долгого сидения на границе, очень переутомленным и не вполне европейским. К нему отнеслись все с недоверием, и только, когда он сказал, что он владелец виллы, на которой садовник Бесси, то ему указали путь. Отец был так давно на Ривьере, что забыл уже расположение местности. Когда он подошел к калитке, в саду работали старики Бесси. Он остановился, и произошла удивительная сцена: «C'est vous Mr. Kovalevsky?» — спросил Бесси: «Je vous attend depuis trois ans, vous savez, il nous est arrivé un grand malheur, je n'ai pas pu garder tout votre bien intact, un poisson rouge est mort ces jours-ci!»*

Отец буквально попал в другой мир. Потеряв все состояние, земли, положение, не имея известий о семье, он вдруг оказался лицом к лицу с прежними житейскими мелочами, которые не изменились, пока рушились государства и весь мир погибал.

Бесси бережно и любовно охранял наше имущество, хотя не знал, жив ли отец и будет ли он введен в наследство. Он прибавил себе только из-за послевоенной дороговизны 50 фр. в месяц жалованья. Все деньги за сдачу виллы он вносил нотариусу Гримальди и не истратил ни сантима.

Отец немедленно приступил к делу о введении себя в наследство и о расчете с Лоренцини, как в отношении денег, так и виллы. Для этого ему пришлось съездить в Париж, где он видел всех видных политических и общественных деятелей; имея возможность принимать и объединить вокруг общей на-

---

* «Это Вы, господин Ковалевский? ... Я Вас жду вот уже три года, Вы знаете, у нас случилось большое несчастье, я не смог сохранить все Ваше имущество на днях умерла красная рыбка» (*фр.*)

циональной идеи, он устроил в честь адм[ирала] Колчака, который был объявлен Верховным Правителем, большое собрание-банкет, на котором присутствовала Софья Федоровна Колчак и все русские политические деятели. В.А. Маклаков, который не был официально признан послом[22], но действовал вместо него, в посольстве всех принимала сестра его, Мария Алексеевна. Отец сделал несколько докладов о положении России и, в частности, один по-французски специально по церковным вопросам и издал брошюру: «La voix de l'Eglise Russe»[23].

Во Франции в это время было очень трудное внутреннее положение. Ожидали всеобщей забастовки и коммунистических беспорядков. Отец для большей осведомленности ходил на митинги и собрания и где мог, разъяснял сущность большевизма.

Версальская Конференция[24] заседала все время «à huis clos»*, и большинство делегатов не знали, что им суждено будет подписать. Русских совсем не допустили и с ними не считались в вопросах о положении в Западной России в связи с Брест-Литовским миром.

Даже Бельгия не была осведомлена о своей судьбе, и король Альберт несколько раз безуспешно требовал показать ему текст пакта, относящийся до его страны.

Выполнив миссию в Париже, отец переехал в Болье и поселился у себя на вилле, принимал всех местных «notabl'ей»**, в том числе мэра Болье и редких русских, которые были на юге. Приводя в порядок библиотеку и денежные дела, он старался как-нибудь снестись с нами, но безуспешно. Однажды, купив совершенно случайно «Temps»***, он прочел на последней странице сообщение, что добровольцы взяли Валуйки и Волоконовку. Как всегда решительный, он тотчас же поставил себе целью ехать в Россию на поиски семьи. Это было в первых числах июля. В Париже готовились к празднику Победы[25] и ничего добиться было нельзя. Несмотря на это, отец получил дипломатический паспорт[26], визу для Екатеринодара, закупил при помощи Шебуниных целые корзины всяких хозяйственных мелочей (белья, ниток, пуговиц, иголок, костюмов) и решил через Марсель ехать в Новороссийск. Все русские только разводили

* «при закрытых дверях».
** Notabilité (фр.) — влиятельный, именитый человек.
*** «Время».

руками и говорили, что ничего сделать нельзя. Ни одного места в поездах не было, а надо было уезжать 14-го июля. В последнюю минуту кто-то вернул свой билет, и отец попал на поезд. К счастью, адмирал Погуляев добился для отца разрешения ехать на военном судне, отвозившем солдат в Россию. Отец должен был быть единственным штатским на корабле. Дошло время до праздника 14-го июля, а пароход уходил 15-го июля. Ни извозчиков, ни такси, ни комиссионеров не было. 13-го отец из своей гостиницы на quai Voltaire* перевез корзинки на тачке сам на gare de Lyon** и сдал в багаж, причем ему сказали, что он [багаж] придет не скоро. Часть для безопасности поэтому отец оставил для вагона.

14 июля было и грандиозно и для нас, русских, трагично и оскорбительно. Шли все армии, кроме русской, и не была вообще представлена Россия. За маршала Жоффра тоже была горячая борьба, так как политики не хотели допустить его ехать вместе с Фошем во главе войск.

С вечера 13-го на Champs Elysees*** уже стояли, сидели и лежали люди. Были принесены лестницы, стулья, скамейки. Отец купил место на лестнице и видел весь триумфальный парад.

Вечером того же дня он уехал в Марсель. В первый день он, к своему ужасу, узнал, что багаж не пришел. На следующий день пришло столько багажа, что его нельзя было разобрать. Отец предложил самому отыскать корзину, но адрес оторвался в пути, а по внешности он не знал, какая она, так как было много похожих. Совершенно случайно, переходя от одной к другой с ключами, он ее отпер и по содержанию узнал, что это его.

Пароход отошел только днем 3/16 июля и шел 18 дней до Новороссийска, а всего до Харькова отец ехал беспрерывно 22 дня, задержавшись только немного в Екатеринодаре для сдачи депеш. Его сейчас же привлекли к работе в Осваге и Совещании, но отец спешил найти семью и 27-го был уже в Харькове. По его словам, самый страшный момент был, когда он входил во двор дома. Живы ли все или уже никого нет в этом свете? Горничная Маша, которая вышла ему навстречу, на вопрос, где все, ответила: «Барыня у себя». «Значит, сыновья убиты или исчезли», — промелькнуло в мыслях у отца. Только наверху,

* Набережная Вольтера.
** Лионский вокзал.
*** Елисейские поля.

при обмене первыми словами с матерью, выяснилось, что мы все трое в Валуйках, живы и здоровы. Отец пробыл неделю в Харькове, а 4-го августа решил ехать в Валуйки.

Все его рассказы были для нас сказкой, настолько далеки мы были от жизни в Европе и настолько она казалась нам невероятной и невозможной. Только различные вещи из «Bon Marché»[27] свидетельствовали, что, несмотря на войну, во Франции можно было все купить и, главное, недорого.

Отец привез денег и, благодаря этому, сразу облегчилось наше положение, хотя от безденежья мы никогда не страдали, настолько при большевиках люди солидарны и поддерживают, как могут, друг друга.

Глава IV
Дневник с 10 ноября по 22 ноября 1919 года. Дни великого подъема

Воскресенье, 10 ноября.

Утром были на литургии в монастыре. Преосв[ещенный] Феодор служил в Крестовоздвиженской церкви. Погода мокрая, после обеда сидели дома и работали. Вечером мать читала нам Достоевского. Ужинали рано, во время ужина лопнуло ламповое стекло, пришлось оканчивать еду при свечах.

Понедельник, 11 ноября.

День прошел спокойно. Днем были на английском уроке у Елены Георгиевны [Петрушевской]. Ей вчера исполнилось 33 года и было небольшое торжество. Петр Петрович Рышков принес двадцать тысяч рублей из переведенных телеграфно Николаем Петровичем [Подвигиным] через Государственный банк. Деньги из Ютановки получаем регулярно, благодаря особенной энергии Николая Петровича, который не только продает хлеб, но и собирает третий сноп с обрабатываемой крестьянами нашей земли (это взаимный договор о разделе урожая, собранного с помощью наших машин). Курский фронт без перемен, но оставлен Старый Оскол. Электричество потухло за обедом и зажглось только в 4 часа. Теперь это случается почти каждый день. Иногда и по вечерам приходится работать со свечами, а их цена все повышается (сегодня 30 рублей штука). В Озерянской церкви ремонт быстро подвигается. Крючков начал расписывать верхние простенки и работает необычайно быстро. Спички стоят 42 руб. десять коробок. На севере, говорят, дрова в больших городах стоят до 5000 руб. пуд, а соль до 50.000. Вечером ходил в монастырь. У нас дома на кухне торжество — рождение Максима Никитича, мужа кухарки, который, по-видимому, поселится окончательно у нас и будет стеречь дом. В городе упорно говорят, что Государь и наследник живы и были спасены в последнюю минуту. Слава Богу. Вечером с Курского фронта сообщается, что взяты Тим и Солнцево.

Вторник, 12 ноября.

Был Павел Андреевич Прибыткевич, учитель из Ютановки, который все время вел революционную пропаганду и всячески натравлял крестьян на нас. Во время сходов летом 1917 года он грозил в сторону усадьбы и говорил: «Не долго им осталось жить за этой золоченой решеткой». Теперь он попал в трудное положение и пришел к отцу за защитой. Очень неприятный и тягостный визит. Ген. Деникина хотят заменить более решительным человеком. Рада смиряется, так как Врангель и Покровский действуют энергично. Мороз. Идем к Маркусам. Сегодня уехали в Ростов все епископы: архиепископ Георгий, еп[ископ] Митрофан и еп[ископ] Феодор, а также архимандрит Рафаил, настоятель Покровского монастыря. Их вызвал к себе митр[ополит] Антоний. Еп[ископ] Алексей отказался ехать и решил остаться в трудный момент со своей паствой. Хотя объясняют отъезд церковными нуждами, но все уверены, что епископы уехали от опасности. Настроение поэтому придавленное, а в глубине души возмущенное. Говорил об этом с многими монахами и богомольцами. Самое удручающее, что архиеп[ископ] Георгий взял с собой ризу с Чудотворной иконы Озеренской «ради сохранности» и увез ее в Ростов. Как раз за всенощной под Иоанна Златоуста, которую служил Серафим «святоша» (на величание вышли иер[омонахи] Евстафий и Варсонофий и диаконы Рафаил и Анания), читали Евангелие от Иоанна: «А наемник бежит, яко наемник есть и не радит о овцах». Мы все стоящие в церкви переглянулись, и было невыносимо досадно и больно. Максим и Евграф ходили в церковь IV Гимназии (Печетовского) на храмовый праздник. Старшим в монастыре для распоряжений, в виду дряхлости архимандритов, остался о. Палладий. Петр Петрович [Рышков] принес еще 25 тысяч рублей.

Среда, 13 ноября. Память Св. Иоанна Златоуста.

Был в церкви на акафисте; служил преосвящ[енный] Алексий Волчановский. Звонили и трезвонили с Тимофеем. У нас был Гаевский и остался к чаю. На Курском фронте хорошо. Из Валуек приехал ревизор училищ Порошин и был у нас. Настроение в нашем районе великолепное. Никто не верит в отступление. Считают, что осень пройдет благополучно. Был на уроке у Влад[имира] Димитриевича Гавриленки. Проходили очень усердно программу 8-го класса. Его, как военного, вызва-

ли для каких-то дел и пришлось ждать около часа. В городе спокойно, но под шумок говорят, что все официальные учреждения эвакуируются и что многое вывезено уже в Ростов. Громко говорить об этом нельзя, так как считается официально, что положение исключительно прочное. Со Старо-Московской подниматься в гору к Николаевской улице трудно, так как холод сильный и ветер в лицо. Отец видел сегодня ген. Май-Маевского, и тот сказал ему, что эвакуация прекращена. Днем было очень тяжелое настроение. Чувствуется, что что-то готовится, чего мы не знаем. К вечеру через Порошина получили письмо от Душечки из Волоконовки, совсем спокойное. Занятия идут хорошо, у нее много учениц. Володя Попов, о котором мы давно ничего не знали, добрался до Ютановки и шлет оттуда повесть о своих мытарствах. Вот выдержки из его письма: «Я вернулся в Ютановку 15 октября из города Воронежа, где мне пришлось многое пережить, пришлось много голодать и жить на одних пышках, которые дома вряд ли дают свиньям. Во время пребывания большевиков в гор. Воронеже, мы бегали по столовкам, где ели коммунальную похлебку из воды и жмыха, когда же пришел Мамонтов[28], то исчезла и эта последняя похлебка, пришлось ходить в деревни и менять вещи на хлеб. Это была потрясающая картина: и дамы, и дети, и разного возраста мужчины шли в деревню за хлебом; сначала были опустошены ближайшие деревни, а потом расположенные от Воронежа верст на 30–40. Перед приходом ген. Шкуро в Воронеж, нас, всех служащих, забрали рыть окопы, но, спасибо, это продолжалось всего два дня. Обращались с нами в это время, как с арестантами, на ночь нас приводили в особые здания, забивали все двери, кроме одной, где стоял часовой, есть ничего не давали, разве кому-нибудь приносили знакомые или родственники, но тогда все делились, чем могли. Такое обращение с нами большевиков, как оказалось после, было потому, что они считали всех беспартийных контрреволюционерами и саботажниками. Но через два дня после мучений наступило освобождение. Пришли казаки, и мы все разбежались с окопных работ. Зажили мы тогда в Воронеже спокойно, и я собирался уже ехать домой, как вдруг в один прекрасный день к нам пришла государственная стража и арестовала нас. Повели нас в часть, сняли показания и препроводили в контрразведку. Дежурный офицер даже удивился, что нас арестовали: «Ну, да следователь разберет», — а пока суть да дело, нас отвели в арестный дом, где мы просидели 7 суток,

пока дошла очередь до нашего дела. На 8-ой день следователь снял допрос и, рассмеявшись, сказал: « Ну да это вышло недоразумение». Но нам-то это не особенно улыбалось, хотя нам выдали бумагу, что мы (то есть я и 3 моих друга студента) политически благонадежны. Моему отъезду или, вернее, уходу из гор. Воронежа послужило распоряжение ген. Шкуро об эвакуации учреждений и о разрешении всем эвакуироваться без всяких пропусков, так как на Воронеж наступали красноармейцы. Я пошел пешком на станцию Горшечное и сделал 90 верст, а потом поездом приехал домой». Дальше Володя пишет, что он временно поступил в Ремесленную школу надзирателем и преподавателем математики.

Как все это похоже на наши харьковские события в начале Добровольчества, когда коммунистов выпускали, а благонамеренных людей по доносу держали под арестом. Порошин привез также письма от Раисы Петровны, Ник [олая] Петр[овича] и отца Сергия. Последнее грустное. 25 октября умер наш милейший учитель пения Митрофан Дмитриевич Коломыйцев. Он уже давно болел и лежал в Волоконовской больнице. Его похоронили в Ютановке в ограде церкви. Во время похорон шел сильный дождь, так что было очень мало народа. Пели ученики Гатч[инской] семинарии. Отец Сергий преподает Закон Божий и в семинарии, и в Ремесленном училище. Клава в Новом Осколе, а Вера и Лиля учатся дома. Клава учится блестяще и очень радует родителей. У Порошина впечатление от школы превосходное.

Четверг, 14 ноября, Св. Апостола Филиппа.

Положение ухудшается, все добровольческое дело погибает. Спасти его может только чудо. Перемена в настроении настолько резка, что сегодня уже открыто говорят об отъезде из Харькова. Мы думаем ехать в Крым, так как там Церетели, и Григ[орий] Григ[орьевич Мизко] неоднократно звал на свою виллу около Ялты. В Ростов нас почему-то не тянет. А все только и говорят: «В Ростов, в Ростов!» Весь день разговоры о поездах и вагонах. Видимо, можно уехать с Освагом, но он едет на Ростов. Вообще, гражданские учреждения в загоне. Во французском консульстве ничего не знают о положении. Отец менял сегодня франки (дали по 40 рублей за франк, вместо 20-ти), ожидают приезда в Харьков французской военной миссии, едущей на фронт. Видимо, главное командование не отдает себе отчета в положении

Харькова. С пропусками целая история. Высшие власти никого не выпускают. Большевиками, как говорят, руководит С.С.Каменев, полк. Ген[ерального] Штаба. Вечером был в монастыре, начинается пост. Вчера от удара умер певчий Николай.

Пятница, 15 ноября.

Был на уроке у Гавриленко. Вчера ходили на концерт Слатиных. Играли одну из симфоний Чайковского. Мой учитель больше не может заниматься, у него военная работа и, по-видимому, он уезжает. Были два раза в монастыре. Забегаю туда хотя бы на 5 минут. Опять как-то в городе спокойно. На фронте холода, и везут не только раненых, но и замерзших. На Сумской, несмотря на эвакуацию, вечерами шум и веселье; пьянствуют, впрочем, и день и ночь. Особенно тяжело смотреть на тыловых военных. В то время, как на фронте сражаются без теплой одежды, геройски умирают и не отступают перед красными, здесь невероятный разгул и «пир во время чумы». Май-Маевский первый подает пример, и ходят слухи, что его систематически спаивают богатые евреи. В доме Гончаренко рядом с нами — непрерывный дебош. Многие уже походят на большевиков и отличаются от них только формой.

Суббота, 16 ноября.

Марк Самойлович [Елецкий] экзаменовал нас сегодня по тригонометрии, сказал, что хорошо — полная четверка. Положение на фронте безнадежное. Держать напор красных невозможно. Армия тает, а тыл или большевизируется, или бежит на юг.

На всенощной были, как всегда, в монастыре. Служил арх. Епифаний и иеромонахи Аркадий и Ельпидифор с архидиаконом Лаврентием. Отец купил у Марии Иллиодоровны [Шидловской] сто рублей золотом.

Воскресенье, 17 ноября. День Великого духовного подъема.

Вчера в монастырь приехал архимандрит Арсений, окружной миссионер, человек неистовый, но горячий, пламенный, зажигающий сердца людей и не скупящийся на слово обличения. Преосвященный Алексий освящает сегодня вновь отделанный придел в Благовещенском соборе. Остался все же на обедне в монастыре. Заходил к отцу Палладию поговорить о положении на фронте. Когда митр[ополит] Антоний проезжал в последний

раз через Харьков, отец Палладий спросил его, как он оценивает положение России. Митр[ополит] Антоний сказал: «Очень плохим. Единственный выход — заключить союз с немцами. Они перестанут помогать большевикам и разобьют их легко и скоро». Звонил сегодня Савва. Литургию служил за старшего архим[андрит] Арсений, два неизвестных священника и иеромонахи Харлампий и Ельпидифор. Я звонил только на «Достойно». После причастных молитв бичующее и обличающее слово сказал архим[андрит] Арсений. Я стоял в пономарке и слышал все очень хорошо. Он обличал русский народ в безверии. Начал он с притчи о Милосердном Самаритянине и когда дошел до слов: «Кто есть ближний мой», воскликнул: «Как ты спрашиваешь, кто твой ближний, жестоковыйный, позабывший Бога народ». Почти вся церковь плакала. Служба кончалась в 11 часов, и так как преосв[ященный] Алексий не мог еще приехать, архим[андрит] Арсений в краткой проповеди предложил прочитать акафист. Был сбор в пользу замерзающих от мороза солдат и для раненых. Давали от 50–100 рублей, высыпали все, что было в кошельках. Пред акафистом и после него арх[имандрит] Арсений сказал еще два коротких слова. Крестный ход отправился около 12 часов на Никольскую площадь. Я с Саввой долго трезвонили, потом встретили во дворе монастыря Валентина (келейника), который нес кипу листовок; взялись все за послания и дотащили их до площади, где архим[андрит] Арсений уже произносил перед громадной толпой с пьедестала памятника адмиралу Колчаку обличительную речь. Мать была в это время на паперти Никольской церкви. Начался молебен. Арх[имандрит] собирал в толпе деньги, не переставая обличать и грозно указывать на Сумскую, где не прекращался разгул и откуда доносились звуки оркестра и пение Вертинского о каком-то негре. Принесли чудотворную Икону Озеренскую и образа Николая Чудотворца, Тихона Задонского и Свят. Ермогена из Никольской церкви. Я и Володя во время и после молебна раздавали послание. По возвращении в монастырь арх[имандрит] Арсений с каменного бордюра фонтана среди двора сказал третью обличительную речь-проповедь.

На гробницу святителя Мелетия кто-то положил золотое обручальное кольцо. Мы совещались с отцом Тихоном, потом спросили у о. Палладия и решили временно спрятать в ризнице, чтобы употребить потом на украшение раки при прославлении.

Весь вечер провел в монастыре. Есть некоторая надежда. Бог даст, все уладится. К отцу заходила целая группа валуйских: Иванов, Саншаров и Крикловенские. Начали собирать коечто для отъезда, но не верится, что придется уезжать. Отец говорит, что, если и уедем в Крым, то до более теплых дней. Все уверены, что большевики не дойдут. У меня в душе возникали сомнения, как можно ехать на юг, а не брать в руки оружие и защищать Харьков. Но все равно с неравными силами ничего не сделаешь, так как наступил моральный перелом, и население явно ждет перемен. На базаре, где всегда самые точные сведения от приезжающих крестьян, говорят втихомолку: «Наши идут». Все интеллигентные люди объяты паникой или беспечны и оптимистичны до предела. Мать сказала, что она пустит детей сражаться только за Россию и Императорскую власть, а зря погибать от мороза и шальной пули — преступление. Фронта уже по настоящему нет. Связи никакой.

Понедельник, 18 ноября.

Арх[имандрит] Арсений — второй Дионисий: ему удалось раскачать толпу. Собрано много десятков тысяч рублей, сегодня будут посланы теплые вещи и облегчена участь раненых. Утром положение казалось плохим. Ходили в банк, чтобы взять серебро. Отец не возвращался после обеда до 5. Мы очень волновались. Вещи из Оскола уже грузят в какой-то вагон, но где он стоит, никто не знает. На улицах с каждым днем все заметнее и заметнее становится падение дисциплины и перерождение военных. Во время чая стук в окно. Открываем — перед домом стоит проф. А.Л.Погодин и тянет нам пакет: «Попробуйте, замечательная рыбка — копчушка с Черного моря, такая прелесть». «А Вы куда едете?» — «Я никуда, положение блестящее, скоро начнется наступление, стыдно собираться, эвакуации нет, попробуйте лучше рыбок». — «Вишневый сад», — вырвалось у кого-то из нас. Вечером, правда, известия о наступлении по всему фронту. Взяты Старый Оскол, Суджа, Сумы, Короча и Обоянь[29].

К ужину гости: Мария Федоровна Гончаренко, Ел[ена] Вас[ильевна] и др. Приезжает генерал Манжен и едет осматривать фронт у Белгорода. Настроение как-то приподнялось. Опять верим в победу и в то, что не придется бежать. Через Харьков сегодня проехал еп. Аполлинарий Белгородский; он едет с отцом Нафанаилом и еще одним монахом на Старый Афон. Он был сегодня у еп. Алексия и спросил его, не боится

ли он оставаться в Харькове. Тот ответил: «Ведь надо же мне показывать пример моей пастве, а не покидать ее в трудное время».

Вторник, 19 ноября. Память прор[ока] Авдея и муч[еников] Варлаама и Иоасафа.

У нас была Мария Федоровна [Гончаренко]. Ездил покупать галоши на мой рост — 3200 рублей. Конечно, не купил. Положение пока не ухудшилось, но все же понемногу собираемся. Уехал еп. Феофан. Отец пошел вечером во французское консульство, где консул Бонифе устраивает прием в честь ген. Манжена. Если он приехал сюда из Ростова, то, видимо, положение не такое уж плохое. В монастыре был на службе ген. Май-Маевский. Пришел очень рано и достоял до конца. Полная неизвестность о фронте волнует и нервирует. В газетах ничего интересного. Уроки у Елены Георгиевны [Петрушевской] пока продолжаются, Евграф занимается с Блицом. Если мы даже уезжаем, то на время, и поэтому оставляем в квартире все на месте под охраной Паши и Макс[има] Ник[итича]. Максим и Евграф до этого дня брали уроки рисования. Учитель-поляк приходил к нам после обеда, и занятия шли в столовой за большим столом.

Среда, 20 ноября. Преп. Григория Архиепископа и Прокла. Предпразднество Введения во Храм.

Положение выяснилось: очень, очень плохое. Добровольческой армии едва ли удастся удержать власть. Отец ездил к полковнику Шатилову, заведующему делами ген. Май-Маевского за пропусками, так как без них не продают билетов, но он был очень нелюбезен и просто груб. Дал три пропуска и на вопрос отца, что же будут делать мои дети или жена, ведь нас 5, ответил: «Делайте, что хотите, мне что за дело». Будто трудно было написать 5, вместо 3, и не издеваться над старым человеком[30]. Все равно ведь билеты и места мы будем доставать сами. Весь день прошел в ужасной тревоге. Сперва думали отправить Максима в Ростов со знакомыми, чтобы он потом пробрался в Крым, а Евграфа постараться провести сверх счета, но потом решили, что разделяться в такое страшное время нельзя. Самое тяжелое, что наши же военные власти не только не помогают отъезду, а ставят нам палки в колеса, а военные учреждения эвакуируются все, несмотря на заверения, и взяли почти все

вагоны в свое распоряжение. Если бы это была амуниция или архив, но грузят мебель и всевозможные хозяйственные вещи. Вечером отец встретил итальянского консула Сангвинетти, с которым подружился в Константинополе, и он сказал ему, что у него два лишних разрешения, так как одна итальянка сперва собиралась ехать, а потом раздумала, а они выданы на послезавтра и могут пропасть зря. Поезд на Крым должен будет уехать в пятницу в 8 утра. Вечером был у всенощной, служил преосвященный Алексий с 4 иеромонахами: Евстратием, Варсонофием, Геннадием и Харлампием. Перед всенощной отнесли вещи Евгении Мечеславовне [Лапчинской].

Четверг, 21 ноября.
Праздник Введения во Храм Пресвятыя Богородицы.

Утром были в монастыре. Служил преосв[ященный] Алексий. В последний раз звонил на «Достойно». Затем был отслужен молебен в Арсениевской церкви на дорогу. Служил Серафим благочинный.

Вечером отец и Максим поехали на вокзал за билетами, а я пошел к Сангвинетти справляться о дополнительных пропусках. Не застал его. Вскоре вернулся Максим, так как продрог, а отец остался в очереди. Через несколько минут вбегает отец. Он, оказывается, забыл разрешения дома, а без них не продают билетов. Извозчик взял с него 250 рублей, а на вокзал 200. Днем сегодня уехал Всеволод Митрофанович [Нуджевский]. Извозчик запросил с него 800 рублей; он нанял тогда человека, который понес его багаж на плечах. В 8 пошел опять к Сангвинетти с Киреевым, который пришел к нам к вечернему чаю. Итальянский консул живет в маленьком домике, во втором этаже. После нескольких фраз, он обращается ко мне и говорит: «Я даю вам разрешение г-жи Тедеско, которая его не взяла, а через час оно теряет силу, так как прекращается продажа билетов. Адреса г-жи Тедеско я не знаю, а как иностранная подданная, она может все равно выехать. (Это первое чудо. Все наше путешествие на юг — сплошное чудо). Прихожу домой. Мать сложила уже в сундук самые необходимые вещи. Повсюду беспорядок, вещи лежат на полу и на стульях. Приходится оставлять почти все. Паша напекла пирожков. Смотришь кругом и не веришь, что надо покинуть квартиру, которую мы с такой любовью всю осень устраивали. Единственное утешение в том, что, может быть, скоро вернемся. Оставляем все по местам. В нашей комнате — даже книги:

полный набор церковных, которые с таким трудом мы только что купили.

Еду на вокзал и без особенного труда, но в последнюю минуту достаю два билета. Всего мы уплатили до Симферополя только 675 руб. Отец, кроме трех, купил два детских на всякий случай. Туда и обратно ехал на трамвае, 5 рублей в конец. Ужинала у нас Евгения Мечеславовна [Лапчинская]. Заходила Евдокия Николаевна Куликовская. Легли мы поздно, все горевали, что ничего нельзя взять.

Пятница, 22 ноября.

Мать разбудила нас в 4 часа утра. В 5-ом начали вставать. Выпили чаю. Паша плакала. Оставили даже чашки на столе. Все имущество оставили на хранение Паши, а общее распоряжение и управление Евгении Мечеславовне [Лапчинской]. Максим Никитич и Иван Антонович Иванеца провожали нас до вокзала. Были запряжены сани, на которые положены вещи, и в 6-ом часу мы двинулись пешком на вокзал. На нашем доме, как раз на нашем окне висит наклеенная ночью афиша. Это приказ начальства не верить слухам об эвакуации с запрещением выезжать из города. Нарушение будет преследоваться по всей строгости военных законов. Еще темно, но городские фонари горят до 6. Спешим поэтому к этому сроку быть на вокзале. Сперва на сани села мать, потом подсел и Евграф. М[аксим] Ник[итич] и Иванеца шли впереди, а мы втроем сзади. Путь был снежный и ровный и только у самого вокзала голая мостовая. Наняли сразу двух носильщиков, № 4 и № 39, распрощались с провожавшими и пошли в вокзал. При сдаче багажа нам сообщили, что поезд еще не вышел из Лозовой. Все помещения заняты, поместились поэтому с вещами в правом дальнем углу большой ротонды прямо на полу и стали ожидать прихода нашего поезда. В багажном отделении творится что-то невероятное. Мы имели неосторожность сдать наш багаж одни из первых, и он оказался заваленным бесчисленным множеством сундуков, корзин и прочих вещей. Так как никто не скрывал, что оставшийся после погрузки вагона багаж уже три дня открыто распродается на базаре, то мы хотели все же добиться погрузки нашего сундука и корзины, но безуспешно. При нас один военный сдал 35 мест личного багажа и заставил их положить в первую очередь. Толкучка на вокзале невероятная. Никто ничего не знает, все волнуются, передают самые невероятные

слухи, что Харьков уже занят большевиками. Поездов совершенно нет. С нами вместе сидит один бирюченский крупный промышленник, грузящий анисовое семя. Он дает какие угодно взятки за погрузку, но тоже без большого успеха. Все делается взятками, но служащие уже пресыщены.

Ввиду того, что поезд не шел, Максим и Евграф пошли в город, в Благовещенский собор, осматривать в первый раз церковь, расписанную Крючковым. Потом они зашли в монастырь. Отец Палладий с отцом Федором хотели подарить Евграфу его голубой стихарь, но Евграф постеснялся и не знал, как его уложить. Когда они вернулись, отец пошел в банк, а я к Евгении Мечеславовне [Лапчинской], сообщить ей, что мы сидим на вокзале и просим ее зайти. В первый раз я был у неё в гимназии на Рымарской улице. Все немного удивились, увидев меня. Зашел домой и заказал Паше для нас кулеш. Первой пошла обедать мать, Максим и Евграф, а когда они вернулись и взяли на себя охрану вещей, пошли мы с отцом. На улице, против нашего дома, встретили Харьковский институт[31]. Девочки стояли парами в ожидании посадки на подводы и трамвай. Кругом масса вещей, тюков и сундуков. Среди воспитательниц искали Марию Федоровну, но так и не нашли. Объявления, расклеенные в городе, заявляют, что все эвакуирующиеся без разрешения, будут расстреливаться, но весь город все-таки эвакуируется. Дома нас ждал В.В.Литвинов, который только что приехал из наших мест и привез 50.000 руб. 5000 отец передал ему, а 5 оставил для Евг[ении] Меч[еславовны Лапчинской]. На вокзале без перемен, поезд уйдет, говорят, в 5 вечера. Заходил наш сосед по харьковскому дому инж[енер] Языков, бывший управляющий Южными железными дорогами и еще кое-кто из знакомых. В нашем уголке более или менее удобно, хотя сквозняк, а кругом грязь, заплеванный пол, всюду сидящие и лежащие люди, через которых надо перепрыгивать. В буфете сидят и лежат на столах и на полу. Дают кофе и некоторые закуски.

Читали письмо Ник[олая] Петровича [Подвигина], которое он написал три дня назад в Купянске-Узловом. Он с женой сидит в вагоне, как и в августе. 13 ноября он покинул Ютановку. Все случилось, по его словам, необычайно неожиданно и быстро. Он уехал последним. Государственная стража покинула наши места раньше. Удалось взять оставшийся хлеб на 50 тыс. и сдать его интендантству, иначе бы все пропало. Благодаря этому, его взяли с собой военные с миссией охранять хлеб, так как хище-

ние из вагонов идет невероятное. Все рвут прямо из рук, и каждый старается поживиться, чем может, за казенный счет. Ник[олай] Петр[ович] обязательно желает получить деньги, а не квитанции. С третьим пудом дело наладилось, но помешала эвакуация. Валуйки эвакуировались полностью. Все едущие плохо одеты и обуты, смотреть на них тягостно. Старик Н.И. Петров имеет ужасный вид: большой, в валеных галошах, сгорбленный. Интендантство особенно внимательно отнеслось к Н[иколаю] П[етровичу], потому что он вывез из Волоконовки 8000 пудов подсолнуха и 1000 пудов железной посуды, и дало ему теплый товарный вагон, куда собирается все начальство пить чай. Н[иколай] П[етрович] очень стремился попасть в Харьков и сделать отцу доклад к 21 ноября, но, видимо, задержался.

Недалеко от нас, также на вещах, сидит преосв[ященный] еп. Алексий, которого, несмотря на его протесты, митрополит Антоний вызвал в Ростов. Он согласился ехать только при условии, что вернется через несколько дней к своей пастве, и едет по церковным делам на съезд архиереев по послушанию. С ним иеродиакон Рафаил и келейник Боря. Так как ростовский поезд все же пришел и ушел, то я провожал их на платформу. Провожали также о. Тихон (который был у св. Мелетия) и староста кафедрального собора. Преосв[ященный] Алексий очень меня звал обязательно зайти к нему пить чай, как только он вернется в Харьков, в том, что и он, и мы вернемся, никто не сомневался. Видели также протоирея Дмитриевского. В 5 часов нам сообщили, что поезд отойдет в 11 вечера, так как взорван мост за Лозовой, и он сильно задерживается. Пришла Евгения Мечеславовна [Лапчинская], посидела с матерью на тюках и обещала еще зайти завтра. Это день ее рождения. Ложиться было нам негде. На полу слишком опасно, можно заразиться сыпным тифом, а нигде иначе невозможно. Кое-как устроились все-таки на вещах, но так и не спали, а ходили каждый час в буфет пить черный кофе по 5 рублей за стакан.

Выходили много раз на вокзальную площадь. Город кажется каким-то чуждым и незнакомым. Громадное здание Южных дорог выглядит чудовищным. В буфете дым, шум, едва двигаешься среди толпы. Повсюду ругань и полное безначалие.

Глава V
Дневник

1. Поездка на юг.
23 ноября — 26 ноября.
2. Жизнь в Симферополе.
26 ноября — 31 декабря

Суббота, 23 ноября.

Утром пришла Евгения Мечеславовна [Лапчинская] и принесла нам пирожков, которые мы тут же все съели до посадки в поезд. В 8 часов открыли платформы, и наши два носильщика провели нас на 9-ую, так как оттуда легче было садиться в поезд. Они все время отлучались, и мы боялись, что в последнюю минуту их не окажется на месте. Поэтому мы одного совсем отпустили, а другому обещали набавку, если он останется с вещами при нас. Он запросил 1000 рублей, но обещал нас усадить. Пришлось эти деньги ему и вручить.

Наконец, около 9 утра подошел поезд. Вся толпа немедленно бросилась влезать, не давая людям сойти. Многие падали друг на друга, вещи летели, шум и крики раздавались со всех сторон. Тогда изнутри заперли двери, люди полезли в окна и по буферам. Наш носильщик одним из первых оказался в вагоне и начал через окно втаскивать наши вещи. Евграф влез тоже за вещами в окно, а мы кое-как по буферам. Порядком и посадкой заведовал прапорщик большевистского типа во френче, который ругался и вел себя нагло. Когда отец вступил на ступеньку вагона, он с площадки со всей силы ударил его ногой в живот. Отец пошатнулся, едва не упал и инстинктивно схватился за револьвер. Прапорщик хотел вступить в драку, но его товарищи его оттащили. Едва мы уселись на наших плацкартных местах, как всем заявили, что надо выходить без вещей, так как будут проверять документы, а в поезде слишком большая давка и проверять их трудно. Все вылезли на платформу, и начался пропуск по одиночке, но все же влезло много бесплацкартных. Тут только выяснилось, что продано 105 нумерованных мест, вместо 48. Большинство поэтому оказалось в коридоре. Кто был

поэнергичнее и понахальнее, заняли первые места, не соображаясь с плацкартами. У нас в купе сидело 12 человек. Против нас — немецкое семейство из 5 взрослых и 2 детей. Двое мужчин уступили свои места двум француженкам, стоявшим в проходе, детей взяли на колени.

Только что мы окончательно разместились, как пришел офицер и очень дерзким образом потребовал от отца документа на право ношения револьвера. Не удовлетворившись удостоверением, он потребовал, чтобы отец следовал за ним и на платформе объявил ему, что он арестован. Отец имел присутствие духа потребовать самым резким образом, чтобы он вел его к коменданту, который его лично знает (комендантом был ген. Залесский). В дело вмешался какой-то полковник и начал кричать на отца, но когда узнал, кто отец и что он лично знает коменданта, вдруг присмирел и сказал отцу, что он свободен. Офицер же все-таки сохранил себе револьвер, «в подарок», как он сам прибавил.

Против нашего поезда стоял штабной салон-вагон, и весь состав был первоклассный, а наш поезд был составлен исключительно из старых вагонов 3 класса. На платформе расхаживали члены бельгийской миссии, которые только что приехали из Екатеринодара и ехали «осматривать» Белгородский фронт.

Отъехали мы довольно скоро, но вскоре, по-видимому, испортился паровоз, и поезд остановился около переезда, и стоял несколько часов. Когда мы, наконец, тронулись, уже звонили ко всенощной в ближайшей церкви, так как был канун воскресенья. Во время стоянки подходили люди, спрашивали, куда идет поезд и почему он стоит, кто в нем едет. Передавали, что вокзал уже захвачен большевиками, другие сообщали, что добровольцы опять наступают на Курск и Орел, чему, впрочем, никто уже не верил. В нашем вагоне была такая теснота, коридор был так завален вещами, что двигаться было почти невозможно. Многие как сели, так и не могли сдвинуться все эти три дня. Евграфа, как самого легкого, передавали друг другу, и он шагал по плечам сидящих. Мне тоже пришлось два-три раза проходить сквозь коридор, причем на это требовалось не менее получаса, так как люди и вещи лежали сплошь, и приходилось карабкаться и низвергаться ежеминутно.

Отъехали мы верст 18 и не добравшись до Мерефы, остановились и простояли всю ночь.

Воскресенье, 24 ноября.

Весь день ехали до Лозовой. Поезд плелся невозможно, останавливаясь повсюду. Удавалось доставать только воду. Из Лозовой нас не хотели пускать, так как вблизи ходит Махно, и опасались, что он нападет на поезд. На платформе горячился добровольческий полковник, что-то доказывавший начальнику станции. Споры продолжались до сумерек, когда нас все же отправили. Не успели мы проехать три станции, как, не доезжая Павлограда, поезд неожиданно резко затормозил в степи и из темноты раздалось 2–3 выстрела. Потом наступила полная тишина. Охрана поезда куда-то ушла, и через полчаса вдоль вагонов раздались голоса: «Кто имеет оружие, подавайте в окна, чтобы можно было устроить оборону». Разбойники не появлялись, а мы все стояли. Оказывается, решили выслать не то из Лозовой, не то из Сенельникова бронепоезд, чтобы нас охранять. Поезд приехал как-то слишком быстро, но была такая темнота и местность настолько пустынна, что разобрать что-либо не было никакой возможности. Опять вдоль поезда прошел кто-то и сказал, что надо собрать деньги. Спросили: «На что?» Послышался ответ: «На охрану и для бронепоезда». Все подчинились, хотя ясно было, что надобности в охране не было. Собрали 60 тысяч и после нескольких выстрелов в пустоту поезд двинулся.

Понедельник, 25 ноября.

Утром выяснилось, что тревога была создана, и никто на поезд не нападал, но денег, конечно, назад мы уже не получили. Ехали весь день, в вагоне необычайно душно. Рядом с нами едет проф. харьковского университета Ушков с женой и еще кое-кто из знакомых. Отец, несмотря на тесноту, устраивал собрания. Ни на одной станции нет почти продуктов, только в Мелитополе масса хлеба. Чудные южные калачи (круглый белосерый хлеб) крестьянской выпечки были раскуплены в один миг. На одной из станций воду брали для питья из котла, стоявшего на запасном пути паровоза. Доставкой продуктов в вагон занялся толстый булочник-армянин, который стоял у окна и так и не смог присесть эти три дня.

К вечеру подъехали к Крыму. Через Сиваши ехали уже в темноте. В Симферополь приехали ровно в 12 часов ночи. Выгрузились с величайшим трудом через окна. Больше 3/4 поезда поехало дальше.

Вторник, 26 ноября.

На вокзале невероятная грязь, народу много, все места на скамейках и диванах заняты, духота, из лежащих на полу многие явно в сыпняке. В час ночи тушат электричество и запирают вокзал. Все, кто остаются в нем, почти безошибочно могут заболеть сыпным тифом, так как насекомых тьма. Снаружи чудная ночь, тепло, просто не верится, что может быть такая погода в конце ноября месяца. Но ночевать на воздухе нельзя, так как разбойники грабят ежедневно и могут унести все вещи и раздеть до гола.

Совершенно случайно, проходя по залу ожидания, отец услышал разговор артельщика с дамой, в котором промелькнула фраза «я сдал бы комнату». Отец схватился за это слово, как за якорь спасения, и ему удалось убедить артельщика, после того как дама отказалась ехать далеко, уступить нам на одну ночь комнату в своей избе. «А вы близко живете?» — спросил отец. — «Недалеко, к тому же тут есть линейка у вокзала, мы поедем на ней».

Погода дивная, небо звездное, едем в полной темноте, так как освещения на улицах нет. Багаж не пришел. Несомненно, его не погрузили и теперь его продают на базаре. Единственная надежда на чудо. Все мелкие вещи навалены на линейку. Артельщик мирно беседует с кучером. Когда переезжали речку по шаткому мосту, то всем пришлось слезть и идти пешком. Мать отстала, так как была невероятно уставши. Наконец, после очень долгого пути, подъехали к маленькому деревенскому домику. Хозяин ввел нас через двор в хату. Небольшая крестьянская чистая комната. Мы устроились все на полу и сразу заснули. Вещи расставили, как могли. Хозяева дали нам тюфяки.

Проснулись очень поздно. Жена артельщика и дочь, очень хорошие и порядочные люди, заботились о нас все время и даже сварили нам обед. Все больны после поезда. Отец с Максимом сейчас же после обеда пошли разыскивать тетю Аню и дядю Ваню [Церетели], а мы немного гуляли. День совершенно летний, в тени 15 гр[адусов], а на солнце 20. Мы, оказывается, живем не в городе и даже не в предместье, а в деревушке на холме, которая называется Красной Горкой.

Дядю Ваню не застали, так как он был на открытии памятника Екатерины II. Мы так отвыкли от нормальной жизни в эти дни, что нам кажется странным, как можно открывать памятники, когда все кругом рушится. Настроение здесь спокой-

ное и внешне благополучное, хотя грабят повсюду, ночами нельзя выходить. Губернатор — Никита Алекс[еевич] Татищев, женатый на Д.И.Дубасовой. Дядя Ваня заведует при нем военной частью. Речи на открытии памятника были полны надежды на скорое освобождение России. В ближайшее отступление за Харьков никто не верит. Мать и Евграф после обеда лежали.

Среда, 27 ноября.

Место, где мы живем, считается в городе разбойничьей слободкой, но нас место не тревожит. Погода чудная, но ходить в город сложно. Сегодня мы возвращались с отцом от Церетели, которые живут на самой окраине на Николаевской улице, и едва нашли дорогу в темноте (было всего 6 часов), так как приходится идти по полю. Ищем какую-нибудь комнату или квартиру в городе.

Четверг, 28 ноября.

Совершенно неожиданно и чудесно пришел багаж. Выдали его нам в присутствии жандарма. Лил дождь, как из ведра, и мы едва добрались до своих. Заходили к Нуджевским, которые прилично устроились. Всев[олод] Митрофанович не погиб только из-за папиной шубы, так как ему пришлось простоять двое суток в 15 гр[адусов] мороза на площадке вагона. Нуджиевские предложили переночевать у них, и мы провели с отцом ночь в городе. Заходили к старику Двойченко, к которому были письма из Харькова, но у него помещения нет. Вечером погода опять прекрасная.

Пятница, 29 ноября.

Погода прохладная. Были в ближайшей церкви — к Николаевской улице — Спасской. Там престольный праздник придела в честь Андрея Первозванного и сегодня всенощная. Белый хлеб в Симферополе стоит всего 9 рублей, и он замечательно легкий. Ночевали у Анны Григорьевны, так как пятерым в одной крестьянской комнате трудно, а мать все нездорова. Вечером пили чай у тети Ани [Церетели].

Суббота, 30 ноября. Св. Андрея Первозванного.

Были утром в церкви. Днем сидим на Красной Горке и скучаем. На этот раз отец и мать ночуют в городе. Вечером

служили всенощную (пели) втроем у нас и в церковь не ходили. Татуся и Сережа [Церетели] выросли, особенно Татуся. Она очень возмужала, интересуется многим и слушает внимательно рассказ дяди Вани и нас всех. Комната у них большая с кухней, в особняке.

Воскресенье, 1 декабря.

Максим и Евграф ходили на службу в собор, а я был в Спасской церкви. Дядя Ваня иногда читает часы и принимает участие в пении. Нас тоже всех зовут помогать. Настоятель, отец Крискент, очень образованный человек. Эту ночь в городе проводят Максим и Евграф. Родителям удалось найти две комнаты без мебели в доме против наших, на Николаевской. Они без отопления, но пришлось все-таки взять.

Понедельник, 2 декабря.

Сегодня утром переехали на Николаевскую улицу в дом Филатьевых. Хозяева толстовцы-безбожники, необычайно озлобленные люди. Комнаты походят больше на сараи. Вход с черного крыльца. Это, видимо, недавняя пристройка. Для отопления и приготовления пищи будет маленькая чугунная печурка с трубой через всю комнату. Мебели никакой, пришлось сегодня же быть в городе и купить самые необходимые вещи: чашку для умывания — 260 руб., кружку — 25, 2 ведра — 240 и два матраца — 900 рублей. Из сундуков сооружены остальные места для спанья, но пока все неустроенно. Решили, что дома обедать невозможно. Отец нашел очень милых русских Лоде (офицер Измайловского полка), которые давали домашние обеды, и с сегодняшнего дня мы стали у них столоваться. У них хорошая квартира и полный набор «Иллюстраций» («Illustration») за 70–80 годы, которые они позволяют брать на дом. Самое неприятное в нашей квартире это — собака, которая никого не пускает и только поддается на взятку: если сможешь что-либо ей дать, она не обращает на тебя больше внимания.

В городе нам сказали, что поезд, в котором мы ехали, пришел в Севастополь полный тифозно-больными. В нашем вагоне заболело 35 человек сыпняком, заразившись в пути от кого-то.

Вторник, 3 декабря.

Покупали кое-какие вещи: кастрюлю за 100 руб., 5 простых тарелок по 50 руб., чашку полоскательную маленькую за 65 руб., чай 175 руб., конфеты 90 руб., свечи 300 руб., пряник 45 руб. Утром пришло официальное сообщение об оставлении Харькова; фронт далеко отведен на юг. Пока устраиваемся в Симферополе и только будем стараться списаться с Григ[орием] Григ[орьевичем] Мизко в Ялте. Всев[олод] Митроф[анович Нуджиевский] уезжает туда на днях.

Среда, 4 декабря.

Утром установили печку; горит очень хорошо, и можно теперь согревать кофе. Мать будет готовить на ней ужин. Днем у нас был Всев[олод] Митр[офанович]. Он не нашел места в почтовой карете и собирается ехать на ко́злах, несмотря на погоду. Был проф. Сушков с женой. Я был у Нуджевских и у своих. Дядя Ваня рассказывал о своих встречах с отцом Иоанном Кронштадским. В первый раз он видел его, когда отправлялся на Японскую войну. Потом, возвращаясь с войны, он захотел вновь у него быть. Один знакомый священник провел его в алтарь той церкви, где должен был служить отец Иоанн. Дядя Ваня встал в нише. Когда о. Иоанн пришел и стал служить, дяде стало невыразимо страшно и хотелось провалиться сквозь землю. Отец Иоанн приезжал к ним в деревню и служил в их церкви. Все священники все время с любопытством смотрели на него, и было очень неприятно, настолько их внешность и поведение составляли контраст с о. Иоанном. За чаем от духовных перешли к военным воспоминаниям, и о. Иоанн говорил об Академии, и о семейных преданиях, и о всяких мелочах. Дядя подумал про себя: «Почему это о. Иоанн о таких пустяках вспоминает и все время смеется?», — а тот, угадывая его мысли, говорит: «Я очень люблю людей, которые смеются и бывают веселы». На обратном пути к полустанку они ехали вместе в экипаже. О. Иоанн говорит: «Очень я люблю ездить из Петербурга в Кронштадт по льду. Только тогда я могу спать». Потом он горько заплакал и так и не объяснил, почему. Видимо, он провидел все, что случится с Россией, и как тяжело будет людям, у которых он теперь в гостях. Последний раз дядя Ваня встретил уже погребальную процессию на мосту через Карповку.

У нас дома к чаю проф. Сушков с женой. Ставили самовар, который нам дали, и оказалось даже уютно. Проф[ессор] рас-

сказывал о своей жизни на Алтае и в Монголии, откуда он вывез богатейшие зоологические коллекции, которых не было нигде в Европе. К сожалению, в это время началась война, и он не смог их должным образом разобрать из-за отсутствия денег. Он много говорил о загранице и о тамошнем отношении к науке. В Германском зоологическом саду он хотел фотографировать некоторые редкие виды животных, у него спросили 300 марок, но когда он заявил, что это для музея и подписал о том заявление, то ему все предоставили даром, а в Париже он в течение двух недель не мог добиться пропуска к коллекциям.

Четверг, 5 декабря.

Были с отцом в городе и делали всевозможные покупки: фонарик 65 руб., сахар-рафинад 110 руб., соленое мясо 90 руб. фунт. Обедали у Лоде, а вечером пошли ко всенощной. К нам заходила тетя Аня.

Хозяйка согласилась давать нам одну кварту молока в день от своих коров. Отец ходил к Брунстам и в Правление. Мороз утром 8 градусов.

Пятница, 6 декабря.
Св. Николая Мирликийского Чудотворца.

Максим захворал, у него жар. Мы ходили в Спасскую церковь, а потом в город за покупками. Днем к чаю ходили к Брунстам (Пожаровым). На фронте плохо. Принесли с собой из гостей стол и стулья, и теперь комната немного обставлена и есть на чем сидеть. Мороз сильный. Мать пошла вечером в церковь на акафист.

Суббота, 7 декабря.

Тепло и солнечно, градусов 10 тепла. Принесли столы. Максим болен. Купили в кооперативе компот в консервах Абрикосова — абрикосы и рейнклоды по 17 руб. Сданы Киев, Полтава и Купянск. Ген. Врангель издал приказ по войскам и гражданским частям. Умер Вадим Шидловский. Софья Ивановна осталась совсем одна.

Воскресенье, 8 декабря.

Были в церкви. Графчик читал 6 час и Верую. Максим болен и лежит. Обедали вместе с дядей Ваней, Аней, Сережей и

Татусей у Лоде. Был пирог по два куска. Взяли на вечер. Вечером пили чай и молоко. Взяли четвертую кварту. Заходил к тете Ане. Отец и мать посетили Пожаровых и Казас. Лоде были так любезны и прислали девочку спросить, не надо ли еще пирога для вечера. Топил печку. Мать сушит на ней тоненькие ломтики картошки, которые прожариваются и напоминают печенье.

Понедельник, 9 декабря.

Ходили два раза в город за покупками. Комната постепенно украшается и заполняется. Достали висячую лампу. Лампочка стоит 250 руб. Яблоки сегодня 20 руб. фунт. Очень маленькие груши 25 руб. Яйца 65 руб. десяток. Орехи 25 руб. фунт.

Графчик ходил подавать за здравие и за упокой в собор, так как в Подворье уже запоздали.

Вторник, 10 декабря. Мученика Мины, Ермогена и Евграфа. Именины отца и Графчика. Святит[еля] Иоасафа Белгородского.

Утром Графчик ходил в церковь, потом мы с отцом пошли в город. Купили яйца (65 руб. десяток), масла, колбасы печеночной (20 руб.). Обедали у Лоде. Максим ходил с нами, хотя еще болен, но сегодня чувствует себя немного лучше, хотя был очень слаб. Мать перед обедом сделала пирог с повидлом. Отдали в починку галоши — 60 рублей за заплату, ботинки — 80 руб. и починили палки у зонтика — 125 руб. После обеда были гости. Мы приготовили именинный стол. Отец и мать вынули серебряные вещи, прибрали комнаты. Первыми пришли Церетели. Они принесли две иконки, книжку и банку консервов компота. Угощение было в изобилии. Мне пришлось сходить за Нуджевскими, чтобы им напомнить. Пришел Коля Пожаров. Играли в игры. Максим еще так слаб, что не может играть. Сережа страшно шалил. Все были довольны; ушли вместе, кроме дяди Вани, который пошел в 6 час. на заседание. Вечером пошел снег.

Среда, 11 декабря.

Мороз 2–3 градуса. Ходил за галошами и покупал хлеб на Шаховской, 5 руб. фунт. Ходил в город закупать разные вещи. Топил печь. Максим чувствует себя лучше. Вечером ходили к тете Ане и к ее соседям. Положение военное неопределенное,

известия доходят весьма поздно. Франк 52 рубля, крона 90 руб., английский фунт 1850 руб., доллар 540. Люди, приехавшие из Харькова, говорят, что они так и не встретили фронта и армии, хотя выехали уже после занятия города большевиками.

Четверг, 12 декабря.

Утром пошли в баню, было полно [народу], прождали около часу. Потом купались. Максим простудился; на обратном пути занесли прачке белье. Отец и мать пошли в город, а оттуда прямо в столовую. Максим чувствовал себя весь день довольно мерзко. Вечером отец и мать пили чай у Сушковых. Мы ели творог. Графчик ходил в Подворье. Купили ящики.

Пятница, 13 декабря.

У Максима утром 39,6. Относили с отцом бумаги в Русский для внешней торговли банк. Максим чувствовал себя плохо. Температура вечером 39,9. Ночью на сегодня между 11 и 12 часами произошло землетрясение, из нас его никто не чувствовал. У Филатова в его кабинете качалась висячая лампа, а у кн. Мещерской сотрясалась кровать и раскрылся шкаф. Перед тем в среду или в четверг барометр упал до бури, чего еще ни разу не было. После обеда ходили к Пожаровым. Приходил проф. Сушков, рассказывал много интересного о своих поездках. В городе говорят, что злым гением и самым вредным человеком при Деникине является ген. Романовский. В окружении Нач[альника] Вооруженных Сил все большую роль и влияние имеет, благодаря деньгам, один из Рябушинских, и говорят, очень вредную. Поэтому все возлагают надежды на Врангеля. Евграф ходил на Подворье. Я тоже зашел на литургию. Поют и служат там небрежно. 1-ый час прочли две фразы и закончили его в две минуты. Вечером дядя Ваня сообщил, что сдана Лозовая.

Суббота, 14 декабря.

Был Казас. У Максима, к счастью, только сильная инфлюэнца. Слава Богу. А то мы очень боялись, настолько он был плох. Были у всенощной. Зашла Нуджевская и сказала, что ей нужна ее кровать. Положение этим сильно осложнилось. Утром мы ходили в банк. На фронте очень плохо. Добровольческой армии, несмотря на геройское сопротивление отдельных частей, больше не существует. В тылу полный беспорядок. Возможна наша эмиграция.

Воскресенье, 15 декабря.

Вчера Евграф читал шестопсалмие. После обедни проповедь сказал отец протоиерей Крискент о сборе вещей на раненых. Их положение в Симферополе ужасное и не поддается описанию. Отец настоятель предлагал всем сорганизоваться и нести им, кто что может, потому что ничего нет: ни одежды, ни одеял, ни перевязочных средств. Днем на линейке ездили сборщики. Вещей у нас самих нет многих, но мы дали 300 рублей. К чаю приходил проф. Александр Львович Байков и долго говорил о политике с родителями. Заходила также Евгения Рудольфовна Казас. Евграф был на Подворье.

Понедельник, 16 декабря.

Утром шел сильный дождь. Мы изрядно вымокли. Отец ходил за покупками по случаю моего рождения. 18 лет. После обеда пришли гости. Чтобы не мешать Максиму, мы поставили стол в первой комнате. Днем была сильная снежная метель. Поэтому носим своим галоши и зонтики. Получил подарки: от отца 250 руб., от матери великолепный пирог, а от Максима и Графчика красивое поминание; от тети Ани — банку компота-смесь. Пришли все Церетели, Пожаровы. Я потерял ключ от входной двери и с трудом нашел его потом в зонтике. Ставил самовар. Пили чай; потом играли в карты и мнения. Были Зина и Коля (дети домохозяев). Угощения было очень много.

Максиму вечером стало хуже. Он от шума устал, но вообще все прошло хорошо. Вечером ели творог и переставляли все опять по местам.

Вторник, 17 декабря.

Сережа держал экзамен в приготовительный класс и сделал 3 ошибки. Максиму гораздо лучше. Купили курицу за 130 рублей. Печатные работники бастуют, газет сегодня нет. Хлеб уже 6 руб., а серый 5, черный 4 руб. Евграф был на Подворье. В городе всюду разбросаны большевистские прокламации. На стенах висит приказ ген. Врангеля. Устроили матери примитивную кровать. Утром было 8° мороза.

Среда, 18 декабря.

Максим чувствует себя сегодня хорошо. После нашего обеда он сел, потом перешел на диван. Мать сделала ему бульон, и

он был очень доволен. Сварила также картошки. С отцом ходили на базар: купили 4 пуда картофеля по 130 руб. пуд, 20 ф. пшена — 350 руб., 20 ф. ячневой крупы — 170 руб., 1 пуд муки — 290 руб., так как цены растут каждый день. Наняли человека с тачкой. Он привез нам все до дома. Пришлось только помогать ему на гору. Евграф был на Подворье. Приехал еп. Полтавский Феофан. На фронте плохо. Большевики дошли уже до Луганска. Бог даст, до весны они не дойдут до Крыма, а там можно будет опять начать освобождение России.

Четверг, 19 декабря, по вторник, 24 декабря.

Неделя перед праздником прошла без особенных перемен. Отец начал подумывать о поездке во Францию. Навел все нужные справки. Был у губернатора и у старухи Дубасовой. Перед праздниками запасались разными продуктами. Максим совсем выздоровел. Выезд страшно труден и почти невозможен. Надо получить визу от bureau interallie des passeports и разрешение от командования. Визу дают только после сообщения из центра. Поэтому отец собирается ехать в Севастополь, чтобы лично повидать французского представителя. У него самого дипломатический паспорт, но у нас пока никаких бумаг. Заграничный паспорт прежнего зеленого образца выдает Татищев.

В воскресенье отец Крискент сказал вновь слово об ужасном положении раненых. Их сваливают прямо на поле. Нет тюфяков, нет даже горячей воды для промывания ран. Начальство их совершенно оставило. В Феодосии есть запас одеял, но их почему-то не хотят раздавать. Заходил проф. Сушков, был несколько раз у тети Ани. Купили, вместо ели, маленькую сосну на стол (25 руб.). Сперва думали исповедоваться и причащаться в Сочельник, но потом отложили до Рождества. Хлеба 24 декабря в первый раз не хватило в булочных.

Сочельник, 24 декабря. Вторник.

24-го был в церкви сперва на часах (начали в 8 час. утра) литургию и у всенощной. Служба была полная, ничего не пропускали. У свечного ящика продавали настоящие белые свечи по 50 и 20 рублей, но их никто не купил. Оставили их для свадеб. Помогал старосте у выручки. На всенощной пели все концертное. В молельне зажигали маленькие свечи, которые скрутил в виде люстры Евграф.

На фронте очень плохо. Отдали весь Донецкий бассейн.

25 декабря, Среда. Рождество Христово.

Исповедывались и причащались Св. Христовых Тайн все 5. У Лоде был торжественный обед с мясом. У тети Ани было много детей, и день провели у них в гостях. Погода не слишком холодная. Отец, по всей вероятности, через неделю едет в Севастополь. Праздники провели очень хорошо. 26-го были у Пожаровых, а утром в церкви.

Четверг, 26 декабря, по вторник, 31 декабря.

30-го декабря на рождение отца у нас были Церетели и Серикова и Евг[ения] Руд[ольфовна] Казас. В этот день не было хлеба в городе. Вообще с каждым днем становится все труднее и труднее его доставать. Он куда-то пропадает. 31-го в 10 часов утра отец и я отправились на вокзал, так как отцу предложили ехать в губернаторском вагоне, но поезд так и не ушел. Мы долго ходили по платформе с Квашниным-Самариным. Военные волновались, но достать паровоз было невозможно, хотя два стояли под парами. Странно, что при всех возможностях иногда что-то очень сильное и непонятное задерживает ход событий. Начальник станции суетился, но ничего не мог поделать. Подчиненные его не слушались, и приказать служащим подать паровоз уже никто не мог. Были развязаны все узлы, и явно чувствовалось, что власти в Крыму нет. На улице прочел с удивлением афишу Слащева. Он ездит на фронт к Мелитополю и там свирепствует. Его прокламации удивительны по краткости, грубости и циничности. В последней говорится следующее: «Сегодня я самолично на станции Джинкой повесил жида спекулянта. Так я буду поступать со всяким, кто будет укрывать продукты. Ген. Слащев»[32].

29-го была свадьба бар. Врангеля. Отец и губернатор были свидетелями. На фронте положение плохое. Нет армии, она вся растаяла, но нет и красных, они где-то на севере.

В воскресенье служил еп. Вениамин. Проповедь он говорил о том, почему не победила Добровольческая армия: «Она так же виновата, как и тыл, так как Господь не допустил взять Москву людям с нечистыми руками». В лазаретах под Рождество еп. Вениамин причащал солдат, которые причастились все, а офицеры, за малым исключением, отказались.

Цены поднялись безобразно. Все платим в три раза дороже, чем месяц назад.

Что-то принесет новый год. Господи благослови!

Дневник с 1 января по 30 января 1920 года

(По записям на отдельных листках и в книжках)

1 января. [Среда]

Новый год встречали без отца. Накануне он устроился в губернаторском вагоне, чтобы ехать в Севастополь. Вагон должен был быть подан в 11часов утра, но подали его еще вечером. Я был на вокзале. Отец познакомился с Квашниным-Самариным и одним вице-адмиралом, которые должны были также ехать в Севастополь. Ночь отец должен был провести в вагоне, так как поезд каждую минуту мог двинуться.

Утром пришел отец. Поезд не ушел. В депо был паровоз под парами, но не было власти, которая могла бы заставить его прицепить.Отец выпил кофе и пошел опять на вокзал. Я был в соборе, а оттуда — на вокзал. Шел проливной дождь, все улицы были полны воды. Вагон оказался очень удобным, 4-го класса, переделанный в 3-ий, и единственный на всей дороге, не имевший вшей. Против отца сидел генерал, который только что производил ревизию военных чинов в Симферополе. Решили, что нужно принести валюту и документы. Пошел обедать. По дороге дядя Ваня [Церетели] сообщил, что вагон не будет отправлен в Севастополь. Я всполошил этим известием всех сидевших. Принес папку с документами. Ждали до 5 час. Вечером оказалось, что все же вагон пойдет, но мы решили не ждать и пошли домой; наняли экипаж, заехали в «Петербургскую» гостиницу, оттуда — к губернатору, но никто еще не приехал (ни Врангель, ни губернатор). Пошли к Г.Г.Елисееву, сговориться о часах[1]. Ели дома рисовую молочную кашу с компотом. Я успел только утром на несколько минут быть в соборе.

2 января. Четверг.

Утром отец поехал на автомобиле с Г.Г.Елисеевым. Закутались хорошо, отъехали быстро. Шофер — надежный человек, но все же мы очень опасались, что могут остановить автомобиль и ограбить. Вещей не очень много. Автомобиль уехал ровно в 5

минут 9-го. Мы все были в церкви. После обеда в 5 часов опять пошли в церковь. Погода утром была хорошая, но к вечеру испортилась: ветер и мельчайший дождь. Да к тому же холодновато. Мы были единственными прихожанами, лишь одна женщина пришла в середине, а другая — под конец. Отец Николай читал акафист преп[одобному] Серафиму Саровскому. Максим и Графчик пели. Вечером мать варила картофель, ели его с постным маслом. Пили чай с молоком.

3 января. Пятница.

Утром были на царских часах. Вероятно, потому что необычный день для часов, за три дня до праздника, народу не было совершенно. Пришел отец дьякон Василий и подпевал немного на часах. Читали и пели я, Максим и Графчик. Мать пришла позже. Метель. Снега нанесло на 1/4 арш[ина]. Холод, ветер. Обедали вместе с Церетели. Дяди Вани не было, он простудился и пошел прямо домой. Вчера в два часа дня поезд еще не ушел, и губернатор оставался в Севастополе, так как боялся везти деньги в автомобиле. Вечер провели дома.

Мясо — 40 руб., масло — 280 руб. Газет совсем не покупали.

4 января. Суббота.

Были в церкви вечером. Ничего особенного. Ходил к Врангелю, застал только его жену.

5 января. Воскресенье.

Утром, после 8 часов, около половины 9-го приносят от отца телеграмму, в которой он вызывает нас в Севастополь к 4 часам на французский пароход, чтобы ехать даром или платя немного. На этот пароход не пускали совсем частной публики, а для нас сделали исключение. Не было ни малейшей возможности приехать вовремя. Симферополь был покрыт снегом, ни один автомобиль не поехал бы или взял бы двойную плату и опоздал к отходу. К тому же все ценности были в банке. Я побежал отправлять телеграмму, но частные телеграммы воспрещены. Пошел к Врангелю в гостиницу. Подходя, слышу: «А, это Ковалевский!». Оборачиваюсь — вижу девочек Охотниковых. Я поздоровался и сперва ничего не спросил. А потом сообразил и, догнав их, узнал об их отчиме. Он, оказывается, пошел все же к губернатору, хотя было воскресенье. Они тоже шли туда. Я пошел по другой дороге, но потом встретился опять

с ними. Застал Врангеля, но он попросил меня обождать. Потом вышел губернатор и согласился сейчас же послать телеграмму. Я познакомился с его женой, Дарьей Федоровной. Она напала на нас, зачем мы не поехали. Дядя Ваня ее поддерживал, причем он понял, что нужно было ехать к следующему воскресенью. На почте ждал очень долго, но все-таки телеграмму послал. В церковь я попал к «Верую». Вечером мы были у Крещенской всенощной.

6 января. Понедельник.

Очень боялись остаться без ценностей, так как в городе, мне казалось, неспокойно. Все боялись большевистского восстания. На фронте плохо; наши войска отступают, но, Бог даст, дела поправятся. Были в церкви, отец Крискент сказал хорошую проповедь[2]. Затем крестный ход двинулся к собору. Все улицы были полны воды и тающего снега. В соборе служба едва дошла до «Верую», ждали долго. Я, дядя Ваня, тетя Аня и Татуся вошли погреться внутрь собора. Служил высокопреосв[ященный] Димитрий Таврический. Сережа настоял на своем: стоял с другими иконо- и хоругвеносцами снаружи и промочил себе ноги. Отец Крискент сказал ту же проповедь (в соборе), что в Спасской церкви. Потом крестный ход двинулся на реку Салгир. Там я после долгого перерыва видел генералов в полной форме, офицеров и полицию, старательно распихивавшую народ. Было солнечно, снег таял, оба берега и мост были запружены народом. Было и весело, и грустно. И думалось: неужели так скоро этого не будет? И промелькнуло чувство, что скоро мы уедем из России, но это казалось таким невероятным, почти невозможным. После крестного хода пошел домой. Потом был у Лоде (к обеду). Сережа остался до самого конца.

7 января. [Вторник].

Во вторник утром побежали с матерью в банк и достали ценности. Я ходил к губернатору на прием, чтобы получить пропуски в Севастополь. Мне их сразу же дали. Получили письмо от отца, но более раннее, чем телеграмма.

8 [января]. Среда.

Весь день очень беспокоились, не ждет ли отец нас в Севастополе. Вечером совершенно неожиданно отец входит в комнату около 8 часов. Мы были страшно обрадованы. Оказы-

вается, это было госпитальное судно, ехавшее прямо в Марсель, — «Dugay Trouin». На него в последнюю минуту набрали разных пассажиров, кто только желал ехать, и, между прочим, Елисеева.

Отец приехал на маджаре, в которой помещается 8 человек и заплатил всего 600 рублей. Выехали они утром из Севастополя и к 8 часам были в Симферополе. Отец сказал, что французский представитель, капитан Amalric, был очень вежлив и сразу дал визу во Францию. Если представится случай, он обещал телеграфировать.

9 [января]. Четверг.

Неопределенное положение. На фронте очень плохо[2].

10 [января]. Пятница.

Утром, во время обеда, отец влетает к Лоде и говорит, что мы завтра утром едем и что сейчас же надо собираться, что он уже нанял маджару. Я проехал с возчиком и показал ему наш дом. Оказывается, отец был у губернатора и случайно увидел у него телеграмму, в которой после официальной части говорилось: «Prie informer Mr. Kovalevsky avec famille embarquement Kyril bateau bulgare requisitionné Français»*. Послал он ее в среду вечером. За обедом было большое оживление; генеральша Епанчина просила передать письмо M-me Фальц-Фейн в Ницце, а одна докторша — письмо в Берлин, в украинский Красный Крест. Весь день мы бегали, укладывались, были у тети Ани и дяди Вани. Известия с фронта очень плохие. Тетя Аня в полном отчаянии. Графчик побежал к о. Николаю и о. Крискенту, чтобы попросить завтра утром отслужить молебен о нашем благополучном путешествии. Вечером собирались. Отец и мать приводили в порядок счета. Легли наскоро, так как нужно было рано вставать. Проф. Сушков с женой приходили к нам попрощаться и предложить помощь в укладывании вещей.

11 января. Суббота.

Встали очень рано, в 5 часов. Маджара должна была приехать в 7. С 6 часов мы попеременно выходили с фонариком

* «Прошу сообщить господину Ковалевскому с семьей посадке Кирилл болгарский пароход реквизированный Францией» (*фр.*)

на улицу. Я доходил до Шаховской, но арба не приезжала. Несколько раз мы ошибались. Отец хотел идти за подводой, но так как это было страшно далеко, то все еще поджидали. В городе говорили, что все повозки реквизированы. Пришла тетя Аня, она поджидала молочницу и все время тоже беспокоилась. Вещи лежали в середине комнаты, и мы сидели при свечках. Настроение ужасное. Боялись, что подводу реквизировали, и пароход может уйти каждую минуту. Собаку Френча мы на всякий случай заперли. Наконец, отец не вытерпел и около 8 часов пошел по направлению к городу и Спасской церкви, но по дороге встретил маджару и вернулся. Приехал извозчик с отцом, который хотел получить задаток, потому что-де ему нужны деньги. Маджара была нанята за 6000 рублей. Мы перетащили вещи в арбу и почти ее наполнили; сзади поставили сундуки. Я пересчитывал вещи — все ли здесь. Тетя Аня пришла тоже, она поймала молочницу. Мы попрощались с ней, и все взгромоздились на арбу. Было очень холодно, мороз, но снега не было. Врангели (семья) должны были в то же время выехать на другой подводе. Мы тронулись в 8 часов — было совсем светло. Проехали мимо Спасской церкви, где бывали в течение месяца, и поехали по Феодосиевской. Город, как это бывает всегда, когда уезжаешь поспешно или бежишь, казался совершенно чужим и другим, каким его мы не видели. Отец возчика слез, и мы рысью начали выезжать из города. Но нам казалось, что мы едем очень медленно. Дорога очень пустынная. Бекир, как звали нашего кучера, все время говорил. Он был взят во время войны в плен. Он — турецкий подданный и имеет дом в Константинополе. Редко по дороге встречались телеги, всего 2–3 до самого Бахчисарая. Город был виден издалека. Он лежит на равнине. Все мы не могли никак подъехать: кажется близко, а оказывается, еще очень далеко. Перед Бахчисараем нас обогнал автомобиль. Мы подумали: «Вот те скоро буду в Севастополе...» Когда мы вылезали из телеги, чтобы позавтракать, началась метель. Мороз стоял суровый. Нам дали супа и по 4 кусочка твердой баранины. Но зато был замечательный хлеб. В это время подъехали на линейке Врангели. Они совсем промерзли. Но мы не могли их взять к себе, потому что у нас было уже очень тесно. Через час или полтора мы двинулись дальше. Дорога уже совершенно пустынна. Подъехали к мосту через небольшую речку Альму и видим, на другой стороне стоит автомобиль и ходит какая-то знакомая фигура. Подъезжаем.

Узнаем, что это дядя Ваня. Оказывается, автомобиль сломался, и всем пришлось вылезти. Тогда отец и мать предложили сесть к нам. Губернатор Татищев и дядя Ваня, взявши для защиты, на случай нападения, винтовки, влезли и кое-как все уместились. Врангель сел к своей семье на подъезжавшую линейку. Вскоре линейка нас обогнала и ехала все время впереди. Н.Татищев критически относился к тому, что мы приедем к вечеру в Севастополь. Правда, арба подвигалась очень медленно. Пейзаж становился более живописным. Мы ехали по долинам и, наконец, приехали в знаменитое селение Гелибек, расположенное между двух отвесных скал и вытянутое в нить. Накупили там маленьких булочек. Татищев также купил целую массу и все время нас угощал. Наконец, уже под вечер, стали приближаться к Севастополю. На горизонте показалось море. Дорога разделилась. Линейка поехала в город, а мы на северную. При въезде в крепостную зону спрашивали паспорта. Татищев показал свой губернаторский паспорт, но солдат все не хотел верить, что губернатор едет на какой-то «коляске». Когда мы были уже совсем близко, то увидели на море тень уходящего парохода. Когда арба подъехала к пристани, все мы вылезли. Губернатор с дядей Ваней уехали в город, а мы взгромоздились на ялик, причем у папы украли серебряную тросточку. Начали уже в темноте искать «Кирилла»[3]. Лодочники не знали, где он стоит, и да не ушел ли он, а видели его несколько дней тому назад. Подъехали к первому пароходу — не «Кирилл», ко второму — нет. Поехали наобум, в темноту, ехали долго, наконец, стукнулись носом в какое-то судно. Сверху голос: «Кто там?» Спрашиваем: «Какое судно?» — «Кирилл». Сначала вели переговоры, а потом начали влезать. Команда болгарская, плохо говорит по-русски. Вызвали commissair'a. Но мы успели уже выгрузиться и спустились в общую палату. Пароходик маленький и, главным образом, предназначен для перевозки разных грузов. Commissaire, унтер-офицер, увидевши, что мы вызваны по телеграмме Амальрика, разрешил нам остаться, хотя еще на пароход никого не пускали, так как он должен был уйти только через 2 дня. Наши вещи спустили вниз, и мы прошли тоже туда. На всем пароходе одна общая каюта мужская и одна — женская, если не считать капитанских. Мужская каюта в то же время и столовая, довольно большая комната. По стенам койки в два ряда, всего 18 мест. Висит икона Николая Угодника с зажженной лампадкой. Два стола вдоль боковых стен. В

середине — чугунная печка. С одной стороны — дверь в дамскую палату и лестница на палубу, с другой — две двери по бокам: одна — в кухню, а другая — в уборную. Вещей поставить было негде и их нагромоздили у самой лестницы. Дамская каюта совсем узкая и состоит только из коек. В большой каюте сидела француженка с ребенком и все время говорила: «Дима, comme tu m'ennuya»*. Вся команда парохода была болгарская. Капитан Каракостов и два его помощника, Жарков и Таргов, оба очень симпатичные, только несколько раз пробегали. Бонча — по-болгарски слуга — никак не мог с нами столковаться, и мы не могли с ним разговаривать до самого конца. Но мы узнали все же, что «тарелка» значит «плятъ». Он нам принес кипятку, и мы подзакусили. Пансион на «Кирилле» стоил 14 франков. Комиссар ел с большим аппетитом, выпивал 2 бутылки вина и предлагал нам попробовать. Пришел Mr. Mari, которого нам комиссар отрекомендовал, как очень хорошего человека. Им был зафрахтован «Кирилл», реквизированный французским правительством. Он на «Кирилле» хотел везти кожи и табак на 5 миллионов франков, при цене 92 рубля за франк, поэтому он стеснялся и заплатил 1.300.000 рублей разных взяток и «на-чаев». Французское правительство воспользовалось этим пароходом и хотело перевезти на нем человек 30 французов в Константинополь. Вечером пришел Mr. Mari с сыном. Устроились на ночь хорошо, только маленький Дима все шумел.

12 января. Воскресенье (до 18 января).

Утром отправились сперва в Петропавловскую церковь, а потом к Данилевским. Мороз был очень сильный. Пили у Данилевских кофе. После них пошли к биологической станции[4]. По дороге вдалеке, в самом конце улицы, я увидел знакомую папаху. Наверно, это дядя Ваня. Во всю прыть мы побежали вниз по улице и так громко его звали, что он услышал. Отец передал ему еще 5000 [руб.], и мы, попрощавшись, отправились дальше. Максим и Графчик пошли искать открытую церковь, так как всюду обедня уже кончилась. Отец и мать пошли что-нибудь купить для Данилевских, а я тоже скоро отстал. Мороз изрядный. К обеду мы все собрались у Данилевских и потом пошли на пароход. Отец следующую ночь ночевал на станции.

* «... как ты меня огорчаешь» (*фр.*)

Мы осматривали аквариум, который теперь очень беден, благодаря отсутствию топлива. Отец с матерью ходили к Амальрику. Деньги за проезд нужно было заплатить комиссару. Шура Данилевский показывал нам исторический бульвар и панораму[5]. Картина обороны Севастополя очень хорошо нарисована и расположена кругом. Люди стоят на площадках в середине. Старый сторож рассказывал подробно о деталях сражений. Внизу картина переходит в укрепления, и видны корзины с землей, снаряды, раненые. За прикрытием стоит икона с массою свечей. Посмотрели с горы на Севастополь. Вид замечательный. Потом пошли вниз, обедали в столовой, в которой, по знакомству, отец получил возможность обедать за 35 рублей с человека. Тут же обедали и Гольцовы. Отец и мать делали разные покупки. Следующую ночь Графчик ночевал у Данилевских. Всего он ночевал у них два раза, а Максим один раз. «Кирилла» переставили в другое место, и нам приходилось карабкаться через два парохода, потом лезть по лестнице на трубу и спускаться вдоль трубы на палубу. Мать, проделавши раз это путешествие, отказалась выходить, и мы два раза обедали на «Кирилле». Говорили, что должны придти большие транспорты, которые увезут даром русских. Отец бегал в английское консульство и получил разрешение сесть, в случае надобности, на английский транспорт. Мороз стоял твердо и даже был снег. Положение на фронте немного упрочилось, но все же изо дня в день опасались прихода большевиков. Иногда приходили слухи, что чуть ли не у самого Симферополя показались красные[6]. Встретили Тихона Иванова, который приехал с целой компанией валуйских купцов и собирался оставаться здесь. Франк дошел до 100 рублей, потом упал до 92, но все же приезжие французы не знали, куда девать деньги и бросали их, куда попало, давая на чай по 200 рублей. Моряки покупали для корабля великолепных индеек, которые для нас были ужасно дороги, а для них смехотворно дешевы. В порту стоял английский дредноут «Iron Duck» и было постоянное французское военное судно, сменявшееся иногда. В один из последних дней выпал снег, и французские моряки на Графской пристани играли в снежки. По Екатерининской улице и Нахимовскому проспекту, все по тому же месту, как загнанный заяц, проходил каждое утро, в сопровождении адъютанта ген. Май-Маевский, тучная фигура в красной фуражке. Наконец, «Кирилла» поставили около таможни и стали нагружать кожами и табаком,

всего на 5 млн. франков. В среду я купил курицу за 375 рублей, и мы попросили Данилевских ее изжарить. В четверг мы у них обедали на прощанье. Были в музее. Очень много интересного. Максим и Графчик были на вечерне в Петропавловской церкви. В пятницу мать не сходила с парохода, а отец с Максимом и Графчиком ходили к епископу Вениамину. Подарили ему икону. Он дал церковный устав для Ниццы и Парижа. Епископ Вениамин, когда мы не знали, где мы поместимся, предложил двоим из нас поселиться в Херсонесском монастыре[7], где было немного свободного помещения. Я бегал по разным покупкам.

В субботу мать, Максим и Графчик сидели на пароходе, а я с отцом пошли купить на последние деньги часы. Пароход должен был уйти в пятницу, но ушел только в субботу. Перед тем, как идти на пароход, мы зашли с отцом в Николаевскую церковь и помолились Богу. Скоро ли опять возможно нам будет вернуться в Россию? Будет ли православная церковь, где мы будем жить?

18 января. [Суббота]

Пароход отвели к выходу из бухты, поставили на якорь; приехали французская и русская контрольные комиссии. Молодой русский прапорщик из солдат был довольно нахален и неделикатен, придирался. Он ждал еще какого-то офицера из контрразведки. Все сидели за столом и прикладывали всевозможные печати. Молодой прапорщик придрался, что разрешение на въезд на нашем паспорте, а не на отцовском, но другой офицер его успокоил. Один французский офицер был очень красив и исключительного роста. Море довольно бурное, а ялика вокруг все не было. Комиссия стояла на палубе и ждала. Наконец, часов в 5 один ялик с величайшим трудом подъехал и захватил и русских, и французов. Мы думали, что капитан не выйдет сегодня из порта, но он все же решился. Вечером мы и не заметили, как наш «Кирилл» отчалил. Вышли на палубу. Мы были в открытом море. Слева видна земля. Мы огибали Крым. Из-за мин пароход должен был идти почти до Ялты вдоль берега и затем сворачивать круто на юг, к малоазиатскому берегу. Вдали виднелись огни Херсонесского маяка. Была легкая качка. Я долго стоял и крестил сторону, откуда мы уезжали. Ужасно грустно и больно становилось и хотелось плакать. Никак я не мог оторваться от этого берега и от мелькающих вдали огней. Внутри парохода был в это время

ужас, духота нестерпимая. Набилось в каюту более 20-ти человек. Все диваны были заранее заняты, многие просто сидели и с приближением ночи стали устраиваться на столах. Мы заняли 4 места в углу и спали спокойно. Дальше был польский адмирал Клочковский (русский адмирал, командовавший во время войны подводными силами). Дальше спали Мельцер с женой, Гербильские, какие-то артисты, молодой поляк.

19 января. [Восересенье]

На столе расположились журналист Койранский с Липским, который куда-то устроил свою семью. За обедом перед тем Mr. Mari со своим сыном вскрыли несколько банок абрикосового компота и поставили на подвесную полку. Никто этого не подозревал. Вдруг, ближе к утру, один из спящих замечает, что он облеплен чем-то вязким. Он сейчас же будит своего соседа. Зажигают электричество и — о, ужас! — банки с компотом, покачиваясь на полке, равномерно поливали их в течение ночи и, наконец, свалились на бок и вылились все. К тому же прибавилось еще молоко, которое лилось сверху. Несчастные Койранский и Липский были с ног до головы липки и пропитаны сиропом. В дамской каюте было ужасно тесно, так что нельзя было повернуться. Утром некоторые переправились на палубу. Артисты (Баратов и другие) переехали к капитану. Два француза еще раньше уместились у commissair'a, так что стало гораздо свободнее. Весь день тихая погода, легкие волны, говорят, на редкость спокойное море. Пароход немного качало, но мы переносили это спокойно. Мать чувствовала себя неважно и Графчик тоже. Капитан дальнего плавания, француз, ехавший на штатском положении на «Кирилле», стрелял все время в дельфинов и, кажется, убил несколько. Мы познакомились с Гербильскими, отца которых, когда он пришел на «Кирилл» в Севастополь, я принял за француза и разговаривал с ним по-французски. Плату за проезд взяли по 150 фр., а Графчика провезли даром, причем commissaire сказал: «Comment! C'est une honte! on laisse payer un homme aussi francophile!»* Он вообще питал к нам большое уважение. Максим сыграл несколько партий в шахматы с Гербильскими. Большую часть дня

* «Как! Это позор! Берут деньги с человека, который так любит Францию!» (*фр.*)

мы провели на палубе. Иногда пролетали довольно большие птицы. Ближе к вечеру я хотел идти на корму, но меня остановил русский солдат, служивший на пароходе, и просил самому не ходить и других не пускать, так как там укрывались птицы, отставшие от стаи. Они обыкновенно погибают, если не встретят случайно корабля. Несколько птиц село на палубу и преспокойно расхаживало. Мы боялись их спугнуть. Некоторые птицы падали в воду, потом с усилием поднимались, и им удавалось взлететь на пароход. Я долго ходил по носу с комиссаром, и он рассказывал о Франции и французах. Пароходик маленький, так что его при малейшей волне покачивает. Ночь прошла спокойно, но к утру качало.

20 января. [Понедельник]

Когда мы вышли на палубу, то была видна полоса земли. Было очень рано. Мы ехали вдоль малоазиатского берега, но были еще очень далеко от Константинополя, так как суда принуждены держать курс на Зангулдак, а потом уже сворачивать к Босфору. Но все же некоторые говорили, что мы въедем в Босфор к 12 часам. Качало довольно сильно, но море было спокойно. Наконец, солдат начал указывать место, где находится Босфор, и скоро мы направились к берегу. Но он ужасно медленно приближался. Погода разошлась, и качка прекратилась. Наконец, берег приблизился, и пароход начал входить в пролив. Сразу же нас поразила зелень. Мы уезжали из Севастополя в мороз, а здесь солнце и трава. Все вышли на палубу. Переезд, с Божьей помощью, кончался. Каким-то чудом перенесло нашу скорлупку так спокойно через море. Берега казались игрушечными, с красными зданиями, с фортами и зелеными горками. «Кирилл» сделал два поворота и остановился около санитарной комиссии. Против нас стоял громадный американский трансатлантический пароход. Катер с санитарной комиссией сперва подъехал к нему, но скоро его отпустил, найдя, вероятно, документы в порядке. Этот пароход шел из Батума в Америку. Затем катер подъехал к нам. Но на нашем пароходе не оказалось необходимых медицинских свидетельств. Когда один русский офицер из катера хотел поздороваться с одним из пассажиров, то итальянский старший врач отдернул руку и сказал, что нельзя здороваться с людьми не дезинфицированными. Весь пароход приказали отвести за поворот, назад, и там принять душ и дезинфекцию одежды. Итальянцы сразу всех

запугали. Стали уверять, что и вещи будут дезинфицироваться. Но все же, из предосторожности, мы все оставили на пароходе, не поверив этому, и поехали в самых плохих одеждах. Один господин сел в лодку в полном дезабилье, только в сапогах и макинтоше, но его вернули. Когда все отъехали, доктор стал искать, не остался ли кто, нашел одного мальчика и, несмотря на его крики, увез тоже. На берегу стояли два дома: в одном были окошечки, и вы должны были платить за удовольствие быть облитыми по 5 пиастров, причем, к нашему удивлению, принимали николаевские деньги и брали 3 рубля. В одном из окошечек сидел русский офицер. Потом женщины пошли в правую дверь, а мы в левую. Как только вступаешь в дом — большая комната (весь дом досчатый), в которой нам предложили раздеться и связать пакетиками белье, а потом отдать в вагонетку, которая впихивается в паровую печь. Все довольно грязно. Дали всем подозрительные халаты, а пальто мы должны были оставить. Их дезинфицировали при помощи какой-то жидкости, которую брызгали из большой машины. Сапоги оставили. Затем всех повели в ожидальную.Небольшая комната без мебели, с одним окном; стены полны надписями людей, подвергавшихся душу в этом здании. Из этой комнаты дверь ведет в баню. Наконец, первые пассажиры выкупались, и нас впустили. Длинный узкий коридор; с одной стороны — маленькие отделения, в которых сверху льется вода. Один европейчик с сыном добросовестно залез в отделение и дрожал там под лившимися струйками воды. Мы поболтались по коридору. Вдруг видим, турок машет рукой: проходите, мол, проходите. Все и прошли торжественно мимо и оказались в комнате, где посередине на полу были навалены наши вещи. Первые одевавшиеся разбросали чужие вещи, ища свои, и другие долго не могли разобраться. У нас все оказалось в целости, только украли носки и одна из вещей была совершенно мокрая. В женском отделении совсем не было воды, и хотевшие вымыть лицо и руки не могли этого сделать. Мы думали, что с нами еще что-нибудь будут делать, но нас всех стали погружать, причем так аккуратно, что уронили одну старую даму в воду, но, к счастью, сразу вытащили. На буксире, на котором была большая часть пассажиров, было так тесно, что нельзя было повернуться и наклониться в одну сторону. Все благополучно вылезли и влезли на пароход. Я нашел часы, которые потерял давно на «Кирилле». Они оказались в уборной за зеркалом. На завтра обещали провести нас к Босфору.

21 января. [Вторник]

Утром встали рано. Позвали наверх: говорят, едем по Босфору. Выходим. Дождь, но не очень сильный. Вид замечательный. По обеим сторонам живописные берега, почти сплошь застроенные красивыми домами и виллами, по берегу идет трамвай. На европейском берегу сплошной город; на азиатском более пустынно[8]. С каждым поворотом открываются все новые виды. Целый городок из летних помещений посольств. Семибашенный замок. Слева, у Константинополя, дворец султана у самого моря, белеющий своим мрамором. Наконец, и сам Константинополь, уходящий вглубь Золотого Рога; Леандрова башня, недалеко от которой нас ставят на якорь, выделяется на окружающем фоне. Дальше — Мраморное море с Принцевыми островами, на которые каждые пол- или четверть часа ходят пароходы, перегруженные людьми. Около нас стоит «Царь Фердинанд», которого задержали из-за карантина, и еще несколько судов. Когда мы еще были у Черного моря, пришло подряд три парохода из Одессы. «Царя Фердинанда» скоро увели, но опять вернули. К «Кириллу» сразу подъехали ялики и предлагали ехать в Константинополь. Многие соблазнились и поехали. Лодками приходилось ехать до Леандровой башни и оттуда возвращаться к городу, настолько сильно было течение. Лодки, стоявшие около нашего корабля, все время относились. Лодочники цеплялись за корабль и с трудом удерживались. Наконец, к вечеру нас подвезли к городу, ввели в Золотой Рог и поставили среди длинных шеренг судов всех национальностей, довольно далеко от берега. Отец, Гербильский, Мельцер и еще некоторые пассажиры поехали в город. Волнение было довольно сильное, и мы все время боялись, как бы не опрокинулись лодки. Таргов поехал за провизией для парохода и привез массу хлеба и овощей. Наконец, вернулся и отец. Он успел нанять комнату в гостинице «Thrace» при помощи commissionair'а, который обещался нас завтра перевезти. Гербильские сразу остались там ночевать. Отец принес замечательный пирог, жирный и слоеный, с творогом и капустой, и жирные пирожки. Мы вышли на палубу. Был великолепный вечер. Всюду сверкали огоньки и на ближайших судах, где горели фонари, а кое-где были освещены все окна. Мы долго гуляли и любовались.

22 января. [Среда]

Утром долго ждали commissionair'ов. Они пришли часов в 11 с двумя лодками. На одну погрузили багаж, а на другую сели мы впятером и Мельцеры. Большой багаж взять было нельзя, так как он был заложен кожами и тюками с табаком. Погода была хорошая, но лодки сильно качало; на пристани было очень грязно. Целая толпа турок вырывала из рук вещи, предлагая свои услуги. Комиссионер нанял двух, которые взяли каждый по 6–8 вещей, все очень тяжелые, и понесли в таможню. Там их довольно скоро осмотрели, и мы двинулись пешком в гостиницу. Улицы узкие, без окон, одни стены — все проходы, тупики. Перешли через Grande rue de Galara и оказались перед гостиницей. Пошли наверх. Лестница совсем приличная. Комната небольшая, но чистая, с четырьмя кроватями и балкончиком. Рядом с нами комната Гербильских. Мельцеры — одним этажом ниже. Первым делом спустились вниз. При гостинице есть ресторан, где больше пьют кофе, и попросили кофе. Нам дали масло, но такой белизны, что, наверно, искусственное, и английское апельсинное желе. Все это обошлось довольно дорого: 2 1/2 фунта. У Сережи [Гербильского] был насморк, и он не смог выйти, и вообще, Борис Григорьевич [Гербильский] не пускал никуда своих сыновей, так что они ничего не видели в Константинополе. Комиссионер показал нам хороший и не очень дорогой греческий ресторан «Petit Ainoli», где мы все время обедали. Брали два кушанья a la carte и какой-нибудь десерт. Кушанья были в среднем по 30 пиастров. Хлеб (псоми — по-гречески) был замечательный, давали прекрасные батоны. Комиссионер представил счет в 15 фунтов: это было довольно много, на долю отца приходилось около 8 фунтов. Они считали переезд по 1 фунту с человека, тогда как лодочники брали по 20 пиастров. Но сделали все очень хорошо за три фунта в день и при полном отсутствии помещений достали нам комнату в Константинополе. Отец заплатил, а Гербильский очень долго протестовал. Мы отправились с отцом доставать билеты. Первый пароход был «Суира» («Souhiras»), который уходил через 3–4 дня. Нам это показалось слишком долго. Пришли в Compagnie Paquet. Оказалось, что не только на «Суира» нет ни одного места, но и на «Анатолию», которая идет 22-го февраля, и уже многие записались на «Circasie», которая должна уйти в первых числах марта. Мы были совсем удручены и пошли в другие компании. Обегали все конторы

на набережной, но нет ни малейшей надежды попасть на пароходы. Оказалось, что возможно выехать с итальянским судном, но нужно было достать визу. В Lloyd Triestino встретили Елисеевых, которых высадили в Константинополе из-за отсутствия визы во Францию. Были в бюро Interallié*; там столпотворение. Не знаешь, куда идти. Встретили Евгения Федоровича Давыдова. Он теперь устроился в Константинополе. Проходя по одной маленькой улочке, направляясь к порту, я встретил преосвященного Митрофана. Поздоровался, подошел под благословение. Он говорит: «Теперь я единственный остался из харьковских епископов». Преосвященный Феодор умер от сыпного тифа в Ростове, а преосвященный Алексий от тифа в Новочеркасске. Мы все были очень огорчены. Я позабыл спросить о других, выехавших из Харькова в Ростов. На другой день мы ходили получать визу в Италию. Отказали. Отец, встретив В.В.Тенишева на улице, поехал с ним и со мной к итальянскому верховному комиссару, но тот сказал, что это вне его сил. Недавно два швейцарских семейства были отправлены с visa de depart** из Константинополя, но без виз из самой Италии. Их высадили в Генуе, несмотря на то, что они хотели только проехать на родину, и переезд составляет всего несколько часов. Их вернули в Константинополь, и теперь они сидят в тюрьме. Комиссар был настолько любезен, что дал письмо к начальнику военной миссии для отправки телеграммы в Рим в министерство и Гирсу. Чтобы проехать через Италию, необходима прививка оспы. С помощью нашего гида мы отправились в итальянский госпиталь, где доктор сделал нам фиктивную прививку от оспы. Отец дал ему один фунт (турецкий). Он был очень недоволен. Всю неделю я с отцом бегали по разным конторам записываться на пароходы. Но все было безуспешно. Были в Стамбуле в коммерческих конторах.При переходе через мост приходится платить полпиастра, но это обязательно только для турок. Европейцы проходят, не платя ничего. Каждый день утром обходили все существующие пароходные компании, были в Голландском Ллойде и у испанцев, и в Румынском Ллойде. Я заходил в Русский банк на rue des Banques. Директором его состоит бывший государственный секретарь Ладыженский. Условились взять с «Кирилла» вещи. «Кирилла» поставили у

* «межсоюзническое» (*фр.*)
** «выездная виза» (*фр.*)

пристани в Стамбуле и уже успели разгрузить. Мы поехали на лодке и хотели миновать таможню. Подъехали к мосту. Но сейчас же вышли французские солдаты, и какой-то сенегалец начал осматривать багаж, а у нас не было ключей. Мне пришлось сбегать в гостиницу. Затем два турка с легкостью взгромоздили себе на спины каждый по одной вещи, которые были по 6 пудов, и понесли за нами. Вообще турки переносят исключительные тяжести. Мы видели одного, несшего на спине рояль. Обедать мы ходили все в «Petit Ainoli». Там очень хорошо кормили. После обеда мы ходили в какую-нибудь кондитерскую есть пирожки, фундуки или другие константинопольские сладости. Вообще вся Grande rue de Galata состоит сплошь из лавок, где продаются фундуки, шашлык и другие съестные продукты. Это сплошной обжорный ряд. На каждом шагу видишь лавки, в которых гладят фески. Меняльные конторы по две в каждом доме. Всюду масса золота. Заходили в русскую базу. Она помещается в доме Андреевского Подворья[9]. Познакомились со священником Подворья иеромонахом Софронием, и через два дня были совсем своими людьми в церкви, пели и читали почти на всех службах. В первый же день на лестнице встретили Ал[ексея] Алекс[андровича] Бобринского, который пришел венчаться на девушке, которую он вывез из России. Свадьба была совсем скромная, и почти никого на ней не присутствовало. Мы втроем пели. Устроиться на пароход становилось все труднее и труднее, чем больше прибывало в Константинополь беженцев. Бухштаб, которого отец встретил на улице, познакомил его с Laurent Reboul, директором компании «Paquet», но, несмотря на протекцию, получить место не удалось. Один раз мы с отцом поехали в посольство, чтобы получить какие-то сведения, и заговорились с Извольским и Крупенским, которые были секретарями. В это время входит гр. П.Ф.Сумароков-Эльстон и сообщает трагическую новость о гибели, в виду болгарского берега, транспорта «Петр Великий». На нем ехало около 1000 беженцев, а подобрали очень немногих. Как раз перед этим предполагалось, что «Петр Великий» придет в Константинополь, а оттуда пойдет в Средиземное море. Потрясенные вестью мы хотели уже уходить, как Павел Феликсович сообщил, что во Францию с французскими солдатами идет «Александр III», пароход Р. О. П. Т.[10], который должен забрать Салоникский гарнизон, но что туда гражданским лицам очень трудно попасть. Отец схватился за

эту возможность и сейчас же с Тенишевым поехал в Haut Commissariat*. Благодаря связям В[ячеслава] В[ячеславовича Тенишева] и знакомствам и Légion d'Honneur** отца, удалось получить разрешение на поездку, а после нас, по протоpенной дорожке, пошли и другие, и около 50 русских были приняты на корабль, в том числе Гербильские, Сумароков-Эльстон, Мельцеры и др. Обеспечив себе отъезд, мы смогли сейчас же заняться делами, посетили Еленку Тенишеву где-то в пригороде, куда надо было бесконечно долго ехать на трамвае, причем найти дом было непросто, так как по константинопольской манере NN идут не по порядку, а фантастически. Вспоминали с ней об Орле и Харькове и жизни в России. Еленка твердая патриотка и желает при первой же возможности ехать обратно: здесь ей не нравится. Посетили Св. Софию[11], где нас спрашивали о национальности и только удостоверившись, что мы не греки, впустили. Несмотря на убеждения гида, мы сняли шляпы, к огорчению сидевших около дверей турок. Ходили по храму в туфлях. Сама Св. София, несмотря на ковры, косую перспективу внутреннего убранства, люстры, щиты с надписями из Корана, производит необычайное впечатление — не столько даже своей грандиозностью, сколько светом и легкостью постройки. Внешне она почти не выделяется, но лишь вступаешь в притвор, поражает отсутствие колонн и подпорок, будто стены висят в воздухе. Подводили нас к месту, куда вошел в стену священник, который выйдет в день возвращения церкви Православию, и показывали следы от копыт лошади Магомета. На площади — знаменитый фонтан Вильгельма. Вообще немецкое правление оставило много следов. В воскресенье были в посольской церкви. Помещается она в самом верхнем этаже. Идти туда надо по черной лестнице. Народу много. К самому началу литургии секретарь посольства ввел торжественно на клирос Н.В.Чайковского: старый революционер стал верующим православным человеком и всю службу истово молился. Чествовали его как главу Северного правительства. По Константинополю пришлось ходить очень много, надо было окончательно оформить документы, купить доллары, которые были довольно дешевы, и отправить вещи. Французы, в противоположность итальянцам, были необычайно милы. Capitaine Vincento

---

* Верховный комиссариат. (*фр.*)

** Почетный Легион. (*фр.*)

commandant de la base navale*, дал сейчас же все визы, но в Bureau Interallié вообще было очень неприятно, черные солдаты буквально били посетителей, а при родителях один из них ударил русскую даму ногой в живот. Последние дни шел без перерыва снег; часть его тут же таяла, но часть оставалась на крышах. И так как наша гостиница «Фракия» была построена довольно примитивно, то начали протекать потолки. Сперва можно было кое-как жить. Кровати мы расставили по стенам, но за день до отъезда даже тазы перестали помогать. Вода лилась ручьями и просочилась сквозь 5 этажей, так что многие покинули комнаты. К тому же мангалки (жаровни), которыми топили гостиницу, давали такой угар и дым, что у нас началась сплошная головная боль. На улицах было не лучше: грязь, смешанная со снегом, шум, гам, карнавал, люди с пианино на спине, на которых наигрывались все те же мелодии, пьяные матросы — все это составляло отрицательную сторону константинопольской жизни. Зато были приятные встречи, видели отца Палладия, который куда-то спешил, узнали, что арх. Евлогий и другие иерархи прибыли благополучно, но что их пока не выпускают и направляют в Сербию[12]. На Grande rue de Galata видели арх. Георгия Минского, бывшего у нас в Харькове, и тоже ехавшего на Запад. Забегали в Осваг; там все еще на стенах красовались портреты Колчака, Деникина и Врангеля, а рядом распродавалось русское серебро и ценные вещи. Оттуда подымались по Funiculaire'у в банковский квартал и на Pera и изучили порядочно город. Закупили халвы и всяких сладостей на дорогу. Во вторник 29/11 ходили в порт, смотрели, где стоит «Александр III». Места нам дали хорошие, но надо все же приехать заранее, чтобы уместить чемоданы и корзину. Вещи надо доставить утром, а пароход уйдет только вечером 30-го. Заходили в греческие церкви поставить свечи; у греков странный обычай бросать деньги за стекло; у некоторых образов не видно лика, так как сплошь все забито бумажками. Поразило нас неблаголепие и бесцеремонность прислужников, многие ходят в фесках в церкви, проходят через царские врата, берут вещи с престола. Заходили в последний раз и на Подворье, чтобы помолиться перед отъездом. Рады, что вырвались из Константинополя, но и страшно за тех, кто остается, а

* Командующий военно-морской базой. (*фр.*)

особенно за тех, кто в Крыму: смогут ли они спастись? Завтра с Богом — в дальний путь!

Переезд из Константинополя в Марсель (переписано с листков)

30 января/12 февраля. [Четверг]

С утра подали извозчиков к нашей гостинице. Гид поссорился с нашим хозяином Кир Анастасием, который потом бежал за экипажем почти всю дорогу и отборно с ним ругался. На пароход еще никого не пускали, но мы все же, благодаря предприимчивости отца, добрались до наших кают и сдали свои вещи. «Александр III» — настоящий плавучий город. Всюду на дверях двуглавые орлы, чистота поразительная. У нас две каюты-комнаты с кроватями, одна для Евграфа и родителей, а вторая для нас с Максимом. Так уютно и просто роскошно мы давно не жили. Старичок Николай, сторож по коридору, уложил багаж в особую кладовую, напротив кабин, и сообщил, что есть горячая и морская ванна в каждом коридоре. Такого удобства мы с Харькова не видали. Сошли с парохода перед 12-ю и пошли обедать в ресторанчик недалеко от набережной, в Стамбуле. Всюду большое движение, но к пароходу подъезжает мало, так как он идет за военными в Салоники, и в Константинополе почти никто не садится. В 3 была официальная посадка. Кроме нас человек 20 французских офицеров и около 100 русских. Из знакомых — Гербильские, Мельцеры, Сумароковы-Эльстоны, Макшеевы, Масленниковы и др. За проезд взяли 2100 за пятерых, но при условии, что мы втроем будем питаться во втором классе, а не в первом. Во время первого же обеда сидели с Павлом Феликсовичем и Надеждой Никоновной Сумароковыми. Познакомились с очень милым доктором Головановым и с семьей полк. Рышкова. На палубе встретили мальчика, с которым Commissaire просил немного заниматься и с ним объединяться. Это сын ген. Маркова, который на английский казенный счет отправляется в Англию. Ужинать нам дали так хорошо, что мы едва смогли все съесть. В первом классе была только лучшая сервировка и негр maitre d'hotel. Вместе с нами обедали французские офицеры с судна, команда была отчасти французская, отчасти нанятая в Константинополе, а служащие кое-кто русские. Вместе с «Александром III» отчалил от мола «Souhiras», на который мы не

смогли попасть. Золотой Рог при закате был необыкновенно красив. Едва начал скрываться берег и пароход вошел в Мраморное море, как одна русская сошла с ума. Она пришла спокойно в столовую к ужину, но потом вдруг засуетилась, начала сперва причесываться, а потом и раздеваться; ее старались успокоить и увести, но она стала бурно сопротивляться, и пришлось применить силу. Палуба I-го класса бесконечная. Никто там не гуляет. Мы с Гербильскими носимся по ней, как хотим. Проехали мимо Принцевых островов. Последние пароходики, перегруженные, спешат в Константинополь. Позади виднеются мачты и трубы судов. «Иерусалим», на котором приехало так много русских, еще стоит у берега, а «Царь Троян» снят с карантина и куда-то уведен.

31 января/13 февраля. Пятница.

Проснулись мы поздно и сейчас же выбежали на палубу. Едем по Эгейскому морю вдоль островов. Погода изумительная. Солнце, тепло. Жизнь начинает входить в колею. День распределен очень строго. Французские офицеры очень милы, говорят с нами обо всем, но главным образом, мы втроем объединяемся с Гербильскими. От Афона проходим слишком далеко, чтобы видеть отчетливо горы, но общее очертание мыса долго остается на горизонте. Пароход идет быстро. Commissaire du Bord* значительно интеллигентнее, чем на «Кирилле», но зато и держит себя неприступно. В каюте мы совершенно как у себя: столы, стулья, вид через круглое окошко на море. Но сидеть внизу не хочется.

1/14 февраля. Суббота.

Встали утром рано, часов в 6 1/2. Пароход стоял на рейде Салоник. С первого взгляда город показался мне очень большим. Он растянулся по берегу громаднейшего залива. Справа видна большая венецианская башня. Над городом крепость, белая на склоне горы. Часов в 9 приехала санитарная комиссия. Против нас в карантине стоял «Иртыш»[13], на котором едут наши владыки: Евлогий, Георгий, Митрофан, Гавриил и, кажется, Аполлинарий. Комиссия сказала, что мы можем пристать к берегу. Очень скоро мы подошли к набережной за волнорезом: в гавани стоит «Rio Nero» с 1500 женщинами, которых, вместо Бриндизи, отправляют в Сербию. На «Rio Nero» есть случаи тифа.

* Распорядитель на борту.

До завтрака мы не собирались выходить, так как предполагалось, что пароход будет стоять в Салониках не менее двух суток. Но скоро выяснилось, что мы отплываем после 3-х часов. В 12 часов мы, под предводительством отца, с Гербильскими отправились осматривать достопримечательности города. Сперва проехали на трамвае к белой венецианской башне. Вокруг нее расположен единственный в городе сквер. С набережной великолепный вид на рейд, самый большой в мире, с совершенно спокойной водой, гладкой, как в озере. Вдали виден Олимп с подножием, скрытым в тумане, производящий впечатление чего-то чудесного и легкого, не соприкасающегося с землей. Становится понятным, почему Олимп греки считали обиталищем богов. Над ним сегодня висит белое облако, и он как бы постепенно сливается с небом. От белой башни пошли искать древний храм св. Георгия. По дороге меняли деньги; за турецкий фунт давали мало. Отец был в Салониках год назад и помнил город. Зашли в собор св. Григория Паламы Фессалонитского и осматривали снаружи церковь св. Георгия (внутри производились раскопки и войти было нельзя). При посадке нам возвратили паспорта, которые отобрали днем. Пароход уже собирался отплывать. Во все трюмы и в 3 класс успели посадить до 2000 франц[узских] солдат.

2/15 февраля. Воскресенье.

Aumonier du bateau* служил на носу мессу. Прислуживал один из солдат. Все войска были выстроены в порядке на нижней палубе, а мы присутствовали на палубе 1-го класса. Жизнь оживилась из-за прибытия новых людей. Сегодня вечером любительский спектакль в салоне. Играют все офицеры. У нас завязались уже знакомства и дружбы. Идем все время вдоль берега, так как из-за экономии фр[анков] правительство решило не пользоваться Коринфским каналом, а огибать Кифару. Можем поэтому вдоволь насладиться видом греческого берега, Эвбеи и др[угих] островов. Для нас сегодня праздник, но православного духовного лица на пароходе нет.

* Священник на корабле.

3/16 февраля. Понедельник.

Погода стоит дивная, днем ни облачка. Путешествие превращается в прогулку. Проехали вчера мимо многих островов. Все они окутаны розовой дымкой. Мыса Матапана так и не видели. Идем к берегам Сицилии по Ионическому морю. Днем берега не видно, нет и островов, поэтому беседуем с русскими. Ф.Ф.Макшеев оказался знатоком Наполеоновской эпохи и очень живо представил разгон совета 500[14]. Он едет с женой и двумя девочками.

Вторник. 4/17 [февраля].

Ночью прошли Мессину. Были видны только огоньки с берега, а утром зато видели издалека Стромболи, всегда дымящийся, с маленькими домиками, прилепившимися по его склону. Он сегодня довольно сильно пускает дым и выбрасывает высоко пепел. Весь день Тирренское море и опять ни одного острова. Хотя мы и приоделись, как могли, но вид у нас беженско-русский. У меня черная русская рубашка и краги, поэтому с первого взгляда французские офицеры немного удивляются.

Среда. 5/18 [февраля].

Погода начинает портиться. Проходим мимо Корсики через пролив Bonifacio, и начинает слегка качать. Днем накрапывает дождь, качает все сильнее и сильнее. Видно, как постепенно уменьшается количество гуляющих. Все спешат в свои каюты. Отец, мать и Евграф после завтрака слегли и им было нехорошо. К обеду почти никого не осталось, правда, теперь качает вовсю, и в киль, и в борта. В громадной столовой II-го класса всего 7–8 человек: нас двое, двое Гербильских и 3–4 моряка. Садимся благополучно, но тут же начинаются затруднения. Слуга приносит миску, лавируя и стараясь не упасть, и наливает сидящему напротив моряку в тарелку. Суп начинает кружиться, подымается смерчем и одним разом вылетает из тарелки. Бутылка с водой опрокидывается и выливается в тарелку; и все это так быстро, что моряк черпает воду вместо супа. Другой сосед судорожно держит бутылку с вином, но видя, что тарелка танцует, он хватает ее, в эту секунду вино несется в противоположный конец зала и бутылка разлетается на 1000 кусков. Пришлось отказаться от супа. Но второе ели с аппети-

том, к удивлению судовой прислуги, которая сама едва держалась на ногах. Не чувствовал ни минуты морской болезни, но когда мы, как ошалелые, после ужина начали бегать по верхней палубе, едва хватаясь за борт, закружилась голова. Легли поздно спать, так как долго ходили по пароходу и отыскивали «живых» людей. Наши лежали и не только не хотели есть, но даже говорить, а Евграф стонал. Капитан нам обещал, что мы приедем в Марсель рано утром, и мы спокойно легли спать.

Приезд в Марсель

6/19 февраля 1920 г. Четверг.

Утром проснулись в 6 часов, и сперва нам показалось, что пароход все еще качает, но когда выглянули в окошко увидели перед собой маленькие островки и в стороне большой город с выделяющейся церковью и какой-то странной постройкой в виде подъемной машины. Сперва приехали офицеры, а с парохода на берег поехал капитан и доктор. Никаких задержек не было, и «Александр III» начал тихо входить в узкий порт за молы из камня, из которых многие еще строятся. На островках против порта замечательный замок. «Souhiras», который вышел раньше нас на час из Константинополя, пришел вместе с нами, несмотря на наш заход в Салоники. Он только что остановился у одного из ангаров. Нас подвели к набережной мимо многих судов, между которыми особенно выделялся «André Lobon», пароход дальневосточной линии. Порт в Марселе громадный и по длине и по количеству портовых складов. Когда пароход поставили у пристани, солдаты стали сразу сходить. Но так как было 12 часов, мы все пошли обедать. Крен был настолько силен, что ни бутылки, ни тарелки не держались на столе. Вся главная лестница была полна какими-то господами в черном. Потом оказалось, что это была делегация к ехавшему на пароходе армянскому патриарху. Выяснилось, что все бельгийские подданные не имеют права оставаться в Марселе ни одного дня и должны немедленно ехать в Бельгию, потому что не имеют visa de sejours*. У всех спросили паспорта и дали листки для заполнения. Конечно, немедленно пришли комиссионеры от всяких контор для перевозки вещей. Мы записали наши вещи

* «вид на жительство» (*фр.*)

у одного из них. Вскоре все начали выгружаться. Очень долго не брали наших вещей. Наконец, они были снесены на набережную и поставлены среди массы других вещей, большей частью офицерских. Начался осмотр таможенным чиновником. Один sous-lieutenant* показал на наши вещи, и чиновник, не посмотревши, всюду поставил условленную букву. Большую часть вещей мы сдали для отправки на вокзал, а сами послали человека за извозчиком, а пока ждали в одном из колоссальных складов, в котором лежали разные ящики и бочки. Наконец, достали извозчика и поехали. Жара очень большая, немного пыльно. Порт тянется бесконечно. Комиссионер компании, перевозящей багаж, указал нам гостиницу, в которой мы могли найти комнату. Ехали довольно долго, город очень большой. Гостиница называется Hotel de Savoie et de Grenoble, а рядом гостиница «Болье». Комната нашлась в первом этаже, с двумя большими кроватями. Первым делом, мы пошли на вокзал и узнали, что удобный для нас поезд идет в 7 1/2 час. утра. Потом пошли осматривать город. Были в соборе. Очень красив, с замечательными витро. Были на rue de Cannebiere, которой так хвастаются марсельцы, и дошли до старого порта. Движения всюду очень много. Для подкрепления сил купили булочек. Вернулись к вечеру домой, но проголодались и спросили кофе в комнату. Графчик пошел искать еще булочек и чуть не потерялся. Пропадал целый час, забыл название гостиницы, но, к счастью, нашел по виду. Очень беспокоились. Мы удивлены дороговизне продуктов и особенно продаже почти всего на hecto, а не на livre. Улеглись рано спать и заснули крепко. Отец и я ходили сдавать в багаж вещи.

7/20 [февраля]. Пятница.

Встали в 6 часов, так как думали, что придется простоять в очереди час или больше. Я пошел первый на вокзал. Пустота. Начинают мести залы. Простоял один. Касса открылась в 7 часов, и я сейчас же получил билеты: всего 120 фр., по 24 фр. на человека, 2-го класса. Едва мы успели добраться до зала ожидания, как поезд подошел. Мягкие тюки развалились, и мать их перевязывала. В поезде было много места, и мы спокойно сели. В купе была еще одна сильно напудренная дама и какой-то господин. Поезд стоял полчаса и уехал ровно в 8

---

* «младший лейтенант» (*фр.*)

часов. В последний момент пришло много людей и заполнили все места. Вещи разместили хорошо. Поезд-экспресс ехал скоро. Мы давно уже не видели быстрой езды и все время удивлялись. Сразу после Марселя много маленьких туннелей. Местность гористая. Проехали Aubagne, и первая остановка была Тулон. Отец, Максим и я бросились пить кофе и купили сандвичи, которые были непрокусимы. Графчик пошел тоже пить кофе, но дали какой-то свисток. Я начал шуметь, боясь, чтобы все не опоздали, и Графчик так и не успел докончить своего кофе. Когда пришел контроль, то у нашего соседа оказался билет 3-го класса, и он хотел приплатить от Марселя, где он пересел, но ему пришлось платить гораздо больше, так как этот поезд не допускает пассажиров 2-го класса меньше, как на 200 километров. В Ницце еще была приличная погода, а когда приехали в Болье, то шел дождь. С Ниццы мы вынесли все вещи в коридор и на площадку. Вылезли благополучно. Положили вещи на тачку. Отец и мать пошли разыскивать нашего садовника Бесси и искать комнату, если вилла еще занята[15]. Я все время ужасно беспокоился, так как предполагалось издать закон, запрещающий иностранцам владеть недвижимостью в пограничной полосе. Мы втроем сидели в salle d'attente*. Несколько раз выходили посмотреть на Болье и не могли понять, какая наша вилла. С одной стороны — горы, с другой — море. Альпы так близко подходят к морю, что кажется, что это стена, преграждающая дальнейший проход. Мать и отец пришли не очень скоро. Вместе с ними пришел Батист Бесси, среднего роста, худощавый седой старичок. Сейчас же все вещи положили на тачку, а не на извозчика. Здесь никто на извозчиках не ездит. Приготовились идти очень далеко. Но не успели мы сделать несколько шагов по улице, как Бесси сказал, что мы пришли. Лестница с улицы спускалась в сад. Это была гостиница «Болье», в ней только и удалось достать две комнаты, благодаря знакомствам Бесси. Вещи разместили, и мы сейчас же спросили что-нибудь поесть, так как не обедали со вчерашнего вечера. Пансион вместе с комнатой 16 фр.; это по здешним ценам не очень дорого. Нам наскоро устроили завтрак и закуску. Вилла сдана до 20 мая, и мы, наверно, поселимся в Ницце. Вечером мы отдыхали. Ужин (обед) был великолепный. Погода немного поправилась.

---

* «зал ожиданий» (*фр.*)

8/21 февраля. Суббота.

Утром отец сводил нас познакомить с Mr. Veuillot, нанимавшим виллу, но по ошибке сказал, что нам 16, 15 и 13 лет[16]; тот привстал и не мог ничего другого сказать, как «Oh, ce sont vraiment des enfants robustes»*. Veuillot угощали нас чаем. Вилла стоит внизу, на главной улице, а не как я воображал, где-то очень высоко. Показывали нам ее. Она большая. M-me Veuillot настолько толстая, что не может сидеть в креслах. У них нет своих детей, две приемные дочери: M-lle Marthe и M-lle Lucienne. Странно было сидеть в доме, принадлежащем нам, в котором мы никогда не были. Все устроено очень хорошо: серебро, посуда, картины, вещи. Mr. Veuillot спрашивал о путешествии и о нашей жизни в России. Говорили о Франции и здешней жизни. Погода стоит хорошая.

Начало «французских» дневников. с 22 февраля 1920

Воскресенье, 9/22 февраля 1920 г.

Утром встали рано и собрались в Ниццу. Страшно спешили на поёзд. Пришли на станцию довольно рано. Билет 3-го класса до Ниццы (6 километров) стоит 55 сант. День прохладный и дождливый. Доехали скоро, вагоны дачные. Туннель показался очень длинным, так как поезд шел довольно тихо. По дороге зашли в католическую церковь, пели дети, управлял ими молодой аббат в облачении. Зашли в русскую церковь[17], но так как она была еще закрыта, пошли осматривать город. Смотрели городской сад, зимний казино, гостиницу «Франция». Погода немного прояснилась. Потом пошли опять в церковь; посидели в библиотеке. Церковь очень красива, иконы хорошо исполнены, есть несколько старинных. Храм во имя Св.Николая. Ковер постлан во всю церковь. Свечи дешевые и восковые 50 [сант.], 1, 2, 3 франка. Максим читал часы. К концу службы собралось много народа, были кн. П.С.Волконский, Виктор Федорович Давыдов, П.Л.Барк, П.Н.Крупенский, Павел Феликсович Сумароков-Эльстон и мн[огие] др[угие]. Служил старичок-священник и дьякон, у которого очень хороший голос.

---

* «О, это действительно крепкие дети» (*фр.*)

Апостола читал Максим. Пел хор из французов, которые, хотя и правильно произносят славянские слова, но не правильно выговаривают «р» и «л». Во время службы сообщили, что адмирал А.В.Колчак убит.

После обедни отца пригласили завтракать в русский ресторан, а мы поехали на трамвае в Болье. Пришлось ждать полчаса. Трамвай идет по берегу, и с шоссе открывается великолепный вид на Ниццу и залив. Проезжали мимо Villefranche и St. Jean. Приехали в 40 минут. На завтрак дали 5 блюд. Потом втроем пошли на берег моря.

Приехал отец и рассказал, что сделал небольшой доклад. Он собирается сделать еще несколько докладов о положении Церкви и вообще о положении в России.

Пили чай у себя. Пошли к кн. Голицыной. Там были очень рады увидеть отца. Был член Гос[ударственного] Совета В.И.Гурко. Разговаривали о разных вещах. Смотрели на окрестности с террасы, вид великолепный. У кн. М.П.Голицыной есть лайка, которая страдает от жары. Мы вернулись домой, когда смеркалось. Обед был отличный, но после чая не очень хотелось есть. Вечером в первый раз читали «Господи и Владыко живота моего». Легли в 10 часов.

Понедельник, 10/23 февраля.

Утром отец поехал в Ниццу. Едва поспел сесть на поезд. Мы с матерью сидели в саду, а потом развязывали корзину. Ходил к Бесси, чтобы узнать, где живет прачка. Он подрезал листья на решетке виллы. Пришло письмо от банка из Парижа. Шло 12 дней. Франк подымается, потому что англичане подписываются на новый французский заем. В Париже была отслужена панихида по адмиралу А.В.Колчаку.

Сапожник за починку двух пар сапог взял 22 фр.

Сегодня вечером Канон Андрея Критского. Были в Ницце. Пели относительно хорошо. Вернулись в половине восьмого.

[Вторник], 11/24 февраля.

Утром отец поехал в Ниццу на трамвае. Ждал его целый час.

Мать и я разбирали серебро. Снес брюки отца в починку. Взяли 50 фр. Наша вилла оказалась сдана до 20 мая. Денег в Ницце оказалось 2400 фр. За обедом давали запеченную рыбу. После обеда поехали все в Ниццу. Цены проезда сильно повы-

сились. До Ниццы 3-ий класс уже 70 сант. Приехали так рано, что пошли все осматривать православный собор, который бывает открыт по вторникам и пятницам от двух до четырех. Когда мы пришли, собор был еще закрыт, но уже собралось много французов, желавших его осмотреть.Тут больше его посещают как музей. Сам храм построен красиво. Иконостас бронзовый, под золото, в древнерусском стиле. Замечательная икона в память Трехсотлетия Дома Романовых. На ней изображены все святые, имена которых носили цари. Замечательны также иконы Нерукотворного Спаса, две Божией Матери, Николая Угодника, Апостола Петра, Александра Невского.

Церковь закрыта и только по уплате 7000 фр. налога можно будет служить в ней.

Вечером вернулись благополучно. Оказывается, отцу было очень плохо. Он отравился рыбками, но, к счастью, все скоро прошло. В прошлом году отец отравился в Болье этими же рыбками и был болен целую неделю.

Среда, 12/25 февраля.

Отец не выходил утром, а все мы поехали в Ниццу. После Преждеосвященной литургии мы поехали домой, а мать осталась в Ницце. Вечером она не возвратилась. Оказалось, что не было [электрического] тока, и трамвай стоял 20 минут. У нас тоже электричество потухло.

В Париже начинают бастовать[18]. Забастовали типографии.

Ходили гулять в Вильфранш.

Четверг, 13/26 февраля.

Утром встали рано и провели утро в Болье. Ходил с отцом в мэрию. Купили в кооперативе печенья 1/10 кг, стоит 80 сант. Решили ехать после обеда в Ниццу, но оказалось, что забастовка разрослась и поездов нет. Пошли пешком до Вильфранш. К нашему сожалению, все же прошел поезд, как раз когда мы подходили к вокзалу.

Мы проехали на трамвае за 60 сант. Отец пошел на заседание к Крупенскому, а мы с матерью делали покупки. Максим и Графчик пошли отдельно. Мы купили ботинки за 29 фр., воротнички по 2 фр. 50 сант. Потом зашли выпить чая и попробовать Crepes Bretonnes*. Они оказались вкусны, и

* бретонские блины (*фр.*)

мать купила коробку для дома. Пошли в квартал «Калифорния» отнести письмо Епанчиной M-me Фальц-Фейн. Шли по Promenade des Anglais[19]. Жара очень сильная и народу мало. Довольно порядочное расстояние. Потом пошли по Avenue de la Caliornie. С трудом нашли виллу. Это громадный дворец с оранжереями и садом[20]. M-me Фальц-Фейн в России. Хозяин умер, вилла продается, вот все, что могла сообщить женщина, охраняющая вход в виллу. Ехали обратно на трамвае (20 сант.) по rue de Françe. Были в церкви, вернулись все к ужину. Отец был уже дома. Зашли в «Continental», пансион 12 фр. Максим и Графчик уехали, а я с отцом и агентом пошли смотреть виллу. Очень маленькая и славненькая. Вечером отец был у Васильчиковых.

Пятница, 14/27 февраля.

Был на обедне и ставил свечи, а Максим читал паремии. После обеда разбирали корзину. 2 раза ходили к Бесси. Забастовка ухудшается. Это все устраивают коммунисты. Отец и мать обсуждали доклад о положении Церкви в России и об общем положении там.

Суббота, 15/28 февраля.

Отец и мать поехали в Ниццу осматривать квартиру, а мы сидим дома.

Забастовка продолжается. Во Франции повторяется то, что было в России. Бог даст, все наладится.

Воскресенье, 16/29 февраля.

Были утром в церкви. Служил от. С.Протопопов. Он по происхождению кн. Ухтомский. Отец его был придворным протоиереем и получил семинарскую фамилию Протопопов. О.Сергий — отец консула. Во время войны он был старшим священником при русской армии, которая сражалась во Франции и был произведен в чин капитана. Максим читал Апостола и прислуживал в алтаре. Отец и мать остались в Ницце, а мы поехали обратно, очень опоздали, но нам оставили завтрак. Объявлена всеобщая забастовка.

Понедельник, 17 февраля/1 марта.

Утром поехали в Ниццу. Мне в трамвае стало плохо и пришлось вылезти на площади Гарибальди. Мы пошли сниматься для паспортов, а потом, взявши план, пошли пешком в Болье. Зашли в «La Fayette»[21]. Максим купил там подрамник и краски. Дорога довольна хорошая, но узкая. Никого не встречалось. С перевала великолепный вид на окрестности Ниццы. Дошли за 1 час с небольшим до Болье. Только в одном месте, при спуске с шоссе, дорога отвратительна.

В воскресенье вечером отнес Волконскому «Приходский Устав». Прихожу. Дом закрыт. Стучу. Нет ответа. Какие-то люди указали, что нужно идти вниз по лестнице. Спускаюсь, спрашиваю: «Тут живет кн. Волконский?» Говорят: «Да». Торжественно шествую через все кулуары. Зовут какого-то Mr. Leon. Странно! Говорят, он в саду. Выхожу. Вижу какого-то молодого человека. Извиняюсь. Оказалось, что я попал к князьям, детям Ксении Александровны. Говорил с их адъютантом. Их самих не видел. Расспрашивал меня о России, потом прошел дальше и нашел, наконец, кн. Волконского.

Отец вернулся поздно. Забастовка не имеет полного успеха.

Вторник, 18 февраля/2 марта.

Отец и мать нашли, наконец, квартиру на бульваре Гамбетта. Забастовка провалилась. В «Matin» написано, что Крымские войска обойдены и под угрозой попасть в плен целиком. В Италии большевистские беспорядки. В Англии тоже. Ходили вечером к Лонжинским.

Среда, 19 февраля/3 марта.

Утром захватили книги и поехали на Преждеосвященную литургию. После завтрака отец поехал в Ниццу на заседание, а мы начали укладываться. Пришел Mr. Veuillot и пригласил нас на чай перед отъездом. В 5 часов пошли на нашу виллу, оставив отцу записку. Мы осмотрели ее всю. Долго разговаривали на разнообразные темы, больше религиозные, с жильцами. Они — catholiques pratiquants*. Вечером отец рассказал о церковном совещании. 1) Так как у русских не хватает денег, то греки предлагают дать субсидию в 500 фр., чтобы через воскресенье

*правоверные католики (*фр.*)

служил их священник по-гречески, причем соглашаются, чтобы певчие пели по-славянски, а дьякон говорил бы по-русски. 2) В 1913 году, будто бы перед окончанием постройки храма в Ницце, на его устройство пожертвовал 25.000 руб. Ротшильд. Ничего странного не заметили. В конце февраля 1920 г. князь Волконский заметил у входа на полу храма крест, который все входящие попирали. Значит, было устроено так, чтобы христиане попирали ногами свой крест, входя в храм.

Четверг, 20 февраля/4 марта.

Последний день в Болье. Утром оставался с матерью дома. Отец, Максим и Графчик ходили в Эз по дороге только до станции внизу и не поднимались наверх. Ждали все время белье, которое должны были принести не позже одиннадцати часов утра, но его так и не принесли. После обеда мать поехала принимать ключи от квартиры, а отец — читать доклад о положении Церкви в России. Он повез иконы св. Петра и св. Алексия, митрополитов Московских и всея Руси, нарисованные братьями. Мы ждали Бесси, я купил 3 апельсина и круассаны. Напрасно мы искали что-нибудь съестное дома, все было уже уложено. Наконец, принесли белье. Приготовлено очень хорошо. Максим и Графчик отнесли на берег камни. Пришел Бесси, забрал вещи. Отец и мать приехали вечером. Отец принес 80 франков, которые собрали за иконы, которые приобрела церковь. Многие во время доклада плакали и все благодарили. Некий Муравьев, явившись в церковь, уверял присутствующих, что нельзя делать доклады в церкви, (хотя отец, как член Церковного Собора, имеет право говорить с амвона) и демонстративно покинул собрание.

Вечером Бесси пришел за ключами, мы пошли с ним и просидели долго у него. Была его дочь.

21 февраля/5 марта. Пятница.

Утром выпили кофе и пошли на станцию. Погода не из блестящих, дождливо. Пришли довольно рано, поезд опоздал на 1 час, но потом немного нагнал. Влезли хорошо, проехали благополучно. Взяли с собой 3 больших тюка и несколько маленьких вещей. В Ницце наняли комиссионера и на тачке довезли вещи до дома. У дома мы встретили Бесси, который входил к нам. Квартирка на Rue du Roder замечательная: 3 комнаты, кухня, передняя (коридор). Обедать пошли в автома-

тическую столовую: обошлось по 2 фр. на человека. После обеда пили шоколад. Потом я пошел с отцом и матерью делать покупки. Заказали столы (взяли в наем: 30 фр.) и пианино (тоже в наем: 100 фр. с перевозкой туда и обратно). Обедали в соседнем пансионе. После обеда пошли в музей. Пианино привезли поздно. Я пошел в музей, но не успел осмотреть. Были в церкви, ужинали в пансионе. Ходил вечером за молоком. Отец был на заседании у Демидова.

22 февраля/6 марта. Суббота.

Утром все впятером пошли в церковь. Погода плохая, дождь начался уже с полудня. Графчик читал Апостола хорошо. Прислуживали вдвоем. Отец был на заседании Объединения. После обеда пошли на духовный концерт в St. Etienne. Довольно хорошо. После концерта была маленькая служба. Говорил епископ. Дома мать угощала яблочными пирожками. Отец долго не приходил. Он был в «Regina» у Давыдова. Тот рассказывал ему, что его друг ехал в Швейцарию к своей дочери, которой надо было сделать операцию. Разрешается вывозить 1 тысячу франков, а операция стоит 4 тысячи. Он запрятал 4 тысячи, а одну предъявил; ему не поверили и обыскали все вещи. Причем всего нашли 4, а было 5. Тогда тот объявил, что у него спрятана еще тысяча. Те обыскали, но не нашли. Тогда он вынул ее, и чиновник сказал: «Вы очень сильны в прятанье». Одна тысяча была спрятана в пробке от одеколона. Наконец, ему разрешили взять 4000, а 1000 отобрали.

[23 февраля]/7 марта. [Воскресенье].

Весь день идет дождь. Все утро ждали Направника, которого нам рекомендовали, как хорошего учителя, но он не пришел. Отец у П.Н.Крупенского. Начали заниматься с матерью. Писали диктовку. Начали повторять литературу и историю.

[24 февраля]/8 марта. [Понедельник].

Погода все еще отвратительная. Ждали опять Направника, продолжали занятия по литературе. Вечером зашел церковный секретарь Григорьев. Очень симпатичный. Спрашивал о России. Он в тяжелом положении, почти без денег. Ищет работы и собирается отправиться скоро в Париж.

Вторник, [25 февраля] / 9 марта.

Утром встали очень рано, пошли купаться. Хорошо устроено, но только ванна была очень холодная. После купания были на Преждеосвященной литургии. Мать пришла к концу, и мы обедали вчетвером в «Лонгшане». После этого мы поехали искать Направника. Долго не могли его найти. Наконец, отыскали его на фабрике автоматических роялей. Вышел высокий человек, лет под 50, с бородой. Принял очень вежливо, но очень торопился. Он сказал, что, к сожалению, не специалист, а что его специальность музыка (рояль). Обещал зайти.

Среда, [26 февраля] / 10 марта.

Утром пошли в библиотеку. Батюшка дал 3 книги. Заплатили за пользование. Библиотека совершенно не пополняется, так что в ней только книги до 1890 года. После обеда в пансионе я пошел на «Битву цветов», но не было ничего особенно интересного. В течение 4 часов ходил по Promenade des Anglais. Страшно устал. Купил корзиночку за 1 франк и набрал цветов для матери. Было много красивых экипажей. Самые лучшие: лебедь, снежный дед, лодка, 2 каких-то очень высоких сооружения и солнце из ромашек.

У отца сидел грек-корреспондент, который очень интересовался его докладом и пришел подробнее расспросить о положении Церкви. Отец потерял кошелек, но, к счастью, нашел его у Крупенских.

27 февраля / 11 марта. Четверг.

Пошли утром в церковь, мать — искать учителей и в русскую столовую. Отец на заседание, мать вернулась довольно поздно. Она не застала ни одного учителя. Были в русской столовой. Кормили прилично, постными кушаньями. Сидели с Сумароковыми. Мать заказала 5 обедов для нас на субботу. Вечером она читала нам Лескова.

Пятница, 28 февраля / 12 марта.

Утром Максим и Графчик пошли в церковь. Бегал по поручениям. Жена отца Александра пригласила нас к себе. После обеда пошли в кондитерскую и пили там шоколад. Мать и я пошли к учителю Семенову, но его не было. Его жена долго разговаривала с матерью. К ним приезжал еврей из России и рассказывал им, будто бы Деникин перебил 500.000 евреев.

Мать все это опровергала. Вернулись домой другой дорогой, мимо виллы Чудинова. Вечером все были в церкви. Максим и Графчик пели «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». Читали с матерью Лескова.

Воскресенье, 1/14 марта 1920.

Утром в церкви. Было очень много людей. После обедни отец пошел в Объединение (Русский клуб). В 2 часа дня была торжественная панихида по имп[ератору] Александру II. Присутствовали все официальные лица, вдова (кн. Юрьевская) еще довольно бодрая, но с неприятным лицом, дочь (княгиня Оболенская) в трауре, которая выглядит довольно молодой. Пела «Блажен муж» знаменитая певица Фелия Литвин. После панихиды поехали в Болье. Проехали хорошо, но у матери болела голова. Пошли в библиотеку за разными вещами. Залюбовался на книги. Выбрал 5 фолиантов 1500–1600 годов, четыре из них с гравюрами. Нашел целый сверток депеш и воззваний 1790 года. Потом пошли к Бесси. Очень много людей любуются на нашу виллу через ворота. Бесси расхваливает и объясняет, что это самый старый сад. Выпили у Бесси чаю и пошли на поезд. Но уже не поспели, так как он прошел, когда мы шли по улице. Отправились на трамвай. Но кто-то из местных жителей пошел все-таки на поезд, и мы зашли на станцию. Следующий поезд долго не шел. Бесси рассказывал про разные события из жизни Болье. Оказывается, он на вилле с 1878 года. Вилла построена в 1878 году губернатором острова Ява. Первый пансион в Болье находился в вилле «Эхо». Есть вилла французского министра Pichon'а.

Поезд подошел настолько набитым, что мы с трудом сели в разные отделения. Доехали благополучно.

Понедельник, 2/15 марта.

Весь день идет дождь. Ходили обедать в маленькую столовую. Обед по 2.50. После обеда мать и отец ходили к Чудиновым и вернулись совершенно промокшие. Мать заходила к Семенову, и он обещал завтра придти на урок.

Вторник, 3/16 марта.

Утром были дома. Пришел Семенов познакомиться. Начали с ним заниматься. Приходил г. Коловрат. Решили с ним заниматься в церковной библиотеке латынью и греческим.

Среда, 4/17 марта.

Ходили к Преждеосвященной обедне, а оттуда в русскую столовую. Возвратились домой через какие-то закоулки и запутались. Вечером мать читала Лескова. Был Максимов с женой. Он принес нам показать целый альбом рисунков и планов, которые он составил, и книгу о соломенных постройках.

Четверг, 5/18 марта.

Утром был Семенов. Занимались с ним 2 часа. Получили письмо от тети Дуни из Финляндии. Почти все живы. Предполагают только, что расстрелян Алеша Дягилев. Умерла жена Саши Леонтьева. Дядя Миша и тетя Женя в Нарве. Он произведен в генералы. Дядя Тиша в Берлине в международной комиссии. Квартира в Петрограде цела. Лиза кухарка живет там. «Кашет» в № 10 открыли. Дай Бог, чтобы не пропали семейные иконы.

После обеда пошел заниматься с Коловратом. Он знает 30 языков и разговаривает на них свободно. Был Направник.

Пятница, 6/19 марта.

Утром пошел в церковь. У меня сильный прилив к голове. Мать с Максимом были в русской столовой. К чаю зашел А.И.Орлов, помощник русского консула, и кн. и княгиня Волконские.

Суббота, 7/20 марта.

Утром занимались с Семеновым. Обедали вместе с отцом. Мать с Максимом ходили покупать ноты. Я ходил за словарем. Нашел французские очень дешево: 6 фр. за два. После обеда поехали в «Регину» к Давыдовым. Был художник Дмитриев, милый старичок, изысканно любезный. Пили чай. Мы все были в церкви. После всенощной покупали всем ботинки, рубашки и «канотье».

Воскресенье, 8/21 марта.

Утром были в церкви. Пошли обедать в «Лонгшан». В три часа были у Чудиновых. Дом очень большой, вид прекрасный. У них много знакомых. Есть дети; провели хорошо время. Разговаривали об Архангельске. Они приехали оттуда около

года назад. Хозяева хлебосольные (лесопромышленники). В каждой комнате у них иконы с лампадками. Говорили, что в Архангельске ходили северные деньги, которые менялись на фунты: по 40 руб. фунт стерлингов. Архангельск очень разросся. Жителей было около 150.000 человек.

Понедельник, 9/22 марта.

Утром ходили покупать костюмы. После обеда отец и мать поехали в Болье, а мы бездельничали. Приходил Дмитриев. Отец и мать вернулись довольно поздно.

Вторник, 10/23 марта.

Утром думали, что Семенов не придет, так как он сказал, что поедет в Монте-Карло. Но он все же пришел. Отец и мать обедали в русской столовой: угощали их пасхой, которая была заказана «на пробу» в «Киевском» ресторане. Приходил к Максиму Направник. Я был в библиотеке на уроке Г.С. Коловрата. Купил русские газеты (парижские). Положение в России плохое.

Среда, 11/24 марта.

Утром были у обедни. Пошли в столовую. Узнали, что один человек едет в Ялту. Отец и мать навещали П.Н. Крупенского. Все ходили на «Стояние Марии Египетской». Мать читала Лескова.

Четверг, 12/25 марта.

Утром был Семенов. Мать ездила в Болье. Приходил Дмитриев. Вечером был на уроке у Коловрата. Купил газеты. В них сообщается о перевороте и о расстреле ген. Май-Маевского (?).

Пятница, 13/26 марта.

Утром были в церкви. В столовую пришли два солдата. Один вошел и снял шапку, а другой нет; подходит без шапки, ему дают суп, а подходит в шапке — ему не дают. Он не сообразил и был удивлен, почему его спутнику дали, а ему нет. Дама, разливающая суп, определенно не хочет давать. Тогда заведующая подошла и сказала, чтобы он снял свою шапку.

Отец был на заседании церковного совета, где обсуждался Приходский устав для введения его.

13/26 марта.

Мать была у Захарчик. Вечером я с матерью были в церкви на «Похвале Богородицы». Мать читала «Трех Праведников» [«Несмертельный Голован (из рассказа о трех праведниках)» Н.С.Лескова] (об Игнатии Брянчанинове, Чихаеве и др.).

Суббота, 14/27 [марта].

Утром были в церкви. Пообедали втроем за 5.65. После обеда урок Семенова. Вечером были у всенощной. Мать начинает читать «Род бояр Плодомасовых» [«Старые годы в селе Плодомасове» Н.С.Лескова].

Воскресенье, 15/28 марта.

Утром в церкви. После литургии отец и мать на заседании по устройству прихода. Все прошло очень хорошо. Приход учредили. У матери все время болела голова. После заседания мы все были у Эш. У них масса интересных книг и рисунков. Г.В.[Эш] сам переплетает свои книги и делает это замечательно художественно, великолепно выдавливая на коже орнаменты. Обещал нас посетить. У него очень интересная таблица гербов всех линий их рода, который очень древний и был разбойничьим, происходящим из города Эш в Люксембурге. Вернулись поздно домой. У католиков — Вербное Воскресенье.

Понедельник, 16/29 марта.

После обеда ходили к Протопоповым. Принимали нас очень радушно. Беседовали с о. Сергием о музыке. Батюшка рассказывал, как он в первый раз в своей жизни служил. Потом говорили об «аллилуариях», которые почему-то больше не поются в церквях.

Вторник, 17/30 [марта].

Утром был Семенов. После обеда ходил в библиотеку на урок Коловрата. Положение армии ген. Деникина плохое. Заняты Минеральные Воды и Георгиевск.

Среда, 18/31 [марта].

Были в церкви на Преждеосвященной обедне. Ходили с матерью в русскую столовую. Отец ходил к проф. Мигулину. Вечером мы готовили уроки.

Четверг, 19 марта/1 апреля.

Делали с Семеновым разные опыты. Графчик ходил на спевку. Погода сносная. Урок у Коловрата. Кончился весьма поздно. Я беспокоил батюшку из-за книг. Мать начала читать «Бесов».

Пятница, 20 марта/2 апреля.

Утром Преждеосвященная литургия. После церкви — в русской столовой. Много русских приехало и ходит в столовую, так что становится трудно кормить всех. Отец поехал в Монте-Карло к бывшему русскому консулу С.А.Каншину. Графчик и я были у утрени. Приходил Направник.

21 марта/3 апреля. Суббота.

Утром отец поехал в Болье с бельгийцем, заинтересовавшимся библиотекой. Мы были у обедни. Опоздали на урок Семенова. Вечером были на всенощной. Я надел стихарь и помогал при раздаче пальмовых ветвей. Служили о. Сергий и о. Александр с дьяконом. Был кн. Гавриил Константинович с женой, сестрой жены и мужем ее, В.Я.Чистяковым.

Воскресенье, 22 марта/4 апреля.
Вход Господень в Иерусалим.

Утром были в церкви. После чая пошли с отцом к М.Ф.Ратьковой-Рожновой. У ней в Ораниенбауме была замечательная церковь, где находились изображения всех икон Богоматери, которые она получала со всей России. «Казанских» икон несколько: Петроградская и Московская сильно разнятся. У ней только одна большая икона вывезена: Державной Божией Матери, копия с чудотворного образа (сама чудотворная икона величиной приблизительно в рост человека), которую ей прислала вел. кн. Елизавета Федоровна. Говорили о св. Серафиме Саровском. М[ария] Ф[едоровна] рассказывала, что одна юродивая предсказала, что Япония вернет нам царя, восстановит порядок, и что японский наследный принц женится на Татьяне

Николаевне и примет православие. Вел. кн. Мария Павловна уверяла М[арию] Ф[едоровну], что Государь жив, и что она получила об этом письмо из Японии.

23 марта/5 апреля. Понедельник.
Страстная Седмица.

Утром были в церкви; обедали дома. Дмитриев приносил показывать свои рисунки. Много очень красивых, особенно морские виды и горы. Вечером были в церкви.

Вторник, 24 марта/6 апреля.

Семенов не приходил. В церкви были сегодня два раза. Вечером была Всенощная под Благовещение. Много исповедующихся.

Среда, 25 марта/7 апреля.
Благовещение Пресвятой Богородицы.

Утром встали рано и пошли исповедываться. Было много желающих и обедня запоздала. Стоял в ризнице. Причащались Св. Христовых Таин впятером, кн. Гавриил Константинович подошел сейчас же и поздравил. Вечером ходили в церковь. Ген. Деникин приехал в Константинополь[22]. Нач[альник] штаба ген. Романовский убит на улице. Утром ходили смотреть на приезд президента. Все было очень торжественно. Впереди ехали сыщики, потом префект, отряд солдат, несколько офицеров, коляска, в которой сидел президент Поль Дешанель, председатель Сената Леон Буржуа, мэр города и генерал. По бокам ехали два полковника, за ними ряд колясок с маршалом Петэном, генералами и разными гостями. В эти дни были разные празднества и город был украшен флагами и гирляндами. В церковь после всенощной пришла дама и во время 1-го часа начала трясти Царские врата; ее вывели. Потом она опять пришла и сказала, что она слышала голос, что муж ее находится в русской церкви в алтаре. Она взяла двух чужих детей и пошла с ними опять к Царским вратам. Тогда ее повели в ризницу и показали, что в алтаре никого нет. Она полька и ее фамилия Познанская.

Четверг, 26 марта/8 апреля.

Графчикино рождение. Были в церкви. Очень много причастников. Мать прибирала квартиру. Идем на 12 Евангелий.

Грустно, невозможно говорить и писать, как скучаю по России. Верю, что Господь сподобит нас всех увидеть опять нашу родину. Вечером было очень торжественно. Служил о. Александр и прочитал сам все Евангелия.

Пятница, 27 марта/9 апреля.

Утром часов не было. У нас урок Семенова. После обеда пошли все на вынос Плащаницы. Многие были в орденах и мундирах. Вокруг Плащаницы масса цветов. Грек принес громадный букет. Кн. Гавриил Константинович присутствовал на всех службах. Мы остались в церкви на утреню.

Суббота. 28 марта/10 апреля.

Утром ходили в церковь. Причащалось более 3/4 всех присутствовавших. Потом пошли домой, купили яиц, сварили их и выкрасили 4 1/2 десятка.Мать и отец купили куличи и пасху, довольно маленькая для цены (40 и 30 фр. из «Киевского» ресторана). Вечером приготовились к церкви. Надели новые костюмы. Все время шел дождь, но, к счастью, к 10 немного перестал.

Святая ночь.

Мы вышли, трамвая не было. Пошли пешком. Было очень пустынно. Пришли рано. Я остался в алтаре для прислуживания. Туда собрались почетные лица в орденах и лентах. Народа было так много, что крестный ход долго не мог пройти. Было очень жарко. С одной дамой сделалось дурно. Мне также стало плохо; все было как бы во сне. К обедне осталось меньше прихожан. Кончилось в 2 часа. Христосовались почти что со всеми. После обедни поехали на извозчике домой, шел проливной дождь. Лошадь не могла везти, пришлось вылезти, и я с Максимом пошли пешком.

29 марта/11 апреля. Первый день Пасхи.
Воскресение Христово.

Проснулись поздно. Утром были дома. Пошли к Чудиновым с отцом. Пасхального стола не было и настоящего русского

хлебосольства у них нет. Потом пошли на вечерню. Мать тоже была в церкви. Поехали к Эш, долго сидели. Они много рассказывали и показывали свои старинные иконы. Видели их сына. День прошел благополучно.

Понедельник, 30 марта / 12 апреля.

Утром пошли в церковь. Были на Marché des fleurs*. Замечательные цветы. Было 12 час. и продавали за бесценок. Громадный букет за 2 фр. Купили цветов для Любови Васильевны Протопоповой, матушки, пошли домой, но когда выходили, оставили ключи, захлопнули дверь и остались до приезда отца из Болье вне квартиры. Отец поехал к М.П.Голицыной и к кн. Гавриилу Константиновичу. У Протопоповых мы оставались до 7 час. Отец Сергий играл свою литургию и другие сочинения. Провели очень хорошо время. Под конец пришел о. Александр. Вышли вместе от о. Сергия, проводили его до Debouchage. Он шел к гр. З.Толстой. Она была у Протопоповых и рассказывала, что пережила в Крыму.

Вторник, 31 марта / 13 апреля.

Утром приходил Семенов, но настоящих занятий не было. Не успели приготовить уроки. Вечером был урок Коловрата.

Среда, 1 / 14 апреля.

После обеда пошли к отцу диакону Победоносцеву. Потом были уроки.

Четверг, 2 / 15 апреля.

Были на уроке у Семенова, а оттуда в русскую столовую. Оказалось, что надо было предупреждать, и не хватило другим. Было очень неприятно.

Пятница, 3 / 16 апреля.

Гуляли. Прошли очень далеко. Графчик собрал полевых цветов для матери. Был проф. Мигулин и Крюкова. Он много говорил, очень громко и пессимистически. По его мнению, нужно немедленно выбрать претендента на престол, и тогда

* «Цветочный рынок» (*фр.*)

будет вокруг кого объединяться. Получены письма от тети Дуни, а также от Анны Александровны Ивановой из Финляндии. Она пишет о религиозном подъеме в Петрограде. Большевики не смогли ни одной церкви закрыть[23]. В Казанском соборе часто служит митрополит Вениамин, приезжает на трамвае, народ его встречает. «Уделы» закрыты. Анатолия Федоровича Кони арестовывали, отобрали 40.000 денег и все медали; из-за настойчивых хлопот Елены Васильевны [Пономаревой] освободили. Надежда Павловна Лансере жива. Наша квартира цела. Лиза и Коля живут в ней.

Суббота, 4/17 апреля.

Утром все были у обедни. Получили артос. Вечером — на всенощной. Узнали, что Сергей Иллиодорович Шидловский жив, а Николай Иллиодорович с семьей бежал в Финляндию.

Воскресенье, 5/18 апреля.

Утром были в церкви. Пошли обедать в новый ресторан, а отец в «Киевский». Потом в гостиницу «Негреско». Еще почти никого не было. Шел проливной дождь. Ратькова-Рожнова, Давыдова, Крюкова и другие русские дамы устроили выставку вещей с благотворительной целью. Пожертвовали русские довольно много. М.Ф.Ратькова-Рожнова великолепно разрисовала куски полотна для платья и сделала шляпы. Были пожертвованные кружева.Собралось довольно много народа, но долго не начинали, так как ждали кн. Юрьевскую и префекта. Первое отделение было исключительно французское. В антракте должны были устроить американскую лотерею, но Фомичев один только взывал и не привлек внимания. Американский аукцион совершенно не прошел. Второе отделение было русское. Пришел вел. кн. Борис Владимирович. Все были в русских костюмах. Д-р Крылов запевал «Вниз по матушке по Волге» и плясал трепака. Ставили самовар. Все артисты пили чай и ели печенье с шоколадом. Народу было много. В антракте пили чай и оранжад. Рядом за столиком сидел англичанин, собственник пароходной компании, у которого 81 корабль (?) был потоплен, но все же осталось 43 парохода. Продали довольно незначительное количество вещей. Мать купила кружева.

Понедельник, 6/19 апреля.

Встали очень рано. Были втроем в бане. Отец ездил в Болье к кн. Голицыной. На завтрак приходил Дмитриев. Максим и Графчик с ним рисовали. Я ходил к Семенову.

Вторник, 7/20 апреля.

Утром ходили в церковь («Радоница»). Максим, Графчик и псаломщик пели. Я был за пономаря. Поминаний очень много. После обеда ездил в библиотеку, чтобы переменить книги («Бесов»). В 3 часа были выборы старосты. Пришло 84 человека. Выбрали кн. П.С.Волконского. Он принес присягу. Кн. Гавриила Константиновича, отца и Трепова выбрали в Приходский совет.

Среда, 8/21 апреля.

Был Семенов. После обеда пошли в старинный замок Chateau de Nice. Погуляли по саду, пошли осмотреть кладбище; оно окружено ступенями, на каждой могиле обязательно памятник. Много часовен с престолами, все из белого камня. На могиле Герцена бронзовая статуя. Возвращались по старой Ницце. Улицы узкие, из каждого окна висят какие-нибудь тряпки, воздух душный. Мать и я сели в трамвай и вскоре начался град и дождь. Я вылез из трамвая для того, чтобы купить булочек, и едва добрался домой. Дождь шел очень долго.

Четверг, 9/22 апреля.

Утром был Семенов. После обеда Максим и Графчик с Дмитриевым пошли рисовать с натуры. Отец идет к Крупенскому, мать — к Бурениной, я — на урок к Коловрату.

Пятница, 10/23 апреля.

Ничего особенного.

Суббота, 11/24 апреля.

На двери церкви нашли объявление от экзаменационной комиссии при посольстве в Париже[24]. Экзамены на аттестат зрелости будут 10 июня. Надо спешить послать прошение, так как объявление отмечено 29-м марта. Вечером обсуждали воп-

рос о поездке в Париж. Мать настаивает на том, что надо обязательно ехать. Посылаем документы.

Воскресенье, 12/25 апреля.

Утром в церкви была вел. кн. Анастасия Михайловна. После церкви пошли пешком в Болье. Шли не торопясь. Отец и мать приехали на трамвае. В Болье был праздник с танцами на площади, были гонки парусных кораблей и состязания аэропланов. Мы гуляли в городском саду, потом мать, Максим и Графчик уехали, а я с отцом пошли в библиотеку и засиделись там. Мать вечером читала «Бесов» (2-ой том).

Понедельник, 13/26 апреля.

Отец утром ездил в Болье с итальянцем осмотреть библиотеку[25]. Продал книг на 850 фр. Был Дмитриев.

Вторник, 14/27 апреля.

Когда был на уроке, в библиотеке шло заседание благотворительного комитета. Шум был страшный. Госпожа Фурко кричала, что только она работает. Сергей Сергеевич Протопопов энергично протестовал. Все поспешно разошлись.

Среда, 15/28 апреля.

Утром пошли в церковь, пришли очень рано. Заказала обедню М.Ф.Ратькова-Рожнова. Поминала «праотца Иосифа». Она рассказала, что есть апокриф, в котором Господь говорит, что, кто будет поминать ежедневно его «земного отца», того Он не забудет.

После обеда пошли посмотреть театр на набережной. Пришли в 2 часа. Оказалось, что начало всего лишь через час. Вошли в казино, осмотрели его кругом; видели моторные лодки, которые отправляются в Монте-Карло. Проезд туда занимает всего один час. Цена туда и обратно 15 фр. Потом спросили себе кофе. Отец пошел на заседание в церковь, а мы слушали концерт. Играли хорошо. Антракт продолжался около часа. Около нас находился музыкант, игравший зараз на трех барабанах, 2-х турецких и 1 простом, треугольнике и ксилофоне. Публика все более была не интересующаяся концертом; пили кофе, разговаривали громко и мешали слушать музыку. Хождение в казино есть приятное времяпрепровождение для

праздных людей. Вход 1.50 [франка], да к тому же можно встретить знакомых. Мать пришла поздно.

Четверг, 16/29 апреля.

Утром мать получила письмо от Дмитриева. Он не может придти. Семенова не было. Ходил к нему, чтобы условиться об уроке. Вечером получили письмо от дяди Тиши. Он был долго генералом для поручений при ген.Глазенапе, генерал-губернаторе областей, занятых войсками ген.Юденича. Потом был в Международной комиссии по ликвидации армии в Ревеле, Тильзите и Берлине, живет там и хочет выписать туда Дуню с Ниночкой. Дачу все никак не могут продать, так как покупать могут только финские подданные, а желающих мало: дают 100.000 марок. Отец рассказывал, что на заседании Русского благотворительного общества произошел большой скандал. Г-жа Фурко ушла. Она поссорилась с консулом и с Серг[еем] Серг[еевичем Протопоповым]. Даже Виктор Федорович Давыдов и тот был возбужден. Фурко шумела страшно. Тогда консул сказал, что она не имеет права участвовать в заседании, так как она французская подданная.

Пятница, 17/30 апреля.

Семенов не приходил. После обеда пошел к Коловрату, урок в 2 часа. В церкви кн. Юрьевская служила панихиду по своей сестре. Потом в 6 часов была свадьба.

Суббота, 18 апреля/1 мая.

Сегодня должна была быть забастовка. Утром все на улицах абсолютно спокойно. Многие магазины открыты. Я пошел с Максимом погулять. Жара страшная. Семенов опоздал, рассказывал, что в Монте-Карло в одной квартире взрывом газа выбило раму. Человек, державший лампу, невредим. Волна прошла затем в другие комнаты, высадила окно и толстую дверь, причем одну раму перенесло через всю комнату. Она ударила в потолок, пробила и его и вышла в верхний этаж, высадила потолок верхнего этажа и выбила все стекла. В комнате, где произошел взрыв, было тонкое стекло в окне, выходившем в коридор. Стекло это осталось цело.

Обедали дома. Мать очень хорошо его приготовила. Вечером пошли в церковь. Трамваи не ходят, но в городе все совершенно спокойно. Я пономарил.

Воскресенье, 19 апреля/2 мая.

Утром были все в церкви. Масса народу, несколько офицеров в форме. Был кн. Гавриил Константинович. После обеда отправились на русское кладбище[26]. Ехали на трамвае, потом шли пешком. Встретили Павла Феликсовича Сумарокова-Эльстона. Он был в белом костюме. На кладбище видели кн. Кочубея с женой, у них только что умерла дочь в Константинополе. На русском кладбище очень хорошо: деревья, зелень. В часовне уже три года стоит гроб с телом воеводы Путника. Есть на кладбище одна замечательно красивая часовенка, над могилой Шабельской[27], в русском стиле. Зашли на католическое кладбище: без деревьев, скучно, бисерные бледные венки. Сразу сказывается разница между православием и латинской верой. Английское кладбище обсажено кипарисами и имеет красивый вид. По дороге на трамвае встретили религиозную процессию. Несли раскрашенную статую святого. Шли люди попарно, большим кругом. Ничего эта процессия русскому православному сердцу не говорит.

Отец рассказывал по дороге, что теперь желательным претендентом [на престол] был бы Андрей Владимирович. Он не женат и был при царе сенатором. Мать сказала, что ему нужно было бы показаться в церкви. Отец хочет познакомиться с ним через Кочубея. Относительно сына Михаила Александровича говорят, что он еще очень мал[28] и, что самое главное, кн. Брасова замужем во второй раз и по отцу Шереметьевская, кажется, еврейского происхождения.

Вечером мать читала «Бесов», как раз самые трагические места. После того, как мы все долго разговаривали, отец сказал, что у Достоевского слишком много ненормальных людей. Тогда мама начала вспоминать обо всех знакомых. И оказалось, что Россия была полна странными людьми. Один Харьков заключал в себе столько удивительных типов.

Затем перешли на тему о том, как чудесно и удивительно сложилось все для нас с Божией помощью в последние два года. Один отъезд из Харькова, получение билетов у полковника Шатилова, встреча с Сангвинетти, с которым отец познакомился в банке. Потом билеты г-жи Тедеско, не пришедшей получить их. Получение в последний момент места. Посадка на поезд. Сближение с Сушковыми. Благополучный проезд до Крыма. Потом в Симферополе на вокзале, грязь, неминуемая зараза тифом и вдруг — получение комнаты артельщика. Наконец, то, что тетя [Женя] поселилась до нас в Симферополе.

Из Парижа пришли сведения от секретаря экзаменационной комиссии С.Попича. Надо ехать, по его словам, как можно скорее, так как курсы начали уже работать. Мать считает, что мы достаточно подготовлены и можем приехать перед экзаменами за 2 недели для окончательного повторения. С нами поедет Миша Гончаров.

Отец ведет в Приходском совете кампанию об открытии для богослужений собора. Мы все трое дали себе зарок добиваться этого всеми способами, а то нелепо, что собор открыт как памятник, а служить нельзя. Сторож Корней Степанович желает скорей туда переехать и выселить итальянское семейство, занимающее сторожку. Говорим всякий раз и с П.С.Волконским, и с членами совета, но все чего-то боятся. Налоги уже почти все выплачены.

Понедельник, 20 апреля/3 мая.

Утром купались. Дмитриев пришел, но не давал уроков.

Вторник, 21 апреля/4 мая.

Утром заказная обедня Шебеко. Днем иду по avenue de la Victoire, вдруг вижу знакомое лицо, похожее страшно на Бориса Лихачева. Оказалось, правда, он приехал недавно из России. Был призван, служил в войсках, которые отступали на Одессу и в Польшу. Отец Лихачева в Крыму. Мать, брат и сестра в Cap d'Ail в гостинице и скоро переезжают на дачу М.Кшесинской[29]. Он все время вращается у «империалов». Был М.Ф.Гончаров с женой, сидели довольно мало. Направник остался, рассказывал о своих путешествиях.

Среда, 22 апреля/5 мая. Преполовение.

Утром была обедня. Вечером торжественная всенощная. Я и Максим выносили свечи на Евангелие. П.С.Волконский был очень доволен. Служили о. Сергий и о.Александр. Было заседание церковного совета. Народа в церкви много.

Четверг, 23 апреля/ 6 мая.

Утром торжественная служба с молебном. Присутствовала вел. кн. Анастасия Михайловна, кн. Гавриил Константинович и очень много народа. Мы выносили две свечи. В церкви было два голландца, которые очень интересовались службой и про-

стояли от начала до самого конца. После обеда ходили к Семенову. Возвращаясь с урока, увидели, что около собора стоит автомобиль. Пошли посмотреть. Увидели сторожа Корнилия Степановича. Пошли с ним осматривать колокола и ризницу. Впечатление от собора великолепное. В этот раз он мне показался больше. Были на хорах, все красиво сделано. Лестницы мраморные, спускаются с обеих сторон. На колокольне 9 колоколов, они имеют хороший звук, кроме самого большого, который немного грубоват. Все замечательно чисто.

Пятница, 24 апреля/7 мая.

Утром была заказная обедня. Графчик ходил на нее, а мы с Максимом писали сочинение. После обеда ходил к Коловрату. Мать была у Гончаровых.

Суббота, 25 апреля/8 мая.

Утром были в церкви. В эту ночь грабители три раза подходили к собору и собирались ограбить храм. В них стреляли. Побежали за псаломщиком Федором Васильевичем. Трое пошли искать разбойников, которые вбежали в маленький переулок, а потом через забор скрылись из виду. Приехали на извозчике с чемоданом.

Забастовка совсем не удается. После обеда были у Семенова. На обратном пути зашли в собор. Там были как раз очень подозрительные люди. Приехали в шикарном ландо и удивлялись отделке. Корнилий Степанович показал нам двери. Оказывается, на них нет засовов и задвижек. Все двери закрываются обыкновенными ключами на один поворот. Решетки на окнах не вделаны, а привинчены. Сторож, который обходит по ночам, не был уже два месяца. Итальянское семейство, которое нанимает церковный дом, живет в деревне, а здесь остался 14-летний мальчик. Мы все настаиваем, чтобы начались службы в соборе. Вечером были на всенощной. Народа было очень мало.

Воскресенье, 26 апреля/9 мая.

Утром были на обедне. Церковь была полна. Пришел Юрий Юрьевич Цветковский, которого я встретил накануне. Он в Ялте женился и приехал с женой. Ездили в Crois de Cagnes к проф. Мигулину и провели у него очень мило время до вечера.

Пятница, 1/14 мая.

Утром собирались. Ходили покупать ботинки с толстыми подошвами. После обеда увязывали корзинку и тюк. Был на уроке у Коловрата. Отец на заседании в церкви. Бесси приехал с еще одним человеком и подводой и увез все вещи.

Суббота, 2/15 мая.

Утром поехали в Болье, повезли оставшиеся вещи. Было довольно тяжело. Г-жа Виейо все не может получить билеты. После обеда ходили к Семенову, мать прибирала квартиру. Были у всенощной.

Воскресенье, 3/16 мая.

Были у обедни. Я пономарил. На мои именины получил от отца и матери 60 фр. на фотографический аппарат. Максим и Графчик подарили календарь и пленки. После обеда ходили к Свидерским. Поехали на рапиде*. Он очень долго не отходил. M-me Veuillot не уехала. Вечером пригласили нас к ужину.

Понедельник, 4/17 мая.

Мать уехала, чтобы сдать квартиру. Встретили кн. Гавриила Константиновича. Зашел в библиотеку и нашел очень много интересных книг. Весь дом полон сундуков, все укладывают и увозят. Ходили гулять за туннель. Ужинали одни.

Вторник, 5/18 мая.

Утром в 6 часов уехала M-me Veuillot с Lucienne. У нее было 240 кг багажа и пришлось купить лишний билет и везти на него местную портниху; им сделали без того уже скидку. Уехали благополучно.

Ездил на урок к Коловрату в 4-ом часу, а он ждал меня в 2 часа. Был вечером у Гавриила Константиновича.

Среда, 6/19 мая. Отдание Пасхи.

Утром поехали в церковь. Был урок у Семенова. Был у Гавриила Константиновича. Относил книги Лидии Рафаиловне.

Собор так и не открыли. П.С.Волконский обещает, что к Троице все благополучно разрешится.

---

* Скорый поезд.

Четверг, 7/20 мая. Вознесение Господне.

Чувствовал себя плохо. Утром были на обедне, выносили вдвоем свечи.Приехал архимандрит Сергий Дабич из Афин. Ходит в рясе с крестом и в клобуке. У нас в Болье гости. Первым пришел Борис Лихачев, потом Миша Гончаров, Война-Панченко и Толя Шаманский. Ходили на Mont St. Michel*. Пили чай. Провожали всех на трамвай. Вечером лег, не ужинав.

Пятница, 8/21 мая.

Весь день лежал. Приезжал в гости Семенов. После обеда мать, Максим и Графчик были в Ницце на Всенощной. Привезли пианино.

Суббота, 9/22 мая.

Чувствовал себя неважно. Сидел дома. Готовил уроки. Все были в Ницце. Вечером читали «Trois Mousquetaires»**.

Воскресенье, 10/23 мая.

Утром были в церкви. Служил архимандрит Сергий и о. Александр. У архимандрита замечательная мантия и посох. Сказал проповедь об апокалипсическом звере и призывал спасти нацу Родину.

Графчик купил скрипку за 140 фр.

Поехал в Cap d'Ail. Довольно далеко. Приехал раньше назначенного времени. Вилла очень большая, большой сад, немного заброшенный, так как 6 лет не было хозяев. Вел. кн. Андрея Владимировича и хозяйки не было дома. Мать Бориса Лихачева сидела с Морозовым и баронессой Зайлиц. Ходили с Борей, его братом и сестрой гулять. Они очень выросли. Потом осматривали дом. Все хорошо отделано. При каждой жилой комнате — ванна. Комнаты большие и их всего 3 или 4 внизу и 7 наверху. Пили чай в столовой, которая соединена с гостиной раздвижной дверью. Потом ходили на море. На пути к трамваю встретили Вову Красинского. Он произвел на меня очень хорошее впечатление. Провожали Морозов (знаменитый ювелир) и адъютант вел кн. Андрея Владимировича, полковник

* Гора Сен-Мишель (*фр.*)

** «Три мушкетера»

Шрандман, который очень интересуется нашей библиотекой. Трамвай был переполнен.

Понедельник, 11/24 мая.

Утром занимались. После обеда приходил архим. Сергий и П.С.Волконский, пили чай. Вечером были у Волконских в гостях, сидели довольно долго.

Вторник, 12/25 мая.

Занимались после обеда. Был в церкви и на уроке Коловрата. На обратном пути вез белье. Было очень тяжело.

Президент Дешанель выпал из поезда. К счастью, чудом остался совершенно невредим и получил лишь несколько царапин на лице и ноге.

Среда, 13/26 мая.

Утром занимались. Были на уроке у Семенова. Отец и мать в гостях у Фурко. Графчик остался дома.

Четверг, 14/27 мая.

Ура! Окончательно решено служить на Троицу в соборе, о чем нам сообщил П.С.Волконский.

Пятница, 15/28 мая.

До последней минуты и староста, и члены Совета колебались насчет собора, но теперь никаких препятствий нет. Завтра всенощная уже в соборе.

Суббота, 16/29 мая.

Утром были в церкви по случаю родительской субботы. Потом были на уроке Семенова. Вечером была всенощная в соборе. Все было очень красиво устроено, масса зелени. Настроение было праздничное. Уже три года, как собор не слышал в себе службу. Я благовестил и помогал в трезвоне Корнилию Степановичу. Очень сильно отдаются звуки в колокольне и совершенно оглушают. Выходили вдвоем с Максимом на малый выход и на Евангелие. Было много народа. Собрали 280 фр. Вечерню служил архимандрит в мантии. Сказал очень хорошую проповедь. На полиелей выходили о. Сергий и о. Александр. Было человек 10 католиков. Когда служба кончилась, и все

давно разошлись, видим, идет Направник с Балашевым. Отец сказал: «Даже не к шапочному разбору», — так как Балашев не носит шляпы.

Воскресенье, 17/30 мая. Троица.

Поехали не очень рано, но, благодаря опозданию трамвая на 40 минут, попали раньше и приехали за 1 час. Звонил. Народу набралось масса. Была королева Эллинов, Ольга Константиновна, вел. кн. Анастасия Михайловна, кн. Гавриил Константинович. С приездом отца и матери произошла целая история. Они опоздали на трамвай и стояли на остановке в Saint Jean. Проезжают Чистяков с матерью Гавриилой в автомобиле. Отец машет, и они забирают их с собой. Сейчас же спрашивают, где Гавриил Константинович с женой. Говорят, что их должна взять вел. кн. Анастасия Михайловна. Но она, кажется, уже проехала. Тогда автомобиль начинает гоняться за автомобилем Анастасии Михайловны. Оказывается, она, увидев у дома автомобиль, думала, что они все едут. Тогда отец и мать выходят, а Чистяков едет обратно. Анастасия Михайловна пригласила отца и мать к себе, и они доехали с ней до собора. Служба была очень торжественная. Я с Максимом выходили на малом и великом выходе. Говорил проповедь о. Протопопов, но очень тихо, и я ничего не слышал, особенно потому, что был в ризнице. Вечерню служил архимандрит и после нее сказал проповедь.

Отец уезжает в Париж, а через несколько дней едем и мы с матерью, оставляя Евграфа одного на некоторое время. Кормить его будут Волконский и Гурко, а наблюдать за ним Бесси.

Поездка в Париж 25 мая—13 июля.

Самый скорый поезд, который ходил в Париж, уходил в 6 часов утра и приходил ровно через сутки. На вокзал нас пошел провожать Бесси, а Евграф спал, и мы его не будили. Мы сидели втроем (мать, Максим и я) в купе до St. Raphaël'я, когда к нам подсело двое старичков, тоже беженцев, но из разрушенных северных областей. С ними мы беседовали весь день. На месте их дома не осталось камня на камне, как им писали, но они все же решили ехать и разыскивать родные места. Один их знакомый не нашел места, где стояла его деревня, настолько вся местность была изрыта снарядами и неузнаваема даже местными жителями. В Марселе сели еще пассажиры, и так до Парижа ехали ввосьмером. Очень нас разочаровала Рона, кото-

рая не шире Оскола, а иногда и у́же. Выходили гулять в Тарасконе, там странный вокзал, крест-накрест. Вечером приехали на Perrache, главный лионский вокзал. Вообще поезд шел хорошо, но много останавливался, в Лионе стоял час 10 минут. Когда мы гуляли с Максимом на платформе, какой-то английский солдат принял нас за англичан и радостно закричал: «Hello, boys!» Ночь провели сносно, хотя спали очень мало. Мать, которая хорошо знала Париж, заранее предупредила, что первое впечатление будет плохое, но все же серость и закоптелость Лионского вокзала нас поразила. Выпили сперва кофе тут же в буфете, а потом взяли такси на quai Voltaire*, где нас ждал отец. Из автомобиля мало что видели, но все нам как-то мало понравилось. Гостиница хорошая, наш № [номер] с окном на набережную против Лувра. У отца небольшое хозяйство. Для нас он нанимает комнату невдалеке от Rue Verneuil, так как Hotel «Voltaire» стал очень дорог. После завтрака пошли по набережной смотреть на вид и познакомиться с парижской достопримечательностью: букинистами, а оттуда — искать Hotel. В одном из них, намеченном отцом «Pavillion» 6, rue de Verneuil, оказались две комнаты, которые мы и сняли. Гостиница скромная, но чистая. Сразу же распорядились доставить сундуки с вокзала через «Duchemu» и пошли на поиски посольства.

Во дворе стоит автомобиль, и, видимо, уезжает кто-то из начальствующих. Оказывается, П.Б.Струве, назначенный ген. Врангелем мин[истром] иностр[анных] дел, приехал к Маклакову. Направо во флигеле помещается генеральное консульство и Красный Крест, налево — квартиры чиновников, а прямо внизу — парадные комнаты. В верхних этажах отведено помещение для курсов и экзаменов[30].

Большинство занимается уже 15 дней, и нам придется подогнать, но мы настолько подготовлены и столько раз все повторяли, что сразу увидели, что легко справимся. Председательствует в комиссии Юрий Ал. Колемин, первый секретарь посольства, а преподавателями состоят прот. Николай Сахаров, проф. Евг[ений] Вас[ильевич] Аничков, полк. Дуров, полк. Параделов, Е.А.Шамие, В.В.Дюфур, С.Г.Попич, Старинкевич и б[ывший] директор Московской Медведниковской гимназии[31] Недачин. Ученики делятся на две группы: одна готовится за восемь классов, а другая (только девочки) за семь (их меньше,

* набережная Вольтера

всего 5–6: Геммерле, Боброва, Семенова, Соколовская и младшая Дэш, с кот[орой] мы ехали на пароходе). В старшей группе, кроме нас, человек 15: Андрей Одарченко, Бухштаб, Павлик Мандельштам, два Гербильских, Сев, Кандауров, Миша Гончаров, Семенов, Турау, Залшунина, старшая Дэш, Таня Ройбуль, Таня Шамие и Мифинити. Вскоре прибавились еще Латкин, Флиге, Кривошеин. Комнаты светлые и просторные, посредине стоят большие столы, на стенах черные доски. Экзамены решено начать в июне и закончить к 14 июля, чтобы дать по 2-3 дня между каждым для подготовки. Вид из окон в сад. Там зелень, и не чувствуется, что находишься в центре Парижа.

Одним из первых наших вопросов был: «Где церковь? и как туда ехать?» Семенов ответил лаконически: «F» или «Nord-Sud Pigalle». Мы ничего не поняли. Оказалось, что «f», это — автобус, а «Nord-Sud» — подземная дорога, на которой надо пересаживаться на Pigalle.

В первые же дни мы основательно познакомились с посольством и постепенно захватили его по праву распространения. Кажется, нет такого уголка, который бы мы не осмотрели в перерыве между занятиями, и можно сказать, что семь недель мы почти жили в посольстве, так как оставались там с утра до вечера. Тогда же при содействии Jules'я (лакея) мы отыскали подземный ход бесконечной длины, заваленный, но который идет, по словам знатоков, до Сены.

В среду, 26-го, мы поехали с Максимом разыскивать церковь, чтобы одновременно сделать визит о. Николаю Сахарову. Отца Иакова Смирнова, настоятеля храма, родители знали еще по 1900 году[32]. Не решившись ехать на F (который переименовали в AF), сели в N[ord]-S[ud]. Внутри спертый воздух, душно. Стоит 30 сантимов, и можно ехать куда угодно. Отец еще недавно платил 20 сант. В трамваях и малочисленных автобусах Section* — 25 сант., потом 35, а в первом классе прибавляется по три су.

Отец Николай принял нас радушно в своем кабинете. Вид у него представительный. Борода густая и черная. Daru значительно меньше Собора[33]. В церкви пусто. Молодой человек высокого роста, с зачесанными назад волосами, бегает от свечного ящика к алтарю. Я предложил ему помочь, и он с радостью

* автобус с оплатой в зависимости от зоны проезда.

сказал, что я могу продавать свечи, а он пойдет прислуживать. Свечной ящик стоит боком, все прямо подходят к нему, и приходится подавать свечи, оборачиваясь. Ни старосты, ни совета нет. По воскресеньям приходит помогать сын генерала Оноприенко, а в будни прислуживает молодой человек, которого зовут Мишей. Он одновременно и сторож и делает все сам. Служба идет скоро. Диакон без бороды, но с усами, голос приятный и довольно сильный. Поют псаломщики. Один старый и двое средних лет.

Познакомился вечером на всенощной в субботу со всем духовенством. Кроме настоятеля, отца Иакова Смирного, на вид строгого, но очень доброго, еще 4 священника: прот. Сахаров, прот. Гавр. Леончуков, прот. Барсов и прот. Вороновский, а кроме того, один священник безрукий, на положении псаломщика. Под церковью — покойницкая[34], с иконостасом, но так заваленная, что служить там невозможно. У всенощной было человек 20–25. В воскресенье собралось человек до 100, но далеко не полно. Протодиакон (мы его приняли за диакона, так как он носит простой орарь) — идеальный. Служит мерно, хорошо и голос у него красивый. Прислуживал мальчик, пухлый и плотный в матросской блузе. Я попросил отца Иакова дать ему стихарь, но встретил протест. Мы с Максимом с первой же службы надевали стихари.

Приняли нас очень мило, так как, по-видимому, помощники нужны, и о. Иаков просил меня вообще заняться устройством прислуживания. На Пасху крестного хода не было, а выходили к главной двери. Впрочем, особенной давки и не было. Кое-кто в церкви в военной форме, но большинство в штатском. Место посла окружено решеткой и там стоит красное бархатное кресло. Много стульев, они занимают почти полцеркви. Всенощная 40 минут, обедня ровно час. Служили 4 священника. Псаломщики: Мих. Мих.Фирсов, который ведет и всю переписку по церкви, Пав.Ник.Стасиневич и М.М.Леонович; видимо, они не ладят со свящ. Соколовским (безруким), так как, придя в одну из сред раньше в церковь, я застал сцену, неподдающуюся описанию. Шла форменная перебранка с Леоновичем, который бросал через всю церковь толстые Минеи in folio в виде протеста. Хор поет сносно, хорошая октава, но произносят по-французски, так как состоит он из французов и итальянцев. Регент, старик Будро, очень милый человек.

Отец и мать переехали в Hotel «Pavillion» через две недели. Экзамены были немного отложены, и мы успели еще

раз все повторить. В одно из воскресений родители возили нас к старинному другу нашей семьи M-lle Dugard, проф. философии, с кот[орой] отец был в Америке в 1893 году[35]. У нее маленькая, но прекрасная квартира в Auteuil на rue La Fontaine, вся заполненная книгами. Угощала нас чаем и много расспрашивала о России.

В один из будних дней в «Pavillion» пришел благообразный старик и спросил отца. Он в коридоре надел белые перчатки и, учтиво кланяясь, вошел в комнату. Это был знаменитый Rene Worms профессор и политический деятель, Dr'es Lettres, es Sciences et en Droit*. Вообще сейчас восстанавливаем кое-какие довоенные отношения. Для M-lle Dugard родители устроили обед в Hotel «Voltaire», но он был настолько примитивен, несмотря на дороговизну, что мы просто не знали, как исправить дело. Был приглашен также проф. Аничков.

Посетили мы также M-me Morin и старика академика Louis Leger, который жил в особняке среди запущенного сада. У него прекрасная русская библиотека и масса ценных изданий, но сейчас он больше чехофил, чем русофил. Успели в свободные дни осмотреть музей, так как не предполагали, что придется еще приехать в Париж. О переезде мы и не думали.

Первым был русский письменный экзамен. Потом математика. Евграф очень волновался за нас и писал нам письма, а мы сообщали ему все результаты. Отец уехал в Болье в самом конце июня. За наше отсутствие Евграф решил кроме правила читать еще службы вечером (вечерню) и утром (утреню). Мы восприняли этот новый устав с первого же дня. Отец читал перед своим отъездом на юг 28/15 июня доклад о приходской жизни в России и начал «поход» для устройства прихода на rue Daru. Доклад выслушали внимательно, но с большим предубеждением. Видимо, дело это скоро не пройдет. Духовенство единодушно против.

Подготавливал все время Максима по латыни и успел за один месяц натаскать его за 8 классов так, что он будет держать наравне с гимназистами.

В Париж приехал из Ниццы настоятель посольской церкви в Афинах, архимандрит Сергий Добич, человек неуравновешенный и весьма издерганный. У него тик левой щеки, и он ее все время теребит. Служил он один раз и потом обещал, но все

* доктор литературы, науки и права.

систематически опаздывал к литургии. Он тоже будет делать доклад, а потом вернется в Ниццу. Взгляды его крайне правые, что дальше идти некуда. Вообще в Париже по сравнению с Ниццей настроение «левое». О монархизме никто не говорит, панихид по царской семье не служат. В посольстве главную, если не единственную, роль играет Мария Алексеевна Маклакова, сестра посла. Она всех принимает и всем заведует, а на приемах у нее бывает очень много иностранцев и дипломатов, хотя Вас. Ал.[Маклаков] еще не вручил свои верительные грамоты. Самого посла нигде не видно, кроме кондитерской Пуарэ-Бланш, где он пьет днем чай.

В Париже еще ходит изредка серебро. В больших магазинах мне даже дали 5 фр.

Из русских знакомых бывали у Гончаровых (Мих. Федоровича и Миши) и Ройбулей. Это одесская семья, сын-изобретатель, который получает большие деньги, но пока их только проживает. Если же его изобретение пройдет, то он будет миллионером, так как он сможет фабриковать вечные материи из кварца. Живут они широко, в хорошей квартире на Av. Henri Martin. Кроме Михаила Львовича семья состоит из матери, очень взбалмошной женщины, сестры Татьяны и брата, готовящегося стать доктором.

Письменные экзамены, которые были самые страшные, прошли относительно хорошо, только орфография у меня с Максимом немного страдала, и мы получили невысокую отметку. Максим по математике отличился и получил «5». Допустили к устным экзаменам нас обоих. Первый торжественный устный экзамен был по Закону Божию. Происходил он в тронной зале. Комиссия под председательством Колемина сидела за покрытым зеленым сукном столом. Экзамен был публичный. Максим отвечал о христианской добродетели блестяще и получил единственное «пять с крестом». Я очень хорошо (по словам экзаменаторов) говорил о трех служениях Христа Спасителя. Комиссия дополнительно спросила меня о христианстве и социализме. Получил я «5».

Остальные экзамены были менее торжественны. Перед испытаниями по истории к нам в гостиницу ночью вломились все товарищи, так как они убедили Пораделова спрашивать только некоторые периоды, и пришли нам об этом сообщить.

В комнате у нас был шкаф. На одной полке стояли книги для экзамена, а на другую мы перекладывали те, которые боль-

ше были не нужны, и с нетерпением следили, чтобы подвигалось наполнение верхней полки.

Спрашивали относительно строго. Например, по математике мне попался «свет». Я вычертил все формулы и ответил без ошибки, а получил только «4». Максим шел одним из первых. Перед латинским экзаменом я очень волновался, так как должен был оправдать мои познания на Максиме, а меня одного должны были экзаменовать по-гречески. За день В.П.Недачин собрал у себя на квартире всех, на Av. Victor Hugo, и прорепетировал всю программу. Максиму попалась ода Горация «Tu ne quaesieris»*, он разобрал ее без запинки и получил «5». Я скандировал по-классически и вызвал общий восторг. По-гречески мне дали «Одиссею» «à livre ouvert»**, попалось очень трудное и незнакомое место. Я справился, но мне поставили «4» и только потом переставили на «5».

Так как экзамены затягивались, дипломы не были готовы (их печатали каждый в отдельности), акт было решено отложить. Мы уехали в Болье 13 июля, как только узнали, что оба прошли.

Накануне отъезда была семейная вечеринка на прощанье у Мифинити на Av.de la Boudonnay. Собрались все, было обильное угощение и вино, все танцевали, и в первый раз в жизни я не только танцевал с увлечением, но и ухаживал за Дэш'ами, которые были очаровательны. Потом мы их потеряли сразу из вида.

За несколько дней до отъезда из Парижа мы съездили в Версаль, осмотрели дворец и гуляли по парку. Жара была нестерпимая. На вокзал нас хотели приехать проводить Ройбули, но опоздали на 1 1/2 часа (!).

Несколько слов о жизни в Ницце с 15-го июля по 14 сент[ября]

Обратно ехали в переполненном поезде. Это был канун Национального праздника. В Ниццу приехали днем, так как впервые пустили новые поезда, скорее, чем express' — rapides, но которые ходили только до Ниццы. В Ницце вылезли на

* «Ты не ищи» (первые слова 11-й оды Горация «К Левконое»)

** букв. «открытой книгой», ответ без предварительной подготовки.

вокзале, немного привели себя в человеческий вид и сели в Luxe, который шел через час. Так как и наш багаж переложили в него, то в Болье получилось полное впечатление, что мы приехали из Парижа в I классе, а не в III. Встретили нас Евграф и Бесси. Кот вырос, перемен на вилле не было, все было в периоде созревания, кроме цветов. Сейчас же возобновились «вторники», на которых бывало 10–15 человек гостей, в том числе всегда кн. Гавриил Константинович с женой.

Вскоре прибыли аттестаты. У Максима была одна «4» на 11 пятерок, а у меня «4» на 12 пятерок. Весь август и сентябрь я провел за разборкой библиотеки и очень много нашел ценного и для меня интересного. Евграф познакомился с соседями по Bd. Marinoni. Там, на вилле графини Фальтан, живут Тепловы: мать, мальчик Гриша и девочка Ксана. С ними устроили небольшой литературный кружок, пригласив туда Борю Лихачева и Мишу Гончарова. Прочитали совместно несколько комедий, в том числе «Плоды просвещения» Толстого и «Свадьбу Кречинского» Сухово-Кобылина, дяди Е.Тепловой. Гончаровы поселились в Монте-Карло, и мы несколько раз бывали у них в гостях и ходили от них слушать музыку. Получили от дяди Вани Церетели письмо из Симферополя. Он писал, что Леонтьевы собираются ехать от Юденича в Крым. Купались мы каждое утро. На пляже пусто. В церкви прислуживали каждое воскресенье, а я и Ксана Теплова читали часы. Продолжал заниматься древними языками с Юрием Станиславовичем Коловратом, одним из талантливейших людей, которых мне приходилось встречать. Он не только знает 30 языков и учит еще 18 новых, кроме того — математик, композитор и музыкант, и все это зря, так как он не может найти применения своим талантам.

После долгого убеждения мне удалось склонить и Борю Лихачева держать на аттестат зрелости.

Всенощные служились в малой церкви. Служил обычно о. Александр Селиванов, я прислуживал, а братья и Фед. Вас. Снегирев пели.

Среди посещавших храм были вел. кн. Анастасия и Милица Николаевны и один раз Петр Николаевич, но он так боялся, что его увидят, что просил проводить его в нижнюю пономарку и сквозь лестницу следил за службой и слушал издалека пение. «Николай Борисов» (вел. кн. Николай Николаевич) не был ни разу, насколько помнится, в Ницце.

Несколько раз я был к чаю в Cap d'Ail на вилле «Alam» у вел. кн. Андрея Владимировича, посещая Лихачева. Они занимали нижний флигель, но целый день проводили на вилле или в саду.

Кн. Юрьевская приезжала в церковь в особо торжественных случаях. Держала она себя как императрица. Несмотря на годы, она была стройной и сохранила строгую, но неприятную красоту.

Из Крыма известия были все более и более утешительные, туда поехал А.В.Кривошеин, а у меня было все время чувство, что и отцу надо туда вернуться, а мне ехать воевать, если понадобится. Сведения о России мы получаем из небольшой константинопольской газетки[36], изредка доходящей до Ниццы и продающейся в русском книжном магазине Розанова[37], которая до появления «Последних новостей» была единственным информационным бюллетенем.

Колония в Ницце с нашего приезда почти не увеличилась, но прежние все разорились. Так, старушка с мальчиком, которая приходила каждый день в церковь и клала по десяткам земные поклоны (вдова инж[енера] Палашковского), еще недавно миллионерша, стала бедной и питается даровыми обедами. Ее сын Всеволод настолько неспособен к самостоятельной жизни, что она провожает его (17 лет) до Болье и закутывает в пензенские платки в июле месяце. Мы стараемся его растормошить и тоже подвинуть на держание экзаменов. Самый гостеприимный и богатый дом в Ницце — прот. Сергия Протопопова, отца консула. У них собирается вся Ницца. Мы со стариками все очень подружились.

Из русских обитателей Болье подружились с семьей ген. Щербачева. У него трое дочерей и сын. Две дочери замужем (Китти Вадина и Соня Валь), а младшая Муня — нашего возраста. Мы часто у них бываем.

Часовня очень украсилась, так что все гости спускаются не только ко мне в библиотеку, но и поднимаются наверх. Книги заполнили все пять нижних комнат, когда мы разобрали их с отцом, и пришлось перенести часть, в том числе фолианты, в угольный склад, где, впрочем, чисто и сухо. Лучшие книги мы кладем в шкафы, а остальные разбираем по языкам.

Отрывочные записи за август и сентябрь

23 августа. Воскресенье.

Были в церкви. Я пономарил. Потом должны были идти в гости к Голицыным, но Монте-Карловский трамвай загорелся и вся нижняя часть сгорела. Приходил Андрей Одарченко. Были у Тепловых. Пошли в Вильфранш с Максимом к Одарченко в гости. Очень симпатичная семья: 3 мальчика, отец и мать. Учились играть в шахматы. Максим бежал за трамваем, но не догнал. Пришли пешком в Болье. У нас в городке храмовый праздник: танцы, гулянье и разные балаганы. Вечером читали с матерью «Мушкетеров» А.Дюма.

Вторник, 1 сентября.

Всю неделю занимались в библиотеке. Очень сложная работа. Нам помогал два дня мальчик Auguste и получал за это 40 сант. в час. Итальянский отдел разобрали больше чем до половины. Находим вперемежку с итальянскими и русские, французские, немецкие, голландские и шведские книги.

В прошлый вторник у нас было много гостей. Первыми приехали Эш, потом Борщов, а они друг друга совершенно не выносят. Были Голицыны и Николай Петров, Ланжинский, Направник, Чистяковы. Узнали от Чистяковых, что умерла вел. кн. Мария Павловна. Демидов уже заказывал панихиду и Голицыны были на ней. В среду я с отцом отправились в Кап д'Айль, но ни вел. кн. Андрея Владимировича, ни Кшесинской не застали. Был Шегубатов, который живет теперь на «Аламе». Он — бывший адъютант Дмитрия Павловича. Пили чай в большой столовой. Был ген. Мрозовский, а под конец пришли Балашов и Теплова. Отец говорил о возможных претендентах [на престол]. Все настроены здесь крайне монархически и не признают Врангеля. Радуются победам большевиков и думают, что изнутри придут силы, которые разобьют большевиков, а их пригласят всех в Россию. Те, кто теперь живет в России, пусть погибает. Шегубатов позволил себе несколько неделикатностей. Борис [Лихачев] все время ухаживает за Рябушинской, а Вова [Красинский]— за какой-то Шурой. Я уехал с головной болью от шума и бестолковщины.

В четверг утром поехали на панихиду по вел. кн. Марии Павловне. Трамвай был настолько набит, что кондуктор и контролер висели на ступеньках. Вова кричал, чтобы мы лезли

с передней площадки, но все же влезли с задней. На площадке, кроме Вовы Красинского, стоял полк.Славинский в орденах, прижатый к задней стенке, и двое гостей из «Алам». На панихиде было много народа. Я выходил в стихаре. Почти все были в трауре. Обратно Максим и Графчик поехали на Монте-Карловском трамвае. Я опоздал и сел в Сен-Жанский. Скоро трамвай наполнился. Сел кн. Гавриил Константинович с женой, Чистяковы, Базилевские, Роппы, Рябушинская, полк. Волков, Голицыны, Щербачевы и наполнили трамвай.

В пятницу пели у себя вечером всенощную.

В субботу утром поехал в церковь. Народу было довольно много. Беседовали с Мигулиными. Были у диакона, пили чай. Он получил письмо от родителей из Казани. Вечером были у всенощной.

Воскресенье, 30-го августа / 12 сентября.
Максима рождение.

Праздник Св. благ[оверного] вел. кн. Александра Невского. Исповедовались и причащались Св. Христовых Таин. После обеда поехали в Болье. Максим получил несколько подарков от отца и матери (деньги), от Гавриила Константиновича (этюдник), от Направника (альбом для рисования). Бесси очень красиво отделал стул пальмовыми ветвями и цветами. К шоколаду были Боря Лихачев, Миша Гончаров, Одарченко, Елизавета Владимировна Гурко и Тепловы, а немного позже — Направник. Боря и Миша довольно рано уехали. Вечером устроили иллюминацию. Повесили 10 фонарей. Было очень красиво. Пришли еще раз Тепловы, гр. Салиас, Гурко и все пили чай.

Во вторник было много гостей: кн. Гавриил Константинович с женой, кн. Голицына и Манечка, Щербачевы и Муня, Направник, Славина, Паскевич с дочерью (Главче), Орлов. Устроили маленький концерт. Сперва пела Главче; потом многие ушли. Остались Гавриил Константинович с женой, Муня Щербачева, Манечка Голицына, А.Орлов, Шуша Лесли и мы. Мария Александровна пела, Шуша аккомпанировала. Потом хором пели «Как цветок душист» и «Как ныне сбирается вещий Олег». Все время шел дождь.

В понедельник были у Голицыных на вилле «Рев». Николай Петров показывал свой дневник. Он очень хорошо его разрисовывает.

Разборка библиотеки подвигается. Кончаем итальянский отдел. В четверг был в консульстве. Ездил с Максимом в Кап д'Айль. В субботу именины Е.Е.Тепловой и Е.В.Гурко. Пили шоколад. Вечером была иллюминация. Познакомились с графиней Фальтан, теткой Тепловых. В пятницу было чтение у Тепловых «Свадьбы Кречинского». Были Боря и Миша. Отец отравился рыбою и чувствовал себя плохо.

Понедельник, 14 сентября. Воздвижение.

Начинаю эту тетрадь в великий праздник. Утром мы были в церкви, все прошло отлично и торжественно. Служили Александр и прот. Цветаев. Я с Максимом прислуживали. Графчик читал Апостола. Обедали вместе и на трамвае приехали домой. К чаю пошли к Щербачевым. У них семья настолько большая, что, когда приходят гости, не все помещаются за столом. Поэтому нас с Муней выселили в гостиную. Недавно приехал сын Щербачева, офицер, кончивший Пажеский корпус, он поступил теперь в бельгийский университет. Максим и он вспоминали о Пажеском корпусе. Оказывается, Максима путали с Щербачевым. Помогали немножко генералу разгребать камни, привезенные для дорожек. Все нас провожали. Зашли посмотреть на дом, в котором, говорят, духи беспокоят жильцов. В нем никто не может жить и теперь там помещается большая плотницкая мастерская. Вечер провели, как всегда, и уже кончали чтение, когда услышали сильный звонок. Мы были встревожены: кто бы мог прийти так поздно, в одиннадцатом часу. Максим побежал через балкон открывать. Отец подал мысль, что, может быть, это телеграмма из Финляндии от тети Жени и дяди Миши Леонтьевых. Мы не дождались и все вчетвером пошли в переднюю. Отец открыл парадную дверь и… мы увидели перед собой тетю и дядю. Мы до того были удивлены, что до сих пор полностью не пришли в себя. Мы думали, что, может быть, приедут через недели две, а может быть, и не удастся заехать, и вдруг так скоро. Поднялась страшная суматоха, нужно было смастерить ужин и приготовить комнату. Консервы не открывались, и долго ничего не могли сделать. Наконец, мать приготовила ужин. Мы проговорили до 1 часу ночи. Сообщали друг другу сведения. От Юденича, у которого Миша был начальником штаба, он едет по личному вызову ген. Врангеля в Крым. Оказывается, в Финляндии с продовольствием было не так уже плохо. Американцы привезли громадное количество разных

продуктов для Петрограда, а теперь раздают в виде пайки русским и финляндцам. Мать приготовила для тети Жени и дяди Миши Максимову комнату. Максим и Графчик пошли спать наверх к себе.

Вторник, 15 сентября.

Встали все поздно, кроме матери, которая до кофе пошла на базар. Тетя Женя и дядя Миша хорошо выспались, и мы сейчас же после кофе отправились за покупками и чтобы показать им Болье. Они запаслись для России разными продуктами в кооперативе. Мы пошли сперва на берег моря, а потом наверх. Отец с тетей Женей и дядей Мишей обсуждали, как быть с серебром в Катарро. Обедали дома. После обеда собрались гости. Были Тарановские с Петриком, Направник, Базилевские, Голицыны, которые пришли в 7 часов. Были, кроме того, Гурко и, наконец, позже всех пришла графиня Фальтан. Присутствовали Боря Лихачев и Гриша Теплов. После ухода гостей, мы долго говорили. Отец и мать пошли немного погулять, а тетя Женя и дядя Миша купались.

Среда, 16 сентября.

Встали довольно рано, потому что хотели поспеть на Saint Jean. Утром отец поехал с тетей Женей и дядей Мишей в консульство. Дядя Миша был у ген. Юденича. К обеду сильно запоздали. Максим и Графчик поехали к Эшу. Мать с тетей и дядей в Ницце делают покупки. Предварительно я успел снять [сфотографировать] две группы. Отец и я залезли в библиотеку и сидели в ней до вечера. Перед ужином проявил снимки, вышли очень хорошо. Тетя Женя и дядя Миша рассказывали много интересного. Наша квартира в Петербурге цела, и Лиза и Коля живут в ней. Люша и Ася Леонтьевы здоровы. Тетя Маруся Маркова служит в Николаевском госпитале. Тетя Дуня хотела продать дачу в Териоках, но все не может, так как разрешается покупать только финским подданным. Дядя Миша говорит, что главным образом, помешали взятию Петербурга эстонцы и англичане, так как они снабжали эстонцев военными припасами и отдали им военные суда, захваченные у большевиков. Американцы привезли столько провианта, что его хватило бы вполне для Петербурга. Эстонцы относились к русским ужасно. Повредил также Бермонт, который в это время как раз брал Ригу. В Финляндии есть церковные приходы, но в них имеют право участвовать только финские граждане.

Четверг, 17 сентября.

Утром хотели ехать с 8-часовым поездом. Спешил отпечатать фотографии. Успел только одну, вторую отпечатали уже Максим и Графчик. Поезд опоздал на 50 минут, и я с Максимом и Графчиком поехали на больевском трамвае. Билеты стоят по 20 фр. до Марселя да еще около 7-ми приплата до 300 километров. На вокзале встретил отца, тетю Женю и дядю Мишу, которые успели приехать на поезд. Зашел к Сиграну и потом пошел на молебен Веры, Надежды, Любови и Софии. Народу было очень мало. Мать приехала под конец. Пошли в «Cassini», но долго не могли собраться. За обедом тетя Женя подарила мне мелкие шведские монеты. Потом пошли еще есть мороженое. На вокзал пришли заранее. Сперва пришло два поезда с I-м классом, в одном было людей мало, а во втором — никого. Поезд подали за 1/4 часа. Максим вскочил и занял места. Тетя Женя и дядя Миша устроились у окна. Было довольно свободно. В плацкартном вагоне было набито. В последний момент успел передать записку для начальника японской миссии в Севастополе, которую прислал проф. Мигулин. Поезд тронулся, и тетя Женя и дядя Миша уехали через Марсель в Крым. Скоро пришел и наш поезд, и мы отправились в Cros de Cagnes на именины к Вере Ивановне Мигулиной. Там был Направник. Много угощения. Букет мы передали еще в церкви. Петр Петрович, как всегда, ораторствовал очень интересно. Уехали мы с 5-часовым поездом.

Пятница, 18 сентября.

Утром отец сидел в библиотеке. Все время идет дождь. Максим и Графчик пошли к Тепловым, а я остался дома. Получили письмо от тети Жени и дяди Миши. Их пароход страшно перегрузили, так что нельзя открывать окна. Вечером была сильная буря и гроза. Ездил на урок к Коловрату.

Суббота, 19 сентября.

Погода дождливая. Сидели утро в библиотеке. Были у всенощной. Пил чай у Корнея Степановича. Вечером ехали с Чистяковым в трамвае и разговаривали о сокращениях в службах и по церковным делам.

Воскресенье, 20 сентября.

Дождь, как из ведра. Трамвай опоздал. Поехали на Saint Jean. Дьякон уехал с протоиереем в Сан Ремо. Бегал к Паскевич. К 3 часам погода разгулялась. Ехал два часа из Ниццы на трамвае из-за заносов пути. Вечером гулял с отцом. Заходили к Тарановским.

Понедельник, 21 сентября.

Утром кончали разборку французского отдела. Смотрели terrain*. Получили телеграмму от Паскевич с приглашением в гости вместе с Гавриилом Константиновичем. Хотели к ним звонить, но телефон испорчен. Был Боря Лихачев. Два часа рассуждали о музыке и литературе. Он только и понимает, что в балете. Паскевичи ждали, и хорошо, что отец и мать приехали, потому что наготовили массу продуктов. Евдокия Борисовна, как говорит мать, хорошо пела. Вечером отец получил письмо от Мих.Ив.Соболева, своего помощника по Сенатской следственной комиссии. Он работает в Нарве и проявил исключительную энергию. Пишет, что многие знакомые умерли с голода или расстреляны. Видели в Ревеле Сергея Иллиодоровича Шидловского. В Болье приехали Гриневичи, друзья Григория Григорьевича Мизко с Кавказа, но ничего о нем не знают. Они жили в Харькове на Пушкинской до нас. В «Journal de Debats» есть интересные сведения о Петрограде.

Вторник, 22 сентября.

Утром проспал и чуть-чуть не опоздал на трамвай. С Коловратом купили книги и переводили с латыни на русский и французский; довольно трудно. Из-за покупок опоздал на 12-часовой трамвай и приехал поздно, уже кончали обедать. Был Илья Иванович Семенов. Отец получил письма от гр.Павла Ник. Игнатьева, в которых он просит его взять на себя организацию Беженского комитета во Франции[38] и приехать в Париж, чтобы там переговорить с ген. Д.В.Яковлевым; он будет в Париже между 10 и 20-ым октября. Получено письмо от господина Rittes des Loges. Он пишет, что ничего не знает о мемуарах Максима Максимовича, и что они были увезены в связи с процессом Крамаржа, с которым Максим Максимович был в приятельских

* местность (*фр.*)

отношениях. Они, наверно, лежат в Вене, и правительство ничего не будет иметь против, чтобы их выдать нам.

Сегодня гостей было довольно много. Первыми пришли Екатерина Анатольевна Шидловская и гр. М.А.Коновницына. Потом кн. Гавриил Константинович и Чистяков, позже 5 членов семьи Щербачевых (генерал с женой, сыном, Кити и Муня). Под конец пришли Направник и ген. В.П.Тарановский. Кн. Гавриила Константиновича и Чистякова вызвали, потому что к ним приехал «толстый, высокий и почетный гость», и даже просили привезти шампанского (наверное, король Николай Черногорский). Я провожал гр. Коновницыну до Голицыных, но не застали дома. Кн. Гавр.Константинович и Чистяков не могли достать извозчика и поехали в трамвае. Екатерина Анатольевна опоздала из-за поезда и уехала только в 7.30.

Вечером читали по-немецки, а мать заканчивала «Анну Каренину».

Среда, 23 сентября.

Все утро сидели в библиотеке. Максим и Графчик уехали в 8 час. к Стеллецкому в Канны. Я с отцом сидели в библиотеке, а мать занималась хозяйством. После обеда отец поехал на заседание Приходского совета. К 4 часам я пошел к Тепловым. Там уже были Гурко и Салиас. Владимир Иосифович [Гурко] должен был 30-го выехать из Константинополя в Севастополь. Мать пришла позднее. Пили шоколад. Я снял Ксану. Отец, Максим и Графчик приехали с одним поездом в 6 часов. У Стеллецкого было очень интересно. У него десять альбомов рисунков. Заседание совета прошло благополучно, причем Чистяков задал 16 вопросов. Вечером у Тепловых была иллюминация, но соседи сверху все время лили воду, и нельзя было пройти по саду, а перед домом образовалась громадная лужища.

Четверг, 24 сентября.

Весь день занимались библиотекой и кончили все. Шел дождь.

Пятница, 25 сентября.

Утром с 8-часовым поездом поехал на урок Коловрата. Приезжаю. Жена Корнея меня встречает и говорит, что в 12 час. ночи умерла матушка. Царство ей Небесное! О. Александр, не-

смотря на то, что давно к этому приготовлялся, был очень огорчен — Иустинии Валерьяновне было 87 лет, и 60 лет их замужества. Последние 8 лет она совсем не выходила из своей комнаты. После молебна Сергию Радонежскому служили по ней панихиду; было много народу. Потом была панихида Война-Панченко. Я делал некоторые покупки и потому опоздал на трамвай.

Суббота, 26 сентября.

Максим и Графчик поехали утром к молебну св. Апостолу и Евангелисту Иоанну Богослову. Мать купила свадебное платье для Emilienne (Maxime) Bessi и делала разные покупки. Я поехал ко всенощной. На помощь отцу Александру телеграммой вызвали отца протоиерея Остроумова из Канн. Он имеет митру. С ним приехал псаломщик А.Селезнев. Служил один протоиерей. Несмотря на дождь, народу было много. После всенощной был вынос в церковь, а потом — панихида. Вернулись домой довольно поздно.

Воскресенье, 27 сентября.

Служба была торжественная. Народу — полная церковь. Протоиерей Остроумов сказал проповедь. Оказывается, отец Александр недавно помогал ему хоронить его жену. Все остались на отпевание. Вынесли гроб, поставили на катафалке и все проводили до Place Magenta. Там несколько человек село в кареты. Все выражали сочувствие отцу Александру и уехали на кладбище. О. протоиерей провожал в облачении и митре. Обедать мы пошли в «Long champ». Потом гуляли по Promenades des Anglais и съели мороженого. К 4 часам отправились к Шидловским.Встретили на улице Эдуарда Александровича [Шидловского]. Он нас захватил с собой, а отец и мать пошли к Куломзиным и Шидловской Екатерине Анатольевне. У Шидловских было, по обыкновению, масса угощений. Пришел Направник, потом отец и мать, которые сообщили, что А.Н.Куломзин получил письмо из Копенгагена, в котором сообщают, что вел. кн. Михаил Александрович нашелся и что императрица Мария Федоровна ожидает его в ближайшее время в Копенгагене (?). Старик Куломзин поправился и, несмотря на свои 82 года, ходит бодро. Е.А.Шидловская показывала список русских детей, привезенных в Бордо, которые, выехав в детские колонии в 1918 году, три года скитаются. Это все больше дети мелких

служащих и ремесленников, хотя есть двое детей священников и несколько детей докторов. А.Н.Куломзин получил письмо из Афин о том, что митрополиты Платон и Антоний поехали в Крым назад. Нас провожал Александр Эдуардович. Мы приехали с Максимом и Графчиком в разных трамваях, так как они заходили в церковь за планками и книгой. Зонтик пока не нашелся — спрашивали в «Long champ».

Понедельник, 28 сентября.

Утром был на уроке у Коловрата. После обеда отец и мать поехали к Паскевич, я писал сочинение «Les caractères» de la Bruyére»*. Тепловы переехали на новую квартиру.

Вторник, 29 сентября.

Утром должен был приехать Семенов, но не был. К 4 часам начали приходить гости. Первым пришел Генеральный консул Каншин и сообщил, что Евгения Сергеевича Протопопова (консула) не впускают обратно во Францию. Потом пришел Боря Лихачев и рассказал, что в 4 часа приезжает вел. князь Дмитрий Павлович и остановится в Монте-Карло у Половцевых, и что скоро сюда приедет вел. княгиня Мария Павловна младшая. После пришел В.П.Метаксас, потом Направник, Паскевич с дочерью, Муня Щербачева, Чистяковы, Голицыны, Шуша Лесли, Николай Петров, ген.Тарановский, управляющий Голицыной Бернар и др. Он показывал новые советские деньги в 500 р. не больше 9 х 12, а 60 совсем маленькие. Написано на 8 языках «Пролетарии всех стран соединяйтесь». Пришел доктор Крылов и Гриша Теплов. Я пошел проводить Голицыных и посидел у них с полчаса. Оказывается, вилла маркиза Сольсбюри была куплена épicier Giaume** и, кажется, он ее теперь продал. На обратном пути встретил отца и мать и ген. Тарановского; они почему-то были очень озабочены. Оказалось, что отец и Направник поссорились, да так, что последний отказался у нас бывать. Направник сказал раздражавшие отца слова о Патриархе. Отец рассердился и сказал ему тоже несколько резких слов. Очень жалко.

* «Характеры» Лабрюйера.

** бакалейщиком Гийомом.

Среда, 30 сентября.

Утром прибирал кое-что в библиотеке. После обеда отец и мать поехали в Ниццу, потом Максим и Графчик, а под конец и я. Зашел в старую церковь. На литию и на Евангелие выходили втроем, было много народа, в том числе — католиков. Вечером ехали в трамвае Tzarevitch все русские. Мать кончила читать «Вишневый сад».

Четверг, 1/14 октября.
Покров Пресвятой Богородицы.

Поехали в Ниццу вместе с О.Ф.Тарановской. Максим и Графчик успели вскочить в трамвай, а я бежал до Victor Hugo, но все же догнал. С нами ехал Гончаров. Я и звонил, и пономарил, поэтому мне приходилось все время бегать. Графчик великолепно прочитал Апостола. Миша Гончаров хочет пономарить. Из-за дождливой погоды людей было мало. В России большие восстания[39], может быть, большевики долго не продержаться. Прошли пешком до Long champ. Все страшно сожалеют, что мы уезжаем. Адмирал Петров сказал, что в день, когда мы уедем в Париж, он положит креповый бант в свою книгу. Получили телеграмму от ген. Д.В.Яковлева, в которой он просит отца быть в субботу в 4 часа в Hotel «Byron» в Париже.

Пятница, 2/15 октября.

Утром поехал поездом, отвез багаж отца. Был греческий урок. В 10 1/2 час. заупокойная литургия по Марии Павловне (40-ой день). Присутствовали вел. князья Андрей Владимирович и Димитрий Павлович, великая княгиня Мария Павловна и князь Гавриил Константинович. Было много людей. Я пономарил, был хор. В воскресенье сговорился быть в Cap d'Ail'e. Обедал один. Потом встретил отца и мать, и поехали на вокзал. Места брали с боя, так как почти все были не расписаны. Отец хорошо сел. Какой-то старик на тростях подрался с другим пассажиром и остался без места. Поезд ушел удивительно точно. Я с матерью пошли к Захарчикам. Он немного поправился. Их знакомые получили письмо из Киева, что там нет мыла, а все моются тертым кирпичом; что вместо обуви привязывают к подошве дощечки, и вообще всякие ужасы. Возвращаемся домой. Графчик бежит с пакетом. Оказывается, приехали дочь Л.Е. де Роберти с дядей на автомобиле из Парижа; посидели

у нас час и поехали в Монте-Карло. Она — в белом шелковом платье. Он —старенький симпатичный господин.

Суббота, 3/16 октября.

Все утро печатал фотографии. Вся катушка вышла хорошо. После обеда Максим и Графчик поехали на урок. В библиотеке было приходское собрание. Я пономарил. Вечером ехали вместе с Андреем Одарченко. Он занимается в лицее.

Воскресенье, 4/17 октября.

Были в церкви. Мать почувствовала себя плохо и уехала с 12-часовым трамваем. П.С.Волконский и М.Н.Граббе распространяют слух, что будто бы Святейший Патриарх убит. Бог даст, это не правда (будто бы было написано в испанских газетах). Отец протоиерей вернулся из Сан Ремо. Он уже успел побывать в Бари и поклонился мощам святителя Николая Мирликийского Чудотворца. После обеда писал сочинение. Приходила Александра Александровна Лесли поговорить с матерью. Вечером были у Тепловых. Мать читала «Мою жизнь» Чехова.

Понедельник, 5/18 октября.

Утром поехал в Ниццу за Коловратом. Встретил его, к счастью, на улице, условились об уроке в среду в 5 часов. Он по утрам читает лекции для шведов. Потом нужно было какнибудь провести два часа. Ходил к La Caria. Купил фотографические принадлежности, разговаривал с Борей Лихачевым. Молебен был в 11 час.; пришло всего 6 человек: Сумароков, Серебряков, Григорьева, Сорокоумовский да господин с кривой рукой. Я опоздал на Saint Jean и поехал на Villfranche. Потом пошел с пакетами под дождем в Болье. Встретил в Ницце семью бельгийского инженера Юнга, с которой мы познакомились в начале пребывания в Ницце. Они поселились у pont Magnan. После обеда поехал в Cap d'Ail. Получили письмо от отца. В первый день он нашел только одну комнату да дом за 24 версты от Парижа. В Сорбонне занятия не начались. Отцу оставили комнату в Hotel «Voltaire». В Cap d'Ail встречаю Лихачева. — «Куда идешь?» —«Встречать тебя и Вову [Красинского]». — «Пойдем вместе». Вернулся обратно. Вел. кн. Димитрий Павлович сегодня уехал в Париж, а оттуда в Лондон. Вел. кн. Мария

Павловна вышла замуж за князя Путятина. В большом доме был Михаил Николаевич Граббе. Очень обрадовался, увидев меня. Сидели за столом часа полтора. Вел. кн. Андрей Владимирович расспрашивал меня о библиотеке. Граббе говорил много. Кн. Андрей Владимирович проявил большое знание событий и интерес к русским делам. Граббе рассказал о каком-то письме, которое послал Каледин императору Вильгельму и которое Граббе должен был перехватить, но не смог, так как Н.Лейхтембергский опоздал на неделю. Потом имп. Вильгельм просто его не принял. Пошли с Борей провожать Граббе до трамвая; вернувшись, посидел еще немного. Он и Вова будут у нас в четверг. Приехал довольно поздно. Мать читала много интересного. Что за ужасная история с королем Греции? Он умирает от укуса обезьяны.

Вторник, 6/19 октября.

Утром пасмурно. Прибивал доски в библиотеке. Был Илья Ив[анович Семенов], обедал. Гостей было мало. Пришел Чистяков и разговаривал с матерью на религиозные и политические темы. Потом пришли Тепловы. Я бегал звать Тарановских, но их не было дома. Вечером мать читала «Мою жизнь»Чехова.

Среда, 7/20 октября.

Утром за кофе принес из ящика пачку писем от тети Дуни. Мать сказала: «Я не люблю, когда так скоро одно письмо за другим, вероятно, что-нибудь неприятное». Оказывается, разграбили нашу квартиру. Погибло все, что было в России. Ничего не осталось семейного в Петрограде. Лизу-кухарку переселили. Разграбили дочиста все. Взломали несгораемый шкаф. Даже не осталось семейных образов. Рассказал об этом парикмахер Гастон. Последнее русское гнездо рушилось! Господи, как это невыразимо тяжело. Отец писал, что в Париже плохо, ничего достать нельзя, работы нет. Остается ехать в Крым. Ездил с матерью к зубному врачу.

Четверг, 8/21 октября.

Поехал на урок. О ворота сломал зонтик. Ехал в поезде с Николаем Петровым и управляющим фирмой «Бландов». Он занимается автомобильным делом. Хорошо знает отца, так как был секретарем губернской управы в Воронеже. Завозил книги

Александру Эдуардовичу Направнику. После обеда был в библиотеке. Приехали Боря и Вова, который очень интересовался библиотекой и был рад ее посмотреть. Был Гриша Теплов, пили чай. Боря, как полагается, играл в шахматы. В половине шестого заехали М.Ф.Кшесинская и вел. кн. Андрей Владимирович, который удивлялся и восхищался садом. Приглашали приезжать. Пришли Тепловы. Мы сделали с ними прогулку в Эз. Когда вернулись, оказалось, что наши маленькие кролики и мать их разбежались. Бесси огорчен: он так радовался, что к Рождеству у него будут большие кролики. Большую нашли. Он искал с женой и еще каким-то человеком.

Пятница, 9/22 октября.

6 кроликов нашлось, и то хорошо. Получили два письма от отца. Найти ничего нельзя. Предложили один особняк около M-lle Dugard, это было бы очень хорошо. Но 1000 фр. в месяц — дороговато. Аничкова на заседании Академической группы провалили. Пили чай сперва дома, а потом пошли к Тепловым. Читали «Праздничный сон после обеда» Островского. Мать пришла позже и принимала участие.

Суббота, 10/23 октября.

Утром занимался греческим, ходил два раза к Голицыным. Получили письмо от отца. Еще ничего не выяснилось с помещением. Наверное, во вторник он вернется в Болье. Были у всенощной. Хотел снимать церковь, но не удалось, было слишком темно.

Воскресенье, 11/24 октября.

Переставили часы на 1 час назад. Многие этого не знали и поэтому к началу было много людей; церковь была переполнена. Пономарил в первый раз Санин. Ничего, только немного торопится. Прошлую ночь ограбили виллу «Душечку», в которую должны были въехать кн. Гавриил Константинович с женой, Чистяковы и мать Гавриила. Унесли все серебро и 9 одеял. Мать уехала в Болье; обедали втроем в Ницце. Я ходил к Захарчикам. Богдану Захаровичу лучше. Снимал церковь, Корнея Степановича и библиотеку. За чаем был Гриша [Теплов]. Вечером снял семейство Бесси с женихом Емильенн. Настроение какое-то подавленное. Половина церкви плакала.

Вечером проявил церковь. Корней Степанович не вышел [на фотографии].

Понедельник, 12/25 октября.

Утром печатал фотографии. Бегал за рамкой к Гурко. Получили письма от отца и Константина Ивановича [Гладкого]. Отец пишет, что не достал билет на вторник. С квартирой все неопределенно. Идем на рождение к Елизавете Евгеньевне Тепловой. В 4 часа урок Коловрата. Возвратился в 8 часов. Отец все же приезжает завтра в 11 часов.

Вторник, 13/26 октября.

Поехал в Ниццу в 8 часов утра; был у дантиста, сделал покупки. Пошел встречать отца, сел в рапид. В Болье нас встретил Графчик. Было немного гостей: Чистяков, Мигулины, графиня Коновницына, Гриша и Ксана [Тепловы]. Я провожал Мигулиных и 40 минут сидел на станции. Он рассказывал много интересного. Отец сообщил про предприятия Михаила Львовича Ройбуля. Леонид Федорович Давыдов хочет дать ему на первоначальное оборудование лаборатории 1.000.000 фр. Теперь он продает копи для графа Мора. Когда он предложил купить дом Альфреду Гинзбургу, то тот сказал, что не интересуется делами ниже 25.000.000. Но все же согласился, и может быть дело устроится. Граф Мор дает ему 20% с 6 миллионов, то есть 1.200.000. С акциями они хотят устроить так, чтобы большинство было у них (взять себе по 100, остальные пустить в продажу, 230 записать на отца). Ройбуль со всеми семейными рассорился. Совершенно неожиданно умер дядя де Роберти во время путешествия в Марсель, и не успел оставить племяннице своего состояния. У него было годовых процентов 1 миллион.

Среда, 14/27 октября.

Утром Максим и Графчик поехали на заупокойную литургию по матушке, по случаю 20-го дня. После обеда поехали к дантисту в Ниццу. Потом пошли к Гончаровым и долго сидели у них. Михаил Федорович рассказывал много интересного про остров Мальту. Миша показывал фотографии их имения «Авчурино» в 15 верстах от Калуги на высоком берегу Оки, откуда открывается вид на город и на 20 верст в окружности.

Четверг, 15/28 октября.

Утром сидели дома. После обеда отец ездил на заседание Приходского совета. Завтра в соборе будет панихида по греческому королю. Вернулся поздно. Оказывается, П.С.Волконский предложил вернуться к старым порядкам, без приходского совета, но единогласно постановили, что это недопустимо.

Пятница, 16/29 октября.

Утром были дома. После обеда я с отцом поехали в Ниццу. Ехали с ген. Тарановским. Он рассказывал, что один русский изобрел центробежный аппарат, который при помощи колеса выбрасывает без всякого пороха по 10 гранат зараз на 300 шагов. Отец пошел на заседание объединения, а я — в собор. Собралось большое количество народа. Много греков. Был префект, ген. Дельберг и еще 2 полковника и 2 commendants, много французов, два посланника. Присутствовал кн. Гавриил Константинович и принцесса Дагмара Датская. Я пономарил. Перед панихидой разговаривал с кн. Волконской и ее дочерью. Передал ей книгу. Панихида продолжалась 3/4 часа. Старался снять собор, но было слишком темно. Купил билеты. Никто не записывался заранее, и мы будем единственными записавшимися. Покупал чайник, молочник и 2 стакана у Menagere. Обошлось 60 фр. Потом разговаривал долго с дьяконом. На заседании было столько народа, что многие стояли. Мигулин говорил очень пессимистически. Коловрат пришел, как и сказал, в 6 1/4; занимался с ним, потом он проводил меня до вокзала. Подходим, уже 37 минут, значит, поезд ушел. К счастью, он опоздал с отходом, и я успел приехать.

Суббота, 17/30 октября.

Утром переписывали и уложили в ящик рукописи. Страшный ветер и холод. В трамвае встретили гр. Бобринского и Вову Красинского. Я пономарил.Санина не было. В четверг на Казанскую — обедня в соборе. Вернулись все на St. Jean. Бесси заказал петуха, сделал фаршированные томаты и испек каштанов.

Воскресенье, 18/31 октября.

Утром поехали в церковь. После обедни мы вышли на солею, и о. Александр сказал несколько благодарственных слов.

Приходский совет единогласно постановил поблагодарить нас. Мы сразу помчались домой. Отец и мать обедали в Ницце с Волконским и Каншиным. Очень плох старик Крюков, и Волконская целыми днями сидит у него. Обедали дома. Пришел Боря Лихачев. Сообщил, что умерла вел. кн. Мария Александровна. Я спросил: «Какая?». «Сестра Александра III». Мы все думали, что она уже давно умерла. Последнее время она жила в Цюрихе. Завтра по ней будет панихида в часовне при соборе, на месте смерти Наследника Цесаревича Николая Александровича. Был Гриша Теплов, пил чай. В 5 пошли к Щербачевым, которые были рады нас видеть. Просидели у них за чаем до 6 1/2. Щербачевы переезжают в субботу на свою виллу в Cros des Cagnes. Вечером были дома.

Понедельник, 19 октября/1 ноября.

Погода плохая. Праздник всех святых. Прибирались. После обеда приехал Гриша [Теплов], привез документы. Пошли делать разнообразные визиты. Гавриилу Константиновичу на виллу «Люсиоль» долго не могли достучаться. Наконец, вышла мать Гавриила. У них большая вилла, хорошая обстановка. Они все сами убирают, чистят, моют. Утром к ним заезжал вел. кн. Андрей Владимирович и привез зубровки, фабрикуемой во Франции, а из них никто не пьет. Сняли они относительно недорого: 1300 фр. в год. Встретили мать, которая тоже пошла к Гавриилу Константиновичу, а мы отправились к Голицыным. Там масса молодежи. Старая княгиня очень озабочена. У нее с дочерью конфликт из-за Петрова. Затем пошли к Тарановским. Петя был очень весел, танцевал и прыгал без устали, подарил нам по красивой коробке, но потом все же отнял. У них материальное положение очень тяжелое, и им отказали в субсидии. После Тарановских Максим и Графчик пошли к Тепловым, а я — к Гурко. Скоро там собрались все. Елизавета Владимировна показывала фотографии. Посидели с полчаса.

Вторник, 20 октября/2 ноября.

Утром собирались. Буря страшная. У Графчика разбило окно. У парадной двери разбило ветром горшок с растениями. Отец был с утра в Ницце. После обеда ходили к Бесси. Был Боря Лихачев. Заехал Миша Гончаров. Он из-за отсутствия денег не может ехать в Париж. Приходил ген. В.П.Тарановский. Отец приехал в 6 часов и рассказывал, что на собрании постановили поднести нам икону и собрали на это 250 фр.

Среда, 21 октября/3 ноября.

Утром встали рано, собирались. К 11 пошли на вокзал. Погода ветреная, но очень тепло. Пришли проводить нас кн. Гавриил Константинович с женой, Чистяков с женой, Тарановский с женой и с Петей, Елизавета Евгеньевна, Гриша и Ксана Тепловы, Александра Александровна Лесли. Ждали около получаса. Шел мелкий дождь. Поезд подошел почти без опоздания. Мы сели до Ниццы в 1-ый класс. Кн. Гавриил Константинович и Бесси принесли матери цветы. Мы торжественно уехали, причем провожавшие махали платками. С нами ехала М.Ф.Браславская (друг Григория Григорьевича Мизко). Она не имеет о нем никаких сведений. Ехать было великолепно. Так и хотелось прямо поехать в 1-ом классе в Париж. Вылезли в Ницце. Сдали вещи на хранение (у нас было 7 вещей). Большой чемодан мы хотели сдать в багаж, но нельзя было по билету, а так стоило 25–27 фр. за 15 килограмм. Пошли в церковь. Отец дьякон уже ждал нас. Отслужили молебен. Батюшка плакал и долго прощался. Попрощались с дьяконом и Корнеем Степановичем. Обедали в «Лоншане». Потом на трамвае поехали на вокзал. Когда подошел поезд, была большая суматоха. Мы не нашли наших мест и сели в какой-то старый и темный вагон. Нас провожал Миша. Уже перед отходом по мехам перешли в вагон, где были задержаны места. Графчик забыл в купе альбом, но мы, к счастью, его нашли. Я позабыл послать письма для Ниццы и отправил их из Канн. Когда проезжали Cros des Cagnes, хотели показаться Мигулиным, но никого не было ни в саду, ни на балконе. В Марсель приехали уже когда темнело. Ехали до этого вчетвером. К нам подсели 2 человека. В Авиньоне сели еще 2. Ночью было довольно холодно. Спали урывками.

Четверг, 22 октября/4 ноября.

Утром был мороз и иней. Приехали вовремя. В Лионе двое пассажиров переменились. В Париже мы не достали такси. Не было ни одного омнибуса или фиакра. Поехали на трамвае в Hotel «Pavillion». Нам оставили одну комнату. Пошли все обедать в ресторан «Министер». В церковь не могли поехать, было 11 часов. Затем Максим и я поехали за сундуком. С трудом втиснули его в такси и перевезли в гостиницу. Были у Гербильских, говорили о школьных делах. Алексей Григорь-

евич очень обеспокоен положением у ген. Врангеля. Войска уже отступили почти к самому Крыму. Я купил Livret de l'Etudiant. Мать чувствовала себя очень плохо и едва дошла до Hotel «Rive gauche», где наняли днем комнату. Легли рано, в комнате очень холодно.

Пятница, 23 октября/5 ноября.

Встали рано. Мать чувствует себя нехорошо. В 8 часов мать с Графчиком поехала в русскую школу на rue du Deocteur Blanche[40] на трамвае. А я с Максимом пошли записываться в университет. При входе пахнуло старинным духом. Внизу все суетятся, бестолочь, но только среди студентов. Относятся очень деликатно. Сперва я пошел получать equivalence. У окошечка оказалась одна русская и 2 серба. Извещение послали в Болье, но все же выдали новое и все документы. Пошел оттуда в комнату записей, откуда меня направили напротив. Довольно большая комната с партами. Какой-то господин, очень веселый, распределял карточки, на которых нужно было написать сведения, и выдавал листок, чтобы заплатить 32.50 на quai des grands Augustins. Я сходил туда и заплатил. Была очень большая очередь. Вернулся обратно, записался. Отдал Livret de L'Etudiant. Максим не успел заплатить, и после обеда мы пошли вновь с ним. Встретил Алешу Гербильского. Графчик вернулся в 4 часа из гимназии. Положение у ген. Врангеля не очень хорошее, но войска удалось вывести из мешка[41]. Бог даст, справятся.

Суббота, 24 октября/6 ноября.

Утром я входил с Максимом в церковь. Отец Николай Сахаров принял нас очень радушно, показывал разные иконы, которые ему принесли на продажу, подарил свой календарь. Он очень удачно выбрал несколько отрывков из Достоевского, Платонова и Ключевского. Отец Иаков Смирнов сразу просил меня заняться прислуживающими и порядком. Псаломщики были очень рады нас видеть. Стоял в пономарке. Народу было не очень много. Завтра будет панихида по всем лицеистам. Заказал гр. Коковцев[42]. Внизу, под церковью, — храм Святого Духа, в котором служат в день храмового праздника, а теперь, наверное, будут служить в посту. Был в Сорбонне, относил Мишины документы. Сказали, что их послали к ректору. Купил Краевича — 40 фр. Максим с Павликом Мандельштамом — на

лекции «Mathematiques generales»*. Мать у де Роберти. Были у всенощной. Максим пришел рано с лекций. У них произошел скандал. Все французы орали, шумели, свистели. Профессор ушел в негодовании, служитель потушил электричество. В церкви было много людей.

Воскресенье, 25 октября/7 ноября.

У обедни было так много народа, что все не поместились. Я выносил аналой, а свечу выносил Сережа Третьяков. Архимандрит Сергий раздавал всем крестики. Мать встретила Петра Петровича Извольского. Пошли обедать к Ройбулям. Была панихида по императорам, покровителям Императорского Александровского Лицея и всем ученикам, убитым на войне и в революцию. Ройбули все ссорятся, не слушаются матери. Накормили нас прекрасным завтраком. Пили у них чай. Потом пошли за вещами к де Роберти. У них не добились ничего. Вчера у них был вечер — 250 человек. Дом громадный, обстановка слишком шикарная. Сегодня за завтраком было 16 гостей, водка, закуски. Разговаривали до 6 часов. Пили чай. У де Роберти поселилось 6 человек (граф Нирод и другие). Суматоха полная, ничего не понять. Приехали домой на автобусе.

Понедельник, 26 октября/8 ноября.

Бегал искать квартиру, бесполезно. Получили 2 письма от отца. Виллу он еще не сдал, но есть много желающих. Все уже прибрали. Бесси беседует во время обеда с отцом. Мать ищет квартиру в Auteuil. Вечером гуляли, нашли адрес одной квартиры в agence** на rue du Louvre, но она оказалась занята более двух недель. Магазин «Лувр» очень красиво украшен (иллюминация и портреты всех президентов). Мать была у Эвертса. Он говорит, что положение Врангеля очень прочное, и что он все предвидел.

Вторник, 27 октября/9 ноября.

Утром поехал в виллу Монморанси. Громадный сад с особняками, вокруг загородка и ворота, охраняемые сторожами. Она занимает несколько кварталов с целой сетью внутренних

* «Общая математика».

** агенство.

поросших травой дорожек и улиц. К сожалению, ни одной свободной дачи там нет. Заходил в дом, который еще не окончен. Там было вывешено объявление о сдаче квартиры, но и там уже все занято. Максим ходил в Лувр. Я после обеда был тоже там. Видел Венеру Милосскую, она не произвела на меня ожидаемого впечатления. Мать была у М.А.Маклаковой, видела много интересных людей. В.И.Гурко сегодня читает лекцию о земельном вопросе в Крыму. Получили от отца письмо.

Среда, 28 октября / 10 ноября.

Утром были в церкви, пономарил. Графчик читал часы. После обедни были у полк[овника] Эвертса. Он еще не получил точных сведений о квартире. На всех окраинах и даже в центре города расклеены громадные плакаты с заявлением: «A la guillotine ou au bagne»*. Ругают площадной бранью Мильерана, Дешанеля, Клемансо и Пишона. Призывают свергнуть правительство капиталистов и пособников Ватикана. Удивительно, что полиция до сих пор не приняла мер, чтобы срывать подобные призывы к бунту и революции. Пришел домой, где застал Мишу Гончарова. Он только что приехал. Мы были очень удивлены. Он будет в Париже 1 месяц. Он пошел днем с Максимом к Ройбулям. Завтра предполагаются беспорядки. Миша остановился в отвратительном отеле (меблированных комнатах). Полы косые, двери низкие, коридоры с откосыми стенами, меблировка скудная, хозяйка несимпатичная, освещение керосиновое. 10 фр. в день. — Холод очень большой.

Четверг, 29 октября / 11 ноября.

Национальный праздник Пятидесятилетия республики. Мы проспали, но все же успели отправиться на бульвар Saint Germain, чтобы смотреть на шествие. Максим и Графчик пошли в Нотр-Дам. Несмотря на то, что процессия еще не показалась, весь бульвар был полон народа. Многие настойчиво влезали на доски, с призывами подписываться на заем, и на деревья, но полицейские сейчас же просили их слезать. Один господин так удобно расположился, что не мог слезть с деревянного щита, и только с большими усилиями и с помощью представителей власти ему удалось сойти с того места, где он только что

* «На гильотину или на каторгу».

удобно уместился. Но иначе нельзя было сделать, так как щиты грозили свалиться на людей, стоявших вокруг тесной толпой. По улицам стояли солдаты, но очень редко, шагов на 5 один от другого, а между солдатами — полицейские. Холод порядочный, наверное, мороз. Всей стоящей публике и солдатам холодно. Начинают равномерно топать ногами, как будто маршируют целые роты и эскадроны солдат. Люди все более почтенные, прилично одетые и молодежь. Хозяек нет, все занимаются своими делами. Лавки открыты. Трамваи и автобусы на других улицах ходят. Постепенно все окна наполняются зрителями, и какой-то старик усердно сгоняет с карниза вставших там людей и заслоняющих вид для почетных гостей. Хозяин трактира пристраивает из досок и стульев полку, места на которой он продает по франку. Многие принесли с собой лестницы и стулья. Наконец, показывается первое шествие, которое ограничивается двадцатью volontaire'ами и несколькими студентами с громадным знаменем. Но вот начинается и сама процессия: гвардия, конные полки с генералами, командовавшими армиями. Идут довольно долго. После них несут знамена, их много. Каждый раз, как проходит разорванное и простреляное знамя, раздаются радостные крики. Радуются каждому знамени, украшенному почетным легионом. Все снимают шляпы при виде знамен и негодующе кричат на одного фотографа, стоящего с покрытой головой на лестнице. Все время полный порядок, никакой давки нет. Наконец, показывается колесница, белая с золотом, в виде пирамиды с золотыми факелами наверху, запряженная шестериком. В ней наверху, за стеклом, виден сундучок с сердцем Гамбетты[43], по бокам идут два господина в цилиндрах. За колесницей — несколько солдат. Впечатление она на публику не производит никакого. Одна старушка крестится, остальные смотрят с нетерпением, когда пройдет президент. Опять войска и лафет, на котором стоит покрытый национальным флагом гроб неизвестного солдата[44]. Он вызывает мало оваций. Несколько женщин крестятся. За гробом с непокрытой головой идет Мильеран. Совершенно седой, с немного всклокоченными волосами с grand cordon de la Légion d'Honneur*, в лаковых полуботинках, с усталым, напряженным до крайности лицом; идет скорым шагом, не глядя по сторонам

* «орденской лентой Почетного Легиона» (*фр.*)

и очень сосредоточенно. Его встречают бурными овациями. За ним идут Пуакаре и Лейг. Бывшего президента встречают радостными криками. Трех маршалов также встречают овациями, особенно Жоффра. Затем идут депутаты и сенаторы. Потом опять идут войска, очень долго. Сочувственно встречают матросов. Несколько офицеров в русских орденах: Анной на шее и Георгием. Больше всего привлекли внимание два орла Наполеона III на знаменах 1870-го года. Их много приветствовали. После обеда Миша и я пошли на place de la Concorde и Avenue des Champs Elyseés*. Видели в Тюильри очарователя птиц. Он рукой подзывал голубей и воробьев, и они бесстрашно к нему бежали, прыгали на руки и ели крошки хлеба. Когда совсем стемнело, пошли смотреть на иллюминацию. Лучше всего был освещен магазин «Лувр». Громадная красивая электрическая арка. Лувр со стороны улицы Риволи был украшен рядом газовых рожков по карнизу. Palais Royal был также эффектно освещен. На Avenue de l'Opera было несколько иллюминаций, но довольно скудных. Потолкавшись тут, мы пошли на Concorde. Темно, сад закрыт; все разочарованно уходят. Наконец, зажгли несколько прожекторов и 2–3 минуты освещали обелиск. Народу масса, туман очень густой. Но вот мы видим свет из Тюильри. Зажгли бенгальский огонь. Красоты абсолютно никакой. Дыма напустили столько, что нельзя дышать. Но дым поднял туман. Горело 12 прожекторов, которые скрещивались над обелиском, а другие освещали статуи городов, которые были облеплены народом. Ждали до 10 1/2 часов. Попеременно ловили прожектором с крыши дома один из трех дирижаблей, которых для чего-то спустили над садом, то флаг, висевший над ними, но третий так и остался темным. Всякие хулиганы, которым наскучило ходить, начали раскачивать проходящие автомобили, обламывать у них верхи. Наконец, мы так же, как и многие, ушли, не увидевши ничего. Орлеанский вокзал и еще какой-то дом на углу rue du Bac были освещены по бордюрам газом.

Пятница, 30 октября / 12 ноября.
Озерянской иконы Божией Матери.

Утром побежали в Сорбонну, но оказалось, что начало в 2 1/2 часа. Пошел с Мишей устраивать equivalence и временную

* «площадь Согласия и Елисейские поля» (*фр.*)

карточку для входа. Народу масса, давка страшная. Простояли мы с ним очень долго и, наконец, когда дошли, узнали, что нужно приходить в 2 часа. Были в Пантеоне. Там стоит гроб неизвестного солдата и сердце Гамбетты; очень красиво устроено. Прибирают расставленные для почетных гостей кресла и стулья для инвалидов и представителей от сражавшихся солдат. Вокруг гроба и пирамидального памятника стоят 4 часовых. По дороге домой нашли русские карточки, художественно исполненные, и я накупил их на 20 фр. После обеда я пошел на Séance d'ouverture*, а Миша — записываться на faculté de droit**. Я пришел в Сорбонну заранее, но амфитеатр Richelieu был почти полон. Очень много почтенных людей и пожилых дам. К началу заседания все места и даже верхний балкон наполнились слушателями. Впереди сидели профессора и все знаменитости Франции, седые и с плешками, один только более или менее молодой. На эстраде заняли места три профессора: кажется, ректор, декан и заведующий учебной частью, который читал доклад около часа. Говорил сперва о Licence***, потом об иностранцах, к которым необходимо отнестись с большой предупредительностью, чтобы они сделались носителями французской культуры за границей. Он говорил все время образно, красиво и не без юмора. Потом сказал речь декан. Прочитал список умерших и убитых на поле брани, перечислил все перемены, выразил благодарность профессору Лавифу. Говорил он очень трогательно, все долго ему аплодировали. Вечером я ездил к Эвертсу. К сожалению, квартира не сдается, при первой возможности он нам сообщит. Был отец Иаков с женой и долго сидели у нас.

Суббота, 31 октября/13 ноября

Утром поехал к проф. Жюлю Патулье. В кабинете никого нет; на стене висят виды Москвы и портрет Островского в халате, с русской надписью пером. На столе лежат «Последние новости»[45]. Профессор скоро пришел. Не очень высокого роста, полный и немного русского типа. Мы с ним поговорили о лекциях. Он обещал, если понадобится, написать рекоменда-

* «Заседание по случаю открытия» (*фр.*)
** «факультет права» (*фр.*)
*** французский диплом о неполном (после третьего курса) образовании.

тельное письмо. Потом он меня послал к заведующему отделением philosophie classique*, профессору Лафэ. На приеме у него было уже 3 человека. Я поговорил с ним 20 минут. Он мне посоветовал заниматься по старой Licence. Потом я побежал на лекцию в Амфитеатр Guizot. Но оказалось, что проф. Maron читает в Амфитеатре Turgot. Был на лекции,но следил очень трудно. Довольно много людей (15 барышень и 20 молодых людей). После обеда пошли (Максим, Миша и я) в Лувр. Обегали почти все залы. Венера Милосская произвела гораздо лучшее впечатление. Нашли массу новых зал, картины французских художников XIX века и интересные ассирийские залы. Вечером ходили в церковь, служил отец Иаков. Графчик видел у одного букиниста на набережной «Мертвые Души» (великолепное издание) за 5 фр.(?). Виллу отец никак не может сдать. Положение у ген. Врангеля очень серьезное.

Воскресенье, 1/14 ноября.

В газетах очень плохие известия о Врангеле. Положение почти безнадежное. Были в церкви. Выносил аналой. Прислуживал Максим. Я был в зале продаж, видел книги. С матерью были на лекции отца Сергия. Сперва он сказал, что хорошая акустика, избрал президиум, поставил столик с блюдом для сбора денег для иностранных церквей. Говорил два часа подряд без особенной связи. Потом председатель сказал, не желает ли кто-либо высказать свое мнение. Вышел Г.А.Алексинский, митинговый оратор. Только что он стал говорить, как начался такой скандал, что мы скорее ушли. О. Иаков и о. Николай тоже немедленно уехали. Максим, Графчик и Миша были в Салоне. Ни одной приличной картины. Вечером получены совсем ужасные известия. Сдан Симферополь. Что теперь будет со всеми беженцами, офицерами и всеми живущими в Крыму ? Получили от отца телеграмму, что он приезжает в воскресенье. Коловрат уступает нам за 2 тыс. в год свою квартиру на Av. du Gobelins.

Понедельник, 2/15 ноября.

Утром я пошел на лекцию латыни. Проф. Курбо. Он не старый. Объясняет очень хорошо, час прошел незаметно. Потом был дома. Известия от Врангеля безнадежные. Англичане отда-

* «классическая философия» (*фр.*)

ли приказ большевикам не занимать Севастополя, пока не закончится эвакуация. Так-то они будут их слушать! Но, может быть, с Божией помощью, не погибнут русские люди в Крыму и успеют спастись. Максим и Миша пошли отнести гр. Шевилье пакет от кн. Голицыной; были у де Роберти, а потом у Ройбулей. После обеда у меня было 3 лекции. Первая, греческая, проф. Меридье (похож наружностью на Петра Петровича Рыжкова, молодой, читает немного робко, скучновато, но все же понятно. «Les grenouilles» d'Aristophane*). Набилась такая масса людей, что стояли вдоль стен. Проф. Югэ, почтенный с почетным Легионом старик, говорит громко и очень плавно. Объяснял Clément Marot «Eclogue au Roy». Говорил о французском языке XVI-го века. Много почтенных людей, один священник; несколько старых дам и два человека с черными бородами. Оттуда пошел в амфитеатр Декарта. Он был еще закрыт, ждали с 1/2 часа. Масса слушателей: в пять раз больше барышень, чем юношей. Много учительниц. Читал проф. Ле Бретон, очень литературно и поэтично о Шатобриане. Все аплодировали. Мать переехала к нам в «Pavillion», а Миша — в ее комнату. Отец пишет, что он упал в обморок, но, к счастью, все прошло. Виллу хотят взять Вальневы или Бобринские.

Вторник, 3/16 ноября.

Утром был на 3-х лекциях. Первый проф. Жирар — в греческом зале. Это — маленькая комнатка. По стенам шкафы с книгами. На передней стене висят греческие маски. Народа набирается масса, некоторые стоят у двери. Профессор довольно старый, но говорит отчетливо. Весь урок объяснял новое устройство licence. Он нам будет давать греческие переводы и заниматься упражнениями. В свободное время он будет объяснять IX-ую песнь «Иллиады». Я немного задержался, так как показывал ему руководство licence и поэтому опоздал на лекцию проф. Goelzer. Оказался в самом конце класса, но все слышал. Он нам будет объяснять «Историю» Тацита. Задал перевести на французский язык главу 23 из 4-й книги. Отпустил он нас раньше, и мы все заблаговременно пришли в амфитеатр Декарта на лекцию проф. Мишо. В первом семестре мы будем проходить с ним Les destines de Vigny**. На этот раз

* «Лягушки» Аристофана.

** «Судьбы» де Виньи.

он ограничился указаниями, как нужно объяснять французский текст на экзамене Licence. Получили телеграмму от отца, что вилла сдана. Максим был у Шамие. Отец пишет, что Коловрат уступает нам свою квартиру, за которую он платит 1050 фр. в год, за наем мебели — 1000 фр.; это выходит очень дешево. Он выговорил себе даровой проезд до Парижа и обратно. Я был на продаже книг графа Беарнского в Hotel Drouot. Сперва было не очень много народа, все больше книгопродавцы. Есть несколько любителей. Продажа началась, и сразу несколько человек начали соперничать друг с другом и подняли цену на первую книгу до 145 фр. Вообще цены фантастические, зависящие от переплета и от того, кто делал переплет. Книги с переплетом Дерома продавались в несколько раз дороже, чем совсем похожие, но не переплетенные им. Цены вообще очень случайны. Две книги достигли 10.000 фр.

Совсем погибло дело Врангеля. Ужасно. Остались мы без родины. Нет кусочка Русской земли, который бы не страдал под большевиками. Положение безысходное. Что-то будет теперь со всеми русскими. Врангель выехал в Константинополь. Вывезено, как говорят, 60–70 тысяч человек, но это ничтожно, по сравнению с тем количеством беженцев, которые наехали в Крым[16].

Что-то теперь делается с нашими и с знакомыми.

Среда, 4/17 ноября.

Многие злорадствуют. «Последние новости» полны гадких статей. Утром был на одной лекции проф. Гелцера «Сравнительный синтаксис греческого и латинского языков». Как скудна французская наука! Из 30-ти сочинений, которые он назвал, как лучшие, 3 написаны американцами, 17— немцами и ни одного французом. Затем я пошел смотреть квартиру Коловрата и окрестности. Улицы мало застроены или их дома настолько состарились, что грозят разрушиться. За place d'Italie почти что нет домов и улиц и вид не города, а поселка. № 15 довольно большой, с хорошим парадным входом, недалеко от place d'Italie. Обратно приехал на метро вплоть до Denfert Rochereau. Едешь почти по пустынным местам.В 4 1/2 я был на лекции проф. Тома. Он нам читал о старинной французской грамматике в связи со средневековым сочинением «La vie de St. Alexis»*.

* «Житие Св. Алексия»

Мать и Максим были у Ройбулей. Отец пишет, что он страшно потрясен русской трагедией.

Четверг, 5/18 ноября.

Утром был на двух лекциях: одной латинской, у Курбэ, и на греческой у Пюэш Pindare «Pithique I»*. После обеда была еще одна лекция, «La vie de Pericle»** проф. Бургэ. Потом были в Пантеоне. Мать была у Веры Вячеславовны Мещериновой. Заходила г-жа Ройбуль. Я купил за 1.50 хорошую французскую книгу о России. Решил держать новую Licence.

Пятница, 6/19 ноября.

Отец сдал виллу богатым парижским промышленникам. Утром был в затруднении, какую лекцию слушать. Решил, что пойду к Mr. Uri, Salle I. С ним мы будем готовиться к переводам. Он собирается в конце каждого триместра делать репетицию экзамена Licence. Дал нам текст, который был на испытании латинского языка в октябре месяце, и раздал отрывок текста для перевода. Потом мы все побежали к проф. Плесси. Он предполагает проходить палеографию и эпиграфию. Начал с палеографии. Объяснял происхождение книги и перечислил древнейшие манускрипты. После обеда я побежал в библиотеку. По дороге мне сказали, что проф.Стровский будет читать лекцию в 2 часа. Все ждали долго, но выяснилось, что он еще не вернулся из Польши. Был в библиотеке, выписал 2 текста для переводов. Вечером мы до 10 часов рассматривали книгу о России. Начал читать «Notre Dame de Paris»***. На Дарю служил митрополит Григорий. Никого не было. Максим прислуживал. Пели три псаломщика. Он говорит по-русски. Возгласы делал по-славянски и только на великом входе и отпуске по-гречески.

Суббота, 7/20 ноября.

Утром был у Mr. Lafage (Lucrece****). Потом у Mr. Plessis (Vergile «Enéide»***** IX). Mr. Mazon очень хорошо объяснял

* «Пиндар» Пифийская ода. I.
** «Жизнь Перикла».
*** «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго.
**** Лукреций.
***** Вергилий «Энеида».

«Les Sept contre Thebes»*. После обеда был на лекции Mr. Gaiot, которая равным образом относится к историкам и Licence d'Anglais. Mr. Mornet настоящий gentile homme de lettres**, читает немного плаксивым тоном и учено. Народу масса. Вечером были на всенощной. Дома поссорились с Мишею, но, к счастью, все уладилось.

Воскресенье, 8/21 ноября.

Именины Миши, дяди Миши, Михаила Федоровича Гончарова. Были у обедни. Встретились в церкви с Кринским, который только что приехал в Париж, были очень рады. Документы он уничтожил, а часть неважная пропала вместе с вещами. Миша Ройбуль, мы и Миша Гончаров служили молебен. Мать купила пирожки, и мы праздновали Мишины именины. Были у Гербильских. Максим был у Шамие.

Понедельник, 9/22 ноября.

Утром Mr. Courbaut великолепно объяснял «Адельфой». Потом я поехал на Лионский вокзал встречать отца. Поспел как раз во время. Провожал Коловрата до его квартиры. После обеда был на трех лекциях. В квартире Коловрата невозможная пыль и большой беспорядок. Электричества нет. Оказалось, что не заплачено за все военное время. Максим потерял 50 фр. с кошельком.

Вторник, 10/23 ноября.

Утром был на лекциях. После обеда поехал на вокзал, чтобы доставить вещи. Агентство взялось доставить, но страшно дорого, за две вещи 12 фр. Максим долго не приходил, мы страшно беспокоились. Оказывается, он остался к ужину у Ройбулей. Проф. Гельцера не было. На вилле отцом сделаны некоторые починки. Пробили дверь в старый резервуар. Оказалось, великолепная угольная комната. Каменщик взял за это 100 фр., а работали вдвоем 10 дней, потому что стена гранитная. Отец прибавил им 20 фр. Покрасили карнизы в верхних комнатах. Сделали внизу шкаф.Поставили новый замок в комнате. Locatairs'ы приняли на себя дополнительное содержание Бесси,

---

* «Семеро против Фив»
**«благородный писатель» (*фр.*)

а также содержание кота и кур. Я обедал в студенческой столовой: 2.75 [фр.]. Очень хорошо, чисто и вкусно.

Среда, 11/24 ноября.

Утром лекций не было, так как у проф. Гельцера кто-то в семье умер. Был в библиотеке, но ничего не успел взять и написать. Графчик был у Ройбулей. Владимир Иосифович Гурко привез письма от тети Ани [Церетели] из Симферополя, но не догадался нам их передать.

Четверг, 12/25 ноября.

Перед обедней о. протодиакон рассказывал про службу в придворном соборе. Он с Розовым были младшими протодиаконами. Кроме них, были два Поповых и Громов. При государе служили всегда 2 протодиакона, протопресвитер и два протоиерея. Государь очень любил, когда служил Громов и во время провозглашения многолетия и вообще, когда он громко говорил, потягивал с удовольствием усы. На Пасху он очень приветливо говорил с Громовым, когда христосовался со всем духовенством словами «Христос Воскресе». А тот отвечал ему так, что все залы гудели «Воистину Воскресе, Ваше Императорское Величество!».

Был на лекциях.

Отец и мать наняли квартиру в Медоне. Вечером Графчик чувствовал себя плохо.

Пятница, 13/26 ноября.

Утром Максим встал и сразу лег, так как почувствовал себя совсем плохо. Но потом был в церкви по случаю праздника Иоанна Златоуста. Я был у Коловрата и отобрал нужные нам книги. После обеда писал переводы.

Суббота, 14/27 ноября.

Утром был на 3 лекциях. На последней с одной барышней стало дурно. После обеда Максим пошел помогать Коловрату собраться, а я пошел в библиотеку и на лекцию. Вечером были на всенощной. В церкви от топки из-за дождя набрался дым, так что едва можно было что-либо видеть. Французский профессор Энгелез, у которого большевики убили 3-х сыновей, и еще один француз читали в зале Географического общества докла-

ды о России и о большевиках и показывали в волшебном фонаре портреты государя и царской семьи. Французы, которые наполняли зал, кричали: «Vive l'empereur»*. На улицах расклеены желтые плакаты роялистской группы. На другой день они все были заклеены ничего не значащими объявлениями о готовом платье и о дороговизне вещей.

Воскресенье, 15/28 ноября.

Утром пошли пешком в церковь. Пришли очень рано. Великолепная прогулка. На обедне были митрополит Григорий и греческий архимандрит. После окончания литургии был молебен о здравии императрицы Марии Федоровны, по случаю исполнившегося дня ее рождения, с многолетием. Завтракали у Ройбулей. Максим и Миша были на студенческом заседании. Все русские отказывались от председательства и, наконец, оказался председателем еврей, сын Винавера. Я писал дома перевод с французского на греческий. Получили письмо от Владимира Сергеевича Маркова, он с сыном в Белграде. Пишет, что тетя Маруся [Маркова] вышла замуж за Ермолова, но правда ли это — неизвестно, так как мы имеем сведения о ней, в которых ничего об этом не упоминается.

Понедельник, 16/29 ноября.

120 или 130 тысяч русских голодают на пароходах. Ужас, прямо ужас, не знаешь, чем помочь. В церкви собрали много, но все еще, конечно, ничтожно мало. Был на лекции Mr. Courbaut и занимался в библиотеке, но мало успел сделать. Вечером опять был на лекциях. Отец был на заседании. Сидел до 2 часов над двумя переводами.

Вторник, 17/30 ноября.

Утром — на лекциях. После обеда был в библиотеке. Получил свидетельство для железной дороги. Купались. Вечером сидели дома. Отец был в посольстве и не попал в Национальную библиотеку.

* «Да здравствует император!» (*фр.*)

Среда, 18 ноября/ 1 декабря.

Утром был в Сорбонне. Были с Мишей в музее Cluny, очень интересно. Средневековое здание, большой музей. Есть русские иконы: Триптих с Тихвинской иконой и Знамение (есть еще маленькие) и разные кресты. Очень интересны мантии Кавалеров ордена Святого Духа. Получили письмо от тети Ани [Церетели] и проф. Погодина (он в Белграде). Дядя Ваня получил место преподавателя военного училища в Симферополе, и они туда уже уехали, но, наверное, сразу же поехали обратно. От тети Дуни мы знаем, что тетя Женя и дядя Миша благополучно доехали, но тогда не было и речи о крымской катастрофе. Старицкие были в Севастополе. А[нна]Е[вгеньевна] и Ася служили в американской миссии.

Четверг, 19 ноября/2 декабря.

Утром был на лекциях. После обеда опять был в Сорбонне. К чаю был Миша Ройбуль. Вечером пошли к ним обедать. Ужин был чрезмерно обильный: устрицы, суп с пирогом, рыба под соусом и майонезом. Фаршированная грудинка. Мясо кусочками с брюссельской капустой и бисквиты со сбитыми сливками и каштанами. К 9 часам начали собираться гости. Миша Ройбуль с Мишей Гончаровым ушли в кинематограф смотреть какую-то индийскую картину. Собралось довольно много народа. Был какой-то турок, друг Коли Шамие, Сережа Гербильский. Мы ушли в 10 1/4. Миша вернулся в 3 часа ночи.

Пятница, 20 ноября/3 декабря.

Утром был в Сорбонне. Отец был у заведующего Национальной библиотекой. Он сказал, что свитки не имеют исторического значения, так как их в Италии без конца. Рукописи он рассмотрит в течение будущей недели. Приходил Mr. Gaston, парикмахер с Екатерининского канала, 16, который только что приехал из Петрограда. Много рассказывал интересного. Кухарка Лиза с Колей долго защищали квартиру. И, может быть, они успели кое-что спасти. В Петрограде устраиваются грандиозные крестные ходы. По его мнению, нужно только сбросить большевиков, а силы строительные найдутся. Петроград можно было взять голыми руками, а провианта в Финляндии хватило бы. Но англичане послали эстонскую армию в тыл Юденичу, чтобы он не смог идти.

Всенощная была очень торжественная. Я выходил на литию. На полиелей выходили вдвоем с большими восковыми свечами. Пономарил Сережа Третьяков.

Суббота, 21 ноября/4 декабря.

Утром пошел на одну лекцию. В 10 часов поехал в церковь. Лиля Шидловская рассказывала, что Иллиодор [Шидловский] ранен в ногу шрапнелью, но теперь вынули кусок снаряда. Он находится в Константинополе. Сережа в Галлиполи. Надеются приехать сюда. Выходили вдвоем с Максимом на Евангелие и втроем с Сережей [Третьяковым] на великом входе. Прихожан было не очень много. Был на лекции проф. Морнэ. Mr. Plessis вернул работу. По его мнению, я довольно хорошо знаю латынь, но еще недостаточно французский. На Licence моя работа получила бы 7 1/2. Вечером были у всенощной.

Воскресенье, 22 ноября/5 декабря.

Утром поехали к обедне. Я выносил аналой. Сережа пономарил. Завтракали у Ройбулей. Была также Таня Шамие и Миша. В 3 часа поехали в Meudon[47].Свободно, хорошо. Не нашли хозяев на их квартире. Швейцара тоже не было. Мы уже хотели уйти, но еще раз осмотрели дом и нашли квартиру, в которой кто-то находился. Это и оказался Mr. Vaulot. Очень чисто и симпатично. Хозяева приятные. На обратном пути мы втиснулись в semi-direct, который опаздывал. Успели по приезде выпить чаю и поехали ко всенощной. Я пономарил, выходил на литию. На Евангелие выходили вдвоем. Завтра собираемся переезжать. Мать решила взять квартиру в Медоне, так как при ней сад.

Понедельник, 23 ноября/6 декабря.

Утром не пошел на лекцию. Мы собирали вещи. В 9 1/2 приехал фургон и увез их. К 11 час. поехал в церковь. Было освящение воды, литургия и молебен Вел. Кн. Александру Невскому. Прихожан было очень мало. Обедали, как всегда, в ресторане «Des Ministères». Затем я пошел на лекции, а мать, Максим и Графчик поехали в Медон. К 7 часам я также поехал туда. Сегодня не было лекции Mr. Meridier, потому что у него кто-то умер. Я занимался в библиотеке. В поезде была страшная давка, но я, несмотря на большой тюк, проехал благополучно.

Толпа была такая большая, что выдавили стекло, а некоторые проехали дальше. Одна дама была вытиснута и осталась в Медоне, тогда как она ехала в Версаль. Вечером топили печку в столовой. Легли рано, я — в кабинете (первой комнате).

Вторник, 24 ноября/ 7 декабря.

Поехал в 9 часов с Графчиком в Париж. Проф. Гельцер принес поправленные работы. Version* в общем написана хорошо. Устраиваемся постепенно на квартире. В ней 5 комнат: бильярдная, (столовая), кабинет (где я сплю), гостиная и две спальни. Сад большой, немного сыро, особенно в кухне, но главное — много места.

К обеду поехал домой, но было поздно, и мать ничего не приготовила для меня. Несмотря на это, сразу сделала обед. Дом у нас старый, чем-то напоминающий русские усадьбы. В бильярдной и кабинете цветные стекла. В саду оранжерея.

Среда, 25 ноября/8 декабря.

Утром поехал на лекцию к 10 часам. Потом был в Hotel «Pavillion». Миша взял письма и поехал к нам. Вернулся в Медон к 6 часам. Мать и отец были у отца Николая. У Графчика в школе был армянский епископ. Осмотрел все классы. Максим был на лекции. Отец — на заседании. Гурко говорил очень много интересного. Получил письма от André Charlier.

Четверг, 26 ноября/9 декабря.

Утром едва успел на местный поезд. Обедал в университетской столовой.Максим потерял свои ученические билеты. Миша получил equivalence и записался. Послал письмо Шарлье.

Получили письма от тети Жени и дяди Миши, сразу 3. Последнее — из Константинополя. Положение ужасное. Тетя Аня, дядя Ваня, Татуся и Сережа были в Симферополе и неизвестно, где теперь. Страшно, прямо подумать.

Пятница, 27 ноября/ 10 декабря.

Утром пошел на лекцию Mr. Plessis «l'époque imperiale»**, довольно скучно. Он проходит второстепенных неизвестных

---

* Перевод с иностранного языка на французский.

** «эпоха империи» (*фр.*)

писателей, сведения о которых могут пригодиться для истории латинской литературы. Потом вторая лекция была снова у Mr. Plessis. Обед в университетском ресторане. В 2 часа была первая лекция проф. Стровского. Похож немного на Максима Максимовича, плотный, большой, пишет все названия на доске. Немного сомневался в том, что проходить, наверное, еще не успел приготовить лекцию. Хотя он француз по подданству, но вид имеет русский. Он недавно вернулся из Польши. Вечером отец привез от Ройбулей пирог. Хлеб с полотенцем и соль — очень хорошо сделано.

Суббота, 28 ноября/11 декабря.

К обеду вернулся домой. Был затем на лекции Mr. Mornet. Вечером был в церкви. Миша приехал к ужину. На всенощной была масса народу.

Привыкаем к жизни в Медоне. Городок славный, все сосредоточено на главной улице, на которой мы живем. Напротив недостроенные дома и много повсюду пустырей. Лавки хорошие, и все можно доставать на месте.

Воскресенье, 29 ноября/12 декабря.

Были у обедни. Обедали у Ройбулей. Как всегда, масса кушаний. Миша поехал на охоту и, несмотря на протесты, взял с собой Максима. Миша Гончаров также поехал, но оказалось, что это где-то далеко, и они вернутся только завтра. Мать была очень недовольна, что отпустила Максима с Мишей. Графчик был у Третьяковых. У них было много гостей, между прочим Д.С.Стеллецкий. Засиделись у Ройбулей. Там был Глушков. Мать рассказывала про наше житье в Харькове. Вернулись в Медон в 6 часов.

Понедельник, 30 ноября/13 декабря.

Утром был на лекциях. Приехал обедать домой. Максим еще не вернулся.После обеда вновь был в Париже. Приехал в Медон в одном поезде с Максимом, который рассказывал за ужином о поездке. Они выехали в 2 часа и только в последний момент узнали, что едут не просто за город, а очень далеко. Сели во второй класс. Пересаживались в Амьене, проезжали по опустошенным областям, но не видели особого разрушения. Пострадала полоса, где были ураганные бои. В 5 часов приеха-

ли на узловую станцию. Настоящая провинция. Уже ждала коляска, обыкновенный деревенский кабриолет на 2 колесах. Но перед тем, как отправляться на место охоты, пошли ужинать. Ресторан довольно простецкий. Но ввиду редких гостей открыли столовую. Накормили хорошим ужином. Затем на кабриолете отправились за 5 верст. Сперва шло шоссе, потом началась русская дорога. Под конец пришлось идти по тропинке пешком. Максим и оба Миши с проводником пришли на место, но ничего не увидели. Оказалось, что дом опущен под болото. Проводник начал отчаянно звать сторожа, и, наконец, он явился с зажженным фонарем. Они вчетвером спустились вниз. В домике 4 комнаты, кухня, столовая, спальня, откуда стреляют, комната сторожа и передняя. Наверху два маленьких флигеля и забор. При входе, в передней, нужно снять сапоги и надеть туфли. На полу лежит ковер. Все великолепно устроено. Масса разных ружей. Дом из бетона, но нет ни малейшей сырости. Дом этот был построен снаружи на весу, как коробка из железобетона, под наблюдением самого виконта, и потом канаты были одновременно разрублены, и коробка опустилась под воду. Отверстия для ружей на вышине человеческого роста находятся на уровне земли. Дом обошелся в 400.000 фр., пруд четырехугольный, 1 метр глубины, и соединен с рекой, впадающей в море. В 4-х верстах от моря, на границе Бельгии и переправы в Англию. Они выпили кофе и легли спать. Очень рано встали. Утки, привязанные для привлечения пролетающих птиц, кричали. Есть деревянные утки, плавающие по пруду. Несколько уток прилетело. Миша выстрелили, но не попал. Максим и Миша Гончаров стреляли. Бесполезно. Наконец, плывет на них утка. Миша стреляет, ранит ее в крыло и лапку, но сторож прибегает в ужасе. Оказывается, это его домашняя утка, которая выплыла из сарайчика. Наконец, Мише удается убить двух. Сторож помогает и убивают еще двух. Еще две птицы пролетают вдалеке, сторож метким выстрелом убивает их: всего шесть птиц. Тогда Миша предлагает сказать заклинательное слово, по которому все утки должны прилететь. Все втроем произносят его, и, начиная с этого момента, ни одной утки больше не показывается. Сторож приготовил в 10 часов обед из взятой провизии. Ночью Максим и два Михаила вели продолжительный мистический разговор. В 12 часов поехали на поезде обратно и в 5 часов приехали в Париж. Пришлось заплатить за 6 птиц, но чиновник, подкупленный честностью Миши, пере-

числившего всю добычу, взял всего 2 фр. По пути туда, в поезде они имели длинную беседу с католическим abbé.

Вторник, 1/14 декабря.

Утром я был на лекциях. Лекция Mr. Croiset очень интересна. Он — Membre de l'institut*. Вообще, в College de France почти все профессора — академики. Там читает L.Leger средневековую чехословацкую народную поэму. Обедал в Париже. После обеда у нас были гости. Сперва пришел Миша Гончаров, потом Миша Ройбуль и отец архимандрит Сергий. Остальные члены семьи Ройбулей пришли позже. Миша рассказывал, что один русский человек имеет музей. Картины Микельанджело и даже Рафаэля, и хочет, во что бы то ни стало, продать их за три миллиона. Миша хочет заняться этой продажей. Со школьным делом все хорошо устроилось. В Париже французское правительство берет все расходы на себя, и в Ницце с нового года[48]. Уехали все около 7 часов. Отец поехал на заседание к кн. Голицыну.

Среда, 2/15 декабря.

Утром ездил в Сорбонну. Вернулся обедать. Был в библиотеке. В первый раз пришел на лекцию проф. Huguet «Le yocabulaire français»**. Довольно интересно. У Mr. Thomas читали 6–7 строчек. В следующий раз будет объяснять кто-нибудь из слушателей. Забежал на лекцию о России. Проф. Оман читает публичный курс о «Единстве России». В этот раз он говорил о географическом устройстве России и о заселении Сибири русскими.

Четверг, 3/16 декабря.

Утром был в Сорбонне. К Mr. Bourget изо дня в день все приходят раньше. Я пришел за 20 минут, и уже первый ряд был занят. Вернулся рано, никого не было. Мать с Графчиком делала покупки в «Printemps»*** — громадный магазин, расширенный и еще не совсем отделанный. Мише нужно обязательно уезжать, а то на него Париж имеет плохое влияние.

---

* Академик

** «Словарный состав французского языка» (*фр.*)

*** «Весна» (*фр.*)

Пятница, 4/17 декабря.

Был на двух лекциях Plessis, а после обеда — у Стровского. Привезли муниципальные дрова и свалили у входа, так что нам пришлось всем вшестером при помощи швейцарихи таскать их в сарай. Мы их бросали через дверь, потом Графчик подымал по лестнице, а отец относил в сарай. Поставили новый счетчик. Миша ужинал. По случаю укладки дров отец купил сладких пирожков.

Суббота, 5 / 18 декабря.

Утром поехал в Сорбонну. Mr. Lafage и Mr. Plessis вернули письменные работы. У обоих по 5 на 10. Обедал в Париже, потом сидел в библиотеке. Вечером мы были на всенощной. Максим не пошел даже в школу. Архимандрит не служил. С Максимом выходили со свечами. Сережа пономарил. После всенощной Максим с Мишей поехали к Муравьевым на чай по случаю окончания экзаменов. Вернулся в 11 1/2 часов.

Хотя наша квартира меблированная, но начинаем устраиваться по-своему. Наняли ее на 9 месяцев, так как на лето вернемся в Болье. Домовладелец — крупный чиновник в «Лионском кредите». В квартире жила его мать, и не было очень давно ремонта. Родители наняли ее в день объявления о сдаче случайно, так как поехали в Медон к проф. Метальникову, который должен был вернуться только что из Симферополя, но, не застав его, зашли в агентство, по совету одного русского. Мать особенно довольна величиной комнат и высокими потолками и садом, но топка не налажена и пока очень холодно.

6 декабря. Праздник Святителя Николая Мирликийского Чудотворца.

Утром были на литургии. Было очень торжественно; на Евангелие выходил с Максимом, на великом входе втроем с Сережей. После обедни была соборная панихида по Императору Николаю II. Церковь была набита. После панихиды был молебен Николаю Чудотворцу, так что вышли из церкви после часа дня. Обедали вместе с Мишей. Он завтра уезжает домой в 6 часов с курьерским поездом. После обеда мы втроем были в музее Клюни. Очень много интересного, но толкучка была порядочная, да к тому же было темно. Потом пошли все пять к M-me Morin. У ней было уже несколько гостей. Пили чай,

разговаривали о современном положении. Мы смотрели книги и даже взяли одну с собой. Максим был у Шамие. Вечером у нас был проф. С.И.Метальников. Рассказывал много интересного о том, как он выехал из Крыма. Он там пробыл один месяц, и на него произвело не очень хорошее впечатление все, что там видел. Положение в Крыму было плохое. В самые последние дни был в Симферополе съезд, на котором присутствовали все ученые, находящиеся в Крыму. Ректором университета избрали Вернадского[49]. Метальников видел Сушковых, Байковых, проф. Вагнера, Генделя.

Заседания происходили во время эвакуации, но никто не был оповещен. И все профессора остались там. Ночью он проснулся от шума. Оказывается, приказано эвакуировать Симферополь. Ни лошадей, ни автомобилей нет. Он бегал по всему городу и, наконец, нашел дрожки, которые взялись довезти его за 70.000 руб. до Бахчисарая, но не успел он выехать, как его ссадили офицеры: вынули револьверы и заставили сойти. Тогда, отчаявшись найти какой-нибудь экипаж, проф. Метальников пошел пешком и встретил по дороге три линейки, на которых ехали офицеры с семействами и вещи. Он сговорился с кучером за 150.000 руб. и сел на линейку с вещами, причем его уверили, что так как она реквизирована, то никто больше не ссадит его по дороге. Они обогнали Алексеевское училище и очень много подвод и экипажей. К вечеру приехали на Северную. Ни одного ялика, все реквизировано, 3-ий день эвакуации. Наконец, с большим трудом, за громадные деньги, его довозят ночью до Севастополя. Он бросается во французскую миссию, но его не пускают и говорят, что надо прийти завтра. Утром то же самое. Тогда он задним ходом проходит в дом, встречает французского офицера и получает пропуск на «Вальдек Руссо», который самым последним ушел из Севастополя; проф. Метальников выехал с последним яликом. Потом дредноут пошел в Ялту, но вещи все же пропали, так как их нельзя было погрузить. В Константинополе положение ужасное: грязь, бараки, у Сан Стефано беженцы спят на земле, воды мало, не выпускают. Он там посещал свою дочь, видел князей Петра и Павла Долгоруких, у которых было 2 лиры денег, промокших. Все их вещи во время погрузки были брошены в море. В Крыму было 20 градусов мороза.

Понедельник 7/20 декабря.

Утром был на двух лекциях и после обеда — на трех, до половины шестого. Миша Гончаров сегодня уезжает. Поехал его провожать на вокзал. Он с Максимом забрался чуть не за час и хорошо поместился. Все очень приличная публика. На вокзале, как всегда, столпотворение. Утром они провожали Дурасову, но увидели лишь последний вагон да возвращающихся Муравьевых. Мы дождались отхода поезда и поехали домой. Вечером читали по-немецки, а я писал работу.

Вторник, 8/21 декабря.

Утром был на лекциях, опоздал на поезд, но все же успел попасть в Сорбонну к 9 часам. После обеда сижу один и занимаюсь переводами. Долго никто не возвращается; работы не удаются, тоскливо, скучно и грустно. Не знаешь, что делать, что начинать, идет дождь и ужасно уныло. Не находишь места. Вечером мать читала Пушкина.

Среда, 9/22 декабря.

Утром опоздал на поезд и не был на лекциях. Вечером ездил в Сорбонну, а после занятий сделал для именин покупки.

Четверг, 10/23 декабря.

Именины отца и Евграфа. Утром был в Париже.

Было очень много угощений: два пирога, разные конфеты, варенье. Самым первым пришел Миша Ройбуль. Мы еще не были готовы. Мать приготовляла компот и шоколад. Потом пришел П.П.Ганский. Очень интересный и умный человек. Больше никто долго не шел, и мы решили пить шоколад. Наконец, пришли о. Николай с матушкой, Евгения Васильевна и Таня Ройбуль, а немного позже вернулся отец с Муравьевым (бывшим Московским губернатором), а в 6 часов — проф. Метальников. Ройбули принесли коробку конфет, по крайней мере, на 60 фр. Была Славина со своей ученицей. Все были очень довольны. Разошлись рано. Последними остались Ганский и Метальников. Ганский говорил на религиозно-философские темы. Проф. Метальников рассказывал о своих работах[50]. Оказывается, бацилла туберкулеза заключена в восковую оболочку. А воск очень трудно растворить, или он растворяется такими веществами, которые нельзя вводить в тело. Тогда додумались искать

в желудочных соках разных насекомых. Оказывается, пчелиная моль обладает способностью перерабатывать воск и питается исключительно только сотами. Теперь задача состоит в извлечении фермента из гусеницы этой моли, но это очень трудно. Над этим работает проф. Метальников в Пастеровском институте.

Пятница, 11/24 декабря.

Католический сочельник, но, несмотря на это, были лекции. Утром был у Mr. Plessis. После обеда — у Стровского. Он во второй половине лекции рассказывал нам о впечатлениях, вынесенных им из поездки по центральным странам. Он был в Вене и разговаривал с австрийскими профессорами. Положение их ужасное. Голодают, едят один раз в день. Студенты в таком же положении. Австрийских университетов не существует, все, что было заграничного, уехало, а остальные не признают себя австрийцами, а говорят, что они — немцы, и с французами работать не желают.

Пили чай дома. Я купил протоколы и журнал, в последнем номере очень много интересного. Графчик чувствует себя плохо и лежит. Вечером поехали втроем к Ройбулям. Евгения Васильевна поссорилась с Таней и не вышла к гостям. Коля безобразничал. Только под конец немного все успокоилось. Зажигали елку. Как-то странно — не в свое Рождество. Пошли в 12 час. ночи в Медонскую церковь[51]. Настоятель аббат говорил проповедь. Народу масса, но как-то театрально. Распорядители с лентами на рукавах рассаживали людей. Наблюдающий за порядком — в треуголке с громадной булавой. Стучит, когда кто-нибудь позабудет встать, и ударами об пол наводит порядок. Аббат сам снял с себя облачения и пошел к кафедре. Он начал проповедь с заявления о красоте храма при электрическом освещении и после ремонта и о необходимости жертвовать на отопление, на которое собрал пока 517 фр., тогда как нужно 3000 фр. Потом сказал без особого содержания красивую бурную речь, перемешанную латинскими словами. Messe basse* продолжалась очень недолго и скоро началось причастие. Мы ушли. Было более часа ночи и мы торопились домой.

* Месса без песнопения.

Суббота, 12/25 декабря.

Католическое Рождество. Все магазины открыты, и вид улиц ничем не выделяется. Говорят, что в этом году все рестораны разорились, так как очень многие пошли в церковь, вместо того, чтобы проводить ночь в бессмысленных попойках. Днем сидели дома. Вечером были у всенощной. Два Евграфа остались дома. '

Воскресенье, 13/26 декабря.

Максим встал совсем кислым и больным и никуда не поехал. Служили отец архимандрит, о. Гавриил Леончуков и о. Иаков Смирнов. Обедали дома. Максим и Графчик остались дома, а мы втроем пошли к M-lle Dugard. На лестнице встретились с господином, который также направлялся к ней. Он интересуется Россией, родился и жил там 18 лет, а потом поселился во Франции, натурализовался и теперь доктор в Париже. По наружному виду он, наверное, еврей. Он высказывал очень интересные и верные суждения о большевиках. По его мнению, большевизм есть единственное и прямое развитие идей Карла Маркса. Все другие социалисты не могут признать вполне несостоятельными идеи большевизма, потому что, тем самым, они должны были бы признать несостоятельность их собственных идей, которые имеют ту же основу. M-lle Dugard приготовила массу продуктов, так как рассчитывала, что нас будет пять. Мы уехали в восьмом часу домой, причем поспели как раз на поезд.

Понедельник, 14/27 декабря.

Утром получили письма от тети Жени и дяди Миши и тети Ани. Татуся серьезно больна. Дядя Ваня и Сережа должны были уехать, так как больница, в которой лежит Татуся, частная. Тетю Аню оставили только благодаря хлопотам А.Е.Старицкой, которая служит в Американском Красном Кресте. Положение их ужасное. Тетя Женя и дядя Миша в Катарро. 18 человек в одной комнате. Юденич обещал дать ему занятие на своей ферме в Saint Laurent du Val. Был в церкви. После обеда сидели все дома. Вечером отец едет на заседание; будет ночевать в Hotel «Povillion».

Вторник, 15/28 декабря.

Утром поехал помогать прибирать в церкви. Сперва даже не знали, за что приняться. Решили, что я буду вытирать иконы в ризнице. Ужасно все запылено и запущено, особенно в алтаре. Там стоят две иконы Стеллецкого. Древний стиль, но, как выразился о. Иаков, «мазня». В этом с ним согласен. Я был настолько грязен, что не знал, где мне вымыться. О. Иаков пригласил меня к себе. Я извел у него два кувшина горячей воды. Затем он настоял, чтобы я пошел к нему обедать. У него очень славненькая внучка двух лет. Она все меня занимала. Рассказывала о новых туфлях. Пела «Чижика». После обеда ездил с матерью в Париж. Погода стоит удивительно теплая. Можно ходить без пальто. Максим все еще не совсем поправился.

Среда, 16/29 декабря.

Мое рождение. Утром поехал с Графчиком в церковь. Обедали дома. Мать подарила мне бумажник, а отец — вечное перо. Оба подарка очень ценные. После обеда приготовляли и накрывали на стол. Первыми пришли двое Гербильских (Андрюша не мог прийти). Пошли с ними в сад и говорили о Болье. Потом я пошел встречать Павлика Мандельштама и Кирилла Кривошеина. Павлик приехал, а Кирилла не было. Конечно, Сережа с Максимом начали играть в шахматы. Все, не дождавшись Кривошеина, сели пить шоколад. Я еще раз бесполезно ходил на вокзал. Пришли Метальниковы. Она немного грубовата. Мандельштам знает их сына, вероятно, по скаутскому отряду. Мы принялись после чая писать письмо Андрею Одарченко. Наплели ужасную чепуху, запечатали серебряной бумагой и поручили Мандельштаму его отправить. Метальниковы сидели до 8 часов. Сережа очень удивлялся моим маркам. Отец был на обеде в честь проф. Патулье и остался ночевать в Париже. Вечером мы читали «Petite Mademoiselle».

Четверг, 17/30 декабря.

Утром ездил за елкой. Все очень дорогие. Я купил довольно большую на 10 фр. С большим трудом привез ее в Медон, причем меня не сразу хотели пустить в метро. Пока поставили ее в саду. Мать поехала в Париж. Я ходил на почту и привожу в порядок учебники и записи о лекциях.

Пятница, 18/31 декабря.

Целый день сидел дома. Отец поехал в клуб. Вечером читали по-английски. Погода немного похолодала. Писал греческую Version* и латинский Thème**.

Суббота, 19 декабря/1 января.

Утром сидели дома. Я писал поздравительные письма к Рождеству. Отец рассказывал много интересного об А.А.Лесли и об Апраксине. Оказывается, Александра Александровна очень богата: у трех сестер 10 домов, и она должна получить наследство Шаховской, Глебовой-Стрешневой, которая имеет большое состояние в России и за границей. Ее яхту хочет купить английское правительство за 5.000 фунтов. Апраксин не совсем в своем уме. Он накупил под векселя ненужных вещей на 5 млн. рублей и поэтому был взят под опеку.

У нас сегодня был настоящий борщ. Вечером были у всенощной.

Воскресенье, 20 декабря/2 января.

Утром была торжественная служба. Служил о. архимандрит, о. Гавриил и о. Иаков. После обеда поехали на студенческое заседание в школе. Когда мы вошли, комната была уже полной. Были Кривошеины, Гербильские, Мандельштам, Г.Соловейчик. Я с ним говорил во время перерыва. Сперва огласили письмо, отправленное от лица русских студентов французской студенческой организации. В этом письме было упомянуто «во имя России антибольшевистской и демократической». Из-за этого слова «демократической» более полутора часов длился спор отчаянный и бестолковый. Комитет все настаивал, что этим он не вносит политики и что это моральная необходимость для России. И.Я.Савич — председатель, хотя имеет русскую фамилию, но наверно, у него есть еврейская кровь. Весь комитет с ним во главе настроен очень лево. Вообще среди присутствующих преобладали евреи. Несмотря на отчаянную защиту Сережи Гербильского, контр-резолюция провалилась, а прошла 30-ю голосами против 20-ти одобряющая все действия комитета. Кончи-

* Перевод с иностранного языка на французский.

** Перевод с французского языка.

лось заседание в 7 часов. Мать и отец давали обед M-lle Dugard, генералу Д.В.Яковлеву и проф.П.П.Гронскому в Hotel «Lutétia». Было очень хорошо и обильно сервировано.

Понедельник, 21 декабря/3 января

Ходил в Сорбонну. Достал «Grenouilles» Аристофана (в издании Тейнбнера).

Вторник, 22 декабря/4 января.

Утром был в Сорбонне. После обеда сидел дома, а все другие ездили в Париж за покупками.

Среда, 23 декабря/5 января.

Утром, раскрывая газету, увидел известие о кончине А.Ф-.Кони. Мы все были страшно поражены. Не может быть, что Анатолий Федорович умер. Еще один магикан ушел. Это возможно из-за его 77 лет и советского режима. День прошел скучно. Покупали разные вещи для Рождества.

Четверг, 24 декабря/6 января.

Сочельник. Не пошел в Сорбонну. Утром поехали на службу. Людей в церкви было очень мало. Миша, сторож, все очень хорошо вычистил. Подсвечники блестят. Он достал золотые ризы, которых хватит на всех. Обедать поехали домой. Внесли елку и поставили ее на бильярд.

В церкви за полчаса начали собираться люди. Все люстры вычищены. Служили 4 священника: о. Иаков, о. Гавриил, о. Николай, о. Барсов. Отец Соколовский был задержан остановкой метро и не мог приехать вовремя. Во время службы все люстры были зажжены. Я выходил на литию. На величание выходили Максим, Графчик и Сережа. На Евангелие выходили со свечами. Во время помазания елеем Максим и я стояли против образа для порядка. Народа было необыкновенно много. Отец Иаков помазывал елеем даже после конца всенощной. Хор пел не очень хорошо. «Ныне отпущаем» совсем плохо.

После всенощной были у Ройбулей. У них был сверхъестественный обед с кутьей и узваром. Зажигали елку.

Пятница. 25 декабря/7 января. Рождество Христово.

Утром встали довольно поздно. Но все же приехали в церковь заранее. Все пять священников собрались заблаговременно. Служба прошла очень торжественно. На Евангелие я выходил с Максимом. Сережа нес аналой. На великий вход выходили втроем с Сережей. Народу было так много, что нельзя было протискаться. Отец Иаков сказал проповедь. После церкви мы все поехали домой и обедали дома. Мать сделала сладкий пирог. К трем часам пришли Геруа: отец, дочь и сын. Они нам рассказывали много интересного об английской школе. Намного позже пришли Кринские и Титовы, а также девочка Метальникова. Мы зажгли елку, пили чай, играли в мнения. Гораздо позже пришел проф. А.Н.Анцыферов с женой, и самым последним явился Лев Евгеньевич де Роберти. Все разошлись к 7 часам.

Суббота, 26 декабря/8 января.

Утром ходил на лекции. После обеда ждал Шарлье, но он не приехал. Заказали у портного костюмы. Я купил свечей для елки. Заходил к Кривошеиным. На всенощной отсутствовал дьякон и поэтому было очень грустно и вяло. Он немного простудился на сегодняшних похоронах кн. Белосельского-Белозерского. Вечер школы прошел очень хорошо.

Воскресенье, 27 декабря/9 января.

Утром были у обедни. Остались втроем в городе. Заходили после обеда к Павлику Мандельштаму и к 3 часам отправились на елку в посольство. Еще мало кто собрался. С.Г.Попич и учительница рисования развешивали рисунки учеников в нижней, первой комнате. Когда собралось порядочно детей, все довольно маленьких, началось представление фокусника. Он очень веселый и ловкий человек, все время острит и проделывает разные штуки. До 5 часов он показывал фокусы и китайские тени, причем все время вызывал к себе из публики кого-нибудь из детей и даже двоих. Во время представления фокусника внизу была зажжена елка, и все взрослые и дети были впущены толпой в нижние комнаты. Фокусник был в зале наверху, в которой был экзамен Закона Божия. Тут же сразу маленьких детей повели угощаться, а молодежи Мария Алексеевна Маклакова начала раздавать книги. Все устроено было

очень хорошо. Я получил «Ревизора». Максим — «Пушинку» Сельмы Лагерлёф, а Графчик — «Тараса Бульбу». Немного позже всех взрослых пригласили пить чай. Наготовлено было так много, что многое осталось. Было все же до 100 человек. После чая играли в хоровод и смотрели на елку. Некоторые танцевали. Мы ушли после шести часов. Ни Гербильских, ни других, экзаменовавшихся вместе с нами, кроме Симоновых, Шамие и Тани Ройбуль, не было.

Понедельник, 28 декабря/ 10 января.

Утром ходил на лекции. Обедали в университетской столовой. Потом пошел к Шарлье. Он был взят в плен офицером и два года пробыл в Германии. Лекция проф. Le Breton прошла с замечательным успехом.

Вторник, 29 декабря/ 11 января.

Утром был на лекциях; получил работы от проф. Girard (4) и проф. Гельцер (theme) и Version. Небольшой прогресс, за исключением theme. После обеда ездил в библиотеку; купил «Revue Universelle» от 15 ноября. Там помещена замечательная статья о положении Русской Церкви. Писал эту статью, наверно, русский. Автор высказывает открыто замечательные мысли об одержании души русского народа. И кончится, по его словам, это одержание великим покаянием русских людей, а пока не осознает русский народ своей виновности, не будет спасения.

Среда, 30 декабря/ 12 января.

Сегодня рождение отца и 30 лет его государственной службы. Уже в 1915 году, когда исполнилось 25 лет службы, отец решил праздновать юбилей после войны, но вот уже прошло пять лет, а нельзя было, конечно, праздновать. Будем надеяться, что отпразднуем 35 лет службы в восстановленной великой православной России. Утром ходил записываться на русские лекции. Но мне сказали, чтобы я пришел после обеда. Делали примерку костюмов, причем погасло электричество, и пришлось довольствоваться свечкой, а после лампой. Получили письма от Н.Е.Бередниковой и дьякона А.Победоносцева. К Рождеству в Ницце сшили новые ризы из великолепной парчи. Выходил со свечкой д-р Крылов. Собор был переполнен.

Вечером занимался. Зажигали елку.

Был в Пантеоне[52] в «Caveaux», такое жалкое впечатление. Пыль, беспорядок, узкие проходы, какие-то ниши. Похоронены неизвестно чем прославившиеся люди: Золя, потому что хвалил евреев, Ланн, потому что попросил Наполеона похоронить его там, Monceau и еще некоторые, неизвестно почему. Карно, потому что не был никогда крещен. Бернело похоронен с женой только из-за того, что они не хотели расставаться. Над гробницей Вольтера и Жан-Жака Руссо безобразные маски. Суфло похоронен в проходе и только потому, что начал строить Пантеон, тогда предполагавшийся быть храмом св. Женевьевы. Наконец, сторож обратил наше внимание на сундучок с сердцем Гамбетты и извинялись, что «pour le moment il n'y a rien de plus à voir»*. Впечатление мизерабельное. Говорят, что неизвестного солдата не похоронили в Пантеоне благодаря требованию католического духовенства, которое запретило хоронить его в неосвященной земле.

Четверг, 31 декабря/13 января.

Утром был на лекциях, обедал дома. После обеда был опять в Сорбонне. Занимался в библиотеке. Поехал оттуда в церковь. Служили о. Иаков и о. Николай в золотых рождественских ризах. Я выходил на литию и с Сережей на полиелей. Вечером были все дома. Читали по-английски, зажигали елку.

Завтра начинается Новый год. Дай-то Бог, чтобы он принес освобождение бедной России. Будем надеяться, что можно будет нам всем вернуться на Родину на пользу будущей Великой Православной Единой Царской России.

* «в данный момент больше нечего смотреть» (*фр.*)

1921 год

1 / 14 января. 1921 года. Новый Год. Пятница.

Утром были в церкви. Служили о. Иаков (Смирнов) и о. Николай (Сахаров); на молебен вышел о. Гавриил (Леончуков). Церковь была полна. Отец Николай сказал проповедь о необходимости нам всем объединиться вокруг Церкви. Был торжественный молебен св. Василию. После службы побежали к Ройбулям, пообедали излишне сытно и отправились с братом французского министра Le Breton и еще тремя французами осматривать Севрский фарфоровый завод. Трамвай нас довез за 20 минут. Сперва осматривали Севрский музей. Много интересного. Замечательные копии с картин великих художников на фарфоре. Краски так свежи, как будто только вчера нарисовано. Потом по пропуску, на котором было написано, что нам можно показать, в сопровождении сторожа пошли осматривать самую фабрику. Она расположена в относительно небольшом двухэтажном домике красно-бурого цвета. Теперь она работает только по заказу, а заказывать могут Президент Республики, министры и главы других государств. Сперва посетили мастерскую, в которой мочат предметы. Каждую фарфоровую вещь делают из каолина, который сохраняется в сыром виде и не сохнет в течение 100 лет. Чем дольше лежит каолин, тем лучше будет фарфор. Мастер, делающий простые вещи, формирует их на станке и оттачивает затем разными инструментами, похожими на стамески. Группы из бисквита выливают в формы, но выходят оттуда в грубом виде и без некоторых деталей, иногда даже целых фигур. Ряд скульпторов занимается каждый одной статуэткой или группой. Приходится подравнивать, подкруглять, исправлять, так что отдельный экземпляр бисквита требует большого скульптурного труда. Потом мы смотрели печи. В Севрском заводе употребляются обыкновенные печи, топящиеся дровами, которые кладутся в 4 ямы по бокам. Они очень сухие и мелкие и горят почти без дыма, отдавая весь жар в печь. Внутри приходится очень часто переменять стены. Печь состоит из двух отделений. В верхнем, которое нагревается

только через стенку нижней печи, сушатся фарфоровые вещи, еще не обожженные. Бисквиты кладутся в нижнюю печь. Почему они и называются biscuits. Все вещи стоят в печах в футлярах из огнеупорной глины, чтобы предохранить их от повреждения и жара. Градусники также примитивны: в середину печи вставлена трубка, на конце которой привешен кружок глины с двумя пробами фарфора: одной, плавящейся при 75° и другой — при 130°, и смотря по тому, какая проба течет, узнают температуру. Затем мы пошли смотреть мельницы для краски: большие барабаны, в которых куски краски трутся один о другой. Смотрели, как делают украшения на тарелках. Каждый маленький рисунок гравируется на меди и затем переводится на марлю, а с марли стирается на тарелку. Работа очень кропотливая. Теперь как раз делают громадный сервиз Пилсудскому с польским гербом. Страна в разорении, а такие громадные деньги бросают на сервизы. Каждую тарелку приходится проскабливать целиком особыми инструментами, так как она выходит из печи матовой, хотя и глазированной. Малейшая вещь стоит очень больших денег. Дороже всего стоят чашки с кружевными украшениями. Снаружи чашка кружевная, а внутри вторая стенка полная, но все состоит из одного куска. Такую чашку сделать очень трудно. Миша [Ройбуль] дал сторожу 10 фр., он был очень доволен. Домой вернулись к 6 часам. Мать приготовила чай и напекла печений.

Вечером читали по-английски.

[Суббота] 2/15 января.

Утром был в Сорбонне. Получил у Mr. Plessis 5 1/2. Ездил за вещами к Коловрату на квартиру. Там в полном разгаре ремонт. С большим трудом перевез на такси вещи в Версаль. Пил чай дома, вечером был на всенощной.

Воскресенье, 3/16 января.

Были утром на литургии. Дьякон болен и не мог служить. После обедни были в ресторане и к 2 часам поехали в Сорбонну. Несмотря на то, что мы пришли за час, было уже очень много народа. Церковь Сорбонны дезафектирована и в ней даются духовные концерты. Она не ремонтируется совершенно и потому вся штукатурка обваливается. Оркестр и певцы отделены от публики зеленью. Играли 1-ый и 2-ой акт «Парсифаля». Музыка хорошая, но голоса довольно слабые,

особенно бас. Концерт продолжался до 5 часов. Вагнер мне понравился, но, когда слишком много, устаешь.

Мы пошли после концерта взять вещи и набрали столько, что с трудом доехали до Медона. Вечером читали по-английски. Было заседание по устройству прихода на Дарю.

Понедельник, 4/17 января.

Наконец, в Александро-Невском храме устраивается приход.

Утром был на лекциях. Потом пошел к проф. Гронскому. Он читал об истории и развитии русского права до имп. Павла I. Нам предоставили аудиторию в старом здании. Комната без пюпитров. Темные стены. Видно, что зала очень старая. П.П.Гронский после краткого вступления говорил об иностранных влияниях на русское право. Он византиефил и православный по духу. Собралось 14 слушателей, из них — 11 евреев. Записался и на другие лекции Русского юридического факультета[1].

Вторник, 5/18 января.

Утром был на одной лекции, а после нее поехал в церковь. Дьякон все еще болен. Служил один о. Иаков. Было водоосвящение. Я обедал в городе и пошел в библиотеку Св. Женевьевы[2]. Громадное здание. Книги может читать всякий старше 14-ти лет. Много интересных сочинений о России, вышедших за 1920 год. Есть много книг Максима Максимовича [Ковалевского], Павла Ивановича [Ковалевского] и «Воспоминания» Софьи Васильевны [Ковалевской].

Были на примерке. Костюмы сшиты хорошо.

Вечером была всенощная. Служили о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай, без дьякона. Народа было не очень много. Сережа [Третьяков] и я пономарили. Вечером зажигали елку.

Среда, 6/19 января. Крещение Господне.

Утром служба была удивительно торжественная. Служили 5 священников и протодиакон, который чувствовал себя лучше. Церковь полна. Максим, Сережа и я пономарили. Было торжественное водоосвящение. После обедни мы пошли обедать в город. Отец и мать были у Третьяковых, Анцыферовых и в Нейи у Елисеевых. Мы пошли на выставку религиозных

предметов в Лувре. Ужас! Ужас! Ужас! Кроме двух-трех хороших вещей, остальное — насмешка над христианством. Пошлость в образах и престолах и во всех рисунках и всюду — кровь. Неужели что-нибудь из этого попадет в церкви? Да и католические издания носят отпечаток упадка и видна наклонная плоскость, по которой идет католичество. Из католичества изгоняется постепенно христианский дух, и священные изображения, переполненные красивыми красками и уродливыми исковерканными фигурами, не дают ничего религиозному духу. Выставка наводит уныние. Чувствуется, что католическое духовное искусство несется в пропасть к вульгаризации и вкусу времени, и что только некоторые, хотящие удержать его в этом движении, цепляются за византийские орнаменты и рисунки.

Вечером несколько раз потухало электричество. Был Миша Ройбуль. Предлагает в следующий четверг ехать в Enghien, чтобы осмотреть фабрику витро.

Четверг, 7/20 января.

Утром был в Сорбонне. После обеда ездил опять в Париж.

Пятница, 8/21 января.

Утром был на французских лекциях. Работал в библиотеке. Был на лекции проф. Анцыферова. Он начал излагать методы статистики. Читает немного скучновато, но интересно.

Эк безумничает в школе. Дал ученицам список книг, которые развращают совершенно людей. И ведет себя неприлично.

Суббота, 9/22 января.

Был в Сорбонне, вечером — на всенощной. Отец вернулся довольно поздно. Оказывается, Эк попал в заведующие русскими предметами в Lyceé Henri IV*, и пока с ним ничего нельзя сделать. Он с Клюшниковым — агенты, цель которых дискредитировать репутацию школы.

* Лицее Генриха IV (*фр.*)

Воскресенье, 10/23 января.

Были в церкви. Скандал с Эком разросся и, к всеобщему ужасу, подрывает репутацию русской школы. Педагогический совет затребовал от него объяснений. Он сказал, что список книг — апокрифический (?). Решено принять самые решительные меры. Были с Максимом на площадке Медонской обсерватории. Великолепный вид на Париж и все окрестности. Мать и отец в Париже. Отдают визит Титовым.

Понедельник, 11/24 января.

Был на лекциях в Сорбонне и у проф. Гронского.

Вторник, 12/25 января.

Утром — в Сорбонне. Татьянин день. Были в гостях у Ройбулей. У них, как всегда, гости собираются к 10 часам. Должны были быть Попич, Недачин и Пораделов. Принесли им пирог.

Среда, 13/26 января.

Я был утром на лекции. К часу с половиной собрались у Ройбулей. Они еще обедали «в 3 этажа». Наконец, решились ехать, сели в очень хороший открытый автомобиль. Ход удивительно мягкий. И может свободно достигать 125 километров в час. Сели впятером совершенно свободно. Поехали сперва очень быстро до Porte Saint-Denis. Взяли пропуск и понеслись в Enghien-les-Bains. Это довольно далеко. Там остановились перед домом De la Rue и ждали его немного. Он нас проводил к дому, где находится мастерская для раскрашивания фарфора. Таня [Ройбуль] не захотела выйти и все время сидела в автомобиле. Оттуда мы понеслись в Эпиней (Epinay) на стеклянную фабрику бр. Шнейдер, но фабрика, к сожалению, бездействует. Все же видели, как катают стекла для разных вещей и изделий. Потом мы поехали в Saint-Denis, остановились перед собором, осматривали гробницы королей Франции. Почти все витро уничтожены взрывом 1917-го года. В Sacristie* вещи довольно простые и скромные, хотя употребляются только в самых торжественных случаях. Abbé не было и нельзя было осмотреть мастерскую витро. Затем Миша хотел ехать в Сен-Жерменский лес, чтобы испро-

* ризница

бовать скорость автомобиля, но было поздно. Он довез нас до Сорбонны, а Графчика до Pont d'Alma.

Сегодня день большой победы отца. Французское правительство по его ходатайству открыло русские отделения при 5-ти лицеях[1]. Результаты первого дня русских уроков показали, что большинство русских детей не говорит по-русски или только говорит, но не читает и не пишет. Пришлось начинать с обучения языку и русской азбуке.

Четверг, 14/27 января.

Утром у матери первые уроки в лицее Фенелон. Поэтому она уехала рано. Я был на лекциях. Проф. Анцыферова не было. Мне нечего было делать и я пошел ходить по улицам. Зашел в церковь St .Severin, а оттуда — в Notre Dame de Paris. Походил в самом соборе, а потом поднялся на башни. Старинная таинственная пустынная винтовая лестница, а сверху вид на серый и шумный Париж. Таинственные уродливые химеры смотрят со всех сторон. Так и пахнуло на меня средневековьем.

В Сорбонне какой-то праздник.

Вечером мать открыла письмо тети Ани, и мы узнали, что Татуся умерла без родителей одна в константинопольском госпитале. Когда тетя Аня и дядя Ваня [Церетели] пришли, она была еще теплая. Какой ужасный удар для Церетели. Это была их надежда. Бедная Татуся! Умереть одной в чужой стране. Но Господь примет ее в число своих ангелов. Царство ей небесное!

Был Смесов. Рассказывал много интересного про Германию. Принес показать коллекцию бумажных денег, ходящих там. Каждый маленький городок пометил на бумажках свое главное производство. Очень много художественных рисунков — каждый в своем роде. Он говорил об ужасном положении учебного дела. Наука идет вперед, но морально все убиты, ибо не видят впереди ничего, кроме рабства, и никто не имеет охоты работать на союзников. Культура убивается Версальским миром. При Берлинском университете открыто несколько новых факультетов; между прочим, один занимается изучением России и ее окраин à fond*. Продовольственное положение плохое, хлеба нет, цены высокие. Вообще впечатление удручающее.

---

* основательно (*фр.*)

Пятница, 15/28 января.

Утром был на двух лекциях. После обеда был у проф. Анцыферова. Он читает довольно сухо. Прочитали в газетах приятную новость: опровержение смерти Анатолия Федоровича Кони, но мы как-то и не верили.

Суббота, 16/29 января.

Утром был в Сорбонне. Эк больше не приходит в русскую школу. Ему намекнули, и он ушел. На лекции Mr. Mornet русская еврейка читала реферат. Она говорит хорошо по-французски. Вечером были у всенощной.

Воскресенье, 17/30 января.

Были у обедни. Служили панихиду по Татусе, Надежде Павловне [Лансере] и бабушкам. Был вел. кн. Дмитрий Павлович. Он теперь каждую службу бывает в храме и стоит в самой церкви, а не в пономарке. Был принц Петр Александрович Ольденбургский. После обедни вел. кн. Дмитрий Павлович служил панихиду по убитым вел[иким] князьям. После нее все подходили выражать ему сочувствие, а также к княгине Палей. Были молебен и панихида по русским легионерам. Присутствовал В.А.Маклаков. Обедали дома. Мать читала нам «Войну и мир». Отец был у адмирала Посохова.

Понедельник, 18/31 января.

Был в Сорбонне. Le Breton прочел прекрасную лекцию о Port Royal. Был на лекции у проф. Гронского. Он читает гладко и очень интересно. Получили письма от тети Жени и дяди Миши. Они наняли комнату в том же городе, где живет Константин Гладкий. Дядя Миша получает 300 динаров. Жизнь довольна дешева. Получили письмо от тети Дуни. Ниночка [Балкашина] благодарит за марки. У нас в Медоне был проф. Метальников.

Вторник, 19 января/1 февраля.

В Сорбонне получил 3 письменных работы. Чувствуется общий прогресс. Был в американских стоках, купил всяких писчебумажных принадлежностей, снимался (1 фр. 50 см.). Был на лекции проф. Анцыферова. Приходит только 4 человека. Получили письмо от Всеволода Митрофановича Нуджиевского.

Среда, 20 января/2 февраля.

Сижу дома. Именины матери. Графчик принес цветов, вернулся очень рано. После обеда ездил в Сорбонну и на лекцию проф. Гронского. По случаю именин мать сделала пирог. Вечером все были дома. В.М.Фелькнер прислал свои фотографические карточки с изображением на одной себя, а на другой жены с ребенком. Бесси прислал от своего имени и от имени Мими (кота) громадный букет цветов. Отец сделал матери и Максиму подарки. Я принес марципановые изделия. Получили письмо от Евгения Богдановича Захарчика. Его перевезли в больницу.

Четверг, 21 января/3 февраля.

20-летие свадьбы отца и матери (1901–1921) и именины Максима. Сегодня юбилейный день. Мать утром все же была на уроках. Был в Сорбонне. К 4 часам начали собираться гости и коллеги отца. Чл[ен] Гос[ударственного] Сов[ета] Андреевский, кн. Александр Дмитриевич Голицын, М.Л.Киндяков, Свечин, Шлиппе (председатель Московской городской управы). Позже приехали Миша Ройбуль и С.Э.Геруа. Был крюшон и много угощений, все были очень довольны. Когда все ушли, С.Э.Геруа рассказывала о своих занятиях в Сорбонне. К ним относятся как к маленьким детям. Говорила о новых приемах преподавания во французских школах. Вечером мать читала «Войну и мир».

Пятница, 22 января/4 февраля.

Утром не ходил в Сорбонну. Пилсудский разъезжает по Парижу. Мильеран ездит за ним и ждет у него в передней. Он [Пилсудский] снял со своего пальто польский военный орден и нацепил его на Фоша. Пожаловал Мильерану орден Белого Орла. Керенскиада! Французы унижаются перед ним и заключили союз с Польшей.

Вечером был у проф. Анцыферова на лекции, приходит 3 человека. Рождение матери.

Суббота, 23 января/5 февраля.

Благодаря посещению Сорбонны Пилсудским, нас отпустили после обеда. Это — революционер, принявший сам звание маршала, который грабил архивы на Фонтанке, а во время

войны был организатором польских легионов, сражавшихся вместе с австрийцами против русских и союзников, теперь принимается более торжественно, чем король Испанский. Франция признала Латвию и Эстонию, вступила в союз с Польшей и, тем самым, вышла из союза с национальной Россией. Вечером были у всенощной. После всенощной пошли в театр. Народу масса. Зала громадная. Настоящей сцены нет. Это — большая эстрада с постоянным занавесом сзади, который раздвигается в разных местах. Ночное освещение первого действия «Севильского цирюльника» сделано при помощи 4 прожекторов. Артисты играли очень хорошо. Особенно доктор Бертелло и Дон Базилио, высокий худой, с длинными костлявыми руками, в черной одежде и иезуитской длинной шляпе. Роль графа была очень хорошо исполнена. У Розины был великолепный голос. Несмотря на отсутствие декораций, при помощи столов, стульев, клавесина и живой зелени устроили хорошую комнатную обстановку во втором действии. Мы убежали в начале 3-го действия, так как было очень поздно.

Воскресенье, 24 января/6 февраля.

Утром были в церкви у обедни. Сели в первый поезд, но подумали, что этот поезд прямой. Мы вылезли. Но оказалось, что он semi-direct. Было страшно обидно. После обеда начали собираться гости. Сперва пришли Алеша и Кирилл Кривошеин, потом Таня и Коля Ройбуль, трое Война-Панченко, Сережа и Муравьевы, Симонов, Ганский, двое Шамие и др. Был шоколад и крюшон. Мы играли в разные игры. Ганский остался подольше и рассказывал много интересного о католичестве и масонах.

Понедельник, 25 января/7 февраля.

Весь день сижу дома. Насморк, кашель, болит горло и вообще сильно простужен. Мать нам читала Лескова и «Войну и мир». Весь день занимался письменными работами.

Вторник, 26 января/8 февраля.

Получили письмо от дяди Вани [Церетели]. Татуся умерла 1-го января ст. стиля. Отпевали в церкви св. Николая. Похоронили ее лишь 12-го на греческом кладбище. Дядю Ваню и тетю Аню все не пускали к Татусе и заставили, наконец, ждать

1 час на дворе, а когда впустили, то Татуся умерла 1/2 часа назад. Слава Богу, что можно было ее похоронить по-христиански.

Весь день сидел дома и занимался приготовлением Versions.

Среда, 27 января/9 февраля.

Был в библиотеке. После обеда сидел дома.

Четверг, 28 января/10 февраля.

Утром был в Сорбонне. Обедал в Париже. Вечером занимался. Проф. Бургэ немного оживил свои лекции и рассказывал много интересного.

Пятница, 29 января/11 февраля.

Утром ездил покупать отцу билет на 22-ое. После обеда занимался дома.

Суббота, 30 января/12 февраля.

Был утром на лекциях. Отдал письменные работы. Mr. Navé читал диссертацию, на лекции Mornet довольно учено, но очень скучно.

Были у всенощной.

Воскресенье, 31 января/13 февраля.

Утром были у обедни. Потом пошли на «Damnation de Faust». Пришли заранее, но уже было довольно много народа. С началом запоздали. Никаких декораций. Стол, покрытый красным сукном. Трибуна, украшенная флагами. Оказалось, что будут речи с годовым отчетом Морской Лиги. Le Troquer, министр труда, говорил бесконечную речь, председатель — тоже длинно. Потом подносили большую золотую медаль председателю Колониальной Лиги. Он начал благодарить в длинной речи, но все так устали, что начался шум и требование начала представления. Вышла неловкость. Наконец, официальные лица удалились, и начали приготовлять сцену для спектакля. Без всяких декораций артисты в сюртуках сидят в креслах впереди и встают, когда приходит их очередь. Оркестр очень большой, под управлением Виктора Шарпантье. Фауста пел Лассаль, голос довольно хороший. Мефистофель слаб, Marguerite — ничего. Хоры сильные, оркестр хороший, но все же впечатление испорчено отсутствием декораций и слишком большой медли-

тельностью. Затянули до 10 мин. 7-го, так что мы не попали к Война-Панченко. Вечером сидели дома.

Понедельник, 1/14 февраля.

Был в Сорбонне. Вечером — у всенощной. Служили о. Иаков и о. Николай. Народа было очень мало.

Вторник, 2/15 февраля. Сретенье Господне.

Были в церкви. Пономарили Максим, Сережа и я. Служили отец Иаков, отец Николай и отец Сергий Соколовский. Графчик был на уроке скрипки. После обеда все сидели дома. Мать читала Лескова и «Войну и мир». Были Андрусовы и Метальниковы.

Среда, 3/16 февраля.

Сижу дома, занимаюсь. Вечером был на лекции проф. Гронского. Было очень мало народа. Анцыферова из-за отъезда его в Лондон заменял проф. Гронский. Пришел только Сев и я. Лекция не состоялась, а в пятницу не будет.

Четверг, 4/17 февраля.

Утром на лекциях. У нас были Чистяков, адмирал, Папа-Федоров и помощник Шлиппе Лазаревич, бывший морской офицер, очень симпатичный. Поздно пришел де Роберти. Мать читала «Войну и мир».

Пятница, 5/18 февраля.

Мать нездорова. Я утром поехал на rue Verneuil помогать отцу перевозить вещи. Уложили все в корзинку и взяли такси и привезли домой. После обеда ездил в faculté de droit узнать для Миши о прошении и в библиотеку.

Суббота, 6/19 февраля.

Утром надеялся получить письменные работы, но зря прождал. Диссертацию Mr. Mornet не успел написать. Получили длинное письмо от дяди Вани, в котором он описывает последние дни и минуты жизни Татуси. Очень грустно и душераздирательно. Дядя Ваня решил принять сан, но архиепископ Анастасий попросил сперва найти отдельную комнату

и поэтому посвящение задержалось. Были у всенощной. Мать нездорова.

Воскресенье, 7/20 февраля.

Были у обедни. Мать все больна. Обедали в Париже. Были в Инвалидах[2]. Видели гробницу Наполеона. Впечатление лучшее, чем от гробниц Пантеона.

Основание прихода Кафедрального Александро-Невского храма

В 2 1/2 часа поехали на церковные выборы. Рано начали собираться люди. Подходили к столу, за которым сидели отец, протодиакон и Чистяков. Лелянов и псаломщик Мих.Мих. Фирсов передавали приходские списки. Очень долго не могли начать заседание, так все подходили новые люди. Пришло много любопытных французов. У дверей раздавали различные списки с именами кандидатов. Жена отца Николая и Богданова энергично агитировали за свой список. Начали с молитвы. Потом о. Иаков говорил бесконечно долго. Вмешался один сумасшедший офицер-моряк и начал орать про большевистский заговор и о том, что В.И.Дмитриев — шпион. Его долго успокаивали, но он не унимался. Наконец, Коковцев его заставил замолчать. Всех записок подали 217. Многие подали свои голоса, не дождавшись начала заседания. Наконец, выборы были произведены: в старосты открытой баллотировкой избрали С.П.Елисеева, а в помощники П.И.Лелянова. Хотя они и древние старцы, но ходят в церковь исправно, и все же лучше, чем без старосты совсем. Всех приглашали помогать подсчитывать голоса, но осталось мало. Подсчет затянулся не только до вечера этого дня, но продолжался еще и весь понедельник до вторника вечера. Прошел весь церковный список. После заседания я с Максимом пошли к де Роберти. Вошли беспрепятственно в дом, ходили по всем комнатам, никого не нашли и с трудом добились от какого-то заспанного господина, что Льва Евгеньевича и его супруги нет. Он, оказалось, был на выборах, но мы его пропустили. Поехали домой.

Вечером мать нам читала «Войну и мир».

Понедельник, 8/21 февраля.

Мать чувствует себя довольно плохо. Был в Сорбонне. Вечером был на лекции проф. Гронского.

Вторник, 9/22 февраля.

Утром — на лекциях. После обеда в университетской столовой, где дают обед все хуже и хуже, поехал провожать отца на вокзал. Застал его и Максима за обедом в буфете. Очень хорошо и не очень дорого. Завтрак 9 фр. Поезд подали заранее, и отец хорошо поместился. Lits salons* — пустые. В вагоне приличная публика. Я поехал домой, а Максим на уроки. Вечером был у проф. Анцыферова. На лекции было 2 слушателя, включая меня. Мать чувствует себя все еще плохо.

Среда, 10/23 февраля.

К 11 часам поехал в русскую школу-лицей. Был у Недачина; разговаривал о Боре [Лихачеве]. Принес фотографии выпуска, которые, конечно, никто еще ему не подарил. Настоящая атмосфера школы: суета, шум, звонки. Отвез пакет для тети Ани Н.Н.Львову. Был на лекции проф. Гронского. Мать все еще больна и не выходит. У ней небольшое воспаление легких. Бог даст, скоро поправится. Максим был в церкви. Служили панихиду по Татусе.

Четверг, 11/24 февраля.

Я был на лекциях, обедали дома. Мать получила от отца открытку из Тулона. Вечером кончили читать 3-й том «Войны и мира».

Пятница, 12/25 февраля.

Сижу дома, нездоров, болит горло и голова. Мать тоже все еще нездорова. Вечером еду к проф. Анцыферову. Во все время лекций меня лихорадило.

Суббота, 13/26 февраля.

Сижу дома. Не поехал ко всенощной. У матери мигрень, и она себя плохо чувствует. Отец написал, что в Ницце

---

* Спальные салоны (*фр.*)

получено распоряжение, подписанное митр. Антонием от имени 8 русских иерархов, с благословения Константинопольского Патриарха, о подчинении заграничных приходов и церквей архиепископу Евлогию[3]. Отец уже был на церковном собрании. Прождал час у дантистки, но у ней была серьезная операция. Приехал еще один дантист, и мне так и не запломбировали зуба. Читал весь день Лескова и Сельму Лагерлеф.

Воскресенье, 14/27 февраля.

Мать все еще нездорова, и я также, сижу дома. Графчик принес список членов церковного совета и ревизионной комиссии. Отец получил 194 голоса. Ни один иэ списка Игнатьевой не прошел. Максим пошел на студенческое собрание. Было не очень много народа. Леонович (псаломщик) сказал большую речь. Избрали тот же Комитет. Председатель — Савич. Максим и Муравьев поставили скамейку на стол. Некоторые сели на стол, другие на скамейку, а Максим с Муравьевым стали сзади и образовали амфитеатр. Сидели до 6 час.

Понедельник, 15/28 февраля.

Сижу дома. У матери все еще болит голова.

Вторник, 16 февраля/1 марта.

Получили письма от отца и проф. А.Л.Погодина, судя по которому, у его жены рак горла, и они находятся в ужасном положении. Знают, что ее здоровье безнадежно, но не могут ей сказать, а она, бедная, этого не подозревает и думает, что поправляется. Их сын, после чудесного спасения, стал очень верующим и усердно посещает храм Божий. Тетя Женя пишет, что дядя Миша поступил на 3-недельные агрономические курсы и изучает сербский язык, а по окончании получит место. Константин Иванович [Гладкий]предполагает действовать. Судя по намекам, Скоропадский собирает армию из военнопленных и иностранцев. Дядя Миша едет в Белград хлопотать о визах для дяди Вани, тети Ани и Сережи. Дядя Ваня мог бы легко пройти те же курсы, а вместе к тому же бывает всегда легче. Проф. Погодин для заработка написал книгу и продал болгарскому издательству. Обо всем условились, а когда нужно было платить деньги, редактор, очень грубый человек, ни денег не дал, ни рукописи не возвращает. Сын его готовится на

аттестат зрелости. Аудитория у проф. Погодина большая. Анна Александровна Иванова пишет, что сын Нейшеллера женился на неграмотной цыганке и теперь вместе с сестрами, покинувшими своих мужей, живет у матери; все ссорятся и отравляют ей жизнь.

Среда, 17 февраля/2 марта.

Сижу дома. После обеда ездил за бельем, к Perfas'у и к Conte. Мать чувствует себя плохо, болит голова. Получили от отца грустное письмо. Ужасное обнищание русских. Тарановские считают не только франки, но даже сантимы. В апреле они лишаются квартиры. Дети Тепловы с нашего отъезда ни разу не ели мяса. Гурко привез продавать шубу Варвары Николаевны. Вел. кн. Андрей Владимирович женился на Кшесинской; кн. Гавриил Константинович предлагал папе поселиться у него на вилле.

Четверг, 18 февраля/3 марта.

Сегодня в Париже прогуливаются колесницы, невероятно безобразные, а народ бесится. Сведения о восстании в Кронштадте, Москве и Петрограде подтверждаются[4], но большевики, кажется, берут верх над бедными москвичами. В Петербурге, может быть, и удастся их сбросить. Кронштадт остается недостижимым для большевиков. Был доктор Голованов. Сидел долго, сказал, что у матери затяжная инфлюэнца и прописал разные лекарства. Pommeray был настолько любезен, что прислал работы. Наконец я у проф. Гельцера сделал успехи.

Пятница, 19 февраля/4 марта.

Утром ездил получить вторую запись в секретариате и заплатить деньги. Был в библиотеке, обедал в restaurant «Du Luxembourg». Очень хорошо и дают много. Вечером на лекции проф. Анцыферова. Карнавал прошел, говорят, хорошо.

Суббота, 20 февраля/5 марта.

Утром в Сорбонне. После обеда на лекциях не был. Вечером — у всенощной.

Воскресенье, 21 февраля/6 марта.

Были утром у обедни. Мать еще не выходит. Обедали в Париже. После обеда сидели дома, в Медоне. События в России развиваются.

Понедельник, 22 февраля/7 марта.

Утром в Сорбонне. Проф. Гронский уезжает в Бельгию. События в России очень серьезны.

Вторник, 23 февраля/8 марта.

Был у дантистки и на лекциях.

Среда, 24 февраля/9 марта.

Отец пишет, что архимандрит Сергий пришел на его доклад и говорил такие непонятные вещи, что все уверены, что он немного рехнулся. Были на часах и у вечерни и у глазного доктора. Мать покупала разные вещи у «Belle Jardinière». Вечером — на лекции проф. Гронского.

Четверг, 25 февраля/10 марта.

Утром поехал на лекции. Мать — в лицее Фенелон. После обеда у меня было много свободного времени, так как я должен был встретить отца на вокзале. Ходил на башню Notre Dame. Вид поразительный, но Париж некрасив с высоты. Подавляет только бесконечная величина, во все стороны серо и плоско. Кое-где выделяются отдельные постройки и церкви. Выше всех — Пантеон и вдалеке, на склоне холма, Sacré Coeur[5]. Видна башня Эйфеля, большое колесо, Опера, Сен Сюльпис со своими разнокалиберными башнями, «Tour St. Jacques»*, Arc de Triomphe**, Champs Elysées — плоской улицей. Кое-где воры срезали громоотводы, и теперь торчат только железные палки, без острия. Пешком пошел на Лионский вокзал. Кварталы по ту сторону Сены, около Отель де Вилль — грязны, полны еврейского населения, всюду мусор и тряпки. Поезд опоздал на 57 минут, но потом нагнал. Я читал в это время книгу. Масса людей, выходивших из поезда, помешала мне найти отца, и он

* Башня Сен-Жак.

** Триумфальная арка.

один уехал, не найдя меня, а я еще долго бегал по платформе. Отец завез корзинку от кн. Гавриила Константиновича Чистяковым, а я поехал на Invalides и как раз сел в ту же navette*, в которой сидел отец, и смог помочь ему нести вещи. Отец рассказывал много интересного о Болье и о Ницце. У Тепловых денежные дела настолько плохи, что они действительно не ели мяса с нашего отъезда. Масла не получают. Жеребцовы умирают с голода: не на что купить хлеба. Тарановские едят одну картошку. Гавриил Константинович с женой встретили отца, как наилучшего друга. Он у них ночевал. Пригласили в гости ради отца кн. Андрея Александровича с женой, который немного разговорился, хотя, главным образом, о птицах. На докладе отца о положении в Париже арх. Сергий вел себя вызывающе; говорил, что все, что отец говорит, — чепуха. В[ел].кн. Кирилл Владимирович, как глава семьи, возвел М.Ф. Кшесинскую в княжеское достоинство, тогда как это мог бы сделать лишь император. Они венчались в русской церкви в Каннах. Никого на свадьбе не было[6].

Кн. Гавриил Константинович просил поцеловать Графчика. Все ниццкие и больеские жители нам кланялись.

Пятница, 26 февраля/11 марта.

Утром — на лекции у Mr. Uri и у Mr. Plessis; скука невыносимая. Вечером ездил к проф. Анцыферову. Привез корзинку, которая была в багаже.

Суббота, 27 февраля/12 марта.

Утром на лекциях, но чувствовал себя не важно. Не обедал и вечером не поехал к всенощной. Мать была в церкви, но почувствовала себя к вечеру плохо.

Воскресенье, 28 февраля/13 марта.

Мать и я чувствуем себя плохо. Были де Роберти (втроем) и Ганский с Дудушей Главче и ее сыном. Она собирается ехать в Германию, куда ее зовет Надежда Александровна Харина. Мать очень устала от визитов.

---

* тип транспорта, букв. «челнок» (*фр.*)

Понедельник, 1/14 марта.

Не пошел в Сорбонну. Еду к Голованову посоветоваться о здоровье матери и о своем. Прождал его час и хотел уже уходить, но Бог навел меня на мысль пройти по Champs Elysées. Не прошел я еще одного дома, как вижу доктора Голованова, летящего на всех парах из школы. Он, оказывается, сам догадался послать матери рецепт на тиокол и адрес лавки, где можно достать гречневую крупу. Он долго меня осматривал и сказал, что сильное воспаление и слабость всего организма. От него я едва доплелся домой.

Вторник, 2/15 марта.

Принимаю без конца лекарства. Мать была в церкви, а я не решаюсь двигаться.

Среда, 3/16 марта.

Встал с невыносимой болью в ногах. К вечеру так ухудшилось, что я не мог ходить по комнатам.

Четверг, 4/17 марта.

Боль в ногах увеличилась. Передвигаюсь даже при помощи двух палок очень трудно. Большую часть дня я лежал. Мать ездила в лицей. Вечером было заседание приходского совета. Оказалось, что у отца Иакова 10 комнат, а у отца Николая — 8, а они не хотят дать прот. Соколовскому 2 комнаты в подвале. Глушков так шумел, что, говоря правильные вещи, провалил все дело.

Пятница, 5/18 марта.

С ногами немного лучше, боль перешла на подошвы и ступни. Утром получили письма от А.Е.Старицкой и дяди Вани. Анна Евгеньевна пишет, что она хорошо устроилась заведующей мастерской для русских образованных девушек, организованной американцами в Константинополе. У нее работает Маруся Харина. Старшая ее дочь Ася вышла замуж за американца, прекрасного человека, и уже уехала с ним. Геня учится в инженерном классе английского лицея. Михаил Иванович в Египте дает французские уроки. Дядя Ваня пишет, что он еще не принял сана, и что они пока остаются на Халки.

Вечером пришел отец и сообщил о падении Кронштадта. Ужасно больно и горько. Сколько опять будет пролито крови обезумевшими властителями. Они, наверное, полгорода уничтожат. В Новом Осколе восстание: свергнута советская власть.

Суббота, 6/19 марта.

Ноги гораздо лучше, и могу даже сносно передвигаться. Бог даст, скоро пройдет. М.Ратькова-Рожнова образовала комитет для чистки и приведения в порядок церкви и приглашает всех помочь. Звала также Графчика, но он очень занят. Нужно, главным образом, вычистить ризы у икон. Марианна Федоровна приобрела уже какой-то необходимый для этого порошок. Павел Павлович [Ганский] спрашивал Графчика вне урока и сказал, что, если бы было возможно, он поставил бы ему 6. Работа по физике прошла благополучно. Дуров настолько строг, что поставил одну 5 и две 4, да и то еще один хотел поправиться и с 4 спустился на 3.

Воскресенье, 7/20 марта. Торжество Православия.

Мать и я сидели дома. Был д-р Голованов. Говорит, что у меня летучий ревматизм, прописал разные средства. Мать очень устала. Днем шел град и дождь небольшими полосами; довольно прохладно. Читал Мордовцева «Царь и Гетман». Графчик и Максим были в Petit Palais. Говорят, что гораздо интереснее, чем в Люксембургском музее. Читали с матерью книгу «Sainte Russie»*. Написано очень умно, только в некоторых отделах и особенно иллюстрациях встречается все же «развесистая клюква».

Понедельник, 8/21 марта.

Арх. Сергий шумит в Ницце; говорит, что список в Париже был полон революционеров и масонов, что нельзя быть членом в двух приходах. Когда Демидов резко предложил выбрать новых членов, вместо отца и Чистякова, он испугался и сказал, что не уверен в формулировке параграфа. Он протестовал против внесения политики в совет, а сам говорил политические проповеди. Ноги у меня, слава Богу, гораздо лучше. Заходила Евгения Васильевна, просидела около часа. Вечером пришел

---

* «Святая Русь»

отец и сказал, что французы будто бы открыто выступили против России, предъявили ген. Врангелю ультиматум: или отвезти армию на смерть в Совдепию, или на смерть в тропическую Бразилию[7]. Врангель, конечно, отказался и обратился к американцам. Что теперь будет? Французы прекращают, во всяком случае, поддержку.

Вторник, 9/22 марта.

Внезапно умер мясник, у которого мы покупали мясо, 42 лет, здоровый, не очень полный. Вчера устал сильно, сел отдохнуть и умер. Это уже второй мясник в соседстве умирает неожиданно. Графчик ходил помогать убирать церковь. Чистили иконостас и иконы, но иконостас нужно было бы позолотить, а то пыль сошла, а с ней и позолота. Мать получила первое жалованье за преподавание в лицее. Отец на заседании в Парламентском комитете.

Среда, 10/23 марта.

Великолепная погода; мы в саду весь день. Цветут яблони, груши и черешня. Я почти совсем поправился. Сегодня бабушкины именины. Максим и Графчик были в церкви, а сейчас Графчик едет в Тургеневскую библиотеку отдавать Игоря Грабаря.

Четверг, 11/24 марта.

Летняя погода. Вечером заходил Пионтковский (Антон Владимирович) и сговаривался о часах для уроков математики Графчику. Занимался греческим и латинским языком. Мать читала последний том «Войны и мира». Говорили об освобождении крестьян. Мужики были недовольны, что в манифесте не было упомянуто слово «воля». Читали им в церкви, читали паны, а все слова не слышно. Попросили сами прочитать, но не нашли «воли». И стали говорить, что «волю» спрятали, что манифест не настоящий. Прислали в каждую волость положение о крестьянах, текст сложный, никто разобраться не может. Один начетчик стал читать эту книгу и искать «волю». Искал, искал и, наконец, нашел где-то. Зовет мужиков и говорит: «Нашел я "волю", а только, чтобы показать вам ее, пожалуйста, на чай». Ну, конечно, дали ему, чтоб только показал, и читают, да обиделись, что такая маленькая, и начали бунт; власти не

понимают, в чем дело; требуют мужики «воли», маленькую-де слишком дали. С большим трудом разобрались, арестовали начетчика, и бунт немедленно прекратился. Был у зубного врача и парикмахера.

Пятница, 12/25 марта.

Утром поехал в церковь. Я довольно устал. Прихожан немного. После обеда сидел дома. Был на messe solonnelle*, но никакой торжественности.

Суббота, 13/26 марта.

Утром Графчик ездил в церковь. Вечером все были на всенощной.

Воскресенье, 14/27 марта.

Утром были у обедни. Мать оставалась дома. Несмотря на католическую Пасху, улицы имеют совсем будничный вид. Только немного чаще встречаешь людей с молитвенниками. Магазины открыты. Проф. рисования Максима, спутавши стили и часы, пришел на пасхальную службу в русскую церковь. Обедали в restaurant «Des ministères», но и тут ничего праздничного. После обеда ожидали гостей. Первыми пришли Головины, потом Дудуша Главче с сыном, M-elle Dugard и Ипполит Ипполитович Капнист. Все время поддерживался оживленный разговор. Был Лукьянов и стал высказывать свои странные суждения о большевиках. M-lle Dugard очень интересовалась всем. Николай Николаевич Головин рассказывал эпизоды из своей жизни. Между прочим, он производил статистику раненых, и оказалось, что из 100.000 холодным оружием ранено всего 36. Лукьянов говорил об эволюции Ленина. Он называет себя «сменовеховцем»[8] и сильно подпал под влияние Клюшникова. M-lle Dugard написала новую книгу о сравнении прежнего и современного воспитания, но издатель поставил столь драконовские условия, что она отказалась пока ее печатать. Ген. Н.Н.Головин говорил о необходимости для русских продолжать получать технические знания и узнать последнее слово науки. Между прочим, он рассказывал, как немцы изобрели «Берту». Когда известие о бомбардировке

---

* торжественная месса (*фр.*)

Парижа пришло из Франции, то Головин на пари сказал, что никто не отгадает, потому что это казалось совсем невозможным. Давно уже был выработан закон дальнобойных пушек, гласивший, что наиболее выгодный уклон — 43°. Это было проверено многими опытами. Но во время одной учебной стрельбы на Северном море приходят сведения, что бомбами, брошенными с аэроплана, разрушены многие дома. Никаких аэропланов не было. Тогда исследовали дело и оказалось, что из-за грубой ошибки наклон дальнобойным орудиям был дан в 60°, и снаряд, прорвав атмосферу, пошел по прямой траектории, вместо закругленной. Как только это поняли, сейчас же устроили знаменитые орудия. Гр. Капнист рассказывал, как он с женой встретились с одной швейцаркой, недавно вернувшейся из Совдепии. Она преподавала в Смольном институте, а потом в Ксениинском и осталась при большевиках. В день акта, когда 15–16-летних девочек должны были выпустить, пришел комиссар и объявил, что сейчас же, через 3–4 часа, они должны выйти замуж. Пригнали разных курсантов, и они должны были немедленно выбрать каждая себе мужа, и тут же комиссар записал их и объявил брак совершившимся. Он прибавил, что, после того, как они некоторое время поживут вместе, могут уйти и вновь выйти замуж, сколько угодно раз. Им нужно только, чтобы было как можно больше молодых коммунистов, которых они будут воспитывать сами. Увидевши такой разврат, швейцарка с первой партией иностранцев сбежала в Швейцарию. Поезд был так набит, что Головины едва влезли в 1-ый класс. В Медоне на всех 4-х мессах была масса народа. Причем второй кюре прочитал Евангелие и сказал слово о сборе и начал собирать деньги, предшествуемый сторожем в треуголке. А месса тем временем продолжалась.

Получили письмо от тети Дуни из Териок. Она тоже думает, как и проф. П.П.Мигулин, что Кронштадское восстание — провокация. Крепость сдалась без малейшего сопротивления. Запасов было масса. Солдаты и матросы имеют здоровый и сытый вид. Троцкий устроил восстание, чтобы переправить красных солдат в Финляндию. Теперь их кормят американцы и еще собираются интернировать в другие страны, где они будут заниматься пропагандой.

Понедельник, 15/28 марта.

Утром ездил за гречневой крупой — 8 фр. килограмм. Весь квартал Saint Paul заселен исключительно евреями, но встречаются иногда и чисто русские лица. На улицах шум, слышишь только один еврейский жаргон. Надписи на еврейском языке. В противоположность первому дню Пасхи, сегодня все магазины сплошь закрыты, никакой торговли и очень мало движения. Несмотря на холодную погоду, громадное количество парижан поехало за город и, дрожа от холода, завтракало в Медонском лесу. Отец зря съездил в Париж, так как заседания не было. Вечером мать рассказывала разные семейные предания, так что мы засиделись до половины 12-го. Вчера случилось чудесное событие. Отец, спутавши бутылки, вместо простой воды начал кипятить бензин и ушел. Возвращается через минуту и видит, что жидкость уже бурно кипит. Отец очень удивился и начал ее вливать в бутылку, подвергаясь ужасной опасности. Как ни одна капля не попала на газ — непонятно. Можно объяснить только чудом. Затем отец вылил бензин в кружку, чтобы полоскать рот, но сперва отнес бутылку. Тут мать заметила необычайный запах и в шутку сказала: «Не скипятил ли ты керосин?». Понюхала и узнала сейчас же, что это — бензин. Столовая и кухня были пропитаны парами и пришлось раскрыть все двери. Слава Богу, что отец не прополоскал рта раньше, чем нести бутылку. Это настоящее чудесное спасение.

Вторник, 16/29 марта.

Проливной дождь. Ходил на почту. Графчик ездил на уроки, после обеда был у дантиста.

Среда, 17/30 марта.

Были утром в церкви на литургии Преждеосвященных Даров. После обеда сидели дома. Сегодня 5 лет смерти дяди Жени Маркова.

Четверг, 18/31 марта.

Мать ездила в лицей. Максим и Графчик были в церкви, я сидел дома.

Пятница, 19 марта/1 апреля.

Утром были в церкви. После обеда я ездил в Париж. Был у Пионтковского.

Суббота, 20 марта/2 апреля.

«Завоевания» имп. Карла Австрийского расширяются, но, кажется, ему придется уехать из-за внешних политических обстоятельств. Бог даст, постепенно будут восстановлены все монархи в Европе. Утром были в церкви. 80 человек причащались. Миша [Гончаров] болен и не выходит. Вечером были на выносе креста. Я с Максимом выносили свечи. Народа было много. Maurice Paleologue печатает в «Revue des deux Mondes» очень интересные мемуары о России во время войны. Упоминает речи отца о внешней политике. Очень хорошо написано. Погода стоит жаркая.

Воскресенье, Крестопоклонная неделя.
21 марта/3 апреля.

Утром были в церкви. Масса парижан едет в окрестности. Все поезда переполнены. Сидел днем дома.

Понедельник, 22 марта/4 апреля.

Утром был в Сорбонне. Le Breton читал о Rochefoucault*. Вечером был у Гронского. У Графчика в классе выдавили окно и опрокинули стол с чернильницами.

Вторник, 23 марта/5 апреля.

Утром был на лекциях. Обедал в Париже. Купил за 2 франка два великолепных издания: сочинения Вергилия и перевод Платона. Прямо совестно смотреть. Никто не интересуется старинными книгами, а все хотят иметь новые. Был у проф. Анцыферова. Он дал длинный ряд статистических данных о России; было всего 3 слушателя. Император Карл возвращается в Швейцарию, но, Бог даст, все же монархия будет восстановлена. Вечером мать читала «Войну и мир».

Теперешнее население России уравнялось с населением 1897 года, то есть 128 миллионов. Несмотря на отторжение

* Рошфуко

областей, уменьшение страшное — более 30 миллионов. Россия вымирает по 6,1% в год.

Среда, 24 марта/6 апреля.

5 лет со смерти Максима Максимовича Ковалевского.

Утром были у Преждеосвященной литургии. Вечером служили панихиду по Максиму Максимовичу. Всенощная на Благовещение. Народу очень много. Служили о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай. Я и Максим выносили свечи. Певчие пели ужасно заунывно и скучно, кроме Архангельского гласа, который исполнили хорошо.

Четверг, 25 марта/7 апреля.
Благовещение Пресвятой Богородицы.

Утром — в церкви. Очень много народа. Обедали дома. После обеда пришли Коля Шипов и Коля Раппопорт. Шипов подарил Графчику портрет Государя в хорошенькой рамке. Были Метальниковы. В общем, праздник прошел хорошо.

Пятница, 26 марта/8 апреля.

Графчикино рождение. 16 лет (1905–1921). Был утром на лекции. Вечером прихожу к проф. Анцыферову — никого нет, и мы вдвоем изображали профессора и аудиторию. А.Н.Анцыферов собрал разные статистические сведения о современном положении России и хотел обязательно поделиться ими.

Суббота, 27 марта/9 апреля.

Утром был в Сорбонне. После обеда сидели дома. Были у всенощной.

Воскресенье, 28 марта/10 апреля.

Были в церкви. На блюдо собирал отец с Елисеевым (332 фр.). В 4 часа к M-lle Dugard. У ней ее маленькая племянница, очень умная девочка для своих 12-ти лет. Пришла еще учительница математики. Поговорили, выпили чаю с обильными приправами. M-lle Dugard специально сходила в одну знаменитую кондитерскую, чтобы угостить нас пирожными «avec de la mousse de Champagne». На Сене был гребной

праздник, и поэтому все набережные и мосты чернели от народа.

Понедельник, 29 марта / 11 апреля.

Был на экзаменах в Сорбонне. По-гречески держало двое, но один только оказался admissible*. Другой никак не хотел поверить, что его не допускают. Guerin, который выдержал письменный экзамен, получил кусочек из Фукидида. Ему дали 40 минут. Я, Pommeray и Lod сидели сзади и ждали экзамена; он происходил в Salle du Grec**. Ответил он хорошо, но поэтический отрывок из Пиндара знал плохо. Проф. Mazon и Puech сели на парты, а проф. Girard, как председательствующий, сидел на кафедре. На латинский экзамен пришел один французский священник. Mr. Goelzer и Mr. Plessis его спрашивали перевод Тацита и латинскую литературу. Вечером у проф. Гронского с трудом набралось 3 человека.

Вторник, 30 марта / 12 апреля.

Утром был на лекциях. Guerin провалился. Получил certificat только abbé. Во всех остальных объявлениях значится «Néant»***. Вечером сидел дома.

Среда, 31 марта / 13 апреля.

Утром ездил за бельем. Был в церкви. Служили панихиду по ген. Корнилову. Вечером были на каноне св. Андрея Критского и Стоянии св. Марии Египетской.

Четверг, 1 / 14 апреля.

Именины тети Маруси. Был в Сорбонне. Весь день идет дождь. Церковь вычистили. Ратькова-Рожнова с помощниками приводит постепенно все в порядок и наводит чистоту в церкви. Вычистили стены и ризы у некоторых икон. Вечером сидел дома. Отец на приходском собрании.

* оценка за письменный экзамен, после получения которой можно сдавать устный.

** Греческий зал

*** «Неудовлетворительно»

Пятница, 2/15 апреля.

К 9 часам поехали в церковь помогать прот. Соколовскому. Отслужили полную Преждеосвященную Литургию. Внизу лежит походная церковь, рисованная Соломкой. Наверху чистят офицеры. Один из них так вычистил запрестольный образ Спасителя, что почти все стер, а потом поправил неумело красками и испортил ужасно. Вечером был опять в единственном числе у проф. Анцыферова. Были все на Похвале Богородицы.

Суббота, 3/16 апреля.

Был в Сорбонне. Идет очень сильный снег. Вчера он только едва показывался, сегодня остается на крышах. Утром было 2 градуса мороза. Вечером были у всенощной. Приехал архим. Сергий.

Воскресенье, 4/17 апреля.

Были в церкви. Максим и Графчик пошли к Третьяковым. Оказывается, у греков нет заутрени, так что можно будет попросить отслужить в их церкви заутреню. Иду на лекцию Ганского. Погода утром была отвратительная, а к 3 час. исправилась. Был на заседании «Amitié Franco-Russes»*. Все были настроены очень право. Ганский говорил интересно. Выступал также Haing Laise, у которого убили 3-х сыновей офицеров. Colonel de Kergorre говорил о «революциях». У нас был Александр Федорович Трепов, рассказывал о приеме вел. кн. Дмитрия Павловича в Берлине. Как только он приехал, сейчас же к нему явились 6 гвардейских офицеров в штатском, в передней сняли пальто, под которым оказались мундиры, и предложили вел. князю свои услуги. В церковь пришла тайная полиция и спросила у старосты, не нужно ли принять меры против кого-нибудь. Были приняты меры против двух заведомых большевиков, и их задержали на время богослужения.

Понедельник, 5/18 апреля.

Был в Сорбонне и на лекции Гронского. Французы послали возмутительные приказы Врангелю и содействуют уничтожению и разложению русской армии. Получили письмо от дяди Тиши.

---

* «Франко-русская дружба»

Вторник, 6/19 апреля.

Утром был на лекциях, после обеда сидел дома.

Среда, 7/20 апреля.

Были в церкви. Внизу прибрали гробы и чистят стены и пол. Наверху испортили иконы св. Иакова и Григория Богослова. Вечером отец сообщил неприятную новость, будто бы арестовали за монархическую пропаганду архим. Сергия. Бог даст, это только слухи.

Четверг, 8/21 апреля.

Известий об архимандрите пока нет. Настроение какое-то тягостное, не чувствуется приближения Пасхи. Безнадежно и серо впереди. В приходском совете были бесконечные споры, ничем не кончившиеся.

Пятница, 9/22 апреля.

Утром был на французских лекциях, а вечером у Анцыферова, опять в единственном числе. Французы всячески стараются разъединить Врангеля с армией, чтобы легче было уничтожить последнюю. Милюков и Е.Львов усердно им помогают.

Суббота, 10/23 апреля. Лазарева Суббота.

Был в Сорбонне. По случаю приезда китайской делегации не было лекций после обеда. Архимандрит не был арестован, а просто был нездоров. Вечером были на всенощной. Служили о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай. Вербу в Париже заменяют зеленые веточки. Купили так мало, что не хватило. Давка была очень большая. Максим, я и Миша не могли сдержать толпы. Получился водоворот, и никто не мог пройти. Несколько раз опрокидывали столик с вербой. Многие, хотевшие пройти с другой стороны, были обижены, что их не пускают. Графиня Игнатьева даже ушла из церкви, а П.М.Кауфман выразил мне свое возмущение.

Воскресенье, 11/24 апреля.

Утром были у обедни. Служили все 4 священника. Церковь была набита битком. Сделали сбор на бесплатную

икону и за утро и вечер собрали более 800 фр. Обедали в Париже.

На обедне был вел. кн. Дмитрий Павлович. У нас был Ник. Ник. Головин с сыном и Гольстейны, которые собираются взять на лето нашу квартиру. Николай Николаевич много рассказывал интересного про адм. Колчака, атамана Семенова, атамана Калмыкова и вообще о войне. Я провожал его сына на террасу. Он рассказывал о жизни в Лондоне. Головины приносили показать складень, который переходил в их семье с 1747 года от отца к сыну и был во всех войнах. Сзади написаны имена тех, кому он был завещан. Архимандрит был на обедне, но не служил. Митрополит Антоний едет в Лондон по приглашению местного прихода, причем уже собраны деньги и выхлопотана виза. Он приедет со свитой, чтобы можно было отслужить архиерейскую службу, а в Лондоне нет достаточно служащих.

Понедельник, Святой и Великий, 12/25 апреля.

Утром были у обедни, а вечером у утрени. Умерла Евгения Павловна Рябушинская. Совсем молодая и здоровая. Русский врач посоветовал ей «про запас» оперировать аппендикс и без всякой подготовки сделал операцию, во время которой она и умерла. Получили письмо от тети Ани. Дядю Ваню архиепископ Анастасий не хочет посвящать, так как нет места, а масса безработных священников. Они хотят ехать в Сербию. Николай Николаевич Львов потерял вещи, которые вез Сереже вместе со своими, и теперь также поехал в Сербию.

Вторник, Святой и Великий, 13/26 апреля.

Были в церкви у обедни и на утрени. Из Сербии приехал Похвистнев, бывший начальник главного управления почт и телеграфов. Все телеграфисты приняты на государственную службу немедленно, почтовые служащие также почти все, причем сербское правительство исключительно полагалось на его рекомендации или на рекомендации через него. Все русские священники размещены в сербские приходы, в которых пастыри были убиты во время войны болгарами. Вообще отношение к русским самое лучшее. Пашич опять стоит во главе кабинета. Во время последнего заседания Скупщины коммунисты внесли запрос, когда прекратится поддержка русских беженцев и когда их всех отправят в Совдепию. На это Пашич ответил, что Россия всегда защищала Сербию, и Сербия

существует благодаря великому русскому царю Николаю II. Он просил почтить память Государя вставанием. Все встали и постановили против коммунистов никаких споров по этому вопросу больше не подымать. Пришел № I «Нового Времени»[9]. Замечательные статьи Столыпина, Ренникова и Пиленко.

В Совете просили Толстого-Милославского поехать к префекту, чтобы получить разрешение на крестный ход.

Среда, Святая и Великая. 14/27 апреля.

Утром пошли рано в церковь. Протоиерей Соколовский служил внизу обедню. Максим и Графчик пели и читали. Потом мы пошли наверх на литургию. Все исповедывались у о. Иакова. Служил о. Николай. Причастились всей семьей Св. Таин Христовых. Вечером были у утрени.

Четверг, Святой и Великий. 15/28 апреля.

Утром были в церкви. Причастников было более 300 человек. После обедни помогал отцу протодиакону и пошел с ним обедать. Ему настолько наскучила жизнь за границей, что он готов отказаться от места, чтобы при первой возможности, по восстановлении порядка, вернуться в Россию. Он меня угостил очень хорошим обедом. В два часа в церкви были крестины одной еврейки, которая сама захотела перейти в православие. Отец Николай уже перевел из католичества одного ученого молодого человека. Так как нельзя было крестить с погружением всего тела, то ее поставили на колени в одну купель, а голову о. Николай трижды окунал в другой высокой купели. Ей дали имя Феодоры. К чаю я съездил домой, а к 5 1/2 приехал к Страстям. В последний момент решили, что будут служить также в нижней церкви. Максим и Графчик пошли вниз, а я прислуживал наверху. Служили соборно. Перед службою я подхожу к протодиакону и говорю: «Хорошо бы ударять в большой колокол на 12 Евангелий». Он говорит: «Вот, если бы вы устроили, было бы так хорошо!». Прихожу к о. Иакову — ответ тот же. Когда же я сообщил об этом сторожу Мише, он был удивлен, что можно звонить, как в России, и только не верил, что разрешили. А никогда и не запрещали, а просто боялись начать. Шло уже 4-ое Евангелие, и потому мы решили ударить двенадцать раз после двенадцатого Евангелия. И вот после долголетнего молчания вновь раздался колокольный звон.

Внизу служили на полчаса дольше, чем наверху.

Народу собралось очень много. Вел. кн. Дмитрий Павлович, Мария Павловна, Анастасия Михайловна и кн. Палей стояли в пономарке. Они все очень усердны и были на всех службах, а утром причащались.

Пятница, Святая и Великая, 16/29 апреля.

Утром были на часах. Остались в городе до выноса плащаницы. Пили кофе с хлебом. Я был в Parc Monceau, великолепный сад. В церкви убрали все стулья, но особенного неудовольствия не было. Служба прошла торжественно. Служили все 4 священника. Плащаница серебряная и очень тяжелая, так что 4 человека с трудом несут. Вечером в 8 часов была утреня с крестным ходом вокруг престола. Татищев вел усиленные хлопоты, чтобы не было крестного хода на заутреню. Вернулись мы поздно вечером.

Суббота, Святая и Великая, 17/30 апреля.

На обедне было так много причастников, что для запивки пришлось наполнять полный чан. Причащались 467 человек. Священники совсем выбились из сил. Максим встретил своего товарища по Пажескому корпусу, Ребиндера. Положение с крестным ходом неопределенное. Окончательно решили, что я буду внизу, так как служит греческий митрополит, а Максим с Графчиком и Оноприенко наверху. Сережа болен и не может придти даже на заутреню. Протоиерей Соколовский привез для разговления 60 куличей и 50 пасок. Отец Иаков приглашает нас на разговение к себе. После обеда мы сидели дома и писали письма. Погода дождливая, но к вечеру прояснилось.

СВЯТАЯ НОЧЬ.

Одевшись в новые костюмы отправились в Париж с 10-часовым поездом. На такси приехали в церковь в половине одиннадцатого. Многие пришли еще раньше, и уже в церкви было достаточно народа. Бой-скауты и офицеры наводили порядок и провели шнурок от амвона до двери для пропуска крестного хода. Я пошел вниз. Кроме меня было еще 3 офицера и Стасиневич, который всем распоряжался. Я с одним офицером был за иподиаконов, другой офицер держал посох. Митрополит Григорий облачился заранее, и пришлось долго

ждать сперва в алтаре, а потом перед выходом. Сперва вышел крестный ход из верхней церкви: Максим и Оноприенко с двумя свечами, потом несли крест, хоругви, артос, иконы, Евангелие. Сюда же присоединился наш крестный ход с украинским хором. Затем шли Графчик с Фирсовым в стихарях, от. Соколовский, от. Николай, от. Гавриил и от. Иаков с крестом и трикирием, я и офицер с трикирием и дикирием, митрополит, жезлоносец. При пении «Воскресение Твое, Христе Спаси» обошли всю церковь. Весь сад был полон людьми, а спереди, около двух домов, приходилось протискиваться шедшим впереди Максиму и Оноприенко. Вел. кн. Дмитрий Павлович, Мария Павловна, Александр Михайлович стояли у дома отца Иакова. Некоторые, пришедшие к 12 часам, не могли войти в ворота. Большой крестный ход поднялся в церковь, а мы пошли ко входу в нижнюю церковь. Митрополит с большим трудом сам пропел «Христос Воскресе» по-русски и по-гречески; затем мы вошли в церковь. Высочайшие особы стояли на амвоне. Митрополит встал на архиерейское место. Заутреня прошла хорошо, пели прекрасно. Наверху из-за отсутствия псаломщиков, которые были все заняты, хор начал «Христос Воскресе» раньше, чем пришел крестный ход. Пели наверху неправильно и очень плохо. Служили наверху втроем: о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай. Митрополит сначала не соглашался со всеми христосоваться, но потом согласился. На обедне были сплошные недоразумения: митрополит хотел служить по-своему. Не успеют певчие пропеть, как он начинает запевать «Господи, спаси Благочестивые», пропел три раза. Несколько раз прерывал диакона и возвращал его в алтарь. Дикирий и трикирий хотел получать в алтаре вместе с посохом. Евангелие митрополит читал по-гречески, а диакон (из украинского хора) по-славянски. Несколько человек причащалось. После литургии митр. Григорий ходил освящать с о. Сергием трапезу через улицу, в ресторане, где было устроено разговение. Agent de Police*, который стоял на улице, отдавал честь, когда проходил митрополит. Весь двор был освящен плошками. На заутрени был Маклаков, кн. Е.Львов и Чайковский, который очень усердно молился и простоял всю службу. Архимандрит Сергий исчез, а вместе с ним и походная церковь отца Соколовского. Где он, держится в тайне, и даже о. Сергий

* Полицейский

Соколовский ничего не узнал. После обедни пошли к отцу Иакову, там уже собралось довольно много народу: духовенство, мы, Трубецкие и все семейство о. Иакова. Угощали очень обильно и щедро. Митрополит пришел позже и тоже закусил. Отец Гавриил Леончуков разговаривал с ним об автокефалиях: один — по-гречески, другой — по-латыни, но все же кое-как друг друга понимали. Митрополит интересовался, сколько у нас митрополитов.

Посидели у отца Иакова до половины пятого. Я забыл пальто в церкви и пришлось ее открывать. К пяти мы пришли на вокзал. Начало рассветать. Поезд в 5.10. Было почти светло, когда мы приехали в Медон, булочница уже открывала магазин, а многие лавки были открыты.

Воскресенье, 18 апреля/1 мая.
1-ый день СВ. ПАСХИ. ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО!

Встали поздно. Утром пришел Метальников с Катей и завтракали с нами. У нас был устроен настоящий пасхальный стол: пасха, кулич, яйца красные, зеленые, золотые. Максим и Графчик раскрасили их в субботу. Бесси прислал большой кулич и цветов из Болье. В «The Kitty» была сделана баба. Отец и мать купили ветчинный рулет; была колбаса. После обеда мы поехали к Третьяковым. У них все на английский лад: пасхального стола нет, а стоят два торта да всем вынесли по кусочку пасхи. Поговорили, поиграли в карты. К пяти часам поехали в посольство к Марии Алексеевне Маклаковой. Много угощения и очень много народа. На обратном пути зашли в церковь Sainte Clotilde. Там храмовый праздник и служил кардинал Dubois, архиепископ Парижский, и все-таки — никакой торжественности. Пение скучное. Вечером и днем шел дождь. Первое мая совсем провалилось.

Понедельник, 19 апреля/2 мая.

Утром были у обедни. Вчера вечером была торжественная вечерня. Служили соборные. Обедали в Париже. Максим пошел к Ребиндеру, Графчик — к Шиповым, а я — к Шебуниным за отцом и матерью. У Шебуниных настоящий пасхальный стол. Вместе поехали к Головиным. Нас там хорошо угостили. Ник[олай] Ни[колаевич] рассказывал о своей жизни в Японии. Психология и миропонимание у японцев другие, чем у европейцев. Они совершенно неспособны к

изобретательности, но великолепно перенимают. Они заказали английской компании пароход, но так как не собирались сразу платить, то компания нарочно изменила планы постройки корабля и его все время качало, так что нужно было класть 1000 тонн чугуна на дно. Японцы не догадались исправить и ездят с громадными неудобствами. Они совершенно неспособны к авиации, и как их не учат, не могу управлять аэропланом. Как добычу, они получили какой-то особенный сорт подводной лодки и, вместо того, чтобы изучить каждую часть в отдельности, разбили всю лодку на квадратики и к каждому приставили человека, который должен был заучивать наизусть все подробности, а потом эти квадратики должны были быть составлены. Я с Максимом зашли к Ройбулям. Ужасно беспорядочно и бестолково. Были на студенческом собрании; всегдашняя чепуха, игра в парламент и бесконечная болтовня и словоизлияние.

Вторник, 20 апреля/3 мая.

Был на лекциях в Сорбонне. По-гречески за Version получил «8»: значительное улучшение. У нас был протоиерей Соколовский, отслужил молебен. Я пришел позднее.

Среда, 21 апреля/4 мая.

Утром были в церкви. Прихожан мало. Вечером был один на лекции проф. Гронского. Были в гостях у Чистяковых, кроме Максима, который был на лекциях. У них очень хороший отель-пансион. Бывшая хозяйка — русская, поэтому все обставлено со вкусом. Сегодня начались празднества в честь столетия смерти Наполеона. Их всячески затушевывают и о них не говорят. В газетах не было даже заранее программы. В Нотр-Дам все свелось к великолепному концерту с дорогими местами (150 фр.). Церковной службы особенно не было, хотя приезжал кардинал и 10 епископов. В Сорбонне была полная мизерия. Нигде не было объявлено, билетов нельзя было получить. Просто торжественная лекция в большом амфитеатре.

Четверг, 22 апреля/5 мая.

Утром проспали, так как мать уехала в лицейю. Ездил за куличом на Rue du Pont Louis Philippe. Все ужасно разочарованы отсутствием торжеств в честь Наполеона. Видел президента, возвращавшегося со смотра, который продолжался 2

часа. Спереди и сзади коляски ехало по взводу гвардии в полной форме, с конскими хвостами на касках. Я стоял в углу Champs Elysées и Grand Palais. Старушка газетчица спросила меня: «Что это, они на празднование едут?» Я объяснил, что все уже кончено. Отец был разочарован и удивлен. Многие собирались смотреть, но ничего не было. После обеда у нас были гости. Сперва пришел А.В.Карташев, рассказывал много интересного. Пришли В.Я.Чистяков, В.А.Андреевский, кн. А.Д.Голицын, В.В.Свечин, М.Л.Киндяков, А.Ф.Шебунин.

Все время велся ожиленный разговор. После чая, для которого мать приготовила новую пасху, а я достал кулич, все пошли на террасу и удивлялись виду и чистому воздуху.

Пятница, 23 апреля/6 мая.

Были в церкви. После обеда к нам приходил Коля Ройбуль. Вечером я был у проф. Анцыферова. Опять в единственном числе. Наполеоновские празднества прошли незаметно. 21-го выстрела мы не слышали.

Суббота, 24 апреля/7 мая.

Утром ходили на лекции. Получили письма от дяди Вани и Хариных. Анна Александровна пишет, что А.А.Брок (мой директор) в Гельсингфорсе. Вечером были на всенощной.

Воскресенье, 25 апреля/8 мая.

В церкви, как всегда, масса народа. Из «Нового времени» № 6 узнал, что в Сербии есть свой патриарх Димитрий. Когда его интронизировали, неизвестно. Митрополит Антоний служил в Белградском кафедральном соборе в пятницу и субботу на Страстной и на Св. Пасху, по сербскому обычаю, в 3 часа утра. После обеда сидел дома. Мать в 3 часа у Ройбулей. У меня второй урок с Колпакчи по-гречески.

Понедельник, 26 апреля/9 мая.

Был на лекциях. Выяснилось, что будут осенью русские экзамены на юридическом факультете. Я постараюсь держать у всех четырех профессоров. Получил 3 записи. Был на лекции проф. Нироппа. Говорил о сокращенных выражениях и словах во всех языках, но не в русском. Мать кончила читать «Очарованного странника».

Вторник, 27 апреля/ 10 мая.

Утром был в Сорбонне. Максим был, по случаю Радоницы, в церкви. Приехал Миша Гончаров и ужинал у нас.

Среда, 28 апреля/ 11 мая.

Утром чувствовал себя неважно. После обеда были на Foire de Paris*. Очень интересно. Все отрасли промышленности полностью представлены. После лекции Гронского я едва дошел до поезда. В наветт мне было так плохо, что я едва не упал в обморок. Миша рассказывал много интересного про Ниццу. На заутрени было столько людей, что весь сад был заполнен. Миша, Санин и Крупенский прислуживали. Др. Крылов читал Апостола. Служили о. Сергий, о. Александр и дьякон. В хоре прибавилось несколько русских. Во время крестного хода Крылов перестарался и пустил римские свечи и лягушек, одна из них попала под ноги отцу Сергию. Все время трезвонили. Итальянцев выселили, и Корней Степанович живет теперь в соборном доме. При старой церкви живут три монахини, которые привели все в блестящий вид.

Четверг, 29 апреля/ 12 мая.

Сижу дома. Идет дождь. Мать поехала к M-lle Dugard. Оказывается, столпы католической церкви радовались, когда произошла русская революция, говоря, что теперь, когда русская церковь потеряла своего главу (?), она непременно пойдет навстречу папе.

Пятница, 30 апреля/ 13 мая.

У Плесси читали рукописи X-го и XI-го века, довольно трудно, особенно трудно разобрать сокращения, которые очень многочисленны. Анцыферов куда-то уехал и не будет читать сегодня свою лекцию.

Суббота, 1/ 14 мая.

Утром говорил с проф. Лафэ о трудности французского языка. Кончили «Les Sept contre Thebes»**. После долгого

---

* Парижская ярмарка (*фр.*)

** «Семеро против Фив» [Эсхил]

отсутствия был вновь у проф. Морнэ; все тот же унылый, грустный и обиженный тон. Слушателей мало. Архимандрит, кажется, приехал. Миша не достал билеты и остается до завтра; вечером он был у нас.

Воскресенье, 2/15 мая.

Сегодня у католиков Троица. Все спешат в церковь. Трезвон совсем как на родине, в Ютановке, так и хочется рвануться, побежать в церковь, да только вспоминаешь, что все чужое и становится грустно. Все парижане выехали за город, и в Медоне столпотворение. Скандал с Ройбулями (объявление в газете о розыске еврейской семьи Ройбуль, состоящей из матери и трех сыновей) продолжается 3-ий день. Они получают анонимные ругательные и сочувственные письма. Это, без сомнения, злая шутка... Миша Ройбуль вне себя. Репутация испорчена. Помочь ничем нельзя и иск подать тоже нельзя, так как быть евреем не есть преступление, и нельзя обвинить неизвестного человека в оскорблении. Погода стоит прекрасная. Служили внизу обедню. Прошло благолепно. Пели Максим, М.Фирсов и один его знакомый. Графчик помогал отцу Николаю. Обедали с Мишей Гончаровым в «Ministeres». Были в Одеоне на представлении «Le Grillon du Foyer»* Диккенса. Музыка Масснэ. Играли очень хорошо. Декорации тоже хорошие. Начали точно в 2 часа, а кончили в 5. Вообще представление оставило приятное впечатление. Максим и Графчик провожали Мишу, а я зашел в Saint Sulpice на Vêpres Solennelles**. Присутствовало 71 священник. Служило в фелонях 7. Один из них епископ, остальные — chanoines***. Было необычайно пышно, но малоторжественно. Служащие стояли на коленях перед престолом, а хор пел, орган играл, но все чего-то не хватало. Мотивы были очень светские. У нас были Казариновы и рассказывали о Финляндии.

Понедельник, 3/16 мая.

Мои именины. Второй день Pentecôte****. Лекций нет. Утром вышел в сад. Пионы красные и бледно-розовые

* «Сверчок на печи» (*англ.*)
** торжественная вечеря
*** каноники
**** Троицын день

расцвели необычайно пышно. Я сидел и смотрел на траву, петушки и курочки, и было грустно на душе. И вдруг мне захотелось увидеть степь, ковыль, не ту степь, о которой говорит Лесков в «Очарованном страннике», а нашу воронежскую степь. Захотелось вновь пройти по буртам и влезть на горы. Как-то все существо потянуло к этим петушкам, похожим на тех петушков, которых мы рвали в Ютановке. Как хорошо, что у нас есть сад, что мы видим цветы и траву. Слава Богу! Вспоминал я о Лысой Горе, и как дядя Женя мне принес с нее допотопного рака. Для нас эти горы лучше, больше всех других. Оскол, меловые ущелья, широта, простор... Когда сподобит Господь нас все это вновь увидеть?...

Мать и отец подарили мне очень хорошие часы. К четырем пришли Гербильские (все трое), Мандельштам, Ройбули, Шамие, Кривошеины. Пили шоколад, провели 2 часа в саду. Все были рады вырваться из городской обстановки. Ходили на террасу. Получил от Ройбулей коробку конфет. Вечером отец был в Промышленном съезде[10]. Мать на докладе Льва Шестова. Мы долго говорили и легли поздно спать.

Вторник, 4/17 мая.

Понес в Сорбонну переводы. Сидел и работал в библиотеке. После обеда переводил Аристофана. Максим на лекции. Погода теплая, занимался в саду.

Среда, 5/18 мая.

Утром сидел дома. Вечером был на лекции проф. Гронского, а в 9 на концерте в Salle Gaveau. Пела Нелидова, играл оркестр Падлу под управлением Рене Батона, лучшего дирижера Парижа. Программа была составлена очень хорошо: Бородин, Мусоргский, Гречанинов, Римский-Корсаков, Рахманинов. Оркестр играл прекрасно. У Нелидовой немного слабый для зала голос. Почти что вся публика состояла из русских. Ехали обратно с Метальниковыми.

Четверг, 6/19 мая.

Записался у Пюэша. Он знал Максима Максимовича. Бургэ очень сердито встретил меня, но все же подписал carnet*.

* книжка (экзаменационная)

Пятница, 7/20 мая.

Утром получили письмо от Маруси Хариной. Им очень трудно живется, едва зарабатывают на пропитание. Юлия Александровна была еще раз больна и не совсем оправилась. Боря Лихачев приезжает в воскресенье. Он хотя и оправился от падения под трамвай, но шум в голове продолжается. Иеромонах Илиодор перешел к большевикам и начал пропаганду против Церкви и, что самое гадкое, подрывает доверие к духовенству. Хочет устроить в Церкви революцию. 7-го мая в Петербурге был грандиозный крестный ход. Большевики не посмели выступить против, как при приезде патриарха и при большом крестном ходе 1918-го года. Анцыферов уехал в Прагу и не был на лекции.

Суббота, 8/21 мая.

Утром в Сорбонне. Вечером был в церкви. Боря приезжает завтра, но не пишет, с каким поездом. Приехали Толстые. Видел в церкви Сережу и Иллиодора Шидловских.

Воскресенье, 9/22 мая.

Максим и Графчик были на ранней литургии, которая служится теперь каждое воскресенье. В церкви были вел. кн. Борис Владимирович, Александр Михайлович и Анастасия Михайловна. Максим и Графчик поехали на выставку голландцев и поздравить Колю Ройбуля, а мать поздравить отца Николая. Я сижу дома.

Понедельник, 10/23 мая.

Утром занимался дома. После обеда был в Сорбонне и у П.П.Гронского. Жара нестерпимая.

Вторник, 11/24 мая.

Был в Сорбонне. После обеда сидел дома. Приехал Боря. Был у нас два раза и завтракал.

Среда, 12/25 мая.

Были в церкви. Никого не было. Освящение воды. Вечером был у Колпакчи и Гронского.

Четверг, 13/26 мая.

Был в Сорбонне. Получили письмо от барона А.А.Гейкинга. Он переехал с семьей в Шарлоттенбург и очень доволен. Был в русской церкви и Берлине. Служил владыка. Наверное, митрополит Киевский Антоний. Один курляндский немец, плохо говорящий по-русски, говорил ему, что он хочет возвратиться в Россию и вращается только в русских кругах.

Вечером было бурное заседание церковного совета из-за французского хора. Решили, что нужно поддержать хор Кибальчича... Митрополит Антоний, наверное, заедет в Париж. Но духовенство не хочет его приезда.

Пятница, 14/27 мая.

Утром сидел дома. После обеда был у проф. Анцыферова, конечно, как всегда, в единственном числе. В воскресенье в Медоне грандиозный праздник. У нас был Боря Лихачев, сидел до 10 час. и ужинал.

Суббота, 15/28 мая.

Утром был на трех лекциях. Вечером были в церкви. Неожиданно умер от разрыва сердца сербский посланник в Париже Веснич. Его повезут в Белград, но будут отпевать здесь. Леонович и Стасиневич всячески мешают устройству русского хора. Распускают о нем разные слухи. Сережи Третьякова сегодня не было.

Воскресенье, 16/29 мая.

Утром Максим и Графчик были у ранней обедни в 9 часов. Леонович и Стасиневич объявили забастовку и не пришли в церковь. Сегодня в Медоне и церковный и гражданский праздник. Приехал версальский епископ и служил утром и вечером. В 4 часа к нам пришли в гости Извольские, Шидловские (Екатерина Анатольевна, Иллиодор и Берта Карловна), д-р Соковнин и Павлик Мещерский. Получили письмо от Елены Васильевны [Пономаревой]и Анатолия Федоровича Кони. Им тяжело живется. Анатолий Федорович оканчивает 3-ий том «На жизненном пути». Ходили с Мещерским и Иллиодором на террасу.

Понедельник, 17/30 мая.

Сегодня пошли брать билеты, но, к огорчению, узнали, что нам выдали карточки по полному тарифу. Если мы принесем удостоверения, то переменят на половинные. Был на лекции, но Гронского не было. Белья не достал.

Вторник, 18/31 мая.

Утром был в Сорбонне, а Максим на похоронах сербского посланника Веснича. Вся Rue Daru была полна войсками под командой двух генералов. Никого не пускали ни на Rue Daru, ни на Rue Pierre le Grand. Когда Максим приехал на автобусе, на бульваре Courcelles стояла толпа. Максима не хотели пропускать. Он долго объяснял, показал 2 студенческие карточки и абонемент. Наконец, полиция его пропустила, сказавши, что его не впустят в церковь. Но, конечно, в церковь он вошел через пономарку. Уже прочитали Евангелие. Пускали по билетам. К отпеванию пришло больше людей, чем могло поместиться. Присутствовали все послы, не исключая турецкого и японского. Вся французская аристократия, королевич Александр с сестрой, Георг Греческий с сестрой, Принц Монакский, маршал Петэн, генералы.

Псаломщики не пришли, и Фирсов выходил с Максимом. Играло 2 оркестра военной музыки. Гроб поставили сперва на паперти и произнесли речи, а потом спустили в нижнюю церковь.

Со свидетельствами неудача. Секретарь уехал и не мог подписать. Купил интересную книгу о 1812 годе с многочисленными рисунками. Получил перевод, значительное улучшение. Умер Боря Шуринов. Но сведения не проверенные.

Среда, 19 мая/1 июня.

Утром сидел дома. Был у Гронского. Отдали свидетельство начальнику станции. Приехала Е.Е.Теплова.

Четверг, 20 мая/2 июня.

После обеда приходил Боря [Лихачев] и Тепловы, рассказывали о бедственном положении русских в Болье. Жеребцовы прожили все и живут в квартире одной прачки в Ницце, которая им даром уступает закоулок. Обед им приносят из русской столовой. Мария Александровна Голицына выходит замуж за Петрова, который ей вскружил голову. Ничего

поделать нельзя, хотя известно, что это подозрительный человек, живущий под чужим именем. У Тепловых также нет абсолютно ни копейки. Елизавета Евгеньевна приехала хлопотать о субсидии. Был Орлов-Давыдов и M-me Goujon — богатейшая московская купчиха.

Пятница, 21 мая/3 июня.

Вчера на заседании церковного совета произошел скандал. Сперва Леонович прочитал составленный им протокол предыдущего заседания. Но оказалось, что он его составил вольно и вставил какие-то постановления, которые не были вынесены на совет. Поэтому пришлось употребить час на составление нового протокола. Французский хор отправился in corpore к ... Бриану! Его, конечно, не допустили, но говорил с ними какой-то незначительный секретарь, которому они наговорили разных сплетен. Он сейчас же помчался к Маклакову, который сказал ему, что это не его дело и даже он сам до этого не касается, и что уволить хор зависит только от усмотрения совета. Затем он направил его к Татищеву, который энергично протестовал против вмешательства в личные дела. На этом, к счастью, все и кончилось. Регент получил место в Ницце и уходит, оставаясь в самых хороших отношениях с советом. Получили билеты. Половинного тарифа нам не дали. Ездил к Анцыферову, но его не было, и я ждал более получаса. Утром получили письмо, что умер Монтиарли, еще в феврале, а мы ничего не знали. Умерли Сергей Александрович Шидловский с женой в Крыму; оставили двух малолетних детей. Мать была у Екатерины Анатольевны Шидловской. Очень много плохих сведений. Павел Николаевич Стамбулов убит бандой, напавшей на Волоконовку. Вера Ивановна и Екатерина Ивановна живут в Волоконовке в крестьянской хате. Дмитрий Михайлович Гревс в Чугуеве. Княгиня Путятина рассказывала подробности убийства великих князей[11]. Вел. кн. Сергея Михайловича, вел. кн. Елизавету Федоровну и кн. Игоря, Иоанна и Константина Константиновичей и Владимира Палея вместе с двумя бывшими при них людьми сбросили в шахту в Алапаевске живыми. Когда Колчак пришел, то приказал немедленно разыскать их тела. Их нашли, причем, несмотря на протекшее время, их можно было всех узнать, и тела их сохранились. Они не умерли сразу от падения, и, вероятно, погибли от голода. У Игоря Константиновича голова была перевязана Елизаветой Федоровной половиной ее косынки.

У Иоанна Константиновича был весь рот полон земли: вероятно, он грыз землю. Адм. Колчак поручил вывезти гробы иеромонаху Серафиму, который хранил их у себя в избе под полом и потом с большим трудом перевез их в Китай и оставил в Пекине, а гроб Елизаветы Федоровны он повез в Иерусалим, где ее и похоронили. Крышка гроба была открыта во время похорон и, несмотря на 2 1/2 года лежания в земле, тело оказалось совершенно нетленным. Теперь королева Елена Сербская хлопочет о перевозе остальных гробов в Сербию.

Суббота, 22 мая/4 июня.

Утром ходил в Сорбонну. Вечером был у всенощной. В Лондоне епископ Николай Сербский посвятил второго дьякона. Он там часто служил. Скоро службу перенесут в новоустроенную русскую церковь.

Воскресенье, 23 мая/5 июня.

Максим и Графчик были на ранней обедне, а я только на поздней. Обедали у Смирновых. Ходили с ними гулять в Булонский лес. В 4 часа были у Фирсова к чаю. Я скоро уехал домой готовить уроки. Сегодня открылся торжественно Национальный Съезд[12]. Кринские уезжают в Италию, а оттуда в Польшу из-за дорогой жизни во Франции.

Понедельник, 24 мая/6 июня.

Утром занимался дома. После обеда был на лекциях. Съезд очень удачен и многочислен. Графчик нездоров и не пошел в школу. Экзамены начинаются 27-го в 8 часов утра.

Вторник, 25 мая/7 июня.

Утром ходил на лекции. Вечером приходил Боря Лихачев; вспоминали с ним о жизни в Харькове... Он рассказывал, как ему приходилось скрываться, как он ночевал у Татариновых. Отец занимается делом Ройбулей и все время у него уходит на разные поездки. Возвратился П.А.Половцев и рассказывал о съезде в Рейхенгалле[13]. Съезд избрал тройку: Маркова II, Ширинского-Шихматова и Масленникова. Решили обратиться к Государыне Императрице Марии Федоровне с просьбой созвать семейный совет для назначения претендента. Все решили держаться легитимности.

Среда, 26 мая/8 июня.

Утром были в церкви. Полная пасхальная утреня и обедня. Вечером ходили на всенощную. Отца Гавриила не было. Служили о. Иаков и о. Николай. Ризы замечательные. Цветы вышиты от руки, а галуны и кресты не пришиты, а сотканы вместе с парчой.

Четверг, 27 мая/9 июня. Вознесение Господне.

Утром были у обедни. Многие не пришли или по невниманию, или по незнанию. Умерла жена Н.С.Таганцева. Их хотели как раз вывезти, но, Бог даст, сам Н[иколай] С[тепанович] благополучно выедет. Приехал проф.Маклецов. Он говорит, что в Сербии настроение исключительно правое, и такой съезд, как в Париже, не мог бы собраться.

Пятница, 28 мая/10 июня.

Утром сидели дома. Вечером был на прощальной лекции проф. Анцыферова. Он собирается съездить в Ниццу и, наверное, заедет к нам.

Суббота, 29 мая/11 июня.

Был на лекции у Лафэ, а после обеда сидел дома. Вечером был на всенощной.

Воскресенье, 30 мая/12 июня.

Утром ходил к обедне. Было очень мало народа. Сегодня в Медоне гимнастический праздник. Отец и мать были на Национальном съезде. Обедали в «Ministères». В 4 пришел о. Иаков с женой. Угостили их чаем, побеседовали. Максим, Боря и Мандельштам ходили в Медонский лес. Уехали к 7 часам. На съезде все прошло хорошо. Вечером будет окончательное совещание. Завтра начинаются выпускные экзамены в русской школе (первый выпуск).

Понедельник, 31 мая/13 июня.

Утром сидел дома; в 2 часа был на лекции Meridier. Вечером к нам пришел совсем неожиданный гость — Л.Буржинский. Он имеет большие средства. Живет хорошо и разъезжает по всей Европе. Он получил от Папы новый

перстень, рассказывал о духовном подъеме в Польше. Рим, чтобы перевести униатов в католичество, разрешил католикам служить православные службы.

Вторник, 1/14 июня.

Я был утром на последней лекции в Сорбонне. Version greque* плохая. Отец и мать завтракали у Л.Буржинского в «Westminster Hotel».

Среда, 2/15 июня.

Утром занимался дома. Ходил к Колпакчи. По-русски в школе на экзамене дали очень трудную тему: «Личность русских писателей XIX-го века по произведениям».

Четверг, 3/16 июня.

Ездил утром в Париж. К 4 часам к нам пришли граф. Гонто, де Бирон, Долинская-Иванова и Китти Щербачева. Муня приезжает в Париж через неделю и будет гостить у сестры, пока родители поедут лечиться.

Пятница, 4/17 июня.

После обеда сидел в библиотеке. Получили письмо от Марочки Ланг-Новицкой. Она в Тулоне с мужем. Приехали из Бизерты.

Суббота, 5/18 июня. Родительская суббота.

Утром поехал в церковь. Было довольно много прихожан. В газетах прочитали о расстреле младшего Таганцева и об аресте старика. Бог даст, не оправдается. Отец получил очень интересный доклад о католиках и их действиях по отношению к России и к православной русской церкви. Вечером были на всенощной. Служили о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай. Народу было не очень много. Были католические священники.

Воскресенье, 6/19 июня. День Св. Троицы.

Ранней обедни не было. Позднюю служили 4 священника: о. Иаков, о. Гавриил, о. Николай и о. Сергий. Церковь была полна.

---

* Перевод с греческого

Служба кончилась в 3/4 первого. Обедали дома. Боря обедал у нас. Приехал Миша Гончаров, у него экзамены во вторник, так что он все время занимается и даже не заехал к нам. Был Мандельштам и Коля Шипов. Ходили в лес. Я оставался дома. Мать и отец у Извольских.

Понедельник, 7/20 июня.

Утром были в церкви. Было много народа. Служили о. Иаков и о. Николай. Поехали на выставку «Мир Искусства»[14]. Довольно слабо, а особенно трудно разобраться из-за разнообразия стилей и манеры рисовать. Шесть картинок Рериха «Heroica» очень интересны и красивы и передают световые впечатления. Стеллецкий нарисовал очень много, некоторые картины оригинальны. Великолепны картины из японской жизни, но они не имеют никакого отношения к России. «Трактир» Кустодиева, хотя карикатурен, но живо передает обстановку. Остальное, кроме нескольких видов Лукомского, пошло и неинтересно. Максим и Графчик ходили к Третьяковым.

Вторник, 8/21 июня.

Ходил в библиотеку. Получили письмо от дяди Вани, что он рукоположен сперва 21-го в диаконы, а через день в иереи епископом Вениамином. Теперь его прикомандировали к церкви при посольской даче, так что он обеспечен комнатой и в Сербию не поедет. Сережа [Третьяков] держал экзамен, но результаты пока неизвестны. Кажется, пройдет.

Среда, 9/22 июня.

Утром сидел дома. Отец избран единогласно товарищем председателя Национального комитета[15]. Все время после обеда сидел в библиотеке. Вечером поехали на монархическое собрание, было очень много народа, так что не хватило места. Мы пришли очень рано. Шегубатов распоряжался у входа. Были все знакомые. На трибуне сидели А.Н. и П.Н.Крупенские, П.А.Половцев, ген. Нечволодов; А.Н.Крупенский, как председатель съезда в Рейхенгалле, сказал вступительное слово, все время путаясь. Половцев в течение полутора часов докладывал о речах и постановлениях, бывших на съезде. Очень сильно, по его словам, монархическое движение в Америке. Там

более 250 православных приходов и 300–400 тысяч русских. Настроение [в Америке] было сперва про-большевистское, и многие поехали в Советскую Россию, но благодаря письмам уехавших, описывавших жизнь в России, взгляды сильно переменились. Посылали телеграмму Государыне Императрице Марии Федоровне и вдовствующей королеве Эллинов Ольге Константиновне. После прочтения резолюции съезда Нечволодов сказал экспромтом краткую речь о царской семье, и собрание кончилось.

Четверг, 10/23 июня.

Утром сидел дома. После обеда был в библиотеке. Приходили Миша [Гончаров] и Боря [Лихачев]. Миша выдержал половину экзаменов. Провалился на одном, но ему придется передерживать три экзамена осенью. Боря осрамился по Закону Божию.

Пятница, 11/24 июня.

Утром купался. После обеда сидел в библиотеке. Получили письмо от Марочки Новицкой. Григорий Григорьевич Мизко умер еще в декабре 1919-го года по дороге из Ялты в Харьков. Грустно, постепенно уходят все люди, с которыми связаны такие теплые и милые воспоминания. Тетя Женя пишет, что пришлось переехать в деревню, где дядя Миша работает на хуторе. Вечером заходил Миша Гончаров. Он завтра уезжает в Ниццу.

Суббота, 12/25 июня.

Получили письмо от Константина Ивановича Гладкого. У него убили брата. Он удручен, но не отчаивается. Вечером были в церкви.

Воскресенье, 13/26 июня.

Сегодня в первый раз на Дарю пел русский хор. Очень хорошо. После обеда у нас были гости: Шамие, Яковлевы, Николай Иллиодорович Шидловский, M-lle Dugard и моряк, приехавший из Бизерты за пособиями для Морского корпуса. Алеша [Гербильский] провалился. Никого из иностранцев не пропустили. Вечером приходил Малинин. Завтра у меня начинаются экзамены.

Понедельник, 14/27 июня.

Встал очень рано, так как нужно быть к 7 1/2 часам. Держат все знакомые; по-гречески — 10 человек. Андрусова пишет латинскую Version для древней истории. Дали трудный текст из Демосфена. Я сидел в первом ряду против кафедры. Перевод я сделал в два часа, но потом оказалось так много поправок, что не успел переписать да и разобраться хорошенько в последней части. После обеда сидел дома и отдыхал. Приходили Метальников и Агафонов, чтобы обсудить возможность получить средства для Виллафранской зоологической станции[16]. Отец взялся за дело помощи и начал хлопоты перед французами.

Вторник, 15/28 июня.

Поехал к 8 часам в Сорбонну. Version дали не очень трудную из Lucan «La Pharsale»*, но я не мог долго перевести отдельные фразы и стиль остался не очень блестящим. Несмотря на то, что для Version дается только 3 часа, мы сидели с разрешения профессора 4 часа. После обеда я ездил за бельем. Мать поехала к кн. Палей и на Лионский вокзал. У Максима экзамены кончаются 11-го июля. Кн. Палей была очень рада визиту матери. Она живет в небольшой гостинице «International», avenue d'Iena. Она продала дом Павла Александровича в Булони и купила маленький особнячок в Passy, куда и собираются переселиться. Вел. кн. Мария Павловна с кн. Путятиным живут также в этой гостинице. Положение у них настолько плохое, что Путятин поступил чертежником к Ройбулю. Кн. Палей знает хорошо Надежду Александровну Харину и Дудушу, а также знала, по рассказам, бабушку Александру Гавриловну.

Среда, 16/29 июня.

Утром был на последнем письменном экзамене. Дали трудный отрывок из Фенелона, но зато очень короткий. Надеюсь, что будет удовлетворительно. После обеда ездил на вокзал покупать билеты. Большая очередь, но через 40 минут дошел до записи. Взял 5 плацкарт на 30 июня ст. ст. Теперь этот поезд идет гораздо быстрее: 19 час. 25 мин. и продолжен до Винтимильи. В Ницце в Союзе Объединения произошел

* Лукан «Фарсалия»

инцидент, причем Бурнашев и Граббе выступили против отца, сказав, что участие в Национальном съезде, само по себе, недопустимо.

Четверг, 17/30 июня.

Утром сидел дома, после обеда ездил в библиотеку. Митрополит Антоний получил от Святейшего Патриарха уведомление, что арх. Евлогий назначается управляющим западными приходами и церквями.

Пятница, 18 июня/1 июля.

После экзаменов чувствую необыкновенную пустоту. Не знаешь, что делать, хотя заниматься надо. Боря Лихачев провалился на физике. Не знает истории и устной алгебры. Но, может быть, его все же проведут. Вечером был Пионтковский, очень заинтересовался моими марками, взял у меня дубликаты, будет или продавать, или обменяет на другие.

Суббота, 19 июня/2 июля.

Утром в 6 часов Максим поехал на экзамен. Остался там до 6 часов. Ничего не мог решить и дал пустой лист с подписью. Это и лучше, чем подавать какую-либо чепуху. Сережа и Алеша Гербильские, наверное, выдержали. Я занимался в библиотеке. Были у всенощной. После нее пообедали в маленьком ресторанчике, а оттуда поехали в Grand Opera на представление «Валькирии» Вагнера. Сидели мы хорошо, но сбоку, так что Максим и Графчик поместились вдвоем на стуле, а я за ними. У нас была половина ложи. В другой половине сидели поляки. Вообще, больше всего было иностранцев. Театр очень большой, сцена громадная. Декорации примитивные. Началось точно в 8 час. Голоса хорошие. Оркестр многолюдный. В конце первого действия выходили на балкон. Вся площадь была забита народом, так что остановились трамваи, автобусы и автомобили. Это парижане ожидали известий о знаменитом матче бокса Карпантье — Демпсей, как будто это было мировое событие. Вышли специальные номера газет, были устроены особые радиопередачи. Над Парижем летали аэропланы, и если по получении известия оказалось бы, что победил Карпантье, то должны были быть зажжены красные огни, в противном случае — зеленые. Все население прямо сходило с

ума. Результаты стали известны через одну минуту 32 сек. Карпантье побит: Демпсэ исколотил его до потери сознания.

Очень хорошо был представлен бой в облаках и Feuerzauber. Наивно были сделаны лошади Fricke. Они качались и господин в пиджаке их все время поправлял. Кончилось ровно в 11 1/2, и мы попали на Gare Montparnasse* в 12 час. В общем, постановка сносная, но, по словам матери, в Мариинском театре было лучше.

Воскресенье, 20 июня/3 июля.

У Графчика зубная боль, которая его мучит третьи сутки, поэтому на раннюю обедню поехал я с Максимом. За поздней литургией пел хор Кибальчича. Он, несмотря на двухнедельное существование, спелся хорошо и поет хотя немного нерешительно, но зато прекрасно, по сравнению с французским. После обеда пришли гости: В.В.Неклюдова, С.С.Ольденбург, Анцыферов и Щербачевы (Китти и Муня). Ходили на террасу. Вечером мать ездила к Шамие. Ю.А.Колемин рассказывал, что в Хорватии 54 католических прихода во главе с духовенством целиком перешли в православие. Всего за последнее время в православие перешло до миллиона человек. Главным устроителем этого великого дела является архиепископ Досифей.

Понедельник, 21 июня/4 июля.

Пропаганда автономии Южно-русской церкви продолжается[17]. Бог даст, это разрушительное дело не удастся. Епископы все против. Максим вернулся с экзамена travaux pratiques**, ничего не написавши и подавши заявление, что хочет держать осенью экзамены.

Вторник, 22 июня/5 июля.

Ходил в университетскую библиотеку. В Сорбонну приезжал Мильеран. По всему пути стояли полицейские и при приближении автомобиля давали свисток, чтобы приостанавливать движение. Во дворе стоял отряд garde municipale***. Президент вышел в сопровождении нескольких академиков и

* Вокзал Монпарнас
** практическая работа
*** муниципальная гвардия

маршала Жоффра. Я сидел в библиотеке. Все бросились к окнам, но библиотекарь отогнал нас, чтобы не нарушать порядка.

Четверг, 24 июня/7 июля.
Рождество Иоанна Предтечи.

Утром ходили в церковь. После обеда в Париже я с Максимом пошли узнавать результаты экзаменов. В ресторане разговаривали с одним из студентов Сорбонны, который очень интересуется Россией, и старались изъяснить ему положение России. Максим и не сомневался, а я очень беспокоился, да к тому же список вывесят не к 2 часам, а в 4. Я провел два часа в библиотеке, спешно повторяя литературу. Когда я пришел в секретариат, список уже висел. По латыни на 13 экзаменовавшихся admissibles* двое: M-lle Servin и еще один семинарист. По-гречески из 10 человек 5 допущены. Я был очень огорчен, что не прошел и придется передерживать. К нам должны были приехать Гурко, но не приехали. Была Елизавета Евгеньевна Теплова.

Пятница, 25 июня/8 июля.

Ездил за гречневой крупой и в типографию Белокопытова, печатающую Катехизис по заказу отца. Вечером сидели дома.

Суббота, 26 июня /9 июля.

Ходили с матерью в школу взять аттестат Графчика. Он — блестящий: 4 четверки, остальные все пятерки. Кривошеины выдержали письменные экзамены и половину устных. Прямо удивительно.

Воскресенье, 27 июня/10 июля.

Утром ходили в церковь. Было очень много народа. Поехали с Борей Лихачевым в Версаль, пообедали в маленьком ресторанчике и отправились осматривать дворец и выставку. В сущности говоря, никакой выставки нет, а есть несколько комнат, в которых на полу расставлены обломки разных фигур и барельефов из сада. Висят на подставках гобелены. Исходили почти весь дворец и очень устали. Были

* оценка за письменный экзамен, после получения которого допускаются к устному.

в парке. Максим и Евграф пошли к Гурко, а я с Борей поехали домой. По дороге так заговорились, что не заметили, как проехали станцию. Дома застали Вяч. Яковл. Чистякова. Боря принес отвратительную книгу, написанную очень умно. Отец, мать и Вяч. Яковлевич ужасались ее содержанием. Была Екатерина Антоновна Шамие. Вечером приходили Андрусовы.

Понедельник, 28 июня/11 июля.

После обеда ездил в последний раз в Сорбонну. Оказывается, по-гречески 4 провалили, в том числе и двух аббатов, а прошел один Guerin de Veau, по латыни только M-lle Servin. Был у Pommeray. Он провалился на droit* и уехал на дачу. Всенощная была довольно торжественная, хотя народа было очень мало. Приходила Елизавета Евгеньевна Теплова.

Вторник, 29 июня/12 июля.

Утром ходили в церковь. После обеда служили молебен о здравии короля Петра. Протодиакон возглашал многолетие. Присутствовал королевич регент Александр. После обеда был Павлик Мандельштам. С бельем вышла целая история, не хотели отдавать. Только когда удалось уличить их во лжи, то отдали оставшиеся рубашки. Вечером заходили Метальниковы. Мы весь день убирались. Владимир Иосифович Гурко сделал большой скандал на собрании. Вообще, температура вредно действует на людей. У Бори сегодня латинский экзамен.

Среда, 30 июня/13 июля.

Утром в 8 часов приехал человек от Tripier за вещами. Маленький закрытый фургон специально для нас. Сговорились съехаться к 10 часам на Лионский вокзал. Я выехал заранее, но поезд опоздал на 20 минут, машина была испорчена. На всякий случай я вылез на Pont Mirabeau и поехал на метро. Приехал как раз во время. Багажа оказалось 117 кило в трех вещах, так что доплачивать ничего не пришлось. Когда я возвращался домой, оборвалась трамвайная проволока, и пришлось прождать 20 минут. Около же Solferino [трамвай] № 19 сошел с рельс, и опять была задержка, так что я пошел пешком. После обеда сидели дома и прибирали квартиру. В 6 часов

* право

поехали на navette (18.9) в Париж. Жара невыносимая, и воздух грозовой. Отец, Максим и я поехали с вещами на такси, а мать и Графчик на трамвае. На вокзале давка. Дожидались поезда в кафе. Устроились хорошо. У нас в купе всего 6 человек. Отец, который едет во 2-м классе, тоже устроился удобно. Уехали точно. В Дижоне подсели люди. Все места оказались заполненными, и кроме того, сидела еще сверх комплекта одна девочка. Но они все вылезли в Лионе.

Четверг, 1/14 июля.

Мы все-таки поспали и даже выспались. Когда приехали в Лион, было уже совсем светло. Я ходил покупать воды, достал лимонаду. К нам опять подсели люди. Поезд ехал все время от 80—110 километров в час. В Марсель приехали в 11 часов. Успели выпить кофе. Но звонков нет, и поэтому не можешь рассчитать время. В ресторане обед не приспособлен к поездам, и поэтому там не торопятся. В Тулоне еще раз выпили кофе. Ночью была гроза, и воздух стал гораздо свежее и легче. В Ницце на вокзале встретил нас В.П.Метаксас, который поехал в Болье. Там нас встречал Бесси. Были Гриша и Ксана [Тепловы]. Ничего не изменилось. В Болье все гостиницы уже закрыты. Как только приехали, сейчас же все выкупались. Кот совсем не изменился, но похорошел. 2 курицы и пять цыплят и Grand duc — вот обитатели виллы. Рыбки тоже живы. Провожал Метаксаса. На обратном пути встретил диакона и нового священника о. Димитрия Троицкого. Поговорил с ними. Служат по воскресеньям в соборе. Протопоповы купили себе маленькое имение около Trinite. Встретили также кн. Гавриила Константиновича. Сегодня Fête nationale* и поэтому всюду музыка и балы, а вечером фейерверк.

Пятница, 2/15 июля.

Утром разбирались. Приходили Гриша и Ксана. Я сидел в библиотеке. Отец ездил на заседание Объединения.

Суббота, 3/16 июля.

Оканчивали разборку вещей. Я все утро сидел в библиотеке. Отец и мать поехали на экзамены в русской школе[18]. К

* Национальный праздник

5 часам были в малой церкви. Там, несмотря на порядок, устроенный матерью Евгенией и сестрой Любовью, полный беспорядок. Отец Александр [Селиванов] совсем слаб и ничего не видит, ничего не слышит. Отец Сергий [Протопопов] еще слабее. Дьякон суетится. Служба, несмотря на громадные сокращения, продолжалась дольше, чем в Париже.

Воскресенье, 4/17 июля.

Были в соборе. Беспорядок и полная растерянность, все суетятся. Народу было очень много. После службы (литургию совершали три священника) был молебен преподобному Сергию и панихида по вел. кн. Елизавете Федоровне, Сергею Михайловичу, Константиновичам, В.Палею и их спутникам. После обедни разговаривали с очень многими. Семенов был в прекрасном белом костюме. Познакомились с Римским-Корсаковым и условились насчет часов для уроков. Вел. кн. Андрей Владимирович очень радостно со мною поздоровался. Говорил с Вовой Красинским. Обедали у Кассини. Тишина, никто не торопится, народа почти нет. Дают за 4 фр. 4 блюда и всего много; ели мороженое. После церкви подошел внук Захарчика и сказал, что старик Захарчик две недели тому назад умер. Его похоронило благотворительное общество на католическом кладбище, так как на русском слишком дорого. Отец и мать к 3 часам пошли к Захарчикам. Мы вернулись в Болье. Вечером отец ходил к Васильчиковым.

Понедельник, 5/18 июля.

Утром сидел в библиотеке. Ходили с Максимом в первый раз купаться. Отец и мать поехали в Ниццу на экзамен по истории и географии для русских мальчиков. После обеда ходили к Голицыным на «Rêve». Уже было довольно много народу. Мы посидели с час и потом сбежали домой. Как раз за виллой, на дороге, произошло несчастие. Сборщик мусора ехал в повозке, запряженной мулом, он был в не совсем трезвом состоянии и свалился вниз под колеса и прошиб себе череп. К счастью, подоспел Бесси, который схватил под уздцы мула и этим спас старика от верной смерти. Его сейчас же унесли в аптеку.

Вторник, 6/19 июня.

Графчик утром ездил к Римскому-Корсакову. У него прекрасная и большая вилла, нанятая на лето. Сегодня первый приемный день, и мать купила разного печенья. Долго никто не приходил. Мы выпили чай одни. Наконец, пришел ген. Тарановский один, Тепловы всем семейством, немного спустя — Суковкин с женой и Ольга Федоровна Тарановская с Петей. Все прошло очень хорошо. О.К.Суковкина очень заинтересовалась иконописью братьев. Она выпиливает иконы. Это очень трудно и долго. Мать читала вечером «Обломова».

Среда, 7/20 июля.

Утром ходили купаться втроем. Сидел в библиотеке. После обеда Максим ездил на урок.

Четверг, 8/21 июля.
Праздник Казанской Иконы Божией Матери.

Поехали в церковь. Не попали на Saint Jean. Приехали с небольшим опозданием. Служил о. Дмитрий. Я пономарил. Было очень мало народа. После обеда отец и мать ходили к Гавриилу Константиновичу и к Давыдовым. Максим и Графчик устраивают наверху часовню. Я начал составлять каталог на карточках, успел переписать старинные «Rossica». Мать прочитала уже больше 1/4 «Обломова».

Пятница, 9/22 июля.

Утром сидели дома, купались. Отец и мать на последнем экзамене для девочек. Монакский принц увеличил в свою пользу плату на французских трамваях, когда они проходят через княжество, на 5 сант.

Суббота, 10/23 июля.

Утром сидел в библиотеке. Вечером ездили к всенощной. В России страшный голод, 30 миллионов человек эмигрируют в разные стороны, уходя из местностей, охваченных неурожаем, главным образом, из Поволжья[19]. Я ездил утром в Ниццу в банк.

Воскресенье, 11/24 июля.

Были в соборе. Я звонил и пономарил. Прихожан было очень мало, все одни знакомые, не успеваешь со всеми поздороваться. Свящ. Барсов все еще не выехал в Вену и живет теперь в Ницце. Приехали Муравьевы и поселились у Дурасовых. Мать и я заходили к Суковкиным поздравить с именинницей по случаю Ольгина дня.

Понедельник, 12/25 июля.

Ходил с Гришей в Эз. Опоздали на поезд, пришли пешком. Максим и Графчик, устраивая наверху часовню, перекрасили стену и сегодня к вечеру развесили новые иконы.

Вторник, 13/26 июля.

Графчик ездил к Римскому-Корсакову и привез печенья от La Caria. Я заказал в булочной «Koulitch», на который они повысили цену по 1 фр. 50 см. за фунт. К 4 часам приехали Екатерина Николаевна Ковалевская и о. Димитрий, который привез в портфеле рясу. Через несколько минут пришел гр. Муравьев, потом Саша Наумов, первый ученик в русском отделении, которому поднесли сочинения Лермонтова. Были Гриша и Ксана Тепловы, Манечка Голицына со Стольниковой и гр. Салиас, трое Суковкиных, В.Метаксас. Когда уже кончали пить чай, видим, идет по саду целая толпа. Это Протопоповы приехали с Орловым на собственном автомобиле. Евг. Сергеевич купил по случаю за 2000 фр. старомодную машину, выучился править и теперь возит свою семью. Сергей Сергеевич совсем не видит и не может различить близко стоящих людей. Так как Голицыны и Стольникова просили Салиас им погадать, то я сбегал купил у Абиато колоду в 52 карты, что составляет редкость во Франции (с меня содрали 6.75). По дороге встретил Базилевских, которые направлялись к нам. В то же приблизительно время пришел Алексей Григорьевич Теплов и Александра Александровна Лесли. Показывали всем библиотеку. Этот вторник побил рекорд всех приемных дней во Франции. Было 22 гостя, а с нами — 27 человек. Получили письмо от дяди Вани, в котором он описывает работы Церковного Константинопольского съезда[20]. Ему удалось сшить себе рясу и сделать деревянный крест. Заходил Жеребцов.

Среда, 14/27 июля.

Сидели дома. Составлял каталог старинных книг. Начал заниматься с Гришей [Тепловым].

Четверг, 15/28 июля.

После обеда ходили к Протопоповым. Они привезли из Висбадена часть вещей, заполнили квартиру, кое-что продали и на эти деньги купили имение в 10 гектаров по пути из Trinité в Laghat. Они очень радушно нас встретили. Кроме нас был только Муравьев с женой. Узнали все подробности скандальной истории с Гагрским императором. Какой-то авантюрист француз, который уже раньше раздавал за деньги ордена марокккского султана, провозгласил себя Гагрским императором, вскружил голову французам разными титулами. Многие русские пошли к нему. Он дал сперва виконта, потом герцога Докудовскому (церковному сторожу), графа — Григорьеву и т.д. Многие почтенные люди были так одурачены, что явились к этому якобы монарху с разными прошениями. Он написал манифест, подписанный многочисленными русскими. Наконец, полиция заинтересовалась и, обнаружив в нем известного афериста, посадила его в тюрьму. Он назначил даже послов, между прочим, Григорьева — в Совдепию, и играл из себя настоящего короля. Получили от дяди Вани отчет Константинопольского Церковного съезда, на котором он был секретарем.

Пятница, 16/29 июля.

Мать получила письмо от Елены Васильевны [Пономаревой], адресованное совсем другому лицу. Содержание ужасное, не поддается передаче. Другое письмо пришло от Петра Сергеевича Пороховщикова, из которого видно, что человек, не живший при большевиках, становится иностранцем, а пережившие все ужасы, с ним не имеют общего языка. Занимался с Гришей по латыни и древней истории. Вечером заходили к Суковкиным.

Суббота, 17/30 июля.

Утром сидел в библиотеке. Вечером ездили в Ниццу вместе с Тепловыми. Елизавета Евгеньевна раздобыла и прислала уже 2000 фр. и везет еще сама некоторую сумму. Ехали обратно

с кн. Гавриилом Константиновичем. Он наводил критику на книгу Краснова[21]. Мать кончает читать «Обломова».

Воскресенье, 18/31 июля.

Были в соборе. Очень мало народу. О. Дмитрий очень обрадовался, увидевши нас. Отец и мать завтракали у Екатерины Николаевны Ковалевской. В 2 часа поехали в Монте-Карло, к Гончаровым, которых нашли очень скоро. Они очень хорошо устроились, большая светлая квартира. Кроме нас, были Тарановские. Как всегда, приняли радушно, угощали чаем с булочками, печеньем и фруктами. Миша подвинулся в рисовании. Перед отъездом гуляли с ним по Монако и приехали обратно на поезде.

Понедельник, 19 июля/1 августа.

Сидел дома в библиотеке, купался. Получили письмо от Ольги Павловны Ковалевской из Гатчины от 16-го июня этого года. Вероятно, письмо, адресованное матери, было вынуто и уничтожено, потому что пришел громадный конверт с маленькой записочкой карандашом с купоном Земельного банка, без всяких сведений о себе и о других, но, по крайней мере, мы знаем теперь, что Ольга Павловна жива. Получили письмо от тети Жени. Вечером ходили гулять в горы.

Вторник, 20 июля/2 августа.

Службы нет. Графчик ездил в Ниццу, ждем гостей. Пришел ген. Левашов, знакомый Голицыной, Суковкины, Тепловы, гр. Салиас, Метаксас, Коловрат. К 7 часам пришли Мар.Петровна Голицына, Давыдовы и Жеребцовы. Прием прошел хорошо. Показывал библиотеку, которой все восхищались, особенно Левашов и Жеребцов. У Левашова была большая библиотека, которая досталась ему от деда его жены, гр. Блудова, первого министра при Александре II. У него была переписка Александра II, которую он хотел опубликовать, но ему посоветовали ее сохранить и отвезти для безопасности из-за войны в деревню. Теперь вся эта переписка разорвана и распродана на цигарки.

Среда, 21 июля/3 августа.

Сидели дома. Сговаривался об уроках с Тепловыми. Решили начать в пятницу. Становлюсь настоящим педагогом.

Четверг, 22 июля/4 августа.

Утром поехали в церковь на обедню и молебен о здравии имп. Марии Федоровны. Было очень много народа. Вся колония послала телеграмму. Я тоже подписался. На великом выходе поминали государыню. После молебна провозглашали многолетие. Служило 3 священника. Ни Бориса Владимировича, ни Петра Николаевича не было. После обеда отец и мать ходили к Голицыным на именины. К нам забегал М.А.Суковкин.

Пятница, 23 июля/5 августа.

Ходили на Mont St. Michel*. Я занимался с Гришей и Ксаной математикой.

Суббота, 24 июля/6 августа.

Вечером пришел Боря Лихачев. Он уже довольно давно приехал, но никуда не выходил. Конечно, мы все страшно интересовались приемом вел. кн. Дмитрия Павловича. Оказывается, Боре пришлось много поработать для этого дела и преодолеть всевозможные препятствия. Во-первых, у них в классе образовалась оппозиция из 14 евреев, которые всячески старались разрушить планы. Директор согласился на прием. Решили сделать два различных банкета, но это также не удалось, тогда о. Сахаров предложил сделать молебен, а после молебна угощение. Боре пришлось устраивать все одному, так как остальные не решались что-либо предпринять. Вел. князь и вел. княгиня согласились приехать на молебен и на угощение, но просили устроить рано, в 6 часов, так как они отправлялись гостить к Радзивиллам под Париж. Все русские и армяне были единодушны и составляли большинство. Прием назначили на 20 июля в среду, а общий банкет для всего выпуска в пятницу. Несмотря на то, что никого не оповестили из противоположной партии, многие все же пришли. Недачин очень боялся, чтобы не вышло какого-нибудь скандала, чтобы кто-нибудь не стал свистать. Боря нанял трех лакеев, серебряные подносы и 60 бокалов и купил 20 бутылок хорошего шампанского. Вел. кн. Дмитрий Павлович и вел. кн. Мария Павловна приехали точно в 6 часов. Боря был как раз занят. Вдруг его зовут, он бежит

* Гора Сен-Мишель (фр.)

и видит, что все ученики, которые должны были встречать около ворот, отступают по мере приближения великого князя, который не знает, что делать. Но Боря подоспел во время. Вел. княгине поднесли букет из белых роз, который не догадались завернуть во что-нибудь, и он очень кололся. Мария Павловна передала его Дмитрию Павловичу, который тоже не мог держать и передал Шегубатову, а тот ученику. Пришлось букет отнести в автомобиль. Боря сказал приветственную речь. Затем начался молебен. Отец Николай говорил бесконечную проповедь. Когда молебен кончился, Боря входит в комнату и видит, что вел. князь и вел. княгиня стоят у окна и для формы разговаривают. Директор в другом конце. Настроение необычайно натянутое. Боря поднес два бокала Дмитрию Павловичу и Марии Павловне и, провозгласив тост, крикнул «ура». Все повторили «ура», никто не свистел и приободрились. Недачин заговорил с великим князем. Потом провозгласили тост за учеников и учителей и еще троекратно прокричали ура. Дмитрий Павлович сказал краткую приветственную речь. Затем все чокались, причем евреи первые полезли чокнуться с вел. князем. Снялись группой. Недачин посередине. Великий князь и вел. княгиня по бокам. Попич и Боря рядом. О. Николай и одна ученица сели, а остальные встали сзади. Вел. княгиня сказала речь к ученикам. Опять кричали «ура» на полпути, когда шли по саду, но когда хотели орать на улице, великий князь остановил рукой и сказал: «В Москве». Тогда все начали аплодировать, и автомобиль уехал. Вел. князь и вел. княгиня были очень рады, и Дмитрий Павлович на другой день очень долго говорил с Недачиным. Борю так усердно качали, что ударили рукой о дерево. В пятницу устроили общий вечер, который прошел с треском и скандалом, причем обе партии не только шумели, но колотили друг друга.

Были у всенощной. Боря ужинал у нас и три раза рассказывал свою эпопею: 2-ой раз для Максима и 3-ий раз для Суковкина. Уехал он в 11 часов. Кн. Гавриил Константинович уезжает с женой в Швейцарию в понедельник, если достанет билеты. Приехал Вячеслав Яковлевич Чистяков.

Воскресенье, 25 июля/7 августа.

Корней болен, и нам пришлось приехать пораньше. Дьякон и французские певчие в отпуске. Все же служба прошла хорошо. После обеда пошли к Наумовым, которые живут в

одной из 14-ти вилл Чудинова. Там был Юра Орлов-Денисов, Левшины. Пили чай, вспоминали о России. Провели хорошо время. После ужина, в 8 часов, к нам пришли кн. Гавриил Константинович, Нина Рафаиловна. Гавриил Константинович очень заинтересовался и не мог оторваться от русско-французского альбома. Опять упорно говорит, что вел. кн. Михаил Александрович жив. Нина Рафаиловна рассказывала, как они выехали из Совдепии. В десять с половиной пошли провожать на вокзал Лихачеву.

Понедельник, 26 июля/8 августа.

Занимался с Гришей и Ксаной. Ходили к Голицыным. Надя Лейхтенбергская очень хорошо играла на рояли свои вещи и других композиторов. У нее очень сильный удар. Сестра ее пишет трагедию, но пока не может напечатать. Мария Петровна показывала нам свои акварели. Некоторые поразительно хорошо нарисованы, особенно швейцарские виды, сестра ее гр. Gontaud Biron рисует еще лучше. Вечером Графчик золотил часовню, и все коллективно золотили входные садовые ворота.

Вторник, 27 июля/9 августа.

Утром ходили провожать кн. Гавриила Константиновича, но они еще не уехали, так как билеты им прислали на завтра. Часам к 4 пришел проф. Мигулин, немного позже Боря, вообще сегодня было очень много гостей: двое Гончаровых, двое Голицыных, 4 Тепловых, 3 Суковкиных, 2 Римских-Корсаковых, 2 Базилевских, 2 Княжевичей, Шуша Лесли, Муравьевы и 2 Щербачевых, всего 28 человек. Было очень оживленно. Показывал библиотеку. Китти Щербачева сообщила, что Лиля Шидловская выходит замуж за князя Дондукова-Изъединова и в ближайшие дни приезжает в Ниццу за благословением дедушки Куломзина.

Среда, 28 июля/10 августа.

Провожал Гавриила Константиновича. Жара невыносимая. А Нина Рафаиловна сама несла бульдога, который весит не менее пуда. Устроились хорошо. Ночью придется пересаживаться, и они хотят переночевать в Лионе. Кроме меня были только Базилевские. Вечером ходили к Суковкиным, они устроили

прием с крюшоном. Были Голицыны, Стольниковы, Шуша, Софочка Лукомская, Княжевич. Получили от дяди Вани дополнительный приходский устав.

Четверг, 29 июля/11 августа.

Ездил после обеда к Метаксасу за книгами. Встретил Сережу и Лилю Шидловских.

Пятница, 30 июля/12 августа.

Утром занимался с Гришей и Ксаной. Ездили в Монте-Карло к Лихачевым. Вечером сидели дома. К Суковкиным приехал третий сын из Парижа. Начал писать семейные заметки и выписки.

Суббота, 31 июля/13 августа.

Был Андрюша Одарченко, просидел до 3 часов, завтракал. Максим у Римского-Корсакова. Вечером были у всенощной, торжественно выносили Крест.

Воскресенье, 1/14 августа. Первый Спас.

По просьбе П.С.Волконского приехали за час в церковь. Очень хорошо устроен шатер из пальмовых веток для освящения воды. Служили все три священника в новых ризах. Был крестный ход вокруг церкви. Иконы несли Граббе, Мрозовский, Левшин, Багратион-Мухранская и Е.В.Шидловская. Я с Максимом несли свечи, Графчик — крест, Васька Левшин — фонарь. Народу было не очень много. После обеда мы отправились к Толстым, но по дороге нас задержали Любовь Васильевна и Сергей Сергеевич [Протопоповы] и заставили попробовать «cassota» в знаменитом ресторане. Необыкновенно вкусно. Отец и мать были у Жеребцовых и Захарчик, а мы на трамвае поехали к Толстым. Поговорили с Сережей. Он нам показывал интересные фотографии, особенно царской семьи. У них великолепный дом-особняк. Замечательные картины, одна Айвазовского «Творение Мира», удивительно оригинальная и единственная в своем роде. Дом этот принадлежит Мазараки — племяннику старой Толстой, бабушки Сережи. К чаю пришла бабушка и Зинаида Сергеевна Толстая. Говорили о государе и о революции. В 6 часов пришли отец и мать. Уехали мы все вместе. Заходили поздравить жену Бесси и отнесли ей

пирог. Вся семья была очень довольна. Толстые молодые будут у нас в этот вторник, а также Шидловские, а З[инаида]С[ергеевна] — в следующий. Жеребцовы живут ужасно, в рабочем квартале: с одного боку — пьяная огородница, а с другого — сапожник, сыро, неуютно. Ребенок болеет, а молодая Жеребцова зарабатывает всего 60 фр. в месяц. В доме, где живут Захарчик, поселились комиссары, купили за 20.000 дрянной автомобиль и по 25 платьев для каждого.

Понедельник, 2/15 августа.

Утром занимался с Гришей и Ксаной. В море вода настолько холодна (градусов 9), что мы не успели плюхнуться, как выскочили, как ошпаренные. Отец и мать были у Лихачевых и Гончаровых. Я ходил относить книгу Голицыной. Максим и Гриша совершили неслыханную прогулку и дошли до верха Cap Roux.

Вторник, 3/16 августа.

Графчик ездил в Ниццу. Мы купались, вода все еще невыносимо холодная. Предполагали, что никого не будет, но, напротив, было больше гостей, чем даже во второй вторник. Были Миша [Гончаров] и Боря [Лихачев], Куломзины, 5 Суковкиных, Мария Алексеевна, Лиля Шидловская, Шуша [Лесли], Ольга Федоровна [Тарановская], Левашев с сыном, 3 Тепловых, 2 Базилевских, Стольникова, гр. Салиас, 2 Метаксас, кн. Волконский, Борщов, 2 Чистяковых, итого — 27 человек, а с нами — 32. Молодой Левашев родился в Ницце и учился во Франции. После нас многие поехали в Монте-Карло в Cafe «De Paris», танцевать публично. Какое падение нравов! Оскудевает и падает русское общество, плохо себя рекомендует перед иностранцами. Нет уже больше прежних традиций.

Среда, 4/17 августа.

Утром составлял каталог. Умер известный писатель, Петр Дмитриевич Боборыкин на 88 году жизни, который часто и много гостил у нас на вилле и изобразил садовника Бесси в одном из своих романов. Умер Петр I, король Сербский. Наверное, русская колония будет служить панихиду. Вечером заходил к Суковкиным. Отец был у Левашовых.

Четверг, 5/18 августа.

Утром произошел чудесный случай, настоящее чудо. Отец стоял на лестнице под самым потолком и осматривал бордюр, а я был внизу. Вдруг я вижу, что отец как бы необычайно скоро спускается. Я сразу не сообразил, что это падает лестница. В одной руке у меня был стакан с сулемой. Я протянул одну руку и на одной руке продержал отца и постепенно опускал до пола. Если бы я не оказался рядом, отец разбился бы очень сильно. Настоящая Божия помощь. Графчик был у Римского. Вечером поехали на всенощную. Было очень торжественно, людей было довольно много. Через недели полторы приезжает сюда архиепископ Евлогий. Сперва он заедет в Париж. Я позабыл на вокзале книги, но, к счастью, один служащий на станции их взял и, изловив меня по дороге вечером, сказал мне об этом. Необычайный ветер, сирокко, сухой и вызывающий головную боль. Мать читала «Рудина».

Пятница, 6/19 августа. Преображение Господне.

Поехали очень рано. Боялись, что из-за грозы не будет трамваев. Всю ночь и утром шел дождь и была сильная буря и ветер. С нами ехала Княжевич, которая причащалась за обедней. К счастью, погода разошлась. Служба была очень торжественная. Раздавали освященные яблоки, всем хватило. Кн. Волконский подарил нам описание построения собора. Изящное издание[22]. После Успения приезжает в Ниццу арх. Евлогий. Обедали у Cassini. Позабыли в Болье письмо Сони Валь к Щербачевым. Я поехал за ним и потом на поезде прямо в Cros de Cagnes. Мигулины, как всегда, угощали обильно. Дали с собой массу винограда. Заходили к Щербачевым. У них служит и помогает по куроводству и огороду князь Кудашев, знаменитый коннозаводчик. У него имение в 4 тыс. десятин у Нальчика. Удивительно, русские люди в крайней нужде не унывают и вид имеют всегда хороший. Все нас провожали на вокзале. Вечером заходила Соня Валь.

Суббота, 7/20 августа.

Утром занимался с Гришей и Ксаной. В 2 1/2 часа отец был на заседании совета по случаю приезда арх. Евлогия. Вечером были у всенощной. Ралгин обещал дать фотографии, которые очень удались. На совете решили встречать владыку

торжественно. П.С.Волконский хочет выехать с ген. Мрозовским навстречу в Канны. На вокзале его встретят о. Сергий и о. Дмитрий, а в соборе о. Александр. После этого будет предложен чай. Ассигновали 1000 фр. Отец и мать пошли вечером к Чистяковым. Провожал Мишу Суковкина.

Воскресенье, 8/21 августа.

Утром были в церкви. Служили панихиду по королю Петру I. Было мало народа. Обедали в русском ресторане. Кроме того, были Граббе, Мрозовский, Волконский и еще одна русская дама и офицер, знакомый Щербачевых, вот и все посетители ресторана. После обеда всей семьей отправились к Шидловским (московским). Отец и мать зашли к Куломзиным. Старик Куломзин еще очень бодр и пишет русскую историю, соединенную с историей русской Церкви, на что до сих пор мало обращалось внимания, а между тем история Церкви в России тесно связана с гражданской историей. Он ее составляет для своего внука. Пока написал до Ивана Калиты. Шидловские приняли нас чрезвычайно радушно. Они нанимают комнату с правом пользоваться столовой, а обедают у Куломзиных. Отец заходил к Граббе. В Вильфранш из трамвая видели Недачина, а дома застали его записку. Он сожалеет, что не застал, и завтра уезжает обратно в Париж.

Понедельник, 9/22 августа.

Ходил к Недачину на Villa Mad. Он уезжает в 2 часа; поговорили обо всем. После обеда сидел дома. Максим с Гришей сделали прогулку в 12 километров. Завтра ожидается большой наплыв гостей. Будут Толстые и Вова [Красинский].

Вторник, 10/23 августа.

Получили письмо от Марочки Новицкой. У нее родился сын, которого они хотят назвать Павлом. Тетя Женя пишет, что предприятие, в котором работает дядя Миша, приносит дефицит, и положение очень тяжелое, также и у дяди Вани, так как ему не платят жалованья. Проф. Погодин написал очень тяжелое письмо. У его жены совсем вырезали горло, но она, слава Богу, поправляется. Он не очень хвалит Белградский университет. Начиная с четверти четвертого, начали приходить гости. Их было так много, что некоторых я не видел. Первыми пришли о.

Дмитрий и о. Александр. Потом — Граббе, Толстые и Шидловские, через минут 10 — Давыдовы, потом — Вова, Голицыны, Шуша, Стольниковы, Щербачевы, Кочубей, Жеребцовы. Показывали часовню и библиотеку. Потом устроили игру в мнения в саду. Пришли Муравьевы и Тоня Дурасова, Тепловы, Суковкины. Конечно, был Боря Лихачев, Лев Муравьев великолепно играл на рояле. В 5 1/2 гурьбой ушли на вокзал. Все были очень довольны. По дороге встретили еще семейство Тарановских, 6 душ, которые направлялись к нам. Позже пришли еще: Коловрат, который тоже играл на рояле, Метаксас, Базилевский и ген. Мрозовский с женой. Всего было 51 человек с нами. Максим бегал с Муравьевыми и Дурасовой на Mont St. Michel. Вечером после ужина пришли еще Чистяковы. В общем, вторник прошел необычайно оживленно, но очень утомительно. Это был один из самых больших приемов после обеда 2-го сентября на 65 человек в Ютановке и именин отца, когда был у бабушки концерт и 60 человек к ужину в Петербурге.

Среда, 11/24 августа.

Утром вспомнил, что в понедельник было Борино рождение, а я его не поздравил. Вечером ходил с Гришей Тепловым на Cap Roux. Дорога очень трудная и каменистая. На самой высокой скале поставили палку с газетой, вместо флага, а в скале положили записку о дне и именинах. На другой стороне написали: «Территория Российского государства». Отец был у Голицыных, а мать кончала чтение «Рудина».

Четверг, 12/25 августа.

После обеда ездили к Левашовым. Катались на парусной лодке по Вильфраншскому рейду. Вечером в верхнем этаже потухло электричество, и мы ложились при свечах. Приходил Леонид Федорович Давыдов. Пил чай.

Пятница, 13/26 августа. Тихона Задонского.

Ездил к зубному врачу, но тут все дантисты не принимают в августе и уезжают отдыхать, пришлось отложить до понедельника. Электричество все не горит, хотя днем его починяли. Отец купил альбом для открыток. Мать начала читать «Отцов и детей».

Суббота, 14/27 августа.

Утром сидел дома. В 4 часа поехал ко всенощной. В соборе было очень много народа. О. Александр повредил себе ногу и не может выходить из дому. Ехали обратно с Чистяковыми.

Воскресенье, 15/28 августа.
Успение Пресвятой Богородицы.

Утром — у обедни. Очень много народа. Собрали на голодающих 550 фр. Завтра приезжает арх. Сергий. Пошли завтракать к Муравьевым. Познакомились со всем семейством Дурасовых. У них большая семья. Михаил Акинфиевич Суковкин — их дядя. В 5 часов были на именинах у Гриши [Теплова]. Пили шоколад. Вечером провожал Борю [Лихачева] на вокзал. Кот повредил себе лапку.

Понедельник, 16/29 августа.

Были после обеда у Голицыных. Много гостей. Надя Лейхтенбергская играла свою «Во саду ли, в огороде». Ралгин снимал всех группой. В прошлое воскресенье Патриарх Тихон служил молебен о даровании урожая в Храме Христа Спасителя. Когда он выходил на площадь, толпа кричала: «Владыко, веди нас в Кремль спасать Россию!». Вечером заходили Чистяковы.

Вторник, 17/30 августа.

Сегодня прием прошел очень хорошо. Было не очень много народа, можно было поговорить с каждым. Первыми пришли Зинаида Сергеевна Толстая и старуха Толстая (рожденная Мазараки) гр. и графиня Муравьевы, Борис Кочубей; были трое Суковкиных (Алеша и Марина нездоровы), Тепловы (трое, без Ксаны, у которой болела голова). Толстые очень заинтересовались библиотекой. Все осматривали часовню. Зинаида Сергеевна взяла у нас карточку Наследника, чтобы переснять. Мигулины, хотя обещали, не приехали. Из Щербачевых были Муня, Китти, Вадим и Соня Валь. Маничка Голицына и Шуша [Лесли] очень заинтересовались альбомом «L'amitié franco-russe» и Пушкинскими сборниками. Конечно, был Боря. Под конец, зашли Чистяковы. Был Княжевич. Как всегда, был и В.Метаксас.

Среда, 18/31 августа.

Утром занимался с Гришей и Ксаной, а после обеда поехал к зубному врачу, но он уверил меня, что зубы у меня в сохранности и пломбы на своем месте. Вечером мать читала «Дворянское гнездо».

Четверг, 19 августа/1 сентября.

Архиепископ Евлогий приезжает 2-го сентября, в среду, судя по письму к о. Сергию Протопопову. Перед иконой Пресвятой Богородицы Толгской совершилось несколько чудес, и вчера одна дама в благодарность принесла П.С.Волконскому (чтобы привесить к иконе) бриллиантовую брошь. После обеда у нас был Левашов. Он сидел часа 3 в библиотеке и все не мог вдоволь наглядеться на книги. Заходил Боря, извинялся, что сегодня занят, и просил отложить мой сегодняшний визит к ним. Рассказывал, как они проводят время. Вчера вся компания: Давыдовы, Толстые, Ралгин, Боря и Вова [Красинский] — утром танцевали в Cap d'Ail, потом ездили купаться в Монте-Карло. Завтракали в Cap d'Ail, потом отправились танцевать в Café «De Paris» (стыд!) в Монте-Карло, оттуда в «Савойю» в Ниццу (тоже публичное место), а вечером к Толстым на бал. Если русская молодежь так проводит время, то кто же будет работниками по восстановлению России. Это пропащие люди! Французы и те выражают неудовольствие, что все русские кричат, что разорены, что не на что даже есть, а тут 3 бала в день, и, что самое позорное, танцуют не дома или в гостях, а в ресторанах и гостиницах. Голицыны, Базилевские и вся их компания тоже разъезжают и танцуют от безденежья. Завтра едут в Peira Cava на автомобилях, а сами живут в долг или на проданные вещи. Ужас берет при виде всего этого! Они портят репутацию всем другим русским. Мать ездила в Ниццу, а Максим с Гришей поехали в Saint Paneras срисовывать квадратную гору по chimin de fer du Sud* и должны завтра вернуться к 8-ми часам. С одного вокзала на другой в Ницце перебежали в 5 минут. Кот поправляется, хотя все еще держит лапку на весу.

* южной железной дороге (*фр.*)

Пятница, 20 августа/2 сентября.

Утром Графчик ездил к Римскому-Корсакову. После обеда заходил Княжевич, долго осматривал библиотеку. К чаю пришли Гриша и Ксана. Вечером я составлял каталог юридического отдела и едва переписал 55 книг. Дело подвигается очень медленно.

Суббота, 21 августа/3 сентября.

Вечером были у всенощной. Приехал архимандрит Сергий, завтра служит в соборе и будет произносить проповедь. Внизу под церковью ремонт и полный кавардак и беспорядок, но к приезду архиепископа все будет приведено в порядок. П.С.Волконский целыми днями сидит в соборе и все что-то приготовляет.

Воскресенье, 22 августа/4 сентября.

Сегодня в Болье храмовый праздник. Ночью бал на городской площади. Поехал рано в церковь. Служили арх. Сергий и о. Димитрий. Обедали с Соковниным в русском ресторане. Я с матерью пошли навестить Захарчик. Она нас угостила чаем, хотя мы необычайно торопились. Оттуда пошли к Давыдовым. Они нас всех ждали и приготовили большое угощение. Посидели. Играли в бильярд. Борис Шереметев замечательно играет. Я делал свои первые удары. Максим и Графчик в то же время были у Наумовых. Так как Эшей не было дома, я тоже пошел к Наумовым. Там была всегдашняя компания: Юра Орлов-Денисов, Борис Шереметев, Левшины, Жеребцовы. Играли в носы, подушки, щетку. Было очень весело. Вечером мать начала перечитывать «Записки охотника». В Болье бал; вся площадь превращена в шатер, и любители танцуют, кроме, конечно, обеденного времени.

Понедельник, 23 августа/5 сентября.

Проповедь архимандрит сказал хорошую. Мать получила письмо от Анатолия Федоровича Кони в 8 страниц. Пишет много о себе и своей жизни. Ему удалось издать книжку о Некрасове и Достоевском[23]. Федор Иванович Успенский жив и работает. Коллега отца Шеин постригся в монахи. Елена Васильевна [Пономарева] здорова. Письмо шло около 3 недель через Ревель. Получили письмо от барона Альберта Альбер-

товича Гейкинга. Он хорошо устроился в Берлине. Приглашает нас к себе. В Берлин каждый день приезжают все новые и новые русские из других стран. Получили также письмо от тети Жени. Дядя Миша, слава Богу, получил место в сербском министерстве на 1000 динаров, и они переехали в Субботицу. Джалу отдают, кажется, Венгрии, и с нею сообщение было почти прекращено. После обеда я с Максимом был у Лихачевых. Встретил Мишу [Гончарова], Давыдовых, Сережу Толстого. Вернулись обратно поездом. Вечером мать читала «Записки охотника».

Вторник, 24 августа / 6 сентября.
Св. Петра, Митрополита Московского.

Утром занимался с Гришей и Ксаной. Сегодня много гостей. Раньше всех пришли Сергей Васильевич и Сергей Сергеевич Протопоповы, затем Екатерина Николаевна Ковалевская с дочерью, женой капитана 2-го ранга Бескровного, который теперь проходит вновь в Льеже курс математики, чтобы получить хоть какой заработок. Пришли Наумов и Орлов-Денисов. Были все Щербачевы, Тепловы, гр. Салиас, Чистяковы, Базилевская, Тоня Дурасова с отцом, Муравьев (старый), Мигулины, М.Ф.Браславская, Коловрат (всего 28 человек). Трамваи не ходили из-за гудронирования шоссе, и все вместе уехали на поезде, который по обыкновению запоздал на четверть часа.

Среда, 25 августа / 7 сентября.

Утром сидел дома. Пришло письмо от дяди Вани. Он получил приход на острове Антигон. Но жалованье всего 10 лир в месяц, а паек прекращается с 1 сентября. Собор русских иерархов будет в Белграде 1-го октября старого стиля. Отец поехал на заседание совета, для выборов делегата на церковное собрание. По непонятной причине Е.С.Протопопов предложил выбрать Граббе, а Крупенский стал доказывать, что нужно по политическим соображениям послать Граббе и Мрозовского. Отец спросил Евгения Сергеевича, почему он стоит за Граббе, а тот ответил буквально следующее: «Так как там будет поднят вопрос об унии» (!?), что Граббе сможет отстоять Православие (?). Спрашивается, против кого? Против наших же епископов поедет граф Граббе? Отец даже не нашел слов для ответа. Что это такое? Вечером были у Чистяковых, пили чай. Завтра приезжает Гавриил Константинович и Нина Рафаиловна.

Четверг, 26 августа/8 сентября.

Архим. Сергий высказал следующее мнение. Теперь в России смута, много епископов убито; если бы все русские епископы оказались убитыми, то Русская Церковь должна в силу необходимости для посвящения обратиться к Папе (!?). Что это значит? Как могут исчезнуть все русские епископы даже за границей и в Америке, и почему обращаться к Папе, а не к вселенским патриархам? К счастью, количество епископов увеличивается, так как Патриархом открыто много новых епархий. Все время после обеда сидел в библиотеке и составлял список русских книг.

Пятница, 27 августа/9 сентября.

Погода ветреная и пасмурная. Днем шел не дождь, а моросилка. Отец был на торжественном собрании Объединения под собором, а я писал о смутном времени и семейную хронику (о Погорлевском). Вечером был Вячеслав Яковлевич [Чистяков]. Заходил узнать о заседании. Началось все молебном. Отец Димитрий сказал хорошую речь. Затем Граббе заявил, что арх. Сергий по болезни говорить не может, и сам сказал несколько фраз, не относящихся к программе заседания. Весь доклад, который должен был прочесть арх. Сергий, заключался, по его словам, в гроше и шапке. Грош — это отсутствие денег, а шапка осталась невыясненной. Потом Граббе сказал следующую фразу: «Я знаю, что некоторые русские монархисты вместе с германскими монархистами и при поддержке Папы Римского хотят устроить Украину с Василием Вышиванным во главе, получившим свое название от того, что носил вышитый жилет...». Мрозовский и Крупенский нападали всячески на отца и указывали, что нужно использовать Собор для политических целей и совсем не нужно туда посылать знатоков церковных дел, и что они предлагают выбрать Граббе. Крайние [монархисты] хотят опять сделать Церковь средством для своих достижений. Это совершенно недопустимо и нетерпимо.

Суббота, 28 августа/10 сентября.

Утром занимался с Гришей и Ксаной. Поехали ко всенощной. Зажгли на полиелей люстру и было очень торжественно. Архиепископ Евлогий приезжает сегодня в Париж, он везет с собой все, что надо, и с ним едет диакон. После

всенощной о. Дмитрий от имени о. Александра и всего прихода благословил нас иконой Божией Матери и произнес небольшую хорошую речь. Он сказал, что мы всем обязаны своим родителям, что они сохранили нас от дурных влияний, мнений и книг, и что только благодаря молитвам их мы усердны к Храму Божьему. Отец Сергий нас поздравил, диакон растрогался.

Мать читала отрывок из романа Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», именно разговор отца Василия с Саблиным. Ответ отца Василия удивителен и замечателен по глубине христианского духа.

Воскресенье, 29 августа/11 сентября.
Усекновение главы св. Пророка и
Предтечи Господня Иоанна.

Утром ездили в церковь. Служили о. Сергий и архимандрит. После церкви, захватившш с собой Борю, отправились домой обедать. Бесси зарезали и изжарили двух петухов и приготовили обержин. Мать сделала прекрасный борщ и привезла из Ниццы меренгов. Отец достал «Pontet Conet» 1893 года. Обед вышел великолепный, пили за Максимово здоровье; в 4 часа стали приходить гости. Сперва пришел Соколов (внук Захарчика), потом Суковкины, Муравьевы, Тоня Дурасова, Миша Гончаров, Софочка Лукомская, Муня Щербачева, Тепловы. Пришло несколько взрослых: о. арх. Сергий, о. диакон, Тепловы, гр. Салиас, но их с отцом устроили на балконе, так как в столовой сидела только молодежь. Позже пришли Война-Панченко, Алеша Суковкин и уже вечером Соня Валь. Был шоколад, крюшон и настоящий крендель. Муравьевы принесли Максиму бюстики Вагнера и Листа, а Суковкины новорожденного младенца из мыла. Мать подарила Максиму портфель для денег. Тепловы принесли коробку конфет. После шоколада снимались два раза все вместе группой в саду, играли в носы и мнения, а под конец — в шарады. Очень хорошо разыграли слово «Севастополь». Лев Муравьев играл на рояле. У него великолепная техника. Зажгли иллюминацию и гуляли в саду при свете фонариков. Боря ужинал у нас и уехал в три четверти 11-го. Легли очень поздно, после 12 ночи.

Понедельник, 30 августа / 12 сентября.
День рождения Максима.

Утром были в церкви. Получили письмо от о. Сахарова. Он пишет, что арх. Евлогий пробудет в Париже до 8 сент. ст. ст. (21-го). Ехали в трамвае с Тарановским, Чистяковыми, матерью Гавриилой и Роппами, которые везли причащать дочь Ириночку, которой исполнилось сегодня 6 лет. Обедали дома. Вечером отец был у Голицыных. Заходили к Суковкиным. Мать читала Тургенева.

Вторник, 31 августа / 13 сентября.

Сирокко. Настолько сухо и жарко, что нельзя дышать и болит голова. Утром заезжал Фомичев. Сегодня было немного гостей. Все почтенные люди. Раньше всех приехал и вскоре же уехал А.С.Чудинов с племянником. Позже пришел кн. Волконский и гр. Граббе с женой. Сейчас же начался разговор и спор на злободневную тему — избрания делегатов на Собор. Вскоре пришли кн. Гавриил Константинович, кн. Голицына, Чистяков, ген. Левашов, Давыдовы, Суковкины. После спора о соборе, начался спор между приверженцами союзнической и германской интервенции. Кн. Гавриил Константинович возмущался, что собрания устраивают под собором и что там курят. Поздно вечером пришел Алексей Григорьевич Теплов и гр. Муравьев, который считает, что вовлечение Церкви в политику недопустимо. Гриша был, а Ксана все больна.

Среда, 1 / 14 сентября.

Погода прекрасная: тепло, солнечно. Отец поехал на собрание, а Максим — к Римскому-Корсакову. Собираюсь составлять каталог, и все что-то не выходит. На Приходском совете были выборы делегатов. О.Димитрий получил 11 голосов из 15, отец — 10, Волконский и Чистяков по 8, а Граббе — 7.

Четверг, 2 / 15 сентября.

Паломничество к N[otre] D[ame] de Laghet. Утром встали немного раньше половины шестого, но пока оделись, помолились и выпили кофе, прошло довольно много времени, и вышли мы в 6 час. 25 мин. Поднялись сквозь сад horticulteur'ов* на

* садоводов (*фр.*)

Mont Saint Michel. Солнце поднялось и начало припекать. Мы взяли с собой мешок с провизией. Каждый встречный оказывался Бессиным знакомым, и он перекидывался с ними несколькими словечками. На большом виадуке около Эз я два раза сфотографировал Максима, Графчика и Бесси. Пройдя Эз, я снял старую крепость с башней. Было уже без 20 мин. восемь. От Эз дорога разделяется. Мы пошли по верхней, которая идет до соединения с grande corniche*, построенной Наполеоном Первым и до сих пор совсем крепкой и не избитой, хотя последний ремонт был 60 лет тому назад. Дорога идет по сосновому леску. Запах чудесный. Направо открываются виды на море, Cap Saint Hospice, на Ниццу и на Антиб. В половине девятого мы дошли до Тюрби (Turbie, 615 metres). Выпили лимонада и пошли осматривать церковь и башню Августа. Улицы в городке очень узкие и все одинаковые, так что можно заблудиться на небольшом пространстве. У церкви встретили curé*, который только месяц, как переведен сюда. Он сказал несколько слов о сближении церквей и о несчастной России и выразил надежду, что мы скоро вернемся к себе на родину. Башня времен Октавиана Августа, сохранилась хорошо. Наверху стоят две уцелевшие колонны. Она [башня] вся сложена из великолепных белых камней, без цемента, а внутри — из кирпичей. При раскопках ее сильно повредили. Смотрели с горы на Монте-Карло, Монако, Ментону, Сан Ремо, Винтимилью. Старичок, который прогуливался по горе (ему 84 года), живущий всю свою жизнь на этом месте, говорил, что он помнит, что от Cap d'Ail'я до Ментоны был всего один дом (?). Я снял башню, и мы пошли по направлению к Laghet. Дорога постепенно спускается. Не успели мы пройти 100 шагов, как увидели слева великолепный виноградник, полный белого винограда. Бесси попросил продать нам несколько веток, но работник не согласился, а дал нам даром такое количество, что мы вчетвером не могли съесть во всю дорогу до Laghet. Всего пути от Тэрби считается 2 километра, но в действительности около 3 1/2. В Laghet мы пришли без 20 мин. 10. Сейчас же пошли в церковь. Монастырь с небольшим поселком из 5 домов стоит в лощине на высоте 340 метров. Церковь расположена на площади. Вокруг нее галерея, в которой развешены картины «ex voto», в благодарность за спасение. Все они нарисованы

* большой горной дорогой (фр.)

** кюре

наивно, но очень интересны. Прослушали мессу, которую служил священник, приведший из Монте-Карло школу на богомолье. Потом позавтракали в ресторанчике на горе. Народу совсем не было, но, говорят, в прошлое воскресенье нельзя было пройти из-за толпы, наполнявшей все. Когда мы завтракали, видели дым, идущий из-за школы. Побежали смотреть. Громадный сундук горит изнутри. Все время ходил подозрительный человек. Он поднял тряпку и зажег сундук, надеясь поживиться, а под школой положено было сено. Пока мы тушили, он ушел прочь, а полиция не ближе 2-х километров. В 12 часов пошли вниз, к Протопоповым. Пять километров показались десятью, к тому же солнце палило невыносимо. По дороге ели фиги, которых никто не собирает, и они падают и пропадают. Мы пришли, когда еще никого не было. Посмотрели дом. Он построен в 1769 году. Потолки низенькие, но комнат очень много, приходится его почти заново перестраивать при помощи русских солдат, нанявшихся работать. После чая Евгений Сергеевич показывал нам свое имение. Земли десятин 50, очень хорошо расположено, есть источники, травы много, даже есть апельсиновые и лимонные деревья, которые отсутствуют обычно на горах. Фруктовых деревьев масса. В 6 час. Евгений Сергеевич подвез нас на своем автомобиле до Тринитэ (Trinité Victor). Мы сели на трамвай и поехали в Ниццу. До Болье ехали с Голицыной, Шушой и Стольниковой. Приехали к 8 часам. Купили в Laghet для матери серебряное колечко и интересные четки.

Пятница, 3/16 сентября.

Встали поздно, после столько длинной поездки. Отец был на заседании Объединения. Крупенский вел себя нехорошо. Об отцовской и Чистякова кандидатуре умолчали совершенно. Все время навязывали М.Граббе. Арх. Сергий говорил в течение двух с половиной часов, цитируя неправильно Евангелие и Послания и сводя все к необходимости абсолютной монархии.

Суббота, 4/17 сентября.

Были в Ницце. На Приходском совете Крупенский, хотя не имел голоса, аррогантно* и дерзко шумел. Когда совет просил Гавриила Константиновича поехать в Сербию, Крупен-

* от фр. «arrogant» — вызывающе, высокомерно.

ский вскочил и закричал: «Если кто-нибудь из дома Романовых не будет присутствовать на соборе, то собор будет от дьявола». Кн. Гавриил Константинович, поднявшись, сказал: «В таком случае, я не могу ехать и категорически отказываюсь». Арх. Сергий доказывал, что нужно единение Церкви с государством. Обедня завтра будет в 9 1/2 часов, чтобы не успели придти многие. Вообще приготовляется что-то нехорошее. На всенощной было очень мало народа. Вячеслав Яковлевич заходил на минутку посоветоваться.

Воскресенье, 5/18 сентября.

Из-за раннего начала обедни пришлось выехать с трамваем из Болье в 8.30. С нами ехала мать Гавриила. Конечно, к 10 часам пришло очень мало людей. Все благоразумные и церковные люди отсутствовали. Не было Шидловских, Суковкиных, гр. Муравьевых, Базилевских и мн. др. С самого начала Волконский распространил слух, что могут голосовать с 21-го года. К сожалению, мы не захватили с собой устава, а церковный, как нарочно, затерялся. Служба кончилась очень рано. О. Дмитрий говорил бесконечную проповедь, ни к селу, ни к городу. После обедни часть прихожан осталась на панихиде, а также о. Александр, о. диакон и псаломщик. Я стоял на лестнице и не пропускал незаписанных. Но все же по списку не проверяли. Арх. Сергий давал каждому записку следующего содержания: «Отец арх. Сергий просит избрать его делегатом». Как только все прошли в зал, мы ушли, и у стола для проверки осталась Григорьева, которая не могла удерживать незаписавшихся. В заседании были допущены два беззакония. Во-первых, не дождались настоятеля, и он вовсе не присутствовал, а во-вторых, когда о. Димитрий называл кандидатов, то назвал сперва Граббе, а отца и Чистякова пропустил. Дале Толстой вдруг оказалось 21 год, и прошли многие 21-го года, хотя могут голосовать только с 25 лет. В общем, впечатление было очень неприятное. Политики победили и нанесли удар церкви. Граббе получил 52 голоса, Волконский — 46, а Чистяков — 29. Арх. Сергий получил 14 и горько плакал после заседания. Мы обедали у Cassini и в 2 часа поехали в Cros de Cagnes. Так как было очень рано, мы зашли к Мигулиным. Петр Петрович развивал свою теорию о современном положении Церкви и почему так опасно вмешивать Церковь в политику. В Совдепии Патриарх находится под постоянной угрозой, а большевики

ждут повода, чтобы напасть на него. Если окажется, что Церковь стоит во главе монархического движения, то большевики могут зараз перерезать все русское духовенство с Патриархом, или же Патриарху, чтобы спасти духовенство, придется отлучить эмигрантов и заграничных епископов от Церкви. Неутешительные, но правильные мысли. Страшно становится, когда Церковь, последняя опора русских людей, убивается и порабощается кликой крайних правых. К 4 часам пошли к Щербачевым. Там уже были Толстые, Боря [Лихачев] и Жеребцовы и Кира Елагина. Немного спустя, пришли Наумовы, Левшины, Борис Шереметев, Юра Орлов-Денисов. Сперва пили чай. Сергей играл на балалайке. Потом все пошли на лужайку играть. Перепробовали всевозможные игры: горелки, носы, взятие крепости. Набегались вдоволь и в 7 часов мы втроем и Жеребцовой уехали. Остальные вместе с приехавшими в 8 часов Суковкиными остались ужинать и уехали с поездом в 12 часов, причем пришлось идти до Канн. Получили письмо от Ольги Ивановны Ковалевской из Белграда.

Понедельник, 6/19 сентября.

Утром сидели дома. К чаю был Боря и Чистяков. В разговоре Боря намекнул, что был приказ от монархического совета провести на соборе председателей монархических обществ. За чаем развивали мысль Мигулина о заговоре крайних монархистов против Церкви и об ужасных последствиях, которые могут проистечь из этого. Боря ходил к Голицыным. Отец и мать были у Княжевичей.

Вторник, 7/20 сентября.

Сегодня по случаю кануна праздника приема нет. Отец, Максим и Графчик уехали рано. Мы всех предупредили, но все же приехал д-р Соковнин и долго спорил с нами. Он восхищается французами Тэном, Ренаном, Клодом Фарером, а мы его опровергаем. Всенощная была в старой церкви, народу было порядочно, и потому было невыносимо душно. Служили соборно. Вечером мать читала «Севастопольские рассказы».

Среда, 8/21 сентября.
Рождество Пресвятой Богородицы.

Обедня была в соборе. Вл[адыка] Евлогий должно быть не приедет на этой неделе, а только к концу будущей. Обедали в русском ресторане. Приехал В.Л.Бурцев и виделся со многими здешними деятелями. Мы были у Чудиновых, пили чай. Приехали родители Наумовых. Мать Саши, рожденная Ушкова, — московская купчиха и поэтому в приятельских отношениях с Чудиновой. Отец и мать были у Эш, которые прислали нам целую корзинку своих фиг. Они приглашают нас заехать хотя бы в будни. По сведениям из Лондона, архиепископ Евлогий из Парижа едет в Англию и, понятно, не может скоро приехать к нам в Ниццу.

Четверг, 9/22 сентября.

Утром довольно прохладно. Сидели дома. Нет газа и приходится варить все на спирту. Сидел после обеда в библиотеке и составлял каталог.

Пятница, 10/23 сентября.

После обеда ходили в Вильфранш к Андрусовым. Они всего 4 дня как приехали. Проф. Метальников с дочерью также здесь. Ботаническая станция переделана из тюрьмы, и жить там жутко: громадные галереи и проходы с колодами, к которым были прикованы каторжники. Арх. Евлогий сейчас в Лондоне и приедет в будущую пятницу.

Мать Евгения, мать Гавриила и Люба шьют для диакона протодиаконский орарь. Весь день не было газа и пришлось зажигать очаг.

Суббота, 11/24 сентября.

Ездили в Ниццу на всенощную. У нас был спор с Вячеславом Яковлевичем [Чистяковым] и Крыловым, есть ли двойной орарь особая награда, или же он жалуется вместе с протодиаконовским званием.

Воскресенье, 12/25 сентября.

После обедни был на сходе монархической молодежи. Кажется, это хорошее начинание, судя по целям, выставленным

в уставе. Осматривали часовню у собора. Прекрасная живопись и все очень хорошо устроено. Были у Эша. Марии Ивановны не было дома, и мы разговаривали с Георгием Васильевичем. Как всегда, было много интересного. Я особенно зачитался и засмотрелся на геральдические книги. На обратном пути заходили к Толстым. Зинаида Сергеевна нездорова. Максим пошел к Муравьевым и остался у них ужинать.

Понедельник, 13/26 сентября.

Принесли от Голицыных книги. На всенощной служили все три священника (о. Сергий, о. Александр и о. Димитрий). Мы прислуживали втроем. Воздвигал крест о. Сергий. Специально принесли архиерейскую кафедру. Хор пел очень хорошо. Было много русских, но также много французов. Прошло с большой торжественностью. Обратно ехали на поезде. Суковкина, Максим, Гриша и М.А.Голицына сели во 2-ой класс с билетом 3-го, и их задержали. Контролер кричал, но кончилось тем, что, по уходе поезда, начальник станции взял с них по одному франку штрафа.

Вторник, 14/27 сентября.
Всемирное Воздвижение Животворящего Креста Господня.

С утра пасмурно. В церкви было мало народа. Максим нездоров. Мы ехали в I классе, так как другого не было. Очень приятно. Дома скоро прибрали, устроили стол, но долго никто не приходил. Боря Лихачев рассказывал о союзе молодежи; он временно избран председателем. Были Римские с Арцимовичем (б. товарищем министра иностранных дел), все шесть Суковкиных, Тепловы, Липский, Метаксас. Виллафранкские жители явились целой толпой: 3 Андрусовых, Метальников с Катей и Давыдов (заведующий станцией). Пришел Ник. Ник. Шебеко, и вокруг него собралось политическое собрание. Были Щербачевы. Вся молодежь пошла на заседание к Голицыным. Позже пришел член Государственной думы А.С.Гижицкий. Вторник был очень удачным.

Среда, 15/28 сентября.

Утром, когда я занимался с Гришей и Ксаной, слышу, что кто-то зовет. Вижу через окно, едет на извозчике Алеша [Суковкин] и что-то держит. Я и Гриша поспешно выбежали

и пошли помогать. Оказывается, Миша Суковкин едва не утонул. Он 20 минут боролся с волнами, которые его захлестывали. Марина, бывшая случайно на берегу, умоляла сидевших французов помочь, но они все наотрез отказались. Она бросилась в порт, но лодочники не хотели ехать или дать лодку даже за деньги. Тем временем Миша со сверхчеловеческими усилиями доплыл до берега, перекрестился и упал в обморок. Тогда несколько человек подошло, вытащили его, стали его качать и растирать. Алексей, извещенный сестрой, приехал на извозчике и привез его домой. Мы перенесли его на постель. Миша сперва был без чувств, потом спал крепко, а в 4 часа встал. Он рассказал тогда всем, что он перечувствовал за эти 20 минут, когда он боролся с морем. Он совсем приготовился умереть, перекрестился, помолился, но в этот самый момент ему показалось, что море утихло, и у него прибавилось сил. С неимоверными усилиями он доплыл до берега. Максим чувствует себя плохо, после обеда лег и не вставал до вечера.

Четверг, 16/29 сентября.

Максим болен, лежит в постели, сильно простудился. У него желудочные боли. К чаю приехали А.Н.Брянчанинов и Протопоповы. Александр Николаевич очень заинтересовался часовней, особенно образом Иоанна Крестителя, и библиотекой. Вечером заходили Елизавета Евгеньевна и Алеша Суковкин справиться о Максимином здоровье. Получили письмо от А.Л.Погодина.

Пятница, 17/30 сентября. Веры, Надежды, Любови, Софии.

Был в церкви. Купил массу цветов; громадный букет поднес Любови Васильевны Протопоповой. Гавриил Константинович с семейством собираются переезжать в Ниццу, по всей вероятности, в Saint Maurice. Кн. Роман Петрович женится в ближайшем будущем на Прасковье Шереметевой. Никите Александровичу разрешено жениться на Воронцовой только после получения им какого-нибудь места и жалованья, достаточного для прокормления семьи. Максим лежит и чувствует себя все еще неважно. Отец ездил по федоровскому делу к консулу. Наследники продают завещание какому-то дельцу, который хочет взыскивать с церкви 70 тысяч убытков. В три часа поехали в Cros de Cagnes. Бесси приготовил три

великолепных букета. С нами ехал Алеша Суковкин. Он нам рассказывал совершенно бессмысленную и нелепую теорию о том, что народ и страна существуют для монарха, а не наоборот. У Мигулиных, как всегда, была масса угощений. Приходили Щербачевы. Мы к ним зашли на 20 минут. Видели Александра Эдуардовича Направника. Обратно ехали в том же поезде Голицына, Стольникова, Ропп и многие другие. В купе против нас поместился старичок-француз, выехавший 40 лет тому назад из С.-Петербурга. Он совсем позабыл язык, не может следить за разговором, но помнит некоторые слова: «Здравствуйте», «извозчик» — и произносит их очень хорошо. Заходил Петр Сергеевич Волконский и просидел 2 часа. Была Елизавета Евгеньевна Теплова. У них не осталось опять ни копейки, и они сегодня начали голодовку. Вдруг, видят, идет кто-то к ним. Оказывается, кн. Гавриил Константинович. Он занял у кого-то 400 фр. и принес им. Елизавета Евгеньевна плакала от радости и умиления. Не перевелись еще добрые люди на земле!

Суббота, 18 сентября/1 октября.

Максим чувствует себя неважно. Никаких известий об архиерее. Были у всенощной. Прихожан очень мало. З.С.Толстая вернула фотографию Наследника. Отец купил журнал «Летопись». Очень интересно, но неприятно и жутко читать. Был Крылов.

Воскресенье, 19 сентября/2 октября.

Служил протоиерей Петр Брилев, настоятель марсельской церкви. После обедни были выборы делегата от клира на соборе. Выбрали большинством 40 голосов против одного, подавшего за архимандрита, о. Д.Троицкого. К чаю приезжал Крылов. Были Гриша и Ксана. Максим чувствует себя неважно, температура высокая. Отец принес от Голицыных родословную книгу. Вечером мать читала «Детство и отрочество».

Понедельник, 20 сентября/3 октября.

Тепловы переезжают. Обедали у нас. У Максима температура ниже, но он все еще очень слаб. Графчик ездил к Римскому. Вечером ходили помогать Тепловым укладываться. Максим чувствует себя все еще неважно, а главное очень слаб.

Вторник, 21 сентября/4 октября.

Сегодня у Максима нормальная температура. Утром я сидел в библиотеке. Тепловы у нас обедали. Первым пришел учитель, которого прислал Меранвиль, я принял его за француза и говорил с ним по-французски. Мигулины приехали в половине третьего, привезли целую корзину винограда. Вскоре пришел Эдуард Александрович Шидловский. Позже Евгения Викторовна Шидловская, Вова Красинский, маркиз Меранвиль, Миша Гончаров, двое Эш и Можаров (тамбовский помощник), ген. Щербачев с Муней и Китти, Метаксас с женой, Паскевич, Дурасовы. Боря сильно опоздал, потому что хлопотал о помещении для заседаний. Были, кроме того, Голицына, Шуша Лесли, Тепловы, Суковкины, Коловрат с матерью, Ольга Николаевна Гончарова. Боря набрал в учредители союза Бог знает кого, а меня ловким ходом исключил и не нашел ничего лучшего, как предложить мне подать заявление о приеме в члены, причем требуется рекомендация двух учредителей, то есть тех же самых Наумовых, Орловых-Денисовых, которые не принимали даже участия в первом собрании. Боря все время о чем-то говорил тайком с Вовой, и вообще они говорят, что только бюро и председатель будут знать, а члены должны будут исполнять приказания, которые будут присылать из Берлина. Председатель и даже члены назначаются, а «нелюбезные» вычеркиваются. Здесь они хотят руководствоваться распоряжениями П.Н.Крупенского. Максима все навещали. У него в комнате был настоящий раут. Архиепископ, судя по полученному письму, приезжает в пятницу.

Среда, 22 сентября/5 октября.

Утром ждал Гришу и Ксану Тепловых. Они пришли всего только в 11 часов. Максим чувствует себя хорошо, только очень слаб. Я сидел после обеда в библиотеке и нашел массу интересных книг. К чаю пришли Андрусовы и Метальниковы. Мы поднялись на Mont St. Michel и оттуда по шоссе пришли в Вильфранш. Чудесная прогулка. Заходил к Тепловым. К нам заходил Костя Суковкин. Сегодня юбилей певца Соляра, ему поднесли золотые часы и адрес с рисунком старой церкви и собора, по случаю 50 лет его пения. Вырабатывали церемониал встречи архиерея. Получили телеграмму, что архиепископ Евлогий приезжает в пятницу в 3 часа дня.

Четверг, 23 сентября/6 октября.

Рождение Ксаны. Тепловы не пришли заниматься. В 3 часа с Графчиком поехали на репетицию архиерейской службы в соборе. Все хорошенько повторили. Вечером мать пригласила Тепловых вчетвером к нам ужинать. Зажгли фонарики в саду. Пришли Суковкины, и мы провели очень хорошо время.

Пятница, 24 сентября/7 октября.
Приезд архиепископа Евлогия.

Максим все еще не совсем здоров и не может участвовать во встрече архиерея. Мы отправились заранее на трамвае. В соборе и на вокзале уже ожидали, так как не знали, когда точно приедет архиепископ: в 2 час. 35 [мин.] или в 3 час. 25 [мин.]. Приготовили все для встречи и ждали с минуты на минуту поезда. Корней с Васькой Левшиным сидели на колокольне и смотрели на дорогу, не покажется ли автомобиль. Скоро стало очевидно, что владыка приедет в 3.25, но время шло, а никаких признаков приезда не замечалось. Прошло три поезда. Наконец, без пяти четыре примчался на извозчике П.С.Волконский с диаконом. Приехали и другие встречавшие: отец архимандрит, о. Димитрий. Архиерея повезли кругом по Promenade des Anglais, и только в 10 мин. 5-го раздался трезвон. Арх. Евлогий вошел, надел мантию, прошел в алтарь и после ектений и многолетия сказал слово. Собор и встреча произвели на него очень большое впечатление. Особенно обрадовался он настоящему колокольному звону. После проповеди многие подошли под благословение, причем все себя сами рекомендовали. П.С.Волконский отвез архиепископа в приготовленную для него квартиру. Сейчас же начались визиты и продолжались до позднего вечера. Отец рассказал нам о встрече в Каннах и в Ницце. Архимандрит Сергий выехал в Saint Raphaël, но не попал в поезд, в котором ехал архиепископ, а в rapide*, приходящий раньше. Кондуктор сказал, что архиепископ едет, и указал купе. Архимандрит входит и видит вел. кн. Кирилла Владимировича, который радостно с ним здоровается и говорит: «Как хорошо, что Вы выехали меня встретить», — а архимандрит отвечает: «А я совсем не Вас, а архиерея». Вел. кн. говорит: «Значит, Вы его больше цените, чем меня». В

* скорый поезд

Каннах архиерея встретили консул Е.С.Протопопов, П.В.Волконский, ген. Мрозовский и П.Н.Крупенский. На вокзале в Ницце ожидали отец, о. Сергий Протопопов и о. Димитрий Троицкий, Толстой-Милославский, Ермолов, о. Цветаев, Метаксас. Архиепископ приехал во 2-ом классе, а диакон в 3-м. Толстой-Милославский рассказывал, что в Париже они наметили в кандидаты на Собор лиц, не имеющих никакого отношения к Церкви.

Суббота, 25 сентября/8 октября.
Преп. Сергия Радонежского.

Годовщина смерти матушки Иустинии Валерьяновны [Селивановой]. Я и Графчик поехали рано в церковь. Обедню по случаю дня Ангела служил арх. Сергий с о. Александром. Архимандрит сказал проповедь. Молебен служил преосв. Евлогий. Народу было очень мало. После молебна была панихида по матушке. Нас о. Александр пригласил на обед. Поминки устроили на квартире Мещериновых на Boulevard Victor Hugo. Было 23 человека: архиепископ, все духовенство, хозяева, П.С.Волконский, четверо Протопоповых, Площанский и мы вдвоем. Так как за большим столом было всего 20 приборов, то диакон и мы сели за маленький столик. А так как диакон всем распоряжался, то мы получали все чуть ли не первые. Сначала, в течение полутора часов, подавали блины, потом была уха, рыба под белым соусом, котлеты рыбные для архиерея и архимандрита с горошком и бобами, телячьи со сливками — для остальных. Потом был кисель. После него все встали, преосв. Евлогий прочитал молитву, но в дверях всех остановила прислуга и сказала, что еще есть фрукты и кофе, и все опять уселись. Во время обеда владыка рассказывал о своем плене, о католических молчальниках-монахах и о том, как он пел, митр. Антоний разводил кадило, а епископ Никодим (Чигиринский) служил. Когда все встали от стола, было уже половина четвертого. Мы, забежав на минутку в старую церковь, поехали в собор. Все было приготовлено для встречи, но архиепископ не пожелал ее и приехал через заднее крыльцо. Ко всенощной набралось много прихожан. Я с Максимом были за иподиаконов. Служили архиепископ и 4 священника: архим. Сергий, о. Сергий Протопопов, о. Александр и о. Димитрий. У диакона Евгения Вдовенко высокий голос, и он все не попадает в тон. Всеволод Палашковский держал посох. Графчик читал паремии,

Канон и Шестопсалмие. Служба кончилась в 7 с половиной часов, и мы на трамвае в 8 часов вернулись домой.

Воскресенье, 26 сентября/9 октября.

Поехали с трамваем на St. Jean, зашли в старую церковь. Взял там кадило и едва успел вовремя в собор. Когда архиепископ приехал, Корней не заметил, и поэтому его никто не встретил. К счастью, сестра Люба и Вася Левшин дали знать на колокольню, и выбежал, благодаря тревоге, П.С.Волконский (в тот самый момент, когда архиерей хотел расплачиваться с извозчиком). Встреча успела выйти. Облачение прошло очень хорошо, только к началу было мало народу. Но к концу службы собор был набит битком. Литургия прошла торжественно и без запинки. Левшин нас свечку, Палашковский посох, Графчик держал книгу. Вместе с арх. служил прот. Григорий Остроумов (за второго). На малом выходе, из-за недостатка людей, нельзя было вынести рипид. Но на великом выходе выносили рипиды. Во время малого входа архиепископ возвел диакона в протодиакона и дал ему красный орарь. О. Алексий чуть ли не самый молодой протодиакон в русской церкви, зато он служит великолепно, и о. Сергий заметил, что «он рожден быть протодиаконом». Архиепископ все время ласково поправлял, если кто ошибался, указывал, кому говорить возглас. После обедни он сказал проповедь о необходимости любви друг к другу. Сегодня день Апостола любви, и эта проповедь была кстати и сказана очень хорошо. Был молебен Иоанну Богослову. Служба кончилась в час дня. Архиепископ поехал завтракать к П.Н.Крупенскому, а мы пошли в русский ресторан. Петр Сергеевич [Волконский] устроил там обед в честь нового протодиакона. После обеда мы зашли сперва к матушкам, а потом к отцу Александру, который показывал нам письмо архиепископа, написанное из Лондона, и угощал нас. К 4 часам мы поехали с о. Александром к архим. Сергию на чай, на Ginuis за аренами. Когда мы приехали, владыка уже был там, но было очень мало народу. В большой столовой был накрыт стол человек на 50, покоем. Приехал вел. кн. Андрей Владимирович. Все сели за стол, очень красиво убранный вазами с фруктами и печеньем и гвоздиками. Я с Графчиком поместились на конце одного из столов. Вскоре к нам подсел Вася Левшин, Вова [Красинский], Толстые и Кира Елагина. После чая все вышли в сад и разговаривали отдельными

группами. Все были одни знакомые. Архиепископ беседовал со всеми поочередно. Молодая компания сразу отделилась. Я долго говорил с Борей и Вовой о союзе и о происшедшем недоразумении. Обратно мы ехали с Вячеславом Яковлевичем Чистяковым.

Понедельник, 27 сентября / 10 октября.

Отец и Вячеслав Яковлевич поехали в 10 час. за архиереем. У Гавриила Константиновича чуть не случилась неприятность. Кухарка, поехавшая покупать в Ницце рыбу для архиепископа, запоздала. Все волновались и боялись, что не удастся ничего приготовить, но, к счастью, все успели сделать. Отец обедал у кн. Гавриила Константиновича, который просил владыку посвятить нас в стихарь и иподиаконов. Он был поддержан всей семьей, и арх. Евлогий согласился. Мы все приготовили для встречи. Архиепископ немного запоздал и приехал к нам в 2 час. 25 мин. Мы выбежали навстречу. Бесси подошел под благословение. Владыка посидел в гостиной, потом осмотрел часовню и библиотеку, выпил чаю. Мы достали «Pontet Canet» за 1893 год. К чаю был Чистяков. Я сфотографировал арх. Евлогия, сперва одного на скамейке в саду, а потом в группе. Затем с разрешения владыки мы сели с ним в автомобиль и за 16 минут доехали до Ниццы. В половине 4-го мы были у собора. Там давно уже ждали архиепископа, и сейчас же началось заседание. Мы побежали к Протопоповым, чтобы помочь им устроить чай и прием. Евгения Викторовна Шидловская распоряжалась всем. Евгений Сергеевич [Протопопов] нарядил своих матросов во фраки, и они под руководством официанта прислуживали и разносили чай. До 5 часов никого не было, но потом начали собираться в таком количестве, что нельзя было пройти. Была чуть ли не вся русская колония, человек 200. Было угощение и чай. В двух комнатах так столпились, что нельзя было повернуться. Мы ушли в 7 часов. Целая компания русских поехала с поездом в Болье к Голицыным, ужинали в дрянном ресторанчике, взявши продукты у Giaume и потом танцевали до 11 1/2 ночи. Боря ужинал у нас и благополучно уехал после Голицыных в Монте-Карло, а ниццкие жители оказались принужденными идти пешком и, наверное, дошли лишь к 3 часам утра.

Вторник, 28 сентября / 11 октября.

Утром заходил кн. Гавриил Константинович, посидел у нас час. Сегодня именины Вячеслава Яковлевича [Чистякова] и день их свадьбы. Было заседание Приходского совета в присутствии архиерея. Отец сделал 3 доклада. Кроме бестактных выступлений П.Н.Крупенского, заседание прошло хорошо, только не удалось убедить владыку утвердить отца Александра в должности настоятеля, и он будет только временно. После ужина ходили к Чистяковым и говорили о протодиаконах и о знаменитых хорах и регентах.

Среда, 29 сентября / 12 октября.

Мы едем в субботу в Канны, помогать при архиерейской службе. Утром сидели дома. Максим был у Римского-Корсакова в последний раз. Вечером приходил Вячеслав Яковлевич. Проявлял фотографии. Архиепископ вышел хорошо. Катушка Щербачевых удалась.

Четверг, 30 сентября / 13 октября.

В последний раз занимался с Гришей и Ксаной. В 3 часа мы все поехали в Ниццу. Было всенощное бдение архиепископским служением, встреча, а на утрени, после «Бог Господь», акафист Покрову. Все прошло благополучно и гладко. После 1-го часа владыка сказал слово о празднике Покрова Богородицы, о значении его для нас и о духовной связи с русскими, живущими на Родине. Прихожан было очень много, но под конец многие разошлись. Мы вернулись с трамваем в 8 часов.

Пятница, 1 / 14 октября, Покров Пресвятой Богородицы.

Утром была торжественная соборная служба. Служило 3 священника и 2 диакона. Мы втроем пономарили. Архиепископ служит один в фелоне и омофоре в Antibes у вел. кн. Петра Николаевича и Николая Николаевича. Обедали в Ницце. В 4 час. прием в Splendide Hotel в честь приезда архиепископа. На приеме были вел. кн. Кирилл Владимирович и Андрей Владимирович. Архиепископ сидел между ними. Был чай, а позже, кто хотел, представлялся Кириллу Владимировичу. Мы ждали к чаю Мишу Суковкина, но он не приехал, и к нам пришла Марина. Вспоминали с ней о Харькове.

Суббота, 2/15 октября.

Рано поехали в Ниццу на службу. После обедни взяли извозчика и поехали в собор за облачением, рипидами, дикирием и трикирием. Отвезли все на вокзал и, так как поезд пришел и громадная толпа с чемоданами и тюками ринулась в него, то я купил билеты 3-го класса, и Максим с о. Евгением пошли занимать места. Протодиакон был очень обижен, так как мы должны были ехать во втором классе, но мы уже не пересаживались, так как 2-ой класс был полон. Доехали мы хорошо, только было немного жарко. О. Евгений Вдовенко все время ехидничал на счет 3-го класса. На вокзале нас встретил каннский псаломщик А.Селезнев. Он нанял омнибус, так как наши вещи были объемистые, особенно сундуки с облачениями; мы уселись, но вскоре заметили, что не двигаемся вперед; оказывается, лошадь «пошла завтракать», а извозчик ни за что не хотел поторопиться, «parce que c'est l'heure du déjeuner»*. Наконец, мы тронулись и благополучно доехали до «Hotel Des Chene», где нам были оставлены комнаты. Приведя в порядок свой туалет, мы попросили завтрак. В гостинице был свадебный обед, и все были сбиты с толку. К нам прибежал Вася Левшин. Сегодня его день рождения. К 3 часам пошли в церковь. По дороге снял протодиакона, о. Евгения, Максима, Евграфа и Васю около решетки одного дома, на route d'Antibes. Канны совсем провинциальный город, пахнет деревней, у каждого домика сад. Русская церковь очень красива, с куполом и колокольней[24]. Колокола хорошие. Около церкви трехэтажный дом с квартирами настоятеля, диакона и псаломщика. Познакомились с Шереметевыми (3 брата) и показали им, что нужно делать во время службы. Псаломщик пригласил нас к себе на чай. Архиепископ приехал на автомобиле и сперва отдохнул у о. Гр. Остроумова. Встреча была со Славою. Всенощная прошла очень хорошо. Народу было очень мало, да и то все толпились у двери, а впереди было совершенно пусто. Младший Шереметев держал посох, а Вася Левшин свечу. Графчик читал. После всенощной ужинали внизу. Разговаривали с кн. и княгиней Голицыными, которые также живут в Pension des Chenes. Отец диакон Евгений посвящен в Сербии только месяцев 8 тому назад. Он прежде был инженером-техником. Служил в Крыму,

* «потому что это час обеда» (*фр.*)

имел там имение и кровных лошадей. Когда он узнал, что в Ницце живут Наумовы, то едва не ринулся прямо на поезд. Оказывается, он их сосед и давно их знает. Мы втроем легли в одной комнате, а протодиакон и диакон в другой. На всенощной был М.Ф.Гончаров.

Воскресенье, 3/16 октября.

Встали в 8 часов и после кофе пошли сейчас же в церковь. Встречали владыку со Славой. Только благодаря ниццким жителям, церковь не была пуста. Из Ниццы приехали Чудинов, Гудим-Левкович, Багратион-Мухранская, Орловы-Денисовы, А.И.Орлов, Направник, Алеша Суковкин и др. Были вел.князья Кирилл и Андрей Владимировичи. Архиепископ Евлогий сказал великолепную проповедь о русском народе, спасавшем не раз западную культуру, о любви к Родине, к православию и ко всему русскому. Он поехал после службы на завтрак к вел. кн. Кириллу Владимировичу. Обед устроили прекрасный, благодаря остаткам от вчерашней свадьбы. Отец Евгений рассказывал о России. Оказывается, двум светским архидиаконам дали протоиерейские фиолетовые камилавки, которые они носят даже на обедне, так же, как и священники. Князь Голицын сообщил данные в пользу того, что государь жив. Архиепископ Евлогий также верит, что царская семья жива. Отец Евгений сообщил много интересного по этому вопросу и просил обратить внимание на то место в книге Жирьяра[25], где несут в поезд архив по делу в 9-ти громадных мешках очень большого веса. Хозяйка угостила нас бутылкой шампанского, и мы выпили за ее здоровье и за здоровье всех нас. После обеда пошли прибирать облачения. Я снял церковь снаружи и внутри, группу прислуживавших и, наконец, по желанию отца протодиакона, его и диакона с дикирием и трикирием около иконостаса. В 3 часа мы побежали на вокзал, взяли supplément* и благополучно приехали в Болье. В Ницце к нам подсел отец. Дома у нас были гости. Приехала г-жа Шевченко (сестра Де Роберти) из Парижа, искать заработка, но не найдя ничего, она уезжает завтра назад. Приходили попрощаться Тепловы и Суковкины. Вечером Максим и Графчик ходили к Гавриилу Константиновичу, а я проявлял снимки; все вышли очень

* доплату (фр.)

хорошо. Заходил Вячеслав Яковлевич [Чистяков] справиться о поездке в Канны.

Понедельник, 4/17 октября.

Утром сидели дома и укладывались; я снял часовню с разных мест. Поехали к 3 часам в Ниццу. Служба в маленькой церкви. Всенощная была очень торжественна. Служил архиепископ Евлогий и все три священника. Отцу Александру стало дурно, и во время «Честнейшую» его под руки отвели на квартиру. Рипиды держали даже на величании и на Евангелии, было очень красиво. Благодаря множеству людей, было жарко. После всенощной Волконский сообщил нам, что владыка согласился посвятить нас завтра в иподиаконы, а Графчика в стихарь. После всенощной архиепископ пил чай у матушек.

Вторник, 5/18 октября. Святителей Петра, Алексея, Ионы, Филиппа и Ермогена.

Сегодня день отъезда. Утром укладывали вещи, а в 8.30 поехали в Ниццу на обедню в соборе.

Хиротесия.

На третьем часе нас посвятили в стихарь и иподиаконы. Нас втроем вывели о. протодиакон и о. диакон. Первым архиепископ посвятил Графчика. Надевали маленькую фелонь, и владыка постригал крестообразно волосы. Служба прошла очень торжественно. Кроме нас, Левшина и Палашковского, прислуживал еще Саша Наумов.

На малом выходе поставили о. Александра в протоиереи. Он был очень растроган и умилен. После обедни был торжественный молебен. Архиепископ произнес великолепную проповедь о значении для нас Москвы, о ее первосвятителях, о необходимости духовного подъема для спасения Родины. Всю обедню в церкви стоял англиканский епископ и очень внимательно следил за службой. После церкви нас все поздравляли. Мы исповедывались у о. Александра и причастились Святых Таин.

В русском ресторане собралась масса народа. Были кн. Гавриил Константинович и Нина Рафаиловна, кн. Андрей Владимирович с женой. Мы вчетвером, Гриша и Ксана [Теп-

ловы], кн. Волконский, Боря, Вова, д-р Крылов. Кн. Гавриил Константинович всех нас поздравлял. Старушка Бередникова из своих скромных средств принесла три плитки шоколада. Провожали нас на вокзале Тарановские, Метаксас, Гриша и Ксана. Мать села с вещами в Болье. Поезд был совсем пустой. Мать, Максим и Графчик уместились очень хорошо. Вас.Павлович [Метаксас] принес пирожных, а О.Ф.Тарановская букет цветов. В Болье мать провожали О.К.Суковкина, Тепловы и Бесси. Кн. Гавриил Константинович также был на платформе, так как ехал в Канны, и проводил наших. Обратно я ехал с Гришей и Ксаной на трамвае. Дома показалось так грустно, пусто и скучно. Бесси устраивает сад, кот Мими орет и просит есть... Дай Бог, им хорошо доехать! Отец на заседании замлевладельцев. Вечером заходил Вячеслав Яковлевич.

Среда, 6/19 октября.

Первый день без матери, Максима и Графчика. Утром прибирали кое-что в доме. Был столяр и начал перевешивать дверь. К часу дня мы и Вячеслав Яковлевич и полк. Славицкий поехали в Ниццу провожать архиепископа. Собралось много народу. Было все духовенство в рясах. Присутствовало человек 80–100. Архиепископ сперва сидел в зале, а затем стоял на площадке вагона. При отходе поезда он благословлял всех собравшихся. Евгений Сергеевич [Протопопов] и Метаксас сняли группу с архиепископом. Вас. Павлович — цейсовским аппаратом. Я вернулся с «luxe». Дверь успели устроить до вечера. Перед ужином пришел Боря; остался у нас, а после побежал к Голицыным. За ужином вели оживленную беседу о преемственности власти и престолонаследии.

Четверг, 7/20 октября.

В газетах напечатано о нашем посвящении. Все утро прибирали дом. Перенесли полки и образовалась небольшая, но хорошая комната. К чаю приходили Гриша и Ксана. Пока не получили еще никаких писем от наших из Парижа.

Пятница, 8/21 октября.

Весь день сидел дома. Получили от матери письмо. В поезде было очень холодно, но в Медоне лето, сад в цвету. Вечером я проявлял фотографии часовни. Вышли не очень

удачно, как-то расплывчато. Продолжаю делать выписки о роде Ковалевских.

Суббота, 9/22 октября.

Был у всенощной. Исключительно много народа. Графчик прислал список вещей, которые нужно прислать и привезти, и расписание зажигания свечей в часовне. Миша Гончаров, кажется, запоздал на экзамены. Бог даст, удастся, все-таки сдать. У Графчика начало экзаменов 3 ноября, у меня начало занятий 7-го. Левшины вчера уехали в Париж.

Воскресенье, 10/23 октября.

Утром поехал с отцом в Ниццу. Пономарил. Отец Сергий Протопопов и о. протодиакон были недовольны, что я не надел орарь, и говорили, что его нужно всегда надевать. Во вторник частичное собрание союза в саду старой церкви. После обеда в русской столовой, я пошел провожать Мишу. Он получил письмо, что нужно приехать ко вторнику. После вокзала пошел к Гончаровым, пил у них кофе. Михаил Федорович говорил о недопустимости вмешательства мирян в канонические вопросы. В четверть пятого пошел к Коловрату. Все комнаты превращены в будуары. Г-жа Коловрат увлекается, по ее собственным словам, историей религий и устраивает поэтому христианскую, буддийскую, японскую и древне-греческую комнаты. Во всяком случае, в христианской комнате ничего христианского нет, кроме плохо нарисованной копии Тициана, работы хозяйки. В японской комнате все японское. Всюду вещи прикрыты материей и устроены турецкие диваны, так что нет совсем свободного пространства. Я нашел карточку «Зингердома» и нашего дома в Санкт-Петербурге[26]. Юрий Станиславович ее нам подарил. Угощение было странное. Стол придвинут к стене, сесть негде. В середине большое блюдо с 5 кусочками совершенно сухого хлеба с маслом. Все обложено ломтиками каштанов, кажется, сырых и лежат 4 мясных пирожка. Кроме того, стоит ваза со сладкими пирожками. Стол был так завален разными вещами и книгами, что некуда было поставить чашку. В 6 часов мы уехали домой. Трамваи были переполнены, всюду висели люди. Вечером пошли к Суковкиным.

Понедельник, 11/24 октября.

С утра начался ремонт виллы. Сперва пришел маляр, но только один, затем водопроводчик и, наконец, трубочисты. Весь день дом был наполнен людьми. Всюду грязь, пыль, копоть. Паркеты превратились в белые, некрашенные полы. К чаю приходили Гриша и Ксана. Гриша остался ужинать. Отец был на заседании Объединения. Вечером громадный лесной пожар на Turbie. Вся Tête de Chien пылала и представляла из себя раскаленное красное пятно в воздухе.

Вторник, 12/25 октября.

Писем от наших нет. Утром сидели дома, а потом поехали в Ниццу. Я отдал печатать снимки и пошел за заседание, которое, в виду плохой погоды, было перенесено к Толстым. Боря читал устав. Приняли 8 членов-соревнователей: меня, Киру Елагину, Далю Толстую, Жеребцову, Масленникову, Костю Суковкина, одного офицера и Юрьевича. Боря держит себя диктатором и страшно строг. Во время заседания, когда читал письмо Наживина Карташеву, все начали смеяться. Много искусственного и игры в парламент. Вова [Красинский] пожертвовал кипу журналов и газет и состоит председателем литературной комиссии. В 5 часов я ушел, а заседание все еще продолжалось. Земские деятели собрались в библиотеке. Избрали бюро: председатель М.А.Суковкин; тов. председателя — отец и Гижицкий, членами Метаксас и кто-то еще. Вечером возвращались на поезде.

Среда, 13/26 октября.

Я весь день сидел дома. Отец был на церковном совете. Произошел скандал из-за Федоровского дела. Демидов взял сторону Гваданини и все время противодействовал защищавшему церковные интересы отцу. Вечером начали чистить верхнюю комнату. Vieillot согласился снять виллу за 11.500 только при условии подновления белья. Послали ему вчера по этому поводу письмо. Ждем ответа. Петр Петрович [Мигулин] не может взять кота, так как у его соседей злющий кот. Мать пишет, что в воскресенье и в субботу была архиерейская служба. Максим прислуживал за первого иподиакона. Стасиневич просил дать ему благословение на орарь. Архиепископ уезжает в четверг.

Четверг, 14/27 октября.

Ремонт продолжается, но идет медленно. Утром прибирали белье. К трем часам я поехал в Ниццу, взял фотографии и сел в поезд, где уже ехал отец. Погода плохая, дождливая... Петр Петрович Мигулин рассказывал, по обыкновению, очень много интересного и доказал свои необыкновенные глубокие юридические познания. Он очень интересно разъяснял закон о престолонаследии в его постепенном составлении. Вчера вел. кн. Андрей Владимирович был в Cros de Cagnes у Щербачевых. Мигулины были приглашены туда, и Петр Петрович все время засыпал своим красноречием великого князя. Мы заходили к Щербачевым, чтобы занести им карточки. Гриша ужинал у нас. Тепловы все не могут найти подходящей им квартиры. Получили телеграмму от Vieillot об окончательном согласии. Мать пишет, что Миша Гончаров выдержал с mention*. Максим снял свою кандидатуру и не держал экзамена и сразу записался на два предмета.

Пятница, 15/28 октября.

Peintre** выбелил почти всю лестницу, но без всякого оттенка, а просто белым, так что вторую couche*** будет делать цветную и потом рисовать фриз. Были в банке в Монте-Карло. Заходили к Лихачевым. Поехали в Cap d'Ail к вел. кн. Андрею Владимировичу. Нас приняли очень радушно. Вел[икий] кн[язь] рассказывал о жизни на Кавказе. Матильда Феликсовна и Вова также все время оживленно говорили. Электричество не горело, и мы сидели при свечах. Кн. Андрей Владимирович был в Военно-юридической академии и очень хорошо знает законы. Говорили и о писателях, и о литературе, и о жизни в России. Отец рассказал случай с Анастасией Михайловной и с солдатами. Ушли мы, когда было совсем темно, и заблудились по дороге на станцию. Пустыня, дома все заколочены. К счастью, увидели освещенное окно. Выбежала девочка, оказалась русская, и была настолько любезна, что проводила нас до вокзала. Вечером у нас ужинал Гриша [Теплов]. Мать пишет, что Максим усиленно налегает на занятия и записался на два сертификата.

---

*оценка знаний, выше очередного балла.

** здесь: маляр (*фр.*)

*** слой (*фр.*)

Суббота, 16/29 октября.

Ремонт продолжается. Был у всенощной. Очень много народа. Я пономарил. Вечером у нас ужинали все четверо Тепловых. Мать обеспокоена судьбой кота.

Воскресенье, 17/30 октября.

Утром поехали в Ниццу с поездом. Я звонил, а часы читал о. Димитрий. Показывал, что нужно делать, и написал все в небольшой тетрадке для заместителей. После обедни пошли в русский ресторан, там была, как всегда, масса народа. Зашли к Метаксасу. Фотографии вышли плохо, ничего не видно, темно и расплывчато. К 3 часам побежал в собор. Народу набралось довольно много. Молебен служил арх. Сергий и о. Димитрий, который сказал хорошую проповедь о молодежи и безверии и равнодушии ее к вере и о любви к Родине. Арх. Сергий поименно провозглашал многие лета всем вел. князьям и княжнам, что произвело очень странное впечатление. Затем все спустились вниз под собор. Балашев шумел и говорил: «Как это возможно, хотели Патриарха первым помянуть, что это за Патриарх? нет никакого Патриарха!» Так горько и обидно слушать такие дикие слова в церкви. Боря начал заседание, предложил пропеть «Боже, Царя храни». Гимн пропели довольно вяло, а «ура» вышло совсем жидкое. Первым говорил Борис. Ген. Мрозовский вставил не к месту замечание об офицерском союзе. Затем говорили П.Н.Крупенский, П.А.Демидов, гр. Граббе. Шевченко-Федченко сказал несколько теплых слов благодарности Б.Лихачеву. М.Н.Граббе говорил хорошо. Длинную речь произнес арх. Сергий, в которой всячески унижался и раболепствовал, призывая господина, владыку и самодержца, царя, который должен казнить и миловать. Под конец он хотел процитировать Некрасова, но оборвался, начал пить воду, а затем продолжал на память и совершенно неправильно. Ген. Мрозовский сказал несколько незначительных слов, а Вова прочитал доклад о царской семье, некстати, так как это не подходило к открытию, во-вторых, всем было уже известно, а, в-третьих, из-за малого времени было сбито в конспект с большими и важными пропусками. В Болье мы вернулись на трамвае и пошли к 7 1/2 часам к Голицыным. Поужинали в тесном кругу и побеседовали в гостиной. Мать просит привезти кота в Медон.

Понедельник, 18/31 октября.

Ремонт продолжается, работают вдвоем. Отец был в Ницце, а я разбирал вещи и ждал прачку. Отец, приехав из Ниццы, сообщил очень плохую весть. Евгений Сергеевич Протопопов, проезжая на своем автомобиле по мосту, свалился в реку и ранил себе голову. Третьего дня в Берлине скончался Александр Васильевич Кривошеин. Царство ему небесное! Бедная семья, как она теперь будет жить? Гриша ужинал у нас. Мать прислала список всего, что нужно взять и что оставить.

Вторник, 19 октября/1 ноября.

Утром я сидел дома. Сегодня праздник Toussaint* и поэтому маляры не пришли. Заходил Вячеслав Яковлевич [Чистяков]и посидел часа два. Отец был на заседании едущих на собор в Сербию. Визы пока еще нет. Вечером я заходил к Суковкиным. Ораторствовали о генеалогии и вообще о русских титулах. У нас вечером сидел до 12 час. Вячеслав Яковлевич. Сегодня у Графчика начинаются экзамены.

Среда, 20 октября/2 ноября.

Утром ездил в церковь. Сфотографировал Любовь Ивановну и мать Евгению. Попрощался со всеми, забежал на минутку к Наталии Евграфовне Бередниковой. Она была этому несказанно рада. Италия признает большевиков и сама себе подписывает приговор. Нансен принят Папой, который извлекает пользу из большевизма. Все уже уложено. Я проявил снимки. Вышли все хорошо, особенно проводы архиерея. Вечером забегал проститься с кн. Гавриилом Константиновичем. Просидел часа полтора. У них были Роппы, уезжающие в Баварию, и Трахтенберги. Вечером проявлял фотографии.

Четверг, 21 октября/3 ноября.

Утром укладывал вещи. Гриша обедал у нас. Отец поехал в Ниццу на учебное совещание. Мы уложили кота в корзинку, завязали веревкой, но он опрокинул ее и убежал в сад. С трудом удалось втроем его поймать. Бесси нагрузил вещи на тачку, и мы двинулись в путь на станцию. Гриша мне помогал. Ольга Константиновна и Марина [Суковкины] забежали

* Праздник всех святых

проводить; пришла также Елизавета Евгеньевна [Теплова]. Кот вел себя беспокойно и тихо мяукал. Вагон, где было мое место, был закрыт и мне пришлось сесть в соседний, но контролер вскоре прибежал и помог перенести вещи в купе. Кот задал такой концерт, что даже кондуктор удивился, но я успокоил его волнение франком. Я ехал один в поезде. В Нице ко мне подсел очень приличный почтенный господин, который сейчас же попросил закрыть окно, чтобы избежать сквозняка. Поезд шел все время очень скоро. До Тулона мы ехали вдвоем, но тут к нам подсели четыре человека, один морской adjudant* и семейство, состоявшее из отца, матери и дочери. В Марселе была давка, но к нам подсел только один торговый матрос, который все время курил и мешал своими разговорами всем спать. Кот сидел все время очень спокойно, я его вынул из корзины, и он гулял по купе, но есть ничего не хотел. Поезд стоял на станциях очень мало, и мы приехали без опоздания.

Пятница, 22 октября/4 ноября.
Казанской Иконы Божией Матери.

На вокзале меня встретил Максим, и мы вдвоем на такси поехали на Invalides. Погода пакостная, дождь, туманно, сыро. В Медоне были к 11 часам. Кот вырвался, пока мы ехали в автомобиле, но, к счастью, окна были закрыты, и мы его поймали. Графчик был в церкви. Ходили на вокзал за вещами. Кот орет и просится выйти в сад. Письменные экзамены у Графчика, кажется, прошли хорошо.

Суббота, 23 октября/5 ноября.

Утром был в Сорбонне. Оказывается, запись началась только третьего дня и продолжиться до 15-го. Занятия начнутся в четверг. Купил Livret и horaire des cours**. После обеда поехал делать некоторые покупки. Был у всенощной, масса народа, все желают видеть отца. У протодиакона отросла черная борода.

Воскресенье, 24 октября/6 ноября.

Максим и Графчик поехали к ранней обедне. На поздней было столько народа, что ко времени малого выхода нельзя

* адъюдан (воинское звание)
** расписание занятий (фр.)

было войти в церковь. После обедни о. Николай сообщил матери, что Графчик провалился и не допущен к устным экзаменам. Мать была очень расстроена. Оказывается, по-русски сочинение на двойку из-за орфографии и знаков препинания. Мать ездила к Недачину и увещевала его дать Графчику возможность держать экзамены и, к счастью, успешно. К чаю у нас был Миша Шамие. Вечером я и Максим были на концерте Кибальчича. Хор великолепный, но народу, несмотря на billets de faveur*, почти нет, так что он проиграет. К тому же театр Champs Elysées, в котором он дает концерт, требует за помещение 15.000 фр. Давать 17 концертов подряд, только раз переменивши программу, очень рискованно.

Понедельник, 25 октября/7 ноября.

Утром поехал к Недачину с письмом, но ничего не выяснилось, и матери пришлось самой ехать в школу. К счастью, Графчика допустили до всех экзаменов. После он экзаменовался по-русски блестяще; как жалко, что провалился по письменному. По Закону Божию о. Николай будет его спрашивать на дому. У нас был Миша Шамие. Отец пишет, что в Ницце 30 прихожан подали Волконскому жалобу против него, так как он допустил Р.В.Смесову в приходскую школу. Подписались Бурнашев, Толстая, Багратион-Мухранская, а считаются друзьями.

Вторник, 26 октября/8 ноября.

Утром ходил записываться и все утро просидел в Сорбонне. У Графчика устные экзамены по математике. Пронеси Бог! У Максима первая лекция. Сегодня выпал обильный снег, который до вечера не стаял. У Графчика экзамен прошел хорошо.

Среда, 27 октября/9 ноября.

Сидел дома; приходил Fumiste** и поправлял печи в столовой и в моей комнате. Температура на улице 5 градусов мороза. Привезли уголь. После обеда я пошел на лекцию Haumant, было очень мало слушателей: 6 человек. В 8 часов поехали на лекцию Карташева в посольстве; было много народа,

* бесплатные, льготные билеты (*фр.*)
** печник (*фр.*)

все духовенство. Антон Владимирович сначала указал на различие в понимании идеи христианства у католиков и у православных. Только Русская Церковь правильно поняла, что «Бог Любы есть». К сожалению, нет единства церквей на Востоке. Греческие церкви на Балканах во многом отошли. Благолепие у них отсутствует, пение плохое, отношение к священным предметам невнимательное. Русская Церковь после испытаний последних лет может встать и открыто сказать: «Кто со мной против сатаны?» — и потребовать ясного и решительного ответа всех. Во второй части лекции Антон Владимирович говорил о русском искусстве и о необходимости благолепия в храмах. Упомянул он о проповедях. Часто в торжественные моменты богослужения выходит священник и своими земными словами нарушает возвышенное настроение.

Четверг, 28 октября / 10 ноября.

Пришло 4 серба, одна француженка, я и два еврея. Установили список авторов, которых будем читать в этом году. В Institut [d'études] Slaves* очень маленькая библиотека, два года «Вестника Европы», два года «Русской старины», Даль (словарь русского языка), энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Сама комната невелика и помещается в 4-ом этаже. Трудность учения заключается исключительно в Versions. Проф. Haumant нам дал к среде перевести стихотворение Хомякова. Отец приехал без запоздания. С ним ехал господин с большой собакой, которая всех пугала, и поэтому до Парижа они оставались вдвоем и могли великолепно выспаться. В Ницце его торжественно провожали. В совете Бурнашев, Толстая и Багратион-Мухранская устроили скандал, но совет 10-ю голосами против 4-х оставил жалобу без последствий. Голосовали против Демидов, Мрозовский, Гончаров и Крылов; сочетание весьма странное. Ремонт кончен. Лестница вышла великолепно.

Пятница, 29 октября / 11 ноября.

Утром сидели дома. К чаю приходили Миша Гончаров и Э.Турау.

* Институт славистических исследований

Суббота, 30 октября/12 ноября.

До всенощной сидел дома. Отец, как делегат на Соборе от Парижа[27], получил сербскую визу и, вероятно, выедет в воскресенье. Получил письмо от Бори [Лихачева] и ответил ему сразу. Мороз страшный, кот промерз и больше не просится наружу. Отец Николай и ген. Гулевич уже взяли билет на четверг. Тиссеран отказался проэкзаменовать Графчика.

Воскресенье, 31 октября/13 ноября.

Были у обедни. Обедали все впятером в «MinistИres». Я с Максимом пошли на студенческое собрание. Там был доклад о съезде в Праге, который читали И.Я.Савич и Карский; последний так скучно, что все не знали, что делать. Евреи возымели преобладание. Мы не могли записаться, так как пришли очень поздно. Познакомился с Скаржинским. Он теперь председатель, так как Лямин ушел. Приняли большинством 35 голосов против 10 устав Пражского съезда. Максим и Графчик пошли вечером на концерт Кибальчича. Отец и мать были у Недачина, а вечером отец поехал на заседание религиозно-нравственного кружка, а мать — к Екатерине Антоновне Шамие.

Понедельник, 1/14 ноября.

После обеда ездил на rue Helder в редакцию «Нового времени», но не нашел ее. Был на лекции Le Breton, который, как всегда, читал великолепно. Амфитеатр был переполнен. Отец получил французскую визу в 5 минут.

Вторник, 2/15 ноября.

Был на лекции Michaud, довольно скучновато и сухо; был в библиотеке и переписывал Version latine*. Получил, наконец, абонемент на 9 месяцев. Вечером пошли на вторую лекцию, устроенную религиозно-нравственным кружком в посольстве. Интимный характер потерялся и собрание превратилось в светский прием. Многие не интересовались и спали. Сперва говорил д-р И.И.Манухин о настроениях интеллигенции, понявшей, что без Бога жить нельзя, что дух есть важнейшая

* перевод с латинского

часть нашего существа. Говорил о подъеме религиозного чувства у народа, о проявлении покаяния. После перерыва (на котором о. Иаков нашел в «Новом времени» извещение об отсрочке на неопределенное время собора, что всех очень сильно взволновало) говорил о приходской жизни России чиновник министерства финансов Н.Рузский. Он рассказал о Патриархе, об устройстве общин и советах, о чудесах. Отчасти все это известно, но многое было ново и интересно.

Среда, 3/16 ноября.

Сегодня, вместо лекций, долго разговаривал с лектриссой Прохницкой. К ней нет смысла ходить, так как она занимается только с начинающими.

Четверг, 4/17 ноября.

Начали с Haumant разбор «Отцов и детей». Сперва читал М.Маркович, а потом я. Переводить довольно трудно, и не всегда можно подобрать нужные французские слова. Проф. Haumant спрашивал этимологию и задал вопрос, откуда происходит слово «кляча». Перед тем он поправлял Version. У меня оказалось несколько ошибок. Отец не получил еще итальянской визы.

Пятница, 5/18 ноября.

Отец поехал в итальянское посольство получать визу и послать две телеграммы, но визы не получил и вернулся в полном отчаянии. Послали телеграмму Протопопову. После обеда я поехал опять в посольство. Виза пришла в самый последний момент. Я успел съездить на вокзал и купить билет до Триеста.

Суббота, 6/19 ноября.

Все утро собирали вещи для отца. Вечером были у всенощной втроем, так как отец и мать были заняты уборкой.

Воскресенье, 7/20 ноября.

Я был на ранней обедне, служил о. Сергий Соколовский. Было необыкновенно мало прихожан. На позднюю литургию я не остался, а поехал в Медон помогать отцу. После обеда мы погрузили себя и вещи в navette, мать провожала до Issy. На вокзал приехали за 25 минут. Поезд великолепный, всего

четыре вагона и вагон-ресторан, в купе и коридоре электрическое освещение. Народу очень мало, по одному–два на купе. Передали в последний момент письмо Аметистова. После проводов отца зашли в Petit Palais, там теперь постоянная выставка картин и немного скульптуры, по величине превосходящая Люксембургский музей. Вечером были у всенощной.

Понедельник, 8/21 ноября.

Утром ездил записываться на Педагогические курсы, а оттуда с большим запозданием в церковь. Сегодня именины дяди Миши. Я заезжал в Сорбонну, чтобы взять текст Version. В 6 часов состоялось открытие богословских курсов. А.В.Карташев прочитал доклад о еврейской религии, как бы предисловие для своего курса «Возникновение Христианства». Получили письмо от отца из Дижона. Он благополучно едет. Марочка Ланг пишет, что Н.Н.Харин получил место управляющего имением короля Петра Сербского.

Вторник, 9/22 ноября.

Утром сидел дома. После обеда ездил в Сорбонну и в Institut d'études slaves[28]. Переводил Фонвизина. Вечером мы все были на докладе Петра Петровича Извольского о соединении Церквей. Читал он очень мягко, гладко и пришел к выводу о невозможности объединения. После перерыва Т.А.Аметистов говорил против католиков, а Карташев начал философски объяснять невозможность объединения. Мы должны были уйти до окончания собрания из-за поезда.

Среда, 10/23 ноября.

Получили от отца письмо из Венеции, там жарко и великолепная погода. Получил письмо от Константина Ив. Гладкого. Он все время переписывается со своей семьей в Харькове. Всюду в России начались еврейские погромы. Были уже в Харькове 23 октября, в Одессе, Ярославле и Курске. — Я решил взять «littératures comparées»* как четвертый сертификат.

*сравнительное литературоведение

Четверг, 11/24 ноября.

Был у Haumant; продолжали чтение «Отцов и детей». Я переводил. Тему он дал прошлый раз очень трудную: перевести отрывок из книги pére Pierlinga «La Sorbonne et la Russie» об отношении Петра Великого к Церкви. Отец пишет из Триеста, что там на улицах стоят карабинеры и слышна неизвестно откуда стрельба. Гостиниц хороших нет. За все дерут втридорога.

Пятница, 12/25 ноября.

После обеда идем на свадьбу Лили Шидловской. Графчик привез из знакомого магазина белых роз и гвоздики. Отец пишет с границы, что в поездах выбиты стекла, а вагоны не чищены со времен падения Габсбургов. Никто почти не едет, отец занял целое купе в прямом вагоне до Белграда. Свадьба прошла хорошо, было очень много народа, но о. Иаков венчал вяло. Стасиневич во что бы то ни стало хотел сам пономарить и очень плохо прочитал Апостола. Молодые сейчас же уехали в Берлин. Шаферами были Сережа, Иллиодор, Вася Левшин, Скерст, Алеша Татищев и Толстой.

Суббота, 13/26 ноября.

Получили от отца 2 письма из Люблян. Был на лекции проф. Н.К.Кульмана и поэтому запоздал ко всенощной. Кульман обещал составить список книг, необходимых мне для certificat de philologie и littératures comparées.

Воскресенье, 14/27 ноября.

Были в церкви. После обеда мать была у кн. О.В.Палей. Мы были в Salon d'automne[29]. Выставлено 2000 картин, но я не могу себе представить ничего более пошлого. Приходится бегать по выставке, чтобы найти, наконец, какую-нибудь картину, хорошо написанную или с интересным сюжетом. Навещал д-ра Соковнина в Hopital Beaujun. Его выписывают, и он не знает, куда он может устроиться. Получили письмо от отца из Загреба. Он вышел на станции пообедать, но это оказался Малый Загреб и поезд тронулся. Отец едва вскочил в последний вагон 3-го класса.

Понедельник, 15/28 ноября.

Утром ездил платить за «Новое время», познакомился с Борисом Сувориным, его женой и Сумцовым и разговорился с ними. Сумцов — крестник и воспитанник бабушки Хариной. На лекции Карташева познакомился с Данталем, учеником Реформатского училища (окончил в 1913 году). Он видел Кирилла Верховского в Самаре в 1919 году, а когда он в 1919 году в июне проезжал через Бологое, то, зная, что их имение находится недалеко оттуда, опросил первого попавшегося на станции красноармейца, не знает ли он Кирилла Верховского. «Как не знать?» — ответил тот. — «Он комендант станции». Данталь оставил ему письмо, но не успел повидать, так как поезд тронулся. Мороз стоит свирепый: 8 градусов.

Вторник, 16/29 ноября.

Сегодня температура минимум 10 ниже нуля. Топим обе печки. Был на лекции Кульмана. Мать вечером поехала на доклад «О братствах» Карташева в религиозно-нравственном кружке. В «Общем деле»[30] вчера была опубликована страшная статистика расстрелянных большевиками по официальным сведениям:

Архиепископов и епископов	28
Священников	1215
Профессоров и учителей	6575
Докторов и их помощников	8000
Офицеров	54.650
Солдат	260.000
Жандармских и полицейских офицеров	10.500
Солдат жандармерии и полиции	48.500
Землевладельцев	12.950
Лиц интеллигентных профессий	355.250
Рабочих	192.350
Крестьян	815.000
	1.749.300

(*«Общее дело». № 498. Понедельник. 28 ноября)*

Среда, 17/30 ноября.

Мать получила письмо от Елены Васильевны (Пономаревой). Люша и Ася (Леонтьевы) живы, тетя Маруся (Маркова) тоже. У Ирочки родился сын. Анатолий Федорович Кони жив. Елена Васильевна Пономарева пишет совершенно откровенно о евреях, что у них все есть в частных домах.

Ольга Константиновна Суковкина не очень довольна проектами женитьбы Миши и Нади Лейхтенбергской. Ей удалось продать свои константинопольские виды за 1000 франков. Живут они пока в доме сторожа у Дурасовых. Немного темновато и сыро, а то совсем прилично. Никто в Болье не сдал вилл, и все агентства прогорели и сидят без дел. Сегодня опять мороз, выпал неожиданно снег.

Четверг, 18 ноября/1 декабря.

Был на лекции Haumant'а. Я написал очень хорошо Version и даже получил mention. Мы все разбираем «Отцов и детей». Нет воды, так как из-за мороза лопнули трубы.

Пятница, 19 ноября/2 декабря.

В Сорбонну приехал Мильеран, и потому публичные лекции не состоялись. Был на лекциях Hazard и Strowski. У нас был П.П.Ганский.

Суббота, 20 ноября/3 декабря.

Собор в Сербии, кажется, приобрел чисто политический характер[31], судя по «Новому времени». Боря Лихачев действует энергично и устраивает читальню и общежитие для неимущих русских офицеров. Вечером были на всенощной. Соборное служение. Мы все трое пономарили.

Воскресенье, 21 ноября/4 декабря.
Введение во Храм Пресвятой Богородицы.

Служба прошла очень торжественно. Обедали в «Ministères». К 2-м часам поехали в Сорбонну на торжественное собрание и концерт. Билет мне подарил проф. Haumant. В первый раз я увидел большой амфитеатр. Наши билеты, оказалось, дали право сидеть где угодно в партере. В амфитеатре кругом все было набито уже давно. Сперва были речи секретаря Общества

распространения иностранных языков, праздновавшего 30 лет существования и открытие учебного года. Очень остроумно говорил почетный декан юридического факультета Lyon Caën; ему лет 80, но голос у него громкий. Затем преподнесли медали профессорам, членам общества. Академик Georges Blondel прочел интересный доклад о современном положении мира и об экономических вопросах. Наконец, начался концерт. Сперва военный оркестр исполнил два произведения Бетховена. Сербские студенты с большим старанием пели песни. После скрипичной игры, исполненной студентом, мы убежали, так как спешили к M-lle Dugard. На заседании присутствовал В.Маклаков, сидевший среди послов. У M-lle Dugard были ее две племянницы. Время провели хорошо. Ужинали у полковника Эвертса за 3.50; дали великолепный обед: борщ, поросенка с гарниром и шарлотку. Мы были вечером у Шамие.

Понедельник, 22 ноября/5 декабря.

По нашей просьбе, Карташев читал в 4 часа, и сейчас же побежали в церковь. Служба была очень торжественна, но не было совсем прихожан. К началу пришел Лелянов, а к концу набралось 16–20 человек. Стыд, позор! На храмовой праздник не придти в церковь! Получили от отца и от тети Жени письма. Собор превратился в монархический съезд; вызывали телеграммами разных политиков, которые приехавши составили большинство 53 против 32, стоявших на церковной почве. Один просветительный доклад прошел хорошо, так как его разработали о. Николай Сахаров, отец и Гулевич. Отец был в прошлое воскресенье у тети Жени и дяди Миши Леонтьевых.

Вторник, 23 ноября/6 декабря.
Св. благоверного вел. кн. Александра Невского.

Сегодня опять в церкви было не более 20-30 человек, а на водосвятии было 2. Пел хор, была зажжена большая люстра. Облачения были самые шикарные. Отец Иаков пригласил нас к себе пообедать. Были на лекции Кульмана. Совет решил переустроить курсы в чисто педагогические. Это совсем нехорошо. Вечером мать читает в религиозно-нравственном кружке лекцию о Вл.Соловьеве и об его книге «Оправдание добра».

Среда, 24 ноября/7 декабря.

Вчера мать прочитала лекцию о Соловьеве, которая имела громадный успех. Отец пишет, что к концу собора положение немного улучшилось. Он теперь в Белграде, был в академии, в академической группе, виделся с очень многими интересными людьми. Сегодня была первая лекция проф. Haumant по русской литературе. Весь час ушел на археологию, но было очень интересно. Присутствовал Н.К.Кульман. Вечером к нам приходил С.И.Метальников с Сережей.

Четверг, 25 ноября/8 декабря.

Опубликовано воззвание Церковного собора с монархическим призывом. 31-ое ноября является знаменательным в отрицательном отношении днем. Церковное собрание провозгласило ярко политический лозунг и одним ударом отбросило от себя колебавшуюся и стремившуюся к Церкви интеллигенцию. Одно утешение, что это не голос Церкви, а разных политиканов, навязавших свое мнение Собору.

Пятница, 26 ноября/9 декабря.

Был у Кульмана; он меня оставил обедать. Поговорили о занятиях и о Гаврииле Константиновиче.

Суббота, 27 ноября/10 декабря.

В «Общем деле» помещена статья о Церковном соборе. Вновь русские церковники расписались в рабстве не только перед государством, но и перед партией. На всенощной видели прот. Лелюхина, который рассказывал о соборе. Отец, наверное, приедет в середине недели. Отец Николай был на оппозиционной стороне, как и большинство священников.

Воскресенье, 28 ноября/11 декабря.

После обедни мы с прот. Лелюхиным и одним раненым офицером пошли в русскую столовую. Протоиерей во время обеда рассказывал о том, что было на церковном Соборе. В самом начале произошел скандал с М.В.Родзянко. В первый день во время ужина митр. Антоний вводит в столовую М.В.Родзянко и представляет его всем. Вдруг вскакивает Граббе (начальник конвоя) и говорит, что он не может допустить (sic!) присутствие его здесь. Начинается необычный

крик, и митр. Антоний уводит М.В.Родзянко, который на предложение уехать ответил, что он остается как член Всероссийского Собора. Тогда некий Скворцов от лица противников подходит к нему и говорит, что если он не уедет с собора, то будет применена физическая сила. Родзянко отвечает: «Применяйте!». Митрополиту Антонию удалось уговорить его, чтобы предотвратить скандал, уехать. М.В.Родзянко оставил тогда заявление, что он может объяснить такую вражду только личной неприязнью, и что он — убежденный монархист и церковник. Соборяне жили довольно хорошо, и помещение прекрасное, целый дворец. После предложения послания архиепископ Евлогий сказал великолепную речь против политики, и из 20 священников за послание голосовали только бесприходные Востоков и Крахмалев и еще кто-то. Из 12-ти епископов 6 голосовало против. Больше всего протестовали преосв. Вениамин, преосв. Евлогий, преосв. Сергий, преосв. Аполлинарий и наместник Патриарха Димитрия, еп. Максимилиан. Патриарх хотел даже закрыть собор, так как он превратился в политический съезд. Градоначальник явился с тем же намерением, но все уладилось. После Собора А.Ф.Трепов, никем не уполномоченный, отправился к Пашичу изъявлять благодарность русских за разрешение съезда. Тогда все восстали и особенно ген. Мрозовский, недоумевавший, какое он имел право говорить за всех. Отец Николай Сахаров остался в Ницце с женой на неопределенное время. Максим и Графчик поехали в Севр к Одарченко. Погода осенняя 10 градусов тепла.

Понедельник, 29 ноября/12 декабря.

Утром получили от отца из Венеции телеграмму, что он приезжает завтра в 3 часа. К двум часам поехал на юбилей Флобера. Празднование происходило в квадратном зале Люксембургского музея. Мильеран не мог приехать. Был министр народного просвещения Leon Berard, много профессоров, послы, генералы. Я сел в середине, очень удобно, все слышал и все видел. Leon Berard открыл заседание. Первым произнес речь Edmond d'Haraucourt, président de la Societé des Gens de lettres*, тот самый, который 1-го сентября написал в «Information» статью о русской литературе, утверждая, что самым знаменитым русским поэтом был Chebassoff (?), что Карамзин весь про-

* президент Общества любителей словесности

питан произведениями Виктора Гюго (?), а что Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский находятся под влиянием Бодлера и Золя и являются лишь их отблесками. Haraucourt говорил так экспансивно, с такой жестикуляцией, что выкрикивал один слог и вдруг начал совсем шепотом, с неимоверной скоростью, читать целые фразы. Можно было подумать, что перед вами сумасшедший. Конечно, из прекрасных слов Флобера нельзя было разобрать и половины. После него от лица Академии выступал Поль Бурже. Говорил он тихо, но достаточно громко, чтобы можно было расслышать. Мало упоминал о Флобере. Говорил вообще отдельные фразы. Представитель Бельгийской академии с чувством сказал несколько похвальных слов, и заседание рано, в четверть четвертого, окончилось. Открытие памятника прошло плачевно. Haraucourt прочитал несколько телеграмм и писем от племянницы Флобера и передал памятник, обыкновенный пример безвкусия, треугольник, увенчанный бюстом, из белого камня со скамейкой внизу, городу.

Вторник, 30 ноября / 13 декабря.

После обеда поехал встречать отца. Поезд пришел минута в минуту и даже немного ранее. Отец ехал все время один в купе, и во всем поезде было всего три человека. Из Милана поезд опоздал на 4 часа, но потом нагнал все потерянное время и шел так скоро, что у многих сделалась морская болезнь. Мы взяли карету и благополучно приехали на Invalides, а оттуда домой. Отец рассказывал много интересного о Сербии, о наших родных и знакомых. Он видел Ю.А.Харину, А.Л.Погодина, дядю Гришу и массу знакомых. Узнал подробности о Шуриновых. Антонина Андреевна с тетей Любой живут в Евпатории, но больны цингой. Боря умер. Дядя Володя жив, Евгения Мечеславовна жива, но выселена из своей квартиры. Васю Шульгу видели в Севастополе во время эвакуации. К тете Жене и дяде Мише отец ездил на воскресенье. Живут они очень стесненно, но все же устроились, комната проходная, нет никаких удобств, даже ведра для мусора. Дядя Миша работает чертежником. Когда отец приехал, то тетя Женя готовила обед. Отец повел их в лучший ресторан и хорошо накормил. Радости не было границ. К сожалению тети Жени и дяди Миши отец в тот же день уехал обратно на собор в Сремских Карловцах. Юлия Александровна Харина бодра, но ей приходится из-за отсутствия водопровода таскать воду из Дуная самой. Николай

Николаевич получил место простого старосты, и ему приходится пешком в ботинках ходить по целым дням по полям. Вообще жизнь не культурная. Народ и язык примитивные, грубые понятия и слова, например: «Харьковский институт благородных девиц» по-сербски звучит: «Завод племенных девочек из Харькову». Комната для холостого — «стан для самца». Русского языка сербы не понимают и в церкви не понимают ни одного слова в богослужении. Праздников нет, все дни продолжается служба. Климат в Белграде ужасный. Зимой и летом дует сильный ветер, поэтому там постоянные метели или страшная пыль. Русские большей частью живут на казенный счет. Церковные службы в Сербии неблагообразны, поют очень плохо. Даже в патриархии на архиерейском служении митрополиту Антонию приходилось указывать, что нужно петь, читать или делать. Священники очень уважаются и большею частью принадлежат к хорошим семьям. Патриарх Димитрий не был на Соборе из-за приглашения болгарского епископа. Вражда между сербами и болгарами более сильная, чем между французами и немцами. С русскими дело удалось уладить. Скворцов нашел правило, по которому схизматик епископ может сноситься с православными мирянами и схизматики-миряне — с православным епископом. Благодаря этому удалось наладить отношения болгар и русских, обостренное из-за невозможности сноситься между собою. Вечером мы все были на докладе кн. Г.Н.Трубецкого. Кроме нескольких интересных мыслей, он повторил сведения, сообщенные отцом и Н.Рузским.

Среда, 1/14 декабря.

Ездил на лекцию Haumant'a. Получили очень подробное и интересное письмо от Юлии Александровны Хариной.

Четверг, 2/15 декабря.

Я долго разговаривал с Haumant. Мы кончаем с ним «Отцов и детей». Отец уже начал обычную деятельность и был сегодня на Приходском совете. Большинство высказалось за приглашение арх. Евлогия в Париж на постоянное пребывание.

Пятница, 3/16 декабря.

Был в Сорбонне. Мать и отец поехали на заседание к А.Н.Брянчанинову. Сегодня первая лекция П.П.Гронского.

Было 6 слушателей: мы трое, двое Шамие, Турау. П[авел] П[авлович] начинает с начала, а не с XIX века. Сегодня прочел географический обзор русской территории с исторической точки зрения.

Суббота, 4/17 декабря.

Были на лекции Кульмана. Не попали ко всенощной. Был в Сорбонне.

Воскресенье, 5/18 декабря.

Утром в церкви. В 3 часа пошли на концерт Сен-Санса и Вагнера в церкви при Сорбонне. Программа была слишком большая: «Тангейзер» и «Потоп». Концерт очень растянулся, но был все же очень интересен. Вечером на всенощную набралось очень много народа.

Понедельник, 6/19 декабря. Св. Николая Чудотворца.

После обедни была панихида по Государю, церковь была набита, присутствовали все высочайшие особы. Обедали в русском ресторане.

Вторник, 7/20 декабря.

Вечером были на докладе ген. Голиевского, о теософах и масонах. У него по этим вопросам необыкновенные знания, но он их недостаточно обработал и не давал необходимых разъяснений.

Среда, 8/21 декабря.

Haumant в своей лекции суммировал все сведения и мнения о летописи Нестора и о происхождении русских. Он мне подарил билет на заседание в субботу.

Четверг, 9/22 декабря.

Утром мать очень долго не возвращалась, так как получала жалованье в Institut d'Etudes Slaves. Мы начали с Haumant проходить кавказские стихотворения Лермонтова. Дядя Тиша пишет, что положение очень тревожное. Вечером Графчик кончал лампу отцу в подарок. Получили письмо от ученика педагогических курсов при второклассной Ютановской школе.

Он теперь в Марокко в легионе. Добровольные каторжные работы на пять лет. Плохо кормят, живут в бараках, обращение, как со скотом, климат ужасный, никаких сношений с внешним миром, умоляет прислать словарь и газеты.

Пятница, 10/23 декабря.

Именины отца и Графчика. Утром сидели дома. Мать сделала рассыпчатый пирог к обеду и к чаю. Были Николай Илиодорович и Екатерина Анатольевна Шидловские, гр. Рошфор с женой, Андриевский и М.Л.Киндяков. Время прошло очень хорошо. Было много угощения, все уехали довольно рано. Вечером отец и мать поехали к А.П.Брянчанинову.

Суббота, 11/24 декабря.

После обеда был в Сорбонне; читал книгу Палеолога «La Russie des Tzars»[32]; великолепные акварели Лукомского, напечатано в красках на длинных листах. В 3 часа отец и я пошли на заседание всех союзных держав под председательством Пуанкарэ. Зал Сорбонны был набит битком. Первым выступал секретарь Общества друзей литературы Homem Cristo. Он говорил от лица Португалии. После него выступал Rosny Aine (Académie Goncourt*), который сказал великолепное слово от лица Франции. Третьим говорил министр Перу, от лица Латинской Америки. Он, как и большинство ораторов, рассыпался в похвалах французской литературе. От лица русских писателей говорил Мережковский. К сожалению, он произнес свою речь очень невнятно, и почти никто ничего не понял, но все же ему много аплодировали. Capton de Viart, бывший председатель совета министров Бельгии, произнес великолепную речь. Интересно и очень знаменательно, что три оратора вспомнили, что сегодня Сочельник. Говорили представители всех стран: шведский посланник, английский член Палаты Общин, декан флорентийского университета, американский, сербский, греческий, испанский и другие профессора. Закончил заседание сам Пуанкарэ длинной речью. Как только он произносил слово или упоминали его имя, немедленно начинались шумные овации. После Сорбонны я был у всенощной. В 12 часов ходили на Messe de minuit**.

---

* Гонкуровская академия

** Пасхальная заутреня

Воскресенье, 12/25 декабря.

Были после обеда в гостях у Третьяковых, просидели у них до 6 часов. Получили письмо от Ольги Николаевны Гончаровой и Миши; умер кн. Урусов в Ментоне. В приходских делах вновь полная неразбериха.

Понедельник, 13/26 декабря.

Ездил с отцом к академику Louis Leger; поговорили со стариком. Он показал мне разные русские изделия. Был в университетской библиотеке. Получили письмо от дяди Вани Церетели из Константинополя. Они кое-как живут. Была хиротония арх. Антония (Дашкевича) во епископа Аляcского и Алеутского. Новая епархия с 70.000 туземцев, индейцев и американцев учреждена в 1917 году на Соборе. Алеуты сохранили живую память о России, веру православную и любовь ко всему русскому благодаря трудам арх. Иннокентия, несмотря на оторванность с 1860 года. Вечером были на докладе Федорова о «Путях князя мира сего». Докладчик прошел через все религии, был даже буддистом, а теперь вернулся в православие.

Среда, 15/28 декабря.

Днем в 3 часа приносят телеграмму следующего содержания: «Oukraste molelnu, oukrasivchia hram soslugeniem hranite dar nach dastvo dobro». Три дня тому назад к нам принесли массу деревянных предметов, будто подрамников. Мы недоумевали. Мальчик, принесший их, не хотел ничего объяснить и сказал, что будет телеграмма. Вечером Максим и Графчик, разложивши подрамники, увидели, что они составляют иконостас (складной), необычайно удобно сделанный. Телеграмма ничего не объяснила, мы не могли найти никакого ответа. Мать предполагает, что это о. Евгений заказал складной иконостас, но он не понадобился, и с согласия арх. Евлогия отослал его нам, но со свойственной ему как хохлу любовью к мистификации, не прямо, а анонимно и с телеграммой: пусть, мол, догадываются!

Четверг, 16/29 декабря 1921 года.

Сегодня мне исполнилось двадцать лет. Мать подарила мне кожаный портфель; отец — деньги; Максим и Графчик —

лупу-бинокль-компас: очень интересное и практичное изобретение. Я сам купил книгу о Русской Армии за 5 фр. с раскрашенными рисунками форм и массой картин и фотографий. На rue Tournon за 40 сантимов купил еще 4 книжки: прямо даром! После обеда, на котором выпили шампанское, купленное отцом, пришли гости: 4 Шамие, 4 Андрусовых, Катя Метальникова и Андрюша Одарченко. Пили шоколад. Шамие остались позже других, а Андрюша у нас ужинал. В общем, рождение прошло очень хорошо. Получил поздравительную карточку от дяди Миши.

Пятница, 17/30 декабря.

Умер В.Г.Короленко в Полтаве, 25 декабря. Какой большой талант и так зря растрачен! На заседании Церковного совета А.Н.Брянчанинов подал текст ругательного письма Маклакову, но его отвергли и приняли редакцию В.Н.Коковцева, в которой выражается пожелание, чтобы посол отвел 2 комнаты архиепископу Евлогию в посольстве.

Суббота, 18/31 декабря.

У Миши Ройбуля дела улаживаются. Герцог Гамильтон и принц Боргезе обещали внести 200 тыс. на опыт на его текущий счет, и потом субсидировать его в постройке машин. Масса русских уезжает из Парижа, главным образом, в Австрию и Баварию, так как здесь жить очень дорого.

Воскресенье, 19/1 января.

Были в церкви. Заходил к Андрусовым. Максим был у Муравьевых в гостях. Погода прекрасная, совсем тепло. Сегодня Новый год по западному стилю.

Понедельник, 20 декабря/2 января.

У нас были Павел и Лев Муравьевы, а вечером заходил Федоров. Я достал себе учебники по церковно-славянскому языку и грамматику.

Вторник, 21 декабря/3 января.

Был у M-lle Dugard и проходил с ней Racine. В Bon Marche — столпотворение вавилонское, но все очень дешево. Заезжал в Сорбонну. Вечером мы были в посольстве на докладе Карташева.

Он защищал теократию и говорил, что нам надо противопоставить христианскую науку светской, создать лекции, школы, театры, лаборатории на христианских началах и писать учебники, исходя из христианской точки зрения. После того как мы ушли, ему возражал Мережковский, и они договорились до необходимости отвержения Пушкина, Гете и всей светской литературы и цивилизации, чуть ли не до введения инквизиции.

Среда, 22 декабря/4 января.

Был на лекции Haumant'a. Отец принес «Грядущую Россию»[33]. Замечательна статья Шульгина о декабристах. Отец рассказал подробности очень неприятного дела между Шаховским и Скаржинским. Скаржинский продавал бриллианты, все свое состояние. Шаховской попросил их ему показать, но денег в банк не прислал. Тогда Скаржинскому предложили оставить на хранение в кабинете директора. Он оставил под расписку, но потом, ни после обеда, ни через день не мог получить их обратно. Наконец, он получает телеграмму из Женевы, что Шаховской продает там его бриллианты. Он был очень обеспокоен и обратился к адвокату, который в 24 часа открыл все дело. Шаховской никуда не уезжал. При обыске денег не нашли и открыли, что он хотел на деньги от бриллиантов дать взятку французским чиновникам для постановки штемпеля на бумагах, а потом вернуть деньги Скаржинскому. Чиновники деньги взяли, но были захвачены и будут судиться. Шаховского посадили на два года в тюрьму, а Скаржинский потерял все свои деньги и находится сейчас в ужасном состоянии.

Четверг, 23 декабря/5 января.

Писали поздравительные письма. Я был на лекции Haumant'a. Отец вечером на заседании Приходского совета. Аничков писал в белградской газете статью об отце, полную обвинений и клеветы, обвиняя отца в утайке вместе с П.Н.Игнатьевым денег.

Пятница, 24 декабря/6 января.

Сочельник. Получили книгу из Берлина, «Крестный путь» Винберга[34]. Составлена односторонне, пристрастно и к тому же — лживо. Наклеветали на отца. Были у обедни и на царских часах. Было много народу, пел хор. Всенощная прошла

очень торжественно. Я с Максимом были в орарях. Давка была порядочная. Церковь была набита. Служили о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай. Все люстры были зажжены. В первый раз пел на всенощной хор очень хорошо. Пели все ирмосы. Всенощная кончилась около 8 часов. Вечером ели рис с компотом. Отец поехал к Смирновым. Мать подарила нам по шелковому галстуку.

25 декабря/7 января. Рождество Христово.

Утром были в церкви. Служба прошла хорошо. Мы прислуживали втроем с Сережей Третьяковым. Погода неважная, ночью шел снег, к утру морозило. Обедали в русской столовой. Эвертс пропадает, никто к нему не ходит. Жалко, что не удаются русские предприятия. «Двуглавый Орел»[35] составлен ужасно. Ни на что не похоже стихотворение Булыгина (№ 24). Статья дяди Гриши Ковалевского и Немировича-Данченко тоже неприемлемы. Были в Musée Guimet. Индус, читавший доклад о «божественности искусства», был в желтой рясе с громадной бриллиантовой подвеской на груди. Говорил он по-английски и переводчик передавал сказанные слова. Мысли у него правильные и интересные. Были у Головиных на елке и чае. Миша Головин рассказывал о нравах лондонского студенчества. Они выкатывают иногда на улицу пуч-бол (putch ball) величиною в 2 человеческих роста и катают его по улицам, производя ужасный беспорядок, останавливают движение, сопротивляются полиции. Сделать с ними ничего нельзя, так как они ходят человек по 300. Высаживают из автомобилей проезжающих, сами наваливаются и заставляют везти совсем в другой конец города. Получили письмо от Юлии Александровны Хариной. Она имеет сведения из Харькова. Бабушкин дом разграбили, вырублен сад, в нем жили красноармейцы и превратили его в руины, стекла выбиты и в нем никто не живет. Елена Георгиевна [Петрушевская]вышла замуж за комиссара и поддерживает Елену Юльевну и сестру. Александра Александровна Плещеева также вышла замуж за видного большевистского деятеля и хорошо живет. Тетя Женя беспокоится, что с сокращением штатов в Сербии дядя Миша лишится места. В Финляндии все тревожно. Вечером были у всенощной и зажигали дома елку. Ели за ужином кутью.

Воскресенье. 26 декабря/8 января.
Собор Пресвятые Богородицы.

Погода дождливая. Были утром в церкви у обедни. После обеда у нас были Ник.Вас.Савич, Н.К.Кульман, Д.В.Яковлев и прот. Соколовский, который славил Христа. Зажигали елку. Электричество все время тухло и приходилось зажигать свечи и газ. К 6-ти мы поехали к Смирновым. У них был Оноприенко и двое Гиршманов. Ужинали, играли в petits jeux* и время провели весело и хорошо.

Понедельник, 27 декабря/ 9 января.

Тепло, как весной. Ездил в Париж в Сорбонну и Академическую группу. Были на лекции проф. Карташева, аудитория сократилась до 4-х человек: нас трое и Андрусова.

Вторник, 28 декабря/10 января.

Был на лекции Кульмана, а вечером на докладе Т.А.Аметистова. Он сообщил массу фактических данных о положении русской церкви за границей, о количестве церквей, об организациях при церквях. А.В.Карташев дополнил его доклад некоторыми соображениями о национальности и территории Церквей.

Среда, 29 декабря/11 января.

Был в Сорбонне. Решил окончательно держать экзамен по практическим работам вместо литературы в марте.

Четверг, 30 декабря/12 января.

Рождение отца. Был у Haumant'a. К Андлеру опять не попал. Вечером зажигали елку. Бриан подал в отставку, прозевав за игрою в гольф решение конференции в Генуе без гарантий. Наверно, будет Пуанкарэ. Для русских это приятно: он старый друг России и враг большевиков. Купил очень интересную «Illustration» от 31 декабря со снимками из России.

* маленькие игры

Пятница, 31 декабря/13 января.

Максим, Графчик и родители на елке в школе. Вечером у всенощной (новогодний молебен). Было соборное служение. Встречали вечером Новый год, зажигали елку. Вчера елка Неклюдовой прошла блестяще, было 76 детей, вел. кн. Мария Павловна и Королева Неаполитанская, единственная женщина, которая имеет орден Св. Георгия за взятие крепости. Она очень стара, но бодра. Была масса угощения. Вел. кн. Мария Павловна говорила речь. Отец благодарил В.В.Неклюдову. Все остались очень довольны. По всему видно, что Европа приближается к кризису. Англия, наверное, пострадает первая. Удастся ли Пуанкарэ вывести Францию из создавшегося положения — неизвестно. Будем надеяться и верить, что будущий новый год, Бог даст, мы будем встречать в России.

1922 год

1 января 1922 года.

Утром были у обедни и молебна. Умер настоятель Брюссельской церкви о. протоиерей Смирнопуло. Архиепископ выехал его хоронить и вызвал о.Иакова. Он уехал после всенощной. Новый год в этом году все встречают по старому стилю. Когда возродится Россия, все, из отвращения ко всему, что сделали большевики, вернутся, вероятно, к старому стилю. Это наша история, и события связаны с определенными числами по старому стилю. После обеда были у Третьяковых, а вечером в церкви. Ольга Николаевна [Гончарова] пишет, что в Ницце Граббе ведет травлю против отца Димитрия, так как он им не нужен и был на церковной стороне; отца Александра [Селиванова] хотят уволить на покой, а настоятелем просят отца Подосенова или священника из Флоренции, так как он не будет им противодействовать. На молебне провозглашали многолетие патриарху и архиепископу Евлогию.

2/ [15] января, воскресенье.

Были в церкви. Очень холодно, градуса 2 мороза. Полковник Эвертс прогорел (37 тысяч убытку) и закрыл ресторан. Очень жалко, что это предприятие провалилось. Конечно, он брал слишком мало. Вчера в Сорбонне было юбилейное заседание по случаю 300-летия со дня рождения Мольера. Все профессора были в старинных костюмах. Мать сегодня на заседании у Извольских, а после с отцом у Муравьевых.

3/16 января, понедельник.

Утром сидели дома. Ездили все на лекцию Карташева. Прибавился один слушатель, средний Кривошеин. Ночью выпал снег и покрыл белым покрывалом все. Французы его тщательно отовсюду сметают, но он пролежал весь день.

4/17 января, вторник.

Утром сидели дома. После обеда был у M-lle Dugard. Вечером был доклад отца. Совершенно неожиданно приехал архиепископ Евлогий и пробудет здесь до воскресенья. Он был на докладе и очень им заинтересовался. Народу было мало, всего 42 человека.

5/18 января, среда. Канун Крещения.

Утром были на часах и на обедне. Архиепископ Евлогий выходил на водосвятие, сослужили все 4 священника, кроме Вороновского. Я и Графчик были за иподиаконов, так как Максим побежал на черчение. Мы обедали дома и заранее поехали к всенощной. Архиепископ запоздал из посольства. Была встреча. Служба прошла очень торжественно. Иконостас, по всей вероятности, прислал о. Евгений.

6/19 января, четверг. Крещение Господне.

Сегодня утром служил арх. Евлогий. Мы все прислуживали. Было торжественное освящение воды. Служба продолжалась 3 часа. Я все же после обеда ездил в Сорбонну на лекцию Haumant'a. Вечером к нам заходил С.И.Метальников. Зажигали елку. Отец на заседании и возвращается поздно.

7/20 января, пятница.

Сидели утром дома. Ездил на лекцию Гронского[1], но он не пришел. Вечером отец и мать у А.Н.Брянчанинова. Вчера произошло несколько неприятных инцидентов на заседании Приходского совета. Отец получил прочувствованное письмо от чеха Вондрака, который вспоминает все, что отец сделал для чехов в Думе, главным образом, для военнопленных[2]. Сформирован Русский факультет философско-филологическо-исторический[3], при Сорбонне. Вошли в него Кульман, Карцевский, Карташев, Шестов, Милюков. Наши «педагогические курсы» придется теперь закрыть и перенести лекции в здание Сорбонны.

8/21 января, суббота.

Архиепископ Евлогий в сопровождении Стасиневича осматривает Париж, вчера были в Saint Sulpice, где их встретил Максим. Римский Папа Бенедикт XV заболел испанкой и

умирает, совсем неожиданно. Я был у Кульмана и не попал на всенощную. Архиепископ не служил, против ожидания; был хор. Состояние Папы Римского безнадежно, едва ли он доживет до сегодняшнего вечера.

9/22 января, воскресенье.

Утром не было ранней литургии из-за архиерейской поздней службы. Протодиакон болен, и служба была при одном диаконе. Архиепископу сослужили все 4 священника. Служба кончилась в час дня. Архиепископ служил молебен для дочери Петра Петровича Извольского и ее жениха. Утром в некоторых газетах появилось известие о смерти Папы. В германском рейхстаге президент Loewe произнес даже речь-некролог в честь Бенедикта XV. Газеты в Италии выпустили экстренные бюллетени, но утром оказалось, что Папа жив и даже чувствует себя несколько лучше. В 3 часа пошли в гости к Madame Marin. С удовольствием провели у ней несколько часов. У нее масса интересных и новых книг. Она составила по лекциям Malé полное описание церквей и церковной скульптуры XIV и XV веков, выписала фотографии и карточки из всех городов и в некоторых случаях пересняла детали и статуи. Это ее любимое развлечение, и она увлечена собиранием коллекций. Вечером узнали, что Папа Римский Бенедикт XV скончался сегодня на 68 году жизни.

Отец и мать поехали на заседание религиозно-нравственного кружка у отца Николая Сахарова[4].

10/23 января, понедельник.

Архиепископ уезжает во вторник утром в Лондон. Были на лекции Карташева. В будущий понедельник все еще будет одна лекция по старой программе, которую нужно будет переменить, ввиду слияния с богословскими курсами. Отец был у архиепископа и говорил о ниццких делах. Ницца упорно не хочет Петра Петровича Извольского. Приехали книги Валласа.

11/24 января, вторник.

Я целый день сидел дома и занимался историей русского языка, а вечером отвечал все пройденное матери. Отец, Максим и Графчик были на лекции протоиерея Соколовского о северных монастырях. Было человек 40. Читал он очень высокопарно и напыщенно.

12/25 января, среда.

Был днем в Сорбонне. Снег, грязь, но тепло. Графчик был на именинах у Третьяковых и оставался там ужинать.

13/26 января, четверг.

Сегодня я иду к немцу насчет экзаменов langue supplémentaire*. Был у Омана и у Андлера, разузнал все, что мне надо было, об экзаменах. Купил две интересные книги, одну автобиографию Екатерины II, а вторую о Вл. Соловьеве по-французски. Очень хороший портрет его и Достоевского, Толстого, виды Москвы и Московского университета. У отца Приходской совет и обсуждение предстоящих перевыборов и выборов.

14/27 января, пятница.

Мать нездорова и не выходит. Я целый день сидел дома. Усиленно занимаюсь с матерью исторической грамматикой.

15/28 января, суббота.

Получили письмо от M-me Coquet. Она неудовлетворена иконой. «Pour une somme aussi énorme»** (7 фр.). Она желала великолепный образ в окладе (?) Как это по-французски. Были на всенощной. Посвящение Петра Петровича Извольского будет, по всей вероятности, в субботу и в воскресенье. Кн. Андрей Ливен, родственник Андреевских, тоже хочет посвящаться в священники. Был в Сорбонне и рассуждал с Оманом. Отец Иаков вручил нам свидетельства. Мать чувствует себя плохо: простуда и сильная головная боль. Погода сырая.

16/29 января, воскресенье.

Были в церкви. После обеда сидели дома. Заходили Андрусов и Метальников по делу о зоологической станции в Виллофранке. В 7 часов торжественная свадьба Путятина и Кудашевой (падчерицы Брянчанинова). Было очень торжественно; народу человек 300–400, все аристократическое общество. Сегодня же была свадьба сестры Симонова с французом.

---

*дополнительного языка (*фр.*)

** «За такую огромную сумму» (*фр.*)

Максим и Графчик успели сделать прекрасный образ для благословения и отдали его вчера. Мать чувствует себя лучше, но еще не выходит. Необычайно плохая погода: дождь и сильный ветер.

17/30 января, понедельник.

Мать все еще нездорова. Я был в Сорбонне и с Графчиком на лекции Карташева. Число слушателей уменьшается: всего три [слушателя] — нас двое и Андрусов. Максим не мог из-за спешного рисования иконы для Яковлева. Я был на заупокойной обедне по великим князьям, убитым в Петропавловской крепости[5].

18/31 января, вторник.

Были у Кульмана, а вечером на докладе Аметистова. Архиепископ не приехал. Тихон Александрович прочел 2-ую часть своего очерка о заграничных русских церквях; было всего 29 человек. Т[ихон] А[лександрович] сообщил массу новых сведений.

19 января/1 февраля, среда.

Собирался записаться на экзамен, но не успел. Ходил на travaux pratiques* Фриша, услышал после большого перерыва немецкую речь. Оман читал сегодня об Удельном периоде. Н.К.Кульман, оказывается, тоже посвящен в стихарь и, когда был молод, читал Апостола на храмовых праздниках. Он рассказал мне о посещении им Валуек лет 20 тому назад, и как на его удивление, что даже площадь не освещена, ему ответили: «Разве Вы не видите, что дождь идет и плохая погода; у нас только в ясную погоду освещаются улицы, так как в плохую погоду все должны сидеть дома». Он также был в Погромце и заметил красоту долины Оскола. Я ходил в Bon Marché.

20 января/2 февраля, четверг.

Именины матери. Св. муч. Инны, Пинны и Риммы.

Отец купил разных угощений и бутылку шампанского и расставил с вечера все на столе. Мать сделала к обеду сладкий

*практические занятия (*фр.*)

пирог, пили шипучку. Я получил обратно переводы Гребенщикова. «Assez bien»*. Устроены прямые поезда до Paris Invalides, в 13.46 отсюда и в 11.44 из Парижа. Я, конечно, дождался его. Ехали всего 9 мин. 35 сек.

21 января/3 февраля, пятница.
Св. Максима Исповедника.

Именины Максима. Мать чувствует себя лучше. Утром сидел дома и после 4-х поехал в Сорбонну, а оттуда на свадьбу дочери Петра Петровича Извольского. Служили о. Иаков и о. Николай. М.М.Фирсов читал Апостола. Я помогал. Архиепископ присутствовал. Завтра хиротония в 9 час. за литургией.

22 января/4 февраля, суббота.

Рождение матери. Поехали рано утром в Париж, в церковь. Приехали к середине утрени. Канон читал сам архиепископ. Встречи не было, а прямо выходные молитвы и Достойно. На часах мы вывели Петра Петровича Извольского и подвели к архиерею. Было посвящение в стихарь и иподиакона. Петр Петрович с чувством прочел Апостола и закончил с повышением. Он очень мало волновался. Перед диаконской хиротонией мы подвели П[етра П[етровича] к Царским Вратам. «Повели, Повелите», — произнес отец Евгений. В начале службы в церкви на 14 человек служащих было всего 3 человека прихожан: Извольская, Неклюдова и старший Рошфор. Но к концу набралось человек 30. Петру Петровичу очень идет ряса. Все его поздравляли. Это первый раз, что обер-прокурор Святейшего Синода, член Государственного совета, тайный советник посвящается в священники. Сережу Третьякова завтра архиепископ посвящает в стихарь. Я очень рад. Вечером служил о. Иаков, о. протодиакон и о. Петр, который сразу привык и без суеты или недоразумений читал ектении. Когда он надел рясу и пальто, то сразу подумали: «Вот настоящий архиерей». Он очень похож в рясе на преосв. Алексея Волчанского.

23 января/5 февраля, воскресенье.

Сегодня исторический день в Русской Церкви. Окончание подчинения Церкви светской власти: посвящение обер-проку-

---

* «Довольно хорошо» (*фр.*)

рора Святейшего Синода в священники. Поехали рано, чтобы быть заранее в церкви. Против обыкновения, к началу было довольно много народа. К малому входу церковь была полна. На часах архиепископ Евлогий посвятил Сережу Третьякова в стихарь. Вывели его о. Евгений и о. Петр, а мы вынесли стихарь, Апостола, ножницы, фелоньку и все нужное для умывания. До обедни в церковь пришел английский епископ и просил разрешения присутствовать в алтаре. Архиепископ разрешил. Его сопровождал С.Матвеев, объяснял все, что надо. Он переоделся в пономарке, надел лиловую рясу с пуговицами спереди снизу доверху, а на шею — католический крест. На голове у него была маленькая скуфья, тоже розово-фиолетовая. Приехал священник о. Василий из Бизерты и вынимал частицы из просфор. Сослужили все 4 священника. Уже к Евангелию церковь была набита. К посвящению левая пономарка тоже была полна. Петр Петрович [Извольский] немного волновался, спутал ектения перед «Иже Херувимы». Все присутствовавшие в храме следили с необыкновенным вниманием за всем происходящим. Мы повели о. Петра до Царских Врат, где его принял о. Иаков, который обводил его вокруг престола. Архиепископ сразу дал о. Петру набедренник и наперсный крест. Заамвонную молитву о. Петр прочел с чувством и очень хорошо. Архиепископ сказал проповедь о мытаре и фарисее и о гордыне — матери остальных грехов. Литургия кончилась в 1 час. Когда английскому епископу принесли запивку, он с ужасом отказался, думая, что, вероятно, это Св. Дары и что его хотят перевести в Православие, но потом ему объяснили, и он взял хлеба и вина. Сережа, хотя и учиненный чтец, причащался снаружи, у Царских Врат, а не в алтаре. После службы мы, спешно пообедавши, поехали домой, купивши пирожков chocolatines и nougatines у Coquelin. В половине четвертого, когда мы едва успели накрыть на стол и прибрать комнаты, пришел Сережа Третьяков и Сережа Мамонтов. Я ходил на вокзал встречать девочку Смирнову. Вскоре пришел Конюс, и все разговаривали до 5 час.: ждали кого-нибудь еще. Наконец, явились Алеша и Сережа Гербильские, Лев и Павел Муравьевы, и с ними пришел Павлик Мандельштам, который шел в медонский лес. Они захватили его с собой. Угощений было масса, пили шоколад, а после него — крюшон с произнесением тостов. Муравьевы принесли коробку конфет, Третьяковы — тоже. Сережа Гербильский подарил Максиму портфельчик для

мелочи. После крюшона и шоколада играли в шарады и другие игры. Все разошлись к 6 часам. Римского Папу никак не могут выбрать, уже было 4 безрезультатных голосования.

24 января/6 февраля, понедельник.

Сидели утром дома. Вечером в 6 час. были на лекции А.В.Карташева. Богословские курсы начинают функционировать с понедельника. Отец и мать на собрании [религиозно-нравственного] кружка, устроенном в честь о. Петра Извольского. Ему должны преподнести икону, которую рисовал кн. Путятин.

25 января/7 февраля, вторник.

Были на лекции Кульмана, а вечером — на докладе Антона Владимировича [Карташева]. Он говорил о церковном и внецерковном христианстве в течение 2 1/2 часов без перерыва. Сказал очень много интересного, особенно хорошо разобрал некоторые места из Посланий ап[остола] Павла. Один господин попросил разъяснения по вопросу, его интересовавшему, но Карташев так ничего и не ответил. Выбрали Папой (в воскресенье в 11 час. 34 мин. дня) кардинала Ратти, который был нунцием в Польше, а потом архиепископом Миланским, и который не любит поляков, но сочувствует будто бы русским (?). Условиями при избрании были уния с Русской Православной Церковью и примирение с Квириналом[6]. Stanislas Fumet написал нелепейшую статью о соединении Церквей после посещения архиепископом Евлогием кардинала Парижского Dubois (в журнале «Les Letters»). Он показал полное незнание и невежество по отношению к Русской Церкви и России. Была торжественная панихида по адмиралу А.В.Колчаку.

26 января/8 февраля, среда.

На лекции Омана. Мороз продолжается, сегодня градусов 5–6. Вчера было 4. В «Общем деле» Бурцева помещена отвратительная статья о Приходском собрании, наверное, кружком Брянчанинова.

27 января/9 февраля, четверг.

Вчера о. Петр Извольский в первый раз служил обедню вместе с о. Иаковым. Отец протодиакон назначен ризничим, а о.

Евгений помощником, если архиепископ будет жить в Париже. Отец получил письмо от Вас[илия] Павловича Метаксаса, который пишет, что в Ниццу приехал казак из провинции, просит прислать священника. Конечно, это «политическое» дело решалось не на Приходском совете, а на монархическом объединении[7], которое решило послать вместе с о. Димитрием гр. Граббе, чтобы беседовать по душам с казаками, но М[ихаил] Н[иколаевич] отказался. Некоторые члены совета ведут политику против отца и Чистякова. Сегодня Вячеслав Яковлевич [Чистяков] и о. Димитрий должны читать доклад о Соборе. Был на лекциях Омана. Вечером отец на важном заседании Приходского совета. Архиепископ Евлогий остается до воскресенья и, может быть, до Сретенья Господня.

28 января / 10 февраля, пятница.

Вчера на заседании Совета произошел ряд скандалов. В виде протеста против Глушкова и Леоновича весь Совет покинул зал заседания, но арх. Евлогию удалось всех успокоить. А.А.Гулевич от лица А.Ф.Трепова потребовал, чтобы было опровержение за подписью владыки на статью в «Общем деле», но все подняли крик, что нельзя впутывать архиепископа в газетную полемику. Я был в Сорбонне. Отец и мать вечером у Брянчанинова. Сегодня была интронизация Константинопольского патриарха Мелетия IV, которая энергично опротестована эллинскими греками. Завтра коронация Папы, поклонение кардиналов, патриархов, архиепископов, епископов и аббатов.

29 января / 11 февраля, суббота.

Сегодня в Сорбонне было празднование 100-летия рождения Достоевского. Проф. Оман сказал речь о пророчествах нашего великого писателя. Говорил Мережковский, но довольно бледно. Вечером была торжественная всенощная, по случаю дня 3-х святителей. Служил архиепископ и 4 священника. Протодиакон вступил в исполнение своих обязанностей и вынул другое облачение, чтобы не трепать самое хорошее. Он сразу ожил и усердно занимается разборкой риз.

30 января / 12 февраля, воскресенье.

Перед отъездом служил архиепископ. Во время литургии владыка сказал проповедь о соборном начале в Русской и вообще Православной Восточной Церкви, в противоположность

Римскому единоначалию. Собор всегда более авторитетен, чем одна человеческая воля. Сегодня коронование Папы. Кардиналы целуют у него крест на туфле и руку, а Папа с ними лобызается дважды. Архиепископы и епископы целуют у него туфлю и колено, а аббаты в митрах — только туфлю. После обеда я с Графчиком зашли купить несколько книг, между прочим, приобрели роман Вас. Немировича-Данченко за 2 фр. Были в Лувре и удивлялись бессмысленности развески картин. Полотна Рафаэля, Леонардо да Винчи разбросаны по разным местам, а рядом с чудной картиной Леонардо висит очень плохая Andrea del Sarto. Были у Смирновых, играли, пили чай. Вечером Максим ходил к Гронскому за бумагами. Случилось крушение у вокзала Invalides, и все поезда ходят только до Pont de l'Alma. Я доехал до этой станции, пришлось вылезать и ехать на трамваях. На обратном пути ждал с полчаса. Вечером в 8 час. мы поехали на открытие Богословских курсов. Не было молебна. Не присутствовали даже организаторы. Пришло «довольно много народу»: 12 человек, но можно опасаться, что большая часть не вернется. Читал А.В.Карташев.

1/14 февраля, вторник.

Был у M-lle Dugard. Она рассказывала о жизни мелких ремесленников и квалифицированных рабочих во Франции. Они обязательно, по «завещанию» Генриха IV, по воскресеньям едят курицу, а мясо почти каждый день два раза, квартиры у них хорошие, серебро, белье самое дорогое, посуда прекрасная, и зарабатывает семья 1000–1400 фр. в месяц. Вечером была всенощная под Сретенье Господне. Служили о. Иаков, о. Николай и о. Петр.

2/21 февраля, среда.

Пошли на обедню. Отца Петра не было, и служили двое. Пономарили втроем: я, Максим и Сережа [Третьяков]. Мать и отец завтракают у Крюковой (belle-mère* П.С.Волконского). Еду к Оману на лекцию.

* тёща (*фр.*)

3/16 февраля, четверг.

У Омана за перевод получил assez-bien. Вчера назначены профессора Русского отделения в Сорбонне. Кого только нет! В этом списке и Лозинский, и Миркин-Гицевич, и А.Левинсон, и Горовцов, и Лев Шестов. Интересно, кто их будет слушать? К матери приходила Срединская и читала очень интересное письмо, полученное из Харькова.

4/17 февраля, пятница.

Сегодня Нансен делает в Трокадеро доклад о России. Хотел купить билет еще вчера, но ни одного места не было. Гурко или Брянчанинов будут возражать. Французы хотят дать русским вместо паспортов carte de réfuguiée*, отменить консульства[6] и вообще поставить нас в безвыходное положение. Посольство склоняется к признанию большевиков (?).

5/18 февраля, суббота.

О. С.Протопопов пишет, что в Ниццу назначен прот. Подосенов, а о. Александр [Селиванов] выведен за штат. Бедный о. Александр! Такое ему разочарование. Умерла светлейшая княгиня Юрьевская, жена имп[ератора] Александра II. Для ниццкого духовенства это громадная потеря, так как она его всячески поддерживала. Педагогические курсы прекратили официально свое существование, остался лишь проф. Кульман, который хочет продолжать до тех пор, пока не начнутся лекции в Сорбонне. Вечером были у всенощной. Вчера лекция Нансена была сплошным коммунистическим митингом, рабочие явились в красных беретах, матери принесли своих детей и протягивали им, крича «vive les Soviets»**, восхищаясь людьми, убивающими миллионы русских. В середине лекции «Dans une beignoire de droite, à côté du mur se leva un vieil homme habillé en gris et cria: a travers la salle: A bas les Soviets. (Nansen avait demandait auparavant quel était le moyen de mettre fin aux difficultés de la Russie et du monde entier). Cinq mille personnes le reçurent avec des hurlements et lui tendirent leurs poignets, amis d'homme ne s'effraya pas et après avoir dit ce qu'il voulait dire, il se rassit sur

* удостоверение беженца (*фр.*)
** «Да здравствуют Советы» (*фр.*)

son fauteuil»*.(цитата из газеты). Это был Вл[адимир] Иос[ифович] Гурко. Нансен превозносил большевиков, но просил не вносить политики в заседание. Речь его была по-английски, и приходилось переводить все по фразам.

6/19 февраля, воскресенье.

Я с Максимом поехали к ранней обедне. Служил в первый раз самостоятельно о. Петр. После обедни выяснилось, что, по всей вероятности, Богословские курсы не придется совсем открывать. После обеда мы поехали на свадьбу кн. Никиты Александровича и гр. Марии Илларионовны Воронцовой-Дашковой. Было немного народа, впускали по билетам. Мы прислуживали, выносили венцы, свечи. Все было очень торжественно. За первых шаферов были вел. кн. Димитрий Павлович, гр. Роман Воронцов и Лев Нарышкин. Невеста имела короткое платье с необычайно длинным шлейфом, который вел. кн. Димитрию Павловичу пришлось нести, когда обходили вокруг аналоя. Вечером заходил старший Андрусов.

7/20 февраля, понедельник.

Лекции Карташева не было, и на заседании ничего не решили о курсах. В Commission Franco-Russe набралось так много евреев, что они вытеснили почти всех русских. Анцыферова не пригласили, но отец его вызвал, и они вдвоем все время отстаивали русских. Теперь русская наука в Париже будет представлена 10-ю евреями. У Нольде отняли жалованье и отдали какому-то еврею. Интересная статья Крэна о России. Отца парижские общественные организации выбрали ехать к ген. Врангелю в Сербию.

8/21 февраля, вторник.

Был на докладе П.Н.Стасиневича о Постной Триоди. Было 36 человек. Доклад был краткий и мало разработанный, но

* В правом бенуаре у стены поднялся пожилой человек, одетый в серое и закричал через зал «Низвергнуть Советы» (Нансен до этого спросил, каким образом можно прекратить страдания русских и всего мира). Пять тысяч человек ответили на его выступление гневным криком и показанными в его сторону кулаками. Но человек не испугался, сказав то, что он хотел сказать, он сел на свое кресло.

интересный. Отец получил много интересных сведений в Национальном комитете, особенно о путешествии Крэна по России и Сибири. Он рассказывает, что популярность Свят[ейшего] Патриарха необычайна. Он его видел несколько раз и беседовал с ним. Кроме Святейшего очень известен и популярен настоятель Московского кафедрального собора Христа Спасителя, прот. Арсеньев. Крэн замечает, что единственное сословие, которое осталось на высоте и теперь играет необычайно большую роль, бесстрашно, стойко и самоотверженно работает, это — духовенство. Мать купила книгу Щербачева «За Русь Святую»[9]. Очень интересна как показатель настроения офицерских кругов Добровольческой армии. Немирович-Данченко прислал свою интересную книжку «Лето Господне».

9/22 февраля, среда.

Записался и на литературу; буду пробовать, Бог даст, пройду. Был на лекции Омана о «Слове о полку Игореве». Отец купил билеты в театр, очень дорогие, так как сговорился проводить Евг[ению] Васильевну [Ройбуль]. Она согласилась, но когда оделась и вышла на улицу, то раздумала и вернулась обратно. Отец был возмущен. Все Ройбули ненормальны.

10/23 февраля, четверг.

Получил за theme 18 и отдал сочинение о лирике Пушкина. Николай Карлович [Кульман] начинает свои лекции в Сорбонне и будет читать по четвергам от 2 1/2 до 3 1/2 час.

11/24 февраля, пятница.

Отец приготовляется ехать в Сербию. Ездил платить за экзамены и брать билеты в театр, но все оказались уже проданными.

12/25 февраля, суббота.

Я достал у комиссионера по 10 фр. три билета в первом ряду Stalle* 5 balcon. Были на лекции Н.К.Кульмана.

Кн. Татьяна Константиновна вновь овдовела. Ее муж заразился в Бельгии, куда они ездили к вел. кн.Елизавете Маврикиевне, дифтеритом и умер от слабости сердца после прививки.

---

* кресло (*фр.*)

Как-то теперь одна Т[атьяна] К[онстантиновна] сможет вести хозяйство с двумя детьми! Были у всенощной.

13/26 февраля, воскресенье.

Были в церкви, а после обеда в театре Porte de St. Martin на представлении Сирано де Бержерака. Сцена большая, но сам театр маленький и очень тесный. Декорации и костюмы хорошие. Актеры играли очень хорошо. Вся пьеса написана мастерски и полна красивых выражений и слов. Продолжалось представление 4 часа. Очень хорошо были представлены дуэль в 1-ом действии, капуцин в 3-м, дети, покупающие хлеб, во 2-ом (3 и 4 лет) и шествие монахинь под звон колоколов в 5-ом действии. К нам заходили Н.Кульман, ген. Головин и П.Гронский с женой.

14/27 февраля, понедельник.

Понедельник Великого Поста. Готовлюсь к экзаменам. Застрелился полковник Эвертс. Мир праху его! Что ни начнут русские делать, сейчас же провал и разорение. Отцу в сербском посольстве сказали: «Vous demandez un visa, mais Monsieur vous n'êtes ni français, ni grec ou albanais, vous êtes...russe. Comment desirez vous avoir un visa? C'est un cas si grave que nous devons consulter le Ministère des Affaires Etrangères. Pour notre compte, nous vous le donnerions volontiers, mais nous sommes liés et nous ne pouvons rien faire»*. А этим утром Пуанкарэ сказал: «Il faut introduire en Russie pour les étrangers un regime de capitulation, comme au Maroc ou en Egypte»**. Всячески все нас хотят придавить, сравняв с чернокожими и дикими народами. Вечером были на Каноне Андрея Критского.

15/28 февраля, вторник.

Mardi gras***. Никакого почти оживления, кое-где видны люди, бросающие конфетти. Вечером были на Каноне Андрея

* «Вы спрашиваете визу, но господин, Вы не француз, не грек или албанец. Вы... русский. Как же Вы хотите получить визу? Это такой важный случай, что мы должны проконсультироваться с министерством иностранных дел. Что касается нас, мы бы ее охотно Вам предоставили, но мы ограничены в своих действиях и ничего не можем поделать».

** «Надо ввести для иностранцев в России режим капитуляции (учета), как в Марокко или Египте».

*** Последний день карнавала (перед постом).

Критского, было очень много народа. Отец взял французскую визу.

[16 февраля] / 1 марта, среда.

Утром были у первой Преждеосвященной литургии. Я был у Омана на лекции. В ожидании экзамена лег рано спать. Пришел в 10 час. М.М. Федоров, принес паспорт отца с сербской визой. Я весь день спешно повторял литературу.

[17 февраля] / 2 марта, четверг.

Сегодня начинаются экзамены. Я поехал в 7 час. в Париж. Приехал во время. Экзаменующихся очень много. На этот раз наблюдают сторожа. Дали всем сочинения или переводы. На литературу записалось 5 человек: Маркович, Кашанин (два серба), Лиссим и Маргулиес. Тема: «Le romantisme russe»*. Я написал 4 страницы, был готов вовремя. Писал о романтизме, разбирал характеры романтических героев у русских писателей. Результаты будут известны только в субботу. Отец получил итальянскую визу. Сочинение о Пушкине понравилось Оману, и он сделал несколько замечаний по поводу вступления.

[18 февраля] / 3 марта, пятница.

В 7 час. поехал на экзамены. Как Version, дали отрывок из Салтыкова с безграмотным прибавлением и неправильным употреблением глаголов. Я написал сразу. Сербы с трудом выпутались и долго бились без успеха. После экзамена пообедал и поехал на Gare de Lyon** проводить отца. Купил билет до Милана. Вскоре приехали ген. Данилов с женой, Ю.Ф.Семенов, А.В.Карташев, М.М.Федоров и Г.В.Мейнгард. Поезд был довольно полон, но все же все поместились хорошо. Отец с Антоном Владимировичем [Карташевым], а ген. Данилов с Ю.Ф.Семеновым. Поезд уехал вовремя, а мы сразу вернулись домой. Купил книгу о России (7 фр. 50).

[19 февраля] / 4-го марта, суббота.

Был на экзамене. Писал тему, кажется, из книги Омана. Прочитали не без удивления в «Эксельсиоре», что нам назна-

* «Русский романтизм» (*фр.*)
** Лионский вокзал (*фр.*)

чен епископ (Mr. Chaptal) Папой Римским, ввиду бедственного положения 50.000 русских, чтобы призревать их и пасти. Все возмущаются бесцеремонностью и отсутствием меры католиков. Были у всенощной.

[20 февраля] / 5 марта, воскресенье.

Были в церкви у обедни. Купил еще несколько карточек царской фамилии. Получили от отца открытку из Доля. Едут благополучно и просторно. Обедали в вагоне-ресторане. Графчик был днем у Гурко. Вечером я был на студенческом собрании; как всегда, мы не одолели и ничего не удалось провести. Неприятные известия о Боре Лихачеве из Ниццы; он сильно напутал, вылетел из председателей, а потом сам вышел из членов. Что теперь там делается, неизвестно; наверно, беспорядок.

[21 февраля] / 6 марта, понедельник.

От отца еще нет писем из Италии. Вечером Максим и Графчик ездили в посольство помогать кн. Путятину устраивать фонарь.

[22 февраля] / 7 марта, вторник.

Графчик ходил в библиотеку «Arts Décoratifs»* в Лувре; в ней очень много альбомов и рисунков по всем отраслям искусства. Мать и Графчик ездили в мастерскую Шухаева, где Графчик будет заниматься рисованием. Вечером были на лекции кн. Путятина. Очень ненаучно, скучновато и масса неточностей. Публики собралось очень много. Был у M-lle Dugard на уроке.

[23 февраля] / 8 марта, среда.

Получили от отца открытку от Триеста. Едут хорошо, удобно. Я был в Сорбонне. Переводы на экзамене были, кажется, не очень блестящие. Вечером получили от отца письмо из Люблян. В Сербии лежит снег, но тепло. Поезд едва не крушился, но все, слава Богу, обошлось благополучно. Lord Rieding (Rufus Isaacs), вице-король Индии, сделан графом. Что скажет аристократическая Англия?

---

* «Декоративные искусства» (*фр.*)

[24 февраля] / 9 марта, четверг.

Прохожу литературу и грамматику. Был на лекции Омана. Ничего не узнали об экзаменах.

[25 февраля] / 10 марта, пятница.

Ездил записываться в Сорбонну; по слухам, я прошел на theme; впрочем, это вероятно. Вечером хотел пойти на празднование 300-летия St. François Xavier в церкви St. Clotilde, но ошибся часом и пришел в 6, вместо 3-х. Видел шествие des quatorze stations*. Духовенство останавливается перед каждым изображением по очереди и произносит молитвы. Священник на кафедре читает о шествии Христа Спасителя на Голгофу.

[26 февраля] / 11-го марта, суббота.

Утром поехал узнавать результаты экзаменов. Оказалось, что я admissible по всем трем. Перед Сорбонной я зашел в St. Germain des Pres. Я не мог дождаться времени, когда вывесят список допущенных к экзаменам, и пошел в Secrétariat. Там мне знакомый чиновник с радостью сообщил, что я admissible по всем трем сертификатам. Я был необычайно рад и пошел отыскивать коллег, державших экзамены. Устные хотели сделать сегодня же в 10 час., но никто не пришел. Оман поймал лишь Кошанина и отэкзаменовал его. Я пришел поздно, и экзамен перенесли на понедельник. По Version я прошел один. Кошанин видел на моей работе 10. За thème я получил 18, так что все в секретариате удивились. По литературе провалился один Лиссим. «L'étranger n'est pas admis»**, — сказал Оман. Лиссим не ходил на лекции и появился за неделю. Заходил в St. Sulpice, там была свадьба. Были на квартире у проф. Кульмана. Он нам прочитал вступительную лекцию по истории русского языка. Вечером узнали от кн. Никиты Александровича, что сегодня умерла совсем неожиданно в Канне вел[икая] кн[ягиня] Анастасия Михайловна. Вел[икий] кн[язь] Александр Михайлович сегодня же выехал туда. Получили от отца письмо из Белграда. Во вторник он должен быть у Врангеля, а выезжает обратно, наверное, в понедельник.

---

* 14 мест для молений (*фр.*)

** «Иностранец не принят» (*фр.*)

27 февраля / 12 марта, воскресенье.

Утром были в церкви. Отец Петр, назначенный настоятелем в Брюссель, и П.Н.Стасиневич уезжают в среду, так что в Париже будет некоторое уменьшение причта. Обедали мы дома. Были у m-lle Dugard. У ней в гостях было семь девочек и молодых дам; все бывшие ученицы. Провели время очень хорошо. Играли в разные игры. Вчера концерт, устроенный школой, прошел великолепно. Отец написал из Белграда.

28 февраля / 13 марта, понедельник.

Утром экзаменовался, но не очень блестяще. По литературе Оман спросил меня о Герцене, я знал, но не очень хорошо. На экзамене филологии не мог привести достаточно примеров турецких и персидских слов в русском языке. Но все же по всем certificats прошел. Завтра дополнительный немецкий экзамен. Отец два раза виделся с Врангелем и будет иметь совещание с Пашичем. Пал Владивосток, последний клочок свободной русской земли![10] На quai Voltaire достал за 3 фр. собрание документов и писем, относящихся к 1812, 13, 14, 15 годам, изд[анных] Дубровиным в прекрасном переплете[11].

1 / 14 марта, вторник.

Утром — дома. В 2 1/2 часа был на немецком экзамене. Спрашивали перевод небольшого отрывка с немецкого на французский. Экзаменовал один Лейхтенберг. Отец пишет, что против архиепископа Евлогия составляется интрига крайне правых, воспользовавшихся недоразумением с Брянчаниновым. Отцу и Карташеву удалось переубедить Высшее Церковное Управление за границей. Отец два раза видел митрополита Антония. Вечером заходил М.М.Федоров. Ю.Ф.Семенов заболел чем-то вроде отравления. Это очень неприятно, так как комната одна на всех. Мать и Графчик были на докладе Колемина, одном из лучших, прочитанных в посольстве. Лектор объяснял смысл притчи о владыке неправедном.

2 / 15 марта, среда.

Погода великолепная, можно выходить без пальто. Читал в саду на солнце H.Taine «La Fontaine»[12]. Великолепная книга; стиль гладкий, красивый и легкий и читается скоро. Был на лекции Омана. Он говорил о государственном устройстве Нов-

города и показывал световые картины. Вывешены окончательные результаты экзаменов. Я получил 2 mentions* за филологию и études pratiques** и просто «принять» по литературе. Маргулиес и Наташа Березовская (дочь Шестова) получили mention по литературе. Милан Маркович прошел по литературе, а Кашанин по филологии. Сегодня монархические организации устраивают торжественное заседание в память 5-летия отречения Государя (?). Как-то странно, не вяжется заседание с воспоминанием о таком горестном событии. Отец приедет, наверное, в пятницу. Получили письмо от бар. А.А.Гейкинга.

3/16 марта, четверг.

Был на лекции. Получил за перевод «Стансов» Пушкина assez bien. Сегодня было гораздо меньше слушателей, несмотря на то, что я и Маркович все-таки пришли. От отца никаких писем. Мать нашла магазин на rue de la Pompe, в котором можно покупать ежедневно черный хлеб, кулебяку, огурцы, семгу и гречневую крупу. Торговец — татарин русского происхождения. Лекции проф. Кульмана все не начинаются из-за разных недоразумений и ссор среди профессоров, особенно из-за требований Горовцова (Горвица) и Сватикова.

4/17 марта, пятница.

Утром получили от отца телеграмму, что он приезжает в субботу, в 3 часа. Старался написать сочинение о религиозных идеях Руссо, но ничего не вышло. Очень утомлен.

5/18 марта, суббота.

Утром ездили в церковь, было 28 причастников. Стасиневич уехал вчера, так как визы ему не давали. Ездил покупать доллары; достал их с большим трудом. Максим поехал встречать отца, а я с Графчиком — к проф. Кульману на лекцию. На всенощной мать встретила Е.Афанасьеву (мать), в декабре выехавшую из Петербурга, они обосновались в Австрии, где и находится ее дочь. Один сын — в Москве, другой — неизвестно где, а мой товарищ Алеша расстрелян большевиками. Упокой его Господь! Приехала из Ниццы Ольга Константиновна Су-

* хорошая отметка (*фр.*)

**практические занятия (*фр.*)

ковкина. На всенощной на вынос Креста выходили о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай. Максим, я и Сережа [Третьяков] выносили свечи. Давка была изрядная. Отец собрал массу сведений, многих видел, со многими говорил и вынес приятное впечатление от поездки, только в Милане им дали билеты на Страсбург, и пришлось заново платить. Убыток более 150 фр. на каждого. Вместе с отцом, Карташевым и ген. Даниловым ехала жена ген. Врангеля. С Врангелем два раза беседы по два часа, из которых отец вынес очень благоприятное впечатление. Он видел Юлию Александровну Харину. Яна едет из Явы со Смитом и сыном 3 лет в Сербию, а потом в Чехословакию. Маруся, по всей вероятности, выйдет замуж за одного богатого американца, который приезжал специально повидать Юлию Александровну, нанял для нее карету, что составляет редкость в Белграде, и был чрезвычайно учтив. Он предлагает Марусе ехать с ним в Москву, как homme de confiance et traductrice*, но Юлия Александровна не хочет ее отпускать. В общем, в Сербии все надеются на скорое возвращение на родину. Генерал Врангель не будет принимать участия в русско-польской и румынской войне, но когда его позовут, он придет. Сам Врангель необыкновенно обаятелен и пользуется любовью и уважением всех. Сербский король с ним долго беседовал, и встречи всюду были торжественные. В общем, он не допускает в армию никакого чужого влияния. Ген. Шатилов, на которого многие недовольны и за то, что он начальник штаба, и за Георгия 3-ей степени, сам уходит, и на его место назначен ген. Миллер.

6/19 марта, воскресенье.

Был в церкви. Завтракали у Муравьевых. Они получают деньги от отца из Польши, но при размене 400 м[арок]=1 фр. получается очень мало, например, за 2.000.000 марок они получили 5 тысяч франков. На обратном пути мы застряли на Pont Mirabeau. Поезд стоял более получаса. У нас к чаю была Ольга Константиновна Суковкина, проф. Кульман с женой и Тихон Александрович Аметистов, который просидел у нас до 8 1/2 часов. Вечером отец поехал на заседание у Карташева. В пятницу отец, наверно, едет в Берлин.

---

* доверенное лицо и переводчица (*фр.*)

7/20 марта, понедельник.

Отец получил две визы. Я ездил справляться о посылках в Константинополь. Цены столь высоки, что посылать нет возможности. Пересылка маленького пакетика обойдется в 95-100 фр. Получили от Бесси корзину цветов из сада, которые, несмотря на холод, хорошо сохранились. Вечером отец делал доклад о поездке к Врангелю.

8/21 марта, вторник.

Поразительное известие: Святейший Патриарх возвел архиепископа Евлогия в митрополита, приславши собственноручный указ. Это — наилучший ответ на съезд в Карловцах и на отношение к владыке со стороны крайне правых. Купил для отца билет в Берлин, туда и обратно, который стоит всего 178 фр. 55 с[ант]. Сегодня отец делал два доклада о поездке в Сербию к Врангелю. Днем шел снег, температура прохладная. В стипендии русским отказали. Будут устраивать общежитие для студентов с даровыми обедами.

9/22 марта, среда.

Утром читал «La Fontaine». Ходил на лекцию проф. Омана. Отец получил бельгийскую визу. Погода отвратительная.

10/23 марта, четверг.

Mi-careme*. Шествие, несмотря на плохую погоду, не отменили. Воображаю, как мерзнут участники. Вечером заходил Конюс, просидел у нас с час. У него умерла невестка мачехи, княг[иня] Ливен, совсем молодая, у ней только что родился ребенок, все прошло благополучно, но, к несчастью, она простудилась, схватила ангину и умерла в 2 дня. Для чтения перед гробом мы посоветовали пригласить Громова.

11/24 марта, пятница.

Зачитываюсь книжкой Щербачева «За Русь святую». Написано наивно и по-детски, но есть много интересных описаний, особенно смерть Алеши и Санди.... Ездил отправлять посылку Хуверу в Петроград. Принимают за 10 долларов без дополни-

* Четверг на третьей неделе Великого поста

тельных расходов. В бюро обе барышни русские или, во всяком случае, хорошо говорящие по-русски. Был в церкви. О. Иаков внес крест в алтарь. Было очень много народа. Вечером провожали отца. Gare du Nord* грязна, темна и неприятна, как всегда. Вагоны очень хорошие, по 6 человек в купе 2-го класса. К поезду без билетов не пропускают. Кроме ген. Гулевича, уехавшего вчера, никто другой из русских не едет.

12/25 марта, суббота.

Кончил книжку Щербачева. Заходил на публичный доклад Милюкова в Сорбонне. Было столь ненаучно, что не хотелось слушать. Похвала революции, гибель навсегда монархии и дворянства, демократическая республика — единственная форма правления. Аристократические (?) армии уничтожены (?), и теперь народ может сбросить большевиков (?), так как он не боится возвращения старого режима!

13/26 марта, воскресенье.

Переставили время на час вперед, поэтому многие пришли к концу обедни. Отец написал из Кёльна, что проехал благополучно, в полях всюду лежит снег, погода хорошая. Графчик пошел к Третьяковым, а мы принимали у себя Шамие (мать и Мишу). Вечером все остались сидеть дома.

14/27 марта, понедельник.

Был в Париже, погода очень неважная, то и дело идет град. От отца нет никаких писем.

15/28 марта, вторник.

Вечером мы все были на реферате о. Николая «Об образе Господа Иисуса Христа по четырем Евангелиям». Собралось, к сожалению, очень мало публики. Антон Владимирович [Карташев] дополнял доклад научными замечаниями, из которых некоторые были замечательны.

16/29 марта, среда.

Заходил за книгой к m-lle Dugard. От отца писем все нет. Вечером получены известия из Берлина, что там на докладе

* Северный вокзал

Милюкова два офицера покушались на жизнь оратора, но он невредим, но зато убит Набоков[13] и ранено 5 человек. Очень неприятно. Все это может вызвать репрессии против монархистов.

17/30 марта, четверг.

«Последние новости» посвятили номер памяти Набокова. Ранены все евреи и поэтому шум большой, фамилии убивших фантастические. Сегодня не было лекций, так как Оман болен. Отец пишет, что съезд весьма интересен. Владыка читал доклад о церкви и государстве и об их взаимных отношениях. Он приедет только в Страстной Понедельник и просит отложить собрание прихода до 3-го дня Пасхи. Мать была у Крюковой и Извольских. Я заходил в Тургеневскую библиотеку. В «Последних новостях» написано о разгоне конституционно-монархического съезда и об аресте всех членов. К счастью, все были выпущены после того, как заявили, что осуждают убийство и совершенно к нему непричастны. Но все же это очень неприятно. Конечно, интересно узнать от отца, как все было на самом деле, а не в односторонней оценке газеты. Русские, после воззвания Святейшего Патриарха об отлучении от Церкви и извержении из сана священников, которые будут способствовать или помогать ограблению церквей большевиками, встали на защиту и не допускают святотатств. В Петербурге митр[ополит] Вениамин объявил, что всюду у колоколов будут расставлены люди и при приближении комиссаров будет набат. 200.000 вызвалось защищать церковь. У входов в храмы стоит толпа и не пропускает коммунистов. Берлинское событие является, может быть, провокацией со стороны большевиков, которым необходимо получить охрану для своей делегации при проезде через Германию. Вечером идем на всенощную — «Похвала Пресвятой Богородицы».

[19 марта]/1 апреля, суббота.

Утром был у обедни. Причащалось 40 человек. Узнали, что умер отец протоиерей Василий, приехавший из Бизерты флотский священник. Никто его не пригрел, и он скончался в больнице от разрыва сердца. Царство ему Небесное! Нужно будет устроить торжественные похороны. Отец Сергий ездил в больницу и увидел, что тело брошено и ему грозила участь быть разрезанным и закопанным в общей могиле без отпевания,

если бы не узнали русские. Были на лекции проф. Кульмана. Дентали сегодня не пришли, и мы занимались сегодня втроем с Николаем Карловичем. Он нам подарил оттиски своей статьи о Короленко из «Русской мысли», издающейся под редакцией П.Б.Струве[14]. Отец пишет из Берлина, что их всех арестовали и на 12 автомобилях через весь Берлин перевезли в главную полицейскую часть. После пяти часов сидения и допроса всех отпустили и пропечатали во всех газетах, что конституционный монархический съезд ничего не имеет общего с убийством. Все обвинения левых и коммунистов тем самым пали. Арестовывать явились в тот самый момент, когда все съехавшиеся выносили резолюцию, осуждающую политические убийства. Вечером были у всенощной. Мать говорила с П.Леляновым и другими и обратила их внимание на смерть отца Василия. Церковь будет хоронить его на свой счет.

20 марта/2 апреля, воскресенье.

Утром были у обедни. Погода плохая, все беспрерывно моросит. К чаю к нам заехала Ольга Константиновна Суковкина. Рассказывала много интересного и печального о ниццкой жизни. На отца протоирея Протопопова наехал на углу Avenue des Fleurs автомобиль Hotel du Roule и опрокинул его крылом на рельсы трамвая. К счастью, у о. Сергия не оказалось внутренних повреждений, но все же голова была поранена довольно сильно. Теперь он поправился и уже может служить. Вечером мать у о. Николая. Должен решиться вопрос, продолжать ли чтения после Пасхи и когда попросить читать митрополита. Я заходил к Андрусовым. Приехал ген. Гулевич и говорит, что отец возвращается в среду. Деньги за обратный билет ему вернули, так как продления не дали. Умер император Карл Австрийский от гриппа, в изгнании в Фунчале на острове Мадера. После него осталось 6 детей, а 7-ой скоро ожидается. Грустно окончилась его жизнь, полная всяких невзгод.

21 марта/3 апреля, понедельник.

Утром я и Максим ездили в Париж на отпевание отца протоиерея Василия. Преждеосвященную литургию служил о. Иаков, а после на отпевании был и отец Николай. В церкви был всего лишь его сын с женой, какой-то их знакомый и французский патер, пришедший к началу обедни и простоявший до самого конца. Отпевали по чину священников с чтени-

ем Евангелий. Когда выносили гроб, шел проливной дождь. Отец Иаков провожал тело до кладбища Batignolles. Погода плохая, тепло, но сильный ветер. Мать вечером у А.В.Карташева на заседании по поводу Приходского собрания.

22 марта/4 апреля, вторник.

Получили от отца телеграмму, что он приезжает завтра в 11.30 утра. После обеда ходил на урок к m-lle Dugard. Говорили о политике и Генуэзской конференции. Мать пошла в гости к Головиным.

23 марта/5 апреля, среда.

Утром поехал встречать отца. Расписание изменили, и поезд пришел на час позже — в 12.25. Чтобы занять время, я гулял на rue Lafayette, зашел в церковь St. Vincent de Paul. Очень красивая базилика. Купил фотографические принадлежности. Отец привез много вещей, но побоялся везти больше, так как на таможне новое отбирают. После обеда разложили все. Баронесса Гейкинг прислала матери и нам целую картонку домашних коржиков. Альберт Альбертович [Гейкинг] принял отца совсем как родного и всюду сопровождал. Арест произвел на отца тяжелое впечатление. Все 24 участника съезда были взгромождены на 2 грузовика с шестью вооруженными солдатами, и через весь Берлин их тащили в полицию. Жизнь в Берлине необычайно дешева для имеющих франки или фунты. Отец видел много знакомых и друзей и все время был очень занят. В Германии такое озлобление против французов и поляков, что нельзя заговорить на иностранном языке. Е.А.Ефимовского с несколькими знакомыми выпустили только после выяснения, что они говорят по-русски, а не по-польски или французски. Доктор Соковнин прислал нам Православный Афонский календарь на 1922 год с массой интересных сведений о Русской Церкви. Вечером я был на лекции проф. Омана. Он очень хорошо говорил о церковном мировоззрении в связи с жизнью и трудами преп. Феодосия Печерского, которые он разобрал.

24 марта/6 апреля, четверг.

Утром в газетах сообщение об аресте Святейшего Патриарха[15]. Бог даст, все обойдется хорошо. Комиссии по изъятию

ценностей из церквей всюду встречаются с отпором и прогоняются или с применением силы, или просто убеждениями и страхом. Оман вернул перевод о Чаадаеве («bien»*). В секретариате мне выдали 3 свидетельства высших наук. Удивительно скоро. Обыкновенно ничего нельзя получить раньше 3-х месяцев. Свидетельства написаны в очень повышенном и официальном тоне. По виду совсем приличны: с подписями декана, инспектора академии и профессоров. Вечером мы все были у всенощной. Служили отец Иаков, отец Николай и отец Гавриил. Пели ничего. Погода плохая, все идет дождь.

25 марта/7 апреля, пятница.
Благовещение Пресвятой Богородицы.

Утром были в церкви. Идет дождь, хотя время от времени проглядывает солнце. Литургию служили о. Иаков, о. Гавриил и о. Николай. Пономарили вчетвером с Васькой Левшиным и Сережей Третьяковым. Обедали в «Ministères» вместе с Аметистовым, которого родители рекомендуют митрополиту Евлогию в качестве секретаря. «Бон-Марше», магазин, так затягивает, что мы проходили до 4-х часов. Вечером были в церкви. После утра, когда причащалось 120 человек, исповедующихся довольно мало.

26 марта/8 апреля, суббота.

Графчикино рождение. Я ездил в церковь. Было 80 причастников. Получили по почте мемуары Максима Максимовича, но без начала. Матери из Петербурга написала княгиня Мещерская, которая жила в Симферополе. Письмо дошло очень скоро, всего 11 дней было в пути. Обедали дома. Мать подарила Графчику портфельчик для денег, Максим — почтовой бумаги, отец — денег, а я — карандаш. Вечером поехал заранее ко всенощной, чтобы устроить раздачу верб. В последний момент удалось убедить о. Иакова и о. Николая сперва помазывать елеем, а потом раздавать вербы. Народу было необычайно много уже к самому началу службы. Чтобы поддерживать порядок, кроме меня, Максима и Сережи Третьякова надели стихари Графчик и Вася Левшин. Четверо встали в ряд, а один с елеем. Сперва была небольшая давка, но скоро все устроилось, и

* хорошо (фр.)

раздача прошла благополучно. Вербы было так много, что хватило всем с избытком.

27 марта/9 апреля, воскресенье.
Вход Господень в Иерусалим.

Утром служил один о. Николай, а о. Иаков служил внизу. Мы выносили свечи, а Сережа свечку. После обедни мы поехали домой помогать матери в уборке дома. Едва успели устроить стол, как пришел Савич с женой. Кроме них были ген. Лохвицкий с женой, князь И.А.Куракин, Вера Васильевна Неклюдова, М.Л.Киндяков, Ольга Константиновна Суковкина, Муня Щербачева. Ген. Лохвицкий рассказал много интересного о Дальнем Востоке. Получили остальные мемуары Максима Максимовича.

28 марта/10 апреля, понедельник.

Утром были в церкви. Максим и Графчик были в Версале с отцом Соколовским, который служил в англиканской церкви. Они пели всю службу. Вечером — на утрени. Заходили Катя и Сережа Метальниковы.

29 марта/11 апреля, вторник.

Утром были все на Преждеосвященной литургии, а вечером на утрени; было необычайно много народа. Отец был на церковном совете, где решали все вопросы о Пасхе.

30 марта/12 апреля, среда. Святая и Великая.

Поехали заранее, исповедывались у о. Иакова. Причащались Святых Христовых Таин. Кроме нас было человек 40. Митрополит приехал в 12.15 и присутствовал на утрени. Служили очень полно и хорошо. К нам в 4 часа заходил Бистром.

31 марта/13 апреля, четверг. Святой и Великий.

Были у обедни. Исповедывали о. Иаков, о. Николай, митрополит и о. Сергий. Ввиду массы желавших исповедываться, служба началась очень поздно и затянулась до половины второго. Причащалось 350 человек. Мы вернулись домой только в половине третьего. Вечером были на «Двенадцати Евангелиях». Народу было так много, что до начала нельзя было уже войти в церковь, и митрополит с трудом шел во время встречи.

Служба продолжалась до 9 часов. Митрополит читал 1, 4, 7 и 12 Евангелие. Служили о. Иаков и о. Николай. На каждом Евангелии было каждение, два раза по всей церкви.

1/14 апреля, пятница. Святая и Великая.

Были на часах в 10 1/2. Апостола и паремии читал митрополит, а часы — я, Максим, Графчик и о. Сергий Соколовский. После службы остались помогать в переноске плащаницы. Выпили только кофе. Максим и Графчик ездили к Esaets'у, а я ходил в Земский союз за пасочницей, но не достал, так как все было распродано. Вечерня началась раньше. При входе митрополит надел великолепную темно-фиолетовую мантию с дубовыми листьями, вытканными золотом. Видел в церкви m-me Morin. Народу было необычайно много. Митрополит сказал прекрасное слово о Голгофе и крестном страдании России и закончил надеждой на Воскресение после 5-летней страстной седмицы. Служили все три священника. Во время прикладывания была страшная давка, но несколько молодых людей помогли и удалось устроить цепь. Особенно усердствовал Алеша Татищев. Мы поехали домой после службы, а вечером приехали на Погребение Христа. Читали полные статии, продолжавшиеся 1 1/2 часа. Был крестный ход вокруг церкви, и служба кончилась без 10-ти минут одиннадцать. Исповедников необычайно много, и стоят громадные очереди у обеих пономарок.

2/15 апреля. Святая и Великая Суббота.

Были на обедне, которая запоздала из-за исповедников. Шандровский так рявкнул на «Славно бо прославися», что окна задрожали и не знавшие заранее испугались и пробудились ото сна. Переоблачились во время Апостола. Были одни причастники, хотя церковь была почти полна. Причащали из двух чаш, всего 540 человек. Освящали хлебы. После обеда мы писали поздравления и приготовляли пасхальный стол. Вчера была прекрасная погода, а сегодня пасмурно, но дождя, Бог даст, не будет.

Святая Ночь.

Выехали мы в 10 часов, чтобы приехать заранее. Вылезли на Pont de l'Alma. Максим и Сережа Метальников побежали пешком, а остальные поехали на трамвае. В церковь мы пришли в половине одиннадцатого, и уже было порядочно прихо-

жан, а к 11-ти часам церковь была полна. Была встреча, причем митрополит едва прошел. Во время полунощницы внесли плащаницу в алтарь. У священников были ризы с ткаными цветами, а у нас — белые. Митрополит был в обычном белом с золотом облачении. В 12 часов вышли с крестным ходом. Несмотря на цепь офицеров и любителей, прошли с большим трудом до двери. Из нижней церкви вышел о. Иаков с Графчиком. Крест нес Алеша Татищев, а образ — маленький Сережа Звегинцев. Наверху свечку нес молодой Оноприенко, крест — ген. Оноприенко, икону Воскресения Христова — В.В.Свечин. Вся лестница и сад были полны народа, и даже многие не в состоянии были войти в ворота и образовали толпу на улице. Был очень сильный ветер, все свечи сразу потухли, но плошки, расставленные кругом по саду, освещали достаточно дорогу. Впереди шел хор и служащий из нижней церкви, за ним — верхний хор, отец Николай, дьякон и митрополит с протодиаконом. Многие, вышедшие из церкви с крестным ходом, не сообразивши, что всюду толпа, не смогли больше войти и остались в саду. Когда крестный ход, обойдя церковь, вернулся к паперти, давка была столь велика, что войти по ступенькам не представлялось возможным. Хоругвеносцы, которые шли впереди, добрались до фонарика, но дальше пройти не могли, да нужно было закрывать двери перед входом в храм. После безуспешных попыток, человек 10 с ген. Оноприенко и ген. Гулевичем атакой отбросили людей, волной отхлынувших наружу, и духовенство с трудом взошло наверх. Стоявшие на улице передавали, что им казалось, как будто Андрей Боголюбский с хоругвями и копьями берет Киев приступом. Двери с трудом закрыли. Вошли благополучно. Служба прошла хорошо, только пение духовенства не было блестящим. Наверху служил о. Николай с митрополитом и двумя диаконами. Митрополит христосовался со всеми. В.И.Дмитриев был в морском мундире, многие были во фраках, а ген. Лохвицкий — в орденах и ленте. Хор пел хорошо. На обедню осталось очень мало народа, несмотря на то, что внизу не служили. К концу обедни все страшно устали и едва стояли на ногах. Евангелие митрополит читал по-гречески, отец Иаков по-русски и по-сербски, отец Николай по-латыни и французски, и протодиакон по-славянски. После службы в 3 часа с четвертью освящали пасхи. Одна женщина поднесла владыке пасху. Максим и Графчик с Тихоном Александровичем Аметистовым забежали к Михаилу Михайловичу Фирсову, а я

пошел прямо к о. Иакову. Там было духовенство, Трубецкие и 2-3 незнакомых человека. Было очень много угощений. За разговором просидели до 5 1/2. Ждали 40 минут поезда и только в 10 минут восьмого вернулись домой и сразу легли спать.

3/ [16] апреля, воскресенье. Первый день Святой Пасхи.

Встали часов в 11. После обеда заходил Миша Суковкин, пили чай. Вечером мы были на вечерне. Служили соборно. В виду совпадения с католической пасхой, всюду оживление. Погода хорошая.

4/ [17] апреля, понедельник.

Митрополит служил литургию с отцом Иаковом и отцом Николаем и о. Гавриилом. После обеда было Приходское собрание в Hotel «Magestic». Собралось 280 человек. Я проверял билеты. Сначала все было спокойно, но явился какой-то господин по фамилии Кулаковский и стал требовать, чтобы его пропустили. Он отчаянно сопротивлялся Оноприенко и Свечину, лез с кулаками на директора гостиницы, на полицейского, но, наконец, его удалось удалить. Все окончилось благополучно. Когда Глушков начал читать свои клеветы на совет, его останавливал митрополит 3 раза и лишил слова, но он продолжал. Выборы прошли гладко, всего подали 250 записок. После «Magestic» я пошел к Третьяковым и посидел у них до 6 часов вечера. Вечером все мы были дома.

5/ [18] апреля, вторник.

Ездил в Париж за бельем и делал покупки (для приема гостей). В 2 1/2 явился Васька Левшин и скоро пошел с Максимом встречать других гостей, которые явились толпой: трое Татищевых, Алеша, Долли и Беби, Сережа Третьяков, Петя Трубецкой. С запозданием пришли Сережа и Борис Конюс. Сережу не отпустили и засадили за пианино. Кроме того пришел Миша Головин. Я сходил за Гронской и Метальниковой. Пили чай с пасхой и куличем. Бегали, как угорелые, по саду и играли в платок. Было очень весело. С опозданием явился Сережа Метальников. Отец пришел с Варварой Михайловной Татищевой. После сада все перекочевали в гостиную, где играли в носы и пословицы. Больше всех веселились Петя Трубецкой и Вася Левшин, так как могли свободно шуметь и

бегать по саду. Отец был у вел. кн. Марии Павловны и у Hotman de Villiers, которые сожалели, что мы не пришли.

6/[19] апреля, среда.

Занимался дома, а Максим и Графчик были в церкви. Митрополит спешно выезжает в Лондон, так как он должен выработать план защиты здания посольства и церкви в Берлине[16] вместе с вел. княгиней Ксенией Александровной. На приходском собрании полностью прошел список Приходского совета. Д.А.Нелидов получил относительное большинство (120), остальные — абсолютное. Отец — 246 из 250, Карташев — 240, Татищев — 220. Т.А.Аметистов получил 30 голосов, И.П.Демидов — 80, Рузский — 10. Ездил к Родштейну[17] покупать книги о Толстом. Достал сборник Скворцова за 20 фр. Дороговато. Забегал Петя Трубецкой.

7/20 апреля, четверг.

Обедали у Михаила Михайловича Фирсова. Он приготовил массу угощений: борщ со сметаной, телятину с горошком, апельсины, кулич и пасху. Очень был рад иконке Воскресения. После него мы поехали на розговены, устроенные Верой Васильевной Неклюдовой для учеников ее школы[18]. Было человек 60. Угощений много. Сперва была молитва. Дети пели «Христос Воскресе». Потом играли в саду. Максим и Графчик забегали к Шамие. Я занимался изучением биографии Руссо. Мать была у Головиных и у Кульманов. Католики стараются во что бы то ни стало войти в сношение с большевиками. Такой позор!

8/21 апреля, пятница.

Утром Максим и Графчик ездили в церковь, а я писал сочинение о Руссо. После обеда все сидели дома. Погода пасмурная.

9/22 апреля, суббота.

Утром были в церкви на последней пасхальной службе. Раздавали артос. Было не много прихожан. Вера Вячеславовна Мещеринова сообщила, что неожиданно скончался Борис Вячеславович Шидловский (в Монте-Карло). Царство ему Небесное! Заезжал к Кульманам, но не застал никого дома. Вечером были у всенощной. Из церкви пошли к Смирновым, у них

было сперва довольно натянуто, потом все оживились. Ушли в 12 часов.

10/23 апреля, воскресенье.

В «Matin» напечатано сообщение о подписании соглашения между Ватиканом и большевиками[19]. В Россию посылаются иезуиты для воспитания девушек и францисканцы для посвящения католической верой русского православного народа (?) Такой мерзости прямо нельзя было и ожидать. С исчадиями ада заключать соглашение, чтобы привлекать к себе другую церковь. В «Exelcior» сказано, что итальянский король поехал в Геную, где любезничал с большевиками (подорвав этим монархическую идею), и что архиепископ города Генуи на завтраке у короля выпил за здоровье советского представителя и чокнулся с Чичериным. Нельзя выразить всего ужаса и глубину падения, в которую завела политика католическую церковь. После церкви поехали поспешно домой. Наскоро все прибрали, устроили пасхальный стол и ждали до 3 1/2 гостей. Я пошел, наконец, на вокзал. До этого пришел Миша Шамие. Я нашел о. Николая с женой. M-lle Dugard пришла по другой дороге и раньше нас. Кроме того, вскоре пришел Николай Антонович Шамие, Антон Владимирович Карташев, двое Кульманов, двое Анцыферовых, двое Метальниковых, двое Гронских, Навахович и позже о. Иаков с Тихоном Александровичем Аметистовым. Михаил Михайлович [Фирсов] не пришел, очень жалко. Ему приятно было бы посидеть и поговорить со многими. Все с удовольствием угощались, особенно пасхой, сделанной матерью специально к этому случаю. Антон Владимирович хочет, чтобы все приходы послали протест против духовной спекуляции, производимой католиками в отношении России. Все время была оживленная беседа. Вечером сидели дома.

11/24 апреля, понедельник.

Ездил в Париж. Погода испортилась.

12/25 апреля, вторник.

После обеда сидели дома. Мать читала «Подростка». Был у m-lle Dugard. Сидел у ней 3 часа и очень много интересного узнал о Франции и французских взглядах. Я удивляюсь, как много m-lle Dugard знает, особенно о Толстом. Ее взгляды на его педагогические и философские произведения очень правильны

и совпадают со взглядами вдумчивых русских людей. Все единодушны, что война неизбежна, что начнет Франция и победит окончательно Германию, пока она будет занята потрошением Польши с помощью большевиков. Были на докладе митрополита. Чем-то старым, русским, прекрасным веяло от его слов. Все слушали с большим вниманием. Он говорил о русской церковности, о пении, иконописи, службе, храме, звоне, обо всем, что дорого русскому сердцу. Рассказывал, как на Конгрессе всех вероисповеданий в Женеве был дан концерт в протестантском соборе, как все было холодно, серо, могильно, и как потом, в Праздник Преображения Господня, все представители собрались в русской церкви с золочеными куполами, и как англиканский епископ в своей речи на собрании сказал, что именно только в русском храме они все чувствовали Бога, что на Востоке жив Бог, и что они приедут на Восток за верой, которая бы их укрепила.

13/26 апреля, среда.

В Национальном комитете получено письмо с Волги, в котором пишут, что многие татары занимаются торговлей и заготовкой человеческого мяса, настолько силен голод. Священные сосуды, ризы и вообще ценные вещи цинически срывают, сбивают молотками и увозят, уничтожая безжалостно памятники истории, напр[имер], одно Евангелие XII века. Русские сопротивляются, но не в силах противостоять большевикам и евреям, которые имеют вооруженную силу. Завтра открывается Русский историко-филологический факультет. Купил несколько книг о Толстом у Родштейна. Вечером в 6 часов был в Тургеневской библиотеке, но не нашел ничего нужного. Все же захватил кое-что о баснях Крылова.

14/27 апреля, четверг.

Поехал в 2 часа на открытие лекции на Русском факультете. Пришли Николай Карлович Кульман с женой, проф. Оман, один армянин, одна барышня и я. Оман произнес благодарственное слово Кульману. Кульман благодарил Омана. Позже пришел итальянец Fiorentino с женой — русской, он хорошо понимает и говорит по-русски. Из-за пасхальных каникул многие не знали или забыли о лекциях. С Оманом разбирали накопившиеся переводы. Экзамен у меня, наверное, 26–29 июня. Записываются с 9-го по 15 мая. Оман кончает на следующей

неделе cours public* и свободный час употребит на повторение русской литературы XIX века. Получены недостающие тетради Максима Максимовича [Ковалевского]. Политические события осложняются. Отец на заседании совета на Дарю. Митрополит срочно выезжает уже сегодня в Берлин, а все решать нужно самому совету.

15/28 апреля, пятница.

Решили протоиерея Соколовского назначить на приход и ликвидировать совместно со владыкой дело Леоновича. Павел Иванович Лелянов болен и лежит без присмотра в церковном доме. Только вчера догадались нанять для него сиделку! В «Temps» напечатано соглашение большевиков с католиками. Был в Сорбонне, в библиотеке и у нас в Institut d'études Slaves. Вечером читали по-французски. Мать читала нам «Подростка» Достоевского.

16/29 апреля, суббота.

Утром узнали, что умер Поль Дешанель, последняя светлая фигура на фоне французской бюрократии. Он не был никогда министром, хотя его часто звали, и одной только целью его жизни было сделаться президентом. Но трагедия заключается в том, что, когда его выбрали, он почувствовал свое полное бессилие сделать что бы то ни было, увидел, что самостоятельности у него нет никакой. Переутомление за время войны, когда, как Председатель Палаты депутатов, он вставал в 7 часов и ложился в 2, усилили нервное расстройство, кончившееся досадным падением у Монтаржи. Ему пришлось уйти, но до самой смерти он не вполне поправился, хотя и провел много времени в санатории. Его репутация исключительна в истории Франции. Не принадлежа ни к одной партии, он достиг высших должностей. Несмотря на краткое управление, он успел провести два закона: примирение с Папой Римским и отмену старой схоластики в университете, чем мы ему все обязаны. Были у Кульмана, но лекция не состоялась, кроме нас не было никого. Побеседовали обо всем. Павлу Ивановичу [Лелянову] лучше, оказалась только одна простуда. В Ниццу приехал протоиерей Подосенов. Он живет у Чудинова по знакомству. Отца Троицкого пока назначили в Ментону на время отпуска отца Цветаева.

* Публичный курс (*фр.*)

17/30 апреля, воскресенье.

Утром были в церкви. Пошли завтракать к Кульманам и просидели за разговорами и чаепитием почти до половины 6-го. Мать и отец были на приеме Оноприенко. Читал записи Максима Максимовича. Очень интересно.

Пишу о Лафонтене и Крылове.

Понедельник, 18 апреля/1 мая.

Сидели утром дома. Погода все плохая, настоящая осень: ветер и дождь. Сегодня первое мая. Все обходится без особых инцидентов. Некоторое возбуждение на улицах и усиленные наряды полиции и gardes municipaux*. Был в Сорбонне и работал над вопросом о влиянии Жорж Занд на русских писателей. Нашел у букинистов много интересных книг о России, но ни одной не купил, так как не имел ни копейки с собой. Мать читала нам вечером «Подростка». Сыро, холодно, не похоже на весеннюю погоду.

Вторник, 19 апреля/2 мая.

Вчерашний день прошел хорошо. Архимандрита Сергия назначили в Вену. Как он там поладит с прихожанами? Союзники все играют с большевиками и стараются им льстить и лежат перед ними ниц. Отец был на заседании и докладывал о поездке в Берлин, а мы вчетвером были на лекции Кибальчича о русской церковной музыке. Василий Федорович сказал много интересного и после лекции демонстрировал сперва один знаменный распев, а потом с хором несколько произведений самых различных авторов. В прениях приняли живое участие Н.С.Рузский, И.И.Манухин и И.П.Демидов. Хор пел хорошо, но, как и можно было ожидать, «во Царствии Твоем», написанное в старом русском духе (как пели бандуристы и слепцы), не понравилось некоторым слушателям, и пошли говорить, что нельзя петь похоже на «Эй, ухнем». Кибальчич был несколько односторонен и отвергал всех композиторов с иностранным влиянием. Самое лучшее, чтобы было разнообразие и были и русские, и другие произведения. Народу было очень много и даже пришел протодиакон. Вернулись с 11-часовым поездом домой.

---

* муниципальная гвардия (*фр.*)

Среда, 20 апреля/3 мая.

Поехал на похороны Дешанеля. Процессия уже вышла из его дома и шла вдоль avenue Malakoff. Народу было очень много, особенно против церкви (chapelle) на avenue. Полиция сгоняла публику с улицы, но новые подходившие все равно все занимали. Place Victor Hugo и все кругом было черно, так все хотели посмотреть на процессию. В последний момент изменили маршрут и пошли к Трокадеро и по avenue Wilson. Служба продолжалась очень долго, до 12 1/4, благодаря выражениям сочувствия семье. К этому времени вдоль avenue встали войска под командой генерала. Шел дождь, и официальные лица в мундирах очень мокли. Пуанкаре уехал раньше на автомобиле. Были Loubet, Fallieres, Foch, Franchet d'Esperet, Leon Bourgeois, Raoul Peret, A. Ribot, академики, министры, сенаторы, депутаты. Я мало видел из-за толпы и поэтому пошел на avenue Wilson и ждал, пока подойдет шествие. Многие также успели туда прийти, но большинство, не зная, что изменили маршрут, остались на Victor Hugo. Видел все хорошо, народа было мало, стояли даже с большими промежутками. Впереди шли полицейские, прочищавшие дорогу, затем пехота под командой генерала, затем колесница с венками от Президента Республики, правительства, от Бельгии, города Парижа, от Eure et Loire*. Затем в коляске ехал настоятель St. Honoré d'Eylau, колесница с гробом, запряженная всего двумя лошадьми, затем человек, несший на подушке Grand cordon de la Légion d'honneur**, затем трое детей Дешанеля, которые шли очень смущенно, немного потерявшись из-за толпы. За ними шли почетные лица. По бокам колесницы, вдоль шествия, шли солдаты с опущенными вниз штыками, а барабаны были затянуты крепом. Затем шла кавалерия и артиллерия. Я прошел вместе с процессией до Pont d'Alma. Когда начало процессии доходило до Ecole Militaire***, конец был еще на avenue Wilson. Вечером ездил к Оману. Вода все подымается и затопила Парижский порт.

---

* Эр и Луары (департаменты Франции)

* Орденская лента Почетного легиона.

** Военная академия

21 апреля/4 мая, четверг.

После обеда была лекция Кульмана. Собралось на этот раз 18 человек. После того был на лекциях Омана. Вечером были в Opera на концерте Кусевицкого. Первая часть посвящена была Генделю, Бетховену и Скарлатти. Оркестр очень хороший, более 100 человек. Рояль недостаточно сильный для столь большой аудитории. Кусевицкий слишком суетится и жестикулирует руками. Второе отделение состояло из произведений новых композиторов: Мильо, де Фалла и других. Концерто Мильо необычайно бездарно и неблагозвучно. Было много русских: Кривошеин, Андрусовы, Кульманы, Вальневы. Леонович пришел и сел в 12 франковых местах. Он выглядит совсем больным.

22 апреля/5 мая, пятница.

Ездил записываться на экзамены по littératures modernes comparées. Наконец, вышли программы certificats. Служащий в секретариате необычайно со мной любезен и очень симпатичен. Приехал Миша Гончаров и был у нас.

23 апреля/6 мая, суббота.

В среду хиротонисали abbé Chaptal в Notre Dame в одно время с похоронами Дешанеля. Я купил билеты на следующий концерт Кусевицкого. В 3 поехал к Марченко, и с ней и Графчиком отправились к А.Ф.Онегину. Он живет на 25, rue Marigna в rez de chaussée*, особый вход[20]. Когда звонят к нему, он приоткрывает окошечко и смотрит, кто идет, и если нежелательный гость, то не впускает. Музей, в котором он живет, состоит из двух комнат и передней. В ней также лежат книги. Немедленно при входе пока никто не сказал еще ни слова, Онегин предупреждает, чтобы никто ничего не трогал. Сперва показал нам книги, полученные им из Петрограда. Интересно сочинение Платонова 1922 года о Борисе Годунове[21]. Напечатано хорошо, на великолепной бумаге. Затем осмотрели весь музей. Собственноручные бумаги и рукописи Пушкина, все издания на всех языках в музейно-роскошных переплетах, в замечательном состоянии. Картины Брюллова, Бруни (Пушкин на смертном одре), рисунки Лермонтова, Пушкина, Гёте (все

* первый этаж

оригинальные и собственноручные). Письма разных великих русских людей. Сохраняется все им одним, он перебирает, вытирает сам пыль и живет один, без прислуги. Под конец, когда Александр Федорович очень устал, он разрешил мне вынуть одно издание «Евгения Онегина», футляр которого уже представляет великолепный красный сафьяновый переплет, а книга завернута в шелк. Переплет внутри весь отделан эмалью по коже. Я ему, вероятно, очень понравился, так как это в первый раз он дает дотронуться до сокровищ.

24 апреля/7 мая, воскресенье.

Погода прекрасная, первый летний день. Сена достигла максимума. Были в церкви. Мать поехала к Муравьевым, отец — к Ройбулю. Максим, Графчик и Миша были в Salon'е. Мережковский написал протест против действий Папы.

25 апреля/8 мая, понедельник.

Поехал рано в Париж вносить плату за licence и экзамены. Видел много интересного на quai Voltaire, особенно один рисунок, изображающий нескольких русских епископов и митрофорных протоиереев и герольдмейстера. Часов в 5 приехала Троилина, страшно уставшая и необычайно взволнованная. Оказалось, что она думает, что ее преследуют повсюду масоны. Ей рекомендовали знакомые одну корсиканку, живущую в Булони, которая ее радушно и приветливо приняла, но Троилиной показалось, что она ее «шпионирует», а, между тем, это ей только показалось с дороги. После плохо проведенной ночи из-за беспокойств она ушла от хозяйки и боялась вернуться. Я по просьбе матери проводил ее до дома и взял у нее некоторые вещи, но по всему видно, что у нее на нервной почве развилась мания преследования. Ей кажется, что все за ней следят и делают друг другу какие-то знаки.

26 апреля/9 мая, вторник.

Утром поехал за Троилиной в Булонь, чтобы проводить до Gare de l'Est. Она ужасно боялась метро. Ночью ей показалось, что кто-то лезет в квартиру. Я ее проводил на вокзал, а оттуда привез в Медон к нам, где она обедала. Троилина в родстве с Петром Сергеевичем Волконским и много рассказывала интересного. Отец ее проводил в комиссионный магазин, где заведу-

ет ген. Гулевич. После обеда я ходил к m-lle Dugard. Она недовольна моим сочинением о Руссо, потому что в нем неясно расположены мысли. Вечером был на докладе Карташева. Был протоиерей Георгий Спасский, главный морской священник, приехавший из Бизерты. Собралось много народу. Лекция была очень интересная для любителей церковной службы.

27 апреля/10 мая, среда.

Утром сидели дома. Погода прекрасная. Был на первой лекции Омана по русской литературе XVIII века. Отдал ему свое сочинение. Преполовение Пятидесятницы. Графчик был в церкви на литургии и водоосвящении.

28 апреля/11 мая, четверг.

Погода резко переменилась, холодно, дождь. Оман вернул мое сочинение. Недоволен несоразмерностью частей. Очень жалко; в общем, при разборе нашел, что мысли все правильны и что придираться не к чему. На лекции Кульмана было больше двадцати человек. Все очень заинтересовались темой заговоров у разных племен и народов. Вечером был на гала-концерте Кусевицкого в «Опера́». Французы все время кричали «épatant», «magnifique», «charmant»*. Особенно понравился «Гопак». «Хованщина», конечно, очень потеряла без игры, декораций и костюмов. Голоса, кроме баса, слабые. Хоры громадные. Вся программа была посвящена Мусоргскому: «Ночь на Лысой Горе», «Сорочинская ярмарка», одна картина 4-го действия и все третье действие из оперы «Хованщина». Вечером отец сообщил, что Святейшего Патриарха допрашивали как свидетеля, называли гражданином Белавиным и, наконец, причислили к обвиняемым в противодействии ограблению и осквернению церквей[22]. Патриарх наша единственная надежда. Сохрани его Бог от несчастий. Только на нем и держится русское единство. «Temps» напечатал дословно телеграмму о допросе Святейшего Патриарха.

29 апреля/12 мая, пятница.

Дождь. Католики подписали окончательно соглашение с большевиками. Сидел дома, а Графчик был в Тургеневской

* «шикарно», «великолепно», «прелестно» (*фр.*)

библиотеке. Утром заходил Бистром. Он получил неважное место.

30 апреля/13 мая, суббота.

«Последние новости» поместили сообщение о Святейшем патриархе и о допросе. Заезжал в библиотеку и взял книжку А.Н.Толстого. Были в церкви у всенощной.

1/14 мая, воскресенье.

В «Journal» помещена статья об ограблении церквей с портретом Святейшего патриарха. Сегодня праздник Jeanne d'Arc*. У статуи сооружена целая постройка, украшенная цветами. На площади Saint Sulpice построена над фонтаном des quatres orateurs** средневековая Башня, и вокруг устроилась ярмарка. Я заходил на выставку маршалов Франции. Очень много интересного, относящегося, главным образом, к Наполеону и Légion d'honneur. Масса вещей и воспоминаний о королевской Франции. Старые ордена, книги, портреты, письма, печати; шпаги, поднесенные разными странами и городами маршалу Фошу. Максим и Графчик были на выставке японских рисунков. Из Tuileries выпускают воздушные шары с любителями. Кто опустится последним — получает приз. Погода как нельзя лучше: солнце, жарко.

2/15 мая, понедельник.

Приехали Мигулины, Петр Петрович и Вера Ивановна, и завтра будут у нас обедать. Утром разбил чашку матери, ужасно жалко. Купил две книжки о России. Вечером еще сломал одну чашку, прямо не везет: в один день. Отчет об ограблении церквей ужасен. Все верили, что народ не допустит до своих святынь, но кроме стычек с женщинами сильного противодействия нет (судя по сведениям). Ужасно пал русский народ. Предоставляет осквернять свои святыни и убивает собственных детей, боясь уничтожить комиссаров. Неужели суждено погибнуть русскому народу? Продал он себя за полдесятины, а расплачивается горько. Страшно. Ничего не видно впереди! Одна надежда на чудо Господне.

---

* Жанны д'Арк (*фр.*)

** четырех ораторов (*фр.*)

3/16 мая, вторник.

Мои именины. Погода хорошая, но настроение скверное. Мать и отец подарили мне денег и золотые запонки. Графчик и Максим — шоколад. К обеду были Мигулины, которые принесли коробку пирожков от Rumpelmeyer'a. Обед прошел оживленно; пили малагу, мать сделала шницель по-венски и спекла сладкий пирог. После обеда я заезжал в Сорбонну. По дороге купил книгу о России в двух томах. Забегал на несколько минут к m-lle Dugard и беседовал с ней о политике и о книгах. Вечером все были на докладе протоирея Г.Спасского, рассказывавшего о жизни в Бизерте, о братствах, устроенных им на кораблях и в морском кадетском корпусе. Отец Георгий — благочинный; кроме него там 6 священников. На доклад Федорова о Правде Божией и справедливости человеческой никто не остался, так как было 10 1/2 часов. Делаю выписки из книги о России Омана и о Жорж Занд.

4/17 мая, среда.

Вчера купил замечательную книгу Роберта Вильямса о последних днях Царской Семьи[23]. Рукопись перевода пропала в типографии и автору пришлось вновь восстановить текст. Кардинал Dubois вызвал к себе Александра Федоровича Трепова и спрашивал о впечатлении, произведенном на русских соглашением Папы с большевиками. Трепов высказался очень резко против; кардинал просил напечатать протест, но Трепов сказал, что это печатать нельзя, ибо нельзя бранить Папу, являющегося главой одной из христианских Церквей, так как это может вызвать насмешки со стороны враждебных партий. Я был на лекции Омана о Радищеве и читал его книгу «Русское Единство»[24]. Вчера был на Foire* Saint Germaine. Очень забавно, продавцы одеты в костюмы времен Франциска I, маги дают сеанс гаданий, примитивный оркестр, ожившая старая традиция.

5/18 мая, четверг.

После обеда — на лекции проф. Кульмана. От 4-х часов до 3/4 пятого он с нами беседовал о французском романтизме и как его понимали в России, в частности, Пушкин и П.А.Вяземский. Купил два номера журнала «Etudes», в которых напеча-

* ярмарка (*фр.*)

тана длинная статья Петра Павловича Ганского. Он, по видимости, уже перешел в католичество, так как прямо заявляет о необходимости объединяться вокруг Римского Папы. В книге Odette Kenn описаны переживания в Совдепии. После всех ужасов, от которых волосы становятся дыбом, автор заключает: «А все-таки большевики хороши. Они не могут сделать ничего хорошего, но им нужно указать, и они послушают» (?!)

6/19 мая, пятница.

Вчера в совете были бесконечные споры о псаломщиках. Решили отложить все дело до осени (?!), несмотря на протесты благоразумных членов прихода. После обеда я с Графчиком были на концерте Трухановой и Кибальчича. Сперва хор исполнил несколько священных песнопений, а затем, по неудачному составлению программы, были сразу танцы. «Верую» Гречанинова хор спел очень хорошо. Были русские песни, соло скрипки, рояль; пианист играет с душой. Танцы были хорошо поставлены; впрочем, танцевала, кроме последнего номера, все одна Н.Труханова. Семь раз она меняла костюмы. Особенно удачен был последний танец.

7/20 мая, суббота.

Утром в «Последних новостях» напечатано непонятное и, наверное, лживое сообщение об отречении Патриарха. Газета помещает известие без комментариев об этом новом ужасном насилии большевиков над Церковью. Были в церкви на всенощной. Народу очень уменьшилось. Протодиакон болен.

8/21 мая, воскресенье.

После обедни служили молебен о здравии Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея Руси. Выходили 4 священника. Отец настоятель прочел молитву об избавлении Патриарха. Была панихида по Государю, на которую из-за отсутствия объявления пришло мало народа. Дома приготовляли стол. К 4-м часам стали приезжать гости: молодой Оноприенко, двое Рошфоров, двое Гулевич, Катя Метальникова, Муня Щербачева, Нина Гронская, двое Муравьевых, Алеша и Костя Суковкины, двое Смирновых и их родители, Кувардин и, наконец, Петр Сергеевич Порховщиков, неожиданный и давно не виданный гость. После чая ходили на террасу и в медонский лес. Жара нестерпимая. Петр Сергеевич остался ужинать.

9/22 мая, понедельник.

«Последние новости» печатают подробности отречения Патриарха Тихона, совершенно неправдоподобные, но возможные под насилием большевиков. Утром были на обедне, праздник перенесения мощей Святителя Николая Чудотворца. Вчера некому было пономарить, да к тому же и диакон все болен. Жара, духота! Сидим дома. Кончал сочинение о Жорж Занд и читал о французском романтизме и его предшественниках.

10/23 мая, вторник.

Был у m-lle Dugard на «уроке» и просидел 3 часа. Вечером отец и я были в посольстве на докладе Антона Владимировича Карташева о соглашении католиков с большевиками и о Патриархе. По канонам, Святейший Патриарх не может оставить по своей воле престола, его может освободить от управления Русской Церковью только Собор. Патриарху Никону было поставлено в обвинение оставление им патриаршего престола. Женевская протестантская церковь составила и направила во все церкви протест против ареста Патриарха[25] и соглашения Папы с большевиками. В Берлине все организации объединились для протеста по поводу ареста Патриарха, начиная от правых и кончая еврейским комитетом. Много рассказывал Антон Владимирович о Святейшем Патриархе по личным воспоминаниям.

11/24 мая, среда.

Утром был в церкви. Мало прихожан. Пел один Фирсов. Оман читал об Иване Андреевиче Крылове: час биографию и полчаса разбирал произведения. Всенощную служил о. Николай и протодиакон. Отец Иаков уезжал на похороны в Vichy. Отец протодиакон получил письмо (от начала мая) от патриаршего архидиакона Розова. Живется ему не очень плохо, но похудел он на два пуда с половиной. 27 сентября 1921 года праздновали его юбилей. В Храме Христа Спасителя служил Святейший Патриарх и 5 архиепископов. Было 6 хоров под управлением Чеснокова и Данилова; поднесли 17 адресов. Пишет о многих, которые живы, а про убитых писать не полагается.

12/25 мая, четверг. Вознесение Господне.

Были в церкви. Служили о. Иаков, о. Николай, о. Гавриил и протодиакон. Мы пономарили втроем с Сережей Третьяковым. Погода прекрасная. Сделал два снимка: снял отца Гаврила Леончукова и церковь с людьми (на паперти). Приехали Чистяков и кн. Гавриил Константинович с женой. Спешили после обеда домой, было необычайное отсутствие людей в поездах. В 3 часа пришел Петр Сергеевич Порховщиков. Мать приготовила земляничный крюшон. Пили чай. Были проф. Patomllat с женой, Николай Николаевич Головин, Муравьев, m-me Morin, ген. Яковлев с женой, Анцыферовы, Китти Щербачева, Чистяков с женой, В.Д.Кузьмин-Караваев, Оноприенко с женой, В.М.Марченко с племянником, Андрусовы, Кульман с женой. С большим опозданием пришел ген. Марченко. Мигулины не могли приехать, так как взорвался чайник и ошпарил руку и голову Петру Петровичу. Когда все уже ушли, пришли Гронские вдвоем, они ждали Анцыферовых, чтобы вместе идти к нам. Сегодня было 25 гостей. Отец ездил на Приходский совет, а я переписывал сочинение. Легли очень поздно.

13/26 мая, пятница.

Отец Иаков на совете равнодушным тоном упомянул о «бывшем Патриархе». Отец вскочил и сказал, что не позволяет в присутствии совета так говорить о Святейшем, который наш архипастырь и глава. Совет горячо поддержал. Митрополит приезжает в субботу. В течение шести часов сидел в Сорбонне. Занимаюсь сравнением философии Руссо и Толстого. Отец поехал к Карташеву и Брянчанинову. В «Новом времени» напечатано, что большевики хотели отравить Патриарха и с поваром из ЧК прислали отравленный обед. Но Бог спас Святейшего. В этот день к Патриарху приехал по следственному делу комиссар, который, по просьбе Святейшего, остался с ним пообедать. Патриарх взял от первого блюда, а комиссар съел все блюда и отравился. Патриарх остался здоров и невредим.

14/27 мая, суббота.

Необычайные преследования русских в Болгарии. Арестовали ген. Кутепова[26], которому начальник болгарской охраны сказал на честное слово, что его не арестуют. Когда он пришел

его арестовать, генерал Кутепов вынул револьвер и положил его на стол. Болгарин недоумевающе сказал ему, что не принято отдавать оружие. «Да, — ответил Кутепов, — я не для этого, но долг всякого честного офицера, не сдержавшего свое слово, пустить себе пулю в лоб». Большевики поместили в «Правде» воззвание 5-ти священников (на всю Россию!) и епископа Антонина[27] (бывшего цензора) о признании комиссаров, пекущихся о благе русского народа и защищающих его от контрреволюции, и просящих комиссаров соблаговолить созвать собор для выбора нового Патриарха, который бы их признал. После обеда я был в Сорбонне. Первая лекция Карташева по истории Русской Церкви и об источниках ее изучения. Собралось 14 человек: Графчик, Кульман с женой, Гронский, Андрусов, Кривошеин и несколько неизвестных мне людей. На лекции Елисеева о японском романе XIX и XX веков было всего два человека, хотя он читал по-французски. Амфитеатр Quinet, хотя небольшой, но все же поместительный. Кафедра немного высокая, и все скамейки внизу. Митрополит приехал, но сегодня не служил. В Ницце посвятили в стихарь Всеволода Палашковского. Очень правильно, ибо он необычайно старался. Прислуживающих в Ницце было много. Отец вечером в посольстве на заседании всех русских организаций для протеста против ареста Святейшего Патриарха Тихона.

15/28 мая, воскресенье.

Вчерашнее заседание прошло хорошо: объединились в протест против ареста Патриарха от крайних правых до кадетов. Утром служил митрополит Евлогий с 4-мя священниками. Читали особые прошения на сугубой ектении об укреплении Церкви и Святейшего Патриарха, а митрополит читал молитву. После обедни владыка говорил проповедь о Святейшем. В 3 часа была свадьба Сережи Шидловского. Мы только успели пообедать в «Ministères» и вернуться в церковь. Максим, Сережа и я пономарили, а Графчик читал Апостола. Митрополит сам служил молебен и говорил речь. Все прошло необычайно торжественно. Немедленно после свадьбы было Приходское собрание. Митрополит служил молебен и сказал слово. Говорили Карташев, Аметистов, Свечин, Чистяков и отец. Ганский выступает в защиту католиков, а Крупенский его опровергнул. Глушков сделал непонятно-бессмысленное заявление о посылке телеграммы от больной Русской Церкви Евхаристическому

Конгрессу в Риме, чтобы просить исцеления от напасти (?). Большинством всех против его собственного голоса оно было отвергнуто. Решили послать призыв Высшему Церковному Управлению с просьбой обратиться к главам христианских Церквей написать о призыве христианским государствам и всем правительствам, к печати и общественному мнению, просить Восточных Патриархов сказать во всеуслышание о незаконности насилия над Патриархом Тихоном и обратиться с увещанием к еп. Антонину и священникам-бунтарям против Святейшего. К нам заходил Михаил Федорович Гончаров и рассказывал о ниццких приходских делах и вообще о жизни русских. Мать и Графчик поехали к Шамие с визитом, а отец — на заседание. В «Times» помещена прекрасная статья о Святейшем Патриархе.

16/29 мая, понедельник.

Сведения об отречении Святейшего Патриарха опровергаются. Я ездил в Париж и просидел до вечера в Сорбонне. В России большевики, по слухам, готовятся к отступлению (?): минируют в Москве мосты и казенные здания и хотят хлопнуть дверью при бегстве (?). Преследования духовенства продолжаются. Святейшего арестовали, и он изолирован. К нему никого не допускают. Отрекаться все же Патриах не предполагает и твердо стоит на защите веры православной. Бунтовщики желают созвать совсем неканонический собор, недопустимый без указа Патриарха. Бог даст, все поймут, что это — не Всероссийский собор.

17/30 мая, вторник.

После обеда были занятия по сравнительной литературе. Мало что сделали, подвигаемся черепашьим ходом. Вечером было собрание кружка, говорил митрополит Евлогий, очень уныло и удрученно; после перерыва выступил И.П.Демидов и высказал мнение, что корень зла лежит глубоко. Когда Петр Великий уничтожил патриаршество, русские не протестовали против беззакония. За двести лет все привыкли жить без духовного главы и поэтому теперь недостаточно еще сознательны и не понимают важности для России сохранения Святейшего Тихона. В новой России, если Бог даст, нужно будет опять бороться за великую идею единства Церкви и отстаивать ее от посягательств светской власти. После Демидова говорил

отец. По мнению отца, католики отклонились от первоначальной дороги и пошли назад. Он рассказал о совещании в 1919 году. Ганский выступил с великим мужеством в защиту католиков и говорил, что они действуют из чувства христианской любви, а не для завоеваний, и что соглашения с большевиками не было. Затем говорил Д.С.Мережковский, который сначала согласился с Ганским, но потом великолепно сказал о Церкви Западной и Восточной: «Что такое свобода слова? Это изобретение дьявола, а католики требуют ее для России. Западная Церковь должна опомниться и поклониться земно и с покаянием Восточной и Русской, в частности, Церкви». Демидов говорил, что теперешнее соглашение — вторая Каносса, ибо тогда представилось большое искушение в виде пришедшей с веревкой на шее светской власти, а теперь Папа хочет против заветов Христа, зарясь на власть, подать руку Антихристу на радость дьяволу. Достоевский недаром сказал ужасное слово, что Католическая Церковь — антихристова. Антон Владимирович Карташев после долгих упрашиваний, также согласился сказать несколько слов. По его мнению, католическая церковь потеряла половину благодати, когда запретила вкушать Кровь Христову мирянам, против завета Спасителя, а теперь теряет и остаток своей благодати, ибо греки перекрещивают католиков, считая их таинства недействительными. Благодать Святого Духа покинула их. Речи необычайно подняли дух собрания, особенно митрополита.

18/31 мая, среда.

Как мне помнится, собор собирается в прежнем составе, но нужно будет проверить. Новый собор будет совсем недействительным. Утром акафист служил митрополит с 4-мя священниками и двумя диаконами. Сегодня в семь часов он уезжает в Копенгаген, а оттуда — в Берлин. Отец был на заседании комиссии при Приходском совете для выработки мер привлечения в приход и усиления и оживления его деятельности. Был у Омана, который нам читал о Карамзине. Завтра будет известно, кто прошел на письменных экзаменах для Certificat d'Etudes Françaises. Бог даст, Кувардин выдержит. Получил от Бори Лихачева длинное послание с объяснением событий в Обществе национальной молодежи в Ницце. «Новое время» помещает недопустимые статьи по поводу Святейшего Патриарха. Ни слова упрека большевикам и выражения скорби по поводу

ареста. Высшее Церковное Управление молчит. Архиепископ Анастасий самостоятельно обратился к архиепископу Кентерберийскому с просьбой, чтобы он протестовал против ареста Патриарха. Во всей Англии служатся молебны о здравии и спасении Святейшего и о прекращении гонений и внесен запрос в Палату Общин, пока получивший отказ от английских министров.

19 мая/1 июня, четверг.

Утром пришла Траилина. По уставу, выработанному Собором, власть в Русской Церкви принадлежит Патриарху и созываемому им периодическому Собору. В уставе предусмотрены случаи изъятия ценностей и свобода совести. Все противящиеся теперь Патриарху уже тем самым отщепенцы и должны быть извержены, а миряне отлучены. Поэтому Собор, набранный бунтовщиком Антонином, заранее должен быть признан не имеющим никакого канонического значения. Был на лекциях Омана, который вернул кандидатское сочинение о Жорж Занд в России.

20 мая/2 июня, пятница.

Занимались в течение 4 1/2 часов и с трудом окончили рассмотрение вопроса о Руссо и Толстом. Кувардин, к великому сожалению, провалился.

21 мая/3 июня, суббота.

Утром сидел дома. Были вдвоем на лекции Карташева. Вечером были на всенощной. Служили о. Иаков и о. Николай. Князь М.С.Путятин распространяет по Парижу мнение, что нужно подчиниться решениям лже-собора, даже если он выберет в патриархи Антонина. Об этом епископе графиня С.С.Игнатьева, говорит, что он в Сергиевской Пустыни устраивал каждую неделю попойки и вообще вел себя недостойно и отвратительно.

22 мая/4 июня, воскресенье. День Святой Троицы.

Против ожиданий — день солнечный и жаркий. В церкви народу мало к началу, но после службы нельзя протискаться по двору. Когда я благовестил, сорвался канат с большого колокола и упал вниз. Пришлось продолжать звон маленьким колоколом.

У нас обедал Кондратенко, сын Романа Егоровича из Волоконовки, но он ничего не знает и позабыл даже имена многих знакомых. Вскоре пришел Миша Шамие. В 5 часов, как и предупреждал, пришел француз, председатель Cercle d'Etudiants Chrétiens* A. Miroglio. В течение двух часов он излагал мне в саду основные положения союза и результаты, которые достигнуты до сих пор. По-моему мнению, результатов евангелизации никаких не видно. Только протестантские беседы, пение и привлечение неверующих, без вразумления и обогащения их верой. Они даже приняли евреев, неверующих атеистов, но сочувствующих союзу, без мысли приведения их к вере. Все это мне не по душе. Зачем тогда называться «Cercle Chrétien»? Вечером мы были в Grand Opera на «Фаусте». Декорации — ничего, только слишком заметны доски и швы прорезей. Играли очень хорошо. Балет первоклассный. Мы сидели в 5-eme Loges**, но видели все очень хорошо. Наивно был представлен рай в последнем действии. Архиепископ Кентерберийский распорядился читать во всех церквях прекрасную молитву о здравии Святейшего Патриарха. Митрополит Антоний, не стесняясь выражениями, высказался об отрешенном епископе Антонине и бунтовщиках из духовенства.

23 мая/5 июня, понедельник. День Святого Духа.

В нижней церкви — храмовый праздник. Служил о. Николай. Мы прислуживали. Народу было так много, что полна была лестница, а многие ушли, не зная, что служба внизу. После обеда занимался дома, читал о баснях Дмитриева и книгу Вогюэ. Приходил Костя Суковкин и просидел до вечера. Мы были у Шидловских, у которых большое собрание: Мещериновы, Екатерина Николаевна с мужем, Лиля [Шидловская] с мужем, Карсов, Скерст, Орлова-Денисова, Юра, Ирина Левшина с матерью, три сестры кн. Львовы, кн. Масальская и еще два-три человека. Нас, как молодежь, напоили чаем заранее и отправили обратно в гостиную. Квартира хорошая, но спят в каждой комнате из-за многочисленности семейства.

---

*Кружок студентов христиан.

** «пятой ложе» (*фр.*)

24 мая/6 июня, вторник.

В городе слухи о тяжелом положении Ленина, но это продолжается уже пять лет, и больше не доверяешь сведениям. Был у m-lle Dugard и занимался французским романтизмом. Фотографии вышли хорошо, особенно вид на Париж с террасы. Приходили какие-то два человека, искали отца, были удручены его отсутствием. Вечером мать, Максим и Графчик были на лекции М.С.Путятина. Лектор показал незнание предмета и необработанность темы. «Russian Liberation Commetee» в Лондоне напечатал прекрасное сообщение о гонении на Святейшего Патриарха и ограблении церквей.

25 мая/7 июня, среда.

Американская церковь обратилась к Ленину с протестом по поводу ареста Патриарха. «Matin» (очевидно, на большевистские деньги) написал статью против Врангеля, представляющую ложь с первого до последнего слова. Утром сидел дома, после обеда был на общем уроке студенческой группы. Экзамены в среду, через три недели.

26 мая/8 июня, четверг.

Лекция Николая Карловича [Кульмана] была очень интересна. В «Русской мысли» П.Б.Струве несколько замечательных статей: «О религиозно-нравственном возрождении в России» Александра Соколовского, о стихотворениях Максимилиана Волошина и очерк «Дни» Шульгина (первая революция и еврейский погром в Киеве). Отрадное чувство вызвали эти прекрасные страницы толстого журнала, которые укрепляют уверенность в том, что не погиб нравственно и духовно русский народ и что он воскреснет.

27 мая/9 июня, пятница.

Утром сидели дома. В два часа были занятия держащих экзамены по сравнительной литературе. Прошли влияние романтизма. Борис Лихачев приезжает в Париж на два дня по делам Общества.

28 мая/10 июня, суббота.

Были на лекции Антона Владимировича [Карташева], который читал о проповеди Апостола Андрея Первозванного,

причем он склоняется к признанию справедливости сведений о проповеди на русской территории. Я позабыл пальто в Сорбонне и пришлось среди лекции Шестова вторгаться, чтобы взять его. Были у всенощной. В «Новом времени» напечатано воззвание-обращение Святейшего Патриарха. В «Exelcior» помещена заметка, что Святейший Тихон приговорен вместе с епископом Алексием к 3-м годам тюрьмы (?). «Руль»[28] напечатал письмо из России, где говорится, что священники, которые подписались под воззванием еп.Антонина, были принуждены угрозой, что в противном случае будет расстрелян Патриарх. Некоторые отказались, но их подписи все же поставлены подложным способом. Священников, от которых комиссары требовали отречения от Патриарха, все же убили. Бунтовщическое собрание, именуемое церковным советом, замещено и пополнено большевиками светскими лицами (?!).

29 мая/11 июня, воскресенье.

Были у обедни. Показывал, как нужно прислуживать, Саше Нелидову; он знает довольно хорошо, потому что в церкви стоял всегда впереди. Диакон уезжает в отпуск. Татищев сообщил отцу, что экзаменационная комиссия отказала в прошении, и что Графчику надо держать все экзамены с начала. Отец и мать страшно удручены. Это нехорошо со стороны всех учителей и Недачина. Они ведут кампанию против отца и делают ему неприятности. Не предупредили Татищева о прошении до заседания, а отцу не сказали, что комиссия, вместо Де Латура, пригласила Татищева. Просто возмутительно. К счастью, настроение улучшилось с приездом Миши и Екатерины Антоновны Шамие, выяснившей, что прошение совсем не было прочитано; поэтому, может быть, удастся через Татищева, если будет удостоверение П.Н.Игнатьева, что прецеденты в России были, освободить от устных экзаменов. Милюков написал прекрасный протест в «Последних новостях» против гонений на Православную Церковь и ареста Патриарха Тихона. В газетах напечатано сообщение о смерти Ленина (?). Что-то не верится.

30 мая/12 июня, понедельник.

В Петербурге вскрыты и ограблены царские гробницы[29]. Украли серебряный гроб Анны Иоанновны, взяли драгоценности из гробницы Екатерины II, но когда открыли гроб Петра Великого, то увидели, что тело его нетленно, и, как прибавляет

письмо, Петр Великий поднял руку и погрозил грабителям. Гроб Александра I оказался пустым, и этим разъяснилась таинственная история ухода Александра I: значит, он умер в Сибири под видом Федора Кузьмича. Гроб Павла I солдаты отказались вскрыть, так как «он святой» (!). У нас 5 императоров, чтимых народом: Павел I, Александр II, «убитый богатыми», по народному поверью, потому что освободил крестьян, Николай II — мученик, которого идентифицируют в русских песнях 1920–21 г. с Николаем Угодником, Петр Великий и Александр I-ый, ушедший для покаяния и спасения души в Сибирь. Сегодня 250 лет со дня рождения имп[ератора] Петра Великого, но никто об этом не вспоминает.

31 мая/13 июня, вторник. Муч. Философа.

Именины прот. Орнатского. Занимались приготовлением планов для сочинений, которые, по всей вероятности, могут быть на экзамене. К нам заезжали Иван Илиодорович Шидловский с женой. Вечером была последняя лекция в посольстве. Карташев читал о пасхальном богослужении и особенно обратил внимание на значение молчания (отсутствия пения) во время христосования (?). В общем, год прошел очень плодотворно, лекции были разнообразны и поучительны, и аудитория была заинтересована тем, на что прежде не обращала внимание. У нас летом, может быть, как пансионер будет жить Васька Левшин. Его родители с бабушкой переселяются на маленькую квартиру, а детей на лето помещают к знакомым и очень просят нас взять Ваську к себе. Мать согласилась.

1/14 июня, среда.

Дождь. Я с трудом добежал до Сорбонны. Оман читал о Батюшкове и, по нашей просьбе, согласился не считать орфографических ошибок, если мы будем писать по-французски. В Медоне было наводнение, залило несколько домов водой, шедшей с горы после ливней последних дней. Один француз спас из воды 4-х женщин, о чем объявляется в газетах и вывешено даже около писчебумажной лавки. Несколько семейств осталось без крова, и мэрия не нашла средств для помощи пострадавшим жителям. Вышло воззвание к христианскому миру, переведенное В.И.Гурко, подписанное 17-ю организациями и многими частными лицами (причем позабыли кн. Г.Львова).

2/15 июня, четверг.

Пишу сочинение о моральном достоинстве басней Лафонтена и о религиозных воззрениях Толстого и Руссо. Все возмущены Н.Н.Кноррингом (преподаватель в Морском корпусе в Бизерте), который на своей лекции неприлично отзывался об имп[ераторе] Александре I. Вся публика, состоявшая, главным образом, из кадет, покинула зал, а одна дама стала протестовать. Она пошла жаловаться командующему флотом адмиралу Герасимову; ученикам сделан выговор, ротного командира уволили, а даму французские власти выслали (?). В «Последних новостях» статья, в которой ругают и обвиняют Святейшего Патриарха в малодушии и нежелании идти на мученичество. Была последняя лекция Омана. Он говорил о русском характере, идущем во всем до крайности. Высказывал надежды о будущем России.

3/16 июня, пятница.

Составлял планы сочинений о Jean Jacques Rousseau*. У нас в Сорбонне столпотворение. Уже начались экзамены. Пришло много для кандидатов бакалавра, хотя он начинается в среду. Все залы заняты и коридоры полны народа.

4/17 июня, суббота.

Графчику вчера дали как сочинение тему «Русская комедия». Написал довольно хорошо. Сегодня у него французский экзамен. Была последняя лекция Карташева, собралось 7 человек (с профессором включительно). Вечером были в церкви. Отец получил кредит на ниццкие лицеи от Министерства иностранных дел.

5/18 июня, воскресенье.

Получили письма из Петрограда от Елены Васильевны Пономаревой, Анатолия Федоровича Кони и Шуриновых. Я получил приглашение от проф. Омана на чай в четверг, в 9 часов. В газете «Последние новости» написано, что бунтовщическое собрание в Москве отлучило от Церкви всех участников Карловацкого Собора и посвятило двух женатых епископов. Настоящая вакханалия, но зато всем видно, что она — от дьявола.

* Жан Жак Руссо.

Было много гостей. Первой пришла В.В.Неклюдова с молодым Отманом де Вилье, а немного позже — Невахович. Затем пришел товарищ Максима по Пажескому корпусу Ланской и Михаил Михаилович Федоров. Кроме того, у нас был д-р Протасьев, М.Л.Киндяков, генерал Ю.Данилов, В.Я. Чистяков и Т.А.Аметистов. Все сидели большею частью в саду. Ходили на террасу. Графчик был у Е.А.Шамие, у которой приготовлялся к письменной работе по математике. Из писем узнали, что Шуриновы благополучно приехали в Петроград и поселились в Басковом переулке, что тетя Маруся Маркова здорова, но за штатом и не получает своего пайка, что Люша и все Леонтьевы живы, посылка получена, и Анатолий Феодорович [Кони] поделился со всеми. Он очень состарился, но читает все время лекции, хотя лошадь ему больше не дают и приходится ходить пешком.

6/19 июня, понедельник.

У Графчика первый экзамен по математике. Проходя по quaie Voltaire, увидел у одного торговца фотографии очень большого формата храма в Борках и часовни на месте крушения. Исполнены хорошо, виден государь, государыня, великие князья и почетные лица, институтки, монахини и хор певчих. Купил 4 фотографии по 50 см. Удивительно, откуда они могли оказаться во Франции? Раньше едва ли кто мог привезти фотографии освящения храма и часовни, а после революции никто не привез бы эти громоздкие и неудобные вещи. Отец получил письмо от митрополита Платона из Нью-Йорка, который говорит, что работы у него без конца. Он обеспокоен уходом Бахметьева и возмущается непримиримостью и разъединением русских в Северной Америке.

7/20 июня, вторник.

Отец рассказывал о новых сведениях о Федоре Кузьмиче. У него нашли после смерти 50 пар шелковых носков. Как известно, имп[ератор] Александр страдал выпотением ног. Солдата, которого положили в гроб вместо императора, оставлять в соборе не решились. В присутствии только министра императорского двора и двух лиц, производивших выемку, тело было вынесено, гроб опустили пустой. Так он и найден большевиками. Император Павел I перед смертью написал что-то, запер в золотой ларец и завещал вскрыть через сто лет. Государь

вскрыл в 1901 году. Но так и осталось тайной, что мог написать Павел I. Я был на последнем уроке m-lle Dugard. Засиделся у нее до 6 часов. У Графчика экзамены.

8/21 июня, среда.

Протоиерей Введенский, из светских, который выступил обвинителем в деле митрополита Вениамина, побит толпой, возмущенной ложным и неправым судом над любимым владыкой. Антонин не может больше выходить из помещения, ибо его называют бунтовщиком, антихристом, слугой дьявола и Иудой. В «Новом времени» напечатан указ Высшего Церковного Управления о молении об избавлении от уз Святейшего Патриарха, молитва, дополнительные прошения на литургии и обращение ко всем главам автокефальных православных и инославных церквей, за исключением Папы Римского, а также послание к верным чадам Православной Российской Церкви. Послания написаны замечательно сильно. Были на лекции Кульмана. Заговорил с ним на лестнице. Простояли полчаса. И.П. Демидов очень хорошо ответил на статью Кнорринга.

9/22 июня, четверг.

Утром занимался, после обеда писал сочинение о взглядах Толстого и Руссо на искусство. К 9 часам поехал к Оману. У него еще никого не было. Я пришел вместе с Пиотровской. Позже пришли Кульман с женой, Маркович с братом, Т.Березовская, проф. Патулье с женой и голландец Грундиис с женой, который служил в русской армии военным корреспондентом, сделал с Корниловым Ледяной поход и переправился к Колчаку, у которого сражался до конца. При проезде в Москве он женился на русской, которая до сих пор не говорит ни слова по-голландски, так как она была там только два месяца, а с мужем она говорит по-французски. Голландец жаждет вернуться в Россию. Профессор Патулье, который жил в Санкт-Петербурге до конца 1914 года, также при первой возможности хочет вернуться в Россию. Хозяева были необычайно любезны, все пили чай, на столе стоял самовар. Жена проф. Омана, несмотря на то, что была в Москве только 6 недель, с нетерпением ждет возможности поехать туда. Я торопился на поезд и убежал рано. Вечер оставил самое хорошее впечатление. Профессор согласился присутствовать на чае в воскресенье у нас в Медоне, устраиваемом всеми держащими экзамены.

10/23 июня, пятница.

Вчера убит фельдмаршал Вильсон на улице в Лондоне. Возмущение против правительства, не принимающего мер, страшное. Можно ожидать перемены министерства. Все недовольны фальшивым миром с Ирландией. Занимались перед экзаменами и обрабатывали содержание возможных тем по сравнительной литературе. Приходил и долго сидел д-р Соковнин, он из-за усталости провалился на экзамене baccalauréat*, придется держать в октябре. Рассказывал много интересного о Берлине. Ужинал у нас и ушел поздно.

11/24 июня, суббота.

Утром готовился и писал сочинение; после обеда ездил за покупками. Были в церкви. Против Графчика ведут нехорошую кампанию в школе. Положение кн. Гавриила Константиновича ужасное. Денег нет, у матери средства иссякли, благодаря покраже драгоценностей, порученных разным людям, которые их сами реализовали. Антонина Рафаиловна совершенно больна, у ней отнимался язык, а теперь отнялась рука от постоянного беспокойства. Ровно три года назад добровольцы вошли в Харьков.

12/25 июня, воскресенье.

Вася Левшин будет у нас гостить летом. Вчера убили Вальтера Ратенау, вдохновителя соглашения с большевиками. В понедельник ожидается в Германии переворот. События развиваются необычайно быстро, но какие будут из всего последствия для России, одному Богу известно. Были утром в церкви. Отец Иаков читал молитву и прошения на ектении об избавлении от уз и темницы Святейшего Патриарха и говорил о не признании лжецерковного управления с Антонином во главе. Графчик прошел благополучно и не получил ни одной неудовлетворительной отметки. Слава Богу. Троих провалили безвозвратно, а некоторых пропустили с двумя неудовлетворительными отметками. Днем сидели дома и занимались. Заходили Гронские; отец был у Чистяковых; Вячеслав Яковлевич рассказывал о ниццких интригах.

---

* на степень бакалавра (*фр.*)

13/26 июня, понедельник.

Сегодня у Графчика был экзамен Закона Божьего; прошел благополучно. Писал весь день о педагогических взглядах Руссо и Толстого. Дождь, погода отвратительная. Говорят, что Боря Лихачев во время обедни 6-го декабря, когда помянули Святейшего Патриарха, позволил себе ворваться в алтарь и сделать замечание духовенству.

14/27 июня, вторник.

Умер князь Альберт Монакский (на 73 году жизни): княжил 33 года. У него сын и внучка, у которой ребенок, так что наследование обеспечено. Сын сегодня произведен в генералы и получил от французского правительства отставку. Завтра утром экзамен. Отец поехал на заседание Харьковского землячества. В Германии началось преследование монархистов и военных. Антон Владимирович [Карташев] согласился погостить у нас в Болье.

15/28 июня, среда.

Встал рано, выехал с поездом в 6.42. По дороге зашел в St. Sulpice. Шел оттуда пешком. Version и thème были очень простые. Распоряжался проф. Бурге. С обычной, свойственной ему суровостью он заявил, что воспрещается говорить, и прочитал темы сочинения. Наше сочинение оказалось на тему, которая нас ударила обухом по голове: Caractérisez l'influence française en Russie au XVIII siècle et au commencement du XIX siècle sur les differents genres litteraires.* Мы были ошарашены. Почти все позабыли 18 век, да к тому это было вне программы. Писали все до конца. У меня едва хватило времени, пришлось сократить изрядно, выпустивши добрую половину. Я мало коснулся XVIII-го века, Маргулиес написал 8 страниц. Сербы писали только о XIX веке. Бог даст, пройдут. Ездил покупать отцу билет в Ниццу. Иконостас для часовни почти готов, выходит великолепно, но боюсь, что будет велик. Демидов написал плохую статью о Церкви.

* «Охарактеризуйте французское влияние в России в XVIII и начале XIX века на различные литературные жанры».

16/29 июня, четверг.

Сижу дома, читаю Крылова. После обеда заезжал к Гучкову, отвозил письмо. Завтра у Максима экзамен по математике. Надеемся, что пройдет. Отец поехал на объединенное собрание и в совет. У Графчика завтра устный экзамен по-русски. Отец делал ревизию учебных занятий в Lycée Janson de Sailly.

17/30 июня, пятница.

Сегодня день был очень неудачный. Графчик не был проэкзаменован и сидел зря 5 часов. Максим вернулся не совсем довольный. Он не доделал последнюю задачу, но, Бог даст, все же будет допущен. Вечером Графчику сказали, что ему будут засчитываться отметки, даже если он отвечает лучше. Все равно будут старые, осенние.

18 июня/1 июля, суббота.

Утром поехал узнавать результаты экзамена. Ждали долго, наконец, проф. Hazard принес список, все admissibles. Устные экзамены в понедельник. Вернувшись домой, нашел письмо Омана, что он не может быть. Я немедленно решил к нему ехать и, к счастью, застал его дома. После долгого разговора удалось уговорить приехать. Говорили о сочинениях. Профессор не очень ими доволен. Умер проф. Paul Girard, совсем неожиданно, от болезни сердца. Очень большая была сила, лучший французский эллинист и археолог. Я его целый год слушал, и он поправлял мои Versions.

19 июня/2 июля, воскресенье.

Утром были в церкви. То солнце, то моросилка. Все на прием пришли вовремя. Сперва никто не решался произносить тоста. Я провозгласил сам за здоровье Омана. Мать сказала очень хорошее приветствие, Н.К.Кульман произнес целую речь, обращаясь к Оману и к нам. Оман отвечал и желал нам поскорее вернуться на освобожденную родину. (От Соловейчика узнал, что Гога Римский-Корсаков жив, очень нуждается и ему необходимо послать посылку в складчину всем друзьям. Артур Александрович Брок в Петербурге и собирается открывать наше училище, но весь инвентарь разграблен, достать ничего нет возможности. Гога занимается в консерватории). Прием прошел великолепно. Оман был всем доволен и сидел

до 6 часов вечера. Я снял 6 фотографий: группы в разных видах и его отдельно. Все уехали в 7-ом часу. Я провожал на вокзал. В «Temps» помещен хороший некролог профессора Girard'a. Отец был на собрании всех монархических групп.

20 июня/3 июля, понедельник.

Утром ездил в Париж. В 5 часов экзамен. Отец уезжает в 8.45. Графчик хорошо ответил по-французски. По письменной работе я и Березовская получили 11, Маргулиес — 17, а другие — 10. Оман сказал, что четыре работы неудовлетворительны и допущены только по снисхождению. В половине шестого начали экзаменовать четыре профессора: Haumant, Hazard, Eisenmann и Кульман. Я отвечал первым о французском романтизме в России и комментировал басню Лафонтена «Le corbeau et le renard»* и Крылова «Ворона и Лисица». Отвечал сносно, только вообще первый [отвечающий] производит более плохое впечатление, чем остальные. Все отвечали одинаково: не очень хорошо и не очень плохо. Особенно потому, что нас не спрашивали по программе. О Толстом и Руссо не было ни слова, а мы как раз этот вопрос и рассмотрели в деталях. Наконец, жюри, после совещания, решил дать mention bien Маргулиесу, asser bien — только Березовской, хотя у ней одинаковые отметки со мной, остальные все прошли без похвал. Licence, Licence, Licence!! В 7 часов 25 минут стал Licencie es lettres. Слава Богу! После экзамена Оман выразил сожаление, что никто не взял Толстого и Руссо как groupe d'auteurs** (?). Провожал отца, народу тьма, уехал хорошо. Опоздали на поезд, сидели целый час на gare des Invalides.

21 июня/4 июля, вторник.

Утром был дома, после обеда у Родштейна, покупал Mazona (Книгу о Гончарове) «Мастер русского романа»[30]. Был в Сорбонне, зашел к M-lle Dugard и задержался у ней более часа. Был у Березовской, а перед собранием у Кульмана. Оказывается, mention Березовской присуждена по просьбе Hazard'a. Оман хотел отличить только Маргулиеса. В половине девятого было собрание монархистов, докладывали Масленников, очень уме-

* «Ворон и лиса»
* группу авторов

ренно и примитивно, и Марков Второй, говоривший о монархизме в России и революции. Никаких прений не было, и все кончилось в 10 1/2 час.

Среда, 22 июня/5 июля.

Утром поехали в церковь. Михаил Михайлович Фирсов меня расцеловал, узнавши, что я выдержал экзамены и окончил университет. После обеда ездил к Жоржу Соловейчику. Он мне показывал письмо от А.Брока, по новой орфографии. Он теперь декан Педагогического института (?) и профессор в университете. Римские-Корсаковы сильно нуждаются; собираюсь послать посылку. Соловейчик дал 20 фр. для этого. До сих пор в Реформатской школе был Жидэ, который исполнял должность директора, но учителей и инвентаря нет, и как начнутся занятия этой осенью, неизвестно. Был в библиотеке и отдал книги, заходил в Foyer International des Etudiants*, Максим не допущен по mathématiques**.

Четверг, 23 июня/6 июля.

Съездил за фотографиями. Мать раздавала в Lycée Fenelon книги (наградные) ученицам. Они поднесли ей великолепный букет. После обеда прибираю вещи. Дождь, погода плохая, по временам буря. От отца из Ниццы писем еще нет.

Пятница, 24 июня/7 июля.

Утром ездил в Париж с матерью в банк и к Эсдерсу. Графчика экзамен по математике прошел благополучно. Вечером заходил в Сорбонну узнать о результатах других экзаменов. Все допущены. Начало Р. Х. С. Д. во Франции. Был на собрании у Miroglio для основания Русского Христианского Студенческого Движения. Мой знакомый по греческим лекциям, Медар, читал доклад о Федерации. Miroglio высказал пожелание, чтобы образовался самостоятельный русский кружок, и выразил надежду, что все вновь встретятся осенью. Угощал всех нас чаем по-русски. Я очень торопился и убежал в 10 1/2 часов. Русских было всего несколько человек, но решили считать кружок образованным.

---

*Международный центр студентов

** математике (фр.)

Суббота, 25 июня/8 июля.

Ездил на Лионский вокзал. У входа в бюро для предварительного получения плацкарт стояло человек 500. Прождал с час, прошел внутрь, у кассы на букву «Б» длиннейшая очередь ввиду прекращения действия в кассе на последние буквы. Пришлось взять билет до Эз, стóит почти столько же, а у кассы на «Е» никого не было. Взял две плацкарты. Забегал к «Кодаку». На всенощной было много народа. Получили письма от отца, что развалился входной навес и за починку без покраски требуют 500 фр. Умер Сергей Илиодорович Шидловский, совсем неожиданно, в Ревеле. Визы достать невозможно, и Маня не поедет на похороны. Завтра после обедни будет панихида.

Воскресенье, 26 июня/11 июля.

Вчера в «Temps» напечатано сообщение, что большевики осудили митрополита Вениамина и многих священников и прихожан на смертную казнь[31]. В «Последних новостях» сказано, что вместе с митрополитом осуждены епископ Кронштадский Венедикт и епископ Сергий (архимандрит Шеин (?)) и профессор Новицкий. Слуги антихриста не останавливаются ни перед чем, но мы верим, что на крови бесчисленных мучеников возродится великое наше отечество и ценою мучений простит Господь многие наши согрешения. В Петербурге митрополит настолько любим рабочими, что его, Бог даст, отстоят и не допустят его убиения. В церкви было молебствие об избавлении его и всех с ним гонимых от уз. Отец Николай сказал несколько теплых слов. Была панихида по Сергею Иллиодоровичу. Идет беспрерывный дождь, но утром погода была солнечная. После обеда к матери заходили две ученицы и принесли цветы. Были у Андрусовых.

Только что приехал академик Вернадский, ректор Таврического университета, и был у Андрусовых. Он с женой выехал только месяц назад из Петербурга; видел всех профессоров, ездил недавно в Москву. П.П.Сушков переехал в Петербург и заведует зоологическим музеем Академии наук. Екатерина Николаевна Янжул живет на своей старой квартире на Большом проспекте. У ней был удар, но теперь она совсем оправилась. Киевский университет совершенно уничтожен; харьковский преобразован в академию, причем реформы бывают каждый день, верховодит всем социалист-революционер Машкин, не

имеющий высшего образования. Таврический университет почти пропадает. Вернадский получил командировку, но несмотря на это пришлось заплатить за визу 75.000.000 рублей. Вид они имеют бодрый и уже откормились. Рост религиозного настроения необычайный. Ужасное впечатление произвел расстрел московских священников, которые шли, как настоящие первохристианские мученики на смерть и отпевали друг друга. В интеллигенции совсем нет соглашателей и идущих на компромисс с большевиками. Все или святые, или полные звери и негодяи. Самые ужасные люди это большевики-священники. Их падение неизмеримо; это самое уродливое явление, которое до сих пор наблюдалось с момента революции. Мать и Графчик ходили к Гронским.

Понедельник, 27 июня/10 июля.

Утром занимались уборкой и чисткой. Максим, к сожалению, не допущен, так же, как и Сережа Гербильский. За лето надеется достаточно подготовиться. Ездил к «Bon Marché» и к Сегалю, который отправляет посылки и письма в Россию. Очень предупредителен и берет дешево за продукты. Купил прекрасное издание Лафонтена, но только второй том in 4°.

Вторник, 28 июня/11 июля. Св. Питирима Тамбовского.

Ездил в Сорбонну, но экзамены завтра, и поэтому съездил зря. После обедни был с матерью у M-lle Dugard. Положение очень тревожное, биржа делает непонятные скачки: фунт 53 в субботу, 56 — в понедельник, а сегодня — 54. Франция копила 2 года деньги и ей удалось уменьшить количество кредиток в обращении с 37 до 35 миллиардов, а теперь в две с половиной недели вновь пущено в обращение около миллиарда. Греция хочет начинать войну из-за Константинополя. Австрия экономически погибает, Германия в полном развале, Франция должна платить проценты Америке, но не может ничего сделать. Иностранцы за месяц взяли из французских предприятий и банков 10 миллиардов. Вечером были у всенощной. Приезжал отец Димитрий Троицкий, Но немедленно же уехал в Берлин. С.Н.Третьяков рассказывает, что туда приехал священник-большевик, который служит в захваченной большевиками посольской церкви. Епископ Антонин в Москве «для удобства» вынес престол и служил посреди церкви. Это превышает уже все терпимое. На всенощной было много народа.

Среда, 29 июня/12 июля.

Напечатан декрет лже-церковного управления о запрещении крестить до 18-летнего возраста, чтобы каждый мог рассуждать о своем крещении. Был в Сорбонне, экзаменуют строго. Кульман задает сложные вопросы. Были в церкви, которая была почти полна. Заезжал в Сорбонну за книгами и во второй раз после обеда за свидетельством о licence. Позабыл пакет с чаем на прилавке в магазине «Фламарион», но, к счастью, нашел, приказчик спрятал его сейчас же. Графчик был у Трубецких (сегодня именинник Петя), а Максим у Муравьевых. Воздух гнетущий (конечно, моральный). Коловрат получил наследство и нанял хорошую квартиру. Убираем на лето вещи.

Четверг, 30 июня/13 июля.

Утром поехали сдавать багаж. Из-за билетов в Эз не хотели отправлять в Болье. Я бегал по разным кассам и решил переменить станцию назначения. С трудом удалось все проделать, но адрес на корзинке остался старый. После обеда ходил делать мелкие покупки. Пили чай и в 7 часов двинулись; кот без сопротивления поместился в корзинке. В navette было очень много народа, мы едва сели, кот пищал. До вокзала доехали хорошо. Из-за наплыва публики никого не впускали на перрон, и Графчик уехал, проводивши нас и узнавши, что мы хорошо устроились. Едущих очень много, несколько человек поместилось в коридорах. Публика в купе приличная. В течение 1/4 часа ехали параллельно с другим поездом, но, наконец, мы его обогнали, и он уехал на другую линию. Ночь провели хорошо. В Маконе рассвело.

Пятница, 1/14 июля.

Мы дремали между станциями. В Авиньоне купили апельсинов, в Марселе выпили кофе. Кот сидит в корзинке на багажной сетке, не хочет спать и угрюмо смотрит в сторону. В Марселе прибавилось публики, но стало как-то просторнее, так как коридорные пассажиры вышли. В Тулоне купили лимонада. Корзинка едет с нашим поездом. В Ницце я хотел просить выбросить багаж в Болье, но не нашел его. Гриша и Ксана [Тепловы] пришли в вагон и ехали до Болье. Я проехал до Эз, но багаж еще не пришел, и я вернулся пешком в Болье.

Вечером в 6 часов я вторично был в Эз. Получил корзину и пересадил ее на Болье. До поезда полчаса, тишина, благорастворение воздухов. Все двигаются лениво, без спеха, воздух теплый, цветы, зелень, далекий плеск моря, время тянется долго. Тишина, изредка звонок на станции, да неизменно слышится удар шаров на площадке. Приводили весь вечер в порядок виллу и расставляли вещи. Был у Бесси в гостях. Условился насчет багажа и поговорил о Париже.

Суббота, 2/15 июля.

В 7 1/2 часов привезли пианино, не то, которое было прошлым летом у нас. Заходил к Суковкиным. У них вилла набита битком, так как они живут вместе с Коновницыными. Разбирал корзинку. Отец поехал в 2 часа на собрание в Ниццу, а я с Максимом — в церковь. По дороге встречаю Наталию Евграфовну Beредникову, очень удрученную. У ней только что умер сын. Царство ему Небесное! Нет ни копейки на похороны. Отец обещал дать субсидию. В церкви народу мало. Все поздравляют, обнимают, рады видеть. Заходил еще раз к Суковкиным. Очень жарко и душно. В то время, как все выходили из церкви, разразился ливень, и температура охладилась.

Воскресенье, 3/16 июля.

Я был в соборе, прохладно и не душно. Я пономарил. Отец Николай Подосенов говорил проповедь о расслабленном. У него большое красноречие. Знакомых так много, что не успеваешь со всеми поздороваться. Обедали с Шидловскими в ресторане на Boulevard Raimbaldi 3 фр. 30, очень хорошо; 5 блюд и vin compris*, приготовлено прилично. Собрались к Щербачевым в Cros de Cagnes. Компания набралась человек 14, заняли 2 купе и стояли в коридоре. Были Наумов, Борис Шереметев, Марина Суковкина с подругой, Кира Елагина, Поповы, Артамонов, князь Урусов, Борис Лихачев, гр. Татищев. Нагрянули всё разом. К нам прибавилось 3 хозяйки, Гулевичи и Владимирова, и все мы отправились на площадку. Играли в игры, бегали и закусывали. Максим и я побежали на поезд и успели вовремя придти на станцию. Остальные остались до ночи и пошли пешком до Cagnes.

* включая вино

Понедельник, 4/17 июля.

Утром занимались уборкой, а после обеда были с отцом на монархическом собрании. Была панихида и молебен, отец Николай произнес проповедь, затем, под собором — доклад. Читали кн. Н.Л.Оболенский о личности Государя и ген. Лукомский о пребывании Государя в ставке. После ужина я и Максим были у Суковкиных, а отец у Н.Н.Гирса. Здешние монархисты верят, что Государь жив.

Вторник, 5/18 июля.
Преп. Сергия Радонежского Чудотворца.

Были у обедни. Я хотел сговориться с Протопоповым о приезде, но никого из них в церкви не нашел. После обеда поехал в Trinite на трамвае с Place Garibaldi. От станции пошли пешком, но встретили по дороге Евгения Сергеевича [Протопопова], который нас довез до их виллы «La Vollierе». Там уже были Шидловские. Позже приехали оба протоиерея, Волконский, ген. Мрозовский, Ралгин, две дочери ген. Левандовского — одна с мужем, А.В.Ельчаниновым, А.И.Орлов. Мы помогали в устройстве чая и крюшона. Ралгин, который состоит воспитателем кн.Василия Александровича, показывал очень интересные фотографии Государыни, имеющей бодрый вид. У ней небольшой придворный штат, адмирал кн. Вяземский, генерал кн. Долгорукий, два офицера и два гайдука, сохранившие форму и выглядящие необыкновенно браво. С императрицей живут вел. кн. Ольга Александровна с Колей Куликовским и их сыновьями, Тихоном и Гурием, и вел. кн. Ксения Александровна с сыном Василием. Мы возвращались с Ралгиным на трамвае. Он зашел к Голицыным. Ралгин ездит по всей Европе на скопленные деньги. Поездка по Рейну в I-ом классе и пропитанием в лучшем ресторане ему обошлась на французские деньги 27 франков. Отец был на прощальном обеде в честь генерала Лукомского.

Среда, 6/19 июля.

Сегодня приходили маляры, начинают покраску виллы снаружи. Ходили на Mont Saint Michel* с Суковкиными и их

* Гора Сен-Мишель (*фр.*)

знакомыми. Получили письмо от матери, они хорошо переехали к M-me Morin, но устали необычайно. Тетя Женя пишет, что она получила письмо от Люши и Аси Леонтьевых из С.-Петербурга, которые живы и подрабатывают шитьем и разрисовыванием зверей и пауков. Квартиру хотят отнять из-за отсутствия владельцев. Статья матери помещена в «Новом времени». Вечером сидели дома.

Четверг, 7/20 июля.

Мать пишет, что дел без конца. Весь день сидели дома из-за ремонта. Красят боковую и заднюю часть дома, кроме того; заменяют трубы, починяют ванну и вообще большой беспорядок и грязь от известки. Ходили с Максимом на Cap* Saint Hospice посмотреть вблизи на статую Богоматери. Запрещается снимать фотографии и рисовать. Статуя отделана прекрасно и вылита из бронзы, а в башне слепок в оригинальную величину из гипса. Наверх никого не пускают, вид чудесный на Болье и побережье до Борденгеры. Отец обедал у Голицыных. Мария Петровна приехала на один день из-за процесса.

Пятница, 8/21 июля.
Казанской Иконы Пресвятой Богородицы.

Были вдвоем в церкви. Служил один о. Николай без протодиакона. Забегали к нам Гулевичи и Муня Щербачева, осматривали виллу, сад и библиотеку. Мы были у Суковкиных к чаю. Прогулка, которую хотели устроить, как-то разладилась, и дошли всего лишь до Бристоля. После отъезда городских, Марина, Софочка Лукомская и Таня Сахновская зашли к нам; вечером мы гуляли в порту и в городском саду у моря.

Суббота, 9/22 июля.

Сегодня Лукомские уезжают в Рим. Отец ездил в Ниццу. Генерал заходил попрощаться. Мы их провожали. Из Болье ехала только Софочка, родители сели в Ницце. На вокзале так громко прощались, что начальник станции выразил свое неудовольствие. Очень жалко, что они уехали, были очень симпатичные люди, особенно Софочка. Пробовал ехать с экспрессом и сильно опоздал в церковь. Вечером к нам заходил Михаил

* Мыс

Акинфиевич Суковкин, и мы вспоминали о первых днях революции. Он рассказывал о проводах вдовствующей императрицы из Киева. Было всего шесть человек и все чувствовали, что царская Россия погибла.

Воскресенье, 10/23 июля.

Евгений Сергеевич Протопопов женится на Н.В.Левандовской, ей 21 год, а ему 46, разница в летах слишком большая. По случаю начала службы в 10 1/4 в церкви были только Любовь Васильевна [Протопопова] и Багратион-Мухранская. Обедали в «Ramibaldi» и поехали домой. Бесси прибрал виллу. В три с половиной пошли встречать. Поезд не опоздал ни на минуту, а пришел даже раньше. Приехали благополучно. Ирине Левшиной было немного дурно в дороге, но она выспалась у матери на коленях. Сейчас она с Васькой остановилась у Наумовых. Ксана встречала тоже и пришла выпить чаю. Багаж мы с Бесси привезли на тачке. Мать и Графчик очень устали с дороги. Евграф выдержал экзамены.

Понедельник, 11/24 июля.
Св. равноапостольной благоверной
великой княгини Ольги.

Ездил в церковь. Именинниц, которых хотел поздравить, не было. Купил цветов для Ольги Константиновны. Все мы впятером были у них на чае. Я провожал на Mont St. Michel Шидловскую и Ксению Белик. Мы сделали оборот в 1 час. 10 мин. Фотографии вышли хорошо. К нам заходил Гриша и маленький Алексей Шидловский. Вчера после обедни, когда в соборе оставались только Корней Степанович и Григорьев, приехали 7 молодых людей в автомобиле, обежали поспешно все уголки собора и немедленно уехали. Очень подозрительно. Боря [Лихачев] ведет себя слишком вызывающе, и даже графиня Граббе сказала: «Да уймите же этого (нецензурное слово)». Вечером у нас были Елизавета Евгеньевна Теплова, Ксана и Гриша. Ремонт успешно продвигается. Две стены окончательно покрашены.

Вторник, 12/25 июля.

Сидел целый день и разбирал французские книги. Максим и Евграф разрисовали наверху часовню. Отец получил от-

крытку от митрополита Антония. Смотрел словарь «Gregoire» о Пушкине. Вот что там сказано: «Граф Пушкин родился в Москве, служил в Министерстве иностранных дел. Назначен российским историографом. Служил позже при бессарабском губернаторе, убит beau-frere'ом. Написал «Recit du tamps du Pougatchef et differents poemes. Ces cenures furent imprimée's en 1837»*. Прямо стыдно, что серьезные люди так примитивно пишут. Называются союзниками, а узнать что-либо о России не хотят и пишут статьи в роде Edmond Haraucourt'a. Про Иоанна III написано, что он обручен с Софией Палеолог в соборе св. Петра в Риме в присутствии Папы Юлия XII.

Среда, 13/26 июля.

Убийство митрополита Вениамина. Утром прочитали в «Последних новостях» об утверждении приговора над владыкой митрополитом Вениамином и другими защитниками святой православной веры. По слухам, его уже убили, но, Бог даст, это неправда. Был в церкви. Распространились слухи о предсказании американских астрономов о землетрясении, которое уничтожит южную Европу, северную Африку и Азию. Предсказание сопоставляют с заметкой монаха на полях книги XIV века о гибели через опускание почвы Ниццы и всего побережья в 1923 году, помещенной у Адашевского. Многие встревожены, собираются уезжать, но куда? От воли Божией никуда не уйдешь. К нам заезжали Шидловские. Они едут в субботу в Германию, из-за дешевизны. Посидели у нас до шести часов. В ниццком приходе дела плохи, денег за похороны Юрьевской наследники не платят, а в кассе 500 фр. Заходила Ольга Константиновна [Суковкина]. Ремонт продолжается; всюду необычайная пыль и грязь.

Четверг, 14/27 июля.

Отец был у Демидова, который купил бывшее архиерейское поместье у Drap. Много интересного о смерти Александра I рассказывал сам Демидов и граф Граббе. В Таганрог, незадолго до «смерти» императора прибыл курьер, очень походивший лицом на государя; и переутомившись, заболел и умер. Когда Адександру I доложили о болезни курьера, он решил уйти, и

* «Рассказ о времени Пугачева и различные поэмы. Были напечатаны в 1837 г.»

когда тот умер, он, переодевшись простым человеком, куда-то уехал. Тело фельдъегеря долго не приводили в порядок и вели себя в комнате умершего очень развязно. Императрица ни разу не пожелала войти в комнату, так как была в заговоре. Наконец, его набальзамировали и отправили в Петербург, причем тело ехало два месяца и все никак не прибывало до места назначения. 12 лет император странствовал по России; наконец, его схватили, били кнутом за бродяжничество. Купец Хромов выстроил дом, где он и жил до смерти в Тобольске. Один из Кочубеев был с ним в переписке. Мать припомнила историю с девочкой и о руках. Граббе рассказывал о посещении им Таганрога. После наводнения в Петербурге имп. Александр III велел осмотреть гробницы, и при вскрытии гроба Петра Великого нашли тело нетленным, но с бородой, против которой он так упорно всю жизнь боролся. По рассказам вел. кн. Николая Михайловича, имп. Александр III нашел потайной сундучок Александра I с его письмами и бумагами, но что там находилось — неизвестно, так как он никому их показать не хотел.

Мы ходили на St. Hospice с Таней (Соловьевой), Бутей Шидловской и Женей. Вечером заходил к Суковкиным.

Пятница, 15/28 июля.
Святого равноапостольного князя Владимира.

Мать и Графчик в церкви и делали покупки. Ремонт приходит к концу. Отец, несмотря на наши протесты, приказал выкрасить серым цоколь виллы. Погода пасмурная, но давно желанного дождя нет. Заходила за учебниками Ксана. У нас были на минутку графиня М.А.Коновницына, Михаил Акинфиевич и маленький Алеша, которому необычайно понравился Гришин поезд. Вечером за ужином вспоминали о России. Протоирей (Подосенов) сказал исключительно неудачную проповедь о том, что не нужно винить русских, отдавших святыни. Ни слова о сопротивлении, мученичестве, заключении Патриарха. Мы должны преклоняться и умиляться перед стойкостью православных русских людей, кладущих живот свой за родные святыни и мужественно отбивающих нападения слуг антихриста.

Суббота, 16/29 июля.

Сегодня кончаются, наконец, малярные работы и будет чище в вилле, хотя еще не окончено устройство окна, которое способствует разнесению пыли. В первый раз рискнули выку-

паться, очень хорошо, вода довольно прохладная. Вечером были у всенощной, возвращались поздно. Отец рассказывал о своей встрече с Распутиным в поезде.

Воскресенье, 17/30 июля.

В соборе было очень мало народа. Получили письмо от дяди Вани Церетели. Сережа заболел брюшным тифом, уход был неважный и давали недопустимо грубую пищу. Теперь тетя Аня сама ухаживает за Сережей. Бог даст, он скоро выздоровеет. После чая были у графини Фальтан и у Гирсов. Н[иколай] Н[иколаевич] показывал мне замечательные книги из своей библиотеки. Его дети совсем иностранцы, плохо говорят по-русски, а сын учится в Ницце в Grand Lycée. К нам заходили Михаил Акинфиевич [Суковкин], Мария Акинфиевна [Коновницына] и Алексей [Суковкин], пришедший покормить рыбок и маленьких цыплят.

Понедельник, 18/31 июля.

Переносили с отцом полку в русской комнате. Образовалось пространство, где можно на столе разложить книги. Ходил гулять с Суковкиными, графиней Коновницыной и Шидловскими.

Вторник, 19 июля/1 августа. Св. Серафима Саровского.

В «Новом времени» напечатано описание кощунственного вскрытия мощей преп. Сергия Радонежского Чудотворца[32]. Красноармейцы сняли шапки, а еврей-комиссар приказал надеть, но принужден был отступить. Мощи открыли и нашли тело с кожей и мускулами, длинная борода, никаких признаков искусственной сохранности. Через день один, осматривавший мощи, ослеп, еврей-комиссар был раздавлен на улице экипажем, а третий покаялся и исповедывался и рассказал все людям. По случаю праздника, Графчик ездил в церковь и к «La Caria» за печеньями. Все было приготовлено заранее, но, несмотря на это, когда пришли первые гости, я еще не приоделся. Были А.В.Ельчанинов с женой, которые зашли в библиотеку и не могли никак оттуда уйти. Позже пришли Боря Лихачев и Миша Гончаров, которые также восхищались книгами, мебелью, виллой и угощением. Пришел Василий Павлович Метаксас, а через несколько минут нагрянула целая толпа в составе графини

Фальтан, Ольги Константиновны Суковкиной, 4-х Тепловых, Тани Сахновской и графини М.А.Коновницыной. Вскоре за этой группой гостей пришли Тарановские с Петриком и Линские, граф Муравьев с женой, графиня К.Е.Салиас, Михаил Акинфиевич Суковкин, княгиня М.П.Прозоровская-Голицына, Лучинские и, совсем неожиданно, Базаров, только что приехавший в Ниццу. Гости разошлись около 7-ми. Вечером сидели дома и читали с матерью по-английски.

Среда, 20 июля/2 августа. Святого пророка Ильи.

Утром Максим и Евграф ездили в церковь. В библиотеке проводили дополнительные лампочки. Я читал мемуары княгини Палей, она сейчас в Мариенбаде. К нам заходили матушка Евгения и сестра Любовь. Всей компанией ходили на St. Jean. Были также Бутя и Алексей (Шидловские) с бабушкой. Вечером сидели дома. По слухам, Троцкий уехал в Ригу (?). Все видные комиссары в Берлине.

Четверг, 21 июля/3 августа.

Утром сидели дома и занимались покраской. Мать ездила в Ниццу. Мы с Ольгой Константиновной, Таней и Бутей ходили в Эз и спустились оттуда по живописной тропинке. Домой вернулись в 40 мин. 9-го. Протоиерей Спасский написал очень интересную статью в «Новом времени» о стойкости православных русских людей в своей вере, несмотря на притеснения, насмешки и искушения.

Пятница, 22 июля/4 августа.
Святой Марии Магдалины Равноапостольной.

Тезоименитство Государыни Марии Федоровны. Были с отцом у обедни и на молебне о здравии императрицы. Купили два больших снопа цветов для Голицыных, и Бесси сделал из них букеты. Много молодежи, но все какие-то вялые. Кто-то танцевал, Боря был неизменным кавалером. Манечку снимали два раза. Как всюду, был А.И.Орлов, который позавтракав на «Reve», успел съездить в Ниццу. Вечером заходил на несколько минут Гриша.

Суббота, 23 июля/5 августа.

Утром я сидел в библиотеке, а Графчик с отцом красили. Максим занимался математикой, а мать обедом. Были в гостях

у Бередниковых, которые нас с нетерпением ждали и приготовили угощение. Фотографии с Шидловскими и на St. Hospice вышли хорошо. Произошла пренеприятная история с князем Андреем Владимировичем, в доме которого один человек сделал страшнейший и неприличный скандал. Это — больной Кропоткин, которого споили, видимо, агенты, приставленные для скомпрометирования императорского дома.

Воскресенье, 24 июля/6 августа.

Были утром в церкви. Отец обедал у Наумовых, которые расцвели, отделали виллу и купили автомобиль. Ходил с Мариной (Суковкиной), Таней (Сахновской), Муравьевыми и Дурасовой на St. Hospice. Прогулка вышла великолепная. Вечером ходили смотреть на бал у Chapele de la Vierge Noire. Заходили к Голицыным и пили у них чай. Грустно смотреть, как постепенно распродается Reve: уже почти ничего не осталось ценного.

Понедельник, 25 июля/7 августа.

Вчера случилась ужасная история с Юрием Станиславовичем Коловратом. Его обвинили с одним другом в отравлении господина Chevanier, который оставил ему все свое состояние. В газете два столбца тонких намеков и всевозможнейших обвинений и клевет. Это все злостно выдумано родственниками, которых умерший лишил наследства. Бесси получил Médaille d'honneur* за 35 лет примерной службы и очень доволен. Все его поздравляли, узнавши о награждении из «Eclaireur'a». Вечером выяснилось, что вся история против Юрия Станиславовича — отвратительный шантаж, в котором принимают участие и слуги, и газеты. В России необычайно сильные беспорядки в Красной армии, причем артиллерия, высланная, чтобы подавить восставших, перешла на сторону народа. Бог даст, это конец большевикам. Приехала Мария Григорьевна Шидловская.

Вторник, 26 июля/8 августа.

Газеты наполнены статьями о Коловрате, и все наследство взято в суд до решения, так что Юрий Станиславович не получил ничего до сих пор. «Matin» пишет в плохом тоне.

* Медаль почета

Вообще, очень неприятная история. Утром забегал два раза к Суковкиным. Первый жарко-тропический день, солнце греет настолько, что нельзя пройти без шляпы. После 3-х ждали гостей. Мигулины обещались придти рано, но опоздали и приехали лишь в 5. Первыми пришли Метаксас и маркиз Меранвиль. Вскоре пришел ген. Левашев, Ксана и на своем новом автомобиле приехали Наумовы (отец и Саша). Отец сидел с ними в библиотеке. Пришел Боря, и зашел разговор о смерти Александра I. Боря утверждает, что в 1865 году, по смерти Феодора Кузьмича, тело его было привезено и погребено в Петропавловском соборе, что известно с полной достоверностью великому князю Андрею Владимировичу. Теперь возникает вопрос, куда девалось тело, так как гроб оказался пустым. Пришли Суковкины (Михаил Акинфиевич, Ольга Константиновна, Марина), Таня Сахновская, Манечка Голицына, Шуша Лесли, Николай Николаевич Гирс, Мигулины, Жилинская и Гриша Теплов. Все сидели до 7 часов. Гриша заходил вторично около девяти. А.И.Орлов приехал верхом, но так устал, что весь вымок от жары. От Ниццы он ехал 1 1/2 часа. Когда А.Н.Наумов вошел в библиотеку, то сказал: «Я хотел дать такое же богатство моим детям, но не смог».

Среда, 27 июля/9 августа.
Святого Великомученика и Целителя Пантелеймона и Святого Николая Юродивого.

Утром прочли не без некоторого удивления манифест великого князя Кирилла Владимировича[33] о том, что он провозглашает себя местоблюстителем императорского престола, так как верит, что Государь, Наследник и Михаил Александрович живы. Подтверждения он ждет от Земского Собора. Текст, говорят, составлен Петром Петровичем Мигулиным. Это шаг вперед, но не слишком ли поспешный. В сущности, он единственный кандидат после морганатической женитьбы Дмитрия Павловича. Верховным главнокомандующим всеми русскими силами будет назначен великий князь Николай Николаевич, популярность которого необыкновенно возросла, но который с ним в очень плохих отношениях. Начал приводить в порядок русский отдел [библиотеки]. Утром был в церкви на обедне и на молебне (именины отца Николая, ген. Юденича и вел. кн. Николая Николаевича). После чая гуляли с Таней Сахновской в горах и вспоминали о России и наших общих знакомых. Погода очень жаркая.

Четверг, 28 июля/10 августа.

Ура! Графчик получил аттестат зрелости: только пятерки и четверки. Все беспокойства окончились. В воздухе чувствуется приближение освобождения России. За завтраком пили Ponfet Canet в честь Графчика, а отец произнес тост. Ходили гулять в направлении горы Паканалиа, но не дошли до вершины. Встретили в горах генерала Левашева, который рассказывал интересные вещи о Толстом. По имению он был его близким соседом и часто заезжал в Ясную Поляну. Его всегда поражало, когда после обеда лакей в белых перчатках являлся в гостиную и говорил: «Ваше сиятельство, плуг подан-с». Вообще в Ясной Поляне было полное смешение строго-дворянского этикета и опрощения. Он рассказал с подробностями о путешествии Льва Толстого в Оптину Пустынь, куда его привело искание Правды Божией перед смертью. Удивлял ген. Левашева также необыкновенный деспотизм Толстого в семейных и хозяйственных делах, не подходивший к его проповеди о несопротивлении властям. Вечером читали по-немецки, а мать читала «Воскресение» Толстого.

Пятница, 29 июля/11 августа.

В «Последних новостях» напечатана замечательная своей глупостью и враньем статья «Ниццкий Тараскон». Сегодня состоялось открытие русского клуба, где можно будет собираться, читать газеты, получать чай даром. Членский билет 6 фр. в месяц. Требуется образовательный ценз, не ниже среднего. В первый же день записалось 65 человек. Председателями являются маркиз Конст. Ник. Меранвиль де Сент Клер, Гербель и Лучинский. Отца единогласно выбрали также старшиной клуба. Отец временно согласился. Был на заседании, созванном Борей. Вновь открыли союз и приступаем к работе. Сегодня занимался все утро и вечер составлением каталога исторического русского отдела. Переписал книг 90. Приехал Шура Щербачев. Он заезжал к великому князю расписаться, но не застал дома. Мать получила письмо от тети Маруси Марковой и от Шуриновых из СПб. Тетя Маруся пишет, что ее положение ухудшилось, так как она не может найти места. Чигорин расстрелян при ужасных обстоятельствах. Царство ему Небесное! Зинаида Сергеевна и Юра в Петербурге, но не видятся с тетей Марусей и не интересуются ей. Люша Леонтьева больна уплотнением верха легких, как и тетя Маруся, а Ася пополнела,

несмотря на громадную работу, которую приходится ей исполнять. Тетя Маруся живет в том же доме, но в бельэтаже. Из вещей сохранила большинство, но теперь их не покупает. Шуриновы живут у себя на квартире, сдают 2 комнаты немке и немцу, ее сыну. Нашли в Петербурге старых знакомых, все вспоминают о нас. Елена Васильевна Пономарева работает. Анатолий Федорович Кони, слава Богу, еще бодр. Тетя Люба дает уроки французского языка, а Ольга Федоровна шьет, Антонина Андреевна занимается хозяйством. Берта Федоровна нашлась и до последнего времени жила на Змиевской улице. Боря Шуринов умер 27 июля 1920 года.

Суббота, 30 июля/12 августа.

Сегодня было бы 18 лет усопшему Наследнику Алексею Николаевичу. Утром сидел в библиотеке и составлял каталог. Ездили все в церковь. Мать читала «Воскресение». Сквозь искусственность и злостную вымышленность проглядывает великий талант, но какое это вредное произведение, подрывающее всякий престиж суда, военной службы и православной русской Церкви. Зарезали и ели сегодня курицу.

Воскресенье, 31 июля/13 августа.

Были утром у обедни; поезд опоздал, и мы приехали очень поздно к обеду. С поездом в 2 часа отправились в Cros de Cagnes к Мигулиным, в том же поезде ехал Направник, который проводит у них все воскресенья. Петр Петрович рассказывал массу интересного о Распутине, Хвостове, Витте, Владимире Ивановиче Ковалевском и Созонове. Ехали обратно в поезде с Борей [Лихачевым] и вспоминали о жизни в Харькове.

Понедельник, 1/14 августа. Первый Спас.

У Графчика много дела, и он оставался дома. Крестного хода не было из-за жары. Приезжал Коловрат и пил у нас чай. Был первый урок с Гришей. Он все основательно забыл. Жара очень большая: от 48 до 53 градусов на солнце. Вечером гуляли с Таней Сахновской по направлению в Эз.

Вторник, 2/15 августа.

Мать устроила мне с Графчиком уроки английского языка по субботам у Л.П.Княжевич. Сговоримся с ней завтра. Утром

я ездил в Ниццу к La Coria и за арбузом. У Графчика флюс подвинулся немного к глазу и болит порядочно. Именины M-me Bessi. Привез ей пирог. Все магазины заперты по случаю Успения. Ровно в 3 часа пришла Жилинская, Н.Н.Гирс с братом Константином Николаевичем, который торопился на вокзал. Вскоре пришли П.М.Кауфман Туркестанский, полковник Волков и Метаксас. Постепенно приходили Маничка Голицына, Мария Петровна Голицына, Шуша Лесли, Марина [Суковкина], Орловы, Валь, Ксана [Теплова], Княжевич, ген. Левашев, Михаил Акинфиевич, графиня Коновницына, генерал Щербачев. Позже всех приехал Евгений Сергеевич Протопопов с невестой, но без Любови Васильевны, побоявшейся длинной дороги. Самым последним пришел Гриша. Я снял две группы с женихом и невестой. Вечером ходили к Суковкиным. У Графчика все болит флюс.

Среда, 3/16 августа.

Утром заходил А.Н.Оболенский, отец Мии, посоветоваться с отцом об образовании своих сыновей. Я с ним долго говорил о Сорбонне, об университете. После обеда мы поехали в Монте-Карло, отец и мать — в люкс, а я и Максим — в рапид, который сильно запоздал. И Лихачевы, и Гончаровы нас ждали. У Бори вся комната завалена разными бумагами и документами национальной молодежи. Проводивши Борю на вокзал, пошли с Мишей Гончаровым по берегу и дошли почти до Roquelrune, видели великолепную виллу Шебеко, которую он никак не может продать. Несмотря на поздний час, нас усадили у Гончаровых за ужин. Вечером мать читала «Воскресенье».

Четверг, 4/17 августа.

Фотографии очень удались, особенно с Ксаной (Тепловой), и жениха с невестой (Протопоповы). У Мигулиных вышли, как при магнии. Приезжал Боря и привез манифест вел. кн. Кирилла Владимировича, по поводу которого мы долго спорили. Гриша и Ксана приходили говорить об уроках, заходила Шуша Лесли. Вечером помогали переносить кровать к Шидловским. Боря ужинал у нас. Шебеко пишет, что в Париже все настроены против манифеста: и монархический совет, и парижские организации, и Дмитрий Павлович, и ген. Врангель, и Сербия.

Пятница, 5/18 августа.

Великий князь рассчитывает на поддержку красных генералов в России, среди которых он непопулярен, и на большевиков, которые не сделаются овечками. А что скажут люди, терпящие гнет от монархистов, служащих Советам. В Сербии 4-го августа собирались провозгласить великого князя Николая Николаевича блюстителем, обратились к ген. Врангелю за содействием и с просьбой идти с ними. Ген. Врангель запросил великого князя, не желая что-либо предпринимать без его ведома, и как раз в этот момент манифест вел. кн. Кирилла Владимировича. Как местоблюститель может быть заинтересован!? Он может быть наследником, а не блюстителем, которым могут быть лишь государыня Мария Федоровна, Николай Николаевич или Принц Ольденбургский. Ездили вечером ко всенощной на Преображение. Служил о. Николай и о. Александр, а я с Максимом и Палашковский прислуживали. Графчик не мог быть из-за флюса. Народа очень мало. Графчик великолепно раскрасил верхнюю часовню.

Суббота, 6/19 августа. Преображение Господне.

Литургия прошла очень торжественно, отец Сергий чуть не запоздал из-за своего автомобиля. После обедни раздавали яблоки и виноград. Графчик не мог быть у обедни, у него опух совсем глаз и сильно болит. После обедни я был у матушек. Мать Евгения нездорова. Был у Княжевич на уроке английского языка. Я и Максим были у всенощной. Вечером у нас был д-р Крылов. Рассказывал много об Афоне и жизни монахов. Через Беликов получили сведения о Ваське, Марии Аполлоновне и Верочке Шульга. Она живет в Кисловодске на даче у Беликов. Николай Васильевич служит в Красной армии. В газете напечатано распоряжение местоблюстителя Патриарха, митрополита Агафангела, о даровании самостоятельности епархиальным архиереям, в виду невозможности сношений непосредственно со Святейшим патриархом.

Воскресенье, 7/20 августа.
Святителя Митрофана Воронежского.

90 лет со дня открытия мощей. У обедни было довольно много народа. Боря усиленно раздавал листочки. Наумовы устраивали пикник, но так поздно предупредили, что я не мог

быть. К чаю у нас были Ника Муравьев, Ольга Константиновна [Суковкина], Мария Григорьевна Шидловская, Мария Акинфиевна и Алеша. Вечером провожали Дурасову Тоню, приезжавшую к Суковкиным. Флюс у Графчика лучше, хотя сильно болит.

Понедельник, 8/21 августа.

Утром выносили печку и разбирали книги. Я сделал перечень, за исключением итальянских, оказалось 9902 тома. Занимался с Гришей алгеброй и латынью. Заходил к Голицыным. Вечером к нам забегал Суковкин. Графчик поправляется. Погода все душная и жаркая.

Вторник, 9/22 августа.

Аэропланы без мотора делают все новые завоевания, и рекорд в 9 секунд несколько месяцев назад дошел до 9 минут, а один немец-студент продержался в воздухе 2 часа 10 минут. Утром я ездил в Ниццу. Овощи и фрукты необычайно дешевы. После обеда погода изменилась, стало немного прохладнее. Первой пришла Жилинская, я ходил встречать отца Николая Подосенова. Вскоре собрались Ельчаниновы, Николай Николаевич Гирс, Метаксас, Смесов. Во время чая пришли постепенно все Толстые, старшие Суковкины, графиня Фальтан, Таня Сахновская, графиня Коновницына, Миша Гончаров, Ника Муравьев, Тоня Дурасова и д-р Крылов. Я несколько раз демонстрировал библиотеку. Очень поздно пришла Мария Петровна Голицына, которая сетовала на свое денежное положение и даже плакала. Ника ужинал и уехал только в 9.10 с трамваем. Вечером, наконец, пошел крупный дождь.

Среда, 10/23 августа.

Сделал проверку знаний Ксаны и частично Гриши. Заезжал Саша Лихачев, привез книги от своего отца и письмо от Бори, который просит быть на заседании в пятницу, в 9 час. вечера. Удивительно неудобное время. Саша пил у нас чай, и я ему показывал Болье. Максим, Ксана и Гриша ходили на Паканалиа (577 метров) и почти дошли до вершины. Марина [Суковкина] рисует прекрасные миниатюры и сегодня написала образ Спасителя величиной с гривенник на перламутре, очень удачно. Мать передавала много интересного из дневника Максима Максимовича, который она сейчас читает. Австрия

собирается присоединиться к Италии из-за безвыходного денежного положения. Переносили в библиотеке шкафы, устраивали полки.

Четверг, 11/24 августа.

Вечером мать читала два необычайно интересных письма, присланных крестьянами из России. Полное ослепление, ничего не сознали и не поняли и просят на чай за труды по разграблению имущества.

Пятница, 12/25 августа.

Заходили Н.Н.Гирс и Михаил Акинфиевич Суковкин. Перенесли в библиотеке стол и унесли полку, стало очень просторно. Снятая вчера пленка вышла хорошо, но два снимка испортились. В 5 часов были на приеме у графини Фальтан по случаю дня ее рождения. Молодежь сидела в саду, причем хозяйкой была Марина [Суковкина], а хозяином я. Играли в телефон и молчание. В половине девятого поехал в Ниццу с Енко-Доровским, который у нас ужинал; он нанял у Giaume'a участок для огорода, над виллой «Rêve». На заседание никто не явился, и мы проболтали все два часа с Борей [Лихачевым] и Кирой Елагиной сперва в библиотеке, а потом на Promenade des Anglais. Проводив ее до дома, поехали в 11 час. домой.

Суббота, 13/26 августа.

Утром была торжественная литургия и молебен по случаю дня тезоименитства Святейшего Патриарха Тихона. Протодиакон очень хорошо провозгласил многолетие. Примчалось человек 30, в числе их, княжна М. Голицына, Шуша, Ольга, обе матушки, графиня Сумарокова, Княжевич, Бередникова. На всенощной было людей менее обыкновенного. Приехал В.Н.Коковцев с женой. Отец весь день устраивал полки наверху на чердаке и нашел много интересного. Марина Давыдова выходит замуж за датчанина, говорящего по-русски.

Воскресенье, 14/27 августа.

Утром были у обедни, купил печенья для Тепловых. Отправились к ним на трамвае с Place Mossena, к счастью, Гриша нас встретил, а не то мы бы не дошли. В саду напротив их дома в беседке, поставили стол, и вышел настоящий пикник. У

Тепловых две комнаты, очень светлых и чистых, но в одной комнате плита. Сегодня Грише исполнилось 17 лет. Была Ксения Евгеньевна Салиас. Мать и Алексей Григорьевич Тепловы уехали после чая на открытие клуба, название которого все не могут установить. Мы остались еще с час, я снял две группы. Всенощная прошла очень торжественно, служили в зеленых парчовых и лиловых ризах: отец Сергий, отец Николай и отец Александр. Прислуживали я, Максим и Палашковский. Евграф читал все, кроме первого часа, который был прочитан Ксаной Тепловой. Приехал Сережа Третьяков и А.С.Матвеев. Он с большим интересом осматривал собор. В Каннах всенощной нет в виду малочисленности прихожан (?!!). Открытие клуба произошло при торжественной обстановке. После освящения помещения говорили речи о. Николай, отец, В.П.Метаксас, А.С.Гижицкий и во время чая Лучинский. Клуб вызвал массу протестов; многие не знают, записываться ли в него. Сергей Сергеевич Протопопов разнес меня за то, что я состою в Объединении молодежи, и советовал устроить союз для образования, а не для политики, с чем я согласен.

Понедельник, 15/28 августа.
Успение Пресвятой Богородицы.

В соборе была торжественная литургия. Графчик великолепно прочитал Апостола. Отец Николай, против своего обыкновения, проповеди не говорил. Боря [Лихачев]проводил нас и обедал вместе с нами в «Raimbaldi». В 3 часа я, мать и Графчик поехали к Протопоповым вместе с княгиней Гедройц, генералом Мрозовским и всем семейством Тарановских. Евгений Сергеевич [Протопопов] нас встретил и отвез на автомобиле всех зараз, я сидел на подножке, княгиня все боялась, что я упаду. Дом приобрел еще более уютный и устроенный вид. Пили чай, я снимал стол с гостями, тоже делал несколько раз и Евгений Сергеевич. По временам шел дождь, и мы прятались поспешно в зале или под большой красный зонтик, раскинутый над столом. Выехали за три минуты до трамвая и опоздали по времени, но, к счастью, он опоздал. Получил письмо от Кульмана. Монархическое собрание прошло сносно. Отец говорил и всеми был одобрен. Бурнашев выступал с очевидной клеветой по отношению к отцу. В Париже склонны отказаться от признания легитимизма.

Вторник, 16/29 августа.

Графчик был у обедни. У нас вчера — торжественная всенощная, а сегодня наверху в часовне — утренняя молитва по случаю семейного храмового праздника Нерукотворенного образа. Были по делу у Бередниковой и остались обедать. Вторник прошел очень оживленно. Первыми пришли Щербачевы (Надежда Александровна, Шурик и Китти Вадина), затем Гончаров, Лучинский, Метаксас с сыном, Сережа Третьяков, А.С.Матвеев (beau-frèe великого князя Михаила Александровича), генерал Левашев, который очень недоволен «Русской историей» Ключевского за ее субъективность, Гербель, Ксана, Гриша, Енько-Даровский с женой, Елизавета Евгеньевна Попова, графиня Салиас, Марина, Таня Сахновская, отец протодиакон, Михаил Акинфиевич Суковкин, Ника Муравьев с матерью, полк. Борцов, Лихачевы (втроем), Жеребцовы, приехавшие на полчаса из Ментоны в 7 час., Манечка Голицына и Шуша Лесли. Многие осматривали часовню. Я показывал библиотеку. Вечером заходили Тепловы. Гроза, и по временам идет дождь.

Среда, 17/30 августа.

Ночью гром ударял с такой силой, что, казалось, падает на самый дом. К утру дождь продолжался; я, по неосторожности, открыл окно. Во время молитвы пошел косой дождь с такой силой, что вся комната оказалась наводненной, и даже книги и стулья промокли. Под дождем провожали Таню Сахновскую. К счастью, перед отъездом немного прояснилось. Жаль, что уезжают обитатели Болье, скоро Коновницыны и Шидловские, а там и Суковкины. Лето проходит, идет страшная зима для России, не успели выгнать злодеев, еще придется многое претерпеть. На все Божья воля! Сегодня у меня был первый урок писания на машинке. Ездил для этого к Боре в Монте-Карло в 1 час. 40 мин., напрактиковался хорошо и переписал уже половину страницы. Мать получила письма от тети Маруси и Шуриновых. Обе посылки получены очень скоро, письмо шло восемь дней.

Четверг, 18/31 августа.

Гриша старается научиться плавать, но ему это совершенно не удается. Вода, несмотря на дожди, очень теплая. Отец и мать ездили после обеда к Тарановским и гр. Муравьевым, а Графчик — к зубному врачу и кроме того на беседу отца Николая,

которая была весьма интересна. Я сделал экзамен Ксане и занимался с Гришей. После чая они втроем с Максимом ходили гулять, а я сидел дома и прибирал шкаф у меня в комнате. Более половины вещей оказались достойными выброски. Вечером шел опять сильный дождь с грозой. Я два раза заходил к Суковкиным.

Пятница, 19 августа / 1 сентября.

Получили письмо от дяди Вани. Сережа уже вышел, в первый раз. Сегодня после бури необычайно чистый воздух, солнце, но не слишком жарко. Снял фотографии с Бутей и Алексеюшкой [Шидловскими]. Марина Суковкина приходила нас снимать и осталась выпить чаю вместе с Алексеем. Мать читала воспоминания Максима Максимовича о Соловьеве, а я рисовал акварелью соединенный герб.

Суббота, 20 августа / 2 сентября.

Получили длинное и сердечное письмо от Евгении Викторовны Шидловской из Германии. Сегодня Fête patronale de Beaulie*. Утром получил фотографии, удались все шесть; очень хорошо группа у Протопоповых. Вода сегодня 12 градусов, и мы, не успевши по настоящему поплавать, вылетели наружу. Были у всенощной. Получили письмо от Тихона Александровича [Аметистова] о смерти его матери. Царство ей Небесное! Митрополит сейчас находится в Сербии, значит что-то неладно. Жильяр уехал из Рима. Вечером мать пошла к Суковкиным. Лидия Павловна Княжевич подавилась шелухой яблока, и горло болит так сильно, что придется делать операцию.

Воскресенье, 21 августа / 3 сентября.

Были у обедни. Несмотря на солнечную погоду, неожиданно пошел сильный дождь. Мать получила письмо от Елены Васильевны (Пономаревой) и Аси (Леонтьевой), которая пишет, что умер дядя Саша Леонтьев и сын Лизы-кухарки, Коля. Царство им Небесное! Кухарка Лиза все в 14-ом номере Екатерининского канала и вспоминает о нас, особенно обо мне. Она теперь живет с невесткой и внуком. Елена Васильевна пишет о харьковцах, о Хариных и о Евдокии Николаевне Куликовской,

* Престольный праздник Болье

которая продает пирожки на улице. После обеда были у Метаксаса, туда же пришел отец, обедавший с Третьяковым, Шебеко и Матвеевым. На трамвае и пешком добрались с большим трудом до Левандовских. Имение на Mont Boron великолепное: 16 десятин, парк чудесный, принадлежащий английскому баронету Барклаю, Левандовские и Ельчаниновы живут в избушке и работают, как волы, так как три сына уехали в разные стороны, а работы на семерых рабочих. Я снял группу Елчаниновых и нас. Александр Владимирович примостил на стене доску с книгами. Он интересуется оккультизмом и восточными религиями. Вернулись пешком. Вид поразительный, море лазоревое, теплый и ясный воздух, а позже красный закат и с легкими облаками. По дороге встретили княгиню Голицыну. Последний понедельник на Villa le Reve. Грустно и уныло.

Понедельник, 22 августа/4 сентября.

Утром экзаменовал Ксану по математическим предметам. Повторили почти всю планиметрию. После обеда занимался с Гришей. Прочитал в записках Максима Максимовича о роде Ковалевских. Очень мало и часто неточно. Были на последнем понедельнике у Голицыной. Немного народа. Люлет Жеребцова привезла жениха, мальчик лет 19-ти. Он — двоюродный брат наших симферопольских Байковых. После ужина ходили Максим, я, Марина, Бутя и Гриша на fête de Beaulieu. Смотрели на танцы, угощались дорогóй и не особенно вкусной нугой, потом прошли в порт по молу и вернулись еще раз на площадь. К нам присоединилась Ксения Евгеньевна Салиас. Ночь прекрасная, луна, тепло, воздух чистый и спокойный. Днем у нас были: Мария Акинфиевна [Коновницына], Бутя, Алексеюшка [Шидловские] и Таня [Сахновская]. Графчик показывал им часовню, а я библиотеку. Отец сделал доклад об экономическом положении Советской России, вызвавший большую сенсацию и восторженные отзывы всех присутствовавших.

Вторник, 23 августа/5 сентября.

Утром занимался с Гришей. Купались, довольно холодно. После обеда пришел Боря Лихачев, а вскоре Левашев и Метаксас на заседание по выработке устава союзов монархистов. Работа происходила у нас в библиотеке. В 3 часа пришли маркиз Меранвиль, Лучинский и Гербель, и состоялось второе заседание учредителей клуба, на этот раз уже в гостиной. Боря

все время переписывал протокол. Вскоре пришли художник Дмитриев и Бардыгин, красивый старец с длинной снежной бородой и седыми волосами. Были двое Гирсов, Княжевич, Гриша, Ксана, Миша Гончаров, графиня Салиас, графиня Фальтан, Мария Акинфиевна, Михаил Акинфиевич, Смесов. Базаров привез весь полк и не мог зайти, а пошел на берег моря, были только его жена и дочь Таня. Позже всех пришла Манечка Голицына, мы с Борей ее провожали до «Rêve», а потом проводили Бориса.

Среда, 24 августа/6 сентября.
Святителя Митрополита Московского Петра.

Графчик съездил в церковь и к зубному врачу. Ограбили русскую церковь в Париже. Ужасное святотатство, унесли дарохранительницу, Святые Дары рассыпали по престолу. Украдены два креста, дикирий и митра отца Иакова. Вор, спрятавшись после всенощной в субботу, вылез через колокольню по веревке. Раздавлена в Болье около нас, поездом племянница Стаховича. Какой ужас! И какое несчастье для Михаила Александровича. Пили чай у Суковкиных. Я снял три группы. Марина сделала прекрасный кремовый пирог. На Совете были неприятности отцу настоятелю, причем косвенно он остался в меньшинстве с поддержкой только со стороны одного отца.

Четверг, 25 августа/7 сентября.

Занимался с Ксаной в библиотеке. Обедали рано из-за проводов. Провожали Марию Акинфиевну Коновницыну, Алексея и Женю; сели благополучно; в Ницце к ним приходили Мария Григорьевна и Бутя и передали мелкие вещи, взятые для облегчения посадки. Поехали с поездом «люкс» в Монте-Карло. Со мной ехал Каншин, который был удивлен встретить меня в первом классе, но иначе нет подходящего поезда, а приплата незначительна. В то же купе пришел Вова [Красинский] и князь Эристов. Писал на машинке 3 часа, — почти окончил протокол заседания. Ехал в первом классе, так как взял обратный билет, который дешевле. Вечером заехал к Суковкиным. Марина вступила в исполнение обязанностей хозяйки.

Пятница, 26 августа/8 сентября.

Утром занимался с Гришей, купаться не ходил. Максим, отец и Евграф ездили к Базаровым в Hotel «Alhambra». Там

был чай и угощение по случаю именин одной из девочек. Играли в горелки и провели время очень весело. Обратно пришли пешком через col* de Villefranche в час 10 минут из Cimiez, необычайно скоро. К чаю к нам приезжал Ника Муравьев попрощаться. Он завтра уезжает с матерью в «люксе» в Париж (!). Я сбегал и позвал Ольгу Константиновну [Суковкину] и Бутю, которая одна оставалась на вилле. В 5 часов зашел поздравить Марию Александровну с днем рождения. Угощали шоколадом. Было очень мало народа: баронесса Ган, княгиня, Ольга Федоровна, Княжевич, старший Севастопуло и я. Немного позже пришли Быков, Сережа Лейхтенбергский (брат Нади), Волжина с дочерью и молодой Иванов-Луцевич. Я бегал за ромом, сахаром и лимонами для грога, который собирались делать вечером. После ужина пошел опять с Максимом на «Reve». Бедная княгиня дает мне книгу Спиридовича и говорит: «Постарайтесь продать, cela coute énormément cher et je ne veux pas garder un livre avec des portraits des commissaires, et puis comprenez-vous 15 francs c'est beaucoup pour moi»**. Она прибавила 40 газет для солдат во Франции. Когда отец прислал записочку, что оставляет книгу за собой, она была необычайно рада. Вечером — очень оживленно. Были Оболенские (Ника и Сережа), Сергей Лейхтенбергский, Княжевич, Саша Берг с родителями, Волжина с девочкой, Иванов, младший Севастопуло, Марина, пришедшая очень поздно, графиня Берг и Розен. Княжна подносила каждому по бокалу грога с пением и поклоном. Почти не танцевали, после 10 часов пошли наверх и пили крюшон с фруктами и пирожками. Мы убежали раньше всех. Вообще было слишком много кавалеров и мало барышень. Сережа Третьяков написал мне во всех подробностях об ограблении церкви в Париже.

Суббота, 27 августа/9 сентября.

Утром снимал виллу, сидел в библиотеке, писал письма. Купались с наслаждением, так как вода теплая. В 2 часа поехал к Лидии Павловне Княжевич на урок. Мать была у Дурасовых с Суковкиными. Вечером — в церкви. «Новое время» яростно высказывается за вел. кн. Николая Николаевича.

* ущелье, перевал (*фр.*)

** «это стоит невероятно дорого и кроме того, я не хочу хранить книгу с портретами комиссаров, и еще поймите меня, 15 франков для меня это много» (*фр.*)

Воскресенье, 28 августа/10 сентября.

Были у обедни. Служили, как всегда, отец Николай и отец Александр. Обедали в русской столовой: плохо, порции миниатюрные, хотя приготовлено очень хорошо; разные салаты считают как отдельные блюда, дорого и еще штраф неберущим вина. Содержит ресторан принцесса Мюрат и госпожа Голуб. Зашли в старую церковь, мать посидела у матушек и оттуда пошла к Волконским, а мы прямо отправились к Наумовым. Виллу не узнать совершенно: из бесформенного ящика она превратилась в изящный дом в три этажа с террасой и прекрасным входом. Когда мы пришли, кроме хозяев были только средний Севастопуло с сестрой. Немного спустя пришли Щербачевы, Яхонтов, Елагина, Попова, Вася Левшин. Пили чай с пирогами, приготовленными Аней Наумовой, потом вышли в сад. К этому времени подошли Олег Щербатов, Марина, Татищев и Урусов. Играли в подушку, кошки-мышки и в третий лишний. Мать пришла в 5 часов. Александр Николаевич [Наумов] повредил себе ногу и уже 6-ой день лежит и не может встать. Под конец Шура Щербачев устроил вальс и grand ronde et cohue*. Четыре фотографа: я, Аня, Саша и Яхонтов снимали группу на лестнице; кто лучше, не знаю. Сегодня было большое состязание пловцов; между прочим, выигрыш получила француженка. Мать получила письмо от дяди Володи (Стрекалова), который пишет, что живется ему ничего, даже хорошо, сытно, тепло. Очень неутешительно для остающихся за границей. Когда же конец большевикам? Одна надежда на милость Божию.

Понедельник, 29 августа/11 сентября.
Усекновение Главы Пророка и
предтечи Господня Иоанна.

Были втроем в церкви, а после делали покупки. Святейший Патриарх, по требованию народа, вышел на балкон Донского монастыря, несмотря на нежелание большевиков, разгонявших толпу. Теперь каждый день толпа ждет выхода патриарха, и он благословляет их. В России 200 епископов и только 3 примкнули к большевикам. После обеда к нам заходила Ксения Евгеньевна Салиас, которая из-за ссоры с тетушкой уезжает в Париж. Я и Графчик ее провожали. Пили шоколад у Суковки-

* большой хоровод и толкотню

ных из Марининого запаса, который подарил молодой фабрикант Poulain. Посидел у Марины наверху с час и снял ее в комнате с фотографиями. В «Новом времени» помещено сообщение об ограблении церкви в Париже.

Вторник, 30 августа / 12 сентября.
Святого благоверного князя Александра Невского.

Рождение Максима. Утром ездили к обедне и делали разные покупки для приема гостей после обеда. На обеде ели петуха и отец достал бутылку Mouton Rotschild. Погода разыгралась, но все время был довольно сильный мистраль, подымавший не только пыль, но и разные мелкие предметы, даже конфеты с вазы, стоявшей на балконе. Первым приехал Миша Гончаров, я бегал звать Марину и у нее застал Нику Оболенского. Ходил встречать на вокзал Шушу и Тоню Дурасову, Сашу Наумова, Гришу Теплова, Муню Щербачеву, Сережу Оболенского и Борю. Взрослых мать задержала в гостиной. Молодежь села пить шоколад, во время которого Ксана и Марина помогали разносить чашки. После шоколада пили крюшон, а затем предоставили место взрослым, убравши предварительно «развалины Карфагена». Играли в самые разнообразные игры: чулки, горелки, three and two (третий лишний), снимал две группы. Наконец, стали играть в телефон. Почти всех мать оставила ужинать. Тоня и Шуша пошли к Суковкиным, Муня уехала гораздо раньше, Тепловы пошли к графине Фальтан, а Боря Лихачев, Миша Гончаров, двое Оболенских и Саша Наумов остались у нас. Из взрослых была княгиня Волконская, генерал Левашев, Ельчанинов, Теплов, Суковкины, графиня Фальтан и, под конец, княгиня Голицына и Мария Григорьевна Шидловская с Бутей. Виктор Петрович Тарановский остался ужинать. К счастью, матери пришло вдохновение утром сделать блинчатый пирог, был, кроме того, салат из томатов и грушевый компот. Оболенский читал стихи о флоте (оба брата были в морской гардемаринской форме с вензелями на погонах). После ужина зажгли иллюминацию, но из-за ветра и холода мало кто желал сидеть в саду и любоваться звездной ночью и фонариками, развешанными между деревьями. Многие уехали в 9 часов. Остались только Боря, Марина, Ксана и Ника Оболенский. В 10 пили еще чай. Боря принес свой сборник.

Среда, 31 августа / 13 сентября.

Дождь и ветер. Фотографии вышли очень хорошо, особенно группы. Марина в своем возлюбленном уголке — очень натуральна. Днем шел дождь. На Приходском совете произошел скандал, причем не члены совета, а приглашенные покинули зал заседания. Заходил к Суковкиным, а потом сидел в библиотеке и печатал фотографии.

Четверг, 1 / 14 сентября.

Очень холодно и ветрено. Утром делал выписки из разных сочинений для истории нашего рода. К чаю у нас был Николай Николаевич Шебеко. Был в гостях у Суковкиных, к которым приехала сегодня Шуша Дурасова, англичанин с сестрой и Яхонтов с дочерью. Поговорил со стариками о тяжелом положении. Вечером отец обедал в клубе и делал доклад о Советской России. Мать читает нам «Воскресенье».

Пятница, 2 / 15 сентября.

Утром занимался с Гришей. Погода как раз для свадьбы. Тепло, солнечно, нет совершенно ветра. Я с отцом поехали во втором классе с поездом в 1 час. Зашли в цветочный магазин, затем купили ленточку для ларца и, наконец, пошли к La Caria. Пока укладывали конфеты, я и отец спросили себе кофе. В соборе были приготовлены золотые ризы, но мы для большей торжественности надели белые стихари (шелковые) и золотые, хорошие орари. Все было самое лучшее. Посреди церкви лежал замечательный ковер с армянской надписью, сделанный из шелка, все люстры были зажжены, а Евангелие, блюдца и крест были наилучшие (пожертвованные фон Дервизом).

Свадьба русского консула Е.С.Протопопова.

Отец Протопопов долго не ехал. В соборе уже с двух с половиной было много любопытных. Вскоре приехали ген. Левандовский, отец невесты, с женой. Он был в генеральской форме при орденах и с аннинской лентой. Фотограф сейчас же их снял. Затем приехали отец Протопопов и Любовь Васильевна. Отец Сергий был в анненской ленте и при всех орденах. Их также сфотографировали вместе с Орловым, надевшим уланский мундир и папаху (!), и Сергеем Сергеевичем в мундире и при орденах. Жених опоздал немного. Он был в

консульском мундире при многочисленных орденах. Свадьба прошла очень торжественно, народу, особенно глазеющих, было так много, что стояли на амвоне и на крыльце. При выходе еще раз были сняты группы. Отец Сергий говорил проповедь, отец, от лица колонии, поднес букет и ларец с конфетами, Графчикиной работы. Шаферов было всего четыре, причем А.Орлов держал криво венец, Левандовский также неуклюже. После службы все поздравляли молодых, и жених пригласил всех в дом. Когда толпа человек в 150 проходила по маленьким улочкам, все жители высыпали посмотреть на невиданное зрелище. Перед домом еще раз все были сняты тремя фотографами. Наверху всем подавали великолепное шампанское, конфеты и пирожки. Давка была столь велика, что нельзя было протискаться, но ни один стакан не был разбит, зато много платьев было залито, также у матери, ее только что сшитое серое платье. Я выпил три бокала и чувствовал себя слабо, Евграф 7 и Марина 6, причем были бодры. На вокзал мы поехали на автомобиле, нанятом для развозки гостей. В том же поезде, где и мы, ехали молодые. Максим помог им погрузиться, и все еще раз приветствовали их. Когда мы вылезли в Болье, то в последний раз их поздравляли, и они уехали по направлению к Италии (кажется, в Рим). Забегали к Суковкиным. Все рады, и свадьба подняла общее настроение. Как хорошо, что до вечера погода оставалась ясной, хотя немного прохладно.

Суббота, 3/16 сентября.

Занимался по-английски. После обеда был у Лидии Павловны Княжевич и в церкви. На монархическом собрании необычайно упорно бранили Борю Лихачева. Вечером забегал к Суковкиным, которые остались втроем. Мария Григорьевна с Бутей уехали с «рапидом». Мы их провожали на вокзал.

Воскресенье, 4/17 сентября.

Были в церкви. Обедали с Борей. На заседание национальной молодежи пришло человек 12. Вынесли принципиальное одобрение Борису. Миша читал свои стихи. Был у Николая Николаевича Гирса. Он был очень рад моему приходу. Смотрел у него книги о короновании, Звенигородского, лицевой подлинник 300-летия дома Романовых. Взял на прочтение «К познанию России» и о курском дворянстве. Вечером был у М.Ф.Браславской и Суковкиных. Марина угощала фигами, привезенны-

ми Никой Оболенским. Вечером был vin d'honneur для Бесси, отец произнес речь и пили за здоровье его семьи. Они остались у нас до 9 с половиной.

Понедельник, 5/18 сентября.

Делал выписки из летописи курского дворянства. Гриша обедал у нас. В 4 часа пошли к графине Фальтан. Тепловы получили письмо от дяди Ивана Григорьевича, вызывающего их в Мюнхен. Он продал имение и может оплачивать жизнь семьи брата. В Мюнхене есть русская гимназия, куда могут поступить Ксана и Гриша. Неожиданно пришло такое радостное известие. Мы все рады за Тепловых. Марина из-за уборки виллы опоздала к чаю. Были в 6 часов у Голицыной, сидели на балконе, уже никого не было. Манечка уезжала к Беби Розен на именины в Ментону. Вечером были у Суковкиных. Мать кончила читать «Воскресенье». Конец неудовлетворительный и мешают рассуждения.

Вторник, 6/19 сентября.

Утром лопнули трубы для газа на улице. Закрыли всю линию и заливали водой горящую мостовую (гудрон). Пришлось готовить на углях. Я носил воду и котлеты на плиту к Суковкиным. Марина помогла мне их жарить. Гостей было много. Первой пришла Жилинская, потом графиня Граббе с Орловым. Вскоре явился клуб интеллигентов (Метаксас, на этот раз с женой, Гербель, маркиз Меранвиль и Лучинский). К чаю пришли еще Н.Н.Гирс с женой, Гриша, Ксана и Марина. Я ходил ее провожать, встретили Борю и графа Граббе. Оказывается, Гербель и Граббе не переносят друг друга, и поэтому они все время избегают встречаться. Были Суковкины и Мигулины (Петр Петрович взял несколько книг для работы), Голицыны, Шуша Лесли и Ольга Федоровна. В половине седьмого пришел Ласкин. Я провожал Борю на вокзал и встречал Марину. К нам к вечеру заходил Горячов, подозрительный тип, называющий себя учителем и журналистом. Вечером мать читала очерки Глеба Успенского.

Среда, 7/20 сентября.

Утром купались, вода теплая и чистая, на берегу жарко, как не бывало даже этим летом. В Ницце заходил в магазин за

бумагой для Бориса. Видел фотографии свадьбы Протопопова, очень интересны и удачны. Были у всенощной. Служил один о. Александр из-за болезни настоятеля. Вечером ехали с Суковкиными.

Четверг, 8/21 сентября.
Рождество Пресвятые Богородицы.

Обедню служил отец Александр, мы прислуживали. Обедали в Raimbaldi с Мариной, а после обеда ели пирожки у la Carid. Я забегал на минуту к Метаксасу. В Cros de Cagnes к Щербачевым ехало человек 20. Вся местная молодежь, отец, мать и Суковкин. Время провели хорошо. Пили чай, я снимал группу сверху «à vol d'oiseau»* с балкона. Ходили на площадку. Боря приехал в 6 часов. Обратно ехали с Мариной и Севастопуло. Отец и Суковкин были у Оболенских и Владимировых. M-lle Dugard приезжает в понедельник.

Пятница, 9/22 сентября.

Ездил после обеда в Монте-Карло, переписал на машинке аттестат Графчика и начал мемуары Максима Максимовича. В Совете все перессорились. М.Н.Граббе говорил против Волконского. Отцу с трудом удалось всех примирить. Дальневосточный Земский Собор[34] выпустил прекрасное воззвание. Как отрадно, что, слава Богу, сохранился все же клочок свободной русской земли.

Суббота, 10/23 сентября.

Утром было пасмурно, но скоро выглянуло солнце; мы всетаки купались. Гриша обедал у нас. После обеда я был на английском уроке. На всенощной было очень много прихожан, служил отец Николай. В совете Объединения и в совещании были с настоятелем разные инциденты. Фотографии вышли хорошо, особенно с балкона вниз и Марина у сосны.

Воскресенье, 11/24 сентября.

На обедне было необычайно много народа. Убит Дзержинский[35], один из наиболее видных негодяев и убийц. Подробностей пока нет. К чаю у нас было четверо Волконских и отец

---

* с (высоты) птичьего полета (*фр.*)

Александр, которого провожал Евграф. Муж Марии Волконской говорит только по-английски, и потому с ним было очень трудно объясняться. Посадив отца Александра в поезд, пошел с Максимом к Голицыной на несколько минут. Гулял с графиней Фальтан, Ольгой Константиновной и Ксаной по направлению St. Jean. Графиня рассказывала о терроре и чрезвычайках, а Ольга Константиновна — о Максиме Максимовиче. Вечером я был у Суковкиных. К нам забегали и сидели до поезда Севастопуло и Боря. Мать начала читать «Дуэль» Чехова. В связи с убийством Дзержинского вновь появилась надежда на скорое падение большевиков. Сегодня я начал эвакуировать мою комнату.

Понедельник, 12/25 сентября.

Прибирали комнату для M-lle Dugard. Вода сегодня великолепная. Мы и Гриша купались. Был у Марины. M-lle Dugard приехала. Багаж ее задержался, и она ждала на вокзале Vintimille. Максим, Евграф и Ксана ходили в Вильфранш. Вечером M-lle Dugard рассказывала о «сладкой» и «дешевой» жизни в Италии, об «известности» Ленина и о порядках в Сиене и других городах. Она нам привезла красивые кожаные бумажники.

Вторник, 13/26 сентября.

Утром показывал M-lle Dugard библиотеку; она останавливалась перед каждой книгой. После обеда мать и отец показывали ей Ниццу и привезли ко всенощной. Я с Максимом выехали позже. Графчик был у Наумовых. Всенощная прошла необыкновенно торжественно, служили три священника, протодиакон; мы были в орарях; надели лиловые и фиолетовые ризы. Крест поднимал отец Сергий Протопопов, поддерживаемый отцом Николаем и отцом Адександром. Народа было много. Служба кончилась, а все еще прикладывались и подходили к елеопомазанию и за хлебом. Мы едва поспели на поезд. M-lle Dugard очень понравилась служба.

Среда, 14/27 сентября.
Воздвижение животворящего креста Господня.

Утром были у обедни. Служба кончилась в 12 часов, но поезд опоздал на 40 минут, и мы вернулись домой только в 2 часа. Обед был праздничный: куриный суп, курица с рисом и меренги. Отец поехал на заседание Совета, где произошло

всеобщее и полное примирение. К нам пришли Яхонтовы. Мы хотели ехать в Монте-Карло, но из-за дождя отложили поездку. Заходили к Суковкиным, а вечером Ольга Константиновна и Михаил Акинфиевич были у нас к чаю. M-lle Dugard, как всегда рассказывала много интересного о Freud'истах. Марина поехала к Мие Оболенской, опоздала на поезд и ей пришлось сидеть до 4-х часов утра. Несмотря на это, сегодня она встала в 7.

Четверг, 15/28 сентября.

Весь день идет дождь. После обеда отец, мать и M-lle Dugard поехали в Монте-Карло; несмотря на дождь, поездка была удачной. Я, Графчик, Ксана и Гриша ходили в Вильфранш и возвращались по дороге, идущей между камышей.

Пятница, 16/29 сентября.

Утром гулял с M-lle Dugard. Проводили ее с честью, преподнесли букет и великолепного винограда. В 3 час. 40 мин. к нам приехала Наталия Евграфовна Бередникова с внучками. Они привезли каждому по религиозной книге. После чая мы показывали сад, дом, библиотеку, часовню, я снял группу. У Голицыных большие неприятности. Пришла police judiciare* и выгнала всех на дорогу, опечатала имущество из-за 1500 фр. Отец внес 700 фр. И их на день оставили. Вечером ходил гулять к морю, встретил Марину и Максима. Положение во Франции неважное. Отрекся король Константин Греческий по требованию армии и флота и по интригам Бенезилоса. В Марселе все рабочие бастуют. Сегодня солнечно и прекрасная погода.

Суббота, 17/30 сентября.

Утром Графчик поехал в церковь, а отец, княгиня Голицына и я — закладывать ее серебро в ломбард. К нам заходил И.Семенов. Его выбросили больного с больной женой на улицу, и он пристроился в какой-то сырой комнате. Лидия Павловна [Княжевич] переезжает, и урока не было. Достал фотографии консульской свадьбы. Отец Александр дал мне пишущую машинку, на которой я буду писать, только не знаю точно, как ей управлять: система старинная. Вечером — у Суковкиных. Приехал Кульман.

---

* судебный исполнитель

Воскресенье, 18 сентября/1 октября.

Были у обедни. С нами обедал Ника Оболенский и Боря. Отец и мать были у Кульманов. Наталия Ивановна немедленно по приезде слегла и только сегодня встала. Снял перед собором сына Корнея (сторожа) и дочь Федора Васильевича (псаломщика). У отца было заседание родителей для устройства русских уроков при церкви. Графчик был на пироге и шоколаде у матушек, а мы втроем с матерью поехали к Мигулиным в Cros des Cagnes. В поезде ехал к ним же Направник и инженер (строитель портов) Остроумов. Петр Петрович немилосердно ругал Витте и прочитал свою статью о нем, напечатанную в 1906 году. Вечером было положительно холодно, поезд очень опоздал и был переполнен донельзя; с трудом втиснулись в коридор. На Графчика налетел велосипедист, но, к счастью, благополучно. Одного человека остановил полицейский, когда он нес просфоры. Это указывает на то, как хорошо охраняется собор. Вечером был на Marie Georges. У Голицыной раут и танцы, несмотря на отъезд и разгром дома. «Вишневый сад» на французский манер.

Понедельник, 19 сентября/2 октября.

Ездил с Суковкиным за пишущей машинкой в Ниццу. На обратном пути в трамвае ехал со стариками Отман де Вилье. Жаловались на то, что взяли на военную службу их сына, хотя он совсем не способен. После обеда переводил аттестат Графчика. Машинка чудесная. У Голицыных вчера раут продолжался на траве в саду. Все вышли посмотреть на луну, и Оболенские остались всю ночь, а Корсаков ушел пешком через Col de Ville Franche.

Вторник, 20 сентября/3 октября.

Утром писал на машинке. Погода прекрасная. С Голицыных требуют по вилле убытков на 6000 франков. Сегодня у нас на приеме было очень оживленно. Раньше всех приехали Гриша и Ксана, а вскоре члены клуба: Лучинский, Метаксас, Гербель, потом Левашев, Яхонтов, Гамалея (владелец Villa Tunis), Суковкины, Гирсы, графиня Сумарокова, Тарановская с Петей, Даниловы, протодиакон с женой, Кульманы, Тепловы, Марина, Маничка, Боря, приехавший после 7 часов. Когда уже почти все разошлись, пришли Шуша Лесли и Ельчаниновы. Гриша ужинал и уехал с трамваем в 9 часов.

Среда, 21 сентября/4 октября.

Ходили в 8 часов к Голицыным и перевозили вещи на «Зореньку». После обеда писал на машинке. В 8 часов поехал на балет в Palace Victoria. Сперва шел глупейший кинематограф. Поставлен балет великолепно, танцуют хорошо; конечно, первоклассны Седова и ее дочери, особенно младшая в «Девочке и бабочке» и англичанка Addison в танце «Salomé». Масса русских. Кроме балета, Абаза играл поразительно на балалайке, заменявшей целый оркестр; ему горячо аплодировали. В промежутках были рекламы лекарств и несколько крошечных научных фильмов. Мы уехали в 11, а все остались до 12.30 и очень устали.

Четверг, 22 сентября/5 октября.

Утром писал на машинке и переписал аттестат Графчика и начал переписывать инвентарь Villa Marie Georges. После бесконечных бегов за serrurier и plombier*, уехал с Графчиком в Монте-Карло. Был у Лихачевых. Боря читал мне свою статью, подписанную Борисов; очень красиво, но мало содержания. Заходил к Гончаровым. Вечером ездил на доклад Ельчанинова об активной работе русской интеллигенции в лоне Православной Церкви. А.В.[Ельчанинов] все больше воцерковляется. Н.К.Кульман оставляет меня при университете для занятия литературой. Тихон Александрович Аметистов пишет, что А.В.Карташов женился в Праге. Венчал епископ Сергий.

Пятница, 23 сентября/6 октября.

Утром ходили за вещами. Отец у вел. князя Андрея Владимировича. Рождение Ксаны. Ей сегодня исполнилось 16 лет. Были на чае в Maisonnette у Тепловых. Были Гирсы и Ольга. Я снял группу. Вечером развешивали голицынские картины, выкупленные отцом. Портрет матери-княгини повесили в спальне. Вел. кн. Андрей Владимирович провожал отца до вокзала и посадил в поезд. Они говорили очень много о Федоре Кузьмиче и манифесте. Когда стемнело, зажгли фонарики и сидели в саду. Ночь поразительная. Провожали Тепловых на поезде. Встречали Марину [Суковкину], ехавшую от Севастопуло.

---

* слесарем и водопроводчиком (*фр.*)

Суббота, 24 сентября/7 октября.

Утром переносили с отцом полки. Был у Лидии Павловны Княжевич на новоселье. Она очень торопилась на репетицию в Victoria Palace и бежала по Gambetta так скоро, что я не мог догнать. Трудно достается русским кусок хлеба! Голицыны приглашали Мию, но та стеснялась, потом поехала в Болье и сейчас же вернулась. В 9 часов у нас был прощальный чай для княжны. Были Суковкины (втроем), княгиня, Шуша Лесли и Ольга Федоровна. Пили Smith Haut Lafite за здоровье всех присутствующих. Суковкины ушли в 11 час., а остальные посидели еще некоторое время, так как отец писал бумагу с княжной. Боб (собака Голицыных) сидел все время очень смирно, и не было скандала между ним и нашим котом. Все торжественно провожали Марию Александровну до Empess'a. В Ницце вновь начались ссоры между настоятелем и прихожанами.

Воскресенье, 25 сентября/8 октября.

Снял группу Гирсов и нас на вокзале. Погода великолепная. Мы надели опять белые брюки и туфли. Я взял аппарат, чтобы снимать ниццкий хор. Обедали в «Raimbaldi» и оттуда пешком пошли на place Garibaldi. Трамвай был сразу же переполнен. Я стоял на площадке. Когда приехали к pont de l'Ariane, начал накрапывать дождь. Имение расположено очень удобно, большой сад, настоящая деревня, свои овощи и молоко. Ходил встречать Суковкиных и Муню и вернулись под настоящим дождем. Ливень был настолько силен, что нельзя было и думать уехать с 4-часовым трамваем; попали к пятичасовому; по дороге слякоть невообразимая и к тому же начинает темнеть. Когда добрались до места, стало совсем темно и холодно. Бегали, чтобы согреться, в маленький трактир, где все время дрались и танцевали местные жители. Из-за дождя трамвай сильно опоздал. Когда он проходил и приостановился у разъезда, я побежал занять места, но с трудом повис одной рукой на втором вагоне. Так и простоял на подножке до Ниццы. Мимо остановки трамвай промчался со скоростью 30 верст в час; все махали, кричали, но влезть не было никакой возможности. Я один вернулся домой, а все остальные остались стоять на холоде на мосту в легких платьях и в полной темноте. По приезде я забегал предупредить Марину о возможном опоздании, но, к счастью, все приехали с поездом. До Ниццы дошли пешком и

сели на трамвай. Великий князь Андрей Владимирович был у Гирсов и порядочно вымок, так как встал под водосточную трубу у виллы графини.

Понедельник, 26 сентября/9 октября.

Переставляли полки, занимался с Гришей, писал на машинке. После обеда у нас был А.В.Ельчанинов, сидел до 5 часов, пил чай. Нашел много интересных книг в библиотеке. Обещал дать нам «Столп и Утверждение Истины», книгу свящ. П.Флоренского[36]. Мы провожали его с Гришей до Ниццы по Corniche. А.В.[Ельчанинов] интересуется очень книгами, которые он очень ценит. Мать начала читать «Клару Милич».

Вторник, 27 сентября/10 октября.

Писал на машинке и читал с Гришей комментарий Цезаря. Гриша написал высоко поэтическое, но безграмотное сочинение о вчерашней прогулке. После обеда, едва все привели в надлежащий вид, как начали приходить гости. Раньше всех пришла попрощаться княгиня М.П.Голицына. Я не успел спуститься, так как она очень скоро ушла. Вслед за ней приехали А.Н.Наумов с Сашей, а через минут 20–30 — целая толпа: Яхонтовы (Лиля с отцом), Шуша Лесли, Боря, Соня Валь, ген. Тарановский, Паскевич со своей ученицей, Левандовский. Гриша бегал встречать свою мать. Взрослые прошли в столовую, а молодежь выгнали на балкон, где было довольно прохладно. Тут подошли еще Б.Н.Дмитриев, Метаксас и ген. Щербачев. Так как места в столовой больше не было, часть гостей перекочевала в гостиную, а часть наверх, особенно матушки и дочь отца Николая, пившие чай с Графчиком в комнате Максима, и только после пришедшие спустились вниз. Немного погодя, пришли Суковкины, Ксана, Дурасовы, Муратовы, Каншин, Щербачева с Муней, Гирсы с маркизом Паулуччи, Мигулины, Направник, Елизавета Евгеньевна Теплова, Саша Севастопуло и, под конец, генерал Левашев и Ласкин. Из-за темноты все разошлись к 6 часам, но все же последний вторник был необычайно оживленным и шумным. Заходили с Максимом и Гришей к Суковкиным. Играли там в карты, а Саша показывал фокусы. В 8.35 провожали Гришу. Яхонтов и Севастопуло поехали к Поповым на бал. Получил благодарственное письмо от Мулинье. Мать читала Тургенева («Клару Милич»).

Среда, 28 сентября/11 октября.

Разбирал с матерью серебро, оставленное Locatairs'ами, а после обеда переписал его. Писал на машинке и переписал 8 страниц инвентаря для Суковкиных. Уехали Тепловы (Елизавета Евгеньевна с многочисленными вещами, сданными в багаж). Вечером читали по-немецки, мать кончала «Клару Милич». Делал выписки из архивов по истории нашего рода и извлек все, что возможно, из сборника Гурова.

Четверг, 29 сентября/12 октября.

Утром приходили смотреть виллу. После обеда был у Княжевич. Лидия Павловна упала с лестницы и сильно расшиблась. Из-за опоздания поезда вернулся очень поздно. Переносил вещи с Максимом на Marie Georges. Вечером поехал с матерью в клуб на доклад Н.К.Кульмана и музыкальное отделение. Лекция Николая Карловича была необычайно продумана и осторожна. Пение прекрасное, но затянулось довольно долго. Вернулись мы втроем с поездом в 11 часов. Отец провожал в По княгиню Голицыну, у которой не хватило денег для билета и очень пригодились наши 150 франков. Кончился Reve, и исчезли с ниццкого горизонта Голицыны; грустно и уныло.

Пятница, 30 сентября/13 октября.

Утром был на молебне национальной молодежи по случаю дня рождения вел. кн. Кирилла Владимировича. Собралось довольно много народа; был вел. кн. Андрей Владимирович. На вокзале встретил Севастопуло, который метался по платформе. Он сегодня уезжает в Париж. Ехал с Леонтьевым (четвертым мушкетером), который должен был обедать у Марины [Суковкиной]. Вечером был на всенощной; литии не было, но зато отец Николай прочел акафист Покрову. Служил настоятель и отец Александр. Из-за перевода часов к началу службы пришлось зажечь электричество. Левандовская и Ельчаниновы уверяли, что мне 16 лет, и что они были потрясены, услышав, что я уже кончил университет.

Суббота, 1/14 октября.
Покров Пресвятые Богородицы.

Были у обедни. Служил отец Николай, так как отец Александр поехал в Канны, заменять отца Григория, служащего у

великих князей Николая и Петра Николаевичей в Антибе. После обеда заходили к матушкам, а потом пошли к протодиакону, у которого просидели до всенощной. Угощение у него было замечательное, домашнее печенье и малиновое варенье, пирог. Вечером были у всенощной. Я снял группу у протодиакона. На всенощной все читала Ксана [Теплова]. Многие удивлялись и смотрели, так как не верили, что девочка может так читать.

Воскресенье, 2/15 октября.

Были у обедни и служили напутственный молебен. С нами обедали В.Соколов и Боря [Лихачев]. Виталий рассказывал много из своей автомобильной практики, Боря — профессиональных танцорах, получающих до 6000 в месяц. Обыкновенно им после танца дают по сто франков. В числе них Роман Воронцов-Дашков. Какое нравственное падение! Были втроем у Борщева на Mont Boron. Дом у него замечательный, комнаты дворцовые, но рядом с многоценными вещами стоит разная труха. Он живет совсем один в целом chateau*, который имеет вид нежилого помещения. Сад, парк, 30.000 метров земли, замечательные розы, ценные растения, кедры ливанские по 300 лет. В доме поразительные зеркала и окна из сплошных зеркальных стекол. В конце сада — другой chateau, поразительно построенный и отделанный. Все потолки лепные от руки; комнаты с окнами в углах, необычайно светлые. Он все сам составил и наблюдал за постройкой. Угощал нас чаем. Попугай приходил к нему на руки, но боялся нас и не разговаривал. Кому все это достанется? Наследников у него нет. Полковник Борщов исключительно скуп: на блюдо кладет одно су. Вечером писал на машинке.

Понедельник, 3/16 октября.

Графчик и отец ездили покупать подушки и обои для столовой и Графчикиной комнаты. Мать укладывалась. Я писал на машинке. После обеда у нас были А.В.Ельчанинов, Елизавета Евгеньевна, Ксана, Гриша и Гирсы. Тепловы получили разрешение, которое нужно визировать в парижском консульстве, и деньги и, Бог даст, все вместе в скором времени выедут в

* замке (*фр.*)

Мюнхен. Вечером прибирались. Фотографии вышли хорошо.

Вторник, 4/17 октября.

Утром укладывались. Пролились чернила на балконе, с трудом удалось их вывести. Отнес багаж с Максимом на вокзал и сдал его. Перед обедом заходили Суковкины пожелать доброго пути. Бесси принес букет цветов; он болен и едва двигается. Пошли на вокзал заранее. Были Суковкины, Марина прибежала в последний момент. Поезд чудесный, вагон, куда села мать с Максимом, совсем новый с электрическим освещением. Вагон-ресторан для всех трех классов. Я заходил с Мариной на нашу виллу, она подарила мне свою фотографию, но взяла для подписи. К чаю заходил Василий Павлович Метаксас. К Суковкиным приехали гости. M-me Travers с двумя дочерьми. Забегал вечером к Марине.

Среда, 5/18 октября.
Святителей Петра, Алексея,
Ионы, Филиппа и Ермогена.

Год, как нас посвятили в стихарь и иподиаконов. Утром были в церкви, заходили к Захарчикам. Погода плохая, дождь, пасмурно и туман. Прибирали виллу, я писал о семье и роде Ковалевских. Чай пили у Суковкиных. Потом болтали с француженками.

Четверг, 6/19 октября.

Утром Графчик красил проходную комнату внизу. Я бегал в Villefranche к Левашеву, но не застал его дома. Погода пасмурная. К чаю к нам пришли Марина и трое Travers. Долго сидели за столом. Я был за хозяйку и разливал чай. Осматривали библиотеку и часовню и всем очень заинтересовались. Отец поехал на заседание в клуб.

Пятница, 7/20 октября.

После обеда Travers поехали в Монте-Карло, а я, сбегавши к Buntcher, опоздал на трамвай, и мы с Мариной приехали на train de luxe*. Иногда приятно бывает проехаться в первом классе! Вылезли мы в Монако, искали всюду наших, но таки

* поезд первого класса (*фр.*)

не нашли. Зато осмотрели дворец, собор, музей (вход очень дорог) и спустились в Condamine. Я побежал вперед в банк, а Марина осталась у казино. Зашел к Лихачевым и переписал у них молитву и прошения за Патриарха для протодиакона. Travers, оказывается, долго сидели в казино и наблюдали за игрой.

Суббота, 8/21 октября.

Мать пишет, что в Медоне и Париже холодно, квартира в полном беспорядке и грязи. Михаил Акинфиевич, Марина и я ходили на свадьбу дочери épicier* Giaume. Было не особенно торжественно, пели хорошо, но туалеты были серенькие. Мы ходили в Reserve поздравлять молодых, которые были очень довольны. Слетел Ллойд Джордж, большое благо для Англии[37]; интересно знать только, как относится Бонар Лоу к России. В 3 часа поехали ко всенощной. Возвращались с Мариной. Поезд страшно опоздал.

Воскресенье, 9/22 октября.

Были в церкви. Погода дождливая. Стоял на хорах и после двухлетнего перерыва видал всю службу. Графчик ходил к Левандовским, а я после обеда провожал Travers и Ольгу Константиновну на Mont St. Michel. Все храбро дошли до верхушки и спустились по прямой тропинке. Я ходил с отцом к И.Н.Гамалее на виллу «Tunis». Встретили его по дороге, он вернулся, показал нам весь дом, который поразительно отделан, и угостил чаем. Вилла необычайно шикарная и стиль выдержан прекрасно, очень красива терраса с видом на море. Все стены лепные или же покрыты бархатом и другими материями. Построена она табачным королем Abadie, который затратил на отделку 1 1/2 мил. франков. Экономка и племянница Гамалеи страшно горевали, что не могли угостить нас домашним пирогом. Отец ходил с Ольгой Константиновной к Lady Hoggs. Графчик взял на несколько дней у А.В.Ельчанинова замечательную книгу «Столп и Утверждение Истины», священника Флоренского, о которой А[лександр] В[икторович] нам неоднократно говорил. Я сразу зачитался, столь поразительна она по глубине философско-богословской эрудиции. Чтение сразу создало живое и возвышенное настроение.

* бакалейщика (*фр.*)

Понедельник, 10/23 октября.

Ездил в Вильфранш и в Ниццу. Вышел из сада, когда поезд уже шел, но успел сесть, конечно, без билета. Погода дождливая. Travers в Ментоне, вероятно, мокнут или сидят в каком-нибудь ресторане. Перетаскивали с Михаилом Акинфиевичем кушетку в комнату Марины. Читал и писал на машинке. Неожиданно с «люксом» приехал Метохин из Москвы. Ольга Константиновна говорит: «Вот наш друг Петр Ковалевский». «Прекрасная фамилия», — отвечает он. Ходил встречать Надю Лейхтенбергскую. Никогда я не видел Марину такой радостной, как когда она встретила и обняла Надежду Николаевну. К нам приезжал Площанский за пособием. Вечером, во время уборки столовой, пришел директор Зоологической станции профессор Давыдов посидел у нас с полчаса. Марина забегала вечером.

Вторник, 11/24 октября.

Получили письмо от тети Маруси Марковой; Антонины Андреевны Шуриновой и тети Любы из СПб.

Утром прибирали дом. Ожидали Борю Лихачева, но он не приехал. Обойщик пришел в 7 часов утра и работал весь день. Наклеил обои в столовой и комнате Графчика, вышло очень хорошо. После 4-х мы поспешно расставляли мебель с помощью Гриши, оставшегося к ужину. В половине девятого пришли Суковкины, Travers, Надя Лейхтенбергская и Шетохин. Надя сыграла на рояле несколько вещей — замечательно, несмотря на плохой инструмент. Все слушали из гостиной. Осматривали часовню. Шетохин восхищался, особенно трудом, вложенным в нее. После чая Надежда Николаевна играла еще с большим увлечением и чувством, так что получился чудесный концерт.

Среда, 12/25 октября.

Утром занимался по-английски и писал на машинке. Отец и Графчик были в Ницце, а я переписывал бумаги для отца и составлял инвентарь виллы. Идет дождь. Мать пишет, что холод собачий. Они страшно мерзнут. В старосты на Дарю избрали Б.А.Татищева, а в помощники Оноприенко. Митрополит служит часто и долго, начало служб перенесено на более раннее время.

Четверг, 13/26 октября.

Все идет дождь. Утром укладывал вещи Голицыной. Travers уехали, причем не догадались предупредить, и я не мог их проводить. Был на уроке у Княжевич. Отец вечером в клубе интеллигенции. Возвращался из Ниццы с отцом протоиереем Цветаевым и беседовал с ним о политике. Маничка Голицына безумствует с Петровым. Мать пишет очень длинные письма из Парижа.

Пятница, 14/27 октября.

Все утро переписывал инвентарь. Заходила одна дама смотреть виллу для пансиона грудных детей (?!). В 4 часа пошли к Гамалее на Villa Tunis. Он принял очень радушно нас, Ольгу Константиновну и Надю Лейхтенбергскую. Был чай с многочисленными пирогами и печеньями. Надя играла на рояле «Bechstein». К вечеру обстановка приобрела еще более сказочный вид, как из Шахеразады. Все были восхищены музыкой, особенно М.Ф.Браславская и племянница хозяина.

Суббота, 15/28 октября.

Утром был locataire* англичанин, но ему не понравился шум от школы по соседству. Из-за Fumiste** ужасный беспорядок. Был у Отманов. Показывали мне свою виллу (плохо меблирована, слишком велика и музейная). Были у всенощной. Положение Франции катастрофическое.

Воскресенье, 16/29 октября.

Утром идет дождь. До Ниццы ехали с Константином Николаевичем Гирсом и Шетохиным. В соборе народа мало из-за проливного дождя. Я был у Сумароковой. Мать пишет, что вместе с Максимом за иподиакона прислуживал Алеша Татищев и что Сашу Нелидова посвятили в стихарь. По-моему, слишком рано, и всегда плохо, когда слишком легко что-нибудь получить. Отец ходил к Коловрату, а я вернулся домой, был у Суковкиных. Днем мы ходили к Браславской; Настя напекла для нас целое блюдо пирожков с мясом, но, к сожалению, Графчик опоздал, так как зашел к Тепловым, а они живут не очень близко от станции.

---

* квартиронаниматель (*фр.*)

** печника (*фр.*)

Понедельник, 17/30 октября.

Погода поправилась, но нанимателей не видно совсем. «Новое время» печатает с большими оговорками новое бестактное и вредное обращение Голицына-Муравлина, направленное против наших белых вождей и правителей: Колчака, Деникина и Врангеля. Я воспользовался свободным временем и пошел погулять по берегу моря. Вечер дивный, теплый и необычайное благорастворение воздухов. От матери не имеем никаких писем. В Италии энергично действует новая партия «фашисты», добились похода на Рим, полной власти и победили анархо-коммунистов. Муссолини призван королем стать во главе правительства. Вечером разбирали английский отдел [библиотеки].

Вторник, 18/31 октября.

Утром прибирали дом. Работал в библиотеке. К чаю были Miss Френч и Надя Лейхтенбергская, Гамалеи, Браславская, все Суковкины, Гриша и Ксана, Шетохин, Борис Соколов (биолог, а также публицист), принесший свою книгу. 10 месяцев тому назад он поехал из Парижа через всю Сибирь и вернулся в Ниццу. Был Константин Александрович Лихачев. Он не захотел остаться выпить чаю. Все осматривали часовню. Шетохин, известный своим элегантным английским языком, беседовал с Miss Френч. Вечером к ужину у нас остались Гриша и Ксана. Забегал на Marie Georges.

Среда, 19 октября/1 ноября.

Погода прекрасная, но locatair'ов нет. Объясняется, говорят, «Toussaint», праздником, когда все остаются дома для поминовения умерших и только после того уезжают из городов, а особенно центров (?). Весь день печатал инвентарь, и дело шло успешно. Никаких известий от матери и Максима, страшно беспокоимся. Пил чай в единственном числе. Кот, как всегда, сидел со мной. На Приходском совете решали о съезде в Сремских Карловцах, и так ничего и не решили из-за отсутствия нужных для поездки средств. Угощался днем кремом у Марины, сделанным по случаю посещения Леонтьева. К вечеру инвентарь был почти окончен.

Четверг, 20 октября/2 ноября.

Получили, наконец, целую пачку писем от матери. У Максима дела неважны, хотя знания блестящие по обоим сертификатам. Жизнь в Париже серая, ждут нас, начало занятий 9-го, как раз вовремя, к нашему приезду. Еду на последний урок к Княжевич. Вечером отец и Графчик были в клубе. А.В.Ельчанинов читал доклад, как обычно, очень краткий, было музыкальное отделение. Обед, за которым был чествуем отец, был необычайно торжествен. В клубе было так много народа, что едва все вошли в помещение.

Пятница, 21 октября/ 3 ноября.

Утром занимался уборкой и домашними делами и после обеда поехал с Суковкиным отвозить машинку. Забегал к Бередниковым, был с Графчиком на всенощной. Служба была необычайно торжественна. Служил о. Сергий, отец Николай и отец Александр. Отец Сергий, гуляя в саду, упал в колодец и расшиб себе голову. Его отвезли в госпиталь, зашили рану, и он теперь поправляется. Доктор сказал, что если бы рана на половину сантиметра в сторону, то у него отнялись бы ноги, но, к счастью, слава Богу, все обошлось благополучно. Погода чудесная, летняя.

Суббота, 22 октября/4 ноября.
Казанской Иконы Пресвятой Богородицы.

Утром были вдвоем в церкви. Графчик обедал у Волконских, а я вернулся домой. Солнце, 25 градусов. К вечеру сильно похолодало. У нас был Ювеналий Кочетов, восхищался библиотекой. Купил за 25 фр. две книги. Приходил английский пастор нанимать виллу, остался очень доволен и телеграфирует своим клиентам знакомым. Вечером разбирали библиотеку.

Воскресенье, 23 октября/5 ноября.

Утром солнце, тепло, июльская погода. Были в церкви, прощались со всеми друзьями и знакомыми. Все страшно сожалеют о нашем отъезде. Обедали дома. Приезжал Гриша и остался до вечера. Днем был Петр Сергеевич Порховщиков и Ксана, которая вместе с Григорием осталась ужинать. Ходили прощаться к Гирсам и графиней Фальтан. Вечером укладывали вещи и прибирали остающееся.

Понедельник, 24 октября/6 ноября.

Фунт все повышается, уже более 65 фр. Все утро укладывали корзину, иконостас и другие тюки. Забегал попрощаться к Суковкиным, а после обеда — к Бесси, который только что получил диплом и почетную медаль за 35 лет службы. Лента трехцветная национальная. Свидетельство составлено из похвальных выражений. На вилле уборка, и всю мебель вынесли в сад. Погода хорошая, хотя пасмурно. Нас провожали на вокзале один только отец и Бесси. По дороге против Giaume кот, приготовившийся к побегу, неожиданно рванулся, вылетел из корзины и унесся вверх по улице. Поиски оказались безрезультатными, и, боясь опоздать, пошли на вокзал. За 10 минут отец пошел домой с намерением, в крайнем случае, все же принести кота. В последнюю минуту перед приходом поезда видим, отец несется с корзиной; от дома он шел 2 минуты. Сели хорошо, выбрали в пути чистый вагон. Никого из пассажиров не было. В Ницце нас провожали Тепловы без Алексея Григорьевича и Боря. Получили от Тепловых в подарок их фотографию 1916 года. Долго махали газетами и прощались, может быть, надолго. Когда-то Бог приведет снова свидеться. У нас в пути было очень чисто и уютно.

Вторник, 25 октября/7 ноября.

Никто не решался войти до Марселя, а какие-то не то арабы, не то турки спросили, не первый ли это класс. В Марселе подсело два солдата и муж с женой, ехавшие с колониальной выставки, которые проехали до Дижона. К нам после этого больше никто не подсаживался. Кот все время сидел на коленях. Дождь и холод совсем не чувствовались, так как окна были закрыты. В Париж приехали с маленьким опозданием. Максим нас встречал. Он выдержал экзамены Mathématiques Generales и очень хорошо. Погода хорошая, даже солнце. Кот немедленно же освоился в Медоне. Привели себя в порядок и, пообедавши, поехал в Сорбонну. Купил livret des etudiants и horaire de cours. Давка невообразимая. Возвращаясь домой, узнал, что фунт 69 фр. Ужасная катастрофа для Франции, настоящая паника на бирже, все продают франки. Доллар — 15,80, а марка — 0,017. Chicago вскочил на 100 в день (1060), Chine — 955. На этих днях приезжает в Париж митрополит Антоний.

Среда, 26 октября/8 ноября.

Утром ездил записывать Графчика на Licence в университет. Мой тамошний друг записал на веру и вне срока выдал мне квитанцию d'Immatriculation*. Дождь льет целый день. Снимались для Faculte; ходил в commissariat de Police визировать cartes d'Identités**. Начал разбирать книги и разные бумаги.

Четверг, 27 октября/9 ноября.

От отца писем нет. Утром привезли багаж. Мы поехали в Париж, встретившись с матерью, пошли к Perfas'y, чтобы заказать костюм. Обедали в «Ministéres» (3 фр. 25 сант.). Заезжали в банк и познакомились с Наумовым, тамошним служащим, который вел дела отца во время войны. Был на первой лекции Омана. Выработали список пособий для занятий этого года. Графчик был у кн. Гавриила Константиновича и у Гурко. Отец пишет, что виллу не может никак сдать, никто ее не смотрит.

Пятница, 28 октября/10 ноября.

Фотографии вышли блестяще. Был Миша Гончаров. Он выдержал экзамены на Bachelier en droit***. Слава Богу! Заходил к Метальниковым. Каждую поездку привожу книги из Парижа.

Суббота, 29 октября/11 ноября.

Утром сидел дома, а после обеда заранее отправились в церковь в виду ожидаемого прибытия митрополита Антония. Владыка приехал с иеродиаконом Феодосием и остановился у Крупенского. На всенощной присутствовали два митрополита. Алешу Татищева хотят посвятить завтра в чтеца. Очень рано, он и трех месяцев не пономарит. Графчик провожал митрополита до дома. Он вспоминал о харьковских монахах и мальчиках. Архимандрит Рафаил со многими иеромонахами вернулся при Врангеле в Кисловодск, а где теперь, совсем неизвестно. Епископ Митрофан в Сербии. Монархическое собрание отложено до четверга. Вечером был у Наташи Березовской на собрании, устроенном Miroglio. Русский голландец говорил о

* регистрации (*фр.*)
** удостоверение личности (*фр.*)
*** бакалавр права (*фр.*)

русских студентах в Эстонии и их бедственном положении; приходится работать от 7 утра до 3 дня на фабрике, потом давать уроки и только от 6–8 — заниматься. Книг нет, денег нет. Он устроил религиозные кружки, но нет руководителей. Сегодня пришло 15 человек, в том числе С.Матвеев, Е.С.Серикова и М.В.Лаврова.

Воскресенье, 30 октября/12 ноября. Иконы Озерянской Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии.

Служба прошла торжественно. Служил митрополит Антоний, отец Иаков, отец Николай, три диакона и 9 человек прислуживало. Алешу Татищева митрополит посвятил в стихарь. Графчик утром был у митрополита и сопровождал до церкви. Видел массу знакомых, но не успел даже поздороваться. После обеда поехали домой, Графчик был у Трубецких, а вечером мы все ездили к Шамие. Виллу никак нельзя сдать.

Понедельник, 31 октября/13 ноября.

Был у Кульмана, но не застал его дома. Поговорил с Наталией Ивановной. Сидели все после обеда дома, за исключением Графчика, ездившего за документами в Сорбонну и к Sennelier за красками. К нам забегал Петя Трубецкой. Мать вечером на заседании религиозно-философского кружка в присутствии обоих митрополитов. Сегодня первый холодный день.

Вторник, 1/14 ноября.

Морозный день. После обеда был у M-lle Dugard. Она меня угощала и рассказывала о поездке в Италию. Фунт упал на 5 франков. Но надолго ли? Вечером были на лекции митрополита Антония. Очень элементарно и не очень поучительно.

Среда, 2/15 ноября.

Отец пишет отчаянные письма; Locatair'ов нет; хочет уже проводить chauffage centrale* и горячую воду. Был в Сорбоннской библиотеке, у Кульмана, с которым обсуждал свое положение в школе, где все меня очень радушно встретили. Вечером

* центральное отопление (*фр.*)

мать читала чеховское «Предложение». Решил писать сочинение на докторат и параллельно заниматься русскими курсами.

Четверг, 3/16 ноября.

Были все на примерке у Perfas'a, где встретились с матерью. Обедали в русском ресторане на rue de la Montagne St. Geneviève. Он маленький, низенький, но кормят великолепно, и публика приличная. Против нас сел очень красивый бородатый русский, приехавший на такси (шофер). Он из Харькова и, должно быть, военный: другой офицер-шофер назвал его «Ваше Превосходительство». Тут лучше всего видна стойкость русских и насколько они сильны духом и культурой. Другие бы давно потеряли всякий вид или погибли, а наши живут, не мешаются с иностранцами и действуют. Были на первой лекции Н.К.Кульмана; слишком мало слушателей да и не подготовленных, так что мы выслушали в четвертый раз то же самое. Сидели на лекциях у Омана. В промежутке переписывал биографию прадедушки. Вилла не сдается. Фунт падает. Настроение унылое. Мать нездорова.

Пятница, 4/17 ноября.

Утром был в школе, долго говорил с Недачиным. Вчерашний монархический съезд прошел без достаточного подъема; были только доклады. Сегодня обсуждение вопроса о престолоблюстителе. Ездил в Сорбонну. Настроение вялое. Мать чувствует себя неважно. С Божией помощью надеемся благополучно провести зимние месяцы. Мать читала Чехова: «Иванов» и «Дядя Ваня».

Суббота, 5/18 ноября.

Приехала Ольга Константиновна Суковкина. Она получила предложение и возможность регулярно зарабатывать. У нас обедал Миша Гончаров. Ездил к графине Коновницыной навестить ее и Шидловских. Алексеюшка все так же шумлив и изводит бабушку. Мария Григорьевна теперь professeur de manicure*, предложений масса. Бутя в католической школе, где требуется знание cathéchisme и три раза водят в церковь. Были все у всенощной. Митрополит Антоний должен был уехать в

* учитель маникюра (*фр.*)

пятницу в Ниццу, но задержался и поедет в ближайшие дни в Антиб и Канны. Отец хочет остаться еще на несколько дней.

Воскресенье, 6/19 ноября.

Максим и Графчик были у ранней обедни, а мать и я — на поздней. Служил митрополит Евлогий, который сказал одну проповедь после обедни и вторую во время молебна моряков. Давка была фантастическая, к тому же мы страшно торопились и не могли ни с кем поговорить и повидаться. Обедали в русском ресторане, а потом побежали в Eglise de la Sorbonne* на концерт. К сожалению, начали с каких-то песен и только после часа пения перешли на «блаженные». Исполнение хорошее, но слишком перегружена программа. В этом году нашлось только три человека, вошедших и оставшихся в шляпах, а в прошлом году их было 20–30. Вообще католики довольно безучастно смотрят, если кто-нибудь войдет в церковь в головном уборе. Вечером был у Левшиных, у них громадная семья, и все заняты. Максим и Евграф были у Третьяковых, а оттуда с Сережей и с подошедшим Петей Трубецким были у митрополита Антония. Мать и я были у Гронских и пили у них чай. Сегодня была свадьба дочери генерала Лохвицкого, но никто из нас не мог там быть. Икона, подаренная Аметистову, вызвала с его стороны неописуемый восторг.

Понедельник, 7/20 ноября.

Ездил три раза в Париж. Первый раз — утром, второй — после обеда, а последний — на монархическое собрание. Русских тьма; шокирует, что все слишком наряжены. Доклады были хорошо подготовлены, но без глубокого содержания, особенно Масленникова. Лучше всего говорил представитель русского студенчества на Балканах; последние слова Маркова были обращены к евреям, которых он предупреждал, что только крепкая императорская власть может избавить от ужасного и надвигающегося погрома. Съезд хотя и заявляет, что он легитимистичен и громко об этом провозглашает, но негласно высказался подавляющим большинством против вел. кн. Кирилла Владимировича. Отец был в воскресенье по вызову у великого князя, который принял его чрезвычайно любезно, показы-

---

* церковь Сорбонны (фр.)

вал маленького Владимира, который прелестен, и посещение было со всех сторон удачным.

Вторник, 8/21 ноября.

Утром были в церкви. На молебен выходил митрополит Евлогий. Сегодня день Праздника Всех Бесплотных Небесных Сил. Едем на заседание в посольство. Доклад Антона Владимировича [Карташева] о Живой церкви в России. Лекция продолжалась 2 с половиной часа и была чрезвычайно интересна. Собралось масса народа (человек 90–100). Митрополит смягчил в нескольких словах жестокие выражения Карташева о Живой церкви.

Среда, 9/22 ноября.

Утром был в церкви. Пономарил. После обедни был акафист Казанской Божией Матери, который служил митрополит и оба местных священника. По сведениям из России, народ недостаточно религиозен и даже отчасти отошел от веры. Поэтому надо ждать покаяния всеобщего, всенародного, прежде чем Бог восстановит Россию. По сведениям Бори [Лихачева], который был после обеда у нас, в монархический совет избрали прежних: Оболенского (Николая Леонидовича) и Александра Николаевича Крупенского. Шебеко отказался. Отец сдал виллу за 10.000 фр. Слава Богу! Англичане очень довольны садом, а особенно восхищены фруктами и цветами.

Четверг, 10/23 ноября.

Был у Гронского и говорил о начале лекций на юридическом факультете. На занятиях у Кульмана было 24 человека, так что едва все поместились. Был у Омана. Читали «Бориса Годунова». Купил на Rue Bonaparte много гравюр и рисунков.

Пятница, 11/24 ноября.

Я и Максим встречали отца. Поезд опоздал больше чем на полчаса и неизвестно было, куда его подадут. Мы с Борей втроем бегали по вокзалу в поисках правильной платформы и пропустили три поезда. Я проводил отца только до Invalides, а потом поехал на лекцию Анцыферова и Гронского. У первого было всего три человека, а у второго все же девять слушателей. Вечером отец на заседании Академической группы. Пока он

еще ничего не успел рассказать о Ницце. Тепловы уезжают сегодня, Ольга Константиновна Суковкина завтра.

Суббота, 12/25 ноября.

Получил письма от Михаила Акинфиевича и Марины [Суковкиных]. Поговаривают о блюстительстве Кирилла Владимировича, диктаторстве Николая Николаевича, кандидатуре в императоры маленького Владимира при наследнике Дмитрии Павловиче. Были в церкви. Я пил чай у отца Иакова. Оба митрополита уехали, зато приезжает епископ Нестор Камчатский и Петропавловский, известный подвижник, аскет и ученый.

Воскресенье, 13/26 ноября. Святого Иоанна Златоустого.

Служба была очень спокойная и кончилась рано. Больше часа разговаривал с разными знакомыми. Обедали с Голиковым, членом Высшего Церковного Совета и воронежским губернатором, и Аметистовым. Ходили трое в Petit Palais, который сильно обогатился картинами и древностями и стал маленьким Лувром. Я зашел к Мише Суковкину и поболтал с ним о Ницце, а в половине пятого мы были у Левшиных. Там была масса народа, но почти все знакомые: княжна Дадиани, Татищевы, Юра Орлов, Борис Шереметев, Петя Трубецкой, Шаховской. Играли в биллиард, платок и рубль, и очень веселились. Вечером начали читать роман Эбертса «Der Keiser».

Понедельник, 14/27 ноября. Святого апостола Филиппа.

Рождение Государыни. Мать получила письмо от Екатерины Николаевны Янжул. Она работает, читает лекции в двух местных учебных заведениях. Квартиру сильно уплотнили, поселив дворника, с семейством которого приходится жить. Сообщает очень грустную и печальную весть. В своем имении Псковской губернии умерла Мария Владимировна Небольсина. Ее об этом известил Гриша. Царство ей Небесное! Любочка [Небольсина] забегала несколько раз в прошлом году, но в этом году она ее еще не видела. Был на лекциях Эльяшевича и Анцыферова, а утром в церкви на молебне по случаю именин Государыни Императрицы Марии Федоровны.

Вторник, 15/28 ноября.

Был в Сорбонне и выяснял все относительно доктората. Я решил писать о Лескове. Лекция Бернацкого была очень интересна. Вечером долго ждали докладчика Сережу Конюса, но он так и не явился, и всем пришлось разойтись. Отец был на выборах в Академическую группу, причем Д.М.Одинец вел себя прямо неприлично. Провели всех достойных. Ольга Константиновна [Суковкина] хорошо устроилась у Ф.Ф.Юсупова на 600 фр. два часа в день, с возможностью работать в мастерской.

Среда, 16/29 ноября.

Графчик был в церкви, но ничего о Сереже Конюс не узнал. После обеда я был в Министерстве иностранных дел и в Министерстве внутренних дел для доверенности Бередниковой. Всюду были чрезвычайно любезны и выдали удостоверение. Был вечером у Суковкиной. Ольга Константиновна в радужном настроении. Видел у ней Костю, который очень похорошел. П.М.Кауфман говорит, что будто бы французы собираются предложить всем иностранцам продать свои недвижимости на Cote d'Azur (?). Взрывы в печках продолжаются. Греческие революционеры расстреляли 5 министров среди Афин. К счастью, Англия возмутилась этим средневековым зверством и прервала с Грецией сношения.

Четверг, 17/30 ноября.

Сегодня занялся окончательным выяснением темы для диссертации. Кульман очень одобрил сочинение о Лескове. Оман выразил сомнение, не взял ли кто другой и просил сходить или написать Mongaut, 30, rue Monge, который, кажется, хочет писать диссертацию о Лескове. Лекция Кульмана была очень интересна. Вечером Графчик был у Третьяковых.

Пятница, 18 ноября/1 декабря.

Утром ездил встречать Суковкиных и довез их до дома. Доехали они благополучно и имеют бодрый вид. Марина привезла громадный букет роз, который ей подарил Бесси. Петр Платонович Шетохин болен и опасаются за его жизнь. Мию Оболенскую судят вместе с ворами. Ей угрожает тюрьма (3 месяца) или высокий штраф. Б. вел себя на процессе хамом и всю вину свалил на Мию. Вердикт должен быть объявлен

сегодня. Был в Сорбонне на лекции Гронского, а вечером на празднике «Уединения» (Объединение Сербских Земель). Эйзенман читал доклад, несколько слов сказал ректор Аппель, а потом была музыкальная часть. Метальников получил премию от Академии в 5000 фр. за научные работы. Фунт немного упал.

Суббота, 19 ноября/2 декабря.

Сегодня начинается бесхлебие из-за забастовки булочников. Был на лекциях, видел громадный хвост перед «Eco» за получением pain fantaisie*, хотя хлеб все не выдавали. Были у всенощной. Епископ Нестор не приехал, и завтра простая служба. В Праге открывается, по инициативе профессоров, русская духовная академия. В Ницце мороз, и побиты все овощи, судя по письму А.В.Ельчанинова. Подал заявление о диссертации о Лескове, озаглавив ее: «Leskof, peintre méconnu de la vie nationale russe»**.

Воскресенье, 20 ноября/3 декабря.

Погода пасмурная. В церкви давка, едва можно найти, кого ищешь. Кн. Гавриил Константинович, Антонина Рафаиловна и мать Гавриила уезжают в Висбаден. Страшно жалко, все хорошие люди разъезжаются в разные стороны. После обеда ходил на quai Voltaire и нашел массу русских интересных книг. Купил на 10 фр. Всенощная прошла очень торжественно. Служили отец Иаков, отец Николай и на полиелее отец Гавриил, протодиакон и отец Евгений. Мать была у кн. Палей и у Суковкиных. В Бруклине освящен новый русский собор митрополитом Платоном и двумя русскими владыками.

Понедельник, 21 ноября/4 декабря.
Введение во Храм Пресвятой Богородицы.

Служба была очень торжественная, прихожан было много. Прощались с кн. Гавриилом Константиновичем. Мать завтракала у них и познакомилась с женой единственного сына Лескова и его внуком. Вот, право, чудесное совпадение. У нас был Е.А.Ефимовский и рассуждал о политике кн. Дмитрия Павловича. Отец на заседании Объединения. Пересматривал фотогра-

* сорт хлеба, штучный хлеб.
* «Лесков, непризнанный художник русской национальной жизни» (*фр.*)

фии. Какое наслаждение и как хочется быть маленьким, и как мило кажется все в недалеком даже прошлом.

Вторник, 22 ноября/5 декабря.

Греки безумствуют. Беспокоюсь, записали ли меня на докторат. Приготовлял для Омана «Shekespeare en Russie à l'époque des romantiques et de Pouchkine»*. Был на лекции Бернацкого, которая, как всегда, была интересна. Купил 3 билета на «Федора Иоанновича» в воскресенье (очень дорого, но для того, чтобы увидеть Московский Художественный театр[38], ничего не жалко). Вчера было празднование 25-летия, и французы превозносили Станиславского, называя его своим единственным учителем. Был у всенощной. Из-за не объявления о храмовом празднике были 37 человек, все же лучше, чем в прошлом году (5 человек); с трудом удалось уговорить Татищева зажечь люстры. Служил один отец Николай. Мы прислуживали (я, Максим и в начале Сережа [Третьяков]).

Среда, 23 ноября/6 декабря. Святого Благоверного и Великого Князя Александра Невского и Святого Митрофана, первого епископа Воронежского.

Утром были у обедни, после которой был молебен с акафистом. Перед обедней — водосвятие. Служил обедню отец Николай. Тихон Александрович [Аметистов] вызван митрополитом в Берлин и на радостях угощал нас в ресторане (видимо, хлопоты отца подействовали, и он получил место секретаря). Первая лекция Омана прошла блестяще и была очень захватывающая. Он мне дал записку к Монго, который не отвечает.

Четверг, 24 ноября/7 декабря. Святой Великомученицы Екатерины.

Государыня переехала в Лондон и была встречена на вокзале королем, королевой, вдовствующей своей сестрой, и многочисленными представителями русской колонии. Датская династия рассорилась с норвежской в виду краха банковского предприятия, в которое у них были вложены деньги. Оставление при университете. Н.К.Кульман меня поздравил с оставлением при университете. Вчера, по его предложению, было еди-

---

* «Шекспир в России в эпоху романтиков и Пушкина» (*фр.*)

ногласно одобрено мое оставление при кафедре русского языка и словесности. На лекции Омана я читал о влиянии Шекспира в России. Немного волновался, но вышло, судя по рассказам других, ничего. Мать чувствует себя неважно: головная и внутренние боли. Заходил Петя Трубецкой.

Пятница, 25 ноября/8 декабря.

На лекции Нольде я был один и, несмотря на это, она состоялась; было очень серьезное собеседование. Был у Кульмана и Гронского. Николай Карлович говорил о необходимости практиковаться в родном русском языке, а то чувствуешь, что начинаешь перемешивать его галлицизмами и иностранными оборотами. Цены на книги в Германии настолько поднялись, что дешевле покупать во Франции. С диссертацией что-то не клеится. Монго не хочет уступить. Оман подписал мое прошение при условии, что это doctorat d'Université*.

Суббота, 26 ноября/9 декабря.

С Богом приступаю к диссертации. Был в церкви. Достал очень интересную книгу на веленевой бумаге о России. Получили письмо из Ютановки от 4-го ноября от Романа Егоровича Кондратенко. Отец Сергий и матушка живы и здоровы. Николай Петрович Подвигин в Крыму, служит. Митрофан Павлович Абрамов жив. Занятия в Высшем начальном училище идут полным ходом. Кондратенко живет в Чапельном и разрабатывает наш Плоский и Бибиковский лес. Зима была голодная, ели траву. Антон Владимирович Кондратьев в Воронеже. Жив и Франц, лесничий, живет в Долгом. Дом цел, мельница идет. Учительская семинария действует. Отец Сергий — благочинный. Мы не можем прийти в себя от количества сведений из нашей деревни и различных переживаний. Слава Богу, что все живы, за исключением Ковалева, умершего в Феодосии. Бог даст, получим хорошие известия и от Евгении Мечеславовны [Лапчинской] из Харькова.

---

* докторат университета (*фр.*)

Воскресенье, 27 ноября / 10 декабря.
Знамение Божией матери.

На литургии было так много народа, что не только церковь, но и весь двор были набиты людьми. После обедни в верхней церкви все остались на панихиду. Внизу была масса народа на георгиевском молебне, и, несмотря на это, невозможно было пройти около церкви. У нас был профессор Якобсон с женой (урожд. Клейнмихель). Рассказывали о Петербурге, о тете Любе, о мученической смерти митрополита Вениамина. Раскол в России сильный. Богоотступники испортили все богослужение. Введенский был настоящим Иудой. Когда он пришел предавать владыку митрополита, то подошел к нему под благословение. Митрополит сказал: «Я не Христос и здесь не Гефсиманский сад». Всех православных священников ссылают, и гонение не ослабело. Патриарх на вопрос, признает ли он Советскую власть, ответил: «Признаю, всякая власть от Бога, но иная посылается в награду, а иная — в наказание». Был Михаил Акинфиевич Суковкин с Мариной. Они наняли квартиру, но очень дорого. Максим сидел до вечера у Муравьевых, но в театр пришел вовремя. Начали точно, а после никого не впускали. Постановка поразительная. Играют восхитительно. Первая сцена очень удачна, вторая еще лучше. Особенно хороши князь Шуйский, старик Голуб и Клешнин. Слишком много земных поклонов, но это правильно исторически. Только не нужно стоять на коленях, так как в древней Руси никто этого не делал. Народ за сценой был живо представлен, так же как и представители его во дворце перед царем. Костюмы замечательные, и каждую сцену главные действующие лица входят в новых парчовых одеждах. Ночь в саду Шуйского изображена настолько натурально, что чувствуется настоящая ночь в березовой роще. Поют соловьи и трещат кузнечики. Палата царя тоже обставлена великолепно, образа со свечами, только духовник с крестом некстати, так как крест введен в 1801 году. Излишне много духовенства, особенно в последнем действии, где духовных лиц не нужно было выпускать. Благословение искусственно. Храм украшен фантастически. Старички, игравшие митрополита, архиепископа и игумена, неопытны и сидели, как мокрые курицы. Мантии очень скудные и короткие. Когда вошел митрополит, не было даже служки, и он проследовал в мантии сквозь народ, что неестественно. Лучше, если соборная стена была бы сбоку, а то виден только вход, и остается мало места; но это объясняется тем, что

декорации заменяются наскоро. Шапки и бармы — замечательны. Вообще, впечатление незабываемое. Станиславский, Качалов, Пашенная и все другие почти без исключений играли прекрасно.

Понедельник, 28 ноября/11 декабря.

Слушал Эльяшевича, говорившего о субъекте права, как его понимали прежде и теперь. Был на заседании-диспуте Ефимовского, Гурко, Пасманника и Алексинского «Пути возрождения России». Владимир Иосифович [Гурко] говорил очень нудно, а Ефимовский, по-моему, неважно. Все время играл нервами присутствующих. Кричал против единодержавия, уверял, что монархист-народник — не реакционер, ругал в то же время Национальный комитет. И Пасманник, и Алексинский поддерживали монархистов. И диспут окончился благополучно. Присутствовала масса евреев.

Вторник, 29 ноября/12 декабря.

После очень интересной лекции Бернацкого, на которой я был один, зашел к Суковкиным. Квартирка хорошенькая, но, по-моему, тесноватая и без необходимых удобств для цены (100 франков). Вечером Карташев читал о Живой церкви, причем немного отвлекся в философию, и многие спали.

Среда, 30 ноября/13 декабря.

Вторая лекция Омана прошла хорошо, но при почти пустой аудитории. Вчера в Бюро Академической группы оставлен официально при университете, но еще нужно подтверждение общего собрания и Пражского Союза Академических групп. Отец получил письмо от Ивана Ивановича Станкевича из Москвы. Умер Дмитрий Михайлович Гревс. Царство ему Небесное! Мать получила сегодня несколько писем от семейства Брандт, Форш, Мещерских. Все живы, хотя живут плохо. Теперь не имеется известий только от Евгении Мечеславовны Лапчинской.

Четверг, 1/14 декабря.

Падение человечества ужасное, продолжаются уколы на улицах булавками, но никого не удалось поймать. Страшные дела делаются в Константинополе[39]. Погибает христианская

столица. Все православные должны покинуть ее. Турки повесили в Смирне митрополита и перебили массу греков, вот до чего довело отсутствие России и игра с неверными в угоду большевикам. Посол Нератов не позволяет взять священные вещи из церкви и оставляет все для поругания. Бог даст, он еще опомнится! Ужас охватывает при мысли о гибели от неверных Вселенской Патриархии. Бог да сохранит ее! Пишет дядя Ваня. Все по старому. Был на лекциях, получил извещение, что записан на докторат d'Université. Теперь можно приступать к работе. С Богом!

Пятница, 2/15 декабря.

На лекции Нольде был в единственном числе. Заключили конкордат, как два года тому назад о том, что, если я не могу прийти, то предупреждаю письменно профессора, и он не приходит, с тою только разницею, что тогда инициатива исходила от меня, а теперь от профессора. Лекция Кульмана о рекрутских заплачках была исключительно интересна. Этот отдел совсем не проходится и не изучен, и если бы не покойный профессор Барсов, записавший их, мы бы не имели никакого понятия об этом ценном с бытовой и художественной стороны отделе народной поэзии, связанным со своеобразным обрядом и который почти исчез даже в Новгородской и Олонецкой губерниях. Разбирал некоторые книги в Institut Slaves и нашел много русских газет 1915 года.

Суббота, 3/16 декабря.

Были втроем на первой лекции Карташева в Сорбонне. Читал очень подробно, но очень интересно о первых христианах в пределах России, главным образом в Крыму. После всенощной были на собрании кружка Русской Христианской Молодежи, собранном А.Миролио. Он обязательно хотел, чтобы я представительствовал на встрече и прочел доклад. Говорил о «Морали и религии». Выяснилось, что большинство — вне всякой веры и считает, что мораль не связана с религией. Спорили до 12 часов. Меня в защите христианской морали поддержали только А.Миролио и С.Матвеев. Другие считают, что вообще христианской морали не существует. Высказывали мнение о том, стоит ли заниматься христианством... Вот так христианский кружок! Все же соберемся еще.

Воскресенье, 4/17 декабря.

Был в церкви. Как всегда, не протискаться. Потом пошли к Муравьевым и просидели у них до 10 часов вечера, пили чай и ужинали. Провожали Марину Суковкину. Графчик был на заседании философского кружка, организаторами которого является Федоров, Одарченко и другие ученики Графчикина класса. Доклад Федорова был настолько сложен, что его почти никто не понял.

Понедельник, 5/18 декабря.

Кот пропал уже со вчерашней ночи. Всюду грязь непролазная. Ездил зря в Париж. Кота нет. Неужели никогда не вернется? Страшно жалко и обидно. Поезд, на котором ехал Максим, крушился, но без вреда для ехавших в нем. Максим пришел пешком. Мать также не попала на поезд и на всенощную. У Графчика, когда он ехал, сошло с рельс метро, но обошлось без неприятностей. Отец на заседании Общества освобождения и воссоединения России.

Вторник, 6/19 декабря.
Угодника Божия Николая, Мирликийского Чудотворца.

Митрополит Софийский Стефан, который служил литургию, сказал прекрасную проповедь, очень оптимистическую и полную надежды на скорое наше возвращение на родину. Служил он очень хорошо. После обедни была панихида по Государе Императоре. Церковь была набита. Сослужили с митрополитом 5 священников (все, кроме Вороновского). На лекции Бернацкого я оказался в единственном числе, и Мих. Влад. не хотел начинать, ушел, но к счастью, встретил двух слушателей, вернулся и прочел интересную лекцию. Я заезжал к Суковкиным, встретил Михаила Акинфиевича, который меня затащил к себе и напоил чаем с ватрушкой. На заседание религиозного кружка пришло всего 30 человек. Прочел небольшой доклад об Иерусалиме о. Петр Гаврилов, а после него были продолжительные прения, но митрополита так и не дождались. Он приехал, когда многие уже разъехались. Говорил с оставшимися о поездке в Лондон. Сегодня было общее собрание Академической группы. По поводу оставления меня при университете было произнесено три панегирика в мою честь. Николай Карлович Кульман говорил о моих занятиях философией, Карташев

восхвалял классические знания, а Гронский, отдавший должное моей усидчивости на юридических лекциях, пожалел, что я оставлен не при его кафедре. В заключении единогласно было признано мое оставление при кафедре русского языка и литературы. Очень много похвал, но заслужил ли я их хотя бы в самой небольшой доле?

Среда, 7/20 декабря.

Кота нет, наверное, его украли. Скучно без него, он смягчал настроение у всех нас. Мать получила письмо от Душечки, нашей последней воспитательницы из Волоконовки, посланное через Кондратенко. Эмилия Карловна необычайно подробно описывает все, что произошло в Ютановке и Волоконовке. Отец Сергий с семейством живы. Клава в консерватории в Воронеже, Вера и Лида — в Ютановской семинарии, а Володя служит в Сахартресте в Харькове. Подвигины — в Туапсе (Николай Петрович, Раиса Петровна, Валентина Петровна, Таня и Лиля; про Женю ничего не пишет). Алексей, кучер, живет в гараже, кучер Абрам служит, Миша в Воронеже, а Варя, после окончания семинарии, учительствует; Павел Михайлович Седунов — на мельнице, которая работает. Он просил очень кланяться. Петр Трофимович Чечиков не у дел... Павло Животков изображает барина и хозяйствует на хуторе. Погибли леса: Долгий, Плоский, Редкодуб и Землянки. Их совсем вырубили; Оскол обмелел, так как плотину плохо поддерживают. В Заломенском лесу — волки, и ходить вечером нельзя. Вера Ивановна (Лосик) живет в одной комнате в своем доме с Галей. Душечка теперь переселилась в Волоконовку. Прошлая зима была ужасная, голодная. Эмилия Карловна собирала колосья в поле, набрала 1 1/2 пуда и, благодаря этому, имела хлеб. У ней две козочки, которые ее подкармливали. Теперь приходится обменивать на хлеб одежду. Жалованья полагается 17 миллионов, но их не хватает совершенно, так как цены головокружительно высоки: мука — 20 миллионов пуд, масло 30 миллионов, картофель — 20 миллионов ведро и т. д. Лиза писала Душечке, что никаких вещей не сохранилось у нас на квартире в С.-Петербурге. Слава Богу, что все живы. Тяжело получать вести, тянет ехать, нельзя, и одно разрушение да разрушение. Когда опять мы свидимся со всеми, оставшимися в Совдепии знакомыми и родными?

Четверг, 8/21 декабря.

Утром были дома и прибирали все перед праздниками. На лекциях Кульмана очень усердная аудитория, не менее 18–20 человек и не изменяется в составе. Бегал по разным магазинам и купил в «Bon Marché» стакан и тарелок. Работа these подвигается очень медленно. Мать прочитала нам начало «Юдоли» Лескова. Тепловы пишут из Мюнхена, что там не очень сладко живется. Дороговизна все растет. Хлеб по карточкам. Русской церкви нет, а отец Бэр служит в разных местах, просто в комнатах на столе, икон только 3. Никаких приспособлений, вроде аналоя, тоже нет. Хотя русских в Мюнхене человек 500 и тут же проживает Высший Монархический Совет, в церкви почти никто не бывает. Жизнь теперь всего на 50% дешевле, чем во Франции, но в избытке только разная труха и игрушки. Город, по их впечатлениям, однообразный и очень официальный. В Берлин приезжает «красная церковь» и хочет отвоевать тегельский храм[40].

Пятница, 9/22 декабря.

Мать делала покупки в «Samaritaine», а я занимался хозяйством, хотя не очень успешно. Нольде не пришел, и я зря ждал, а потом встретил его в университетской библиотеке. Он думал, что уже наступили каникулы. Кульман продолжал рассказывать о солдатских заплачках и рекрутском обряде, как всегда, необычайно живописно. Гронский читал о Думе и Государственном совете. Мать прочла «Ожидацию» Лескова. Был Боря Лихачев проездом из Ниццы в Мюнхен.

Суббота, 10/23 декабря.

Именины отца и Графчика. Мать, по давнишней традиции, испекла пирог. Пили Grand vin mousseux (совершенно похоже на хорошее шампанское) и произносили тосты. Карташев, несмотря на решение о прекращении занятий, к счастью, прочел вторую лекцию об Аскольде и Дире и о нападении 18-го июня 860-го года русских на Константинополь, крещении части людей и о присылке в Россию архиепископа. После всенощной был у Суковкиных; (Марина нездорова и сидит дома); и на докладе Miroglio о религии и нравственности, который был отрывочен, но интересен. Боря рассказывал о приеме, оказанном Маркову II-му Николаем Николаевичем и Кириллом Влади-

мировичем. Первый его даже не видел и не ответил на просьбу дать аудиенцию. Здание, где живет великий князь, охраняется французским солдатом. У второго они были заглазно, угощали завтраком. Их принял только вел. кн. Андрей Владимирович, который покормил их тоже завтраком.

Воскресенье, 11/24 декабря.

На обедне было необычайно много духовенства в алтаре и в пономарке. Стояли о. Гавриил Леончуков, о. Петр Гаврилов, о. Вороновский, о. Николай Сахаров, о. Сергий Соколовский, иеромонах Софроний, занимающийся в Страсбурге. Служил о. Иаков Смирнов. Торопились домой, так как ожидали с 3-х часов наплыва гостей и, правда, ожидания не обманули: гостей было необычайно много. Были Вадины, Новахович, доктор Протасов, трое Шамие, о. Николай с матушкой, генерал Данилов с женой, М.М.Федоров с женой, Н.В.Савич с женой, Н.К.Кульман с женой, Суковкины, Гронский, кн. И.А.Куракин, В.Я.Чистяков. А.В.Карташев, М.Л.Киндяков. Петя Трубецкой, хотя относящийся к молодежи, не преминул явиться и притащил с собой молодого Бориса Куракина, который, к ужасу родителей и всех вообще русских, под влиянием советского воспитания (он вернулся недавно из России), оказался настоящим пробольшевиком и республиканцем (14 лет), вполне убежденным, который ругает неприличными словами государя. Все время шел оживленный разговор в трех комнатах. Угощения хватило, и все, кажется, остались довольны. Часов в 7 с половиной пришел о. Иаков. Кульманы принесли прекрасную ватрушку, которую мы ели два дня. За чаем горячо обсуждалось и критиковалось издание писем Государыни[41].

Понедельник, 12/25 декабря.

Вчера не пошли на messe de minuit*, а сегодня я зашел на 3-ю по счету messe в этот день. Было полно [народу], несмотря на то, что не было ни пения, ни освещения. В Медоне население тоже все pratiquant**, я видел много молодежи, спешившей в церковь. Настроение праздничное. Ездили в церковь на приборку. С утра приходили русские рабочие и были очень разочарованы, что нет службы. Даже в два часа все еще шли люди в

---

* заутреня (*фр.*)

** соблюдающая религиозные обряды (*фр.*)

церковь. Поднимался на Arc de Triomphe; вид очень красивый, но неприятный; площадка громадная и ходить можно свободно. Были с отцом и матерью у Суковкиных, у которых была grande réception*. Все семейство было в сборе, с Шидловскими, Коновницыными. Были Сахновские, старик Верещагин и Стефанский. Мать читала нам вечером несколько рассказов Лескова.

Вторник, 13/26 декабря.

Пошел сегодня к лучшему парикмахеру, чтобы сделать пробор, вышло хорошо, содрал он с меня также большую сумму. Но когда я пришел к M-elle Dugard, от прически не осталось ни малейшего следа. Как всегда, прием был самый радушный, немного гостей, два молодых человека, две барышни, хозяйка и нас 5. Просидели все время за чаем, а мать вразумляла соседей по русским делам. Вечером — на докладе отца Николая об ап. Петре: был ли он главою Апостолов и князем Церкви? Доказательства были приведены неопровержимые, и вообще вся лекция была интересна и очень подробно разработана. Был митрополит Евлогий, принимавший с Аметистовым, который окончательно утвердился в звании секретаря, Карташевым, матерью, Чистяковым и о. Иаковом участие в прениях.

Среда, 14/27 декабря.

На акафист выходили: митрополит, о. Иаков, о. Николай и болгарский иеромонах Софроний. После обеда были у Гурко. Сегодня столетие со дня смерти Пастера. Вчера в «Petit Journal» была статья в честь нашего друга, академика Louis Leger, которого чехи чествуют по случаю 80-летия и назвали его именем улицу в Праге. Евграфчик не возвращался до 10 часов. Мы все страшно беспокоились; наконец, я поехал в Париж, в церковь. Оказалось, что он с Конюсом был у Третьяковых и вернулся вскоре после моего отъезда.

Четверг, 15/28 декабря.

К обеду у нас был Сережа Конюс и оставался до вечера. Я ездил за разными покупками, а мать поехала за жалованьем в Institut d'Etudes Slaves. Был И.А.Куракин, а вечером приходили Якобсоны. Его жена рассказывала много замечательного

* большой прием (*фр.*)

о религиозном подъеме в России и о чуде обновления иконы, происшедшем у них. Эта икона до сих пор точит масло и все больше и больше обновляется чудодейственным образом. Святейший Патриарх в заточении. Его все считают за святого. В некоторых церквах служат по-новому, но никто туда не ходит. Соборы в С.-Петербурге сохранились, также как церковь Воскресения. Монастыри большие существуют на свои средства. Народ постепенно также начинает захватываться сильным религиозным чувством, и оздоровление идет снизу.

Пятница, 16/29 декабря.

Сегодня мое совершеннолетие: 21 год. Был праздничный обед, хотя без мяса, из-за пятницы. Мать сделала чудесный пирог, а отец принес бутылку шампанского. Произносили тосты и пили за здоровье всех нас. После обеда ездили к Хуверу, покупать доллары. На Crands Boulevards настоящая «верба» и толкучка. Купил синильных обезьянок в воспоминание нашей русской милой «вербы» на Малой Конюшенной. Вечером были у Кульманов, где встретились с Львом Шестовым и Метальниковым. Был инженер Кононов с женой, владелец одной из немногочисленных в Париже русских типографий.

Суббота, 17/30 декабря.

Вступаю в 22 года. Что-то предстоит в жизни? Бог даст, буду честным христианином, послужу Церкви и Родине и буду утешением родителям. Были у всенощной, после которой я исповедывался у о. Иакова. Служили молебен о благополучном начале работы и о благословении совершеннолетия жизни. Отца не выбрали в товарищи председателя Общества возрождения, несмотря на то, что он был главным учредителем.

Воскресенье, 18/31 декабря.

Был на ранней обедне, служил отец Гавриил. Я причастился Святых Таин Христовых. Позднюю литургию служил митрополит с отцом Иаковом, отцом Петром Гавриловым и иеромонахом Софронием. Служба сильно затянулась из-за молебна перед основанием при церкви сестричества и проповеди владыки. Сегодня было очень много молодежи, и день прошел весело. Были Марина Суковкина, Таня Сахновская и Нина Гронская, двое Муравьевых, Павел и Лев (Ника уехал в Германию),

Миша и Костя Суковкины, Кирилл Кривошеин, Миша Головин, Сережа Третьяков, Сережа Метальников, Петя Трубецкой. Шумели порядочно и, несмотря на «почтенный возраст» некоторых, играли в кольцо, телефон и шарады. Я получил от Льва стило, которым сейчас и пишу, от Марины — леденцов, а от Сережи Третьякова — записную книжку quatre Saisons*, очень красивую, кожаную, в футляре. Вечером мать читала «Некрещеного попа» Лескова.

Понедельник, 19 декабря/ 1 января.

Сегодня — западноевропейский католический новый год. Сена поднимается и вообще разлив рек необычайный. Погода прекрасная, солнце, тепло и хорошо на воздухе. Дай-то Бог, чтобы солнце просияло и над Русской землей! После обеда прибирали церковь, приходила масса любопытных. Вычистили серебряные и медные предметы, иконостас и некоторые ковры. Трудившихся было много, и сделали бы очень много, но, к сожалению, скоро стемнело. Отец и мать на заседании у прот. Н.Сахарова. Отец назначен членом Епархиального Совета вместе с Коковцевым, Карташевым, Татищевым, Ник. Илиодоровичем Шидловским, который будет казначеем. Тихон Александрович [Аметистов] — секретарь и управляющий канцелярией.

Вторник, 20 декабря/2 января.

Празднество Рождества Христова. Получил открытку от Mongault, в которой он выражает сочувствие труду и говорит, что мы совсем не будем мешать друг другу в диссертациях (?) Были у Головиных, как всегда необычайно гостеприимных и хлебосольных. У них была Нина Гронская, с которой вели философский разговор, а потом говорили о Церкви. В Америке, после проповеди митрополита Платона, говорившего против большевиков, три человека пришли к нему на дом с револьверами, чтобы его убить. Их встретил его дьячок — сажен в вышину, сажен в плечах и сверхчеловеческой силы — выхватил у одного револьвер и ударами положил на месте всех троих... Все американцы в восхищении, и на другой день газеты были полны статей и фотографий of the Fighting deacon**. В

* четыре времени года

** боевого дьякона

Лондоне была торжественная служба, совершенная митрополитом и многими англиканскими епископами. В церкви присутствовало более 100 священников-англикан, причем были произнесены проповеди епископом Лондонским и митр. Евлогием по-русски и по-английски, а переводчик переводил. Раз он ослышался и перевел «the seed», как «the sea» («кровь мучеников — семя христиан»), и поэтому по-русски вышло непонятно («море христиан»!). Настоятелем теперь там отец Иоанн Лелюхин: о. Евгений Смирнов удален за кощунственное и неряшливое отношение к священным предметам и за полную «недвижимость». Вторым священником — старичок Веселовский, бывший советник посольства, недавно принявший священство. Вечером были на докладе Д.А.Нелидова об отношении католиков к Православию и о Папстве. Очень интересна мысль о двойственности папы, как первосвященника и как царя; о папо-цезаризме, который докладчик сравнил с цезарепапизмом. Его дополняли митр. Евлогий и Карташев, высказавший мысль, что никакие соблазны католичества Русской Церкви не страшны.

Среда, 21 декабря/3 января.
Св. Петра, первого Митрополита Московского и всея России Чудотворца.

Утром был с Евграфом на обедне. Акафист служил митрополит и 4 священника. Днем открылось заседание Епархиального совета. Я был на храмовом празднике в St. Geneviève. Как скучно и нестройно. Все делается как-то нехотя, все время один распоряжается и указывает, что делать. Толпятся на том же пространстве перед кардиналом. Никакой торжественности. Мантию несет молодой человек во фраке. У мощей необыкновенная толчея, масса свечей. Настроение очень возвышенное. Многие священники в голубых лентах с белыми кантиками. Был у Суковкиных, где видел приехавшего вчера Шетохина. Между союзниками полное разногласие и расхождения.

Четверг, 22 декабря/4 января.

Состоялась первая лекция В.Д.Кузьмина-Караваева по уголовному праву. Присутствовал проф. Гронский и я. П.П.[Гронский] ушел вскоре после перерыва, и я остался один. В.Д. читает прекрасно, живо, интересно и даже «литературно». Какое позорное отношение к лекциям, никто не пришел! Вечером

был на лекции Куприна («Последние дни Пушкина») в Сорбонне, который был просто пьян, читал нескладно, необдуманно, бессвязно, шероховато и не сказал от себя ни слова. Читая отрывки из писем Пушкина, путал имена и с убеждением сказал, что Пушкин умер 39-го января (!). Слушателей было очень много.

Пятница, 23 декабря/5 января.

Были втроем на часах. Графчик уехал в Лилль с отцом Гавриилом Леончуковым. Умер о. Евгений Смирнов, бывший настоятель Лондонской церкви, и митрополит сейчас же после Рождества едет туда его хоронить и назначить окончательно нового настоятеля. Умер неожиданно старший Мещерский, приехавший из Лондона на каникулы. У нас был Петя Трубецкой. Идет дождь. Только бы прекратился к Рождеству. Дай-то Бог.

Суббота, 24 декабря/6 января. Сочельник.

Утром были на литургии и вечером на отпевании Кирилла Мещерского. Бедный мальчик умер неожиданно в 2 дня от воспаления среднего уха и опоздавшей операции. Семья в полном отчаянии, потрясена, особенно маленький Никита, с которым он был неразлучен. После обедни были у Карташева на лекции. Он развил интересную мысль о том, что Кирилл и Мефодий были истинными первыми просветителями и крестителями и русских. В 861 году азбука была составлена для болгар, а не моравов, которые получили ее во вторую поездку в 864 г., после русских (860). Всенощная прошла очень торжественно. Служили митрополит, о. Иаков, о. Николай, о. Павел Вороновский, о. Сергий Соколовский и два диакона. Я и Максим — иподиаконы. Прислуживали Сережа Третьяков, Петр Трубецкой, двое Мещерских, Андрей Звегинцев и Саша Нелидов. Давка была ужасная, мы стояли все в ряд, когда подходили к образу. Выносили только что сделанные рипиды, Графчикова и о. Евгения изготовления.

25 декабря/7 января. Рождество Христово.

Погода пасмурная, поехали рано, на раннюю обедню, которую служили прот. Соколовский и о. Евгений. Прихожан было не очень много, но зато многие причащались. Наверху служба прошла исключительно торжественно. Секретарь протестантс-

кой федерации, которого Сережа Матвеев привел посмотреть на нашу службу, сказал мне: «Vraiment, le service a été splendide»*. Служило и прислуживало 15 человек. Рипиды произвели большое впечатление. На «Дева днесь» (на «и ныне» после входа) пришли певчие и спели вместе со служащими в алтаре поразительно сильно, хорошо и громозвучно. Митрополит говорил проповедь о сборе для бесплатной школы, который производила вел. кн. Мария Павловна. Людей было очень много, так что к 11 часам, то есть до Евангелия, они не могли войти внутрь и оставались на дожде, а многим пришлось уйти. Когда полил дождь, все ринулись в храм, с силой напирая на стоявших там; произошла невообразимая давка, к которой прибавилась жара от калориферов, но все же все простояли 3 часа службы, и никто не упал в обморок. Обедали мы дома, по-праздничному ели курицу, galette des rois**, закуски и компот из апельсинов. Днем к нам пришли поздравить некоторые холостяки: Т.А.Аметистов, Миша Шамие, Петя Трубецкой, М.Головин, M-elle Dugard, писатель Пионтковский. Графчик приехал часов в 6 вечера. Мы вновь зажгли елку. Вечером мы были на елке, устроенной Foyer international des Etudiants для русских студентов. Пел хор Кибальчича и был чай, но я убежал несколько ранее.

Понедельник, 26 декабря/8 января.
Собор Пресвятые Богородицы.

Утром были в церкви; много людей, не попавших вчера в храм. После обедни был у Суковкиных, которые приуныли после недавнего подъема духа, и позабыли даже, что такое праздники. Мих. Акинфиевич все еще ищет место. Были втроем у Третьяковых. Мать читала «Гору» Лескова, замечательная повесть из первых веков христианства. Стиль и описания лучше, чем у Flaubert'a.

Воскресенье, 27 декабря/9 января.

Были приглашены на обед к Фирсову, но он заболел и слег в постель. Был у Бернацкого на лекции, аудитория увеличилась до 4-х [человек]. На Grands Boulevards — толкучка. Купил разных безделушек. Доклад Аметистова о «настроениях

* «Действительно, служба была великолепная» (*фр.*)
** королевские галеты

иудеев в эпоху Иисуса Христа Спасителя», составленный под влиянием митр. Антония, был очень интересен и выяснил последовательность некоторых евангельских событий.

Среда, 28 декабря / 10 января.

Разрыв Франции с Англией в вопросе оккупации Рура пахнет войной (конечно, с Германией)[42]. Победит Франция, но наживет себе ужасное ожесточение в среде немцев. Пуанкаре все еще докладывает Англии о своих намерениях, после того, как она дала Франции пощечину. Пора бы и перестать унижаться. Купил вчера прекрасную печать. Был вчера в Тургеневской библиотеке и разыскивал материалы для диссертации. Получил письмо от Гоги Римского-Корсакова из С.-Петербурга. Он все занимается музыкой 1/4 тонов и радио-музыкой. Просит прислать нужные сведения. А.Н.Брок в Царском Селе. Гога видел Любочку [Небольсину], и она обещала написать. Мать читала маленькие повести Лескова.

Четверг, 29 декабря / 11 января.

Аудитория у Кузьмина-Караваева не увеличивается: я все пребываю единственным слушателем. Начал писать разбор некоторых автобиографических рассказов Лескова. Прихожу к выводу, что писать его биографию — вещь не легкая. Вечером был на концерте в пользу русских беженцев. Одна дама играла на клавесине; звук странный, как бы струнный, слышимый издалека. На инструменте 3 клавиатуры, 6 педалей. Играли виоли; вся программа первого отделения была старинная: 1500–1700 годов — до Rameua. Танцы в старинных костюмах были очень интересны, но непривычно просты и бесхитростны. Во втором отделении были танцы и рояль Арцибашевой. Ученицы ее исполнили великолепно все номера, но, к сожалению, программа была слишком переполнена, и около двенадцати, далеко до конца концерта, пришлось уйти.

Пятница, 30 декабря / 12 января.

Рождение отца. Зря просидел более часа, ожидая Нольде, не пришедшего в Сорбонну. Французы заняли Рур без сопротивления, как бы тут не было ловушки. На лекции Кульмана было необычайно мало слушателей. Приехал Миша Гончаров и просидел у нас почти целый день. Вечером зажигали елку.

Суббота, 31 декабря / 13 января.

Ездил в Théâtre Français и Opéra за билетами, но не достал. Сегодня юбилей Louis Leger. Чехи чествуют его в Salle de géographie*. Был у Гронского в единственном числе; он хотел разобрать подготовку манифеста 17 октября по мемуарам Витте, но, ввиду отсутствия слушателей, лекция не состоялась. Были втроем у Карташева, читавшего о христианстве на Руси до св. Ольги и Владимира. Всенощная, ввиду возвращения из Лондона владыки, была очень торжественной: служили три священника, 6 человек прислуживало на молебне митрополит произнес слово о наступающем и прошедшем годах, призывал не отчаиваться и возложить свое упование на милость Божию. Я не мог остаться и передал обязанности Алеше Татищеву. Был у Miroglio в кружке. Матвеев прочитал доклад, довольно неполный и общий, о Церкви как хранительнице чистого Христова учения. Вечером пили шипучее вино и ели пирог для встречи нового года и желали друг другу всего наилучшего.

* Географический зал

Харьковский Покровский монастырь (открытка). 20 декабря 1918 г.

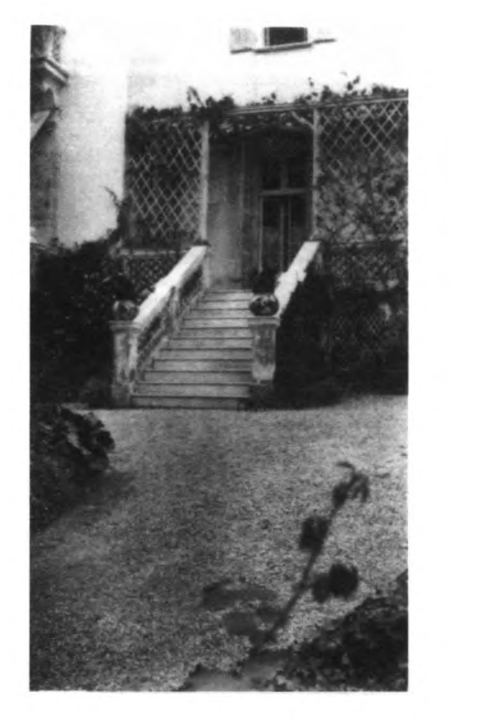

Одесса. Преображенская улица (открытка). 1918–1919. Декабрь–июль.

Семья Ковалевских. Симферополь. Конец декабря 1919 года.

Е.П.Ковалевский, П.П.Мигулин, А.Э.Направник, В.И.Мигулина, Максим, Инна Владимировна, Евграф Ковалевские. 1920 г.

Вход в гостиную на вилле «Батава». 1920 г.

Вилла «Батава». 1920 г.

У Гончаровых в Монте Карло. Лето 1920 г.

Садовник Баттист Бесси.
1920 г.

Петр Ковалевский. 1920 г.

Ксана и Гриша Тепловы, Максим и Евграф Ковалевские. 1920 г.

Максим Ковалевский. 1920 г.

Е.П. и М. Е. Леонтьевы и Е.П.Ковалевский
в саду на вилле «Батава». Сентябрь 1920 г.

Гости на дне рождения Максима Ковалевского. 1921 г.

На вилле Cap d'Ail на дне рождения Б.Лихачева: Гриша Теплов, Сережа Комаров, Боря и Лена Лихачевы, Вова Красинский, Петр Ковалевский, Саша (Лихачев?). 3/16 сентября 1920 г.

Дом в Медоне на rue Republique. (открытка). Крестиками отмечены окна Ковалевских.

Е.П.Ковалевский у входа на виллу «Батава». 1921 г.

На вилле Мигулиных в Cros de Caque: (слева направо) П.П.Мигулин, Евграф Ковалевский, Китти Вадина (Щербачева), В.И.Мигулина, И.В.Ковалевская.

Русская церковь в Каннах.

Архиепископ Евлогий на вилле «Батава»: (слева направо сидят) В.Я.Чистяков, И.В.Ковалевская, архиепископ Евлогий, Е.П.Ковалевский (стоят) Максим и Евграф Ковалевские.

Профессор Э.Оман.

M-me Dugard.

Е.П.Ковалевский. 1921 г.

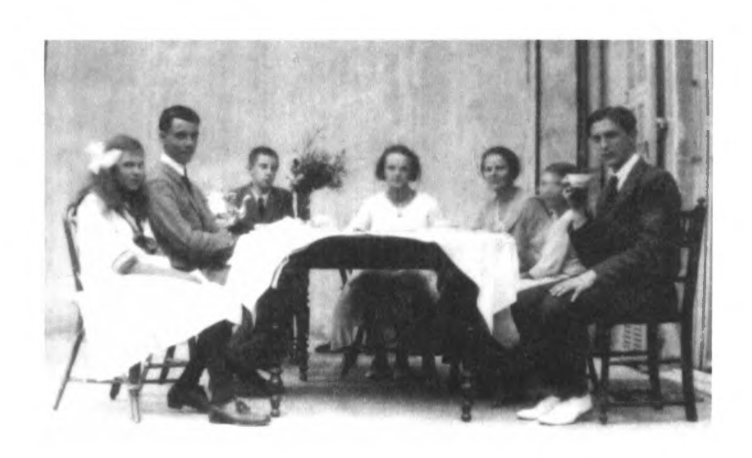
Группа молодежи с профессором Э.Оманом.

У Наумовых.

Мать Евгения, гр. М.А.Коновницина и мать Любовь.

Тепловы, Гирсы, Максим и Графчик.

О.К.Суковкина, И.В.Ковалевская, гр.Фальтан, М.А.Суковкин,
Алексеюшка Шидловский, гр.М.А.Коновницина.

А.Д. и Е.В.Шидловские, Максим, Инна Владимировна
и Евграф Ковалевские.

Комментарии

1918 год

1. Фирма «К.О.Шитт» имела в Петрограде более 15 винных погребов.

2. Ютановка — имение Ковалевских в Бирюченском уезде Воронежской губернии, перешедшее в 1861 г. к отцу Е.П.Ковалевского Петру Евграфовичу старшему при женитьбе его на Евгении Павловне Гриневич, внучке крупного землевладельца Харьковской и Воронежской губерний Гавриила Гаврииловича Суханова-Подколзина. Ныне — с. Ютановка Волоконовского района Белгородской области. До 1979 г. в доме Ковалевских располагалась школа, в настоящее время дом выкуплен частным лицом.

3. Валуйки — центр Валуйского уезда Воронежской губернии, ныне районный центр в Белгородской области.

4. 14 января у Симеоновского моста через Фонтанку была обстреляна машина, в которой ехал В.И.Ленин.

5. Учредительное собрание открылось 5/18 января 1918 г. около 16 часов в Белом зале Таврического дворца. Большевики, оказавшиеся в меньшинстве, покинули зал заседаний. 6/19 января Декретом ВЦИК Учредительное собрание было распущено.

6. Всероссийский Поместный Собор был открыт в Москве в Успенском Соборе Кремля 15 августа 1917 г. 16 августа в Храме Христа Спасителя открылось первое заседание. 5 ноября 1917 г. митрополит Тихон был избран патриархом Московским и Всея Руси. 9 декабря состоялось последнее заседание первой сессии Поместного Собора. Вторая сессия открылась 20 января 1918 г., закончила свою работу 7 апреля. Третья сессия работала со 2 июля по 20 сентября 1918 г.

7. После 1917 г. Святогорский Успенский монастырь был закрыт, на его территории разместились школа крестьянской молодежи и типография районной газеты. Монастырь пострадал во время Великой Отечественной войны: фашистами был взорван главный монастырский колокол. До недавнего времени на территории монастыря, в частности, в его главном храме, размещалась часть экспозиции Пушкинского музея — заповедника. В 1992 г. монастырь возвращен Русской Православной Церкви, а с 1998 г. в нем проводятся восстановительные работы.

8. В послании от 19 января 1918 г. Патриарх Тихон призвал защитить оскорбляемую и угнетаемую церковь, анафемствовал участвовавших в расправах над священниками, в разорении и осквернении храмов: «Анафемствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной».

9. На Всероссийском Поместном соборе было восстановлено Патриаршество, рассмотрены вопросы о высшем церковном управлении, которое дол-

жно осуществляться при Патриархе Священным Синодом и Высшим церковным советом; о правовом положении Церкви в государстве (по поручению Собора по этому вопросу предложил декларацию профессор С.Н.Булгаков); о церковном проповедничестве и т.д. Всероссийский Поместный Собор 7 апреля 1918 г. принял «Приходский устав», который должен был объединить мирян вокруг Церкви. Устав определял приход как общество православных клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме под руководством священника-настоятеля. По уставу прихожане заботятся о храме, на приходском собрании избирают церковного старосту, который занимается приобретением, хранением и употреблением имущества храма, и приходской совет, состоящий из клириков, церковного старосты и мирян. Приходские собрания должны созываться не реже двух раз в год. Председателем приходского собрания являлся настоятель храма.

10. 29 апреля 1917 г. Святейший Синод призвал ввести выборное начало на всех уровнях церковного управления. 24 мая митрополит Вениамин был выбран на Петроградскую столичную кафедру благодаря значительной поддержке приходских собраний, большинством голосов клира и мирян. 25 мая возведен в сан архиепископа с присвоением титула Петроградский и Ладожский (с июня Петроградский и Гдовский).

11. 26 февраля 1918 г. на закрытом заседании Совнаркома обсуждался вопрос о переезде правительства из Петрограда в Москву. Непосредственно переезд состоялся 10 марта 1918 г.

12. После переговоров с Центральной Радой, созданной в Киеве 4 марта 1917 г. и возглавившей украинское национальное движение, Германия в январе 1918 г. признала ее законным правительством Украинской народной республики (УНР). 27 янв./8 февр. в Брест-Литовске был подписан сепаратный договор между центрально-европейскими державами и Украинской Радой. Германия начала наступление 18 февраля 1918 г.

13. Большевики заняли Киев 26 января 1918 г. Центральная Рада и правительство УНР выехали на Волынь. Вернуться они смогли под прикрытием немецких войск, после заключения делегацией УНР Брест — Литовского соглашения.

14. Об образовании Красной Армии было объявлено в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, утвержденной 3/16 января 1918 г. ВЦИК. 4/17 января опубликовано Положение об организации Социалистической Армии. 29 мая 1918 г. ВЦИК издал декрет о переходе от добровольческого принципа к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в Рабоче-крестьянскую Красную Армию.

15. Австро-германские войска 18 февраля начали наступление по всему фронту. Вечером этого дня на заседании ЦК РСДРП (б) большинство высказалось за подписание мира. Утром 19 февраля Ленин отправил германскому правительству радиограмму с согласием подписать германские условия (известно, что по этим условиям Польша, Литва, часть Латвии и часть Белоруссии должны были перейти под контроль Германии). Однако немецкие войска продолжали наступление. Германское правительство потребовало очистить от русских войск Лифляндию, Эстляндию, Украину и Финлян-

дию. Брестский мирный договор заключен между Советской Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой, 3 марта 1918 г. Через 8 месяцев после революции в Германии Советское правительство аннулировало Брестский договор.

16. Максим Ковалевский учился в Пажеском Его Величества корпусе, который находился на Садовой ул. в здании бывшего дворца графа М.И.Воронцова. В настоящее время там Суворовское военное училище. Петр и Евграф учились в училище при Реформатской церкви на Мойке, 104.

17. «Уделы» — так Петр Евграфович называет церковь Спиридона Тримифунтского, бывшую при Главном управлении уделов на Литейном проспекте 39, куда она была переведена в 1857 г. вместе с Главным управлением уделов. С 1895 г. ее настоятелем был Константин Иоаннович Ветвеницкий. Церковь была закрыта 18 мая 1918 г., затем снова открыта как приходская; в конце 1920 г. закрыта окончательно. В настоящее время в здании находится Государственный всероссийский научно-исследовательский нефтяной геологоразведочный институт.

Собор Казанской Божией Матери (освящен 15 сентября 1811 г., построен по проекту архитектора А.Н. Воронихина) в апреле 1932 г. был закрыт для верующих, а в ноябре открыт как Музей истории религии и атеизма. В 1991 г. в соборе возобновились богослужения. Храм Воскресения Христова (Спаса на крови) построен на месте убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II террористом И.Н.Гриневицким. Освящение храма состоялось 19 августа 1907 г. В 1923 г. храм получил статус кафедрального собора епархии. 17 ноября 1930 г. постановлением ВЦИК закрыт и передан «под культурно-просветительские нужды». В 1970 собор передан музею «Исаакиевский собор» в качестве филиала. Открыт после реставрации 19 августа 1997. (*См.: Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга / Историко-церковная энциклопедия в трех томах. СПб., 1997. Т.1.*)

18. Братство приходских советов города Петрограда и Петроградской епархии было создано в августе 1917 г. Одним из инициаторов создания Братства был отец Философ Орнатский. Братство насчитывало несколько десятков тысяч человек.

19. Постоянная комиссия по устройству народных чтений Министерства народного просвещения официальным адресом имела дом Е.П.Ковалевского на Екатерининском канале, 14. Комиссия ведала внешкольным образованием в России и изданием народных книг.

20. Дом 14 на Екатеринском канале в 1825 г. получила в приданое Анна Степановна Копосова, вышедшая замуж за Евграфа Петровича Ковалевского старшего. В этом доме жили три поколения Ковалевских.

21. Ближайшие к дому Ковалевских кондитерские магазины фирмы «Жорж Борман» находились по адресам Невский пр., 21, Невский пр. 30.

22. Зубовский институт, или Институт истории искусств, открылся 12 марта 1912 г. в Петербурге на Исаакиевской площади в доме № 5. Его учредителем был владелец дома, граф В.П.Зубов, по имени которого заведение именовали Зубовским институтом. В.П.Зубов оставался директором института до своего отъезда в эмиграцию в 1925 г.

23. Дом М.Л. Нейшеллера на Каменном острове, на берегу Малой Невки был построен по проекту архитектора В.Ю.Иогансена. (*См.: В.А.Витязева. Каменный остров. Л.,1991. С.132–134*). Здание было разобрано в 1968 г., а на его месте построен дом для приема делегаций.

24. Это же событие описывается в книге М.Вострышева «Патриарх Тихон» (М., 1997. С.102): « На Красной площади в первый советский Первомай... народу было не густо. Шли с пением «Интернационала» колонны красноармейцев и партийцев. И вдруг красное полотнище, заслонявшее икону святителя Николая Чудотворца на Никольских воротах, без посторонних усилий порвалось — и засиял старинный образ чтимого всей Русью святого».

25. 19 января в Александро-Невскую лавру прибыл отряд вооруженных матросов и солдат с требованием передачи имущества, выселения митрополита Вениамина. На колокольный набат к лавре сбежалась толпа народа с целью защитить церковь. Красногвардейцы разбежались. Но пришедший новый отряд стал стрелять по звонарям, протоиерей о. Петр Скипетров, вышедший с крестом в руке и просивший солдат не стрелять и не издеваться над святынями, был убит. (*См.: Вл.Цыпин. Русская церковь (1917–1925). 1996. С.72–73*)

26. Подземный — «Пещерный» — храм во имя священномученика патриарха Ермогена в Казанском соборе был задуман митрополитом Вениамином в 1917 г.; его устройством под главным алтарем собора, в подвальном помещении, начал заниматься о. Философ Орнатский. «Пещерный» храм должен был увековечить восстановление патриаршества в России. В нем предполагалось поместить Казанский образ Пресвятой богородицы и иконы святых, имена которых носили погибшие митрополит Киевский Владимир, протоиереи Иоанн Качуров и Петр Скипетров. В 1922 г. после того, как Казанский собор был передан «обновленцам», подвальные помещения стали сдавать в аренду для хранения картофеля.

27. Мощи Св. Ермогена были переданы Казанскому собору патриархом Тихоном, ковчег с мощами священномученика был установлен рядом с образом Казанской Божией Матери.

28. На набережной р. Фонтанке с 1733 г. находилось подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры Московской епархии. Подворье было закрыто в 1923 г., в конце 1970-х гг. перестроено для Центральной городской библиотеки им. В.В.Маяковского. В 1993 г. фасаду возвращен прежний вид. (*См. В.В.Антонов, А.В.Кобак. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. СПб., 1996. Т.3. С.142–144*).

29. Иоанновский женский монастырь на наб. р. Карповки, 45 был основан о. Иоанном Кронштадским как подворье Иоанно-Богословской женской общины, в 1901 г. община была обращена в монастырь, а подворье в самостоятельную обитель. В подвальном этаже храма Двунадесяти Апостолов, главного храма монастыря, в церкви-усыпальнице в 1908 г. был погребен о. Иоанн Кронштадский. В 1923 г. церковь была отдана под клуб, а в 1926 г. вход в усыпальницу о. Иоанна Кронштадского замурован. Монастырь был возвращен верующим в 1989 г., в нем разместилась обитель Пюхтинкого монастыря. Нижний храм с усыпальницей освящен в 1991 г.

(*См. В.В.Антонов, А.В.Кобак. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. СПб., 1996. Т.1. С.72–75*).

30. Исидоровское епархиальное женское училище (Невский пр.,176) было основано в 1870 г. при Александро-Невском доме призрения бедных духовного звания.

31. Имение Ковалево за Пороховыми заводами было приобретено Петром Петровичем Ковалевским (1806-1855), братом Евграфа Петровича Ковалевского старшего.

32. Эпидемия холеры была в Петрограде в июле 1918 г. В городе проводились противохолерные прививки, запретили уличную торговлю продуктами. Для борьбы с эпидемией была создана Центральная рабочая комиссия. В августе число заболевших начало снижаться.

33. Мятеж левых эсеров вспыхнул после того, как Ф.Э.Дзержинским, возглавлявшим ВЧК, были предприняты действия по поимке преступников после убийства германского посла Мирбаха. Мятеж был подавлен, и партия эсеров ликвидирована.

34. Северная область (союз коммун Северной области) — одно из областных объединений советов, включала территории Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний. Упразднена в феврале 1919 г.

35. Возможно, Петр Евграфович имеет в виду или харьковское происхождение рода Ковалевских, или тот факт, что имение Ковалевских, в котором они проводили много времени и где Евграф Петрович был земским деятелем, находилось на юге России, в Воронежской губернии.

36. Книжный магазин А.С.Суворина находился в доме 38 по Невскому проспекту.

37. Император Николай II, императрица Александра Федоровна, их дочери — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, наследник престола цесаревич Алексей были расстреляны в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. Вместе с ними были расстреляны врач Е.С.Боткин, горничная Александры Федоровны А.С.Демидова, повар И.М.Харитонов, камердинер А.Е.Трупп.

38. О.Философ Орнатский был арестован 9 августа 1918 г. и, несмотря на заступничество Братства приходских советов Петрограда и епархии (письмо Г.Е.Зиновьеву от 31 августа 1918 г.) и А.В.Луначарского (письмо к Г.Е.Зиновьеву 15 августа 1918 г.), был расстрелян со старшими сыновьями Николаем (1886-1918) и Борисом (1887-1918) в Кронштадте. (См.: *Н.Ю.Черепенина, М.В.Шкаровский. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга. 1917–1945. СПб., 1996. С.51–52*)

39. Днем 6 июля 1918 г. в помещении германского посольства в Москве сотрудник ВЧК Я.Блюмкин и представитель Ревтрибунала Н. Андреев убили немецкого посла графа В. Мирбаха (1871–1918).

40. В августе 1918 г. была установлена демаркационная линия, которая на центральном направлении проходила в районе Полоца, Орши, Могилева, Курска.

41. Имеется в виду правительство Украинской державы гетмана П.П.Скоропадского, которое просуществовало с 29 апреля, когда была распущена Центральная Рада, до 14 ноября 1918 г., когда было сменено Украинской Директорией С.Петлюры.

42. Владимирский собор в Киеве сооружен в 1862 — 1896 гг. в неовизантийском стиле (проект архитектора А.В.Беретти, архитекторы К.Я.Маевский, Ю.Б.Бернградт, В.Н.Николаев).

43. Софийский собор в Киеве — монументальный храм, построенный в XI в. в княжение Ярослава Мудрого, освящен в 1031/32 г.

44. Харины проживали в Харькове в доме 3 по Харинскому переулку (дом принадлежал Александре Гавриловне Хариной). (*Сведения получены из Государственного архива Харьковской области (директор В.В.Резникова, зав. отделом Л.М.Момот*))

45. Свято-Покровский монастырь основан в 1726 году. Храм при Покровском монастыре в Харькове до 1846 г. был кафедральным. Храм двухэтажный: в верхнем этаже — Покровская церковь, в нижнем — церковь трех Святителей. Под сводами церкви — усыпальница харьковских владык. Ныне возрожден.

46. Свято-Благовещенский собор имеет давнюю историю, которая берет начало от основания г. Харькова. Каменный собор по проекту архитектора П.А.Ярославского был заложен в 1789 г., а освящен в 1794 г. В 1901 г. рядом со старым был построен (строительство шло 20 лет) новый, значительно больший, рассчитанный на 4 000 человек, храм по проекту архитектора М.И.Ловцова. Иконы и утварь были перенесены в новый храм, а старый — снесен. В настоящее время Свято-Благовещенский храм — кафедральный собор Харьковско-Богодуховской епархии Украинской православной церкви.

47. Газету «Южный край» издавал А.А. Иозефович. Редакция располагалась в доме 13 по Сумской улице.

48. Двуречный Кут — имение М.М.Ковалевского, перешедшее после его смерти к Е.П.Ковалевскому — в 20 верстах от Харькова, при станции Пересечное, с 35 десятинами земли и большим каменным двухэтажным домом. Интересно, что в 1923 г.(!) из Берлина от Союза владельцев недвижимостью в России Е.П.Ковалевский получил предложение продать это имение некоему заинтересованному лицу (им был Д.Ф.Зякин). В ответном письме Евграф Петрович дает описание имения: дом большой, двухэтажный — верхний этаж необитаем, каменный, старинная мебель красного и орехового дерева; флигели из 5 комнат, 3 сарая, сад, парк, луг, огород. В 1919 г. в доме был устроен склад какой-то артели (*См. архив Ковалевских в Амстердаме. IISG. ACCR. 91(2))*.

49. Мать Н.Н. Харина, Александра Гавриловна, урожденная Суханова — Подколзина, сестра Натальи Гавриловны Гриневич, прабабушки Петра Евграфовича Ковалевского.

50. Мощи Святителя Мелетия (Леонтовича), архиепископа Харьковского и небесного покровителя Харькова в 1920-х годах были перенесены из Покровского собора (после его закрытия и передачи здания музею) в Благовещенский собор.

51. Мироносицкая церковь располагалась на Сумской ул. Харькова, первоначально была деревянной кладбищенской, в течение XVIII–XIX вв. часто перестраивалась. Как и многие другие храмы, в 1919–1921 гг. Мироносицкая церковь была разграблена, в 1930 г. закрыта, а потом по решению комиссии по закрытию церквей от 17 февраля 1930 года взорвана. До 1939 г. на месте церкви был пустырь, затем построено троллейбусное депо. После войны депо было перенесено, а на месте Миронисицкой церкви разбит сквер Победы.

52. 29 августа на Дворцовой площади в вестибюле здания Главного штаба социалист Л.И. Каннегисер убил председателя Петрогадской ЧК М.С.Урицкого. Это событие послужило поводом к объявлению «красного террора». В дни красного террора в сентябре — ноябре 1918 г. в Петрограде расстреляно около 1500 человек. (*См.: Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1993. Книга 4. С.147.)*

53. После убийства М.С.Урицкого были арестованы как заложники Великие князья Николай Михаилович, Георгий Михаилович, Павел Александрович. Расстреляны 28 января 1919 г. в Петропавловской крепости.

54. Имеется в виду восстание военных моряков в Киле 21 октября/3 ноября 1918 г., которое было поддержано рабочими и распространилось по всей стране.

29 сентября Болгария подписала перемирие, по которому должна была освободить занятые ею греческие и сербские территории и демобилизовать свою армию за исключением частей для сохранения внутреннего порядка. Австро-Венгрия присоединилась к просьбе Германии о заключении перемирия и мира.

55. В ноябре Макс Баденский передал власть правому социал-демократу Эберту.

1919 год

1. Газета «Известия» издавалась с марта 1917 г.

2. Frenssen Gustav. Jorn Uhl. Berlin,1911; Suderman Herman. Frau Sorge. Berlin, 1891; Keller Paul. Die Heimat. Berlin.

3. Наступление на Царицын 1 января (н.с.) 1919 г. было предпринято войсками Донской армии ген. П.Н. Краснова. Однако овладеть городом не удалось, 19 февраля части Мамонтова начали отход от Царицына. Остатки Донской армии укрылись за реками Дон и Маныч.

4. Каплуновская, или Рождество Богородичная, церковь построена и освящена в 1810 г.

5. 11/24 июня Харьков был взят войсками генерала А.И. Деникина.

6. О броневике «Товарищ Артем» писал в «Отчете о деятельности Харьковского разведывательного центра» полковник Двигубский: «...за нами [имеется в виду отряд офицеров — *Н.К.*] была организована погоня в составе броневика «Товарищ Артем» и 120–130 конных...» *(Из документов белогвардейской контразведки 1919 г.//Русское прошлое. Книга 1.1991. С.169.)*

7. Гатчинская учительская семинария имени Императора Александра II располагалась в Гатчине в доме 49 на проспекте Имп.Павла I. В 1917 г. ее директором был Иван Михайлович Крестников.

8. Е.П.Ковалевский был попечителем Ютановской второклассной школы с дополнительным учительским классом.

9. Роман М.Г.Веселковой-Кильштет «Колычевская вотчина».

10.Ныне с. Волчий Белгородской области.

11. Ковалевский Е.П. Народное образование и церковное достояние в III Государственной думе. Речи, доклады, статьи Е.П.Ковалевского. Сост. А.А.Ольгинский. СПб., 1912. Ч.1–3.

12. На кладбище в Ютановке похоронены Петр Евграфович Ковлевский старший (1827–1899) и Наталья Гавриловна Гриневич, рожденная Суханова-Подколзина, прабабушка П.Е.Ковалевского.

13. Осваг — Осведомительное агентство, с февраля 1919 г. Отдел пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России (создано как высший орган гражданского управления при верховном руководителе Добровольческой Армии ген. М.В.Алексееве). В соответствии с «Положением об Особом совещании при Верховном руководстве Добровольческой армии от 18 (31) августа 1918 г.»Осведомительное агенство» (Осваг) входило в состав дипломатическо-агитационного отдела Совещания. Ликвидирован в 1920 г. *(См. публикацию В.Г.Бортневского «Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского освага» (Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. № 2. С.339–347))*

14. Екатерина II начала в 1762 г. секуляризацию церковных земель и издала указ от 26 февраля 1764 г. о передаче собственности монастырей в государственное владение, вследствие которого закрылось 53 % мужских и 67 % женских монастырей.

15. В декабре 1918 г. после захвата Киева петлюровцами были арестованы и переданы в руки польских властей митрополит Киевский Антоний и архиепископ Волынский Евлогий. При посредничестве стран Антанты они были освобождены и отправлены на юг России.

16. 3 июля 1919 г. генерал Деникин издал директиву, которая предусматривала захват Москвы после нанесения ударов на курском и воронежском направлениях и разгрома Южного фронта красных. Войска генерала Деникина 30 августа вошли в Киев, 12 сентября начинают поход на Москву: 20 сентября взяли Курск, 13 октября Орел, подошли к Туле.

17. Совещание дипломатов союзных держав с приглашением русской делегации проходило с 3/16 по 20/23 ноября в Яссах, а затем в Одессе. *(См.: Ясское совещание 1918 г. (журналы заседаний Русской делегации) // Русское прошлое / Историко-документальный альманах. 1992. Кн.3. С.225–348.)*

18. Совет Государственного объединения России был создан в Киеве в октябре 1918 г. Эта монархическая организация объединяла по 5 представителей от Государственной думы, Государственного совета, земств, городско-

го самоуправления, торгово-промышленных, церковных и академических кругов (всего 45 человек) и ставила целью свержение Советской власти и восстановление монархии Председатель — барон В.В.Меллер-Закомельский, тов.председателя — П.Н.Милюков и А.В.Кривошеин.

19. В мае 1919 г. в Ставрополе состоялся Юго-Восточный Русский Церковный Собор. Вопрос о созыве Собора решался в религиозно-просветительском отделе Совета государственного объединения. 27 апреля в Екатеринодаре состоялось совещание, в котором приняли участие митрополит Херсонский Платон, архиепископ Таврический Димитрий и многие другие священнослужители, общественные и государственные деятели. Совещание приняло постановление, в котором было признано необходимым учредить орган Высшего церковного управления на территории действий Добровольческой Армии. С 19 по 24 мая в Екатеринодаре проходил областной Церковный Собор, на котором было образовано Высшее временное церковное управление для управления областями, которые были заняты Добровольческой армией; председателем избран архиепископ Митрофан. *(См.: прот. Вл.Цыпин. Русская церковь (1917–1925). Издание Сретенского монастыря, 1996)*

20. Е.П.Ковалевский как генеральный наследник М.М.Ковалевского унаследовал виллу Батава (Beaulieu-sur-Mer.Villa Batava, boulevard Marinoni) на юге Франции, которая была приобретена Максимом Максимовичем в 1889 г. после его эмиграции из России.

21 Е.П.Ковалевский стал кавалером ордена Почетного Легиона за устройство отделов просвещения, книгоиздательства, прессы и искусств на Всемирной Выставке в Париже в 1900 г.

22. В.А. Маклаков прибыл в Париж в ноябре 1917 г. как посол Временного правительства, не успел вручить верительную грамоту, так как в России сменилось правительство и распоряжением наркома Л.Д.Троцкого 17 ноября 1917 был лишен звания посла.

23. Е.П.Ковалевский издал в Париже «La voix de l'Eglise Russe par Un membre du Concile, de l'Eglise ortodoxe de toutes les Russies.» Paris, 1919. 16 p.

24. Парижская мирная конференция, проходившая с 16 января 1919 г. по 21 января 1921 г. с перерывами, была созвана державами победительницами в Первой мировой войне для выработки и подписания мирного договора с побежденными государствами австро-германского блока. Еще на предварительных совещаниях (Париж, с ноября 1918 г.) особо обсуждался вопрос о представительстве России на Парижской мирной конференции. Организаторы конференции отказались от приглашения советской делегации, что мотивировалось отсутствием к тому времени на территории России признанного ими правительства. Русское политическое совещание (создано в Париже в конце 1918 г. как руководящий центр Белого дела) в январе 1919 г. для защиты русских интересов перед союзниками образовало русскую заграничную делегацию, в которую входили Г.Е.Львов, В.А.Маклаков, С.Д.Сазонов, Н.В.Чайковский, в начале июля к ним присоединилась делегация «Особого совещания во главе с ген. А.М.Драгомировым. Русская заграничная делегация не была допущена государствами Антанты к участию в

конференции, но получила право высказать свои суждения перед ее участниками.

25.После подписания Версальского мира Париж торжественно праздновал победу 14 июля 1919 г.

26. Е.П.Ковалевский прибыл в Екатеринодар из Франции как уполномоченный Временного Российского правительства курьером с депешами и как отмечено в паспорте за подписью В.А. Маклакова от 24.07.1919, должен вернуться обратно во Францию.

27. «Bon Marché» — сеть популярных французских универмагов.

28. Военная операция К.К. Мамонтова, направленная на срыв наступления советских войск Южного фронта, была начата 10 августа 1919 г. Воронеж был занят белоказаками 11 сентября, однако, уже 12 сентября оставлен ими под натиском сил Южного фронта.

29. Добровольческая армия потерпела поражение на Орловско-Курском направлении. 4/17 ноября деникинские войска оставили Курск, 11/24 ноября начались наступательные операции советских войск Южного фронта на Харьковском направлении.

30.Семья Ковалевских выехала из Харькова, имея Удостоверение № 7843 от 20 ноября 1919 г. на имя Е.П.Ковалевского от Харьковского отделения Отдела пропаганды особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами юга России, в котором было записано: «Повод поездки: командировка. Куда: Крым и заграницу. Семейный состав: жена и трое детей. Время выезда: воскресенье 24 ноября 1919 г. в 8.30. утра курьерским на Симферополь.»

31. Харьковский женский институт императрицы Марии Федоровны основан в 1812 году. В 1919 г. институт вместе со 123 воспитанницами выехал в Югославию. Позднее директор института М.А.Неклюдова писала Е.П.Ковалевскому: за период с 1920 по 1925 г. институт выпустил 167 человек, в 1925 г. в нем училось 250 воспитанниц.

32. Г.Н.Раковский писал: «Слащов, в сущности, был самоличным диктатором Крыма и самовластно распоряжался как на фронте, так и в тылу... Местная общественность была загнана им в подполье, съежились рабочие, лишь «осважные» (см. примечание 13) круги слагали популярному в войсках генералу восторженные дифирамбы... Военно-полевой суд и расстрел — вот наказание, которое чаще всего применялось к большевикам и сочувствующим» *(См.: Г.Н.Раковский. В стане белых: От Орла до Новороссийска.Константинополь, 1920. С.269.)*

1920 год

1. Часы включают чтение псалмов и молитв. Первый Час читается после утрени, Третий и Шестой — перед литургией, Девятый Час — перед вечерней.

2. В конце 1919 — январе 1920 г. были разгромлены армии Колчака, шло наступление войск Южного фронта. Адмирал Колчак был арестован, 7 февраля 1920 г. расстрелян.

3. «Кирилл» — болгарский пароход, реквизированный французским правительством.

4. Специальное здание для Севастопольской биологической станции, основанной в 1871 г. по предложению знаменитого русского путешественника и исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая и А.О. Ковалевского, было построено в 1897 г. Тогда же был открыт для посетителей демонстрационный аквариум с морскими животными — первый в России. Позднее здание неоднократно расширялось и реконструировалось.

5. Панорама обороны Севастополя в 1854-1855 гг. — мемориальное сооружение, посвященное Крымской войне (1853-1855). Цилиндрическое здание Панорамы построено в 1904 г. (автор инженер О.И.Энберг при участии архитектора В.А.Фельдмана). На внутренних стенах здания — живописное полотно, на котором изображен момент штурма Малахова кургана 6 июня 1855 г. В 1942 г. здание было разрушено, восстановлено в 1953 г., при повторной реставрации в 1974 г. зданию возвращен первоначальный облик.

6. В начале января 1920 г. на юге России войска ген. Деникина терпели поражение от войск Южного и Юго-Восточного фронтов, которые 3 января вошли в Царицын, 7 января — в Новочеркасск, 10 января — Ростов на Дону, 7 февраля — в Одессу.

7. Херсонесский монастырь был основан еще в 1850 г., но его первоначальные постройки погибли во время обороны Севастополя 1854-1855 гг. В 1861 г. был заложен Херсонесский собор Св.Владимира. Монастырь был закрыт в 1925 г., в зданиях монастыря расположился музей.

8. Константинополь разделен проливом на европейский и азиатский берега.

9. Имеется в виду Афоно-Андреевском скит в Константинополе

10. Р.О.П.Т. — Русское Общество пароходства и торговли, созданное в 1856 г., имело значительный флот. Линкор «Император Александр III» считался вершиной мирового судостроения.

11. Храм Святой Софии был построен при императоре Юстиниане I в 537 г. После занятия в 1453 г. Константинополя турками собор был превращен в мечеть: крест на куполе заменен полумесяцем, мозаики замазаны известкой, по углам храма построены 4 высоких минарета.

12. Архиепископ Евлогий прибыл в Новороссийск из Екатеринодара. В Новороссийске сербский посланник пригласил священнослужителей в Сербию.

13. «Иртыш» — грузовой пароход, на котором вместе с другими пассажирами плыли из Новороссийска через Константинополь в Салоники, а оттуда были отправлены поездом в Сербию архиепископ Волынский Евлогий, епископ Гавриил Челябинский, епископ Митрофан Сумской, епископ Георгий Минский, епископ Аполлинарий Белгородский.

14. По Конституции III года Республики во Франции вместо Конвента были выбраны Совет старейшин (250 человек) и Совет пятисот в качестве законодательной власти. Совет пятисот и Совет старейшин были разогнаны

10 ноября (19 брюмера) 1799 г. Наполеоном Бонапартом, бывшим в те дни командующим войсками Парижского военного округа, после чего была установлена его военная диктатура.

15. Вилла «Батава» все эти годы сдавалась в аренду.

16. Петру, Максиму и Евграфу в 1920 году было 18, 16 и 14 лет соответственно.

17. Решение о строительстве церкви Николая Чудотворца и Святой Александры Великомученицы было принято во время пребывания в Ницце в 1856–1857 гг. вдовствующей императрицей Александрой Федоровной. Первый камень был заложен 14 декабря 1858 г. великим князем Константином Николаевичем, а уже 12 января 1860 г. состоялось освящении церкви. Императрица Александра Федоровна подарила церкви иконостас из дуба, изготовленный в Санкт-Петербурге по эскизу Горностаева и расписанный Васильевым. Церковь расположена на втором этаже здания. Первый этаж занимает церковная библиотека, созданная в 1860 г. по инициативе князя П. Вяземского.

18. 23 февраля началась стачка французских железнодорожников на линии Париж—Лион—Средиземное море. Бастующие требовали соблюдения 8-часового рабочего дня, признания прав профессиональных союзов, национализации железных дорог, увеличения заработной платы.

19. Promenade Baie des Anglais — набережная Англичан, бульвар, который раскинулся вдоль бухты Ангелов (Baie des Anges) от исторического центра Ниццы вплоть до аэропорта. Набережная была построена в 1820 г. англичанином Льюисом Вэйем в честь визита в Ниццу английской королевы Виктории и представляла собой дорожку шириной в 2 метра. После этого визита Ницца надолго стала «зимней столицей Британской империи». Местные жители назвали набережную «Английской дорогой».

20. Виллу в Ницце имел Александр Эдуардович Фальц-Фейн (1864–1919.Берлин); после его смерти вилла была продана его второй женой В.Н.Епанчиной (1886–1977) и их детьми Таисией (1911–1988) и Эдуардом (1912). *(См.: Письма из Maison Russe. Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции. СПб., 1999. С.244–245; 270).*

21. «La Fayette» — сеть известных магазинов во Франции

22. Ген. Деникин прибыл в Константинополь 23 марта 1920 г. на линкоре «Emperor of India» вместе с ген.Романовским .

23. По данным, которые приводятся в справочнике Н.Ю.Черепениной и М.В.Шкаровского «Православные храмы Санкт-Петербурга 1917–1945 гг.» к осени 1917 г. в Петрограде и пригородах имелось 498 храма. Храмы начали закрывать уже в конце 1917 г. (прежде всего домовые церкви). В 1922–1923 гг. закрываются храмы при больницах, приютах. С конца 1920-х гг. шло массовое закрытие приходских храмов. В 1930-е гг. закрытие храмов часто сопровождалось сносом их зданий. К осени 1941 г. в Ленинграде оставалось только 8, а в пригородах 5 храмов. (Указ. соч. С.9–10).

24. Экзаменационная комиссия при русском посольстве принимала экзамены с 10 июня по 5 июля 1920. Председателем комиссии был Ю.А.Колемин, первый секретарь посольства.

25. М.М.Ковалевский перевез во Францию на виллу «Батава» часть своей огромной библиотеки. В дальнейшем речь идет именно об этой библиотеке.

26. Имеется в виду кладбище Кокад (Caucade), которое было создано в 1867 г. в память о Великом князе Николае Александровиче, умершем в Ницце. Останки русских, покоившиеся до 1867 г. на английском кладбище, были перезахоронены на русском. По данным «Guide des Russes en France» (Paris, 1990. P.407) сейчас на кладбище Кокад покоится более 3000 русских.

27. На могиле Н.Шабельской сооружена часовня, вытесанная из одного камня, привезенного из Парижа. Металлический купол над могилой спроектирован Леонидом Пиановским (1885—1976).

28. Сыну великого князя Михаила Александровича Георгию (1910—1931) в 1920 г. было 10 лет.

29. В Cap-d'Ail находилась вилла великого князя Андрея Владимировича и Матильды Кшесинской «Alam».

30. Описание здания русского посольства, ныне резиденции русского посла на rue de Grenelle см. в книге «Россия в Париже» (автор и составитель текста Ю.И.Рубинский).Париж, 1996.

31. Московская гимназия имени И. и А.Медведниковых, казенная, ведомства Министерства народного просвещения.

32. В 1900 г. Е.П. и И.В. (тогда еще Стрекалова) Ковалевские были на Всемирной выставке в Париже. О.И.Смирнов был настоятелем Александро-Невского собора.

33. Вероятно, П.Е.Ковалевский имеет в виду, что улица Daru, на которой находится русский православный храм Александра Невского, маленькая. Александро Невский собор, главный православный храм в Париже построен в 1861 г. по проекту петербургского архитектора Р.Кузьмина.

34. «В склепе в нижней церкви храма стояло несколько гробов; родственники умерших хотели при первой возможности перевезти их в Россию, а пока просили Совет [приходской — *Н.К.*] оставить гробы в склепе» — *Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. М., 1994. С.376.*

35. В качестве чиновника по особым поручениям при Министерстве народного просвещения Е.П.Ковалевский был командирован в Соединенные Штаты в 1893 г. для изучения народного просвещения. После поездки Евграф Петрович опубликовал книги «Народное образование в Соединенных Штатах, высшее, среднее и низшее» (СПб., 1894) и «Школьное строительство в Соединенных Штатах» (СПб., 1895).

36. П.Е.Ковалевский имеет, видимо, в виду газету «Вечерняя пресса. Ежедневная литературно-политическая и финансовая газета», которая выходила в Константинополе под ред. Е.В.Максимова в период с 1920 по 1925 гг. Других газет, по данным сводного каталога периодических изданий «L'Emigration russe en Europe» (Paris, 1990), в это время в Константинополе не издавалось.

37. Книжный магазин И.Розанова (Librairie Rosanoff) находился в Ницце на rue Longchamp 7.

38. Главный беженский комитет в Лондоне, которым руководил Игнатьев, назначил Е.П.Ковалевского своим уполномоченным во Франции.

39. Экономический кризис в России привел к крестьянским восстаниям в Западной Сибири, на Северном Кавказе, Украине. Самым крупным крестьянским выступлением было восстание в Тамбовской и прилегающим к ней районах. Вооруженные продовольственные отряды, в которые входили более 5000 человек, действовали на территории губернии с 1918 г. К августу 1920 г. так называемое «изъятие излишков» вызвало резкий протест со стороны крестьян. Их выступление возглавил эсер А.С.Антонов. Восстание длилось до лета 1921 г., число повстанцев достигло более 50 000 человек, но было жестоко подавлено войсками под руководством М.Н.Тухачевского. Потери с обеих сторон, по данным историков, — не менее 50 000 человек.

40.Русская школа в Париже была основана 4 февраля 1920 г. как гимназия и реальное училище. За основу была принята дореволюционная учебная программа с усиленным изучением французского и английского языков. Инициаторами создания школы были В.П.Недачин, прот.Н.Сахаров, С.Г.Попич, Б.А.Дюфур, К.Д.Старинкевич. Е.П.Ковалевский принимал участие в поиске средств для существования школы. Так в 1921 году по его ходатайству Лондонский комитет о беженцах выделил 10.000 франков для оплаты труда преподавателей. Все время существования до 1961 г. школа была собственностью Общества помощи детям русских эмигрантов (предс. М.А.Маклакова). До 1928 г. школа располагалась на rue Docteur Blanche, 7, после финансового кризиса, из которого школе помогла выйти леди Лидия Павловна Детердинг, купившая для нее дом — в Boulogne-Billancourt. Подробнее см.: *К 10-летию русской средней в Париже. Краткий очерк. Париж, 1930.*

41. Ген. Врангель с 4 апреля 1920 г. главком ВСЮР, с 11 мая — главком Русской Армии. В начале октября Врангель пытался вывести свои войска за Днепр и овладеть Одессой.

42. Владимир Николаевич Коковцев был лицеистом, получив образование в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее.

43. 11 ноября сердце Л.Гамбетты было перезахоронено в нише у входа в Пантеон.

44. Церемония перезахоронения сердца Гамбетты сопровождалась переносом останков Неизвестного солдата в Триумфальную арку, под которой была установлена плита с бронзовой каймой с надписью: «Здесь покоится французский солдат, погибший за Родину. 1914–1918».

45. «Последние новости» — ежедневная газета, выходившая в Париже с 27 апреля 1920 г. под ред. М.Л.Гольдштейна, с 1 марта 1921 по 11 июня 1940 г. под ред. П.Н.Милюкова.

46. 28 октября Красная Армия начала наступление против генерала Врангеля и к 17 ноября заняла весь Крым. В начале ноября Русская армия генерала Врангеля была эвакуирована в Константинополь.

47. Ковалевские сняли дом в пригороде Парижа Медоне на 62, rue de la République.

48. Имеется в виду открытие при французских лицеях русских отделений, где труд русских педагогов оплачивался французским министерством просвещения.

49. 8 сентября 1920 г. В.И.Вернадский был избран ректором Таврического университета.

50. С.И.Метальников еще в 1900 — 1902 г. проходил стажировку в Институте Пастера в Париже в отделе И.И.Мечникова. В 1919 г. он был приглашен Э.Ру возглавить одну из лабораторий Института Пастера. В 1920 г. С.И.Метальников продолжал изучение иммунитета у низших животных и писал с К.Тумановым книгу «Иммунитет у пчел», издание которой было отложено из-за финансовых проблем. П.Е.Ковалевский пишет об исследованиях С.И.Метальникова по изучению фагоцитоза у низших животных. Идея о том, что иммунитет к туберкулезу у личинки пчелиной моли обусловлен способностью насекомого каким-то образом переваривать воскообразные оболочки туберкулезных бацилл, принадлежала И.И.Мечникову и она легла в основу исследований Метальникова по фагоцитозу у насекомых. Он экспериментально подтвердил, что туберкулезные бациллы, введенные в организм личинки пчелиной моли, заглатываются ее фагоцитами и быстро разрушаются с помощью фермента-липазы. Из этих экспериментов исследователь делал вывод, что если повысить активность липазы в организме, например, проводя жировое откармливание заболевших животных, то это может стать терапевтичексим средством в борьбе с туберкулезом.

51. Католическая церковь Saint-Georges в Медоне на rue de Porto-Riche, 15.

52. Пантеон задумывался как храм Св. Женевьевы, покровительницы Парижа, однако, завершение строительства храма по проекту архитектора Ж.Суффло пришлось на 1791 г., время Французской революции. Решением Учредительного собрания 1791 г. храм был превращен в усыпальницу. В 1793 г. реликвии, связанные со Св. Женевьевой, были сожжены и пепел развеян над Сеной. В настоящее время в Пантеоне покоится прах многих великих людей Франции.

1921

1. Русские отделения были открыты в Париже по инициативе Е.П.Ковалевского при лицеях «Henri IV», «Jancon de Soilly» «Фенелон», «Жуль Ферри», Евграф Петрович был членом подкомиссии по управлению русскими отделениями Министерства просвещения Франции.

2. «Dom des Invalides» — купольное сооружение, построенное Людовиком XIV как усыпальница. Построено по проекту архитектора Ардуэна Мансара. При реконструкции в 1989 г. вновь покрыт сусальным золотом. Hôtel des Invalides — комплекс сооружений, построенных для инвалидов и ветеранов войн. В настоящее время здесь еще содержатся несколько инвалидов войн нашего времени. Музей Армии занимает большую часть помещений.

3. 8 апреля 1921 г. был издан Указ N 424 Святейшего патриарха Тихона о передаче приходов из ведения митрополита Петроградского в ведение архиепископа Волынского Евлогия, а 30 января 1922 г. — Указ N 64 о возведения архиепископа Евлогия в сан митрополита.

4. Митинги с требованиями свободы деятельности левых социалистических партий, отмены продразверстки прошли в Кронштадте 15/28 февраля, 16 февраля/1 марта, 17 февраля/2 марта был создан Временный революционный комитет, 18 февраля/3 марта — штаб обороны. На Кронштадт были направлены войска, 5/18 марта Кронштадт пал, 8 000 человек из числа его защитников по льду ушли в Финляндию, 2100 были приговорены к высшей мере наказания, около 6 500 были осуждены на различные сроки заключения.

5. Sacré-Coeur (Сакре-Кер) — церковь, сооруженная в 1873 г. как церковь искупления грехов за подавление Парижской Коммуны.

6. Венчание Великого кн. Андрея Владимировича и М.Ф.Кшесинской состоялось 17 (30) января 1921 г. в церкви в Каннах, венчал духовние А.В. о. Григорий Остроумов. «Свидетелями были: муж моей сестры, барон Александр Логинович Цедделер, граф Сергей Пдатонович Зубов, полковник Владимир Петрович Словицкий. Кроме свидетелей и сына в церкви никого не было» *(См.: М.Кшесинская. Воспоминания.Смоленск, 1998.С.330).*

7. В конце марта 1920 г. французское правительство объявило генералу Врангелю о прекращении финансирования армии, находящейся в лагерях под Константинополем, после чего армия генерала Врангеля была рассредоточена по разным странам.

8. По названию журнала «Смена вех» (29 окт. 1921–25 марта 1922 гг., Париж. Ред.Ю.В. Ключников), который поставил себе задачу стать «этапом в примирении заграничной русской интеллигенции с Россией и русской революцией; ... быть мостом между русской интеллигенцией за границей и русской интеллигенцией в России...» *(Смена вех. 1921. № 1. С.2.)*

9. «Новое время» — ежедневная газета. Редактор-издатель М.А.Суворин. Выходила в Белграде с 1921 по 1930 гг.

10. Торгово-промышленный съезд состоялся в Париже по инициативе созданных в эмиграции Российского финансово-промышленно-торгового союза, Всероссийского союза промышленности и торговли и Комитета частных коммерческих банков.

11. В середине марта 1918 г. было опубликовано постановление Петроградского ЧК о явке в трехдневный срок всех членов Дома Романовых на ул.Гороховую, 2. В конце марта был издан декрет о высылке из Петрограда царских родственников с правом выбора места жительства в пределах трех губерний: Вологодской, Вятской и Пермской. Великий князь Сергей Михайлович, князь В.П.Палей, великая княгиня Елизавета Федоровна, великие князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи были сосланы в Вятку. Потом ссыльных переправили в Екатеринбург, а оттуда в Алапаевск. В ночь с 17 на 18 июля 1918 г. к зданию Неполной школы, где содержались узники, подъехала группа большевиков. В повозках отвезли их к заброшенной шахте и живыми сборосили туда. Многократно каратели возвращались на место преступления, чтобы добить свои жертвы. В конце сентября Алапаевск заняли белогвардейцы. Останки жертв были перевезены в Пекин и похоронены там в русском православном соборе. Останки великой княгини Елизаветы Федоровны и сопровождавшей ее монахини Варвары Яковлевны перевезли в Палестину и захоронили в православном храме в Иерусалиме.

12. Съезд русского национального объединения открылся 5.06. в Париже, 21.06.1921 закончил свою работу (проходил по адресу rue Danton, n 8). Основная идея — борьба с большевизмом, «не за монархию или республику, а за Россию» (Корниловский лозунг). Путем национального отбора создать надпартийный русский национальный центр на началах широкой политической коалиции, мобилизовать политическую мысль зарубежья, утверждая идею борьбы с большевиками. В выработке программы принимал участие В.Д.Набоков. Идея нового государства, исходящего из начал народовластия и организующего свободу личную, духовную, политическую и экономическую в рамках права и законности. (А.В.Карташов). Представительства РНС: 16 – Париж, Лондон, Берлин, Белград, София, Прага, Женева, Варшава, Гельсингфорс, Турция, Греция, Голландия, Прибалтийские страны, Бельгия, Америка и на Дальнем Востоке. Конференции РНС: 11–15 сент.1924; апрель 1926 в период заседаний Зарубежного съезда. *(См.: Борьба за Россию. 1 июля 1931. Приложение к № 230/231. Десятилетие Русского Национального Комитета).*

13. «Общероссийский» съезд монархистов в баварском городке Бад Рейхенгалль проходил с 29 мая по 7 июня 1921 г. В нем участвовало 106 делегатов. Почетным председателем был избран митрополит Киевский Антоний, председателем — А.Н.Крупенский. На съезде был избран Высший монархический совет во главе с Н.Е.Марковым.

14. «Выставка произведений русских художников» 16 июня — 10 июля 1921 г., в которой приняли участие члены «Мира искусства», оказавшиеся в эмиграции: Л.Бакст, Б.Григорьев, А.Яковлев, В.Шухаев, С.Судейкин, Г.Лукомский, С.Сорин, М.Ларионов, Н.Гончаров и др. Каталог выставки: Exposition des oevres des Artistes Russes. Juin, 1921. Galérie «La Boetie».Довольно критичные рецензии на выставку см.: *Лукомский Г. «Миръ искусства»//Жар-птица. Париж-Берлин. 1921. № 1; Левинсон А. Свое и чужое.Мир искусства. Два художника // Современные записки. 1921. № 6. Август. С.247–252.*

15. Русский Национальный комитет — центральный орган Русского Национального Союза — создан 21 июня 1921 г. Председателем комитета был избран А.В.Карташов, товарищами председателя кроме Е.П.Ковалевского стали В.Л.Бурцев, М.М.Федоров, П.Б.Струве, В.Д.Набоков.

16. В Вильфранш (Villefranche-sur-Mer), городке на юге Франции располагалась русская зоологическая станция, основанная в 1886 проф.А.А.Коротневым на собственные средства и пожертвования частных лиц для изучения глубинно-морской фауны. После 1917 г. станцию возглавил М.М.Давыдов. Для поиска финансирования на ее содержание был создан особый комитет, в который входил и Е.П.Ковалевский. Комитет получил кредит от Чешской Академии наук при условии предоставления возможности проведения исследований на станции чешским ученым. В 1932 г. один из сотрудников станции С.Трегубов передал ее против желания других сотрудников и комитета Парижскому университету. Для русских ученых станция была закрыта.

17. В апреле 1920 г. несколько приходов в Киеве объявили о создании новой Всеукраинской церковной рады. Украинская Рада объявила полную автономию Украинской церкви с признанием украинского языка в качестве

богослужебного, а также с допущением женатого епископата и второбрачия белого духовенства. В октябре 1921 г. эта рада созвала Всеукраинский церковный собор, на котором преобладали сторонники автокефалии украинской православной церкви.

18. Русское отделение при Ниццком лицее задумано и организовано Е.П.Ковалевским с декабря 1920 г. При русской церкви в помещении церковной библиотеки в течение 1920 г. велись занятия по Закону Божьему. «Александрино» — русская школа — была создана в Ницце 1 октября 1925 г.

19. Весной– летом 1921 г. засуха и голод охватили обширные территории Поволжья, Украины, Крыма, Приуралья, Северного Кавказа. Под председательством патриарха Тихона был создан Всероссийский общественный комитет помощи голодающим, который проводил сбор средств в помощь голодающим. Однако в августе 1921 г. комитет был распущен.

20. Речь идет о церковном съезде 18.11.1920 в Константинополе 18 ноября 1920 г., на котором было образовано Временное Высшее Русское Церковное Управление за границей под председательством митрополита Антония (Храповицкого).

21. Книга П.Н. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени» начала печататься в Берлине (1921–1922). В 1996 г. опубликована в Москве.

22. Речь идет о книге «Описание построения православного собора в г. Ницце председателя Высочайше учрежденной комиссии для построения собора в г. Ницце обер-егермейстера Двора Его Величества князя Сергея Михайловича Голицына». Москва, [1912]. (Благодарю проф.Рене Герра за сведения об этом издании).

23. К 100-летию со дня рождения Н.А.Некрасова и Ф.М.Достоевского А.Ф.Кони издал книгу «1821–1921. Некрасов, Достоевский. По личным воспоминаниям». Пгр., 1921.

24. Русская церковь в Каннах Св. Михаила Архангела (бульвар Александра III, 40) освященная в 1894 в присутствии вел.кн. Михаила Михайловича.

25. П.Жильяр издал две книги воспоминаний о царской семье: Трагическая судьба русской императорской фамилии. Ревель, 1921; Император Николай II и его семья. Вена, 1921.

26. Дом компании швейных машин «Зингер», построенный в 1907 г. (архитектор П.Ю.Сюзор), ныне «Дом книги», расположен почти напротив дома Ковалевских по Екатерининскому каналу (каналу Грибоедова), 14.

27. Е.П.Ковалевский отправлялся делегатом на Русский Заграничный Церковный Съезд в Сербию по распоряжению архиепископа Евлогия № 371 от 25 октября/7 ноября 1921 г.

28. L'institut d'études slaves (Институт славяноведения) был создан в Париже в 1920 г. на основе Association franco-slave, образрванной в 1912–1913 гг. французским историком Ернестом Дени (Ernest Denis) при поддержке профессора Эмиля Омана (Emile Haumant). С 1975 г. — Institut national d'etudes slaves, в 1986 г. — l'IMSECO Institut du monde sovietique et de l'Europe centrale et orientale.

29. Salon d'automne проходил с 1 ноября по 20 декабря. На выставке были представлены работы художников «Мира искусства» (Section Groupe des Artistes russes, membres et exposants de la Societé «Mir iskousstva»), а также предметы прикладного искусства Художественной русской мастерской Общества помощи русским, сражавшимся на французском фронте.

30. «Общее дело» — ежедневная газета, редактор-издатель В.Л.Бурцев. Издавалась сначала в Петрограде (1917), затем до 1934 г. в Париже «Новая русская книга» в № 3 от 1922 г. (С.46) сообщила о закрытии газеты из-за отсутствия средств, а в № 7 1922 г. (С.43) — о возобновлении издания.

31. Русский Зарубежный Церковный собор в Сремских Карловцах, проходивший с 21 ноября по 2 декабря призвал молиться о восстановлении в России монархии. «Обращение» Карловацкого Собора с призывом восстановления монархии было принято 2/3 голосов. 34 участника съезда остались при особом мнении и подали заявление с осуждением политического характера церковного собрания.

32. Книга М.Палеолога «La Russie des Tzars pendant la Grande Guerre» издана в Париже в 1921–1922 гг. с акварелями Г.Лукомского. К концу 1920-х годов книга выдержала около 30 повторных изданий во Франции и была переведена на многие языки мира. В России в 1923 г. был издан сокращенный перевод 1-ого тома с авторским названием, 2-й том имел не только не авторское название, но и измененные разбивку на главы и названия глав.

33. «Грядущая Россия» — литературно-политический и научный журнал под ред. Н.В.Чайковского, В.А.Анри, М.А.Ландау-Алданова и А.Н.Толстого. Был объявлен как ежемесячный, однако вышло только 2 номера, в январе и феврале 1920 г. В Берлине в 1921–1922 гг. под тем же названием под ред. Е.А.Ефимовского выходил журнал как «орган русской народной мысли». В 1934 г. Е.А.Ефимовский возобновил издание в Париже, но нам известен только № 1, с 1949 по 1956 гг., с 1957 по 1958 как бюллетень, «вестние русской национальной монархической мысли» на правах рукописи.

34. На с. 169 книги Винберга Ф.В. Крестный путь. Ч.1. Корни зла. (Мюнхен, 1921; 2-е изд. Мюнхен, 1922) читаем: «В 1917 году, летом, член Государственной думы Е.П.Ковалевский, бывший после революции комиссаром народного образования, рассказывал, как подготовлялся февральский переворот, непосредственным участником которого он был».

35. «Двуглавый Орел» — Вестник Высшего монархического совета. Издавался с 1920 по 1931 г. сначала в Берлине, затем в Париже. Председатель Высшего монархического совета — А.Н.Крупенский, редактор издательства и журнала — Н.Е.Марков.

1922 год

1. На Русском юридическом факультете Парижского университета П.Е.Ковалевский слушал курсы: проф.П.П.Гронского «История русского права», «История русских государственных учреждений»; проф.Б.Эльяшевича «Русское гражданское право»; проф.А.Н.Анцыферова «Экономическая политика», «Экономический строй России», «Методология статисти-

ки»; проф. бар.Б.Э.Нольде «Государственное право», «Русское публичное право»; проф. М.Бернацкого «Денежное обращение»; проф. В.В.Кузьмина-Караваева «Русское уголовное право».

2. В архиве Ковалевских хранятся два письма Вячеслава Иосифовича Вондрака: от 20 ноября 1921 г. и от 14 января 1922 г. Поскольку второе письмо дает яркую характеристику Е.П.Ковалевского, процитирую его: «...мы не виделись с 1916 г., но я никогда не забуду Вашей отзывчивости, Вашего редкого, поистине славянского радушия и внимания к чешскому вопросу, к нуждам чешских военнопленных, интересы коих я имел честь защищать перед членами Государственной думы. Благодаря Вашей и Василия Витальевича Шульгина инициативе было созвано особое совещание в Клубе общественных деятелей (Симеоновская, 1)... Были Вы, Шульгин, Хомяков, Маклаков, Милюков, позднее пришел и брат Столыпина...Сколько жить буду, буду помнить Вашу поддержку...Благородный порыв Ваш и Ваших товарищей по Государственной думе дал блестящий результат: Чехия, опираясь на чешское войско, созданное в России, добилась самостоятельности и находится на пути к расцвету. Лично для меня революция не дала ничего, ... я не пошел на поклон к людям, которые все то, что было создано в России попросту присвоили себе и теперь пытаются морочить весь мир утверждением, что дореволюционная Россия была враждебна Чехии... Верьте, сегодняшние чешские Керенские и Черновы — это халифы на час, чешский народ еще не имел возможности разобраться в тумане, напущенном ловкими аферистами, правды им зарыть не удастся и придет день, когда чехи скажут своим истинным друзьям русским спасибо».

3. В Парижском университете было организовано русское отделение историко-филологического факультета.

4. Еженедельные религиозно-нравственные беседы проводились Комитетом по устройству религиозных собеседований под председательством о. Н. Сахарова.

5. 30 января 1919 г. в Петрограде в Петропавловской крепости были казнены великие князья Павел Александрович, Николай Михаилович, Георгий Михаилович и князь Дмитрий Константинович

6. Во дворце Квиринал, бывшего до 1870 г. Папской летней резиденцией, находится резиденция президента Италии.

7. Председателем монархического общества в Ницце был граф Граббе. Е.П.Ковалевский был членом общества (членский билет № 83).

8. Русские посольства и консульства работали до признания Францией Советского правительства в 1924 г.

9. А.Д.Щербачев. За Русь Святую. Роман из жизни Северо-западной Армии. Берлин, б.г.

10. В апреле 1920 г. советское правительство создало буферное демократическое государство — Дальневосточную республику (ДВР), в которую входили Забайкальская, Амурская, Сахалинская, Приморская и Камчатская области. В ДВР была создана Народно-революционная армия (НРА), которой противостояли не только части Белой армии, но и армия Японии. 25 октября войска НРА под командованием И.П.Уборевича вошли во Влади-

восток. Было объявлено об установлении на территории Дальнего Востока советской власти и о вхождении ДВР в состав РСФСР.

11. Николаем Федоровичем Дубровиным (1837-1904), русским военным историком, академиком Петербургской Академии наук, генералом в 1882 г. был издан сборник «Отечественная война в письмах современников».

12. Taine Hippolite. La Fontaine et ses fables. (Многочисленные переиздания).

13. 28 марта 1922 г. офицеры С.В.Таборицкий и П.Н.Шабельский-Брок пытались убить П.Н.Милюкова, которого заслонил и был застрелен сам лидер правых кадетов В.Д.Набоков. Убийцы были осуждены на 12 лет тюрьмы, но в 1927 г. помилованы и освобождены решением прусского министерства юстиции.

14. «Русская мысль» — ежемесячное литературное издание под ред. П.Б.Струве. Продолжение за рубежом русского издания, основанного в Москве в 1880 г. С.А.Юрьевым. С 1907 по 1911 гг. журнал выходил под ред. П.Б.Струве и А.А.Кизеветтера, с 1911 г. — одного Струве. За рубежом первый номер журнала (январь—февраль 1921 г.) вышел в Софии в Российско-Болгарском Книгоиздательстве, в 1922 г. издание перенесено в Прагу (изд-во «J.Otto», в конце 1922 до 1924 г. место издания — Берлин. В 1927 г. один номер журнала вышел в Париже.

15. В эти дни патриарх Тихон не был арестован. Опасения по поводу его ареста возникли, видимо, в связи с воззванием патриарха 28 февраля/13 марта по поводу постановления ВЦИК о принудительном изъятии церковных ценностей.

16. После признания Германией Советского правительства ему были переданы здание русского посольства и посольская церковь.

17. Русско-французский книжный магазин Л.З.Родштейна находился по адресу: 17, rue Cujas. Магазин имел универсальный профиль по продаже книг российских и зарубежных издательств, до- и послереволюционного периода. В 1922 г. открылся специализированный магазин по продаже нот, а также книг на французском и немецком языках.

18. Школа Веры Васильевны Неклюдовой — «четверговая» церковноприходская школа сестричества при Александро-Невском храме в Париже вела обучение Закону Божьему, русскому языку, истории и географии России. Занятия проходили в здании русской гимназии.

19. 5 мая 1922 г. Русский Национальный комитет принял и опубликовал «Открытое письмо к Папе» (Imprimerie Union), подписанное председателем А.В.Карташевым, тов.председателя Ю.Н.Даниловым, Е.П.Ковалевским, М.М.Федоровым, Ю.Ф.Семеновым, секретарем П.Н.Финисовым.

20. Квартира, где располагалась коллекция, собранная А.Ф.Онегиным, находилась в одной из комнат его квартиры на rue de Marignan, 25.По договору, который был подписан с владельцем в 1908 г., уникальные материалы Пушкинского музея А.Ф.Отто-Онегина передавались в собственность Российской Академии наук. В 1922 г. было достигнуто новое соглашение, по которому Академия наук выплатила Онегину расходы по музею в размере

100 тыс. франков. После смерти Онегина в 1925 г. Академие наук по завещанию получила право собственности не только на музей, но и на все состояние А.Ф.Онегина. В Россию коллекция была привезена в конце 1927 г.

21. Платонов С.Ф. Борис Годунов (Исторический очерк). Петербург: изд-во «Огни», 1921.

22. Имеется в виду допрос патриарха Тихона в Московском революционном трибунале на процессе «по делу 54-х» 22 апреля/5 мая. «Дело 54-х» — о пятидесяти четырех священнослужителях и мирян, оказавших сопротивление при изъятии церковных ценностей из московских храмов — слушалось в аудитории Политехнического музея в Москве с 13/26 апреля по 24 апреля/7 мая 1922 г.

23. Роберт Вильямс. «Последние дни Романовых».

24. Haumant Emile. Le Probleme de l'unite russe... Avec 4 cartes. Paris, 1922.

25. Патриарх Тихон был арестован и заключен под стражу в Донском монастыре 6/19 мая.

26. Армия генерала Врангеля на территории Болгарии по численности превышала армию Болгарии. Выступления против врангелевской армии в Болгарии начались с сентября 1921 г. по инициативе Болгарской коммунистической партии. События мая 1922 г. связаны с обыском в канцелярии полковника Самохвалова, начальника контрразведки генерала Врангеля. Полиция обнаружила архив, по поводу которого правительственная газета «Победа» сообщила, что раскрыта сеть военного шпионажа. После этого были произведены аресты, более 100 офицеров, в их числе и генерал Кутепов, были высланы из Болгарии.

27. Вероятно, имеется в виду опубликованное в мае месяце воззвание еп.Антонина, священников С.Калиновского, И.Борисова, В.Быкова, А.Введенского, В.Красницкого, Е.Белкова и др. об «установлении нормальных отношений» между Церковью и советской властью, начало обновленческого раскола.

28. «Руль» — ежедневная газета, выходила в Берлине при участии И.В.Гессена, А.И.Каминки, В.Д.Набокова с 16 ноября 1920 по 14 октября 1931 г.

29. 23 февраля ВЦИК своим декретом объявил об изъятии церковных ценностей.

30. Andre Mason. Un maitre du roman russe, Iv.Gontscharov, 1812–1891. Paris, 1914.

31. Митрополит Вениамин был арестован 16/29 мая по делу об изъятии церковных ценностей. Судебный процесс над петербургским духовенством (было привлечено к суду 86 человек) начался 28 мая/10 июня в зале Дворянского собрания. 10 человек приговорили к расстрелу (ВЦИК шестерых помиловал), около 60 человек — к разным срокам тюремного заключения. Митрополит Вениамин, архимандрит Сергий (Шеин), профессора И.М.Ковшаров и Ю.П.Новицкий были расстреляны.

32. Вскрытие святых мощей началось в 1918 году. Первое постановление о вскрытии мощей было принято коллегией Наркомата юстиции в феврале

1919 г. Мощи преподобного Сергия Радонежского были вскрыты 11 апреля 1919 г. (В апреле 1920 Постановлением Совнаркома Троице-Сергиевой лавры была закрыта, а ее имущество национализировано). В июле 1920 года СНК принял постановление «О ликвидации мощей во Всероссийском масштабе» (*подробнее см. Кампания Советской власти по вскрытию святых мощей в 1918–1920 гг. // Кашеваров А.В. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений Советской власти и русской православной церкви 1917–1945гг. СПб., 1995. С.69–89*).

33. 26 июля/8 августа 1922 г. Великий князь Кирилл Владимирович издал Акт о принятии им Блюстительства Императорского Престола.

34. На Дальневосточном земском соборе, который состоялся в августе 1922 года, был поставлен вопрос о восстановлении на Дальнем Востоке монархии, был избран правитель Приморского земского края генерал М.К.Дитерихс.

35. Ф.Э.Дзержинский умер в 1926 г.

36. Работа о. П.Флоренского «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах» была сначала защищена как магистерская диссертация в 1914 г. и в том же году опубликована в виде книги.

37. 19 октября коалиционное правительство Ллойд-Джорджа подало в отставку, 24 октября было сформировано консервативное правительство, объявившее выборы нового парламента Англии.

38. Спектакли Московского художественного театра шли в Theatre des Champs-Elysées (avenue Montaigne, 13) с 7 по 24 декабря 1922 г. Было дано 8 спектаклей, среди которых «Царь Федор», «На дне», «Вишневый сад». В Париж на гастроли приехали О.Книппер, К.С.Станиславский, И.Москвин, В.И.Качалов и другие известные актеры.

39. В 1922 году очень осложнилось положение русских в Турции: по решению турецкого правительства русские беженцы должны были покинуть страну. Верховный комиссар по делам беженцев Фр.Нансен, прибывший в октябре в Константинополь, предложил русским вернуться в Советскую Россию.

40. Тегельский храм — русская церковь, построенная о.Алексеем Мальцевым, настоятелем церкви при русском посольстве в Берлине в предместье немецкой столице Тегеле, где было им же устроено русское кладбище и «Русский дом» («Keiser Alexander Heim») в память императора Александра III. См. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни..: С.349.

41. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II / Пер. с англ.В.Д.Набокова. Берлин, 1922.

42. В связи с тем, что Германия не могла выплатить установленную на Лондонской конференции 1921 г. сумму репараций (132 млрд.золотых марок) Англия предложила уменьшить ее до 50 млрд. марок и предоставить Германии отсрочку платежей на 4 года. Франция выступила против этого предложения и договорившись с Бельгией решила оккупировать Рур, что и было сделано 11 января 1923 г. франко-бельгийской армией.

Указатель имен*

* И.В.Ковалевская и Е.П.Ковалевские упоминаются на каждой странице «Дневников», поэтому в указателе рядом с их именами нет перечисления страниц.

Содержание

Пётр Евграфович Ковалевский.
Дневники. 1918–1922

Том I

Оригинал-макет
Т.Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90 в 1/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Гарнитура Kudriashov
Печ.л. 35,9+вклейка
Заказ № 1103

«Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии ООО "Береста", С.-Петербург,
ул. Коли Томчака, 28. Тел.: 298-9000

“ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ”
начинает многотомную публикацию
“ДНЕВНИКОВ” П.Е.КОВАЛЕВСКОГО,
одного из виднейших деятелей и первого
историографа русской эмиграции.

В издание войдут все известные
дневниковые записи П.Е.Ковалевского
с 1918 по 1959 год, а также общий
справочный том.

“ДНЕВНИКИ” подготовлены и
публикуются впервые. По широчайшему
охвату событий и фактографическому
стилю изложения они представляют собой
уникальный документ - памятник эпохи,
который отныне становится доступным и
профессиональным историкам, и
всем, кто интересуется современной
историей России.